

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

[Начать просмотр](#)

Могилев
Могилевский институт МВД
2019

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

**Учреждение образования
«Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»**

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Научное электронное текстовое издание

1 электронный оптический диск (CD-R)

Могилев
Могилевский институт МВД
2019

ISBN 978-985-7155-23-1

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2019

[Перейти к сведениям об издании 1](#) [2](#) [3](#)

[Перейти к статьям](#)

ББК 67.0
УДК 340.1
П68

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Научное электронное текстовое издание

*Рекомендовано к изданию научно-методическим советом
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»*

Правовая культура в современном обществе [Электронный ресурс] :
П68 сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь,
учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних
дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. –
Могилев : Могилев. институт МВД, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). –
Загл. с экрана.

ISBN 978-985-7155-23-1.

В сборник вошли научные статьи, представленные на II Международную научно-практическую конференцию «Правовая культура в современном обществе» (24 мая 2019 года). Конференция организована кафедрой правовых дисциплин Могилевского института МВД.

Тематика статей затрагивает актуальные вопросы развития теоретического юридического знания и современной методологии, различные аспекты реализации правовых норм в правоохранительной сфере, проблемы правового воспитания и правового образования, исторические аспекты правовой культуры белорусского общества.

Сборник адресован ученым, преподавателям, докторантам, аспирантам, сотрудникам государственных органов, а также всем, кто интересуется проблематикой правовой культуры.

В сборнике сохранена авторская редакция и подходы к решению заявленных проблем.

Издание не требует установки на жесткий диск компьютера. При необходимости пользователи могут осуществлять с электронной книгой различные операции. Панель с доступными командами находится в нижней части экрана просмотра книги. Предусмотрен полноэкранный режим просмотра, печать страниц и возможность загрузки файла в формате PDF непосредственно на жесткий диск. На диске расположены 3 файла издания в различных форматах — HTML, SWF, EXE.

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2019

[Перейти к сведениям об издании 2 3](#)

[Перейти к титульному экрану](#)

[Перейти к статьям](#)

Научное электронное текстовое издание

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Редакционная коллегия:

И. А. Демидова (ответственный редактор), заведующий кафедрой
правовых дисциплин Могилевского института МВД,
кандидат юридических наук, доцент;

Ю. П. Шкаплеров, первый заместитель начальника
Могилевского института МВД, кандидат юридических наук, доцент;

В. В. Борисенко, проректор по научной работе
Могилевского института МВД, кандидат исторических наук, доцент;

Л. Ф. Лазутина, профессор кафедры правовых дисциплин
Могилевского института МВД, кандидат юридических наук, доцент;

Н. В. Пушко, доцент кафедры правовых дисциплин
Могилевского института МВД, кандидат экономических наук, доцент;

А. Э. Борщевская, старший преподаватель кафедры правовых
дисциплин Могилевского института МВД,
кандидат юридических наук (Украина)

Рецензенты:

профессор кафедры политологии и социологии
Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова
доктор социологических наук, доцент *Н. Е. Лихачев*;

заведующий кафедрой теории и истории факультета № 1
Одесского государственного университета внутренних дел
доктор юридических наук, доцент *А. Н. Бабенко*;

доцент кафедры уголовного права и криминологии факультета № 1
Одесского государственного университета внутренних дел
кандидат юридических наук, доцент *Л. Н. Кулик*

[Перейти к титульному экрану](#)

[Перейти к сведениям об издании](#) [1](#) [3](#)

[Перейти к статьям](#)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Сведения о программном обеспечении:

программы просмотра веб-страниц (браузеры) Opera, Internet Explorer 8.0 и выше, Mozilla Firefox; Adobe Flash Player ; CD-Rom ; мышь

Минимальные системные требования:

Windows: Процессор: 2.33 GHz , Intel® Atom 1.6GHz.

ОС: Microsoft Windows XP SP3 (32-bit), Windows Vista (32-bit), Windows 7, Windows 8 and Windows 10.

Оперативная память: 512 Мб (1GB рекомендуется для нетбуков). Память для видеокарты: 128 Мб.

Mac OS: Процессор: Intel Core Duo 1.83GHz. ОС: Mac OS X v10.6 и более поздние версии.

Браузер: последние версии Safari, Mozilla Firefox, Google Chrome, Opera.

Оперативная память: 512 Мб. Память для видеокарты: 128 Мб.

Linux: Процессор: 2.33GHz, Intel Atom 1.6GHz. ОС: Red Hat Enterprise Linux (RHEL) 5.6 и старше, openSUSE 11.3 и старше или Ubuntu 10.04 и старше. Браузер: последние версии Firefox.

Оперативная память: 512 Мб. Память для видеокарты: 128 Мб.

Редактор технический *Н. А. Наумович*
Корректоры *Т. Ю. Лухтанова, Н. А. Родионова*

Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Ул. Крупской, 67, 212011, Могилев, тел. +375 222 72 41 58.
www.institutemvd.by

Дата подписания к использованию: 21.05.2019.
Тираж 54 экз. Объем 44,0 Мб. 1 электрон. опт. диск (CD-R). Заказ № 5.

[Перейти к титульному экрану](#)

[Перейти к сведениям об издании 1 2](#)

[Перейти к статьям](#)

[Перейти к титульному экрану](#)

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

УДК 342.72

CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHTS OF MINORS IN THE SYSTEM OF LEGAL GUARANTEES UNDER THE LAWS OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

G. B. Abikenova

Master of laws, Senior Lecturer, Doctoral Student,
Academician E.A. Buketov Karaganda State University (Kazakhstan)
e-mail: gulzhana_1980@mail.ru

Annotation. The concept of guarantees, types of realization guarantees of minor's rights and freedoms are considered in the article. Also, due attention is paid to regulations — safeguards to protect the rights and freedoms of the child.

Keywords: constitutional guarantees, types of constitutional guarantees of the rights of minors, protection of the rights and freedoms of minors, constitutional guarantees in the system of legal guarantees.

Аннотация. В статье рассматриваются понятие гарантий, виды гарантий реализации прав и свобод несовершеннолетних. Также должное внимание уделено нормативным актам — гарантам защиты прав и свобод ребенка.

Ключевые слова: конституционные гарантии, виды конституционных гарантий прав несовершеннолетних, охрана прав и свобод несовершеннолетних, конституционные гарантии в системе юридических гарантий.

Article 27 of the Republic of Kazakhstan Constitution establishes the legal status of man and citizen of the Republic of Kazakhstan recognizes and guarantees the inalienability of fundamental rights and freedoms obliges the state to support marriage and family, motherhood, fatherhood and childhood [1]. At the same time, in modern Kazakhstan the contradiction between the constitutional essence of system of minor's rights protection and its actual functioning retained. As a consequence, there is a need for society to establish an effective mechanism of legal regulation of constitutional rights and legitimate interests of minors.

Social problems in the sphere of childhood reverberate particular public interest. That is why in recent years, Kazakhstan has increased the attention of scientists, politicians, public figures, journalists to the problems of the legal status of minors. The declarativity of juvenile legislation, a low degree of effectiveness of minor's legal protection marked. Respect of human rights begins with respect of the child's rights. At the international level, this is an indisputable fact long recognized and enshrined in a number of normative legal acts. Lack of due attention from the government to the problem of children is possible to qualify as a non-observance of certain provisions of international legal acts by the Republic of Kazakhstan.

An indispensable part of personality legal status is the legal guarantees — the category of directly describing potentially possible ways of protection and defense of human rights in the state.

The constitutional guarantees are a set of conditions and legal means to ensure the realization and protection of the rights and freedoms of man and citizen.

Guarantees as part of the legal status of minors are all legal means ensuring the implementation, the conservation and protection of the rights and freedoms of the child.

Primarily these include constitutional provision guaranteeing of the rights, which receives a detailed justification in the current branches of Kazakh law. The Republic of Kazakhstan law on August 8, 2002 № 345-II «On the Rights of the Child» in the Republic of Kazakhstan establishes basic guarantees of the rights and legitimate interests of the child enshrined by the Constitution of the Republic of Kazakhstan, in order to create the legal, social and economic conditions for the realization of the child's rights and legitimate interests [2].

The general and special guarantees in the legal literature are traditionally allocated.

General guarantees are economic, social, political, ideological, and other types of conditions, which stand out in relation to the rights and freedoms of minors as a favorable sphere for their implementation. That is the essence of general guarantees is to have a kind of sphere that creates a real opportunity to carry out the rights and freedoms of the individual.

In contrast to the general, specific guarantees allow guaranteeing the implementation and protection of minor's rights and freedoms. N. V. Vitruk proposed to allocate two groups of special guarantees: guarantees of implementation and guarantees of guardianship (protection) [3; p. 112]. The realization guarantees include:

- Specification of the rights and freedoms limits;
- The legal facts, which binds their implementation;
- Procedural forms of human rights and freedoms carrying out;

– Incentives and facilities for stimulation of their legitimate initiative realization.

The researcher concerns to second group of special guarantees the following:

– Supervision and control of the legality of law subject's behavior in order to identify violations;

– Legal protection;

– Checkout procedure and the prevention of offenses;

– Suppression of offenses;

– Procedural forms of protection of rights and responsibilities;

– Legal responsibility [3].

In order to implement the constitutional guarantees of minors, public authorities of the Republic of Kazakhstan and their officials, are invested with the following authorities:

– Establishment of the bases of state policy in the interests of children;

– Selection of priority areas to ensure the legitimate rights and interests of the child, the protection of health or morals;

– Formation and implementation of state purposeful programs of child rights protection and child support;

– Establishment of the procedure of judicial protection of the rights and legitimate interests of the child;

– Judicial protection of rights and legitimate interests of minors;

– Fulfillment of the international obligations of the Republic of Kazakhstan and the representation of the interests of the Republic of Kazakhstan in the international organizations for the protection of children's rights.

Chapter 2 of the Republic of Kazakhstan Constitution «Man and Citizen» essentially refers fully and to the children, because, as stated in Article 12 of the Constitution, human rights and freedoms shall belong to everyone from birth, are recognized as absolute and inalienable, and define the content and application of laws and other normative legal acts [1]. This is indicated by the norms of the Law «On the Rights of the Child in the Republic of Kazakhstan», according to which a child from birth has and is guaranteed by the state human rights and freedoms and civil rights in accordance with the Republic of Kazakhstan Constitution, generally accepted principles and norms of international law, international treaties of the Republic of Kazakhstan and other normative legal acts of the Republic of Kazakhstan [2].

Therefore, minor citizens of our country should be treated as full members of society who have the whole complex of the constitutional rights and freedoms of man and citizen, the only difference is that some of the belonging rights and freedoms they have because of their age can implement with the help of their parents, and in the absence parents — with the help of other legal representatives and guardianship au-

thorities. Thus, according to Art. 67 Code of the Republic of Kazakhstan «On Marriage (Matrimony) and Family» from 11.07.2017, the parents are the legal representatives of their children and to protect their rights and interests in relations with any natural and legal persons, including courts without special authority [4].

However, in case of violation of rights and legitimate interests of the child, including the non-fulfillment or improper fulfillment of their parents or other legal representatives of responsibilities for maintenance, upbringing and education of the child or of abuse of parental (guardianship of trustees) rights, the child has a right to apply for protection their rights to a body exercising functions of guardianship or trusteeship, and upon reaching the age of fourteen years — in court.

Article 38 of the Republic of Kazakhstan Constitution reflected the basic principles of family relations and state, according to which «motherhood and childhood and the family are under the state protection.» These principles are reflected and embodied in the laws relating to the protection of the rights of parents and children. For example, the rules of the Code of the Republic of Kazakhstan «On Marriage (Matrimony) and Family» from 11.07.2017, proclaimed «family, motherhood, fatherhood and childhood in the Republic of Kazakhstan are under the State protection» [4].

The rights of minors enshrined in Chap. 2 «The Individual and Citizen» of the Republic of Kazakhstan Constitution, are reflected and embodied in the laws on the rights of minors. We mention some of the most significant of them.

Law of the Republic of Kazakhstan dated August 8, 2002 № 345-II «On the Rights of the Child in the Republic of Kazakhstan» [2]:

- Measures to protect the rights of the child in the carrying out of its activities in the sphere of education and upbringing.
- Ensuring the rights of children to health care, for rest and health improvement.

Questions minors' rights to health care are also regulated by the Code of the Republic of Kazakhstan «On people's health and health care system» from September 18, 2009 [5]:

- Protection of the rights and legitimate interests of the child in the formation of social infrastructure for children;
- Protection of the child from information, propaganda and agitation injurious to his health, moral and spiritual development;
- Protection of the rights of children in difficult real-life situation.

Other laws that protect the rights of minors and their parents should be attributed:

- Code of the Republic of Kazakhstan «On Marriage (Matrimony) and Family», which defines the rights and duties of parents and children; maintenance obligations of parents towards their children; forms of education of children left without parental care, including issues of adoption (adrogation) of children trusteeship and

guardianship over them, foster family, patronatus and others; education, providing state-guaranteed minimum financial support of motherhood, fatherhood and childhood;

– The Labor Code of the Republic of Kazakhstan dated November 23, 2015, which established: peculiar properties of labor regulation of workers under the age of 18 years; guarantees and compensations to employees, including minors, combining work and study;

– The law «On prevention of offences among minors and prevention of child neglect and homelessness», according to the norms which the main objectives of the activities to prevent child neglect and juvenile delinquency are:

a) Prevention of neglect, homelessness, delinquency antisocial acts of minors, identifying and eliminating the causes and conditions conducive to this;

b) Supporting the minors rights and legitimate interests protection;

c) Social-pedagogical rehabilitation of minors, which are in social insecurity;

d) Identification and suppression of cases involving juvenile into crimes commission and antisocial acts.

Some rights of minors are also set in other laws, which include: the Civil Code of the Republic of Kazakhstan, the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, the Correctional Code of the Republic of Kazakhstan, the Code of the Republic of Kazakhstan on Administrative Offenses and other laws governing the provision and protection of minor's questions.

Decrees of the President of the Republic of Kazakhstan and the Republic of Kazakhstan governmental regulations play an important role in the legislation governing the rights of minors.

Summing up the legal regulation of minors rights and freedoms question, the following conclusions are possible:

First, the principle of priority of childhood, declared at all levels of government, none of them are not fully realized;

Secondly, there are three levels of legislation governing matters of constitutional and legal status of minors: international, national, regional;

Thirdly, the current legislation of the Republic of Kazakhstan generally corresponds to the generally recognized principles and norms of international law, however, for the effectiveness of its implementation is required to eradicate the gaps.

Supporting and protection of the rights and legitimate interests of the child in the first place guaranteed by the Republic of Kazakhstan Constitution, is today one of the most relevant state-legal problems.

Like any other civilized state, Kazakhstan is inherent traditional prepossession with the birth and upbringing of new generations of its citizen's problem, healthy

morally and physically. Meanwhile, as a result of the study, we can say that in real decision in our country there are many obstacles.

Considering the group of personal rights of the child, we can conclude that among the social evils of Kazakhstan's society most concern should cause social orphanhood, homelessness, vagabondism, abusive treatment with children, which requires from the state and society particularly close attention and inalienable measures relating to the social rehabilitation of children who find themselves in difficult life circumstances.

System of authorities entrusted with the functions of promoting the child's rights protection, as well as control over the various aspects of child rights respect in the Republic of Kazakhstan, in the main, has long been established. However, the reality shows insufficiency of such an action and control, since in practice complex approach to the child rights protection is not ensured. The following suggestions in our opinion will contribute to solve these problems:

1. The legislative fixation of the legal status of the child in the Republic of Kazakhstan Constitution.

2. The creation of a single legal act regulating the rights of the child.

3. Strengthening of responsibility of persons which responsible for ensuring the child's rights or issues relating to their protection, that is the elimination of the formalist approach of officials and organizations as a whole in solving of maternal and child protection issues;

1. Legal supporting of honor and dignity of the child;

2. Formation of an effective system of targeted social support for children ensuring priority for children in difficult living conditions;

3. Increasing proportion of resources allocated to the support of children;

4. Development of the legal education system of children and parents, increasing of their legal consciousness.

When these proposals will be implemented in practice, we believe, will increase the effectiveness of legislation governing the legal status of children, and improve mechanism for the protection and realization of their rights.

1. The Constitution of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource] : 30.08.1995 : with alterations and additions from 10.03.2017. URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution/ (access date: 25.02.2019). [Вернуться к статье](#)

2. On the Rights of the Child in the Republic of Kazakhstan [Electronic resource] : Law of the Republic of Kazakhstan, August 8, 2002, № 345-II (with alterations and additions of 09.04.2016). URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000345> (access date: 25.02.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Vitruk N. V. General theory of the legal status of personality. Moscow : Norma, 2008. 448 p. [Вернуться к статье](#)

4. On Marriage (Matrimony) and Family Code of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource] : December 26, 2011, № 518-IV (with alterations and additions of 01.08.2017). URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1100000518/info/> (access date: 25.02.2019). [Вернуться к статье](#)
5. Labor Code of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource] : November, 23, 2015. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=31577399/ (access date: 25.02.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ И ВОЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

О. И. Адамюк

доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
e-mail: o_adamiouk@tut.by

Аннотация. В статье анализируется соотношение научных категорий «военная юстиция» и «военное законодательство» в рамках развития теоретических взглядов на сущностное содержание данных понятий. Актуальность исследования определяется недостаточной разработанностью указанных категорий в отечественной юриспруденции и различиями в определении их места и роли в механизме обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: военная юстиция, военное законодательство, военное право, военная организация, военная безопасность.

Annotation. The article analyzes the ratio of scientific categories «military justice» and «military legislation» in the development of theoretical views on the essential content of these concepts. The relevance of the study is determined by the lack of development of these categories in domestic law and differences in definition of their place and role in the mechanism of national security.

Keywords: military justice, military legislation, military law, military organization, military security.

В настоящее время в Республике Беларусь проводятся отдельные исследования в области теоретико-правовых, историко-правовых и институциональных основ военной юстиции и военного законодательства. Появились публикации таких авторов, как О. И. Адамюк, А. Ф. Вишневский, И. В. Вишневская, В. Д. Давыдов, Ф. С. Дворак, И. А. Зубов, В. В. Калугин, А. В. Конюк, И. Д. Лапеко, П. Н. Лизунов, В. В. Лосев, А. И. Лукашов, В. И. Суховой, Е. М. Царенко, В. С. Чертович, В. А. Шаршун, Я. А. Юхо и др.

Мы полагаем, что предпосылками для активизации таких исследований должны стать:

во-первых, дальнейшее строительство и развитие военной организации Республики Беларусь с целью перевода Вооруженных Сил на новый качественный уровень, соответствующий инновациям в военном деле [1, с. 5];

во-вторых, развитие научных исследований в области военного права в Российской Федерации и других государствах на постсоветском пространстве [2, с. 109].

Система правового регулирования деятельности военной организации Республики Беларусь, определение меры ответственности перед государством за совершение противоправных деяний в военной сфере, противодействие воинской преступности, защита личности и интересов военнослужащих правовыми средствами — это, по нашему мнению, самостоятельная область общественных отношений, представляющая собой целостную систему со своими теоретико-правовыми, историко-правовыми и институциональными особенностями формирования и развития. Поэтому указанная область общественных отношений вызывает сегодня наш научный интерес с позиций теоретико-правового исследования.

Дискуссионным остается вопрос об институциональном определении сущности военного законодательства. Российская военно-юридическая общественность рассматривает военное законодательство как комплексную отрасль права, в которую наряду с нормами, регулирующими вопросы военной деятельности государства и военно-служебные отношения, входят нормы, относящиеся к другим отраслям права — административному, хозяйственному, жилищному, земельному и др. При этом отмечается, что принадлежность системы военного законодательства к отрасли права определяется следующими признаками: единство, внутренняя согласованность и органическая взаимосвязь [2, с. 110]. Предметом военного права признаются общественные отношения, складывающиеся во всех структурах военной организации государства, обеспечивающих его военную безопасность и обороноспособность, регулируемых нормами различных отраслей права [3, с. 5].

Следует отметить, что существование в системе права комплексных отраслей правовой наукой, в том числе и белорусской, до настоящего времени однозначно не признано. В качестве аргументов обычно предъявляются как различия в общественных отношениях, регулируемых различными отраслями права, так и отсутствие кодифицированного акта (кодекса), регулирующего ту или иную совокупность общественных отношений. В частности, такие белорусские исследователи, как В. Ю. Калугин, В. А. Шаршун и др., считают необходимой систематизацию (кодификацию) военного законодательства Беларуси, а не норм военного права [4, с. 45].

Предложения о необходимости кодификации военного законодательства Республики Беларусь свидетельствуют о том, что белорусскими учеными-юристами косвенно признается необходимость интеграции отдельных отраслей права как совокупности правовых норм, регулирующих военную деятельность государства. Кодификация военного законодательства Республики Беларусь, по нашему мнению, должна в перспективе привести к официальному признанию

белорусской юридической наукой военного права в качестве самостоятельной отрасли права.

Однако приходится констатировать, что сегодня регулирование воинских отношений силами и средствами одной отрасли права в традиционном ее понимании невозможно, так как указанная система общественных отношений сильно дифференцирована. Объективно требуется использование возможностей нескольких отраслей права, которые наиболее адекватно соответствуют целенаправленному и эффективному правовому регулированию общественных отношений в военной сфере. Поэтому можно отчасти согласиться с мнением А. В. Кудашкина, который считает, что «науку военного права следует рассматривать как систему знаний о правовом содержании процессов и явлений, складывающихся в различных сферах военной деятельности государства, а также иной деятельности, тесно с ней связанной предметом правового регулирования» [2, с.110].

Очевидно, что военная деятельность государства, понимаемая нами как деятельность военной организации государства по обеспечению его военной безопасности и обороноспособности, является предметом регулирования различных отраслей права, но в то же время характеризуется единством предмета правового регулирования — общественные отношения в военной сфере. Учитывая сложную структуру военной организации государства, закрепленную в действующем законодательстве Республики Беларусь, предметом военного права нами признаются общественные отношения, складывающиеся во всех структурных элементах военной организации государства, обеспечивающих его военную безопасность и обороноспособность.

На основании вышеизложенного мы соглашаемся с мнением российского профессора А. А. Толкаченко и полагаем, что военное право — это объективная реальность: фактическая и юридическая (как отрасль права и как наука). Объективность военного права подтверждается следующими обстоятельствами:

- военное право обладает современными аксиологическими, гносеологическими и онтологическими характеристиками;
- военное право обладает своим предметом и реальной способностью обеспечения в равной мере безопасности личности, общества и государства;
- военное право удовлетворяет потребности в регламентации отношений человека в системе военной службы, в регулировании всех основных форм его витальной и социальной жизнедеятельности с учетом особенностей и ограничений их проявления в условиях военной службы;
- роль военного права как регулятора военной сферы государственной деятельности постоянно возрастает, так как дальнейшее цивилизованное разви-

тие военной организации государства в целях обеспечения его военной безопасности и обороноспособности возможно только в рамках права [2, с. 112].

В связи с этим возникает дискуссия относительно широты толкования категории «военная юстиция». Традиционно в современных толковых словарях русского языка под термином «юстиция» понимается «сфера деятельности судебных учреждений» [5, с. 915], а в юридическом словаре категория «юстиция» (лат. justice — «справедливость, законность», jus — «право»; англ. justice) включает в себя систему судебных учреждений, судебное ведомство. В зависимости от вида и сферы судопроизводства различают уголовную, гражданскую, административную, конституционную, международную, электоральную, ювенальную, военную и другие виды юстиции [6, с. 849].

На наш взгляд, категорию «военная юстиция» в широком смысле можно определить как совместную деятельность органов государственного аппарата Республики Беларусь по реализации военного законодательства, которые организуют, реализуют и контролируют правоотношения в военной сфере, обеспечивают правопорядок и противодействие воинской преступности в Вооруженных Силах и других воинских формированиях, защиту личности и интересов военнослужащих правовыми средствами в целях обеспечения военной безопасности и обороноспособности нашего государства.

В узком смысле, следуя традиционному подходу, мы предлагаем определять категорию «военная юстиция» как деятельность общих судов Республики Беларусь, реализующих судебную власть в воинских формированиях, в целях обеспечения военной безопасности и обороноспособности нашего государства, а также защиты личности и интересов военнослужащих правовыми средствами.

Подводя итоги теоретико-правового исследования научных категорий «военное законодательство» и «военная юстиция», мы делаем следующие выводы:

1. Военное право в Республике Беларусь является объективной реальностью и представляется нам как комплексная отрасль права, регулирующая общественные отношения в военной сфере.

2. Нормы военного права, реализованные в форме военного законодательства, определяют компетенцию государственного аппарата в сфере обеспечения военной безопасности.

3. Военная юстиция Республики Беларусь представляет собой систему государственных органов, деятельность которых направлена на реализацию средствами судебной власти военного законодательства, а также на защиту прав, свобод и законных интересов военнослужащих в целях обеспечения военной безопасности и господства в военной организации государства силы права, а не права силы.

1. Мальцев Л. С. Вооруженные Силы Республики Беларусь как фактор обеспечения мира, стабильности и безопасности // Армия.2007. № 1. С. 2–6. [Вернуться к статье](#)
2. Современное состояние военного права и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации : Материалы научно-практической конференции, проведенной 21 апреля 2004 г. в Военном университете // Государство и право. 2005. № 1. С. 109–121. [Вернуться к статье](#)
3. Военно-уголовное законодательство / под ред. М. К. Кислицина. М. : НОРМА, 2002. 432 с. [Вернуться к статье](#)
4. Шаршун В. А. Систематизация военного законодательства Беларуси: история и перспективы // Наука и военная безопасность. 2003. № 2. С. 44–49. [Вернуться к статье](#)
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. [Вернуться к статье](#)
6. Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / под ред. проф. А. Я. Сухарева. М. : ИНФРА – М, 2006. VI, 858 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.8:341.23

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ КЛАССИФИКАЦИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИИ

Е. Ю. Белова

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук,

Псковский филиал Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний (Россия)

e-mail: ekaterina-birukova@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые виды классификаций международных правовых стандартов. Приводится их значение при исполнении наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: международно-правовые стандарты, классификация международных стандартов, уголовно-исполнительная система России, ФСИН России, лишение свободы.

Annotation. The article discusses some types of classification of international legal standards. Their significance in the execution of the penalty of deprivation of liberty is given.

Keywords: international legal standards, the classification of international standards, the penal system of Russia, the FSIN of Russia, imprisonment.

Актуальность международных правовых документов, касающихся исполнения уголовных наказаний, продолжает возрастать, поскольку в них содержится признанный и четко сформулированный положительный опыт деятельности различных государств по вопросам обращения с заключенными, а также гуманистические тенденции отношения к лицам, отбывающим уголовные наказания, основные правовые положения и юридические гарантии их статуса.

Более двадцати лет прошло с момента вступления Российской Федерации в Совет Европы. Став членом этой организации, наша страна взяла на себя определенные обязательства, в частности в уголовно-исполнительной сфере [1, с. 22]. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры России являются составной частью правовой системы нашей страны. Об этом нам говорит и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее — УИК РФ). В частности, в ч. 4 ст. 3 указывается, что рекомендации международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в России при наличии необходимых экономических и социальных возможностей.

При рассмотрении определенных вопросов, связанных с реализацией международных документов в национальном законодательстве, включая уголовно-исполнительное, считается необходимым предложить их классификацию. Бесспорно, любая классификация всегда условна, но при этом она позволяет не создавать путаницы и более подробно рассмотреть тот или иной аспект.

На наш взгляд, самыми точными являются классификации, предложенные профессорами В. А. Уткиным [2] и П. Г. Пономаревым [3].

Например, профессор В. А. Уткин предлагает классифицировать международные правовые акты по таким видам:

а) по степени общности: универсальные (относятся к правам человека в целом, затрагивая лишь отдельные аспекты правового положения осужденного) и специальные (предназначены для системы уголовной юстиции в целом);

б) по степени обязательности различают положения, обязательные для выполнения в национальных системах исполнения наказаний, и положения рекомендательного характера;

в) по источникам происхождения различают международные правительственные и неправительственные организации;

г) по территориальным масштабам выделяют общемировые и региональные международные стандарты;

д) международные акты, принятые в отношении отдельных категорий правонарушителей либо применительно к определенным профессиональным группам, включая персонал пенитенциарных учреждений.

Профессор П. Г. Пономарев выделяет три вспомогательные классификации. Первая классификация — это разделение документов, содержащих действующие универсальные международные правовые акты обращения с заключенными в зависимости от их целевого назначения, на две группы: 1) документы общего характера (Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Декларация о правах умственно отсталых лиц 1971 г., Декларация о правах инвалидов 1975 г.); 2) документы специального характера, имеющие своей целью изложение стандартов обращения с заключенными (Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными 2015 г. (Правила Нельсона Манделы), Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1975 г., Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка 1979 г. и др.).

Практическое значение первой классификации заключается в том, что она ориентирует на изучение не только специальных международных договоров в

области предупреждения преступности и обращения с правонарушителями, но и иных международных соглашений, затрагивающих права человека.

Вторая классификация — состоит в разделении международных правовых стандартов обращения с заключенными в соответствии с их содержанием: 1) стандарты-принципы и общие положения; 2) стандарты-рекомендации, носящие конкретный характер.

Практическая значимость второй классификации нацеливает либо на обязательное исполнение для каждой страны, ратифицировавшей соответствующие международные стандарты, либо лишь в той мере, в какой имеются экономические, политические и иные необходимые предпосылки для их внедрения.

Третья классификация касается нереализованных или реализованных не в полной мере стандартов. По мнению П. Г. Пономарева, они в зависимости от наличия возможностей для внедрения делятся как минимум (т. е. предполагается и больше) на три квалификационные группы: 1) стандарты, для внедрения которых есть все необходимые условия и возможности, но которые не реализованы исключительно из-за недостаточной активности соответствующих государственных органов; 2) стандарты, для внедрения которых пока нет возможностей, но они могут быть созданы в ближайшие пять лет; 3) стандарты, для внедрения которых нет реальных возможностей, и они не могут быть созданы в ближайшие пять лет.

Практическая составляющая этой классификации состоит в том, что внедрение стандартов — это не одномоментный акт, а длительный процесс, постепенно переводящий национальную систему исполнения лишения свободы в качественно новое состояние. Данная классификация ориентирует на разработку социально обоснованной программы поэтапного внедрения международных стандартов и исключает поверхностный, чрезмерно оптимистический или пессимистический подходы к их реализации.

Приведем пример. Как известно, в 2010 году была принята Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее — Концепция), утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 года № 1772-р [4]. Разработчики указанной концепции предлагали в срок до 2016 года на территории Российской Федерации построить 246 тюрем общего режима (в том числе 58 тюрем для женщин), 161 тюрьму усиленного режима и 21 тюрьму особого режима — всего 428 тюрем, отвечающих по условиям содержания осужденных международным Европейским стандартам. Попытки реализации Концепции принесли больше неудач, чем успехов [5, с. 189]. Поэтому распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2015 г. № 1877-р [6] в Концепцию было внесено ряд принципиальных изменений и дополнений. Одним из таковых яви-

лось исключение из Концепции раздела, предусматривающего поэтапный переход на тюремное содержание осужденных за 6 лет.

С учетом изложенного хотелось отметить значимость классификаций международных правовых стандартов, которые позволяют не только их систематизировать, но и предусмотреть поэтапный процесс реализации в национальном законодательстве, в том числе и при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы.

1. Данилин Е. М., Давыдова Н. В. Применение Европейских пенитенциарных правил в воспитательных колониях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 1. С. 22–25. [Вернуться к статье](#)

2. Уткин В. А. Международные стандарты обращения с осужденными и проблемы их реализации : учеб. пособие. Томск : Изд-во НТЛ, 1998. 88 с. [Вернуться к статье](#)

3. Пономарев П. Г. Международно-правовые стандарты обращения с заключенными и национальные варианты их реализации : учеб. пособие. Рязань : РВШ МВД РФ, 1994. 59 с. [Вернуться к статье](#)

4. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544. [Вернуться к статье](#)

5. Селиверстов В. И. Уголовная и уголовно-исполнительная политика в сфере исполнения лишения свободы : новации 2015 года // Lex Russica. 2016. № 9 (118). С. 188–204. [Вернуться к статье](#)

6. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 40. Ст. 5581. [Вернуться к статье](#)

УДК 341

О ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

А. И. Бородич

доцент кафедры конституционного и международного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД (Беларусь)

Аннотация. Рассматриваются методологические аспекты для исследования правовой культуры международного сотрудничества в противодействии преступности. Особое внимание уделяется профессиональной культуре противодействия преступности.

Ключевые слова: международное сотрудничество, правовая культура, правоохранительные органы, преступность, противодействие преступности, профессиональная правовая культура.

Annotation. Methodological aspects for the study of the legal culture of international cooperation in combating crime are considered. Special attention is paid to the professional culture of combating crime.

Keywords: international cooperation, legal culture, law enforcement, crime, anti-crime, professional legal culture.

Общеизвестно, что правовая культура представляет собой совокупность правовых знаний в виде норм, убеждений и установок, создаваемых в процессе жизнедеятельности, проявляется в профессиональной деятельности, общении и поведении субъектов сотрудничества (взаимодействия), формируется под воздействием системы культурного и правового воспитания и обучения.

Нельзя не согласиться с В. Н. Гуляхиным, отметившим, что в зависимости от носителя правовой культуры различают три ее вида: правовая культура общества; правовая культура личности; правовая культура группы [1, с. 137].

Если говорить о правовой культуре общества, то это часть общей культуры, представляющая собой систему ценностей, накопленных человечеством в разные исторические времена в области права и относящихся к правовой реальности данного общества, уровню его правосознания, законности и правопорядка, состоянию законодательства, юридической практики и др.

Правовая культура личности — это обусловленные правовой культурой общества степень и характер прогрессивно-правового развития личности, обеспечивающие ее правомерную деятельность, предполагающие наличие правовых знаний общих и профессиональных, правовой информации, превращение их в правовые убеждения, привычки правомерного поведения. Правовая культура личности — это основа правомерных поступков в соответствии с законом, то есть использование своих права, исполнение обязанностей, соблюдение запре-

тов, а также умение отстаивать свои права в случае их нарушения. Другими словами, правовая культура личности — это ее позитивное правовое сознание в действии, в том числе и в противодействии преступности.

Правовая культура группы характеризуется уровнем правосознания данной социальной группы, а также уровнем реального осуществления ею требований действующего права [2].

Общая и профессиональная правовая культура личности способствует выработке культурного стиля правомерного поведения, который формируется как от степени усвоения и проявления ценностей правовой культуры общества, индивидуальности каждой личности, так и в зависимости от специфики профессиональной деятельности.

Профессиональная правовая культура — это одна из форм правовой культуры общества, свойственная определенной категории людей, которые профессионально занимаются юридической, правоохранительной деятельностью, осуществляют сотрудничество с правоохранительными органами иностранных государств в противодействии преступности, требующая соответствующего образования и практики. Профессиональной правовой культуре в противодействии преступности присуща более высокая степень знания и понимания правовых последствий профессиональной деятельности. Вместе с тем каждая профессия имеет свою специфику, что обуславливает и особенности правовой культуры различных ее представителей, например, сотрудников органов внутренних дел, сотрудников Следственного комитета, работников прокуратуры и др. Причем уровень профессиональной культуры различен, например, у офицеров криминальной милиции, милиции общественной безопасности. И это в общем закономерно, так как уровень профессиональной культуры сотрудников, осуществляющих противодействие уголовным преступлениям международного характера, транснациональным преступлениям, требующее международного сотрудничества с субъектами правоохранительной деятельности иностранных государств, как правило, тем выше, чем чаще они реализуют требования ст. 7 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» о том, что «взаимодействие органов внутренних дел с иностранными организациями осуществляется в соответствии с законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь» [3].

Сотрудничество — наиболее высокий уровень совместной деятельности государств — основных субъектов международного права, в том числе и в сфере противодействия преступности. Государство имеет особую систему органов и учреждений, осуществляющих функции законодательной, исполнительной и судебной государственной власти, в том числе и в целях противодей-

ствия преступлениям, закрепленным в международных договорах, — международным преступлениям, уголовным преступлениям международного характера, транснациональным преступлениям.

Международное сотрудничество Республики Беларусь в противодействии преступности — регулируемая нормами международного и национального права совместная деятельность субъектов международного права (государств, международных правительственных организаций) и внутригосударственных правоотношений (в первую очередь, правоохранительных органов) по реализации правовой защиты сбалансированных законных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы и мирового сообщества от международных и имеющих международный характер преступлений, транснациональных преступлений.

Исходя из этого, культура противодействия преступности — понятие многоаспектное, которое В. Е. Квашис рассматривает с разных позиций: как продукт социально-правового мышления и как его составной элемент, как элемент мировоззрения и, следовательно, как феномен общественного сознания. Как элемент и как продукт социально-правового мышления культура противодействия преступности — главным образом интеллектуальная деятельность, направленная на решение задач в этой сфере на основе учета закономерностей социального развития с ориентацией на использование тех средств правового воздействия, которые вызваны актуальными потребностями общественного развития. Поскольку речь идет о целенаправленной интеллектуальной деятельности, культуру противодействия преступности В. Е. Квашис предлагает рассматривать как активную часть правосознания, как его инструмент, необходимый для оценки и перевода в соответствующие решения и практические действия [4].

Следует признать, что профессиональная правовая культура международного сотрудничества в противодействии преступности требует как высокого профессионализма, так и знания международных договоров, регулирующих сотрудничество государств, их правоохранительных органов в противодействии уголовным преступлениям международного характера, транснациональным преступлениям.

По нашему мнению, в рамках международного сотрудничества по противодействию преступности в профессиональной правовой культуре главное место должно занимать право, его верховенство и соответствующее этому верховенству положение дел в правовом поле сотрудничества:

подготовка высококвалифицированных специалистов, где основой правового образования должен выступать компетентностный подход, основанный на формировании у обучающихся постоянного стремления к самосовершенствованию

ванию и, как следствие, подготовка конкурентоспособного специалиста — сотрудника правоохранительного органа;

определение стратегии и тактики противодействия преступности предполагает анализ динамично изменяющейся обстановки, вопросов в реализации международных договоров; с точки зрения правовой культуры такой анализ включает: фиксацию проблемной ситуации, требующей участия правоохранительных органов иностранных государств; формулирование задач и оценку приоритетов в области международного сотрудничества; выбор направления и формы сотрудничества, оценку возможных последствий, в том числе и негативных; оценку перспектив реального оказания правовой помощи по уголовным делам.

Таким образом, правовая культура международного сотрудничества в противодействии преступности занимает важное место в деятельности правоохранительных органов, она многогранна и разнообразна по направленности, организационным формам и уровню эффективности.

Выделяя три вида правовой культуры, следует помнить, что в реальной жизни, практической (профессиональной) деятельности они тесно взаимосвязаны: правовая культура как социальное явление едина; правовая культура общества не существует вне правовой культуры его членов (личности, группы); правовая культура является условием, формой и результатом культурно-правовой деятельности граждан и их профессиональных групп, в том числе и в области международного сотрудничества по противодействию преступности.

Изложенные некоторые теоретические положения и предпосылки по рассматриваемому вопросу носят не полный характер. В силу определенной новизны проблемы правовой культуры международного сотрудничества в противодействии преступности, это лишь отдельные положения, часть которых, вероятно, может быть реализована в научных исследованиях. К тому же очевидно, что проблема правовой культуры международного сотрудничества в противодействии преступности намного шире и многогранней, а на практике и сложнее, чем изложено в данной статье.

1. Гуляихин В. Н. Правовая культура как объект научного исследования: методологические подходы, структура и критерии оценки // Юридические исследования. 2013. № 4. С. 135–158. [Вернуться к статье](#)

2. Понятие правовой культуры и ее виды. URL: polkaknig@narod.ru (дата обращения: 24.04.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : с изм. и доп. от 09.01.2019 г. № 169-З // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Квашиш В. Е. К проблеме культуры противодействия преступности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-kultury-protivodeystviya-prestupnosti> (дата обращения: 24.04.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 340.132

ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ

И. Л. Вершок

доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет
e-mail: viarshok_irina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена определению правовой неопределенности. Рассматриваются вопросы преодоления правовой неопределенности и ее связь с юридическими коллизиями и пробелами в праве. Изменения в правовом сознании и правовой культуре изучаются как фактор неопределенности в праве.

Ключевые слова: правовая неопределенность, правовое сознание, правовая культура, коллизии в праве, пробелы в праве.

Annotation. The article is devoted to the definition of legal uncertainty. The issues of overcoming legal uncertainty and its connection with legal conflicts and gaps in the law are considered. Changes in legal consciousness and legal culture are studied as the factor of the legal uncertainty.

Keywords: legal uncertainty, legal consciousness, legal culture, conflicts in law, gaps in law.

В настоящее время в юридической научной литературе появляются работы, касающиеся проблем правовой неопределенности, причем некоторые исследования относятся к теоретико-правовым с присущей им методологией, а ряд изысканий имеют прикладной характер и направлены на совершенствование практики правотворчества и правоприменения.

С общетеоретических позиций феномен правовой неопределенности рассматривается в контексте разных типов правопонимания, которые сами по себе в значительной степени снимают неопределенность при уяснении сущности права либо, наоборот, ее увеличивают. Однако в настоящее время «общество все более остро ощущает глубину потрясений и ошибок, нарастание неопределенности и “устойчивости фактора случайности”. Вектор отклонений от правовых взглядов, теорий, принципов и норм расширяется» [1, с. 14]. В связи с этим происходящее в настоящее время распространение различных направлений интегративного типа правопонимания, нацеленных на углубление познания природы и сущности права, вместо полного снятия правовой неопределенности зачастую допускает появление ее различных уровней.

Неопределенность в праве проявляется также в происходящей в процессе правового сознания объективации и сигнификации оценочных понятий и правовых принципов. В случае если такая неопределенность не превышает формально закрепленных границ, правовое регулирование приобретает более динамичный и гибкий характер. Для этого устанавливаются не столько юридические, сколько традиционные, моральные, религиозные механизмы регулирования правового поведения субъектов реализации правовых норм.

Феномен правовой неопределенности рассматривается не только в позитивном смысле. Чаще всего, особенно на практике, термин «правовая неопределенность» звучит с негативным вектором оценки, подразумевающим дефекты в сфере правотворчества или правоприменения, когда происходит техническое нарушение признака формальной определенности правовой нормы. При этом проявления неопределенности могут иметь различные формы. Так, может присутствовать неопределенность в языковой форме, проявляющаяся в качестве деформаций в построении правовых норм. Правовая неопределенность также выражается в логической форме при несоблюдении требований формальной логики в процессе текстового выражения правовой нормы, например, непоследовательность в терминологии. В случае если текст нормативного правового акта неправильно структурирован, констатируется наличие графической формы правовой неопределенности [2].

Однако практически во всех упомянутых выше случаях природа правовой неопределенности может быть эффективно изучена как специфическое проявление правосознания. При этом наличие правовой неопределенности не следует связывать с констатацией низкого или недостаточного уровня правового сознания субъектов правотворчества или правоприменения либо их низкой правовой культурой. Необходим более глубокий объективный анализ проявлений правовой неопределенности как причины и результата выражения правового сознания и качественных параметров соответствующей правовой культуры.

Характерно, что в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 17 июля 2018 года [3] закреплено легальное определение правовой неопределенности как отсутствия ясности, точности и логической согласованности норм права, в том числе вызванное наличием пробелов в законодательстве (правовом регулировании) и коллизий нормативных правовых актов, что порождает возможность неоднозначного понимания норм права и их неединообразного применения. Уже сам факт появления дефиниции правовой неопределенности на уровне закона свидетельствует о необходимости более глубоких теоретико-прикладных исследований ряда явлений, связанных с выявлением и устранением правовой неопределенности в белорусской правовой системе.

Как уже указывалось, легальное определение правовой неопределенности сводится к «отсутствию ясности, точности и логической согласованности норм права», что влечет «возможность неоднозначного понимания норм права», имеющую негативные юридические последствия в виде «неединообразного применения» таких норм. Таким образом, появление правовой неопределенности фактически связывается с процессом правового сознания, проявляющегося в виде правильного восприятия, но дальнейшего неоднозначного, двойного понимания правовых норм, называемого «отсутствием ясности». Причем не указывается, в отношении кого такая неоднозначность подразумевается — для правоприменителя со свойственным ему процессом профессионального правосознания либо для любого субъекта реализации правовых норм. Результатом правовой неопределенности в Законе «О нормативных правовых актах» фактически признается такое проявление правовой культуры, которое выражается в неединообразном применении правовых норм. Следует обратить внимание, что здесь уже делается отсылка только к правоприменительной практике, предполагающей лишь профессиональное правосознание субъекта правоприменения.

Закрепленная на легальном уровне дефиниция правовой неопределенности не дает четких оснований для выявления и изучения причин данного явления. Однако «общие объективации повседневной жизни поддерживаются главным образом с помощью лингвистических обозначений» [4, с. 65], поэтому представляется существенным найти реальные причины правовой определенности и сигнифицировать их. Ведь в настоящее время законодатель связывает возникновение правовой неопределенности не только с появлением пробелов в законодательстве (правовом регулировании) и коллизий нормативных правовых актов, но видит ее причины и в других факторах. Это выражается в логически открытой, незавершенной языковой конструкции, содержащей перечисление причин неопределенности в виде коллизий и пробелов, производимое только после слов «в том числе». При этом преимущественно доминирует узкое, используемое в основном в негативном смысле понимание термина «правовая неопределенность», в большей степени относящееся к правоприменительной практике и соответствующим ей процессам правосознания.

Однако как социально-правовое явление правовая неопределенность имеет более широкое значение и как все социальные явления может характеризоваться в позитивном и негативном контексте. Уже сам факт наличия легального закрепления и доктринальных исследований правовой неопределенности свидетельствует о тенденциях в изменении процесса правового сознания и, соответственно, о новых проявлениях правовой культуры.

В общем словарно-справочном значении неоднозначность подразумевает ситуацию, в которой правовой норме дается более одного толкования. Таким

образом, в Законе «О нормативных правовых актах» результат правовой неопределенности сводится к разному (в количестве более одного) фактическому содержанию правовой нормы, объективированному в результате ее толкования, а именно — в процессе восприятия, осмысления (уяснения) и выражения (разъяснения) смысла правовой нормы. При этом не проводится грань различия между пространственно-временными рамками такого разъяснения, установленными в отношении правотворчества либо правоприменения. Однако необходимо учитывать, что такое разграничение предполагает совершенно разные механизмы и виды правосознания. Так, при наличии коллизий и пробелов предполагается появление правовой неопределенности уже в результате столкновения правоприменителя со случаем конфликта отдельных правовых норм либо вообще отсутствия необходимого правила поведения. Процесс правосознания будет иметь преимущественно функцию отражения коллизионной или пробельной правовой действительности и соответствующих правил по преодолению произошедшего.

В ином случае неопределенность может быть выражена в таком отсутствии ясности, которое потенциально — в ближайшей или отдаленной перспективе — вызовет неоднозначность проектируемой правовой нормы при возможном регулирующем воздействии других социальных норм на это же общественное отношение. Здесь неопределенность ориентирует на предвидение и прогнозирование последствий и оптимальности возможного, но еще не состоявшегося по определенной причине правового регулирования. Снятие правовой неопределенности предполагается не столько на основе отражательной функции правового сознания субъектов правоприменения, сколько на прогностической функции правового сознания участников правотворчества.

На основании изложенного можно сделать ряд выводов. Во-первых, происходящие в настоящее время изменения в юридической теории и практике привели к тому, что феномен неопределенности не является единичным и редким случаем. Причиной его проявления признается уже не столько факт пробельности или коллизионности отдельной нормы права. Причем если раньше пробелы и коллизии представлялись единичными и не связанными друг с другом явлениями, то сейчас легально закреплена их связь с наиболее общей категорией «правовая неопределенность», имеющей родо-видовое качество. Для уяснения динамики правовой неопределенности предлагается следующая причинно-следственная цепочка, выявляемая формально-логическим методом из ранее приведенной легальной дефиниции: наличие пробелов в законодательстве (правовом регулировании) или коллизии нормативных правовых актов → отсутствие точности и логической согласованности норм права → отсутствие ясности правовой нормы в процессе правосознания на стадиях восприятия и

осмысления → возможное неоднозначное понимание норм права в процессе правосознания на стадии выражения → возможное неединообразное применение правовой нормы.

Во-вторых, с расширением границ правового регулирования и с необходимостью постоянной ревизии метода правового регулирования в связи с происходящими изменениями в его предмете, правовая неопределенность проявляется в настоящее время и как объективно необходимый инструмент, способствующий наиболее эффективному поиску оптимальных границ и методов правового регулирования. В связи с этим факт появления легального термина правовой неопределенности может отразиться на развитии практики использования правовой неопределенности в качестве инструмента правового регулирования (именуемого иногда как «простительный пробел») еще нестабильных, окончательно не устоявшихся общественных отношений.

Действительно, природа юридических правил состоит в их абстрактном характере, основанном на обобщениях, что является главным условием юридического регулирования. Кроме этого, неопределенность элементов нормы составляет условие свободы выбора наиболее целесообразных и приемлемых с точки зрения правоприменения вариантов решения. Правовая неопределенность в данном случае позволит учитывать особенности и динамику развития общественных отношений [2, с. 45–46].

В таком случае правовая неопределенность может проявляться в качестве одного из возможных средств правового регулирования, используемого субъектами нормотворческой деятельности или процесса с целью придания такому регулированию свойств динамизма и эффективности путем предоставления определенной законом свободы усмотрения правоприменителя. Указанное средство правового регулирования допускается в случае наличия диспозитивного метода правового регулирования общественных отношений, регулирование которых потенциально обладает определенной степенью правовой неопределенности.

В-третьих, особый практический интерес представляет вопрос о пространственно-территориальных границах правовой неопределенности и, соответственно, времени, границах и способах ее снятия. Причем, как указывалось ранее, на законодательном уровне урегулирована только проблема устранения и преодоления коллизий и пробелов.

В связи с этим требует дополнительной доктринальной разработки, имеющей также и высокое практическое значение, вопрос о пространственно-территориальных границах допустимой правовой неопределенности, а также о путях и способах снятия недопустимой правовой неопределенности. Процедуры снятия такой неопределенности потребуют реализации процесса правосоз-

знания на профессиональном уровне. Необходимы различные технико-правовые мероприятия, связанные в большей степени с повышением правовой культуры субъектов нормотворческого и правоприменительного процесса, а также процесса толкования правовых норм.

1. Тихомиров Ю. А. Право: прогнозы и риски : монография. М. : Инфра-М, 2018. 240 с. [Вернуться к статье](#)
2. Власенко Н. А. Проблемы правовой неопределенности. М. : ИНФРА-М, 2016. 176 с. [Вернуться к статье](#)
3. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=N11800130&p1=1> (дата обращения: 03.03.2019). [Вернуться к статье](#)
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340

СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С МОРАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНЫМИ СОЦИАЛЬНЫМИ РЕГУЛЯТОРАМИ

А. И. Глинда

аспирант кафедры теории и истории государства и права,

Белорусский государственный университет

e-mail: slyann@mail.ru

***Аннотация.** Правовой и морально-религиозный типы социального регулирования постоянно и неразрывно присутствуют в системе общественных отношений. Несмотря на единую направленность на достижение справедливости в социальном мире, данные типы социального регулирования не только пользуются различным инструментарием, но и саму справедливость понимают по-разному. В работе представлен анализ системного взаимодействия института юридической ответственности, как охранительного образования правоцентристского типа социального регулирования, с морально-религиозными регуляторами.*

***Ключевые слова:** институт юридической ответственности, системные связи, мораль, этика, религия, институт юридической ответственности*

***Annotation.** Legal and moral-religious types of social regulation are constantly and inseparably present in the system of social relations. Despite the common focus on achieving justice in the social world, these types of social regulation are not only use different tools, but also mean the justice itself in different ways. The proceedings presents an analysis of the systemic interaction of the institution of legal responsibility, as a protective formation of the center-right type of social regulation, with moral and religious regulators.*

***Keywords:** institute of legal responsibility, system connections, morality, ethics, religion, institute of legal responsibility*

В современных условиях государственно организованного общества в системе социального регулирования преобладает правоцентристский тип, а институт юридической ответственности обеспечивает логичную нормативную охрану регулируемых правом ценностей.

Вне правовых характеристик оказываются сравнительно небольшие сферы общественных отношений, регуляторами которых в чистом виде выступают нормы морали, религии, неправовые обычаи и традиции [1, с. 11].

Моралью (или нравственностью) называют принятую в обществе систему норм, идеалов, принципов и ее выражение в реальной жизни людей.

С позиций этики одной из функций морали является контроль над выполнением норм на основе общественного осуждения и / или совести самого человека [2].

Мораль тесно граничит с религией, которая выводит мораль из божественного откровения.

И религия, и мораль предполагают наличие неких обязательных правил поведения и даже мышления, контроль за соблюдением которых в большей степени является проявлением психологического самоконтроля и внутреннего раскаяния.

История человечества свидетельствует, что в течение сотен тысячелетий, а возможно миллионов лет религия, мораль, право не были разделены и не осознавались как особые явления. Действовали слитные, синкретические моно-нормы, объединявшие в своем содержании правила самого разного характера [3, с. 70].

«Изнутри-побудительный» характер императивности морали получил отражение в специальных понятиях долга и совести. В отличие от ряда инструментов социальной дисциплины, которые обеспечивают противостояние человека как члена сообщества природным стихиям, мораль призвана обеспечить самостоятельность человека как духовного существа (личности) по отношению к его собственным влечениям, спонтанным реакциям и внешнему групповому и общественному давлению. Посредством морали произвольность трансформируется в свободу [4]. И право, и мораль есть мера свободы. Чтобы реализовать правовую свободу, необходимо иметь моральную свободу. Моральный беспредел неизбежно ведет к правовому произволу [5].

В научной литературе нередко высказывается мнение об исторической «традиционности» моральной ответственности [6]. Однако, на наш взгляд, верным является мнение о том, что несправедливо утверждать о естественности морально-этического способа регулирования человеческой природы. Факт тождества между людьми в первобытном обществе дает, по мнению профессора Н. В. Сильченко, основание сделать вывод о том, что в первобытном обществе, по меньшей мере на самых ранних этапах его развития, не могло существовать морали и нравственных правил поведения в их современном понимании. Дело здесь в том, что мораль и нравственные правила поведения складываются в условиях, когда человек в состоянии выделить себя из некоторого целого, осмыслить свою «самость», себя как индивида, как личность, которая имеет свои интересы, не совпадающие с интересами других людей и интересами коллектива. Только при сопоставлении интересов в сознании и душе человека возникают оценки интересов, устанавливается их иерархия, отдается предпочтение тем или иным из них, а поведение человека в зависимости от преимуще-

ства тех или иных интересов оценивается как справедливое или несправедливое, хорошее или вредное [7, с. 4].

Таким образом, очевидно, что этические и религиозные регуляторы общественных отношений исходят из внутреннего неинституционального воздействия на сознание представителей социума. В то же время право как атрибут государственно-организованного общества, основанный на принципах эквивалента, в целях обеспечения соблюдения четко зафиксированных правил поведения использует жестко институциональный инструмент юридической ответственности.

Следует согласиться с профессором Н. В. Сильченко, что правовыми можно считать законы, в которых закрепляются эквиваленты, сформировавшиеся эволюционно в ходе саморазвития правовых по своей природе общественных отношений, а также эквиваленты, которые создаются государством в ходе регулирования правовых по своей природе общественных отношений и имеют формальную определённость, закрепляют формальное равенство сторон, имеют иные признаки правового эквивалента. Законы, регулирующие неправовые (например, нравственные по своей природе) отношения, являются неправовыми. Неправовыми являются также законы, в которых эквивалентная природа правовых по своему характеру общественных отношений существенно искажается и умышленно нарушается [8, с. 227].

Если право обеспечено общественным принуждением и институтом юридической ответственности, то религиозный характер социального регулирования предполагает освещение требований к индивиду и социуму некоторой сверхсилой.

Институт юридической ответственности как правовое образование призван восстанавливать нарушенную эквивалентность общественных отношений. «Для правового отношения характерно, что, основываясь на формальном равенстве сторон, процесс его функционирования неизбежно приводит к формированию фактического неравенства, к утверждению закономерности, правильности и справедливости неравенства, освящению фактического неравенства правом. Для нравственных же отношений это не свойственно» [9, с. 69].

Принято считать, что в праве получают закрепление многие ценности морали. Так, М. И. Абдулаев подчеркивает, что право не может и в принципе не должно противоречить требованиям морали. Создать условия для реализации моральных ценностей — это одно из нравственных требований, предъявляемых к юридическим законам [5].

Вместе с тем процессы формирования фактического неравенства и утверждения равенства в нравственном смысле происходят одновременно, пересекаются и стимулируют друг друга, но движение нравственности в социаль-

ном пространстве имеет прямо противоположное праву направление и назначение. Верно, что право и мораль действуют в едином поле социальных связей, но «полюсы» у правового и морального полей прямо противоположны. Отсюда вывод: для деятельности законодателя нравственная сфера жизни общества должна быть напрочь закрыта [9, с. 71].

Таким образом, право морально лишь настолько, насколько понятие морали пересекается с принципами эквивалента. А они практически не пересекаются.

Если по моральным устоям регулятором «правоверного» поведения в большей мере является совесть, опасение общественного мнения, социальное неодобрение, то для института юридической ответственности характерны принудительные и карательные методы воздействия. В этой связи взаимоотношения морально-этических регуляторов с институтом юридической ответственности строятся на системных связях дистанцированного взаимодополнения.

Можно согласиться с мнением о том, что мораль, религия и право служат единым целям [10; 11], однако утверждение, что нормы юридической ответственности пронизаны моральными нормами, вызывает сомнения, поскольку являясь, возможно, основой для норм права, моральные устои существенно адаптированы к государственному устройству и его целям.

Между данными регуляторами общественных отношений складывается взаимодействие, которое характеризуется как функциональная связь координации. Как право с другими системами социального регулирования действует в одной реальности, но параллельно, по другим направлениям, так и институт юридической ответственности как способ охраны правовых отношений связан «нитеями» координации по принципу «невмешательства» в отношения нравственного характера, воздаяние и предупреждение в сфере которых достигается собственными приемами и способами. Отмеченная специфика системных связей не отменяет тезиса о том, что «все правовое подлежит моральным оценкам и, прежде всего, классификации в категориях добра и зла. Такое оценочное отношение — одна из форм связи правовых и моральных систем» [1, с. 14].

Следует иметь в виду, что не все фактические различия морально-религиозных и правовых норм допускают правовое абстрагирование от них, но и не ко всем складывающимся в жизни отношениям применим принцип формального равенства. Отношения любви, дружбы, родства, социальной помощи нуждаются не в правовых, а в моральных регуляторах. Право же опосредует формальный аспект социального взаимодействия, регулирует отношения между людьми исключительно как между носителями определенных социальных ролей [12, с. 60]. Не должны подлежать законодательному регулированию нравственные убеждения людей, их идеалы, ценности и цели. Законодательная

власть никогда не должна входить в область этики. Власть, которая вторгается в эту область, преступает пределы своего права [13].

Здесь можно наблюдать и присутствие генетической связи, но несколько иного порядка: изначально, исторически, то, что не свойственно религии и морали, — отношения, наделенные признаками эквивалентности, — предоставлено для регулирования правом с его принудительной силой и механизмом юридической ответственности. «Право лишь тогда способно эффективно выполнять свою роль в обществе, когда правовому принципу (эквивалентности отношений) в качестве его противоположности противостоит соответствующий нравственный принцип (неэквивалентности отношений), который препятствует тому, чтобы реализация правовых начал доходила до крайности» [13].

Проведенный анализ показывает, что, как справедливо отмечает В. Е. Чиркин, в наши дни с теоретических позиций установлено достаточно отчетливое различие права, морали и религии, но их взаимосвязи и взаимовлияние по-прежнему существуют, поиски форм, путей, способов, пределов правового регулирования религиозных отношений продолжаются [3, с. 75].

Таким образом, во взаимодействии юридической ответственности с неправовыми регуляторами социального поведения системные связи характеризуются организующим, координирующим началом. Важный элемент связи — охрана правом свободы совести, религии, мнений и убеждений.

1. Лукашева Е. А. Взаимодействие права и морали: общее и особенное // Взаимодействие права и морали : материалы Междунар. науч. конф. / Москов. гуманитар. ун-т ; отв. ред. Т. А. Сошникова. М., 2014. С. 11–17. [Вернуться к статье](#)

2. Мораль и моральные нормы [Электронный ресурс] / Энциклопедия экономиста! URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/moral.html> (дата обращения: 10.03.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Чиркин В. Е. Модели правового регулирования религиозных отношений: необходимость, возможности, пределы // Взаимодействие права и морали : материалы Междунар. науч. конф. / Москов. гуманит. ун-т ; отв. ред. Т. А. Сошникова. М., 2014. С. 69–75. [Вернуться к статье](#)

4. Апресян Р. Г. Мораль. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. 2002–2019. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7184> (дата обращения: 10.03.2019). [Вернуться к статье](#)

5. Абдулаев М. И. Теория государства и права [Электронный ресурс] : учебник для высш. учеб. завед. М. : Финансовый контроль, 2004 URL: <https://lib.sale/uchebnik-teoriya-istoriya-gosudarstva/112-pravo-moral-obscree.html> (дата обращения: 10.03.2019). [Вернуться к статье](#)

6. Иванников А. И. Моральная и юридическая ответственность // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 3. С. 49–53. [Вернуться к статье](#)

7. Сильченко Н. В. Зарождение первичных закономерностей нормативного регулирования общественных отношений // Государство и права: теория и практика. Вып. 3. Калининград : Изд-во КГУ, 2004. С. 22–35. [Вернуться к статье](#)

8. Сильченко Н. В. Законы правовые и неправовые, нравственные и аморальные // Сборник научных трудов, посвященных 90-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь А. В. Дулова. Минск, 2014. С. 227–229. [Вернуться к статье](#)
9. Сильченко Н. В. Проблемы верховенства закона : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Минск, 1993. 355 л. [Вернуться к статье](#)
10. Малько А. В., Липинский Д. А. Правовое и религиозное регулирование: взаимодействие, противоречия и ответственность субъектов общественных отношений // Вестн. Перм. ун-та. 2018. Вып. 39. С. 6–35. [Вернуться к статье](#)
11. Путилкин П. А. Религиозная и юридическая ответственность: проблемы соотношения // Вектор науки ТГУ. Сер. Юридические науки. 2014. № 1 (16). С. 64–66. [Вернуться к статье](#)
12. Варламова Н. В. Право и мораль: соотношение в контексте различных типов правопонимания // Взаимодействие права и морали : материалы Междунар. науч. конф. / Изд-во Москов. гуманитар. ун-т ; отв. ред. Т. А. Сошникова. М., 2014. С. 56–63. [Вернуться к статье](#)
13. Сильченко Н. В. О справедливости в праве и нравственности [Электронный ресурс] // Ежеквартальный научно-практический журнал «Духовность. Общество. Личность. Государство». 2006. № 1. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/147436/1/%D0%9E%20%D0%A1%D0%9F%D0%A0%D0%90%D0%92%D0%95%D0%94%D0%9B%D0%98%D0%92%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%98%20%D0%92%20%D0%9F%D0%A0%D0%90%D0%92%D0%95%20%D0%98%20%D0%9D%D0%A0%D0%90%D0%92%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%95%D0%9D%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%98.pdf> (дата обращения: 10.03.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 340.11

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Е. Н. Григорьева

доцент кафедры экономики предпринимательства и права
спецфакультета «Консалтторгцентр»
Института повышения квалификации
и переподготовки экономических кадров,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет
e-mail: bir-helen@yandex.ru

Аннотация. Акцентируется внимание на социальной стабильности и правовой культуре, их значимости для современного цивилизованного общества и нормального функционирования правовой системы. Рассматриваются различные подходы к пониманию правовой культуры в теоретической юридической науке. Автор приходит к выводу, что правовая культура выступает одним из средств достижения социальной стабильности общества.

Ключевые слова: правовая культура, социальная стабильность, национальная безопасность, гражданское общество, правовое государство.

Annotation. Attention is focused on social stability and legal culture, their significance for modern civilized society and the normal functioning of the legal system. Different approaches to the understanding of legal culture in theoretical legal science are considered. Auto concludes that legal culture is one of the means to achieve social stability in society.

Keywords: legal culture, social stability, national security, civil society, legal state.

Динамично развивающиеся процессы жизнедеятельности общества, увеличение социальной нестабильности, возросший уровень конфликтности и правового нигилизма во всем мире предопределили повышенный интерес большинства государств к правовому воспитанию граждан, формированию их культуры как источника духовного здоровья нации и социальной стабильности.

В настоящее время и в философии, и в социологии сформировалось научное представление о социальной стабильности как о многоплановом явлении. Так, например, А. В. Дахин, О. В. Щетинина, Е. И. Солонченко под социальной стабильностью предлагают понимать не отдельную сферу жизни общества, не самостоятельный элемент общественной активности, а некоторое системное, интегральное качество социума. Утверждается, что социальная стабильность обусловлена экономическими, экологическими, географическими, социокультурными и т. п. факторами и причинами. При этом она не имеет «эксклюзивной» зависимости ни от экономики, ни от географии, ни от какого-либо другого

фактора. Полноценное, объемное понимание проблем социальной стабильности, как полагают ученые, требуется от всех, чья профессиональная деятельность сопрягается с механизмами реального политического влияния и публичной активностью [1].

В соответствии с п. 19 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь для нашего государства характерны политическая и социальная стабильность, курс на постоянный рост качества и уровня жизни населения. В п. 4.6 «Культура как источник духовного здоровья нации и социальной стабильности» Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2030 г. закреплено, что развитие творческих сил и способностей человека, духовное здоровье нации базируются на системе духовно-нравственных ценностей общества, являющихся основой формирования национального самосознания. Также в рассматриваемом пункте установлено, что стратегической целью развития культуры является повышение ее социальной роли в жизни белорусских граждан, упрочнение статуса Беларуси в мире как самостоятельного высококультурного государства, бережно сохраняющего свое историческое наследие, реализующего конституционные права граждан [2].

О повышенном интересе российского государства к проблеме повышения культуры, искоренения правового нигилизма свидетельствует содержание Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности правосознания граждан, в которых установлен ряд мер по повышению правосознания и правовой культуры граждан [3].

В этой связи актуально суждение А. В. Петрова и Т. Ю. Котрикова о том, что «для современного цивилизованного общества нормальное функционирование правовой системы является необходимым условием прогрессивного развития социально-политических, духовных отношений» [4, с. 326].

Таким образом, повышенный интерес государств к формированию правовой культуры граждан путем закрепления средств и механизма их достижения на уровне законодательства свидетельствует о стратегической направленности формирования правовой культуры населения в рамках реализации идеологической функции.

Итак, в связи с вышеизложенным как культура в целом, так и правовая культура в частности являются одними из факторов (средств) государственной правовой политики в области достижения социальной стабильности.

Понятие «культура» (от лат. — culture) означает воспитание, образование. В общей теории права устоялось общепринятое представление о правовой культуре как о качественном состоянии правовой организации общества, о реальном функционировании его правовой системы, которые отражают достигнутый уровень развития в сфере правового регулирования социальных отноше-

ний. З. Н. Каландаришвили под правовой культурой общества предлагает понимать всю существующую в социуме правовую реальность (знание, ценности, отношения, статусы в правовой сфере), находящую отражение в правопорядке [5, с. 102]. А. С. Бондарев полагает, что правовая культура должна характеризовать не те или иные правовые ценности, а субъектов права и коллективных, и индивидуальных, отражать и фиксировать степень их правовой развитости, правового совершенства, уровень способностей их качественно творить и эффективно использовать необходимые правовые средства для достижения своих правомерных целей, своих правомерных интересов и потребностей [6, с. 15]. В этой связи объективно утверждение Н. Я. Соколова, что уровень общей культуры общества, адекватность отражения в ней потребностей общественного развития — необходимое условие правильной постановки цели в праве, достижения успеха в правовом регулировании общественных отношений [7, с. 382].

Таким образом, именно от уровня культуры общества зависит постижение сущности правовых явлений, понимание закономерностей и тенденций их дальнейшего развития, что предопределяет устойчивость социальной стабильности в обществе.

Следует согласиться с мнением С. В. Левиной относительно того, что «правовая культура необходима для укрепления в обществе принципов правовой законности и социальной справедливости, создания такой нравственной атмосферы, в которой человек может свободно жить. Она выступает показателем высокой гражданской активности и ответственности граждан» [8, с. 44].

Согласно общетеоретическому подходу к пониманию структуры правовой культуры в нее включаются наряду с правовой идеологией и психологией такие элементы, как уровень правосознания, отношения общества, государства, личности к праву; совершенство и демократизм правотворческого процесса; качество законодательства, степень отражения в нем социальных интересов; уровень работы правоохранительной системы; состояние правовой науки и образования; обеспечение прав и свобод личности, состояние законности и правопорядка.

Таким образом, достижение вышеперечисленных стандартов в реализации правоотношений не возможно без постоянного совершенствования взаимодействия их субъектов — государства и общества в лице каждого индивида — направленного на формулирование единой цели — реализации взаимного, рационального и единого интереса — развития правового демократического социального государства, в котором правовая культура выступает одним из средств достижения социальной стабильности общества.

1. Дахин А. В., Щетинина О. В., Солониченко Е. И. Социальная стабильность, социальная активность и развитие России в свете методологии и теории деятельно-

сти // Elibrary.ru : Научная электронная библиотека. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35660141_42777383.pdf (дата обращения: 01.03.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] / Министерство экономики Республики Беларусь; ГНУ «Научно-исследовательский экономический институт». URL: <http://www.srrb.niks.by/info/program.pdf> (дата доступа: 09.01.2018). [Вернуться к статье](#)

3. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : утв. Президентом Рос. Федер. 28.04.2011 г., № Пр-1168. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Петров А. В., Котрикова Т. Ю. Профессиональная правовая культура в системе правовой культуры общества // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 3 (1). С. 326–331. [Вернуться к статье](#)

5. Каландаришвили З. Н. Роль правовых средств в совершенствовании правовой культуры современного российского общества // Право и образование. 2011. № 8. С. 102–108. [Вернуться к статье](#)

6. Бондарев А. С. Понятие правовой культуры // История государства и права. 2011. № 6. С. 13–17. [Вернуться к статье](#)

7. Соколов Н. Я. О понятии правовой культуры // Lex Russica : науч. тр. МГЮА. 2004. № 5. Т. LXIII. С. 381–394. [Вернуться к статье](#)

8. Левина С. В. Воспитательная функция права и правовая культура: содержание и формы сосуществования // Российский юридический журнал. 2010. № 6. С. 36–44. [Вернуться к статье](#)

УДК 341.01

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА (доктринальный анализ)

О. В. Гришкевич

старший научный сотрудник отдела исследований
в области государственного строительства и международного права,
Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь
e-mail: ovg-rish@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется проблематика эффективности международного права, анализируется соответствующий понятийно-категориальный аппарат.

Ключевые слова: эффективность права, эффективность правовых норм, эффективность международного права.

Annotation. The article deals with the issue of the effectiveness of international law, the relevant conceptual and categorical apparatus is researched.

Keywords: effectiveness of law, effectiveness of legal norms, effectiveness of international law.

Проблематика эффективности международного права является дискуссионной. В научной доктрине широко обсуждаются вопросы соответствующей терминологии («эффективность права», «эффективность правовых норм», «эффективность законодательства», «эффективность правового регулирования», «эффективность международного права») и правового содержания корреспондирующих понятий (в том числе «цели», «факторы», «критерий», «оценка», «условия», «элементы»).

Анализ научной литературы касательно понятия «эффективность права» позволяет выделить ряд направлений в его определении:

– «эффективность права» как оптимальность, правильность и обоснованность правовых норм; полезность, экономичность, оптимальность действия правовых норм (широкая трактовка понятия);

– целевая или функционально-целевая концепция эффективности права, когда «эффективность права» связывается с тем, как правовая норма достигает определенного результата (отношение между фактически достигнутым, действительным результатом и той целью, для достижения которой были приняты соответствующие правовые нормы);

– понятие эффективности права «как оптимального достижения поставленных целей» связывается «с максимальной экономией при этом материальных средств, человеческой энергии и времени»;

– «эффективность права» как вклад, который оно вносит в развитие социальной системы или в управление процессами в обществе;

– в качестве явления, связанного с процессом управления, под эффективностью понимается «соотношение между фактическими результатами действия норм права и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты»;

– аксиологическое направление, когда «эффективность права» тесно связывается с его социальной ценностью и определяется как «удовлетворение правовым предписанием лежащей в его основе и отраженной в его цели социальной потребности, обусловившей издание нормы, в соответствии с общими задачами права»;

– «эффективность права» как правовое состояние общества, достигнутое в результате реализации публично-частных интересов и социальных целей;

– включение в понятие «эффективность права» всех результатов действия права либо только тех, которые полезны для общества;

– «эффективность права» как пропорция наступления намеченных результатов действия нормы в отношении к наступлению негативных, ненамеченных и вторичных результатов;

– «эффективность права» как проявление его власти [1, с. 64–65; 2, с. 21–22, 35; 3, с. 79; 3; 4].

Определяя в большей степени, как представляется, содержательный аспект, выделяют социальную и юридическую эффективность. Соответственно, социальная эффективность характеризует «социальную полезность результатов правового регулирования в рамках конкретной системы общественных отношений, объективным критерием которой является соответствие потребности прогрессивного развития общества», юридическая эффективность характеризует «результативность механизма правового регулирования, способность осуществлять цели, поставленные перед правовым регулированием» [3].

В контексте соотношения понятий «эффективность права» и «эффективность правовых норм» в научной литературе отмечается, что «проблема эффективности права — это прежде всего проблема эффективности правовых норм» [6, с. 65] и «эффективность права — это более широкое понятие», которое «включает в себя и изучение того, насколько право “справляется” с самим процессом постановки задач в рамках общих целей правового регулирования, то есть вырабатывает правовые нормы» [1, с. 65].

В научной литературе оперируют понятиями критериев и факторов эффективности. Под критериями понимают «определенные показатели, признаки, по которым, собственно, оценивается эффективность норм»; под факторами понимают «обстоятельства, оказывающие то или иное позитивное или негативное влияние на эффективность норм» [1, с. 74].

Результаты действия норм определяют содержание критерия эффективности. В качестве наиболее важных выделяют следующие: соответствие поведения субъектов норме (при анализе действия договора исходят прежде всего из того, как соблюдаются его положения); степень достижения непосредственной социальной цели (выполнение договорных обязательств анализируется в конечном итоге с точки зрения достижения их целей); издержки или средства достижения цели (функционирование норм весьма различно с точки зрения достижения запланированных результатов, соответственно, норма права должна вызывать достижение необходимых результатов в общем ряду с действием сопутствующих и препятствующих факторов); отрицательные результаты действия (оказывают непосредственное влияние на эффективность, что диктует необходимость их учета при оценке норм) [7, с. 30–35].

Определение результатов действия норм — первая предпосылка для выработки критерия; второй предпосылкой является учет потребностей международных отношений в конкретный период. Исходя из этого, С. Ю. Марочкин резюмирует «не о возможно максимальном достижении цели нормы, а об оптимальном в конкретный период сочетании противодействующих результатов, которые составят содержание критерия оптимальной эффективности»; фактические результаты действия сравниваются с критерием, и оценивается эффективность нормы [7, с. 36–37, 39]. С точки зрения Л. Х. Мингазова, критерий эффективности международно-правовых норм должен соответствовать ряду требований: 1) качественная однородность со сравниваемой нормой права; 2) нахождение вне нормы, которая подлежит оценке; 3) должен содержать идеальный вариант, своеобразный пункт, к которому стремится законодатель [8].

С. В. Черниченко определяет эффективность правовых норм правовыми (это качество формулировки нормы в соответствующем акте, согласованность с другими нормами, уровень функционирования других частей «правовой надстройки», т. е. группа «государственно-правовых факторов» и прежде всего «функционирование системы государственных органов по осуществлению правовых норм») и неправовыми (это объективные закономерности общественного развития, общие и частные тенденции в различных сферах общественной жизни) факторами [6, с. 65–66]. В свою очередь Н. Л. Лютов приводит следующие факторы, влияющие на эффективность норм (применительно к международному трудовому праву): гибкость норм (в трех аспектах: как гибкость содержания, формы и применения); координационный характер международных отношений; перегруженность контрольных органов; сложность и нечеткость международных контрольных процедур; проблемы, связанные с политической мотивацией субъектов; воздействие процесса глобализации и регионализации [1, с. 75].

С. Ю. Марочкин классифицирует условия эффективности норм международного права на международные (международный контроль, международные гарантии) и внутригосударственные (правотворческие и правоприменительные мероприятия по внутригосударственной реализации); внешние, или общие (от них зависит эффективность норм в целом, внутреннее качество самой нормы и ее успешное действие и реализация; это гармоничность правовой системы, моральный авторитет норм, международная законность и правопорядок), и внутригосударственные или конкретные, которые, в свою очередь, подразделяются на относящиеся к правотворчеству, к уровню нормотворческой техники и качеству самой нормы (это соответствие правовых средств целям, гарантированность, внутренняя непротиворечивость, ясность и точность формулировок и др.) и относящиеся к ее действию и реализации (это осуществление норм в поведении субъектов, действенность правоприменения, внутригосударственная имплементация, оптимальность издержек, достижение непосредственной цели) [7, с. 48–49].

Эффективность норм международного права представляет собой комплексную категорию, характеризующую их внутреннее качество (обоснованность, реальность, гарантированность и т. д.), успешное действие и реализацию, оптимальность затрат (издержек), достижение цели, отвечающей потребностям прогрессивного развития международных отношений [7, с. 25]. «Эффективность международного права» определяют как «результат и состояние целенаправленного воздействия принципов и норм на международные отношения в соответствии с требованиями объективных закономерностей общественного развития»; она служит одним из показателей социальной роли и ценности как отдельных норм, так и принципов международного права в целом и характеризует, в частности, итог, сумму целевого действия, соотношение цели, прогнозируемых и наступивших последствий; это «комплексное, сложное явление» [3, с. 79–80, 82].

Но действенность международного права есть «не просто сумма действенности составляющих комплексов, а их эффективность в системе, во взаимодействии друг с другом», с учетом специфических международных механизмов — ответственности в международном праве, способов разрешения споров, средств обеспечения выполнения международно-правовых норм. Соответственно, эффективность международного права не только более объемное, но качественно другое понятие, в отличие от понятия эффективности отдельных норм и институтов [7, с. 7–8].

Существенную роль в функционировании международного права, в создании, применении, толковании международно-правовых норм играют цели; важным для характеристики эффективности нормы права является анализ ре-

зультатов действия права, их связи с целями нормы [8]. Значение нормативного закрепления целей базируется на соответствующих положениях Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., а именно на требовании добросовестного толкования договора «в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора» (п. 1 ст. 31), а также на требовании недопустимости изменения положения договора, «отступление от которого является несовместимым с эффективным осуществлением объекта и целей договора в целом» (п. 1b ст. 41).

Проведенный анализ отражает дискуссионный характер научной доктрины, отсутствие единого подхода к понятийно-категориальному аппарату эффективности права, правовому содержанию и наполнению. Представленные дефиниции эффективности права в определенной степени дополняют и уточняют друг друга, соотносятся как целое и частное, дублируются или поглощаются, кроме того, формулируются через использование корреспондирующих понятий.

В рамках соотношения исследуемых терминов понятие «эффективность права», как представляется, выступает общим и самым широким, понятие «эффективность международного права», в свою очередь, определяется спецификой непосредственно международного права, его необходимо рассматривать как комплексное, многомерное понятие, важную роль в котором играет целевой аспект.

1. Лютов Н. Л. Эффективность норм международного трудового права : монография. М. : Проспект, 2015. 328 с. [Вернуться к статье](#)

2. Эффективность законодательства: вопросы теории и практика : моногр. / Ю. А. Тихомиров [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Емельянцева. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : ИНФРА-М, 2016. 336 с. [Вернуться к статье](#)

3. Лихачев В. Н. Об эффективности применения международно-правового принципа универсальности // Вопросы универсальности и эффективности международного права : Межвуз. сб. науч. тр. ; редкол. : Г. В. Игнатенко (отв. ред.) [и др.] ; Свердлов. юрид. ин-т. Свердловск, 1981. С. 78–84. [Вернуться к статье](#)

4. Алексеев А. Н. От изучения проблем оценки эффективности правовых норм к правовому мониторингу [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Хорошильцев А. И. Эффективность права: понятие и особенности [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. Черниченко С. В. Теория международного права : в 2 т. М. НИМП, 1999. Т. 1 : Современные теоретические проблемы. 1999. 336 с. [Вернуться к статье](#)

7. Марочкин С. Ю. Проблема эффективности норм международного права. Иркутск, 1988. 152 с. [Вернуться к статье](#)

8. Мингазов Л. Х. Эффективность норм международного права: теоретические проблемы [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / Л. Х. Мингазов ; Казан. гос. ун-т. Казань, 2000. 41 с. // Юрид. Россия. Федеральный правовой портал. URL: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1236510> (дата обращения: 01.03.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 342.5 (342.571)

ПУБЛИЧНЫЕ ОБСУЖДЕНИЯ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Е. П. Гуйда

старший научный сотрудник отдела исследований
в области государственного строительства и международного права,
Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь
e-mail: guida-lena@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования публичных обсуждений проектов нормативных правовых актов в Республике Беларусь и некоторых зарубежных странах. Обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования порядка и механизма проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов.

Ключевые слова: нормотворческие органы, нормативный правовой акт, публичное обсуждение.

Annotation. The article deals with the issues of legal regulation of public discussion of draft normative legal acts in the Republic of Belarus and in some foreign countries. The necessity of further improvement of the procedure and mechanism for public discussion of draft normative legal acts is grounded.

Keywords: law-making bodies, normative legal act, public discussion.

Институт публичного (общественного) обсуждения является одной из форм участия граждан в нормотворческой деятельности. При этом население участвует в осуществлении народовластия посредством активной деятельности, направленной, прежде всего, на предложение изменений и дополнений нормативных правовых актов.

В Республике Беларусь институт публичного (общественного) обсуждения проектов нормативных правовых актов получил закрепление в ранее действовавшем Законе Республики Беларусь от 10 января 2000 г. «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (ст. 8), а также в Директиве Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь». В частности, Директивой № 4 предусмотрено общественное обсуждение проектов актов законодательства, которые могут оказать существенное влияние на условия осуществления предпринимательской деятельности [1].

В 2018 году был принят новый Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», который достаточно подробно регламенти-

рует порядок проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов. В п. 1 ст. 7 указанного Закона определяется, что проект нормативного правового акта по решению Президента Республики Беларусь, иного субъекта права законодательной инициативы, нормотворческого органа (должностного лица) либо государственного органа (организации), осуществляющих подготовку проекта нормативного правового акта, может быть вынесен на публичное (общественное или профессиональное) обсуждение в глобальной компьютерной сети Интернет на сайте «Правовой форум Беларуси», а также путем парламентских слушаний, в средствах массовой информации либо иными способами, не противоречащими законодательству [2].

В Законе определены: перечень проектов нормативных правовых актов, которые подлежат публичному обсуждению, и перечень, на какие проекты нормативных правовых актов не распространяются публичные обсуждения; определены сроки публичного обсуждения.

Организатором публичного (общественного) обсуждения проектов нормативных правовых актов определяется срок обсуждения, который составляет не менее 10 календарных дней (исходя из специфики общественных отношений).

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 января 2019 г. № 56 утверждено Положение о порядке проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов [3]. В частности, в указанном Положении (п. 10, 11, 13) определяется следующее:

замечания и (или) предложения по проекту нормативного правового акта представляются в письменной либо электронной форме и должны содержать, как правило, указание на структурный элемент проекта и его редакцию;

когда требуется ответ на замечания и (или) предложения, поступившие в ходе публичного обсуждения проекта, а именно: письменные обращения, поступившие в государственный орган (организацию); обращения, направленные в специальную рубрику «Электронное обращение» на официальном сайте государственного органа (организации) в сети Интернет или на адрес электронной почты (если такой способ подачи обращений допускается государственным органом);

когда не рассматриваются замечания и (или) предложения по проекту (не относящиеся к предмету правового регулирования проекта нормативного правового акта, содержащие оскорбительные слова или выражения, а также написанные нечетким и неразборчивым почерком; поступившие после окончания установленного срока публичного обсуждения проекта).

В последние годы публичные (общественные) обсуждения приобрели актуальность и новые возможности благодаря использованию сети Интернет в

качестве площадки для их проведения. Например, на веб-сайте «Правовой форум Беларуси» для проведения публичных обсуждений в 2017 году было размещено 26 проектов нормативных правовых актов, в 2018 году — 76 проектов нормативных правовых актов, в 2019 году (по состоянию на 1 марта 2019 году) — 28 проектов нормативных правовых актов. Следует отметить, что наибольшее количество предложений поступило от граждан по проекту Декрета Президента Республики Беларусь «О государственном регулировании оборота табачных изделий и электронных систем курения» (367 предложений) и по проекту Указа Президента Республики Беларусь «О платежах за участие в дорожном движении» (390 предложений) [4]. Как показывает практика, граждане активно участвуют в обсуждении проектов тех нормативных правовых актов, которые затрагивают актуальные социальные вопросы и в целом проблемы общественности.

В Республике Беларусь проекты нормативных правовых актов могут размещаться на различных сайтах для публичного (общественного) обсуждения. В частности, что касается обеспечения государственными органами обратной связи с общественностью в процессе разработки и обсуждения того или иного проекта нормативного правового акта, эта проблема полностью не решена.

Можно согласиться с высказанным в отечественной юридической литературе мнением о том, что «практика размещения проектов законов в Интернете еще не вполне развита. Каждый должен иметь возможность направить свое предложение или поправку в закон» [5]. Следует заметить, что у граждан не имеется равной возможности использования глобальной компьютерной сети Интернет, а значит, отсутствует возможность ознакомления с проектом некоторой частью населения страны.

Зарубежный опыт свидетельствует, что в ряде стран (Казахстан, Кыргызстан, Россия) институт общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов получил нормативное закрепление и достаточно эффективно реализуется на практике. В Российской Федерации вопросы размещения на сайте информации о подготовке федеральными министерствами проектов нормативных правовых актов и результатах общественного обсуждения этих актов регулируются Правилами раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2012 г. № 851 [6]. Для общественного и независимого обсуждения наиболее значимых проектов нормативных правовых актов, разрабатываемых федеральными органами исполнительной власти, в сети Интернет создан специальный официальный сайт regulation.gov.ru.

В некоторых зарубежных странах (Азербайджан, Кыргызстан) приняты отдельные законы, которые регламентируют отношения, возникающие в связи с привлечением граждан к общественному обсуждению проектов нормативных правовых актов и осуществлению государственного управления. Например, Закон Азербайджанской Республики от 22 ноября 2013 г. «Об общественном участии» (ст. 18) предусматривает организацию общественного обсуждения проектов законов [7]. В частности, Милли Меджлис (парламент) с целью организации общественного обсуждения отводит специальный раздел на своей интернет-странице, где наряду с проектом закона размещается информация о сроке и правилах проведения общественного обсуждения, порядке представления замечаний и предложений, сроках их рассмотрения и опубликования результатов в специальном разделе на интернет-странице.

Сроки для общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов устанавливаются в зависимости от значимости регулируемых ими отношений. Минимальные сроки, как правило, не превышают 15 календарных дней, максимальные — 60 или 90 календарных дней. Например, как указано в Законе Кыргызской Республики от 20 июля 2009 г. «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» (ст. 23), срок общественного обсуждения составляет не менее двух месяцев для проектов законов и не менее одного месяца — для проектов других нормативных правовых актов [8].

По результатам проведения общественного обсуждения, как правило, готовится отчет, включающий анализ поступивших в ходе общественного обсуждения замечаний и предложений, который доводится до сведения граждан и подлежит размещению, как и обсуждаемый проект нормативного правового акта, на официальных или специально созданных сайтах.

Например, в Правилах размещения и публичного обсуждения проектов концепций законопроектов и проектов нормативных правовых актов на интернет-портале открытых нормативных правовых актов, утвержденных приказом Министра информации и коммуникаций Республики Казахстан от 30 июня 2016 г. № 22, установлено, что государственные органы-разработчики проектов рассматривают замечания и (или) предложения пользователей информации в течение трех рабочих дней после завершения публичного обсуждения проектов и принимают решения об их принятии либо отклонении с указанием обоснований. При этом на Портале публикуется предварительный вариант отчета о завершении публичного обсуждения проектов по установленной форме, а в течение одного рабочего дня (следующего после дня публикации на Портале отчета) государственными органами-разработчиками проектов в определенное ими время проводится в режиме онлайн дополнительное обсуждение проектов с учетом опубликованного отчета. После завершения дополнительного обсужде-

ния уполномоченные сотрудники государственных органов-разработчиков проектов формируют и публикуют на Портале окончательный вариант отчета (п. 10) [9].

В Республике Беларусь (согласно п. 14 Положения о порядке проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов) организатор публичного обсуждения проекта по истечении его срока в течение семи рабочих дней направляет для размещения на ресурсах (на которых была опубликована информация о проведении обсуждения проекта) краткую обобщенную информацию о результатах проведения публичного обсуждения, которая должна содержать сведения, а именно: о сроках, виде и способах проведения публичного обсуждения; количестве его участников, поступивших замечаний и (или) предложений (при необходимости отражать наиболее актуальные вопросы, вызвавшие отклик граждан в процессе публичного обсуждения).

Таким образом, в национальном законодательстве закреплён достаточно детальный порядок проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов. При этом важно определить не только условия участия в публичном обсуждении проектов, но и получить обратную связь от населения страны. Как показывает практика, порядок проведения публичного (общественного) обсуждения проектов нормативных правовых актов нуждается в дальнейшем совершенствовании и корректировке. Например, одним из направлений оптимизации порядка публичного обсуждения является более четкое определение механизма обеспечения государственными органами обратной связи с населением (общественностью) в процессе проведения публичного обсуждения. Исходя из зарубежного опыта, полагаем необходимым закрепить, что нормотворческий орган (организатор публичного обсуждения проекта) принимает решение о принятии либо отклонении того или иного предложения и замечания с указанием обоснования.

В свою очередь, по результатам публичного (общественного) обсуждения разработчики проекта нормативного правового акта имеют возможность: 1) внести изменения (или дополнения) в проект; 2) выбрать из имеющихся тот вариант правовой модели, который является наиболее оптимальным в создавшихся условиях; 3) отказаться от проекта, признав его нецелесообразным по причине серьезных недостатков.

1. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Директива Президента Респ. Беларусь, 31 дек. 2010 г., № 4 // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

2. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

3. О публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 янв. 2019 г., № 56 // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

4. Правовой форум Беларуси [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. URL: <http://forumpravo.by/about.aspx> (дата доступа: 20.02.2019). [Вернуться к статье](#)

5. Василевич Г. А. Некоторые аспекты использования информационных технологий для расширения участия граждан в управлении делами государства [Электронный ресурс] // Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2015) : докл. V Междунар. конф., Минск, 28 мая 2015 г. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск : НЦПИ, 2015. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). [Вернуться к статье](#)

6. О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федер., 25 авг. 2012 г., № 851 : в ред. постановления Правительства Рос. Федер. от 31.10.2018 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. Об общественном участии [Электронный ресурс] : Закон Азербайджан. Республики, 22 нояб. 2013 г., № 816-IVQ : в ред. Закона Азербайджан. Республики от 14.06.2016 г. // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=69550 (дата доступа: 20.02.2019). [Вернуться к статье](#)

8. О нормативных правовых актах Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : Закон Кыргыз. Республики, 20 июля 2009 г., № 241 : в ред. Закона Кыргыз. Республики от 20.07.2017 г. // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=28680 (дата доступа: 20.02.2019). [Вернуться к статье](#)

9. Об утверждении Правил размещения и публичного обсуждения проектов концепций законопроектов и проектов нормативных правовых актов на Интернет-портале открытых нормативных правовых актов [Электронный ресурс] : приказ М-ва информации и коммуникаций Респ. Казахстан, 30 июня 2016 г., № 22 // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=89440 (дата доступа: 20.02.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ И ТРАДИЦИИ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

И. А. Демидова

заведующий кафедрой правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
Могилевский институт МВД (Беларусь)
e-mail: demidova-irina00@mail.ru

Аннотация. В статье определяется значение государственно-правовых традиций как показателя уровня правового развития общества. Обозначаются фундаментальные правовые ценности современного общества, факторы, влияющие на их формирование и восприятие. Устанавливается значимость для правового развития общества его культурно-цивилизационного кода.

Ключевые слова: правовая культура, правовые ценности, правовые традиции, культурно-цивилизационный код.

Annotation. The article indicates the importance of state-legal traditions as an indicator of the level of legal development of society. Identifies the fundamental legal values of modern society, factors affecting their development and perception. Its cultural and civilization code are establishing.

Keywords: legal culture, legal values, legal traditions, cultural and civilizational code.

Исследование системы общественных ценностей и правовых традиций, характеризующих правовую государственность, имеет целью определить соотношение государства и общества, что позволяет представить конституционализм в исторических и системных связях с соответствующей ему социальной ответственностью. Данный подход исходит из широкой трактовки конституционализма в соответствии с признанием того, что «конституцию определяет не понятие “основной закон государства”, а исторически сложившееся единство правоположений, выражающих народовластие, личную и политическую свободу, верховенство права, правила территориального устройства государства» [1, с. 14]. При таком рассмотрении конституционную, или государственно-правовую, традицию отличают: 1) специфические образы народа, правовой личности, государства, закона, суда; 2) сложившаяся нормативность; 3) способы восприятия, а также система передачи и потребления правовой информации. Указанные факторы в совокупности обуславливают специфику общественной правовой культуры.

Смысл и ценность государственно-правовых культурных традиций отдельных обществ исследователями определяются по-разному. Так, в обосновании российского исследователя К. В. Арановского значение государственно-

правовых традиций связано с тем, что в сравнительном правоведении правовую карту мира дополняет география конституционных традиций, которая неоднородна и, по мнению ученого, представлена следующими сегментами: сектором с миссионерски настроенными конституционными обществами; областью устойчивого и несколько замкнутого конституционализма; обществами, показавшими себя способными перейти в неконституционное состояние; обществами зависимого, но имеющего историю конституционализма; областью «ведомого» конституционализма, замыкающей конституционную географию [1, с. 12]. Данная теоретическая позиция имеет практический политико-правовой аспект в силу того, что позволяет определить соответствующий сегмент конституционализма на белорусских землях.

Глубинный философский аспект общественных традиций, по мнению И. В. Емелькиной, заключается в том, что традиция как онтологическое основание обеспечивает непрерывность и связанность реалий бытия, выступает условием воспроизводства общества и менталитета, способствует развитию и формированию личности, протекает в рамках собственного специфического социокультурного типа, детерминируясь в диалектическом взаимодействии и диалоге [2, с. 11]. Сформированность государственно-правовых традиций выступает показателем уровня правового развития общества, степени его правовой зрелости. В этой связи в контексте социальной психики государственное право представляет собой развернутую в обществе государственно-правовую традицию, отличную для каждого народа, характеризующую правовую культуру общества.

В качестве универсальных признаков конституционных (государственно-правовых) традиций устанавливаются: 1) вовлеченные в государственное право мировоззренческие, религиозные построения; 2) особенности воображения, восприятия, эмоциональности; 3) характерная нормативность; 4) поведенческие навыки в правовой сфере; 5) интерпретации политико-правовых событий и фактов; 6) архетипы культуры. В совокупности указанные признаки распределяются на генетические, содержательные, функциональные и находят отражение в идеях, принципах и ценностях, которые, взятые в единстве, формируют мировоззрение, характерное для членов того или иного общества [1, с. 18–19]. В силу того что ценности являются более устойчивыми, а идеи и принципы изменчивыми, конституционные традиции характеризуются, прежде всего, посредством правовых ценностей. Признание значимости правовых ценностей проявляется во введении в научный оборот понятия «правовая аксиосфера общества» (М. С. Балаянц) [3, с. 8]. Высказывается точка зрения, что российская ценностно-правовая традиция сформировалась к концу XIX века и нашла свое выражение в работах И. А. Ильина, Б. А. Кистяковского, Н. М. Коркунова,

А. С. Муромцева, П. И. Новгородцева, В. С. Соловьева, Б. Н. Чичерина и др. [3, с. 8]. При этом еще в XVI веке Ф. Прокопович, А. М. Курбский, в XVII веке И. Тимофеев, А. Полицын, И. Хворостин, в XVIII веке И. Посошков, С. Десницкий, В. Н. Татищев, И. Н. Болтин, А. Н. Радищев, П. Я. Чаадаев, Н. М. Карамзин стремились отразить и выразить традиционные государственно-правовые ценности русского духа и русского характера. Особенно много внимания уделяли их анализу славянофилы. В первой половине XIX века И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, Н. Я. Данилевский, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Н. И. Костомаров указывали на существенные различия в религии, быте, государственном строе России и Европы [4, с. 15]. В свою очередь, белорусская политико-правовая традиция находит отражение в трудах белорусских мыслителей Ф. Скорины, Н. Гусовского, М. Литвина (М. Тишкевича), С. Будного, А. Волана, Л. Сапеги, И. Абдираловича, Г. Конисского, В. Самойлы и др. посредством обозначения значимых для общества ценностей, формулирования идей белорусской государственности.

Общая оценка общественных ценностей связана с признанием за ними следующих характеристик: «1. Изменчивость ценностей, их значимости и востребованности как на разных исторических этапах развития государств, народов, цивилизаций, так и под влиянием различных факторов экономического, политического характера и других. 2. Свои приоритеты в ценностных установках на жизнь у каждого государства, народа, общественной группы, у каждого человека. И лишь особо значимые для всего государства получают свое закрепление на государственном уровне. 3. Порождение историческим опытом, традициями и повседневной практикой. 4. Смена ценностей в зависимости от необходимых приоритетов. 5. Стратегическая регуляция поведения людей и социальных групп, для которых ценности являются принципиальными ориентирами развития общества» [5, с. 12]. Значение правовых ценностей как разновидности социальных ценностей состоит в фиксации посредством них баланса общезначимых интересов. Как следствие, специфическими характеристиками правовых ценностей выступают нормативный характер, непосредственное (опосредованное) влияние на социальную практику, идеологический характер, связь с культурой [3, с. 12]; прямое или косвенное закрепление в праве, системный характер, сбалансированное выражение социально значимых интересов, способность повлечь правовые последствия, возможность использования государственного обеспечения [5, с. 7–8]. При этом иерархия правовых ценностей обусловлена иерархией социальных ценностей. К примеру, в рамках европейской культуры основными ценностями определяют успех в работе; материальный комфорт; индивидуальную свободу самовыражения; прогресс; рациональность; патриотизм; демократию [5, с. 13].

Фундаментальными правовыми ценностями современного общества признаются свобода, справедливость, равенство, безопасность, защищенность, общественное благо, ответственность [3, с. 18–19]; порядок, общественное согласие [5, с. 16]. В системе правовых ценностей того или иного общества они находятся в сложной взаимосогласованности, которая, в зависимости от конкретных общественных условий и состояний, может выступать как конкуренция, иерархия либо предпочтение. В данном случае предполагается оценка самостоятельности ценностей различных правовых культур и их совместимости. Однако при всех условиях обозначенные правовые ценности определяют правовой выбор общества, а их соотношение в конечном счете обуславливает специфику его правовой системы. К примеру, «к узловым ценностям западной правовой культуры относятся личность, честь, порядок, нормальность, общественное благо. К узловым ценностям российской правовой духовности можно отнести коллективность, достоинство, гармонию, справедливость, общественную цель, долженствование» [3, с. 13]. При этом одна и та же ценность может иметь различное содержание, как в историческом аспекте, так и в контексте различных обществ в одну историческую эпоху. Так, для светских государств ценность индивидуальной свободы формулируется в юридических правах личности, таких как свобода слова, вероисповедания и других, предусмотренных конституциями стран; в свою очередь в исламских странах степень допустимой свободы определяется на основе законов шариата.

Кроме того, обоснование ценностей определяется также особенностями мышления. В аргументации В. И. Костенко мышление национальное, которое характерно для западного общества, качественно отличается от мышления цивилизационного, присущего российскому обществу, вследствие чего структурирующим элементом западноевропейского концепта политико-правовой культуры является право в его плюралистическом понимании, российского — государство, центральным элементом которого выступает надправовой институт — самодержавие с XVII века, а до XVII века — обычное право (закон русский, правда, пошлина) [4, с. 16]. «Институт самодержавия отражает глубинные потребности развития российской цивилизации, охватывающей плюралистические системы культурных ценностей в едином общекультурном интеграторе — государственной централизованной власти. Она обеспечивает целостность государственно организованного поликультурного российского общества» [4, с. 11].

Таким образом, можно утверждать, что на ценностное восприятие и процесс формирования общественных ценностей оказывают влияние все сколь угодно значимые факторы человеческого существования, не только исторические и социальные, но и биологические, психические и др. При этом в государ-

ственно-правовой традиции должны быть необходимо учтены также образы, создаваемые воображением, в котором участвуют мысль и эмоции, знание и вера члена социума [1, с. 19]. В свою очередь, правовая деятельность человека осуществляется в навыках [1, с. 21]. В совокупности все указанные факторы способствуют складыванию социальных и правовых традиций конкретного общества. В обобщенном виде «государственно-правовая традиция представляет собой историческое, выраженное в устойчивых навыках правообразование, обусловленное религиозными или светскими верованиями, мировоззрением, чувствами, качеством потребляемой информации и восприятия, собственным пониманием права, власти, государственности» [1, с. 26]. Оценка правовых ценностей людьми связана с их отражением в мировоззрении членов общества. Существует мнение, что «в российском мировоззрении правда занимает положение едва ли не основной ценности и дает основание справедливости» [1, с. 40]. Неслучайно один из первых правовых памятников на Руси имел название «Русская правда». В данном случае правовое пространство представляется как «царство правды». Одновременно в качестве других ценностей русского общества обозначаются человек, свобода [1, с. 42]. Поликультурный характер российского общества в отличие от монокультурных обществ Западной Европы определяет особую роль государства как доминантной формы социальной интеграции. Имеет место точка зрения, что процессы государственно-правового становления и развития российской политико-правовой культуры опережают западноевропейскую политическую культуру и в большей мере выражают закономерности становления мирового правопорядка [4, с. 12].

В свою очередь, особенности государственно-политического развития белорусского общества воспроизводит белорусская национальная идея, оформившаяся в начале XX века в качестве духовно-идейного императива и воплотившаяся в понятии «беларушчына», в котором, по мнению белорусских ученых, слиты воедино традиции и культурные ценности белорусского общества [6, с. 6]. Базовые ценности современного белорусского общества, его традиции и исторический опыт, идеалы и представления о будущем также находят отражение в понятии «государственность». В обосновании академика Е. М. Бабосова «история убедительно свидетельствует о том, что каждый народ на определенной ступени своего развития приходит к осознанию необходимости развития собственной государственности, соответствующей его целям, потребностям, интересам и представлениям о справедливости» [6, с. 5]. В данной связи в своем реальном функционировании государственность «предстает в качестве сложноструктурированной и многоуровневой структурной матрицы, объединяющей все население страны и выражающей его интересы, стремление и волю, а государство действует как основной орган власти, управляющий обще-

ством, консолидирует его в устойчивую целостность посредством обеспечения наиболее общих интересов и потребностей социальных групп и слоев, прав и свобод граждан» [6, с. 7]. В современной Беларуси в общественном сознании и политико-правовой лексике утвердилось понятие «государство для народа», которое можно рассматривать как своего рода идеологему, означающую, что государство создано по воле белорусского народа и в его интересах, с целью повышения благосостояния и качества жизни народа, во имя его лучшего будущего. В этой связи работа государственного аппарата должна быть эффективной и открытой для контроля граждан, а принятие управленческих решений требует учета общественного мнения.

Для общества значимость становления национальной государственности связана с формированием качеств гражданственности — осознанием личностью причастности к Родине и народу, стремлении мыслить и действовать в соответствии с основными принципами функционирующей государственности. Имеет место точка зрения, что гражданственность воплощает в себе органическое единение патриотизма, нравственности и правовой культуры, что проявляется в осознании и выполнении личностью своих обязанностей по отношению к стране (научная позиция Е. М. Бабосова) [6, с. 8]. Считается, что социальная ценность гражданственности определяется в том числе тем, что она мобилизует и организует граждан страны, социальные группы, общности, коллективы на успешное решение намеченных целей и вытекающих из них задач на свойственной тому или иному народу культурно-цивилизационной основе, которая определяет его собственный культурно-цивилизационный код. В авторском определении белорусского социолога И. Котлярова «это исторически сложившаяся система (набор) знаков, символов, средств антропологического и социокультурного характера, определенных коммуникаций (отношений), элементов самовыражения, своеобразных маркеров, формирующих социальное пространство национальной реальности и благодаря которым передается социальный опыт и смысл жизни от поколения к поколению, идеалы цивилизации воспроизводятся в преемственности людей, которые адекватно воспринимают и реагируют на происходящие пространственно-временные процессы» [7, с. 102].

В силу того что одной из важнейших структурных составляющих культурно-цивилизационного кода выступают национальные ценности и идеалы, формирующие национальную идею, характеристика системы правовых ценностей общества, лежащих в основании правовых традиций, способствует решению вопроса о степени культурной интеграции того или иного общества в мировое правокультурное пространство. Изучение правовых культурных традиций общества призвано способствовать определению соответствующего сег-

мента конституционализма и установлению национальных особенностей правовой культуры.

1. Арановский К. В. Конституционная традиция и ее распространение в российском обществе : автореф. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01; Санкт-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2004. 54 с. [Вернуться к статье](#)
2. Емелькина И. В. Российский менталитет: сущность, объем понятия и социальная роль : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11; Современная гуманитар. акад. М., 2011. 52 с. [Вернуться к статье](#)
3. Балаянц М. С. Фундаментальные правовые ценности современного общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 ; Моск. ун-т МВД России. М., 2007. 26 с. [Вернуться к статье](#)
4. Костенко В. И. Общетеоретические государственно-правовые проблемы становления и развития российской политической культуры : автореф. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 ; Урал. гос. юрид. академия. Екатеринбург, 2008. 56 с. [Вернуться к статье](#)
5. Осипова М. В. Иерархия юридических ценностей в правовой системе Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук ; 12.00.01. Саратов, 2011. 30 с. [Вернуться к статье](#)
6. Бабосов Е. М. Беречь корни нашей государственности // Проблемы управления. 2018. 4 (70). С. 5–10. [Вернуться к статье](#)
7. Котляров И. Патриотизм в парадигме цивилизационного кода белорусского общества // Белая вежа. 2017. № 8 (47). С. 101–112. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЯ «МЕХАНИЗМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА» СО СХОЖИМИ ПОНЯТИЯМИ

Ю. Г. Иванцова

старший преподаватель кафедры
современных технологий образования взрослых
Института повышения квалификации и переподготовки кадров,
Гродненский государственный университет
им. Янки Купалы (Беларусь)
e-mail: bonchuk_julia@mail.ru

Аннотация. Автором исследуется соотношение понятия «механизм совершенствования информационного законодательства» со схожими понятиями: «совершенствование законодательства», «механизм правового регулирования», «механизм правового воздействия на общественные отношения», «механизм реализации права», «механизм правотворчества».

Ключевые слова: совершенствование информационного законодательства, механизм правового регулирования, механизм правового воздействия на общественные отношения, механизм реализации права, механизм правотворчества.

Annotation. The author explores the relationship between the concept of «mechanism for improving information legislation» with similar concepts: «improvement of legislation», «mechanism of legal regulation», «mechanism of legal influence on public relations», «mechanism of realization of law», «mechanism of law-making».

Keywords: improvement of information legislation, the mechanism of legal regulation, the mechanism of legal impact on public relations, the mechanism for the implementation of the law, the mechanism of law-making.

В предыдущих исследованиях автором было установлено, что информационное законодательство Республики Беларусь не структурировано должным образом и представлено в форме комплексного массива. Для повышения эффективности информационного законодательства Республики Беларусь и улучшения внутреннего строения следует разработать механизм его совершенствования.

Известно, что в доктрине права термин «совершенствование законодательства» является новым. Изучение данного научного направления освещалось в работах таких теоретиков права, как С. Н. Братусь, С. Г. Дробязко, С. А. Калинин, А. С. Пиголкин, И. С. Самощенко, Н. В. Сильченко и др. Важно подчеркнуть, что по отношению к процессу совершенствования информационного законодательства и законодательства в целом термин «механизм» в юридической литературе встречается редко и определяется неоднозначно.

Словоформа «механизм совершенствования» употребляется в научной литературе в основном применительно к проблеме совершенствования системы управления. При этом в правовой доктрине разработаны и широко используются следующие понятийные формы: «механизм правового регулирования», «механизм правового воздействия на общественные отношения», «механизм правотворчества», «механизм реализации права» и прочие. Для раскрытия содержания нового понятия «механизм совершенствования информационного законодательства» необходимо рассмотреть соотношение данного термина с вышеперечисленными понятиями.

Общенаучное понятие «механизм» (от гр. *mechane* — «орудие, машина») может определяться как: 1) последовательность состояний, процессов, определяющих собой какое-нибудь действие, явление; 2) система, устройство, определяющее порядок какого-нибудь вида деятельности; 3) внутреннее устройство (система звеньев) машины, прибора, аппарата, привод [1, с. 343]. На наш взгляд, для регулирования общественных отношений в информационной сфере наиболее подходящими видятся первое и второе определение, так как третье характеризует его с технической стороны, что может сузить понимание данного термина применительно к информационному законодательству. Как отмечает А. В. Ольшевский, некорректно переносить технические категории на социальные явления [2, с. 34].

При определении понятия «механизм» применительно к правовой категории, авторы подчеркивают, что под ним следует понимать систему средств воздействия «для достижения определенного результата» [3, с. 351, 358], то есть в основе функционирования и взаимодействия его элементов лежит «результативность». Так, в доктрине права для всех его механизмов ученые используют обобщающее понятие «правовой механизм», под которым понимают необходимый и достаточный для достижения конкретной юридической цели системный комплекс юридических средств, организованных последовательно и действующих поэтапно, в соответствии с нормативно заданной схемой (процедурой) [4, с. 42]. Для различных правовых механизмов присущи:

- системность (механизм — это некая система);
- инструментальность (совокупность элементов и их взаимодействие в определенной последовательности);
- достижение определенной цели (результата).

Далее рассмотрим конкретные терминологические единицы и их соотношение друг с другом: «механизм правового регулирования», «механизм правотворчества», «механизм реализации права», «механизм правового воздействия на общественные отношения».

Традиционно механизм правового регулирования определяется как совокупность юридических средств, при помощи которых осуществляется правовое регулирование общественных отношений [5, с. 33–34; 6, с. 93]. Данные вопросы в доктрине права рассматривались в трудах С.С. Алексеева, В. Н. Дубовицкого, М. Ю. Осипова, М. Г. Шарце, Ю. А. Тихомирова и др. Принято считать, что термин «механизм правового регулирования» является производным от понятия правового регулирования и отображает «момент движения, функционирования правовой нормы» [3, с. 358]. Механизм правового регулирования охватывает определенные стадии правового регулирования, включая при этом собственные отдельные механизмы их функционирования:

Стадию возникновения норм права, то есть «формирования нормативного регулятора» (правообразование или правотворчество) [3, с. 357]. И. Л. Вершок определяет правотворчество как «интеллектуально-волевую, процедурную деятельность государственных органов и должностных лиц с целью создания или изменения существующих в государстве правовых норм» [7, с. 75]. В то же время «социально-правовые инструменты и средства, нацеленные на формирование правовой нормативной системы регулирования общественных отношений» [8, с. 7], составляют его механизм (механизм правотворчества).

Стадию реализации права. Реализация норм права является результатом правового регулирования и в доктрине права сводится к четырем формам: соблюдению, исполнению, использованию, применению [3, с. 360]. Механизм реализации права — система «правовых средств, которая способна обеспечить влияние, контроль общества за государством, которое регулирует общественные отношения. Если механизм правового регулирования раскрывает элементы, через которые осуществляется властное правовое регулирование, то механизм правореализации помогает понять элементы, методы и способы, через которые осуществляется регулирование правом» [9, с. 17].

Таким образом, категории «механизм правотворчества», «механизм реализации права» соответствуют стадиям механизма правового регулирования и являются его элементами.

При этом правовое регулирование «по своему объему уже понятия правового воздействия, являясь, так сказать, его разновидностью» [10]. Правовое воздействие рассматривают «как взятое в единстве формирование и функционирование права (социальный механизм действия права)» [11, с. 7].

Для наиболее эффективного воздействия правовых норм в информационной сфере необходимо осуществить совершенствование информационного законодательства, а точнее разработать его механизм. Именно в нормативных правовых актах «выражен основной интеллектуально-волевой “заряд” воздействия на поведение людей и все виды их деятельности» [12, с. 229]. Ведь

нормативный правовой акт является «лучшим техническим средством формирования норм права в условиях сложности и динамизма общественных отношений, который позволяет координировать деятельность людей в различных сферах человеческой жизни для достижения общего интереса» [13].

Например, используемый И. И. Пляхимовичем термин «механизм совершенствования законодательства» определяется через комплекс организационно-правовых мер, обеспечивающих постоянную и эффективную деятельность государственных органов и организаций по изучению действующего законодательства, подготовке и реализации предложений по его совершенствованию [14, с. 10]. К основным составляющим данного механизма ученый относит: четкое распределение всех отраслей и институтов законодательства между государственными органами с закреплением их обязанности принимать меры для совершенствования конкретных отраслей и институтов; возложение на правоприменительные и нормотворческие органы обязанности вырабатывать предложения по улучшению соответственно применяемых и издаваемых ими актов; определение субъекта, отвечающего за совершенствование законодательства в целом и осуществляющего необходимое научное обеспечение; обязательное формирование ежегодных планов подготовки проектов законодательных актов, утверждаемых Президентом, и ежегодных планов подготовки проектов нормативных правовых актов, утверждаемых Правительством [14, с. 10]. Как видим, И. И. Пляхимович определяет механизм совершенствования законодательства через субъектов правотворческого процесса и планирования развития законодательства.

Что касается элементов механизма совершенствования законодательства, то, по нашему мнению, они нуждаются в дополнении таким процессом, как систематизация законодательства. Важно расширить границы и определить особенности применения различных форм (видов) данного понятия. По мнению Е. В. Гарбузовой, именно систематизация «традиционно является одним из эффективных и наиболее распространенных инструментов совершенствования структуры и содержания законодательства» [15, с. 10]. Систематизация как основное направление совершенствования информационного законодательства была объектом исследования отечественных и зарубежных ученых в области информационного права. Среди них: М. С. Абламейко, В. М. Брижко, А. Ю. Головина, В. А. Зализняк, И. В. Панова, Т. А. Полякова, Ю. Г. Просвирнин, М. М. Рассолов, О. В. Синеокий, К. Г. Татарникова В. С. Цимбалюк и др.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Категории «механизм правотворчества», «механизм реализации права» соответствуют стадиям механизма правового регулирования и являются

его элементами, при этом у них различные инструменты и средства достижения поставленных целей. Категория «механизм правового воздействия на общественные отношения» традиционно рассматривается шире, чем механизм правового регулирования.

2. Исходя из присущих каждому правовому механизму характеристик (системность, инструментальность, результат), механизм совершенствования информационного законодательства в самом общем смысле можно определить как систему, состоящую из элементов, которые взаимодействуют между собой в определенной последовательности для достижения цели (результата) — трансформации массива нормативных правовых актов в информационной сфере в комплексную отрасль законодательства.

1. Юридический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. 2-е изд. М. : Институт новой экономики, 2010. 1152 с. [Вернуться к статье](#)

2. Ольшевский А. В. Механизм совершенствования системы управления органами внутренних дел : 12.00.11; ВУЗ. М. , 2004. 255 с. [Вернуться к статье](#)

3. Общая теория права : пособие / В. А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. 2-е изд., стереотип. Минск : БГУ ; Четыре четверти, 2017. 416 с. [Вернуться к статье](#)

4. Шундигов К. В. Механизм правового регулирования : учеб. пособие ; под ред. А. В. Малько. Саратов : СГАП, 2001. 102 с. [Вернуться к статье](#)

5. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юридическая литература, 1966. 187 с. [Вернуться к статье](#)

6. Дубовицкий В. Н. Механизм правового регулирования: лекция по общей теории права // Веснік ГрДУ. Сер. 4, Правазнаўства. № 4 (121). 2011. С. 87–94. [Вернуться к статье](#)

7. Вершок И. Л. О пересмотре природы правотворчества в контексте постнеклассической парадигмы // Веснік БДУ. 2015. № 1. С. 74–78. [Вернуться к статье](#)

8. Синюков С. В. Механизм правотворчества : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.01 ; Саратов. гос. юрид. акад. Саратов, 2013. 24 с. [Вернуться к статье](#)

9. Завадская Л. Н. Механизм реализации права / Рос. АН, Ин-т государства и права. М. : Наука, 1992. – 287 с. [Вернуться к статье](#)

10. Сильченко Н. В. Проблемы предмета правового регулирования [Электронный ресурс] // Государство и право. 2004. № 12. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/149516/1/%D0%9F%D0%A0%D0%9E%D0%91%D0%9B%D0%95%D0%9C%D0%AB%20%D0%9F%D0%A0%D0%95%D0%94%D0%9C%D0%95%D0%A2%D0%90%20%D0%9F%D0%A0%D0%90%D0%92%D0%9E%D0%92%D0%9E%D0%93%D0%9E%20%D0%A0%D0%95%D0%93%D0%A3%D0%9B%D0%98%D0%A0%D0%9E%D0%92%D0%90%D0%9D%D0%98%D0%AF.pdf> (дата обращения: 10.02.2019). [Вернуться к статье](#)

11. Шарце М. Г. Механизм правового регулирования : текст лекций. М. : Изд-во УДН, 1988. 48 с. [Вернуться к статье](#)

12. Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М. : Формула права, 2008. 400 с. [Вернуться к статье](#)

13. Сільчанка М. У. Агульная тэорыя права : у 4 ч. [Электронный ресурс]. Ч. 1. Паходжанне, сутнасць, норма і крыніцы права. Гродна, 1997. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_34971315_34489571.pdf (дата доступа: 10.02.2019). [Вернуться к статье](#)

14. Пляхимович И. И. Создаем механизм совершенствования законодательства // Право.by. 2010. № 2. С. 10–16. [Вернуться к статье](#)

15. Гарбузова Е. В. Инструментальный подход в совершенствовании национального законодательства : дис. канд. юрид. наук : 12.00.01 ; Белор. гос. ун-т. Минск, 2012. 141 л. [Вернуться к статье](#)

УДК 352.9

СТРАТЕГИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ С МЕСТНЫМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В. А. Круглов

профессор кафедры уголовного права и процесса,
доктор юридических наук, профессор,
Российский государственный социальный университет,
филиал в г. Минске (Беларусь)
e-mail: valerij.kruglov.1952@mail.ru

Аннотация. Автор приходит к выводу, что в программах сотрудничества органов государственного управления с местными органами власти можно предусматривать три группы конкретных задач: 1) определение факторов, влияющих на сотрудничество; 2) совершенствование средств и методов сотрудничества; 3) обеспечение разработки и реализации программ.

Ключевые слова: орган государственного управления, местный орган власти, стратегия сотрудничества, взаимодействие.

Annotation. The author comes to the conclusion that the programs of cooperation of public administration with local authorities can include three groups of specific tasks: 1) determining the factors affecting cooperation; 2) improving the means and methods of cooperation; 3) ensuring the development and implementation of programs.

Keywords: public administration body, local authority, cooperation strategy, interaction.

Ставя любую значимую для общества и государства цель, необходимо использовать как практические, так и теоретические достижения не только в этой сфере деятельности, но и в других сферах жизнедеятельности общества и государства. Только тогда можно будет ее реализовать на практике и добиться определенных результатов. Поэтому мы посчитали вполне обоснованным, проведя соответствующие исследования, предложить вашему вниманию теоретические предложения, касающиеся стратегии сотрудничества органов государственного управления с местными органами власти.

Сотрудничество — одна из составляющих взаимодействия, под которым понимается совместная, согласованная по месту, времени и цели деятельность органов государственного управления с местными органами власти, направленная на использование имеющихся у них возможностей для достижения поставленных целей.

Под стратегией в теории управления понимаются способы достижения целей [1, с. 165]. Если выразиться по-иному, это достижение целей путем решения определенных задач.

Государственная политика в сфере сотрудничества органов государственного управления с местными органами власти ставит перед стратегией задачи, а стратегия обеспечивает их решение.

Однако задачи, которые решает стратегия сотрудничества органов государственного управления с местными органами власти, ставит не только одна государственная политика, но и социальная политика в целом. Под социальной политикой понимается направление деятельности государства не только в сфере государственной жизни, но и в различных сферах общественной жизни.

Сфера государственной политики ограничена специальными мероприятиями сотрудничества органов государственного управления с местными органами власти.

Социальная политика без ограничений ставит перед стратегией сотрудничества органов государственного управления с местными органами власти многочисленные задачи, в том числе нравственного развития граждан и общества в целом.

Эти задачи решаются различными мерами социального сотрудничества и выходят за рамки государственной политики.

Стратегия сотрудничества органов государственного управления с местными органами власти использует как специальные, так и общие стратегические меры. В зависимости от этого стратегию можно подразделить на косвенную и прямую.

Косвенная стратегия сотрудничества органов государственного управления с местными органами власти включает те меры, которые направлены на развитие различных отраслей хозяйствования того или иного региона, повышение благосостояния населения, его культурного уровня, на улучшение жилищных условий, образования и т. д., на разработку различных социальных программ (обеспечение досуга каждого человека, оказание помощи малообеспеченным гражданам и т. д.).

Прямая стратегия сотрудничества органов государственного управления с местными органами власти включает следующие меры:

- создание, развитие, реконструкция объектов инфраструктуры отраслей хозяйствования;
- вмешательство в жизненные ситуации (от простого совета до строительства, предоставления жилья, лечения, решения конфликтных вопросов и т. п.), т. е. непосредственное улучшение благосостояния конкретного человека или семьи, предупреждение их возможного антиобщественного поведения;

- уменьшение возможности ухудшения благосостояния человека, возможности его антиобщественного поведения (устранение экономических, технических и организационных причин и условий, способствующих ухудшению благосостояния человека, совершению им антиобщественных деяний, и т. д.);

- привлечение общественности к сотрудничеству с органами государственного управления и с местными органами власти и т. д.

Учитывая это, при разработке программы сотрудничества органов государственного управления с местными органами власти следовало бы исходить из того, что стратегия должна:

- направляться на решение практических задач и обязательно опираться на достижения науки в этой области;

- включать деятельность органов государственного управления и местных органов власти, не только в текущий момент, в ближайшем будущем, но и в обозримой перспективе;

- учитывать реально существующие противоречия и процессы, происходящие в обществе, которые отрицательно сказываются на сотрудничестве органов государственного управления с местными органами власти;

- распространяться на сотрудничество органов государственного управления с местными органами власти, как в целом, так и на отдельные ее аспекты;

- формулировать не только средства и методы сотрудничества органов государственного управления с местными органами власти, но и предусматривать организационные и другие меры перестройки, обеспечения гарантий всей деятельности органов государства и местных органов в этом направлении;

- постоянно совершенствоваться, изыскивая новые возможности для усиления мер по сотрудничеству органов государственного управления с местными органами власти.

Эти положения, отражают принципиальный методологический подход к разработке стратегии сотрудничества органов государственного управления с местными органами власти.

В теории управления цель управленческих программ – предварительное определение запрограммированных результатов, на достижение которых ориентируется программа [2, с. 195].

Цель государственной стратегии сотрудничества органов государственного управления с местными органами власти включает стабилизацию сотрудничества и улучшение благосостояния населения.

В таких программах необходимо различать генеральную и промежуточную цели.

Генеральная цель формулируется как достижение определенного результата к концу срока действия программы. Такая цель может быть лишь в обоб-

щенном виде — например, значительное повышение эффективности сотрудничества органов государственного управления с местными органами власти, а в конечном итоге — значительное улучшение благосостояния населения

Промежуточные цели могут быть направлены на совершенствование отдельных способов, приемов сотрудничества, особенно на определенной территории, в области, в районе и т. д.

Такие промежуточные цели должны быть сформулированы в программе на основе статистических и иных данных о состоянии сотрудничества органов государственного управления с местными органами власти, причинах, отрицательно сказывающихся на сотрудничестве, и условиях, способствующих улучшению сотрудничества, с учетом прогноза и возможных мер социального противостояния отрицательным тенденциям.

Цели программы сотрудничества органов государственного управления с местными органами власти отличаются от ее задач.

Если цель — это желаемый результат, то задачи — это меры и действия, которые намечаются осуществить к определенному моменту реализации программы [1, с. 165].

В таких программах можно предусматривать три группы конкретных задач:

- 1) определение факторов, влияющих на сотрудничество органов государственного управления с местными органами;
- 2) совершенствование средств и методов сотрудничества органов государственного управления с местными органами;
- 3) обеспечение разработки и реализации программ.

Использование указанных предложений, по нашему мнению, позволит ученым и практикам в дальнейшем более углубленно изучать накопленный опыт не только в рассматриваемой сфере, но и в других сферах жизнедеятельности общества и государства и вносить соответствующие предложения по совершенствованию сотрудничества органов государственного управления с местными органами.

1. Стефанов Н. Н. Общественные науки и социальная технология. М. : Наука, 1976. 246 с. [Вернуться к статье](#)

2. Славин Б. Ф., Чесноков В. С. К вопросу о целевом управлении // Научное управление обществом. М., 1977. Вып. 19. С. 186–200. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.85

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВОВОЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУР В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

С. Я. Лебедев

заведующий кафедрой экономической безопасности,
аудита и контроллинга, доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист Российской Федерации,
Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
e-mail: lebesem@yandex.ru

Аннотация. *Определяются место и роль общественной безопасности в системе международной, региональной и национальной безопасности государств; анализируются основные направления инновационно-технологического развития современных систем общественной безопасности; оценивается взаимосвязь правовой и информационной культуры в модернизации систем общественной безопасности; обосновываются цифровые перспективы эффективного обеспечения общественной безопасности и предупреждения преступлений.*

Ключевые слова: *общественная безопасность, правовая культура, информационная культура, цифровые технологии, предупреждение преступлений.*

Annotation. *The place and role of public security in the system of international, regional and national security of States are determined; the main directions of innovative and technological development of modern public security systems are analyzed; the interrelation of legal and information culture in the modernization of public security systems is assessed; digital perspectives of effective public safety and crime prevention are substantiated.*

Keywords: *public safety, legal culture, information culture, digital technologies, prevention of crimes.*

Не секрет, что проблема безопасности приобретает в современном мире ключевое значение. За всю историю существования цивилизаций люди во всем мире еще никогда не испытывали таких серьезных и обоснованных опасений за свою нынешнюю и, главное, будущую жизнь. Потому активизация многих социальных исследований проблем безопасности, наряду с модернизацией главным образом военных и иных ресурсов обеспечения безопасности, ныне становится вполне закономерной. От сегодняшнего решения проблем безопасности действительно зависит судьба человечества.

Несомненно, каждая из сфер безопасности вносит в этот общий сюжет и свои угрозы, и свои системы их предупреждения, нейтрализации, устранения и минимизации негативных последствий. При этом каждая из сфер безопасности,

как правило, ограничена своим предметным полем, которое и формирует критерии известных специалистам классификаций видов безопасности: международной, национальной, региональной, общественной, экономической, экологической, технологической и др.

Представляется, что обладающая собственной предметной спецификой общественная безопасность занимает в этом обширном списке особое место. Ибо она более, чем все остальные, сопровождает практически все стороны ежедневного человеческого бытия, подчас вбирая в себя все, что связано с иными видами безопасности. Оттого общественная безопасность часто рассматривается в качестве приоритетного сегмента национальной безопасности, поскольку выражается в уровне защищенности личности, общества и государства преимущественно от внутренних (внутригосударственных) угроз противоправного, криминогенного либо собственно криминального характера. Некоторыми правоведами в этом случае обоснованно проводится параллель между общественной и криминологической безопасностью как безопасностью от преступных посягательств. То есть общественная безопасность большей частью связывается с человеческим ресурсом, с одной стороны, угрожающим своим противоправным поведением ее состоянию, с другой, — обеспечивающим над таковым необходимый правоохранительный контроль.

Такая традиционная по своему предметному содержанию (практически для любого государственного пространства и для всякого времени) система общественной безопасности в условиях нового (если верить экономистам, шестого) технологического уклада неизбежно активно «подстраивается» под стремительно развивающиеся цифровые форматы. Повсеместно искусственный интеллект интенсивно вытесняет привычные, формировавшиеся веками человеческой истории формы правоохранительного (полицейского) контроля.

Учитывая подобные тенденции, нетрудно заметить, что развитие современных систем общественной безопасности сориентировано сегодня главным образом на:

- а) цифровизацию превентивной защиты объектов общественной безопасности от потенциальных угроз;
- б) цифровизацию превентивного (легального и негласного) правоохранительного контроля над поведением людей в целях оперативного обнаружения в нем признаков угрозы общественной безопасности;
- в) цифровизацию систем обеспечения адекватного характеру угрозы и оптимального по своим ресурсам отражения такой угрозы либо минимизации ее общественно опасного потенциала;

г) на цифровую алгоритмизацию адекватной правоохранительной реакции на правонарушение и правонарушителя в целях обеспечения неотвратимости юридической ответственности.

Представляется, что в этом перечне не хватает еще одного ориентира, причем обнаруживающего себя именно в видении обеспечения общественной безопасности через призму правовой культуры, объединяющей в себе основополагающие правовые ценности, обеспечивающие права и законные интересы личности, общества, государства, а именно:

д) на модернизацию компенсаторных ресурсов устранения (нейтрализации) и минимизации последствий реализованной угрозы общественной безопасности.

Ясно, что развивающийся цифровой информационно-технологический ресурс задает тон развитию всех иных ресурсов, до настоящего времени обеспечивающих жизнедеятельность человека в так называемом аналоговом (используя аналогию определения того, что не попало под цифровое изменение) формате.

Безусловно, подобная цифровизация общественных отношений не может не «задевать» относительно удаленных от нее социокультурных традиций. Последние, охватывающие своим преемственным гуманитарным влиянием основные природные, в известной мере, духовные по своей сути формы обычного человеческого общения и поведения, составляющие основу культуры человека прошлого и пока еще его настоящего, заложившие фундамент всех иных поведенческих цивилизационных культур, остаются сегодня, пожалуй, единственным форпостом традиционной социальной морали, оберегая человека от разрушительного вторжения в его жизнь «цифрового монстра».

И в этом смысле правовая культура, исторически вобравшая в себя лучшие культурные традиции, несомненно, вместе с общими традиционными социокультурными ценностями выступает соответствующей культурной гарантией общественной безопасности*.

На первый взгляд, в отмеченных выше ориентациях систем обеспечения общественной безопасности на цифровые технологии, с одной стороны, и удерживающей общество в привычных ему социокультурных рамках, также посвоему обеспечивающих гуманитарный ресурс общественной безопасности, си-

* Правовая культура — общий уровень знаний и объективное отношение общества к праву; совокупность правовых знаний в виде норм, убеждений и установок, создаваемых в процессе жизнедеятельности. Проявляется в труде, общении и поведении субъектов взаимодействия. Формируется под воздействием системы культурного и правового воспитания и обучения. Правовая культура является компонентом духовной культуры // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Правовая_культура.

стеме традиционных культурных, в том числе правовых, ценностей — с другой, видится определенное противоречие. Между тем и те, и другие, безусловно, нацелены на достижение общей цели — сохранение безопасного пространства для спокойной жизнедеятельности людей. И чтобы это кажущееся противоречие не превратилось в самостоятельную угрозу общественной безопасности (ведь, как известно, источником любой угрозы безопасности выступают именно социальные противоречия), оно требует своего разрешения.

Представляется, что существенно нивелировать обозначенный конфликт культур (условно — цифровой и аналоговой) способен опять-таки культурный ресурс, правда присутствующий в иной системе отношений, а именно информационной. Как известно, именно укрепление и развитие информационной культуры лежит в основе прогрессивного развития цифровых технологий. То есть стабилизирующим фактором укрепления взаимосвязи традиционной и цифровой культур в системе обеспечения общественной безопасности должна стать именно информационная культура*.

По сути, от тесного взаимодействия (сопряжения) правовой и информационной культур в системе инновационного цифрового обеспечения общественной безопасности, «питаемых» традиционными гуманитарными культурными ценностями, в итоге и зависит приемлемое для спокойной жизни людей состояние общественной безопасности.

Правда, для реального достижения этой культурной «спайки» необходим еще один весьма существенный ресурс, а именно управленческий. Без него всякое научное обоснование необходимости обеспечения взаимосвязи правовой и информационной культур в достижении надежной общественной безопасности останется всего лишь теоретической моделью. Кстати, любая система общественной безопасности есть не что иное, как управленческий субстат, поскольку достижение приемлемого уровня защищенности общества от угроз его безопасности может быть реализовано исключительно в процессе взаимодействия объекта управления (общественная безопасность) и субъекта управления (государство и общество).

Однако и такое управление само по себе тоже должно опираться на соответствующие социокультурные приоритеты. Ведь исторически сформированная государством и обществом система управления в сфере общественной безопасности тоже развивается и корректируется ими под влиянием тех или иных

* Информационная культура ... составная часть общей культуры, ориентированная на информационное обеспечение человеческой деятельности... отражает достигнутые уровни организации информационных процессов и эффективности создания, сбора, хранения, обработки, представления и использования информации, обеспечивающих целостное видение мира, его моделирования, предвидения результатов решений, которые принимаются человеком // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Информационная_культура.

социокультурных приоритетов. Да и вся система политических, правовых, организационных, экономических, технических, кадровых, информационных и др. средств и методов, обеспечивающих приемлемый уровень защищенности общества от внутренних угроз, преимущественно криминогенного и собственно криминального характера, вмещаемых в понятие управления в сфере общественной безопасности, несомненно, определяется все теми же господствующими в обществе социокультурными приоритетами. Более того, именно они выступают одновременно и критериями той самой приемлемости для общества состояния его безопасности.

Обязательное условие успешного функционирования такого управления — научная обоснованность адекватности и оптимальности использования управленческого ресурса в обеспечении приемлемого уровня защищенности общества от внутренних угроз, как уже было отмечено, преимущественно криминогенного и собственно криминального характера. А все, что связано с закономерностями развития криминогенных и криминальных угроз безопасности, как известно, является предметом научного криминологического осмысления. Потому научная обоснованность управления в сфере общественной безопасности определяется еще и криминологическими целями, а точнее, особой криминологической культурой, которая, представляя собой часть правовой культуры, научно и аналитически обеспечивает гарантии предупреждения преступлений и правонарушений, формируя и развивая тем самым гарантии социально-правовой превенции в системе обеспечения общественной безопасности.

В этом случае, объединяясь с социокультурными ценностями, именно криминология создает теоретико-прикладную основу понимания и восприятия системой государственного и общественного управления в сфере общественной безопасности того, что есть закономерности обеспечения приемлемого уровня защищенности общества от угроз его безопасности и какими должны быть: а) выбор государством и обществом мер такой защиты; б) определение ресурсов ее обеспечения. Собственно этими обстоятельствами определяется вся криминологическая проблематика общественной безопасности.

Таким образом, наряду с общей социокультурной обоснованностью инновационного развития современной системы общественной безопасности ее перспективная теоретико-прикладная модель, ориентированная на актуальные цифровые форматы, помимо объединения соответствующих культурных правовых и информационных ресурсов, должна органично включаться в систему управления в сфере общественной безопасности. Непременным условием эффективности управления в сфере общественной безопасности, в свою очередь, тоже должен быть учет закономерностей развития социокультурных факторов

современного общества, а также безусловная криминологическая обоснованность любых управленческих решений в этой сфере.

Наконец, следует обратить внимание еще на одно, как представляется, весьма важное условие эффективного достижения цели надежной общественной безопасности в условиях нарастающей цифровой трансформации социальных взаимодействий. Оно касается определения приоритетного социокультурного ресурса, способного «возглавить» процесс инновационно-технологического переустройства системы общественной безопасности. Думается, что с учетом феноменологических признаков общественной безопасности как социально-правовой категории ведущая роль в инновационном развитии всех ее систем должна, безусловно, принадлежать правовой культуре. Именно она призвана быть одновременно и локомотивом и критерием обоснованности всего правоохранительного процесса, нацеленного на обеспечение общественной безопасности. Именно ей должны быть подчинены в своем обеспечении общественной безопасности все без исключения иные инновационно-технологические ресурсы. Ибо именно право всегда было, есть и должно оставаться главной традиционной (независимо ни от каких нынешних цифровых тенденций) культурной гарантией безопасности личности, общества, государства и мира в целом.

УДК [349.6:502.175] (476)(043.3)

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ОБЪЕКТОВ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ, ОЦЕНКИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

О. В. Мороз

доцент кафедры экологического и аграрного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет
e-mail: moroz_ov@mail.ru

Аннотация. Излагаются различные факторы, влияющие на формирование круга объектов стратегической экологической оценки, оценки воздействия на окружающую среду и государственной экологической экспертизы. Исследуются некоторые проблемы правового закрепления таковых. Выделяются требования к правовому закреплению перечня объектов, который должен быть единым, исчерпывающим и максимально конкретным.

Ключевые слова: стратегическая экологическая оценка, оценка воздействия на окружающую среду, государственная экологическая экспертиза, проектное решение планируемой хозяйственной и иной деятельности.

Annotation. Various factors that influence the formation of a spectrum of objects of strategic environmental assessment, environmental impact assessment and state environmental expertise are outlined. The problems of legislative embodiment of those are being investigated. The requirements for the legal implementation of the list of objects are represented. Such a list should be unified, exhaustive and as specific as possible.

Keywords: strategic environmental assessment, environmental impact assessment, state environmental expertise, project design of planned economic and other activities.

Стратегическая экологическая оценка (далее — СЭО), оценка воздействия на окружающую среду (далее — ОВОС) и государственная экологическая экспертиза (далее — ГЭЭ) осуществляются в отношении проектных решений планируемой хозяйственной и иной деятельности, реализация которых представляет наибольшую экологическую опасность. В Законе «О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду» (далее — Закон о ГЭЭ, СЭО и ОВОС) в отдельных статьях перечисляются такие объекты [1; 2, ст. 5, 6, 7]. Правильное выделение их объектов с надлежащим правовым закреплением способствует эффективности данных природоохранных мер.

Вопрос закрепления в законодательстве той или иной намечаемой деятельности в качестве объекта рассматриваемых природоохранных мер зависит от ряда факторов, в частности, от экономических аспектов планируемой деятельности. Согласно Декрету Президента Республики Беларусь «О развитии предпринимательства» возможна оптимизация круга объектов ГЭЭ [3, п 9]. Необходимо отметить, что нормы указанного нормативного правового акта главным образом направлены на развитие предпринимательской инициативы и стимулирование деловой активности. Платность и затрачиваемое время на осуществление природоохранных мер не способствуют такой активности. Несмотря на это, следует учитывать концепцию устойчивого развития, которая предполагает оптимальное сочетание экономических, социальных и экологических интересов. Кроме того, минимальное воздействие на окружающую среду при реализации некоторых проектных решений, специфика определенных сфер также могут оказывать влияние на избирательность при определении круга объектов, подлежащих СЭО, ОВОС и ГЭЭ. Возможно, по данным причинам существуют нормы, согласно которым СЭО не проводится для проектов программ, связанных с национальной обороной, чрезвычайными ситуациями и радиационной безопасностью населения, а также для проектов генеральных планов поселков городского типа и сельских населенных пунктов [2, ст. 6].

При формировании круга объектов необходимо ориентироваться и на международные соглашения. Так, следует учитывать Добавление 1 к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (далее — Конвенция Эспо). В нем приведен перечень видов планируемой деятельности, подлежащих ОВОС, которые могут оказывать значительное вредное трансграничное воздействие при их реализации. Не все из них конкретизированы. В частности, понятия «вырубка лесов на больших площадях», «нефте- и газопроводы с трубами большого диаметра», «крупные склады для хранения нефтяных, нефтехимических и химических продуктов» законодательствами разных стран могут по-разному определяться. Это вызывает проблему применимости ОВОС в трансграничном контексте, если в случае конкретизации таких объектов будут расхождения между странами. Данную проблему может разрешить норма Конвенции Эспо, согласно которой заинтересованные стороны могут вступать в новые двусторонние или многосторонние соглашения или другие договоренности с целью соблюдения своих обязательств [4, ст. 8]. В таких документах можно согласовать приемлемые для стран параметры.

При установлении круга объектов, подлежащих СЭО, также целесообразно ориентироваться на нормы Протокола по стратегической экологической оценке (далее — Протокол по СЭО) к указанной конвенции [5]. В научной литературе отмечается, что предметная сфера охвата СЭО в Законе о ГЭЭ, СЭО,

ОВОС более узкая и недостаточно определенная, чем это предусмотрено Протоколом по СЭО. Предлагается расширить круг ее объектов, включив в него проектные решения, содержащиеся в различных документах государственного планирования. Отмечается, что для этого нужно четко определиться в законодательстве с пониманием документации стратегического планирования. Акцентируется внимание на том, что концепция «плана и программы», реализованная в Протоколе по СЭО, включает документы государственного планирования не столько по названию, сколько содержательно [6, с. 115–117]. К примеру, лесоустроительные проекты можно относить к документации стратегического планирования, так как в них содержатся проектные решения, на основании которых может осуществляться более конкретная деятельность. Тем не менее, рассматривая вопрос о целесообразности распространения СЭО в отношении лесоустроительных проектов, нужно учитывать тот факт, что они имеют в том числе и природоохранную направленность, кроме того, содержательно соответствуют ряду параметров экологического доклада по СЭО: характеристика состояния компонентов природной среды, оценка экологических воздействий при реализации проектных решений и другие [7; 8; 9]. По мере накопления опыта проведения данной природоохранной меры можно вернуться к вопросу о расширении перечня ее объектов.

При формировании круга объектов, подлежащих ГЭЭ, ОВОС и СЭО, необходимо учитывать и Указ Президента Республики Беларусь «О критериях отнесения хозяйственной и иной деятельности, которая оказывает вредное воздействие на окружающую среду, к экологически опасной деятельности». К примеру, в данном нормативном правовом акте к экологически опасной деятельности относится транспортировка газов, жидкостей, жидких растворов и других средств диаметром 300 мм и более [10], а согласно Закону о ГЭЭ, СЭО и ОВОС магистральный трубопроводный транспорт подлежит ОВОС и ГЭЭ, если диаметр трубопроводов составляет 500 и более миллиметров [2, ст. 7].

Следует считать положительным стремление закрепить на уровне законодательного акта единого, исчерпывающего и максимально конкретного перечня объектов, подлежащих ГЭЭ и ОВОС, что способствует единообразию и упрощению правоприменения, разрешению многих спорных вопросов и позволяет избежать злоупотреблений [2, ст. 5, 7].

Сложность установления круга объектов СЭО, ОВОС и ГЭЭ также связана с многообразием условий возможного осуществления проектных решений намечаемой деятельности. В этом случае выходом из ситуации является выработка определенных критериев отнесения той или иной деятельности в качестве подлежащей рассматриваемым природоохранным мерам. Необходимо отметить, что в законодательстве попытки установить определенные критерии

предпринимаются. Согласно Добавлению 3 к Конвенции Эспо в случае с ОВОС в трансграничном контексте заслуживают внимания планируемые виды деятельности: а) масштабы которых являются большими для данного типа деятельности; б) осуществляются в особо чувствительных или важных с экологической точки зрения районах или в непосредственной близости от них, в) оказывающие особенно сложное и потенциально вредное воздействие [4].

Вопрос по поводу критериев отнесения тех или иных объектов как подлежащих СЭО является еще более сложным. Проблематично выделить конкретные критерии, определяющие, что те или иные проектные решения, содержащиеся в документации стратегического планирования, при их реализации могут оказать вред окружающей среде. Тем не менее в Протоколе по СЭО предложен комплексный критерий. Так, такие планы и программы должны, во-первых, разрабатываться для сельского хозяйства, лесоводства, рыболовства, энергетики, промышленности, включая горную добычу, транспорта, регионального развития, управления отходами, водного хозяйства, телекоммуникаций, туризма, планирования развития городских и сельских районов или землепользования, во-вторых, определять основу для выдачи в будущем разрешений на реализацию проектов, перечисленных в Приложении I и любых других проектов, перечисленных в Приложении II к данному протоколу, которые требуют ОВОС в соответствии с национальным законодательством [5, ст. 4]. В специальных нормативных правовых актах отражены не все составные части данного критерия. Так, в них отсутствует его вторая составляющая, но представлена первая часть критерия с некоторой детализацией. В частности, уточняется, что отношения в сфере энергетики должны затрагивать такие аспекты, как деятельность по использованию атомной энергии, энергоснабжение, вопросы электроэнергетики, теплоэнергетики, возобновляемых источников энергии. Тем не менее отсутствует указание на сферу телекоммуникации и водного хозяйства [2, ст. 6; 9, п. 3]. Возможно, данные сферы являются составной частью иных направлений, которые могут затрагиваться программами, подлежащими СЭО.

Следует отметить, что Протокол по СЭО ориентирован на максимальное число объектов, которые могут охватываться СЭО, что является положительным с позиции превентивной охраны окружающей среды. Так, существуют планы и программы, которые определяют основу для выдачи в будущем разрешений на реализацию проектов, но не охватываются указанным комплексным критерием. Государствам предлагается осуществлять их предварительную оценку на предмет возможности СЭО, используя при этом критерии, изложенные в Приложении 3 к Протоколу по СЭО. В Республике Беларусь такая предварительная оценка используется только в случаях внесения изменений и дополнений в подлежащие СЭО объекты. При этом установлены критерии, в це-

лом соответствующие указанному Приложению 3. Представляется, что это ограничивает возможность распространения данной процедуры на проектные решения, которые при их реализации могут оказать негативное воздействие на окружающую среду [5, ст. 4, 5; 9, п. 8].

Таким образом, с одной стороны, благоприятное состояние окружающей среды предполагает максимальный охват различных видов намечаемой деятельности природоохранными мерами, а также их присутствие на различных стадиях хозяйственной и иной деятельности, а с другой стороны, наличие ряда факторов, в том числе минимальное воздействие на окружающую среду при реализации некоторых проектных решений, многообразие условий возможного осуществления проектных решений намечаемой деятельности, вопросы экономического развития определяют установление оптимального круга объектов СЭО, ОВОС и ГЭЭ и (или) критериев отнесения к таковым. При его формировании следует также ориентироваться и на международные соглашения, в частности на Конвенцию Эспо и Протокол по СЭО к данной конвенции.

1. Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности / Т. И. Макарова [и др.] ; под науч. ред. Т. И. Макаровой. Минск : БГУ, 2016. 191 с. [Вернуться к статье](#)

2. О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2016 г., № 399-З. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

3. О развитии предпринимательства [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь от 23 нояб. 2017 г. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

4. Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте [Электронный ресурс] : совершено г. Эспо, 25 февр. 1991 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

5. Протокол по стратегической экологической оценке к Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте. Киев. 2003 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.unece.org/env/eia/about/sea_text.html (дата доступа: 21.08.2019). [Вернуться к статье](#)

6. Лаевская Е. В. Правовое регулирование стратегической экологической оценки: международный и зарубежный опыт, состояние и перспективы развития в Республике Беларусь : [монография] ; Нац. центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. Минск : Четыре четверти, 2017. 172 с. [Вернуться к статье](#)

7. Лесоустроительный проект государственного лесохозяйственного учреждения «Кличевский лесхоз» Могилевского государственного производственного лесохозяйственного объединения на 2014–2023 годы [Электронный ресурс]. URL: http://klichevforest.by/assets/files/certification/les_proekt.pdf (дата доступа: 21.08.2019). [Вернуться к статье](#)

8. Положение об установлении порядка проведения лесоустройства, разработки и утверждения лесоустроительного проекта, внесения в него изменений и (или) дополнений [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 4 нояб. 2016 г., № 907. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон».

[Вернуться к статье](#)

9. Положение о порядке проведения стратегической экологической оценки, требованиях к составу экологического доклада по стратегической экологической оценке, требованиях к специалистам, осуществляющим проведение стратегической экологической оценки [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 янв. 2017 г., № 47. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон».

[Вернуться к статье](#)

10. О критериях отнесения хозяйственной и иной деятельности, которая оказывает вредное воздействие на окружающую среду, к экологически опасной деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 24 июня 2008 г., № 349. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

УДК 340.12

ИСТОКИ ТЕОРИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ**П. Ю. Овсянников**

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук,

Сибирский юридический институт МВД России

e-mail: paulovsyannikov@yandex.ru

Т. Ю. Сердюкова

студент-магистр,

Юридический институт Сибирского федерального университета

e-mail: tserdyukovaa@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются точки зрения мыслителей относительно принципа разделения власти. Показан генезис развития политико-правовой мысли начиная с античного времени.

Ключевые слова: государство, конституция, теория разделения властей, политико-правовая мысль, учение о государстве.

Annotation. The article discusses the points of view of thinkers regarding the principle of the separation of power. The genesis of the development of political and legal thought is shown, starting from ancient times.

Keywords: state, constitution, theory of separation of powers, political and legal thought, the doctrine of the state.

Представления о необходимости разделения властей на протяжении многих веков выступали одним из условий формирования системы эффективного управления в обществе и на сегодняшний день не утратили своей актуальности.

Следует отметить, что в юридической литературе нет единого представления о моменте возникновения данной теории. По мнению одних исследователей, зарождение идеи разделения властей связывается с определенными способами ограничения властных полномочий монарха, например, властью Бога и Церкви или законом, которому обязан подчиняться верховный правитель. Другие полагают, что генезис теории берет свое начало из сложившихся взглядов античных мыслителей — Платона и Аристотеля. При этом исследователями данного феномена часто не производится различий между понятиями «разделение властей» и «распределение властных полномочий между государственными органами».

По справедливому замечанию В. С. Нерсисянца, античные мыслители в своих трудах указывали именно на разграничение полномочий органов государственной власти. Учение о разделении властей является более поздним правовым явлением [1, с. 184–185].

Прежде чем обрести форму классической теории, концепция разделения властей преодолела длительный путь своего развития. Фундамент теории заложили труды величайших мыслителей Древнего мира и Средних веков.

Одним из первых идею об ограничении власти верховного правителя высказал в своих работах Аристотель. В государственном устройстве он выделял законосовещательные органы, рассматривающие дела государства, административные органы, ведающие государственными должностями, и судебные органы [2, с. 514–515].

Кроме этого, Аристотель указывал на ограничение власти с помощью закона. По его мнению, «предпочтительнее, чтобы властвовал закон, а не кто-либо один из среды граждан. Того, кто стоит у власти, следует назначать стражами закона и его слугами» [3, с. 126]. При этом в некоторых случаях Аристотель все-таки допускает возможность осуществления властных полномочий, выходящих за рамки, установленные законом. К ним следует отнести случаи, когда «закон не способен дать решение», тогда правитель вправе «управлять, руководствуясь наиболее справедливым суждением».

Вслед за Аристотелем древнегреческий историк Полибий продолжает рассматривать ранние предпосылки разделения властей. Мыслитель отмечает, что в Римском государстве власть должна быть устроена таким образом, чтобы ни одна из ее составных частей никаким образом не перевешивала другую. В качестве направлений власти он выделял: власть консулов, власть сената и власть народа.

Обобщив вышеприведенные взгляды античных мыслителей, можно сделать вывод, что их воззрения следует считать лишь предпосылкой зарождения концепции разделения властей, но не самой теорией в ее чистом виде.

В Средние века идея разделения властей была затронута Фомой Аквинским, который предусматривал два вида монархического устройства: абсолютную монархию и политическую монархию. При этом лучшей формой правления, по его мнению, выступала именно политическая монархия, поскольку при такой форме государственного устройства власть правителя имеет законные границы и не должна была выходить за их пределы.

Немалый вклад в развитие идеи разделения властей был внесен Марсилием Падуанским, который выделял законодательную и исполнительную власть. В качестве законодательной власти выступали наиболее заслуженные граждане, поскольку именно народ в лице военных, священников и чиновников, по мнению мыслителя, является единственным носителем суверенитета. Что касается исполнительной власти, то ее функции зависели от законодательной власти [1, с. 121–122].

В последующем рассматриваемый нами феномен теоретически был развит и обоснован Джоном Локком. Мыслитель выделял три ветви власти: законодательную, исполнительную (выполняющую правительственные и судебные полномочия), и федеративную (осуществляющую полномочия в сфере внешней политики). Особую роль Дж. Локк отводил, прежде всего, законодательной ветви власти, которую ввиду ее назначения считал верховной: «Законодательная власть обладает правом создавать законы для каждого члена общества, предписывая им правила поведения и давая силу для наказания, поэтому она по необходимости должна быть верховной для остальных» [4, с. 86]. При этом исполнительная власть имеет некоторые prerogatives в отношении законодательной власти, к ним Дж. Локк относит, в частности, право созывать и распускать законодательный орган.

Анализируя концепцию Дж. Локка, следует отметить, что она значительно отличается от «классической» теории разделения властей, сформулированной позднее.

Основоположником теории разделения властей по праву следует считать французского ученого Шарля де Монтескье.

Монтескье выделял три ветви власти: законодательную власть, в силу которой «государь или учреждение создает законы, временные или постоянные, и исправляет или отменяет существующие законы» [5, с. 298], исполнительную власть, ведающую вопросами внешнего сношения, вопросами войны и мира и обеспечением безопасности страны, и судебную власть, разрешающую столкновения частных лиц и карающую за совершение преступлений. Следует отметить, что выделение судебной власти в качестве самостоятельной ветви представляет существенный вклад Монтескье в развитии теории разделения властей.

По мнению мыслителя, такое распределение властных функций позволит значительно ограничить абсолютную власть правителя, избежать злоупотребления властью. Как отмечал Монтескье, «все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении ... были соединены эти три власти: власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы частных лиц» [5, с. 317].

Монтескье указывал, что законодательная власть должна состоять из двух палат: собрания знатных и собрания представителей народа, отделенных друг от друга. Исполнительная власть должна быть сосредоточена в руках монарха. А судебную власть следует поручить лицам, привлекаемым из народа.

Кроме этого, мыслителем сформулирован принцип сдерживания властей, в соответствии с которым исполнительная власть имеет право приостанавли-

вать действия законодательной власти: накладывать право вето на решение или отменять принятое решение, определять регламент работы законодательной власти и распускать ее. Законодательная власть вправе осуществлять контрольные полномочия за исполнением законов исполнительной властью, а также привлекать к ответственности министров. Вместе с тем Монтескье отмечает, что «законодательная власть не должна иметь право останавливать действия исполнительной власти, поскольку она ограничена по самой своей природе, то нет надобности еще как-то ограничивать ее». Судебную власть Монтескье определял как средство сдерживания от крайностей как законодательной, так и исполнительной власти.

Резюмируя изложенное, отметим, что Монтескье заложил основу «классической» теории разделения властей. В последующем эта теория продолжила свое развитие в трудах других исследователей политических и правовых наук, которые по-разному истолковывали взгляды этого выдающегося просветителя. Последователями Ш. Монтескье по праву следует считать американских мыслителей А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея, которые воплотили на практике теорию, сформулированную Монтескье, в виде создания «системы сдержек и противовесов». Затем эта теория впервые была воплощена в Конституции США 1787 года.

Наряду с поддержкой позиций Ш. Монтескье некоторые исследователи выступали с критикой в отношении постулатов его идеи. Так, например, немецкий философ Г. Гегель был против самостоятельности властей в отношении друг друга, поскольку она влечет за собой разрушение государства или непосредственное подчинение одной власти другой. Мыслитель выступал за подчиненности всех властей государственному суверенитету, носителем которого являлся монарх. В этой связи особо следует отметить концепцию Ж.-Ж. Руссо, который, в отличие от Ш. Монтескье, не разделял власть на законодательную и исполнительную. Мыслитель утверждал, что власть неделима и может принадлежать только народу. Поэтому полагаем, что отнесение данного исследователя к ряду сторонников «классического» учения о разделении властей является безосновательным, несмотря на то, что некоторые аспекты его воззрений имеют отношение к этой концепции.

В заключение отметим, что теория разделения властей прошла длительный путь своего развития. Проявив себя как определенная идея, зародившаяся еще в античные времена, она сформировалась в особое учение. На сегодняшний день теория разделения властей лежит в основе базового принципа конституционного законодательства всех демократических государств, включая и Российскую Федерацию.

1. Нерсисянц В. С. Политические учения Древней Греции. М. : Наука, 1979. 222 с. [Вернуться к статье](#)
2. Аристотель. Политика. Сочинения : в 4 т. Т. 4. / пер. с древнегреч., общ. ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1983. 832 с. [Вернуться к статье](#)
3. Аристотель. Политика, Афинская полития / предисл. Е. И. Темнов. М. : Мысль, 1997. 458 с. [Вернуться к статье](#)
4. Локк Д. Избранные философские произведения : в 2 т. М., 1960. Т. 2. 532 с. [Вернуться к статье](#)
5. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. 799 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 34.03

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СУБЪЕКТОВ, ОБЛАДАЮЩИХ СПЕЦИАЛЬНЫМ ЮРИДИЧЕСКИМ СТАТУСОМ И ПРАВОВЫМИ ПРЕИМУЩЕСТВАМИ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

А. Г. Репьев

заместитель начальника кафедры административного права
и административной деятельности органов внутренних дел,

кандидат юридических наук,

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: repev-artem@yandex.ru

Аннотация. В статье освещаются современные тенденции состояния правовой культуры должностных лиц государства, обладающих в силу особенностей своей деятельности специальным правовым статусом и правовыми преимуществами. На основе анализа законодательства и судебной практики приводятся примеры деликтного поведения данных субъектов и очерчиваются контуры выхода из сложившейся ситуации.

Ключевые слова: правовое преимущество, специальный правовой статус, иммунитет, неприкосновенность.

Annotation. Current trends of a condition of legal culture of the officials of the state possessing owing to features of the activity, special legal status and legal advantages are covered in article. On the basis of the analysis of the legislation and judicial practice examples of delictual behavior of these subjects are given and exit contours from current situation are outlined.

Keywords: legal advantage, special legal status, immunity, inviolability.

Правовые преимущества, выступая средством обеспечения независимости и беспристрастности должностных лиц государства, наделенных специальным правовым статусом, все чаще воспринимаются последними в деформированном качестве. Речь идет об использовании таких разновидностей преимуществ, как иммунитет и особая правовая процедура в виде «индальгенции», «гарантии безответственности».

Анализ отечественного законодательства и судебной практики показывает, что отрицательный потенциал иммунитетов и особых правовых процедур возможен исходя из объективных и субъективных факторов.

К первым относится искажение подлинного назначения преимуществ в результате практики их реализации (судебной, деятельности органов исполнительной власти и иной), при которой социально и государственно-полезные цели, задачи иммунитетов, особых правовых процедур фальсифицируются, а сами они реализуются во вред общественным отношениям.

Ко вторым относится деликтность поведения лица, наделенного правовыми преимуществами и использующего их сверх установленной меры, превышая регулятивный потенциал.

Весьма показательной в этом ключе выглядит ситуация с привлечением к административной ответственности сотрудников прокуратуры. Как известно, реализуя принцип равенства перед законом (ч. 1 ст. 1.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)), законодатель не забыл и о дифференциации мер принуждения, установив «особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции (депутатов, судей, прокуроров, сотрудников Следственного комитета РФ и иных лиц)» (ч. 2 ст. 1.4 КоАП РФ).

Норма данной статьи является бланкетной, она ориентирует правоприменителя по меньшей мере на семь нормативных правовых актов. Одним из них выступает Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», закрепивший, что «проверка сообщения о факте правонарушения, совершенного прокурором, является исключительной компетенцией органов прокуратуры» [1, ч. 1 ст. 42].

Опустим здесь моменты, связанные с несовершенством законодательной техники и пренебрежением к терминологическому разграничению конструкций «правонарушение» и «административное правонарушение». Обратим внимание, что под запретом для сотрудников правоохранительных органов (полиции, Росгвардии и пр.), гипотетически выявивших совершение сотрудником прокуратуры административного правонарушения, оказалось применение таких мер принуждения (в классической конструкции — пресечения и процессуального обеспечения), как «задержание, привод, личный досмотр прокурора, досмотр его вещей и используемого им транспорта» [1, ч. 2 ст. 42].

Использование потенциала правовых преимуществ во вред интересам общества и государства в данном случае проявляется в требованиях сотрудников прокуратуры о признании незаконными действий сотрудников полиции по применению к ним любых (помимо указанных выше) мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Таких фактов немало [2; 3].

Следует понимать, что иммунитет должностных лиц государства, выполняющих публичные государственные функции, исходя из общего восприятия законодательства, направлен на создание режима их личной неприкосновенности (физической, духовной и пр.) и неподверженности общим нормам только в целях беспрепятственного выполнения служебных обязанностей. Однако ана-

лиз судебной практики, например, по фактам задержания сотрудников прокуратуры при управлении транспортным средством в состоянии опьянения либо с затонированными стеклами, показывает иное.

Суды общей юрисдикции, ссылаясь на норму об «исключительной юрисдикции прокурорских работников», признают законными действия сотрудников полиции по отстранению от управления транспортным средством, освидетельствованию на состояние алкогольного опьянения и медицинскому освидетельствованию на состояние опьянения (ст. 27.12 КоАП РФ) только со ссылкой на факт отсутствия объективных данных, указывающих на принадлежность лица к органам прокуратуры. В частности, «скрыв проходжение службы в органах прокуратуры, ФИО, тем самым отказался от предусмотренной законом процедуры расследования, обеспечивающей дополнительную защиту его прав как спецсубъекта» [2].

С подобной позицией вряд ли можно согласиться. Если представить себе ситуацию, при которой лицо, управляющее транспортным средством, не станет скрывать свою принадлежность к данному органу власти, то реализовать вышеуказанные меры (а их осуществление возможно только «должностными лицами, которым предоставлено право государственного надзора и контроля за безопасностью движения и эксплуатации транспортного средства соответствующего вида») станет не под силу. При предъявлении служебного удостоверения, например, в помещении для медицинского освидетельствования, подобное лицо должно быть отпущено, а материалы с соответствующим рапортом сотрудника полиции передаются органам прокуратуры для решения вопроса об ответственности [4]. Доказать впоследствии (к примеру, по прошествии суток или двух, затраченных на передачу материалов) нахождение лица в состоянии опьянения станет невозможным по естественным причинам вытрезвления.

Ряд иных нарушений законодательства о безопасности дорожного движения со стороны лиц, обладающих правовыми преимуществами в виде иммунитета, прямо оправдан судебными органами с «подачи законодательства». К примеру, управление личным автотранспортом, на котором установлены стекла (в том числе покрытые прозрачными цветными пленками), светопропускание которых не соответствует требованиям технического регламента о безопасности колесных транспортных средств (ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ). Замеры светопропускания стекол, без которых невозможно решение вопроса о наличии в действиях лица признаков состава данного правонарушения, судами трактуются как «фактически осуществление досмотра транспортного средства» [5], что, как установлено ранее, запрещено в отношении данной категории субъектов. Преимуществом легализована безнаказанность, вседозволенность представителей власти и надзирающих органов. Должностное лицо органа прокуратуры,

обладающее предположительно повышенным уровнем правосознания и правовой культуры, и в рассмотренном примере, и в ряде других [6] не отрицало факт своих незаконных действий, демонстративно избегая ответственности под защитой своего специального правового статуса.

В период кризиса власти, непоследовательности правовой политики дефекты законодательного закрепления правовых преимуществ становятся отчетливо видны, а субъекты, наделенные ими, наиболее подвержены соблазну воспользоваться особым положением в государстве, создав себе необходимую «подушку безопасности» от социальных потрясений, возможных проблем финансового характера. Наличие для государственных служащих юридического образования и, как следствие, развитого правового сознания является зачастую не сдерживающим от злоупотребления преимуществами фактором, а нередко — инструментом «легализации», обличения в правовую материю своих действий.

В качестве меры, направленной на снижение отрицательного потенциала правовых преимуществ, следует предложить правильное, несколько иное, нежели сегодня, использование медиапространства, средств массовой информации. Подобные институты гражданского общества могут повлиять (как положительно, так и отрицательно) на расслоение общества и последующее социальное отторжение личности. Следует прививать иные идеологические ценности, не построенные на обществе потребления. Погоня за продукцией материального мира (недвижимость, транспорт, предметы роскоши), культивирование идеи обладания ими в ущерб нравственному развитию упрочат негативные тенденции общественной жизни. Правовые преимущества не должны восприниматься как самоцель (поступление на государственную службу и пр.), высшее благо, ради которого человек преступает мораль, а за ним и право. Это лишь сопутствующий атрибут тяготам и лишениям службы Отечеству, средство благоприятного осуществления своей деятельности и положительная оценка со стороны государства.

1. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон, 17 янв. 1992 г., № 2202-1 // Собрание законодательства Рос. Федер. 1995. № 47. Ст. 4472; 2018. № 45. Ст. 6829. [Вернуться к статье](#)

2. Решение Ленинского районного суда г. Иваново, 22 июня 2017 г., № 12-171/2017 по делу № 12-171/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: официальный сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 05.03.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Постановление Ивановского областного суда, 13 нояб. 2017 г. № 4А-302/2017 по делу № 4А-302/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: официальный сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 03.03.2019). [Вернуться к статье](#)

4. Об утверждении административного регламента исполнения МВД России государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства РФ в области безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] : приказ МВД России, 23 авг. 2017 г., № 664, п. 303. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Решение Промышленного районного суда г. Смоленска, 12 сент. 2016 г. № 2А-3566/2016 2А-3566/2016-М-3013/2016 по делу № 2А-3566/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: официальный сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата доступа: 01.03.2019). [Вернуться к статье](#)

6. Решение Западно-Сибирского окружного военного суда (Новосибирская область), 7 апр. 2016 г. № 7-17/2016 по делу № 7-17/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: официальный сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 11.11.2018). [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

ПОСТРОЕНИЕ ЧАСТНЫХ МЕТОДИК РАССЛЕДОВАНИЯ «НОВЫХ» ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Д. А. Свиридов

заместитель начальника кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Могилевский институт МВД (Беларусь)
e-mail: dima.sviridov@inbox.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемные вопросы построения частных криминалистических методик расследования новых преступлений. Делается акцент на построении базовой методики расследования преступлений при отсутствии практически значимой информации: от состава преступления к методике расследования.

Ключевые слова: расследование преступлений, методика расследования, преступление, декриминализация преступления, уголовное законодательство.

Annotation. The article examines the problematic issues of building private forensic techniques for the investigation of new crimes. Emphasis is placed on building a basic method for investigating crimes in the absence of practically relevant information: from the elements of the crime to the method of investigation.

Keywords: crime investigation, investigation technique, crime, crime decriminalization, criminal law.

Развитие общественных отношений в последние годы весьма динамично, коренное изменение различного рода общественных отношений, как правило, влечет за собой и изменения в уголовной политике государства, в результате которых одни деяния признаются преступными, иные же, наоборот, декриминализируются. Такого рода процессы зачастую создают определенные сложности в раскрытии и расследовании новых видов преступлений. Формируется ситуация, при которой у практических работников возникает потребность в новой частной методике такого нового преступного посягательства, но отсутствует сама практика расследования. Как следствие — отсутствие данных для их теоретического обобщения и формирования частной методики расследования преступления, включенного в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК).

Любая частная методика расследования абсолютно любого вида преступлений формируется для того, чтобы деятельность лица, осуществляющего расследование, была максимально эффективной, целенаправленной и экономически обоснованной (учитывая как материальную сторону расследования, так и экономию времени расследования). Такая методика всегда будет иметь важное значение в связи с тем, что она ориентирована на практическую составляющую

расследования, так как потребности практики лежат в основе ее формирования, а потом и совершенствования. В связи с этим видится определенная взаимозависимость: практика расследования определенного вида преступлений — частная методика расследования данного вида преступных посягательств. С учетом данной взаимозависимости сформировано большое число частных методик. Эта же взаимозависимость предопределяет и некоторую последовательность при формировании частных методик расследования отдельных видов и групп преступлений. Изначально возникает потребность в частной методике расследования, вместе с ней создается конкретная практика расследования нового вида преступлений, в последующем же на фундаменте теоретического обобщения созданной практики формируется частная методика. Как итог, Р. С. Белкин указывал, что конечным продуктом науки криминалистики, который и поступает на вооружение следственной практики, являются частные криминалистические методики, в содержании которых на основе выводов и положений криминалистических теорий формируются рекомендации по осуществлению исследования и предотвращения преступлений [1, с. 298].

Главной проблемой для практики расследования новых преступных посягательств выступают достаточно обоснованные опасения лиц, осуществляющих расследование преступлений, а также иных должностных лиц, от решений которых может зависеть ход их расследования. Эти опасения заключаются в том, что при отсутствии сложившейся практики достаточно сложно определить, какие именно доказательства (39 % опрошенных), в каком объеме (28 % опрошенных) и какого качества (31 % опрошенных) будут необходимы для того, чтобы в суде предъявленное в ходе предварительного расследования обвинение, выглядело достаточно убедительным и легло в основу обвинительного приговора. Данные проблемы решаются за счет имеющейся частной методики расследования преступлений. Однако в ситуации, когда ее нет, о чем было указано выше, отсутствует и практика расследования. Как следствие — порочный круг, разомкнуть который необходимо как минимум для реализации новой уголовной политики государства. В противном случае может сложиться такая ситуация, при которой нормы, устанавливающие наказание за конкретное деяние, могут остаться за полем правовой реализации и стать так называемыми мертвыми нормами, которые просто существуют в нормативном правовом акте.

Выход из такого рода ловушки ищет как теория, так и практика. Так, практика идет по пути «подстраховывания» себя, т. е. лицу предъявляется обвинение в том числе и в другом преступлении, которое относится к категории отработанных практикой, т. е. имеется практика и частная методика расследования, а не только обвинение по «новой» статье. В результате такого подхода лицо, осуществляющее расследование, как бы подстраховывает возможность

допущения ошибок в ходе расследования «нового» преступного деяния, в результате которых судом может быть вынесен оправдательный приговор. А это в том числе оценка низкого качества расследования. И такого рода примеров можно привести достаточно много. В качестве одного из них — практика расследования незаконной предпринимательской деятельности. Зачастую в случаях привлечения лиц по обвинению в данном преступлении по признаку запрещенной деятельности лицу в том числе предъявлялись обвинения и в совершении других преступлений (например, лжепредпринимательство, уклонение от уплаты налогов и т. д.). В этом подходе видится желание гарантировать возможность благоприятного рассмотрения уголовного дела судом. При этом нельзя сказать, что, действуя таким путем, лица, осуществляющие расследование, стремятся исключительно к обвинительному приговору. Помимо этого, происходит процесс наработки практики расследования конкретного вида преступлений для того, чтобы в дальнейшем осуществлять их расследование по определенной схеме.

В наше время имеется достаточно большой объем исследований и обобщений практики расследования различного рода преступлений, благодаря которым созданы различные частные методики. Вместе с тем исследование практики расследования различного рода преступлений, в том числе незаконной предпринимательской деятельности, указывает на то, что и в настоящее время зачастую при предъявлении обвинения оно предъявляется вместе с обвинением по иным преступлениям. Исходя из этого, видится верным утверждать, что по-прежнему происходит подстраховывание, а как следствие, методики, имеющиеся в распоряжении, не в полной мере эффективны, особенно при динамично развивающихся общественных отношениях и изменениях уголовного законодательства. Видится, что причина этого кроется в том, что имеющейся практики не достаточно для создания полноценной частной методики расследования. А расследование, основанное на подстраховывании, в принципе является неприемлемым, так как нередко приговоры по незаконной предпринимательской деятельности выносятся по причине того, что защита не всегда серьезно относится к обвинению в этом преступлении, полагая его менее опасным для себя.

Таким образом, избранный практикой метод разрыва сформировавшегося порочного круга признавать эффективным и приемлемым нельзя. Он позволяет лишь констатировать, что статья 233 УК работает, при этом не вдаваясь в подробности, как именно работает, так как качество расследования отступает на второй план.

Второй путь — путь теории, которая предпринимает попытку решить эту проблему. Заключается это решение в создании универсальной методики расследования преступлений. Так, С. Н. Чурилов указывал, что в истории крими-

налистики предпринимались попытки формирования универсальной методики расследования преступлений», которая была бы применима к любому уголовному делу [2, с. 19]. Ю. П. Гармаев говорит о таком понятии, как «базовая методика расследования преступлений, под которой понимает систему требований и рекомендаций, которые ориентированы на формирование системы доказательств по любому уголовному делу. В частности, он указывает, что в качестве цели базовой методики выступает провозглашение построения доказательственной системы [3, с. 85]. Помимо этого, он говорит, что процесс собирания, проверки и оценки минимальной системы доказательств, которая необходима для обоснования уголовно-процессуальных решений, выступает основной целью базовой методики, а за ней и частных [3, с. 90].

Базовая методика является некой методикой методик, фундаментом, на котором достаточно просто можно сформировать новую частную методику расследования. Ее целью является решение не только проблем настоящего времени. Базовая методика имеет и прогностическое значение, так как должна удовлетворить потребности практики и теории в будущем, так как между формированием частной криминалистической методики и появлением практической потребности имеется диалектическое запаздывание [3, с. 4–5].

Можно утверждать, что создание практически всех частных методик расследования преступлений содержится в схеме: способ совершения противоправного деяния — метод раскрытия и расследования. Данная схема показывает, что знание определенных особенностей совершения преступления выступает фундаментом определения наиболее эффективных средств и методов выявления преступлений и их расследования. Несмотря на то, что такая схема достаточно эффективна и отработана практикой, ее не вполне достаточно при расследовании новых составов преступлений в силу того, что отсутствуют знания об особенностях совершения таких преступлений. Решение сложившейся проблемы видится в новой схеме создания частной методики расследования: особенности состава преступления — общие закономерности расследования однородных преступлений — частная методика расследования. Безусловно, в практике расследования будут ошибки, которые придется устранять в процессе расследования при ее реализации, но вместе с тем эти недостатки нивелируются определенными достоинствами такой схемы, и прежде всего в том, что она является начальной точкой формирования практической составляющей расследования нового вида (группы) преступлений.

Построение частной криминалистической методики расследования незаконной предпринимательской деятельности, в соответствии с предложенной выше схемой, позволило не утратить ее важности в свете изменений уголовного законодательства, в том числе и статьи 233 УК, в соответствии с которыми де-

криминализируется такой способ совершения данного преступления, как осуществление предпринимательской деятельности без регистрации. Несмотря на это, формирование базовой криминалистической методики данного вида преступлений позволило посредством альтернативного действия (отсутствие разрешения (лицензии) при осуществлении предпринимательской деятельности, когда такое разрешение (лицензия) обязательно) сохранить актуальность данной частной методики в полном объеме, определив факт регистрации в качестве обстоятельства, подлежащего доказыванию.

Однако необходимо учитывать, что базовая частная методика будет таковой лишь некоторое время, которое необходимо для накопления практического опыта. В процессе накопления практически значимой информации, связанной с особенностями расследования нового состава преступления, будет совершенствоваться и частная методика, приходя к схеме: практика расследования — частная методика расследования. Составы преступлений по мере накопления информации о них перестают быть новыми, способы их совершения будут изучены.

Таким образом, значение базовой частной методики расследования заключается в обеспечении лиц, осуществляющих расследование преступлений, рекомендациями, посредством которых расследование новых видов преступлений будет оптимальным и эффективным. По мере совершенствования частной криминалистической методики расследования конкретного вида (группы) преступлений эффективность ее будет расти. Такая частная методика будет способствовать процессу накопления практической информации, необходимой для совершенствования методики.

1. Белкин Р. С. Курс Криминалистики : криминалистические средства, приемы и рекомендации : в 3 т. М. : Юристъ, 1997. Т. 3. 480 с. [Вернуться к статье](#)

2. Чурилов С. Н. Общий метод расследования преступлений : иллюзия или реальность? // Вестник криминалистики. 2009. № 1(29). С. 19–24. [Вернуться к статье](#)

3. Гармаев Ю. П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений : монография. Иркутск : ИЮИ ГП РФ, 2003. 342 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 378

ИНТЕГРАЦИЯ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Н. В. Сидорова

доцент кафедры правового регулирования
экономических отношений,
кандидат юридических наук, доцент,
Карагандинский экономический
университет Казпотребсоюза (Казахстан)
e-mail: nsidorova75@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы интеграции науки, образования и практики в условиях глобализации. Раскрывается сущность и особенность производства, передачи и накопления знаний, востребованных экономикой, обществом и государством. Обосновывается важнейший аспект глобализации — трансграничность знаний.

Ключевые слова: глобализация, наука, образование, практика, экономика, интеграция, коммерциализация знаний, инновации.

Annotation. The article deals with the integration of science, education and practice in the context of globalization. The essence and peculiarity of the production, transfer and accumulation of knowledge demanded by the economy, society and the state is revealed. It substantiates the most important aspect of globalization — the transboundary knowledge.

Keywords: globalization, science, education, practice, economics, integration, knowledge commercialization, innovations.

Сегодня термин «глобализация» не имеет точного определения и используется во многих значениях — от взаимозависимости экономик государств до влияния процессов глобализации на политические, экономические, социальные и культурные взаимосвязи различных стран. В контексте рассматриваемой проблемы следует отметить, что глобализация содействует развитию экономики, основанной на знаниях, а это, в свою очередь, актуализирует интеграцию науки, образования и практики.

Трансграничный обмен знаниями — это важнейшее условие производства, передачи и накопления знаний, интегрируемых в образование через научные школы и процедуры коммерциализации знаний. В этом основной смысл экономики, основанной на знаниях.

Основные постулаты концепции «экономика, основанная на знаниях» сформулированы Всемирным банком:

- образование и обучение, то есть распространение и использование знаний через образованное и профессионально подготовленное население;
- инновационная инфраструктура, то есть инфраструктура для распространения и обработки информации и содействия коммуникациям;

- экономические стимулы и институциональный режим, то есть формирование экономической среды, регулирующей свободный поток знаний и обеспечивающей их внедрение, а также внедрение информационно-коммуникационных технологий и развитие предпринимательства;

- инновационные системы, то есть сеть университетов, исследовательских центров, частных предприятий и обществ, основной целью которых является ориентирование на использование глобального знания, его накопления и экстраполяции к местным потребностям общества, а также производство, накопление и передача новых знаний [1].

Научная составляющая деятельности учреждений высшего образования (университеты, академии и институты) направлена на производство новых знаний фундаментального или прикладного характера. Производство новых знаний зависит от субсидирования со стороны государства (выделение грантов на научные проекты), а также от коммерческого заказа на такие исследования (хозяйственно-договорные темы исследований). Определяющее значение в таких «научных инвестициях» имеет востребованность ожидаемых результатов обществом, только в данном случае возможна «прибыль» от таких «инвестиций».

Говоря об интеграции науки, образования и практики, следует отметить, что важнейшим элементом передачи знаний в процессе образования (обучения) специалистов различного уровня (бакалавриат, магистратура, докторантура) является информационная среда коммуникаций и используемые инновационные технологии. Распространение средств мгновенного обмена информацией обуславливает тот факт, что образовательные программы, реализуемые вузами, насыщаются трансграничными знаниями, с одной стороны, с другой — они должны быть практико-ориентированы и востребованы обществом.

В своем Послании народу Казахстана Президент РК отмечает, что успешность вуза определяется занятостью выпускников, при этом должно развиваться партнерство с ведущими университетами мира. Он отмечает, что на рынке образовательных услуг должны остаться только те вузы, которые обеспечивают высокое качество образования [2].

Важнейшей функцией научной системы и образования в условиях глобализации является перемещение и распространение знаний в экономику, то есть их коммерциализация и внедрение в процессы производства и развития. Новые технологии и инновационные стратегии — это давление конкуренции как внутри страны, так и в рамках экономической интеграции государств. То есть поступательным фактором развития Казахстана в условиях глобализации, а также в новой архитектуре экономической интеграции ЕАЭС должна стать идея: «наука для экономики, экономика для науки, образование через науку и экономику». Таким образом, главный приоритет концепции «экономика, основанная

на знаниях» — это «интеллектуальный капитал» как приоритетный источник накопления богатства в обществе.

Еще в 2008 году Глава нашего государства, выступая перед стипендиатами программы «Болашак», презентовал проект «Интеллектуальная нация — 2020», основная цель которого воспитание казахстанцев новой формации, превращение Казахстана в страну с конкурентоспособным человеческим капиталом. В проекте определены три приоритетные задачи: инновационное образование, инновационный прорыв и духовное воспитание молодежи.

Реализация обозначенных задач стала возможной в результате комплексного подхода, включающего:

- создание экономических стимулов производства, распространения и использования глобальных и локальных знаний государством, обществом, а также во всех секторах экономики (гранты МОН на научные исследования, хоздоговорные научные исследования);

- формирование научного потенциала, включающего креативную молодежь, молодых ученых и молодых предпринимателей, умеющих гибко и критически мыслить в условиях меняющихся реалий, обладающих цифровыми компетенциями и полиязычными коммуникациями (создание молодежного кадрового резерва и др.);

- создание информационной инфраструктуры, доступной широким слоям общества (портал «Электронное правительство», цифровые проекты Генеральной прокуратуры Республики Казахстан и др.);

- переориентация системы научных учреждений (университеты, научно-исследовательские центры и др.) на потребности государства, общества и экономики (создание учебных научно-производственных центров, коворкинг-центров и др.).

Фундаментальными предпосылками обозначенных приоритетов стали правовые, политические и экономические реформы, реализуемые в целях поступательного развития Республики Казахстан. Данные реформы сформировали атмосферу институциональных преобразований, инноваций, притока иностранных инвестиций, развитие предпринимательства, а также гарантированности основных прав и свобод человека. В данном контексте следует отметить необходимость дальнейшего совершенствования законодательства Республики Казахстан в условиях интеграционных процессов ЕАЭС.

В Республике Казахстан сформированы правовые основы баланса отношений между правительством и субъектами предпринимательства, выражающихся в государственно-частном партнерстве, что стимулирует частный сектор к внедрению инноваций, созданию новых экономических кластеров, а это, в свою очередь, актуализирует заявленную ранее идею: «наука для экономики,

экономика для науки, образование через науку и экономику». Ключевая роль государства в данном направлении заключается в создании правовых, институциональных и экономических условий для конкуренции, инвестирования в экономику, создания устойчивой макроэкономической и фискальной политики.

Человеческий капитал — основа конкурентоспособного общества в условиях глобализации. Таким образом, потребность общества и государства — это высококвалифицированные кадры. Улучшение качества образования, научной среды, реализуемых вузами образовательных программ должно базироваться на практико-ориентированном направлении, а также основываться на международных стандартах в образовании. Академическая самостоятельность вузов ограничивается потребностями общества в выпускниках с определенными компетенциями [3, с. 98].

Актуальность представляют инвестирования в социальные программы, касающиеся человеческого потенциала. Активную позицию по данному вопросу должны занять Советы молодых ученых Казахстана в целях привлечения молодого научного потенциала страны к реализации глобальных программ развития экономики, основанной на знаниях, инновационной экономики.

По мере возрастания взаимозависимости и взаимосвязей государств в мире возрастает необходимость в новых формах и областях сотрудничества. Представляется, что в глобальном управлении повышается роль государственных и негосударственных участников международного сотрудничества. Это является широкой платформой для контактов и обмена идеями на научном уровне по самым разным проблемам современности.

Таким образом, подводя итог сказанному, следует отметить, что интеграция науки, образования и практики обусловлена потребностями общества и государства и является ключевым фактором формирования экономики, основанной на знаниях.

1. Арыстанбекова А. Глобализация. Алматы : Дайк-Пресс, 2007, 117 с. [Вернуться к статье](#)
2. Назарбаев Н. А. Рост благосостояния граждан: повышение доходов и качества жизни [Электронный ресурс] : Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана, 5 октября 2018 года. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nazarbaeva-narodu-kazahstana-5-oktyabrya-2018-g (дата доступа: 22.01.2019). [Вернуться к статье](#)
3. Сидорова Н. В. Роль науки в условиях глобализации // Инновационное развитие и востребованность науки в современном Казахстане : сб. ст. междунар. науч. конф. : в 2 ч. Ч. 1. Общественные и гуманитарные науки. Алматы, 2009. С. 98–01. [Вернуться к статье](#)

УДК 34 (091)(476)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

И. А. Сороковик

доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат исторических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
e-mail: i.sorokovik@yandex.by

Аннотация. *Статья посвящена особенностям развития юридической науки и образования Беларуси в годы перестройки. В таком аспекте тема недостаточно исследована. Этот период имеет много положительных моментов, которые следовало бы развивать в настоящее время.*

Ключевые слова: *перестройка, юридическая наука, высшее юридическое образование, кафедра, Беларусь, СССР.*

Annotation. *The article is devoted to the peculiarities of the development of legal science and education in the years of perestroika. In this aspect the topic is poorly investigated. This period has many positive aspects that should be developed now.*

Keywords: *perestroika, law science, higher legal education, Department, Belarus, USSR.*

Вторая половина 1980-х гг. связана с процессом так называемой перестройки, начатой КПСС. Затронула она и юридические кафедры. 11 июня 1986 г. кафедра уголовного процесса БГУ обсудила проект постановления ЦК КПСС «Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране». В результате обсуждения были высказаны некоторые предложения. Доктор юридических наук В. М. Шпилев предложил организовано обеспечить учебный процесс высшей школы техническими средствами обучения. Профессор И. И. Мартинович поддержала необходимость расширения очной аспирантуры и одновременно предложила «целесообразно установить возможность присвоения преподавателям ученых степеней без написания диссертаций на основе опубликованных работ, результатов проведенных исследований, авторских свидетельств и других материалов, получивших положительную оценку научной общественности». Доцент С. П. Бекешко считал, что высшее образование не должно быть в 74 союзных и республиканских министерствах, его необходимо сконцентрировать в системе Министерства высшего образования СССР [1, л. 208–210].

В это время издано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 марта 1987 г. за № 326 «О повышении роли вузовской науки в ускорении научно-технического прогресса, улучшении качества подготовки специалистов» [2, л. 30]. Оно относилось и к юридической науке и образованию. Эти же

органы одновременно приняли и постановление «Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране». Оно содержало некоторые новые, прогрессивные идеи. Вводилась шестилетняя подготовка специалистов по наукоемким направлениям, одобрено образование государственно-общественных объединений — учебно-методических объединений вузов по однотипным специальностям, сделаны подходы к финансированию высшей школы (введение платы за специалиста со стороны заказчика кадров). Признавалась необходимость возвращения к выборности ректоров, расширения студенческого самоуправления, предусматривалась регулярная аттестация высшей школы и др. [3].

Не случайно 10 марта 1987 г. на заседании кафедры уголовного процесса БГУ (протокол № 7) был рассмотрен вопрос «Об усилении на кафедре работы по перестройке процесса преподавания». Выступили профессор И. И. Мартинович, заведующий кафедрой, профессор Е. А. Матвиенко, доцент В. Н. Бибило. Постановление кафедры заслуживает того, чтобы привести его точно: «Усилить работу кафедры по перестройке процесса преподавания и воспитания на факультете, для чего: 1. Активнее осуществить переход от информативного метода преподавания к проблемному, особенно при чтении лекций по спецкурсам. 2. Добиться в течение ближайших лет полного обеспечения технических средств обучения процесса преподавания основных дисциплин кафедры. 3. Сцелью активизации самостоятельной познавательной деятельности студентов: а) уменьшить лекционную нагрузку по дисциплинам кафедры на стационаре; б) увеличить объем самостоятельной работы студентов под руководством преподавателей в рамках существующих учебных планов и программ (ввести промежуточные зачеты, рефераты, контрольные работы и прочее); в) активизировать работу студенческих научных кружков, обратив особое внимание студентов в обобщении практики. 4. Совершенствовать и расширить взаимодействие кафедры с правоприменительными органами» [4, л. 143–144]. Такой подход актуален и сегодня.

В связи с этим появился новый подход к управленческим кадрам. Их стали выбирать на первичном уровне трудовые и научно-учебные коллективы. Считалось, что это демократическая процедура и она позволит выявить настоящих руководителей коллективов, профессионалов своего дела, способных организовать его и повести за собой трудовые коллективы, а это значит — повысить качество работы. Не обошел он стороной и кафедры высшей школы. Согласно протоколу № 2 от 20 сентября 1988 г. на заседании кафедры уголовного процесса БГУ рассматривался вопрос «О рекомендации к избранию на должность заведующего кафедрой уголовного процесса». Соответственно ее членами были предложены кандидатуры В. Н. Бибило, С. В. Долгорукова, А. А. Да-

нилевича. Каждый из них высказал свою точку зрения на дальнейшее развитие научной и учебно-методической работы. Наиболее убедительной, аргументированной, развернутой была программа доцента В. Н. Бибило. Каждый член кафедры открыто высказался по поводу претендентов. Однако в результате голосования по большинству голосов выбор пал на С. В. Долгорукова, который в это время исполнял обязанности заведующего кафедрой [5, л. 13–19]. Для этой кафедры после выборов все закончилось мирно, а для некоторых других в вузах Беларуси они омрачились нездоровым противостоянием различных группировок, что, разумеется, не содействовало нормальной работе кафедр.

В этот период стало более широко практиковаться проведение совместных заседаний однотипных кафедр различных высших учебных заведе. Например, 7 мая 1987 г., состоялось совместное заседание кафедры уголовного процесса БГУ (Е. А. Матвиенко) и кафедры уголовного процесса Минской высшей школы МВД СССР (С. В. Борики). Было принято решение об утверждении плана работы филиала кафедры на общественных началах при Следственном управлении МВД Белорусской ССР [4, л. 182–184].

Эта же кафедра оперативно отозвалась 27 января 1988 г. на приказ министерств высшего образования СССР и внутренних дел СССР «О коренном улучшении целевой подготовки юридических кадров для органов внутренних дел в высших учебных заведениях Минвуза СССР». Было решено: по согласованию с МВД БССР образовать в министерстве филиал кафедры; просить МВД БССР определить базовые райотделы внутренних дел в Минске и областных городах для прохождения студентами практики; просить совет факультета ввести спецкурс «Производство расследования по уголовным делам» (лекции — 26 часов, практические занятия — 10, семинары — 12); разработать тематику курсовых и дипломных работ для студентов, обучавшихся по программе целевой подготовки кадров для ОВД; установить более тесное творческое сотрудничество с кафедрой уголовного процесса МВШ МВД СССР; практиковать совместные заседания кафедр, разработку и взаимное рецензирование учебных программ и методических пособий спецкурсов по проблемам деятельности органов внутренних дел [6, л. 67–69].

Вторая половина 1980-х гг. была отмечена налаживанием контактов юридических кафедр с государственными юридическими учреждениями, правоохранительными органами. На примере известной кафедры уголовного процесса видно, что она имела свои филиалы в прокуратуре г. Минска и в Минском городском суде. Проводились элементарные социологические исследования, для чего было разработано 30 вопросов для судей Минского городского суда и 8 — для граждан, которые приходили на прием. Вопросы об их деятельности обсуждались на заседаниях кафедры. Однако работа их не была такой эффек-

тивной, как хотели ее организаторы. Поэтому не случайно профессор И. И. Мартинович считала, что лучше было бы, чтобы практические сотрудники-юристы чаще выступали перед студентами и преподавателями юрфака университета, а студенты — чаще посещали бы заседания судов, знакомились бы с практической работой прокурора, следователя, сотрудника милиции [7, л. 55–56].

По-прежнему много времени и усилий уделялось обсуждению на кафедрах проектов нормативных актов и принятию предложений по их совершенствованию, в частности, 23 сентября 1988 г. проекта Закона СССР «О статусе судей в СССР»; проекта Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве в СССР [7, л. 20–23.]. Кафедра государственного права и советского строительства БГУ только в 1988 г. направила Президиуму Верховного Совета БССР более 20 предложений о совершенствовании законодательства, регулирующего деятельность местных советов. На заседании 11 ноября 1988 г. (протокол № 4) ее члены обсуждали проекты законов СССР «Об изменениях и дополнениях Конституции СССР», «О выборах народных депутатов СССР» [8, л. 25, 12–20], а 13 октября 1989 г. — проект Указа Президиума Верховного Совета БССР «О внесении изменений и дополнений в Кодекс БССР об административных правонарушениях» [9, л. 23]. На это время приходится и непосредственное участие ученых-юристов Беларуси в подготовке проектов многих нормативных актов. Так, при организации работы по рассмотрению проекта Союзного договора и подготовке предложений по нему 22 марта 1991 г. под председательством М. В. Мясникова в секцию по правовым вопросам Союзного договора были включены В. А. Боровцов, В. Д. Егоров, Г. М. Шкурдь, А. Н. Шельдов, В. В. Подгруша, Н. А. Кудинов, С. В. Сучко [10, л. 51, 52].

Реформирование органов советской власти, согласно решениям XIX Всесоюзной партконференции, отразилось и на тематике научных работ юристов. Юридический факультет БГУ, например, активно разрабатывал в контакте с коллегами Института философии и права такие темы, как «Теоретические проблемы совершенствования правовых основ государственной и общественной жизни», «Тенденции и перспективы развития права и укрепления социалистической законности» [10, л. 40, 42; 11, Арк. 125]. Основные усилия по первой теме были сконцентрированы на разработке концептуальных основ осуществления правовой и политической реформ и совершенствовании научно-методической базы юридического образования. В результате были сформулированы основные закономерности и принципы социалистического правового государства, обоснована концепция такого государства с учетом интересов как всего Союза, так и союзных республик. Результаты работы по второй теме поз-

волили дать разъяснения по использованию нового уголовного законодательства, выработать модель Уголовного кодекса Белорусской ССР, разработать научные основы выявления и профилактики преступлений в республике, дать предложения по совершенствованию уголовного судопроизводства и т. д. [11, л. 126, 131].

В последний год существования Советского государства юридические кафедры БГУ выполняли четыре государственных бюджетные темы : «Теоретические проблемы формирования и функционирования гражданского общества и правового государства» (в соответствии с программой АН БССР «Суверенитет» (научный руководитель — профессор А. М. Абрамович)), «Совершенствование средств и методов борьбы с преступлениями в Республике Беларусь в условиях правовой реформы» (научный руководитель — доцент А. В. Барков), «Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в условиях радикальной экономической реформы и рыночных товарно-денежных отношений» (научный руководитель — профессор В. Ф. Чигирь) и «Проблемы правового регулирования гражданских процедур и трудовых отношений в условиях правовой реформы» (научный руководитель — профессор Н. Г. Юркевич) [12, л. 41].

Результаты исследований частично нашли отражение в проектах нормативных правовых актов Верховного Совета Республики Беларусь, в частности в проекте новой Конституции Республики (профессора С. Р. Мелочь, О. А. Головки, И. А. Юхо, доцент М. П. Чудаков и др.), в проекте Закона «О Конституционном суде», в ряде статей и научных докладов. Определенные положительные наработки имелись и по другим позициям.

Характерным для этого времени стали выпуски межведомственных научных сборников «Право и демократия» (один раз в год) и «Тенденции и перспективы развития права и укрепления социалистической законности» [11, л. 137].

Таким образом, этот период характеризуется рядом направлений: установление процедуры избрания на должность заведующего кафедрой ее членами, образование филиалов кафедр прежде всего в правоохранительных органах, более прочные связи с Академией наук, Минской высшей школой МВД СССР, право на защиту кандидатских и докторских диссертаций диссертантов из разных регионов Советского Союза, развитие хозяйственно-договорных связей, попытка преподавания различных юридических дисциплин на родном белорусском языке.

За рассматриваемый период заметно повысился авторитет юридической науки Беларуси. Значительно возросло количество кандидатов и докторов юридических наук. Их стали приглашать на симпозиумы и конференции не только

республиканского, но Союзного и международного уровня, что свидетельствует о том, что юридическая наука Беларуси получила широкое признание.

1. НАРБ. Ф. 205. Оп. 21 (доп). Д. 102. [Вернуться к статье](#)
2. НАРБ. Ф. 498. Оп. 1. Д. 43. [Вернуться к статье](#)
3. СП СССР. 1988. № 36. Ст. 103. [Вернуться к статье](#)
4. НАРБ. Ф. 205. Оп. 21 (доп). Д. 125. [Вернуться к статье](#)
5. НАРБ. Ф. 205. Оп. 21 (доп). Д. 210. [Вернуться к статье](#)
6. НАРБ. Ф. 205. Оп. 21 (доп). Д. 149. [Вернуться к статье](#)
7. НАРБ. Ф. 205. Оп. 21 (доп). Д. 177. [Вернуться к статье](#)
8. СП СССР. 1986. № 33. Ст. 172. [Вернуться к статье](#)
9. НАРБ. Ф. 205. Оп. 21 (доп). Д. 209. [Вернуться к статье](#)
10. НАРБ. Ф. 205. Оп. 8. Д. 3822. [Вернуться к статье](#)
11. НАРБ. Ф. 205. Оп. 8. Д. 3991. [Вернуться к статье](#)
12. НАРБ. Ф. 205. Оп. 8. Д. 4188. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.5

ГЕНЕЗИСНЫЕ НАЧАЛА РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ (формально-правовой базис)

В. П. Сухопаров

младший научный сотрудник отдела исследований
в области гражданского, экологического и социального права,
Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь,
магистрант 2 курса Белорусского государственного университета
e-mail: sukhoparov_v@mail.ru

Аннотация. В статье актуализируется проблематика генезисных начал романо-германской правовой семьи в условиях современных процессов ее трансформации и конвергенции. На основе анализа практического влияния римского права на правовые системы Германии, Швейцарии и Франции автором определяется генезисный формально-правовой базис романо-германской правовой семьи.

Ключевые слова: романо-германская правовая семья, генезис источников права, рецепция римского права, практическое влияние римского права, *Communis opinio doctorem*.

Annotation. Topicality of problems of genetic beginning of law sources of Roman German Law System is justified. The author points out conditions of current process of transformation and convergence of Continental Law System. Genetic formal-legal basis of Roman German Law System is revealed due to analysis of Roman Law practical influence in some countries.

Keywords: Roman German Law System, genesis of sources of law, Roman Law effect, Roman Law practical influence, *Communis opinio doctorem*.

В современных условиях трансформации системы источников права романо-германской правовой семьи (далее — РГПС) определение ее генезисного формально-правового базиса является актуальным для теоретического обоснования (либо опровержения) возникших реалий и решения соответствующих практических проблем. В противовес признаваемой дате возникновения РГПС (XIII в.), связываемой с академическим возрождением римского права [1, с. 37], исторически первая система источников права рассматриваемой правовой семьи не была точно определена. Выявление источников права, относящихся к генезисному формально-правовому базису, возможно на основе анализа практического влияния римского права на относящиеся к РГПС европейские правовые системы в XIV–XVI вв.

Одной из тенденций практического влияния римского права (через доктрину постглоссаторов) в XIV–XVI вв. было его использование в правоприменительной практике в качестве источника права (Германия, Швейцария, Фран-

ция и др.). На территории Германии отношение к римскому праву как к источнику права не было однозначным. С одной стороны, Устав имперского суда (KGO) 1495 г. называл римское право «имперским и общим правом», основным источником права наряду с уставами и обычаями. С другой стороны, действовавшие в XV–XVI вв. немецкие статуты и уставы «прямо называли римское право дополнением» [2, с. 33].

На наш взгляд, двойное отношение к римскому праву было обусловлено несколькими факторами. Определение римского права на территории Германии как основного источника права после 1495 г. было напрямую связано с тем, что так было прописано в Уставе учрежденного имперского суда. С другой стороны, в XV в. применение римского права находило свое выражение не на основе конкретных объективированных источников права (таких, как, например, компиляции обычаев или немецкие статуты), а на основе знаний, полученных немецкими юристами в Италии и Франции.

Юстиниановское римское право VI в. в том содержании, в каком оно было в итальянской рукописи, непосредственно не было применимо к общественным отношениям, сложившимся на территории Германии к XV–XVI вв., поскольку это были отношения другой общественно-экономической формации. Помимо этого, древняя рукопись Дигест Юстиниана оставалась в итальянском университете и не вывозилась немецкими учениками для применения на своей территории. Для применения римского права у немецких юристов XV в. были свои материалы, оставшиеся у них после получения юридического образования за рубежом и содержавшие переработанное постглоссаторами римское право с учетом потребностей практики и местных воззрений (*Communis opinio doctorum* — Общее заключение постглоссаторов).

В то же время немецкий автор высказывал некоторые опасения относительно правильности определения предмета рецепции при применении римского права на территории Германии. По мнению Л. Эннексеруса, ошибочно полагать, что предметом рецепции являлась итальянская доктрина римского права, а не само римское право [2, с. 32]. Рассматриваемая позиция основывается ученым на том, что итальянские доктринальные положения на основе римского права учитывали, в первую очередь, местные потребности регулирования общественных отношений, которые не всегда согласовывались со сложившимися общественными отношениями на территории Германии. Однако, основываясь на этом же методологическом подходе, следует учитывать, что непосредственное применение норм римского права VI в. к общественным отношениям, сложившимся на территории Германии к XVI в., было невозможным. К тому же сам Л. Эннексерус отмечает, что римское право начало свое распространение

на территории Германии с XV в. благодаря немецким юристам, получившим юридическое образование в Италии и Франции [2, с. 30].

На наш взгляд, тот факт, что не все положения итальянской доктрины на основе римского права могли быть применимы к сложившимся на территории Германии общественным отношениям, не является основанием для вывода о предмете рецепции, исключаящем итальянскую доктрину. Частичное применение положений итальянской доктрины при регулировании общественных отношений лишь указывает на особенности практического влияния *Corpus iuris civilis* и его правоприменения в европейских правовых системах в период позднего Средневековья. Будучи знанием юристов, получивших юридическое образование за рубежом, положения итальянской доктрины на основе римского права могли при необходимости перерабатываться, адаптируясь тем самым под другую правовую систему с сохранением принципов римского права, являющихся неотъемлемой частью постглоссаторской доктрины. С другой стороны, те положения итальянской доктрины, которые были приемлемы для другой правовой системы, в том числе на территории Германии, применялись напрямую.

В XV – начале XVI в. нормы римского права на территорию Германии проникали благодаря постглоссаторской доктрине, и потому ее необоснованно исключать из предмета рецепции. В университетах Италии преподавалось *Communis opinio doctorem* на основе *Corpus iuris civilis*. Именно примеры адаптации норм римского права ко времени и месту, выявленные постглоссаторами принципы римского права и толкования к юстиниановским нормам позволяли применять и адаптировать соответствующие доктринальные положения, а вместе с ними и римское право на других территориях. Сам оригинальный текст Юстинианова Свода был написан на древнем языке и сложен для понимания студентов, прибывших из зарубежья [3, с. 17].

Институты римского права, усовершенствованные постглоссаторами под феодальную систему, в большей мере отвечали возможностям их применения на других территориях, нежели юстиниановские институты в их первоначальной редакции. Поскольку и первые, и вторые при необходимости могли быть переработаны немецкими правоприменителями, то на каком основании тогда итальянская доктрина исключается из предмета рецепции римского права? Напротив, итальянская доктрина римского права была неотъемлемой частью рецепции в Германии, поскольку именно через нее юристами получалось знание как о содержании норм римского права, так и о доктринальных положениях на ее основе, приспособленных к иному общественно-экономическому укладу.

В силу того, что в XVI–XVII вв. римское право стало повсеместно действующим применимым правом на территории Германии [2, с. 31], можно сделать вывод о том, что *Communis opinio doctorem* на основе юстиниановского

римского права было основным источником права и применялось в Германии наряду с немецкими компиляциями обычаев, правовыми актами (уставы и статуты), а не в их дополнение. Помимо указанных источников права, Германии была известна и практика регулирования общественных отношений международным договором (Договор немецких городов и Смоленска о свободном плаваньи по Западной Двине 1229 г. [4, с. 39]).

В Швейцарии в XVI в. место высших судов заняли юридические факультеты, что, по мнению Л. Эннексеруса, «открыло дорогу» рецепции римского права [2, с. 30]. Э. Аннерс отмечал, что методика преподавания юриспруденции в европейских университетах была заимствована из Италии после XIII в., где изучалось, толковалось и адаптировалось к современным для того времени общественным отношениям римское право [5, с. 171]. Следовательно, разрешение юридических дел швейцарскими юридическими факультетами основывалось преимущественно на доктринальных положениях и принципах римского права, что позволяет отнести его к основному источнику права Швейцарии, применяемому наряду с другими, а не по субсидиарному принципу.

В южной части Франции юстиниановское римское право применялось в судебной практике с XIV в.: в 1312 г. римское право было признано «писаным обычаем». Ко второй половине XIV в. за югом Франции закрепляется название «страна писаного права» [6, с. 440]. В связи с тем, что в то время во Франции обычное право оказывало основное регулирующее воздействие на общественные отношения, признание римского права писаным обычаем означало его применение в качестве основного источника права наряду с другими, а не по принципу субсидиарности. Определяющее значение для такого вывода имеет также закрепление за югом Франции названия страны писаного права, которым было римское право. Это объясняется тем, что редкие случаи применения римского права в качестве субсидиарного источника права по сравнению с преобладающим применением кутюм-обычаев не могли детерминировать название юга Франции по второстепенному источнику права.

На севере Франции римское право оказывало свое практическое воздействие на рубеже XIV–XV вв. по двум направлениям. С одной стороны, благодаря деятельности французских парламентов, нормы римского права, адаптированные постгlossаторами к условиям средневекового общества, оказывали влияние на содержательное редактирование кутюм [6, с. 441]. С другой стороны, римское право оказывало влияние и в рамках правоприменительной деятельности на севере Франции: римское право применялось в качестве *ratio scripta* [1, с. 51]. Наделение римского права статусом «писаного разума» указывает на его применение в качестве основного (а не субсидиарного) источника права наряду с другими.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. В Германии, Швейцарии и Франции в XIV–XVI вв. *Communis opinio doctorem* на основе *Corpus iuris civilis* применялось как основной (а не субсидиарный) источник права наряду с другими (обычное право, правовые акты, каноническое право, международные договоры). Применение римского права через доктрину постглоссаторов как основного источника права было вызвано рядом объективных и субъективных факторов. Во-первых, авторитетом римского права среди ученых и юристов-практиков, необходимостью совершенствования правового регулирования общественных отношений и потребностями в правоприменительной деятельности. Признание римского права одним из основных источников применимого права подтверждается указанием в Уставе имперского суда (KGO) 1495 г. требования, адресованного судьям, применять римское право наряду с обычаями (Германия); именованием римского права в XIV–XV вв. писаным обычаем и *ratio scripta* (Франция).

Среди субъективных факторов можно обозначить применение доктринальных положений римского права юристами из Германии и Швейцарии, получившими образование у постглоссаторов за рубежом (изученное римское право было проще применять, чем действующие на своей территории источники права в силу неизвестности норм последних). Адаптация римского права ко времени и местности, выраженная в доктрине постглоссаторов, позволяла применять в рассматриваемых правовых системах доктринальные положения на основе римского права по аналогии, перерабатывать их сообразно местным правовым воззрениям и потребностям с сохранением сути предписаний римского права (принципов).

Таким образом, к генезисному формально-правовому базису романо-германской правовой семьи, сформировавшемуся в XIV–XVI вв., относятся следующие источники права: юридическая теоретико-практическая доктрина постглоссаторов; принципы римского права; обычное право; правовые акты; каноническое право; международные договоры. В ходе дальнейшего исторического развития права романо-германской правовой семьи ведущее место среди источников права занял нормативный правовой акт, а юридическая доктрина утратила характер основного источника права. Наблюдаемый сегодня трансформационный процесс системы источников права РГПС, связанный с использованием относящимися к ней странами прецедентного права Европейского Суда по правам человека, академической проблематикой восприятия судебного прецедента, носит закономерный характер.

1. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности : монография ; пер. с фр. В. А. Туманова. М. : Междунар. отношения, 2009. 456 с.
[Вернуться к статье](#)

2. Эннексерус Л. Рецепция римского права; пер. с нем. В. А. Альтшулера // Курс германского гражданского права : в 2 т. М., 1949. Т. 1. С. 26–39. [Вернуться к статье](#)
3. Михайлов А. М. Формирование и эволюция идей юридической догматики в романо-германской традиции (XII–XIX вв.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01; Ин-т гос-ва и права РАН. М., 2012. 28 с. [Вернуться к статье](#)
4. Международное право : учебник / А. Х. Абашидзе [и др.] ; под общ. ред. В. И. Кузнецова, Б. Р. Тузмухамедова. 3-е изд., перераб. М. : Норма ; Инфра-М, 2010. 720 с. [Вернуться к статье](#)
5. Аннерс Э. Возрождение римского права в Италии и его принятие в Европе // История европейского права / Э. Аннерс ; пер. со швед. Ин-та Европы. М. : Наука, 1996. С. 158–182. [Вернуться к статье](#)
6. Жидков О. А. Право средневековой Франции // История государства и права зарубежных стран. Т. 1 / О. А. Жидков [и др.] ; под ред. Н. А. Крашенинниковой и О. А. Жидкова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2014. С. 437–460. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ЦЕННОСТНАЯ СУЩНОСТЬ ОХРАНИТЕЛЬНЫХ НОРМ ПРАВА

Р. Д. Хритин

адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России
e-mail: 6356374@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются охранительные нормы права. Проводится исторический анализ развития данных норм, раскрывается функция охранительных норм.

Ключевые слова: нормы права, охранительные нормы права, общество.

Annotation. The article deals with the protective rules of law. The historical analysis of development of these norms is carried out, the function of protective norms is revealed.

Keywords: rules of law, protective rules of law, society.

Исследуя эволюционные вопросы правового регулирования общественных отношений, необходимо отметить, что человечество всегда стремилось заложить в основание правовой нормы модель желаемого и одобряемого поведения. Каждая эпоха создавала свой эталон общественных отношений, который нуждался в правовом закреплении. Динамика нормотворческих процессов предполагает постоянное движение вперед на более высокий уровень развития государства и общества к более совершенным социально-экономическим и политико-правовым формациям, и так будет продолжаться до тех пор, пока будет существовать человеческое общество, пока общество будет двигаться вперед, устанавливая новые параметры правового поведения.

Пройдя многие ступени своего развития, человечество безоговорочно постигло и приняло одну из самых важных для себя истин вечного: жить в обществе и быть свободным от него невозможно, один человек не может найти своего блага, только вместе мы сила, только вместе мы сможем приспособиться к силам природы. Именно эта истина заставила людей объединяться в семьи, роды, общины, племена, государства, союзы и другие общественные формирования. Цель этих сообществ всегда была направлена на движение вперед к более высокой, более развитой формации [1, с. 68–74]. Следовательно, на протяжении всей своей жизни человек находится в тесной взаимосвязи с обществом и выступает в качестве его основополагающего сегмента.

Эволюция человечества, природные явления заставляли людей объединяться в семьи, роды, общины, племена, государства, союзы и иные формирования. Целью данных объединений было не только комфортное существование,

но и развитие общества как обособленной единицы, движение к прогрессу во всех сферах жизнедеятельности. Реализация данного процесса без объединения людей и формирования определенных правил поведения была бы невозможна. Начиная с древних времен стало очевидно, что без эффективного регулирования отношений общество обречено, развитие рано или поздно прекратится. По нашему мнению, появление такого термина, как «право», нельзя отнести к конкретному историческому периоду, поскольку он является собирательным, а его истоки уходят в далекое историческое прошлое. Закрепленные документально правовые нормы отражали реальное положение дел в обществе, развивались совместно с государством.

Подвергая анализу современную систему права, можно сделать вывод, что в ее состав вошли определенные признаки норм исторических обычаев и традиций, которые в свое время выполняли важнейшие функции по регулированию общественных отношений. По мнению С. А. Комарова, право есть особая система норм, которая возникает на известной, весьма ранней ступени развития общества в силу потребности охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена [2, с. 36].

По истечении определенного периода времени сложились предпосылки для формирования нормативной регуляции общественных отношений, целями которой являлись закрепление, разъяснение и исполнение норм поведения в обществе. Право как обширная отрасль регулятивных норм не могло появиться сиюминутно. Оно впитывало в себя особые частицы, которые принято называть нормами права. Правовые нормы — это первичные структурные элементы права, они, как и право в целом, имеют естественно-исторические истоки, социально обусловлены и являются продуктом жизнедеятельности человека. Рассматривая норму права в современном контексте, научные деятели в области юриспруденции пришли к выводу, что норма права — это общеобязательное формально определенное правило поведения, установленное и обеспеченное обществом и государством, закрепленное и опубликованное в официальных актах, направленное на регулирование общественных отношений путем определения прав и обязанностей их участников [3, с. 158–161].

Итак, норма права выполняет не только функцию общественного регулятора, но и стоит на защите прав и свобод человека. К сожалению, в процессе жизнедеятельности людей возникают ситуации, в которых умышленно либо по неосторожности человек совершает правонарушения. Для восстановления социальной справедливости, нарушенных прав, свобод и законных интересов от-

дельных граждан, государством создаются специальные правовые нормы права, которые получили название охранительных.

Под охранительными нормами права принято понимать нормы, регулирующие общественные отношения, связанные с юридической ответственностью и применением мер государственного принуждения. Следовательно, с их помощью государство устанавливает четкие границы индивидуального или коллективного поведения субъектов, за пределы которых они не вправе выходить. В противном случае государство оставляет за собой право применить к нарушителям меры профилактического, карательного принуждения.

Охранительные нормы права нельзя отнести к разряду «молодых», получивших свое начало в современности. О мерах государственного воздействия за нарушение установленных норм упоминалось в таком памятнике права, как «Русская правда». В данном сборнике законов примером охранительных норм были «вира» — штраф, который назначался только за убийство; «поток и разграбление» — наказание, назначаемое только в трех случаях: за убийство в разбое (ст. 7 ПП), поджог (ст. 83 ПП) и конокрадство (ст. 35 ПП). Наказание включало конфискацию имущества и выдачу преступника в рабство [4, с. 33].

Развитие охранительных норм также получило свое продолжение в Псковской Судебной Грамоте 1467 года. Помимо квалификации преступлений, судебная грамота устанавливала такие виды наказаний, как штраф, смертная казнь. Применение наказаний стимулировало людей к правопослушному поведению и установке в обществе состояния правопорядка.

Говоря об охранительных нормах права, нельзя обойти стороной Соборное уложение 1649 года. Целями применения охранительных норм по Соборному уложению были устрашение и возмездие, изоляция преступника от общества составляла дополнительную и второстепенную цель [5, с. 102].

Также был определен принцип индивидуализации наказания, под которым понималось, что за совершенное преступление ответственность несет только лицо, совершившее данное деяние. Супруги, дети и иные родственники не привлекались к юридической ответственности за совершенное общественно опасное деяние. Для поддержания порядка в обществе Соборным уложением устанавливались такие виды наказания, как церковные наказания; членовредительные наказания; смертная казнь; болезненные наказания; тюремное заключение; штрафы и конфискация; лишение прав. Рассматривая историю развития права и охранительных норм в частности, можно прийти к выводу, что на протяжении развития отечественной юридической мысли законодатель определял особую, важную роль, охране интересов и прав общества, что привело возникновению и закреплению таких норм, как охранительных.

Государство, исполняя свои функции, должно руководствоваться интересами населения и действовать для позитивного развития общества. Связь между государственным аппаратом и населением должна быть установлена не только нормативно-правовыми актами, но и взаимным доверием и уверенностью в правильном курсе развития. В связи с этим государство, чтобы выполнять свой долг перед обществом, обязано использовать свои властные полномочия: обеспечить национальную и личную безопасность своих граждан, осуществлять нормотворческие, распорядительно-организационные, регулятивные, силовые и другие функции, направленные на защиту интересов граждан [4, с. 99].

В современных условиях сложно представить существование общества и государства без хорошо налаженной системы охраны правовых норм. Охранительные нормы не только выполняют функции восстановления нарушенных норм и общей социальной справедливости, но и обеспечивают безопасность общества в целом. Данные нормы создаются как реакция на отклоняющее поведение членов общества на неправомерные и незаконные действия. Охранительные нормы содержат в себе меры реагирования, которые применяются государством в случае нарушения прав и обязанностей членов общества. Этими нормами также устанавливается размер юридической ответственности за совершенное деяние. Охранительные нормы выражают волю государства, направленную на формирование правопорядка на своей территории, создание благоприятных условий для жизни граждан. Желание человека жить в безопасности обуславливает появление и развитие данных правовых норм.

В настоящее время становится очевидным, что исторически сложившиеся охранительные нормы отечественного права находятся в постоянном процессе усовершенствования. Их социальная потребность столь велика, что ни у кого не вызывает сомнения необходимость принятия действенных правотворческих решений, направленных на повышение их эффективности. Это обусловлено развитием нашего государства и общества, целью которого является поступательное улучшение уровня жизни граждан.

1. Полищук Н. И. Происхождение и социальное назначение права // Человек: преступление и наказание. 2005. № 2. [Вернуться к статье](#)
2. Комаров С. А. Общая теория государства и права. М., 1997. С. 36. [Вернуться к статье](#)
3. Перевалов В. Д. Теория государства и права. М., 2015. С. 158–161. [Вернуться к статье](#)
4. Исаев И. А. История отечественного государства и права. М., 2015. С. 33. [Вернуться к статье](#)
5. Полищук Н. И. Теоретическая модель взаимосвязи нормы права, правоотношения и юридического факта. Воронеж, 2008. С. 99. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.951:351.82

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕДУРНОЕ ПРАВО: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

А. А. Шарая

доцент кафедры административного и хозяйственного права,
кандидат юридических наук,
Запорожский национальный университет (Украина)
e-mail: an_any@rambler.ru

Аннотация. В статье проанализировано понятие «административно-процедурное право» с учетом этимологических и лексических особенностей. Рассмотрены точки зрения ученых-административистов на сущность административно-процедурного права. Предложено авторское понимание понятия.

Ключевые слова: административно-процедурное право, административное право, административная процедура, подотрасль административного права, процедура.

Annotation. The article analyzes the concept of «administrative and procedural law» taking into account etymological and lexical features. The points of view of administrative scientists on the essence of administrative procedural law are considered. Proposed author's understanding of the concept.

Keywords: administrative procedural law, administrative law, administrative procedure, subsector of administrative law, procedure.

В науке административного права нет единства взглядов относительно понятия, содержания, значения и места административно-процедурного права. Следует признать, что складывается алогичная ситуация, связанная с тем, что существование административно-процедурного права признано и обсуждается научным сообществом уже в течение определенного времени, однако должного теоретического обоснования, которое бы поддерживало большинство представителей административно-правовой науки, до сегодняшнего дня так и не получило. Анализируя нормативно-правовую основу, следует отметить, что более двадцати лет назад в независимой Украине Указом Президента Украины от 22.07.1998 г. № 810/98 «О мерах по внедрению Концепции административной реформы в Украине» [1] было предусмотрено, что «необходимо существенно улучшить законодательное регулирование механизма внесудебной защиты прав и свобод граждан, которые нарушаются органами исполнительной власти и их должностными лицами. Процедура такого рассмотрения должна быть упорядочена в отдельном Административно-процедурном (процедуральном) кодексе Украины» [1]. Итак, можно признать вполне обоснованным предложение выделения «процедурной» составляющей административного права (хотя и в достаточно общем виде) на уровне концепции в конце XX века.

Исследуя этимологию понятия «административно-процедурное право», стоит обратить внимание на его лексические структурные элементы, в частности такие, как «административный» и «процедура». Существительное «процедура» происходит от латинского *procedo*, что означает «прохожу, или продвигаюсь» [2, с. 234]. В связи с этим Т. А. Коломоец обоснованно утверждает, что в языках славянской группы термин «процедура» появился путем заимствования его франкоязычной трансформации — слова *procedure*, которое имеет аналогичное значение [3, с. 156]. И. В. Юрийчук, исследуя происхождение слова «процедура» [4, с. 152], отмечает, что в английском языке термин *procedure* (*procedere*) имеет значение «вперед, для продвижения, прогресса» [5, с. 2567]. Обращаясь к положениям словарных, справочных, энциклопедических источников (как лексического, так и специально-юридического направления), следует привести примеры объяснения содержания понятия «процедура»: 1) ряд каких-либо действий, ход выполнения чего-либо [6, с. 343]; 2) официально установленный или общепринятый порядок осуществления, выполнения или оформления чего-либо [7, с. 63]; 3) порядок, преемственность, последовательность в совершении соответствующих действий для достижения определенного результата [8, с. 185]; 4) официально установленный или принятый по обычаю порядок, последовательность действий для осуществления или оформления любых дел [9]. И. В. Бойко отмечает, что в общем смысле «процедура» определяется как определенная совокупность действий или операций, с помощью которых реализуется тот или иной процесс или этап, стадия, выражает содержание соответствующей технологии или деятельности [10, с. 5]. Все эти толкования сводятся к тому, что «процедура» имеет следующие признаки: 1) устанавливается официально или с помощью обычаев; 2) охватывает совокупность последовательных действий; 3) верное выполнение таких действий приводит к конкретному результату. Вторая составляющая понятия «административно-процедурное право» — прилагательное «административный» определяется как тот, что «связан с управлением, тот, который призван служить. Такое “двойное” понимание базовой категории административного права обуславливает существование двух типов правоотношений, возникающих в сфере публичного управления. Это, во-первых, те отношения, которые имеют управленческий характер, возникают по инициативе властвующих субъектов, в которых на частных лиц возлагается в основном исполнение обязанностей. Во-вторых, в отношениях с публичной администрацией частные лица реализуют значительную часть своих прав. Эти два типа правоотношений требуют для своего урегулирования отличных принципов и правил» [11, с. 116–117]. Так, на основании этимологии составных частей понятия «административно-процедурное право» следует отметить, что оно связано с отношениями управленческого характера

субъектов властных полномочий и отношениями публичных лиц с частными лицами (что является составляющей предмета административного права) и предусматривает официальный порядок и последовательность реализации таких отношений.

Анализируя научные позиции относительно определения сущности и места «административно-процедурного права», стоит обратить внимание на то, что И. А. Картузова и А. Ю. Осадчий, исследуя феномен административного процесса, отмечают: «Совокупность всех правовых норм, регламентирующих осуществление административных процедур, составляет административно-процедурное право, которое является составной административного права Украины» [12, с. 23]. Хотя они и отмечают, что эта совокупность не имеет самостоятельного предмета, присущего отрасли права, однако он является достаточно широким, характерным для подотрасли. Предмет формируют общественные отношения, которые возникают, изменяются и прекращаются при принятии нормативных, административных актов и при решении административных дел органами публичного управления [12, с. 25]. Т. А. Коломоец выделяет в системе административного права Украины административно-процедурное право именно как подотрасль. Со ссылкой на работы О. В. Кузьменко она утверждает, что соответствующая совокупность административно-правовых норм является «специфической», они «не являются процессуальными», поскольку у процедуры «отсутствует главный признак процесса — удлиненность во временном измерении», если явление процесса — это прежде всего «динамика», непрерывное движение, выраженное в последовательных переходах от одного состояния к другому, тогда как процедура составляет не что иное, как «дискретность такого движения»; «процедура не является явлением, наделенным временной динамикой» [13, с. 220]. К. В. Чокомудяк также отмечает, что под «административно-процедурным правом необходимо понимать совокупность правовых норм, которая регулирует общественные отношения, возникающие в процессе принятия субъектом публичного управления правовых актов управления, заключение административных договоров, совершение иных юридически значимых действий» [14, с. 99]. По исследованию А. И. Миколенко, административное процедурное право (он считает целесообразным выделять в названии две составляющие) состоит из правовых институтов, его следует рассматривать сегодня как подотрасль административного права, которая «регламентирует порядок осуществления административных процедур» [15, с. 13]. А. М. Школык утверждает, что «идея административно-процедурного права является достаточно простой: регламентировать порядок принятия решений и совершение других действий публичной администрацией, к которой относим не только органы исполнительной власти и органы местного самоуправ-

лення, но і других суб'єктів права, яких держава уповноважило виконувати те чи інші функції публично-владного характеру» [16, с. 31], і його слід підтримувати.

Таким чином, узагальнюючи позиції вчених-адміністративістів, можна сформулювати поняття адміністративно-процедурного права як підгалузі адміністративного права, яка охоплює сукупність правових норм, які встановлюють послідовність виконання адміністративних процедур, тобто визначають порядок рішення органами публичного адміністрування індивідуальних адміністративних справ, і виконується з метою содействия реалізації прав, свобод і законних інтересів фізичних і юридичних осіб.

1. Про заходи щодо впровадження Концепції адміністративної реформи в Україні : Указ Президента України від 22.07.1998 р. № 810/98 // Офіційний вісник України. 1999. № 21. Ст. 32. [Вернуться к статье](#)
2. Юридичні терміни : тлумачний словник / В. Г. Гончаренко [та ін.] ; за ред. В. Г. Гончаренка. Київ : Либідь, 2003. 320 с. [Вернуться к статье](#)
3. Адміністративне право України : підручник / Т. О. Коломєць [та ін.] ; за заг. ред. Т. О. Коломєць. Київ : Істина, 2009. 480 с. [Вернуться к статье](#)
4. Юрійчук І. В. Правове поняття адміністративних процедур // Підприємство господарство і право. 2018. № 5. С. 151–156. [Вернуться к статье](#)
5. A Short Etymological Dictionary of modern English // Eric Partridge / Taylor&FranciseLibrary. London and New York. 2006. 4218 p. [Вернуться к статье](#)
6. Словник української мови : в 11 т. / АН УРСР. Інститут мовознавства ; за ред. І. К. Білодіда. Київ : Наукова думка, 1970–1980. Том 8, 1977 // [Електронний ресурс]. URL: <http://sum.in.ua/s/procedura> (дата звернення: 11.01.2019). [Вернуться к статье](#)
7. Новий тлумачний словник української мови : у 3 т. (42000 слів). 2-ге вид., випр. Київ : Видавництво «Аконіт», 2005. Т. 3. 862 с. [Вернуться к статье](#)
8. Юридична енциклопедія / ред. Ю. С. Шемшученко [та ін.] ; НАН України, Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького. Київ : Вид-во «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 2003. Т. 5. 736 с. [Вернуться к статье](#)
9. Юридичні терміни : тлумачний словник / В. Г. Гончаренко [та ін.] ; за ред. В. Г. Гончаренка. Київ : Либідь, 2003. 320 с. [Вернуться к статье](#)
10. Адміністративна процедура : конспект лекцій / І. В. Бойко, О. Т. Зима, О. М. Соловійова ; за заг. ред. І. В. Бойко. Харків : Право, 2017. 132 с. [Вернуться к статье](#)
11. Бойко І. В. Адміністративна процедура — поняття, ознаки і види // Державне будівництво та місцеве самоврядування : зб. наук. пр. / редкол.: С. Г. Серьогіна [та ін.]. Х. : Право, 2017. Вип. 33. С. 113–122. [Вернуться к статье](#)
12. Картузова І. О., Осадчий А. Ю. Адміністративно-процедурне право : навч.-метод. посібник. Одеса : Юридична література, 2008. 288 с. [Вернуться к статье](#)
13. Коломєць Т. О. Адміністративне право України. Академічний курс : підручник. Київ : Юрінком Інтер, 2011. 576 с. [Вернуться к статье](#)

14. Чокомудяк К. В. Поняття та задачі адміністративно-процедурного права // The Journal of Eastern European Law. Журнал східноєвропейського права. 2015. № 17. С. 95–101. [Вернуться к статье](#)
15. Миколенко О. І. Місце адміністративного процедурного права в системі юридичних знань та системі права України : автореф. дис ... д-ра юрид. наук : 12.00.07. Запоріжжя, 2011. 40 с. [Вернуться к статье](#)
16. Школик А. М. Адміністративно-процедурне право: ідея та реалізація // Lex portus : юрид. наук. журнал. 2017. № 5 (7). С. 30–40. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПОНЯТИЕ СРЕДСТВ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Е. Н. Швед

аспирант,

Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусьe-mail: shved_en@mail.ru

Аннотация. В настоящих материалах конференции на основе авторской трактовки правотворческой техники, этимологической и философской характеристик понятия «средство», а также взглядов, выдвинутых представителями юридической науки на понятие «средство юридической техники», предложено определение понятия «средства правотворческой техники».

Ключевые слова: правотворческая техника, средства правотворческой техники, юридическая техника, правотворчество.

Annotation. In these conference materials based on the author's interpretation of the law-making technique, the etymological and philosophical characteristics of the concept «means», as well as the views put forward by representatives of legal science on the concept «means of legal technology», the definition of the concept «means of law-making technique».

Keywords: lawmaking technique, legal tools, legal technology, lawmaking.

Вопросы юридической техники уже несколько десятилетий волнуют юридическую науку. В изучении данного правового явления все еще остается множество нерешенных проблем, в том числе связанных с инструментарием юридической техники, с приведением в единую систему средств, приемов и правил, ее составляющих.

Нами ранее были изучены основания выделения типов (видов) юридической техники и определены четыре основных типа: правотворческая техника, техника реализации права, техника систематизации права и техника интерпретации права [1, с. 87]. Указанные типы (виды) юридической техники отражают наиболее оптимальные и эффективные действия в сфере права, при осуществлении которых используются те или иные средства юридической техники. Представляется, что пришло время сгруппировать и упорядочить все средства, используемые в процессе осуществления таких масштабных процессов, как правотворчество, реализация права, систематизация и интерпретация права. Наилучшим образом систематизировать многочисленные «наборы» данных элементов юридической техники позволит такой метод научного познания, как типология, призванная «установить зависимости и взаимосвязи между основными признаками, а также между ними и окружающей средой» [2, с. 15].

Вместе с тем провести типологию средств юридической техники весьма непросто ввиду своеобразия каждой из названных выше сфер действия права и

различиях в форме и содержании юридических актов, являющихся результатом каждой из них. Поэтому наиболее эффективным шагом в изучении средств юридической техники, по нашему мнению, является сосредоточение внимания на исследовании средств каждого из видов юридической техники по отдельности.

Полагаем, в структуре юридической техники главенствующая роль принадлежит правотворческой технике. Под ней мы понимаем совокупность средств и приемов, используемых и применяемых в соответствии с определенными правилами для подготовки проектов нормативных правовых актов, последующего принятия (издания) нормативных правовых актов, их изменения или отмены в единстве с главным содержанием — правовыми нормами.

Прежде чем исследовать вопрос, какие средства используются для реализации правотворческой техники, необходимо определиться, что же такое средство правотворческой техники. В данном вопросе следует, в первую очередь, отталкиваться от понимания средства в юридической технике в целом.

Понятие «средство» — общенаучное, междисциплинарное, используемое в различных отраслях знания и имеющее в связи с этим свои особенности [3, с. 41]. Так, исследуются технические, радиоэлектронные, транспортные, производственные, лекарственные, бюджетные, валютные, наркотические средства, средства массовой информации и т. д. В юридической науке встречаются взгляды, в соответствии с которыми термин «средство» этимологически происходит от слов «средний», «серединный», «посредник», то есть в качестве определенных «связующих элементов между поставленными целями и достигнутыми результатами» [4, с. 8]. «Толковый словарь русского языка» содержит несколько значений слова «средство». Например: 1) прием, способ действия для достижения чего-нибудь; 2) орудие (предмет, совокупность приспособлений) для осуществления какой-нибудь деятельности [5, с. 749].

В философии господствует мнение, что категория «средство» включает в себя как инструментарий, так и его использование при получении желаемого результата. «Средства достижения цели, — отмечается в философской литературе, — это объективные предметы или действия, включенные в структуру целеполагающей деятельности и обеспечивающие получение определенного результата» [6, с. 206]. В политологии, кстати, как отмечает А. В. Малько, под средствами тоже понимаются не только политические нормы, ценности, декларации и иные средства-установления (инструменты), но и политические действия — забастовки, пикеты, митинги, демонстрации, выборы, референдумы, восстания и другие политико-технологические процессы, позволяющие добиваться соответствующих целей [7, с. 7].

В доктрине права взгляды на понятие и назначение средств юридической техники различны, их можно объединить в несколько групп.

Одна группа ученых роль средств юридической техники видит в подготовке только текста правового акта. Например, согласно Б. В. Чигидину, «средства юридической техники как технические устройства, своего рода агрегаты, детали, благодаря которым и создается конечный продукт — текст правового акта» [8, с. 35]. В группу данных авторов входит и Е. В. Максимова, которая определяет технико-юридические средства как «юридические приспособления, необходимые при выработке текста правового акта» [9, с. 6]. Идентичные определения предлагают Н. Т. Леоненко [10, с. 30] и С. В. Радаева [11, с. 13].

Вторая группа авторов видит назначение средств юридической техники несколько шире — как средства, используемые для создания правового акта (или юридического документа). Данный подход зародился, пожалуй, раньше всех, ведь основным представителем рассматриваемой группы является «первооткрыватель» юридической техники (в ее понимании сегодня) для стран постсоветского пространства С. С. Алексеев. Ученый полагает, что средства юридической техники выступают в качестве «инструментов, призванных обеспечить совершенство правовых актов» [12, с. 126] и являются как раз «тем нематериальным инструментом, при помощи которого на основе надлежаще отработанных научных данных возможно строительство структуры права» [13, с. 73]. Подобные идеи выдвигал в своих работах и А. Ф. Черданцев. По его мнению, средства юридической техники служат для подготовки, составления, оформления юридических документов, их систематизации и учета [14, с. 366].

Третью группу авторов «возглавляет» известный ученый-правовед В. Н. Карташов, чья позиция строится также на идеях относительно самой юридической техники. В данном случае речь идет об известном в науке «широком подходе» к юридической технике, то есть даже не о юридической технике, а о «юридической технологии». Именно данный термин использует В. Н. Карташов, считая его наиболее правильным и точным. По справедливой оценке Т. В. Кашаниной, широкий подход к определению юридической техники позволил В. Н. Карташову сформулировать довольно «объемное» назначение средств юридической техники — обеспечение достижения целей юридической практики и получение необходимых социальных, юридических и иных результатов [15, с. 25]. Средства юридической техники в широком смысле понимает и М. Л. Давыдова. По ее мнению, это «специфические инструменты профессиональной юридической деятельности, обеспечивающие достижение ее целей» [16, с. 111].

Имеется в науке и еще одна группа авторов, чьи взгляды являются неким компромиссом между изложенными выше позициями. Так, упомянутая нами российский правовед Т. В. Кашанина сформулировала краткое, но в то же время объемное и содержательное определение: средства юридической техники — это «материальные предметы, объекты, с которыми в процессе проведения юридической работы производится манипуляция для достижения поставленной цели» [17, с. 87]. Данный подход нашел поддержку в правовой доктрине. В частности, схожее понимание и назначение средств юридической техники у отечественного теоретика права Н. В. Сильченко. По мнению профессора, с помощью средств юридической техники «создаются специальные по форме и содержанию правовые акты и осуществляются оптимальные и эффективные действия в сфере права» [18, с. 25].

Обобщив трактовку правотворческой техники с идеями относительно этимологической и философской характеристик понятия «средство», а также взглядами, выдвинутыми представителями юридической науки на понятие «средство юридической техники», можно говорить о том, что средствами правотворческой техники являются инструменты юридического выражения и внешнего изложения правовых норм, а также материальные или технические объекты, при помощи которых осуществляется подготовка проектов нормативных актов, последующее принятие (издание) нормативных правовых актов, их изменение или отмена.

1. Швед Е. Н. Исследование видов юридической техники // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2019. № 1. С. 85–88. [Вернуться к статье](#)
2. Сильченко Н. В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 ; ордена Трудового Красного Знамени Институт государства и права Академии наук СССР. М., 1981. 170 л. [Вернуться к статье](#)
3. Беляева Г. С. Правовой режим в общетеоретическом измерении : монография. М. : Юрметинформ, 2013. 240 с. [Вернуться к статье](#)
4. Арзамасов Ю. Г. Концепция механизма правового регулирования и ведомственное нормотворчество // Государство и право: теория и практика. 2006. № 12. С. 4–23. [Вернуться к статье](#)
5. Толковый словарь русского языка / С. Ю. Ожегов, Н. И. Шведова. М. : ООО «ИТИ Технологии», 2006. 944 с. [Вернуться к статье](#)
6. Материалистическая диалектика : крат. очерк теории / П. Н. Федосеев [и др.]. М. : Политиздат, 1985. 350 с. [Вернуться к статье](#)
7. Малько А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 2. С. 4–16. [Вернуться к статье](#)
8. Чигидин Б. В. К вопросу о понятии юридической техники // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2002. № 5–6. С. 34–39. [Вернуться к статье](#)

9. Максимова Е. В. Юридическая техника как средство повышения эффективности нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01; ГОУ ВПО Уфим. юрид. ин-т МВД России. М., 2009. 26 с. [Вернуться к статье](#)
10. Леоненко Н. Т. Законодательная техника : учебное пособие ; РАНХиГС, Сиб. ин-т упр. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015. 276 с. [Вернуться к статье](#)
11. Радаева С. В. Юридическая техника как условие повышения эффективности правосудия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 ; Саратовская гос. академия права. Саратов, 2011. 27 с. [Вернуться к статье](#)
12. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юрид. лит., 1989. 288 с. [Вернуться к статье](#)
13. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М. : Юрид. лит., 1982. Т. 2. 360 с. [Вернуться к статье](#)
14. Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учебник для вузов. М. : Юрайт-М, 2002. 432 с. [Вернуться к статье](#)
15. Кашанина Т. В. Логика права как элемент юридической техники // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 25–35. [Вернуться к статье](#)
16. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии : монография. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. 318 с. [Вернуться к статье](#)
17. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. 2-е изд. пересмотр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 496 с. [Вернуться к статье](#)
18. Сільчанка М. У. Падыходы да кадыфікацыі юрыдычнай тэхнікі. Юстыцыя Беларусі. 2017. № 8. С. 25–28. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

О СИСТЕМЕ СУБЪЕКТОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (на примере Таджикистана)

А. Х. Юсуфзода

помощник начальника УБОП МВД Республики Таджикистан,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Таджикистан
e-mail: akmal-h@yandex.ru

Ф. Ф. Абдурахмонов

оперуполномоченный отдела анализа, прогнозирования
и международного сотрудничества,
УБОП МВД Республики Таджикистан
e-mail: fira.1291@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется система субъектов правоохранительной деятельности, и с учетом анализа соответствующих научных работ и нормативных правовых актов делается вывод о том, что в условиях активизации деятельности институтов гражданского общества правоохранительная система Республики Таджикистан находится на этапе реформирования.

Ключевые слова: Республика Таджикистан, национальное законодательство, правоохранительная деятельность, правоохранительная система, правоохранительные органы.

Annotation. The article examines the system of subjects of law enforcement, and taking into account the analysis of relevant scientific works and normative legal acts, it is concluded that in the context of the revitalization of civil society institutions, the law enforcement system of the Republic of Tajikistan is at the stage of reform.

Keywords: Republic of Tajikistan, national legislation, law enforcement, law enforcement system, law enforcement agencies.

Исследование системы субъектов правоохранительной деятельности как составной части научной категории и как научно-познавательной деятельности, а также с учетом, что любое исследование не проводится без анализа категориальных понятий, требует всестороннего и глубокого изучения используемого понятийно-терминологического аппарата. Научные понятия, входящие в терминологический аппарат, являются основой любой научно-исследовательской работы, и, соответственно, они определяют ее логику и последовательность, а также обеспечивают принятие конкретных научных выводов. С учетом важности изложенных моментов целесообразно обратиться, прежде всего, к понятиям

«правоохранительные органы», «правоохранительная деятельность» и «правоохранительная система».

Проблема понятия правоохранительных органов советскими учеными активно разрабатывалась на стыке вопросов, связанных с законностью, правопорядком и управлением, либо как самостоятельная проблема [1]. В отечественной юридической литературе предложены различные определения понятия «правоохранительные органы».

Например, ряд исследователей в книге «Основы государства и права» отмечают, что правоохранительные органы — это специальные государственные органы, которые создаются государством с целью защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов государства и общественного порядка [2, с. 348]. Следует отметить, что среди ученых нет единого подхода к перечню правоохранительных органов. Так, академик М. А. Махмудов полагает, что правоохранительными органами являются суд, прокуратура, милиция, органы национальной безопасности, агентство по государственному финансовому надзору и борьбе с коррупцией, налоговые органы, таможенные органы и органы юстиции порядка [3, с. 75–97]. Профессор З. Х. Искандаров считает, что правоохранительными органами являются органы внутренних дел, национальной безопасности, агентство по контролю за наркотиками, агентство по государственному финансовому надзору и борьбе с коррупцией, прокуратура, судебные органы, таможенные органы, юстиция, органы дознания и расследования [4, с. 10].

Данный вопрос по сей день остается дискуссионным для таджикской юридической науки. Поэтому, учитывая, что в законодательных актах республики термин «правоохранительные органы» часто используется как собирательный, абстрактный, не вносящий ясность в их систему, Ш. Х. Хафиззода, с которым мы солидарны, предлагает законодательное закрепление определения «правоохранительные органы» и их основные признаки [5, с. 22].

Обратимся к определению понятия «правоохранительная деятельность».

В юридической науке Таджикистана правоохранительная деятельность часто трактуется как вид государственной деятельности. Одна группа авторов полагает, что правоохранительная деятельность осуществляется лишь специальными государственными органами. Так, М. Махмудов и Б. Худоёров в учебнике «Правоохранительные органы Республики Таджикистан» правоохранительную деятельность определяют как вид государственной деятельности уполномоченных государственных органов в сфере защиты прав человека, интересов общества, государства и юридических лиц [3, с. 16].

Р. Х. Рахимов правоохранительную деятельность также рассматривает как вид государственной деятельности, которая отличается от иных направле-

ний деятельности государства следующими признаками: осуществляется строго определенными государственными органами; проводится в соответствии с их целевым назначением; предполагает возможность применения мер принуждения в рамках закона [6, с. 303].

Аналогичное мнение высказывают большинство российских ученых [7].

Некоторые авторы полагают, что правоохранительная деятельность это не только деятельность специальных государственных органов, но и деятельность иных, даже негосударственных органов. Например, Р. Ш. Сативалдиев правоохранительную деятельность исследует в рамках широкого подхода как форму осуществления функций государства, в широком и узком значении соответственно как деятельность государственных и негосударственных организаций (субъектов) в сфере охраны правовых устоев жизнедеятельности общества [8, с. 59–73].

Ш. Х. Хафиззода считает, что «правоохранительная деятельность — это деятельность специально уполномоченных и иных государственных органов, а также содействующих данной деятельности негосударственных субъектов, которая, будучи формой осуществления функций государства, направлена на защиту основ конституционного строя, прав человека, обеспечение законности и правопорядка посредством организационных, процессуальных, оперативно-розыскных, превентивных, профилактических мер воздействия, а также юридической ответственности» [5, с. 10].

Многообразие подходов к определению «правоохранительная деятельность» прежде всего, обусловлено тем, что, во-первых, данную деятельность осуществляют различные государственные органы, как специально уполномоченные, так и выполняющие задачи правоохраны наряду со своими основными обязанностями, имеющие, как правило, различный правовой статус. Во-вторых, вопрос о ее видах, задачах и функциях является дискуссионным.

Теперь обратимся к понятию «правоохранительная система».

В юридической науке активно разрабатывается понятие «правоохранительная система». Например, А. Г. Братко и Э. А. Чиркин определяют правоохранительную систему «как комплекс государственно-правовых средств, методов и гарантий, обеспечивающих защиту общественных отношений от противоправных посягательств» [9, с. 42–43], выделяя при этом следующие элементы правоохранительной системы: цели, объекты, субъекты правовой охраны, правоохранительную деятельность.

Профессор В. В. Лазарев считает, что «правоохранительная система — это совокупность государственно-правовых средств, методов и гарантий, обеспечивающих защищенность человека от противоправных нарушений, которая

включает следующие составляющие: цели и объекты правоохраны, субъекты правоохраны, правоохранительную деятельность» [10, с. 192–193].

Р. Х. Рахимзода, следуя мнению российских ученых, под правоохранительной системой понимает «специально созданные государством в целях охраны и защиты прав граждан, правовых норм и юридических отношений органы, которые на основаниях и в порядке, предусмотренных законами, и в соответствии со своей компетенцией осуществляют правоохранительную деятельность» [11, с. 173].

Ш. Х. Хафиззода считает, что «правоохранительная система — это совокупность государственно-правовых институтов, правовых и иных (организационных, информационных, технических и т. п.) мер, норм, средств и методов, обеспечивающих защиту правовых устоев общественной жизни». Автор считает, что правоохранительные органы входят в структуру правоохранительной системы в качестве ее элемента [5, с. 11].

Таким образом, можно прийти к выводу, что, не учитывая многообразные понятия «правоохранительные органы», «правоохранительная деятельность» и «правоохранительная система», следует констатировать, что правоохранительная система Республики Таджикистан находится на этапе реформирования в контексте глубоких общественных преобразований. Об этом свидетельствуют утверждения многих отечественных авторов о необходимости реформирования правоохранительной системы независимого Таджикистана.

Кроме того, как свидетельствуют исследования отечественных и зарубежных исследователей, а также в соответствии с данными анализа и изучения нормативных правовых актов в условиях формирования гражданского общества, активизации деятельности его институтов, в рамках проводимой реформы милиции граждане и их объединения, а также различные негосударственные организации (адвокатура, правозащитные организации и др.) активно привлекаются к правоохранительной деятельности. Данные субъекты не обладают государственно-властными полномочиями, не осуществляют, как правоохранительные органы, специальной деятельности (правосудие, прокурорский надзор и др.), не вправе применять меры юридической ответственности. Однако они активно участвуют в защите прав и свобод человека, в охране общественного порядка, осуществляют контроль за деятельностью правоохранительных органов. Например, в соответствии с Законом Республики Таджикистан «Об участии граждан в обеспечении общественного порядка» участие граждан осуществляется добровольно путем оказания содействия органам внутренних дел в обеспечении общественного порядка, профилактике правонарушений и пропаганде правовых знаний. Статья 6 этого закона предусматривает следующие права члена добровольной дружины: требовать от граждан соблюдения уста-

новленного общественного порядка, прекращения правонарушений; оказывать помощь сотрудникам органов внутренних дел в проверке у граждан документов, производстве досмотра транспортных средств, задержании и передаче правоохранительным органам лиц, нарушивших общественный порядок; содействовать органам внутренних дел в осуществлении мероприятий по ограничению движения транспортных средств, обеспечению общественного порядка, допуску граждан на отдельные массовые мероприятия; совместно с сотрудниками органов внутренних дел составлять протоколы об административных правонарушениях; пользоваться бесплатно телефонами и иными средствами связи, принадлежащими физическим или юридическим лицам, для связи с правоохранительными органами в безотлагательных случаях, использовать транспортные средства юридических лиц и граждан для доставления в учреждения здравоохранения лиц, пострадавших от несчастных случаев или правонарушений и нуждающихся в неотложной медицинской помощи [12].

1. Витрук Н. В. Правоохранительные органы в политической системе развитого социалистического общества // Избранное. Т. 1. Статьи. Доклады. Рецензии. 1963–1990. М. : Российская академия правосудия, 2012. С. 112–120 ; Рудяков Н. М. Органы внутренних дел в системе правоохранительных органов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986. 21 с. [Вернуться к статье](#)
2. Основы государства и права : учеб. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, профессора А. Г. Холикова. Душанбе : Олами китоб, 2010. 399 с. [Вернуться к статье](#)
3. Махмудов М., Худоёров Б. Правоохранительные органы Таджикистана: учебник. Душанбе: Эр-граф, 2012. 396 с. [Вернуться к статье](#)
4. Искандаров З. Х. Основные понятия, предмет и система изучения предмета правоохранительные органы в Республике Таджикистан : лекция. Душанбе : Эр-граф, 2016. 24 с. [Вернуться к статье](#)
5. Хафиззода Ш. Х. Правоохранительная функция независимого государства Таджикистан: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Душанбе, 2018. 28 с. [Вернуться к статье](#)
6. Рахимов Р. Х. Правоохранительные органы как субъекты обеспечения экономической безопасности Республики Таджикистан // Российский криминалистический взгляд. Управленческая криминология. 2012. № 2. С. 302–306. [Вернуться к статье](#)
7. Гуценко К. Ф. Правоохранительные органы : учебник. М. : КНОРУС, 2016. 368 с. ; Гуськова А. П., Шамардин А. А. Правоохранительные органы (судоустройство) : учебник. М. : «Юрист», 2005. 321 с. ; Правоохранительные органы и организации России: компетенция и полномочия : учеб. пособие / под ред. А. П. Гуляева. М. : Собрание, 1999. 143 с. [Вернуться к статье](#)
8. Сативалдиев Р. Ш. Динамика понятия «правоохранительная деятельность» в рамках углубления теоретических подходов и интеграции смежных категорий // Труды Академии МВД РТ. 2017. № 3(35). С. 59–73. [Вернуться к статье](#)
9. Братко А. Г., Чиркин Э. А. Правоохранительная система (вопросы теории). М. : Юрид. лит., 1991. 208 с. [Вернуться к статье](#)

10. Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. М., 1992. С. 192–193. [Вернуться к статье](#)
11. Рахимзода Р.Х. Правоохранительная система Республики Таджикистан: понятие и общая характеристика // Мир политики и социологии. 2015. № 10. С. 172–183. [Вернуться к статье](#)
12. Закон Республики Таджикистан об участии граждан в обеспечении общественного порядка [Электронный ресурс] : 3 декабря 2009 г., № 566 // Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан «Адлия». Версия 7,0. URL: <http://www.adlia.tj> (дата обращения: 26.02.2019). [Вернуться к статье](#)

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

УДК 343.36

НЕКОТОРЫЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ФАКТАМ НЕИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА СУДА, РЕШЕНИЯ СУДА ИЛИ ИНОГО СУДЕБНОГО АКТА ЛИБО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОКУМЕНТА

С. Г. Байтеленова

докторант,

Карагандинская академия МВД

Республики Казахстан им. Б. Бейсенова

e-mail: samal_bsg@mail.ru

Аннотация. Научная статья рассматривает проблемы разграничения административной и уголовной ответственности по фактам неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта либо исполнительного документа. Дана оценка комплексу обстоятельств, характеризующих объективные и субъективные признаки состава совершенного правонарушения.

Ключевые слова: неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта либо исполнительного документа, уголовная ответственность, административная ответственность.

Annotation. The scientific article examines the problems of delimitation of administrative and criminal liability on the facts of non-execution of the court's verdict, the decision of the court or any other judicial act or an executive document. The complex of circumstances characterizing the objective and subjective signs of the composition of the committed offense is assessed.

Keywords: non-execution of court's verdict, court decision or other judicial act or executive document, criminal liability, administrative liability.

В соответствии с Конституцией Республики Казахстан любой человек и гражданин вправе обратиться в суд за защитой и восстановлением нарушенных прав и свобод, а также добиваться исполнения судебного акта, если лицо не выполняет своих обязательств, которые установлены в судебном акте, добровольно.

Исполнение вступивших в законную силу судебных актов является одной из важнейших государственных функций, обеспечивающих действенность судебной системы и ее органов, выполняющих функции одной из ветвей вла-

сти — судебной. Правильное и своевременное исполнение вступившего в силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта является подтверждением реального функционирования судебной власти, укрепления законности и правопорядка, формирования уважительного отношения к праву в государстве.

Невзирая на вышеперечисленные конституционные нормы о неукоснительном исполнении приговора или решения суда и ответственности за их неисполнение, многие судебные акты годами не исполняются.

По общим правилам, неисполнение судебных актов, которые вступили в законную силу, может повлечь предусмотренную законом административную или уголовную ответственность.

Как справедливо отмечает И. Я. Гонтарь, «воплощение идеи социальной справедливости в сфере уголовно-правового регулирования в немалой степени зависит от качества криминализации» [1]. Следовательно, максимальная урегулированность и точность формулирования состава правонарушений обеспечивает стабильность правоприменительной деятельности, особенно при наличии в законодательстве конкурирующих составов. Эта проблема касается всех признаков состава, в том числе ст. 430 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее — УК РК) и ст. 669 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее — КРКобАП).

Необходимо отметить, что между уголовной и административной ответственностью по фактам неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта либо исполнительного документа сходств больше, чем различий. При разграничении уголовных и административных правонарушений во многих деяниях основным отличием является общественная опасность, другими словами, проводится четкая грань общественной опасности какого-либо деяния. Критерии разграничения ст. 430 УК РК и ст. 669 КРКобАП невелики, и часто сотрудники правоприменительной практики допускают ошибки в квалификации.

Уголовно-правовая норма, устанавливающая уголовную ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта либо исполнительного документа более шести месяцев, а равно воспрепятствование их исполнению предусмотрена законодателем в ст. 430 УК РК [2].

Вместе с тем в диспозиции ст. 669 КРКобАП административная ответственность регламентирована за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта либо исполнительного документа [3].

Согласно Комментарию к УК РК под редакцией С. М. Рахметова, И. И. Рогова, «неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта либо исполнительного документа в течении шести месяцев или менее шести месяцев влечет ответственность по ст. 669 КРКобАП» [4]. Предельный

срок неисполнения в диспозиции ст. 669 КРКобАП не указан и зачастую судебные исполнители совершают ошибки, привлекая лиц к административной ответственности за неисполнение судебного акта более шести месяцев.

Отличие уголовной и административной нормы заключается в моменте начала их действия:

ст. 669 КРКобАП — с момента вступления судебного акта в законную силу и до начала действия нормы УК РК;

ст. 430 УК РК — по истечении шести месяцев с момента вступления судебного акта в законную силу.

Таким образом, лицо может быть привлечено к административной ответственности за неисполнение решения суда только в период первых шести месяцев с момента вступления решения суда в законную силу. В последующем, если лицо продолжает не исполнять решение суда, оно подлежит исключительно уголовной ответственности.

Следовательно, первым отграничением ст. 430 УК РК и ст. 669 КРКобАП является срок неисполнения судебного акта.

Вторым отграничением между двумя вышеуказанными статьями является субъект. Субъектом ст. 430 УК РК является вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения уголовного правонарушения шестнадцатилетнего возраста. Субъектом же ст. 669 КРКобАП, помимо вышеперечисленного в ст. 430 УК РК физического лица, также может быть юридическое лицо.

Следует заметить, что согласно казахстанскому законодательству юридические лица к уголовной ответственности не привлекаются. В случае если решением суда совершение каких-либо действий возложено на юридическое лицо и оно не исполняется более шести месяцев, уголовной ответственности подлежит ответственное лицо юридического лица.

Если рассматривать объект преступления, то в ст. 430 УК РК родовым объектом являются интересы правосудия и порядок исполнения наказания, в ст. 669 КРКобАП — институт государственной власти. Непосредственный же объект в двух составах схож — нормальная деятельность органов, обеспечивающих исполнение судебных актов по уголовным и гражданским делам, а также исполнительного документа. В качестве дополнительного объекта выступают имущественные и иные интересы государства, юридических и физических лиц (Об ответственности за неисполнение судебных актов: Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан, 19 декабря 2003 г., № 12).

В 2013 г. из Уголовного кодекса исключена административная преюдиция, в связи с чем возникают проблемы разграничения действия уголовного и административного законодательства в области неисполнения судебных решений.

В правоприменительной практике известны случаи, когда при привлечении лица к уголовной ответственности шестимесячный срок исчисляется с момента привлечения лица по ст. 669 КРКобАП. Правоприменителем такая позиция обосновывается тем, что лицо, привлекаемое к административной ответственности, уже понесло наказание и для последующего привлечения по ст. 430 УК РК должно пройти еще шесть месяцев. В противном случае будут нарушены положения п. 2 ч. 1 ст. 77 Конституции РК о запрете повторного привлечения к уголовной или административной ответственности за одно и то же правонарушение.

Мы имеем дело с грубейшим нарушением Конституции, в данном случае положения ст. 77 трактуются неверно. Согласно комментарию к Конституции Республики Казахстан, подготовленному Конституционным советом Республики Казахстан, «недопустимо повторное осуждение и уголовное преследование за одно и то же уголовное правонарушение (ст. 20 УПК РК), никто не может быть дважды подвергнут административному взысканию за одно и то же правонарушение (ст. 12 КРКобАП)» [5]. Вместе с тем существующая конструкция и предназначенные нормы связаны с тем, что объектом рассматриваемого преступления является один и тот же деликт (деяние), наказуемый сначала в рамках административного, затем в рамках уголовного права.

Нормы административного и уголовного права имеют четкие границы применения. И наличие либо отсутствие административного взыскания должника не нарушает его прав, а также не влияет на возможность привлечения его к уголовной ответственности и на исчисление сроков.

К тому же досудебное производство основывается на принципах уголовного судопроизводства и руководствуется нормами материального права. Диспозиция ст. 430 УК РК единственным основанием начала уголовного ответственности предусматривает неисполнение судебного решения более шести месяцев. Таким образом, любые отсылки к административным производствам необоснованны.

В целях разграничения действия различных отраслей права считаем необходимым отразить данные положения в нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан от 19 декабря 2003 года № 12 «Об ответственности за неисполнение судебных актов», изложив четвертый абзац п. 12 в следующей редакции:

«Предусмотренный статьей 430 УК срок шесть месяцев следует исчислять с момента вступления судебного акта в законную силу, в независимости от привлечения лица к административной ответственности по ст. 669 КРКобАП».

1. Гонтарь И. Я. Преступление и состав преступления как явление и понятие в уголовном праве. Владивосток, 1997. С. 174–175. [Вернуться к статье](#)

2. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 3 июля 2014 г. № 226-V. URL: online.zakon.kz (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V. URL: online.zakon.kz (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

4. Рахметов С. М., Рогов И. И. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Алматы : Издательство «Норма К», 2016. [Вернуться к статье](#)

5. Научно-практический комментарий (Конституционный Совет Республики Казахстан, 2015). URL: online.zakon.kz/Document/?doc_id=36368312 (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 343.13

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ДОЗНАВАТЕЛЯ ПО УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

А. П. Бойко

преподаватель кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук,
Днепропетровский государственный
университет внутренних дел (Украина)
e-mail: yyrpetrikovka@i.ua

Аннотация. Статья освещает отдельные аспекты реализации полномочий дознавателя согласно уголовному процессуальному законодательству Украины.

Путем анализа уголовного процессуального законодательства Украины выделены проблемы реализации полномочий дознавателя по обжалованию незаконных указаний.

На основе проведенного исследования автором обоснована необходимость совершенствования деятельности института дознания в Украине путем дополнения положений уголовного процессуального законодательства Украины, которые закрепляли бы право дознавателя на обжалование указаний руководителя органа дознания и прокурора.

Ключевые слова: следователь, прокурор, дознаватель, досудебное расследование, дознание, уголовный проступок, уголовное производство, процессуальный статус, полномочия.

Annotation. The article deals with certain aspects of the implementation of the investigator's authority in the criminal procedural legislation of Ukraine.

The author analyzed the criminal procedural legislation of Ukraine and highlighted problems of implementation of the investigator's authority to appeal against illegal instructions.

Based on the study the author substantiates the need to improve the activities of the institute of inquiry in Ukraine. The author proposes to supplement the provisions to the criminal procedural legislation of Ukraine which would secure the inquiry's right to appeal against the instructions of the head of the inquiry body and the prosecutor's instructions.

Keywords: investigator, prosecutor, interviewer, pre-trial investigation, investigation, a misdemeanor offense, criminal proceeding, procedural status, authority.

Деятельность сотрудников дознания, как и деятельность сотрудников полиции в целом, основана на соблюдении принципов, закрепленных в нормативно-правовых актах, тесно связанных с правами и свободами человека и гражданина, закрепленными в Конституции Украины. Ведь идея, заложенная в основу введения дознания, базируется на главной установке реформы — усилении защиты прав и свобод личности. Несмотря на проект Закона Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно

упрощения досудебного расследования отдельных категорий уголовных правонарушений» № 7279-д от 20.04.2018 года, который предусматривает внесение ряда изменений в действующий УПК Украины, институт дознания в сфере правового регулирования его процессуальной деятельности и полномочий требует немедленной доработки, что связано с его несовершенством.

Для более детального исследования процессуального статуса дознавателя как участника уголовного судопроизводства считаем необходимым проанализировать его полномочия согласно уголовно-процессуальному законодательству Украины 1960 года.

Так, С. А. Бандурка в научной статье, исследуя процессуальные полномочия органа дознания по УПК Украины 1960 года, разделяет их на три группы. В первую группу ученый включает властные полномочия, компетенции органа дознания, исходя из обеспечения процедурой проверки материала до возбуждения уголовного дела. Ко второй группе — частично обеспеченные процедурой компетенции органа дознания, закрепленные как в УПК Украины 1960 г., так и в ведомственных нормативных актах. В третью группу исследователь включает компетенции, которые не обеспечены процедурными предписаниями.

Исходя из вышеизложенных групп, ученый предложил следующую теоретическую модель системы компетенции органа дознания: оперативно-розыскные полномочия на проведение оперативно-розыскных мероприятий (ст. 103 УПК Украины 1960 г.); компетенция по рассмотрению и решению вопроса относительно заявлений, жалоб, сообщений, которые поступили в дежурную часть органа дознания (ст. 95 УПК Украины 1960 г.); проведение поисковых мероприятий, оказание помощи следователю в ходе производства следственных действий (ст. 103 УПК Украины 1960 г.); полномочия по обязательности принятия заявления о преступлении и порядок их рассмотрения и направления заявления по принадлежности (ст. 97 УПК Украины 1960 г.); полномочия по сбору фактических данных, их оценки в качестве доказательств (ст. 67 УПК Украины 1960 г.); полномочия относительно избрания меры пресечения (ст. 106 УПК Украины 1960 г.); полномочия на нарушение и отказ в возбуждении уголовного дела по заявлению (ст. 98, 99 УПК Украины 1960 г.); полномочия, связанные с предоставлением следователю оперативной информации по уголовному делу в составе следственно-оперативной группы (ст. 119 УПК Украины 1960 г.) [1, с. 51].

По нашему мнению, процессуальные полномочия дознавателя должны быть закреплены исключительно в УПК Украины, а не в других нормативно-правовых актах.

А. Русанова, определяя процессуальный статус лица, производящего дознание по делу, принятого к его производству, в порядке, установленном уго-

ловно-процессуальным законодательством 1960 года, несколько расширяет круг его прав, к которым относит следующие: признавать лиц потерпевшими, гражданскими истцами, гражданскими ответчиками, представителями указанных участников процесса; назначать подозреваемому защитника; при необходимости вызывать лиц в качестве свидетелей, потерпевших и подозреваемых для допроса и осуществления других процессуальных действий; привлекать переводчиков, специалистов, экспертов для выполнения их обязанностей при проведении дознания; требовать от предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан предъявления предметов и документов, имеющих значение для установления необходимых в деле фактических данных; требовать от руководителей предприятий, учреждений, организаций независимо от форм собственности проведения ревизий, ведомственных проверок и служебных расследований; присоединять к делу предметы и документы как вещественные доказательства; принимать решения о проведении следственных действий, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции (утверждение, согласие) прокурора или разрешения (решения) суда, и нести персональную ответственность за их законное и своевременное проведение; оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению; обжаловать указания руководителя органа дознания прокурору, осуществляющему надзор за производством дознания по делу, а также указания последнего к прокурору высшего уровня, не останавливая их выполнения [2, с. 96].

Как отмечает С. В. Слинько, исследуя развитие функций органа дознания, пути и перспективы, к 1990 г. орган дознания, за исключением милиции, был уполномочен выполнять следующие виды уголовно-процессуальной деятельности: принятие, предварительная проверка заявлений (сообщений) о совершенных или готовящихся преступлениях, определение их подведомственности; сбор фактических достаточных данных, свидетельствующих о совершенном преступлении; производство неотложных следственных действий (причем круг этих действий был ограничен Уголовно-процессуальным кодексом); выполнение указаний следователя о производстве оперативно-розыскных действий; выполнение поручений следователя об оказании содействия при производстве следственных действий. Далее ученый указывает, что за 1996–2002 годы в Уголовно-процессуальный кодекс были внесены изменения, в частности определены новые органы дознания и их полномочия. Однако за всю историю уголовно-процессуальной деятельности органа дознания не делалось попыток изучения концепции дознания и органа дознания, комплексного исследования практики деятельности органов дознания в уголовном процессе не проводилось. Ученые анализировали уголовно-процессуальные вопросы в отрыве от проблем административно-правовой и оперативно-розыскной деятельности органов дозна-

ния, особенностей их организационно-структурного построения. Более того, весь круг изложенных нами суждений ограничивался описанием различных аспектов деятельности милиции, или отдельных элементов их правовой и организационной деятельности [3, с. 121].

С. В. Слинько считает, что анализ уголовно-процессуальных вопросов в том числе и полномочий дознавателя, необходимо осуществлять при сочетании проблем административно-правовой и оперативно-розыскной деятельности органа дознания. Хотя, на наш взгляд, эта позиция спорная, поскольку недопустимо сочетать административно-правовые и оперативно-розыскные полномочия дознавателя вместе с процессуальными, что может привести к юридической путанице, так как в ст. 1 действующего УПК Украины четко указано, что порядок уголовного судопроизводства на территории Украины определяется только уголовным процессуальным законодательством Украины [4]. То есть процессуальные полномочия дознавателя должны быть предусмотрены только в нормах УПК Украины.

Проанализировав мнения указанных ученых, мы пришли к выводу, что одним из положительных моментов уголовного процессуального законодательства 1960 г. можно считать право дознавателя на обжалование указаний прокурора к прокурору высшего уровня, не останавливая их выполнения. Это способствовало защите прав, свобод и законных интересов участников уголовного производства.

В соответствии со ст. 40¹ проекта ЗУ № 7279-д от 20.04.2018 г. «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно упрощения досудебного расследования отдельных категорий уголовных правонарушений» дознаватель при осуществлении дознания наделяется полномочиями следователя. Дознаватель несет ответственность за законность и своевременность осуществления дознания. Также согласно данной статье дознаватель наделен широким кругом полномочий, начиная от проведения следственных (розыскных) действий и негласных следственных (розыскных) действий до самостоятельного принятия решений в случаях, предусмотренных УПК Украины. Также в ч. 3 данной статьи указано, что дознаватель обязан выполнять поручения и указания прокурора, которые предоставляются в письменной форме [5].

Мы считаем, что в данном проекте закона законодатель недостаточно уделит внимания полномочиям дознавателя по обжалованию письменных указаний прокурора к прокурору высшего уровня, обязав при этом выполнять такие поручения и указания прокурора, которые предоставляются в письменной форме.

Также, к сожалению, законодатель в ч. 2 ст. 312 действующего УПК Украины наделяет такими полномочиями только следователя [4].

Для проведения более детального исследования полномочий дознавателя необходимо обратить внимание на нормы уголовного процессуального законодательства зарубежных государств.

Так, в УПК Республики Беларусь правам лица, производящего дознание, посвящена ч. 2 и ч. 3 ст. 39 [6].

По нашему мнению, законодателю в УПК Республики Беларусь было бы целесообразно уделить больше внимания полномочиям дознавателя, в том числе относительно права обжалования письменных указаний прокурора к прокурору высшего уровня.

С положительной стороны следует отметить предусмотренные в ч. 4 ст. 41 УПК Российской Федерации полномочия дознавателя о праве обжаловать указания начальника органа дознания прокурору, а указания прокурора — прокурору высшего уровня. Обжалование данных указаний не приостанавливает их исполнения, за исключением случаев, предусмотренных УПК [7].

Проанализировав уголовно-процессуальное законодательство Украины, а также взгляды ученых, мы пришли к выводу, что к одной из проблем реализации полномочий дознавателя в Украине относится отсутствие в ст. 40¹ УПК Украины в соответствии с вышеуказанным проектом ЗУ положений, которые закрепляли бы право дознавателя на обжалование указаний руководителя органа дознания прокурору а указаний прокурора — прокурору высшего уровня.

Для совершенствования деятельности института дознания в Украине считаем необходимым внести дополнение в проект указанного Закона, в котором урегулировать вопросы, связанные с правом дознавателя на обжалование указаний руководителя органа дознания и прокурора по аналогии с УПК Украины 1960 года и УПК РФ.

1. Бандурка С. О. Процесуальні повноваження органу дізнання // Форум права. 2011. № 1. С. 50–53. [Вернуться к статье](#)
2. Русанова О. Визначення поняття і процесуального статусу особи, яка провадить дізнання // Юридична Україна. 2011. № 4. С. 94–97. [Вернуться к статье](#)
3. Слінько С. В. Розвиток функцій органу дізнання — шляхи і перспективи // Право і Безпека. 2003. Т. 2, № 1. С. 120–125. [Вернуться к статье](#)
4. Кримінальний процесуальний кодекс України [Електронний ресурс] : Закон України, 13 квіт. 2012 р., № 4651-VI. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17> (дата зняття: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)
5. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно упрощения досудебного расследования отдельных категорий уголовных правонарушений [Електронний ресурс] : проект Закону України от 20.04.2018 г. № 7279-д. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=63928 (дата зняття: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 24 июня 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. :

одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. URL: <http://kodeksy.by/ugolovno-processualnyy-kodeks> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 347.1:364.69

ЗДОРОВЬЕ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ

И. В. Болокан

профессор кафедры гражданского права,
доктор юридических наук, доцент,
Запорожский национальный университет (Украина)
e-mail: innabolokani@gmail.com

Аннотация. Характеризуется многогранность специфического объекта гражданско-правовой охраны и защиты — здоровья, которое рассматривается в контексте составляющего элемента нескольких личных неимущественных прав (право на охрану здоровья, право на медицинскую помощь, право на информацию о состоянии здоровья, право на тайну о состоянии здоровья и некоторые другие), реализация которых связана с надлежащим выполнением договоров на медицинское обслуживание и других, связанных с медициной гражданско-правовых договоров.

Ключевые слова: здоровье, медицинское обслуживание, договор о медицинском обслуживании, право на охрану здоровья, гражданско-правовая охрана здоровья, гражданско-правовая защита здоровья.

Annotation. The versatility of a specific object of civil security and protection, the health, which is considered in the context of the constituent element of several personal non-property rights (the right to health protection, the right to medical care, the right to medical information, the right to privileged medical information and some other) is characterized, where the implementation of non-property rights is associated with the proper performance of contracts for medical care and other civil law contracts related to medicine.

Keywords: health, medical care, medical care contract, the right to health care, civil-law health security, civil-law health protection.

Понятие «здоровье» в силу своей комплексности является объектом изучения многих наук, среди которых и правовая сфера. Для любого человека на повседневном уровне здоровье часто вообще не ассоциируется с правом, имеет более «бытовые» оттенки понимания. В то же время и в правовой сфере здоровье как объект правовой охраны и защиты также характеризуется своей комплексностью, поскольку является объектом регулирования и охраны многих отраслей права, например уголовного, административного права, права социального обеспечения, трудового и иных отраслей. Не менее важная роль в этих вопросах отводится и гражданскому праву.

В нормативно-правовой базе Украины определение понятия «здоровье» закрепляет только один законодательный акт — «Основы законодательства об охране здоровья», в котором здоровье определяется как состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только как отсутствие болезней и физических изъянов [1]. Это достаточно нестандартное (с точ-

ки зрения формулировки дефиниций) определение, особенно та его часть, которая построена при помощи акцентирования на отсутствии одной из возможных характеристик противоположного здоровью состояния — болезней, что объясняется общепринятым и наиболее распространенным пониманием термина «здоровье».

В Гражданском кодексе Украины (далее — ГК Украины) о здоровье упоминается достаточно часто, а аспекты, в связи с которыми осуществляется такое упоминание, можно свести к определенным блокам (группам): а) здоровье как личное неимущественное благо, причинение вреда которому влечет возможность взыскания морального вреда, возможность предъявления требований о возмещении убытков; б) как ценное личное неимущественное право с учетом частоты упоминаний о нем и количества закрепленных гарантий (например: провозглашение здоровья одной из наивысших социальных ценностей в ч. 2 ст. 201 ГК Украины; акцентирование на его важности для государства путем отнесения требований, связанных с возмещением причиненного здоровью вреда, к числу требований, на которые не распространяется исковая давность, в п. 3 ч. 1 ст. 268 ГК Украины); в) как один из параметров, отсутствие которого (отсутствие здоровья) является основанием для возникновения других прав (например, права физического лица на выбор себе помощника, закрепленное в ст. 78 ГК Украины); г) как один из параметров, состояние которого учитывается при установлении опеки и попечительства (ст. 55 ГК Украины); д) как один из факторов, учитывающийся при определении очередности удовлетворения требований кредиторов (например, п. 1 ч. 1 ст. 112 ГК Украины). Перечень примеров норм ГК Украины, в которых упоминается о здоровье, можно было бы продолжать, поскольку он является довольно значительным по своему объему (о здоровье упоминается в таких нормах ГК Украины, как ст. 201, ч. 1 ст. 270, ч. 1 ст. 272, ч. 2 ст. 281, ч. 1 ст. 282, ч. 1, 2 ст. 283, ст. 284, ст. 285, ст. 287, ч. 1 ст. 291, ст. 293, ч. 1 ст. 515, ч. 1 ст. 535, ч. 1 ст. 602, ч. 3 ст. 604, ч. 1 ст. 609, ч. 1 ст. 711, ч. 1, 2 ст. 721, ч. 1 ст. 727, ч. 2 ст. 767, ч. 2 ст. 848, ч. 3 ст. 872, ч. 1 ст. 922, ч. 1 ст. 928, ч. 1 ст. 980, ч. 1 ст. 991, ч. 1 ст. 999, ч. 2 ст. 1072, ст. 1161–1164, ч. 1 ст. 1165, ч. 3 ст. 1166, ч. 2 ст. 1167, ч. 1 ст. 1168, ч. 5 ст. 1178, ч. 2 ст. 1184, ст. 1195–1208, ч. 1 ст. 1215, ч. 1 ст. 1219, ч. 1 ст. 1227 [2]), но чаще всего такое упоминание связано с характеристикой специфики конкретного потенциального правоотношения.

Отдельного внимания заслуживает тема поддержания соответствующего состояния полного физического, психического и социального благополучия и отсутствия болезней и физических изъянов, о котором идет речь в нормативном определении «здоровье», что достигается в том числе в результате осуществления медицинских обследований, обращения за медицинским обслуживанием,

медицинской помощью и т. д. Возникающие при этом отношения между пациентом и медицинским учреждением или непосредственно лицом, имеющим право на оказание определенных медицинских услуг, по своей сути являются договорными. И именно сфера медицинских услуг вызывает наибольшее количество нареканий, исходящих абсолютно от всех субъектов, имеющих отношение к этому процессу. О том, что это договорные отношения, пациента заставляет задуматься только вопрос оплаты соответствующих услуг. Следует отметить, что использование термина «пациент» как наименования стороны соответствующих договорных отношений, является условным, поскольку о «пациенте» мы можем говорить только в случае наличия обратного «здоровью» состояния — «нездоровья», т. е. наличия болезней. Такой вывод можно сделать на основании определений соответствующего понятия в толковых словарях (термин «пациент» толкуется как «больной, обратившийся к врачу или находящийся под его наблюдением» [3, с. 460]) и нормативно-правовых актах (в «Основах законодательства об охране здоровья» понятие «пациент» трактуется как физическое лицо, обратившееся за медицинской помощью или которому такая помощь уже оказывается [1]). Говоря о профилактике, более точным названием соответствующей стороны будет «клиент». Когда же услуги предоставляются бесплатно, как в случае с бесплатной государственной медициной, пациент исходит из того, что «ему обязаны» предоставить соответствующие медицинские услуги, и уж точно практически никогда не вспоминает о паритетных, равных с точки зрения реализации своих прав и выполнения своих обязанностей отношениях. Более того, в таких отношениях, как правило, пациент вообще не признает того факта, что у него есть какие-либо обязанности. Немного другая оценка возникающих между сторонами отношений характерна для случаев, когда пациент / клиент обращается в частные клиники, предоставление медицинских услуг в которых является платным. В таких случаях пациент / клиент осознает, как правило, только одну свою обязанность — оплатить оказанную ему медицинскую услугу.

Таким образом, характеризуя договорные отношения, связанные с поддержанием состояния здоровья или его восстановлением, можно обозначить целый ряд характерных аспектов.

Во-первых, в отношении здоровья гражданское законодательство закрепляет ряд прав, начиная от права на охрану здоровья (ст. 283 ГК Украины), заканчивая закреплением целого ряда связанных с этим правом других прав, например: права на информацию о состоянии своего здоровья (ст. 285 ГК Украины), права на тайну о состоянии своего здоровья (ст. 286 ГК Украины), права на медицинскую помощь (ст. 284 ГК Украины). Кроме ГК Украины, нормы других нормативно-правовых актов также закрепляют ряд субъективных

прав, связанных с поддержанием «здорового состояния» организма человека или с восстановлением такого состояния. Так, например, ст. 6 «Основ законодательства об охране здоровья» закрепляет право на охрану здоровья, ст. 38 — право выбора лечащего врача и медицинского учреждения [1].

Во-вторых, поддержание состояния здоровья часто опосредуется заключением гражданско-правовых договоров, когда физические лица (пациенты, клиенты) часто не осознают сам факт наличия договорных отношений, из чего вытекает еще целый ряд особенностей. Учитывая, что договоры об оказании медицинских услуг, договоры об оказании медицинской помощи отдельно не выделены в соответствующих главах ГК Украины, при их заключении, изменении и расторжении руководствоваться необходимо либо нормами других законодательных актов, либо общими положениями ГК Украины, которыми регулируются вопросы заключения, изменения и прекращения договоров. А это означает, что в зависимости от того, какой субъект оказывает соответствующие услуги, и в зависимости от того, о какой услуге идет речь, возможным является заключение соответствующего договора в любой форме — от простой устной до нотариального удостоверения письменного договора. Сравнительно недавно (в связи с проведением медицинской реформы) в «Основах законодательства об охране здоровья» появилось такое понятие, как «договор о медицинском обслуживании населения», который в идеале должны заключать все граждане, однако он не совпадает с понятием договора о конкретной медицинской услуге. Таким образом, на практике чаще всего имеет место устная форма таких договоров, любые условия которых могут быть предметом спора, поскольку могут как полностью отрицаться одной из сторон, так и по-разному интерпретироваться сторонами.

В-третьих, само законодательство содержит достаточно много пробелов, хотя следует отметить и позитивные тенденции, характеризующие их устранение. Примером таких тенденций является закрепление целого ряда нормативных дефиниций, на отсутствие и важность закрепления которых указывалось в многочисленных научных публикациях (например, закрепление терминов «медицинская услуга», «домедицинская помощь», «охрана здоровья» и ряда других в «Основах законодательства об охране здоровья»).

Еще один аспект, которому следует уделить внимание в рамках затронутой нами проблематики, — услуги в сфере нетрадиционной медицины. Прежде всего, следует отметить изменение подхода законодателя к определению содержания соответствующего понятия, которое определяет только один нормативно-правовой акт, уже утративший свою силу. Так, в приказе Министерства охраны здоровья Украины от 10.08.2000 г. № 195 «О предоставлении специального разрешения на медицинскую деятельность в сфере народной и нетрадици-

онной медицины», нетрадиционная медицина определялась как знания и практические методы народной медицины, имеющие определенного автора [4]. В сменившем его приказе Министерства охраны здоровья Украины от 23.09.2013 г. № 822 «О порядке выдачи аттестационно-экспертного вывода, подтверждающего наличие у лица целительских способностей», уже не определяется понятие «нетрадиционная медицина», а используется термин «народная медицина (целительство)» [5]. Общей составляющей этих двух терминов является понятие «медицина». Именно этим обусловлено употребление нами характеристики «медицинская» (услуга, помощь), что подтверждается толкованием понятия «медицина» в толковых словарях (совокупность наук о болезнях, их лечении и предотвращении [3, с. 335]), то есть имеется в виду не только медицинская помощь в восстановлении здоровья (непосредственно медицинская помощь), но и целый спектр профилактических медицинских услуг. Именно для этой сферы отношений характерным является устное заключение соответствующих договоров и часто неосознание сторонами именно договорного характера возникающих между ними отношений. Такая форма, как и специфика самих услуг, порождает множество проблем в защите прав клиентов.

Таким образом, здоровье как определенный позитивный результат усилий (действий) физического лица (чаще всего) или как факт, обусловленный данными от природы физическими характеристиками (реже), требует своего постоянного поддержания. В этом смысле речь может идти как о профилактике, так и об определенном лечении, но и в первом, и во втором случае оказание соответствующих услуг осуществляется посредством заключения гражданско-правовых договоров. Договоры медицинского обслуживания, включая договоры на оказание медицинской помощи, имеют все характеристики гражданско-правовых договоров, а основные моменты нормативного регулирования связаны с такими особенностями: 1) отсутствие отдельного урегулирования подобного рода договоров в ГК Украины; 2) применение общих гражданско-правовых норм обязательственного и договорного права, а также норм о договорах об оказании услуг; 3) необходимость учитывать специфику норм, содержащихся в «Основах законодательства об охране здоровья».

1. Основи законодавства України про охорону здоров'я [Електронний ресурс] : Закон України від 19.11.1992 р. № 2801-XII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2801-12> (дата звернення: 10.03.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Цивільний кодекс України [Електронний ресурс] : 16 січня 2003 р., № 435-IV. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15> (дата звернення: 10.03.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Великий тлумачний словник української мови / упоряд. Т. В. Ковальова ; Хідож.-оформлювач Б. П. Бублик. Харків : Фоліо, 2005. 767 с. [Вернуться к статье](#)

4. Про надання спеціального дозволу на медичну діяльність у галузі народної і нетрадиційної медицини [Електронний ресурс] : наказ, Інструкція МОЗ України від 10.08.2000 г. № 195. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0150-01> (дата звернення: 10.03.2019). [Вернуться к статье](#)

5. Про порядок видачі атестаційно-експертного висновку, що підтверджує наявність в особи цілительських здібностей [Електронний ресурс] : наказ МОЗ України від 23.09.2013 р. № 822. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z1943-13> (дата звернення: 10.03.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9

**О ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ
ОРГАНАМИ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ
ПОЛОЖЕНИЙ ЧАСТИ 3 СТАТЬИ 9.1
ПРОЦЕССУАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОДЕКСА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

Н. Н. Борејко

начальник управления предварительного расследования
и правового обеспечения оперативной деятельности,
Государственный пограничный комитет Республики Беларусь,
соискатель адъюнктуры Института национальной безопасности
Республики Беларусь
e-mail: nn_borejko@mail.ru

***Аннотация.** В публикации автором раскрывается практический опыт использования органами пограничной службы положений части 3 статьи 9.1 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Акцентировано внимание на отдельных проблемах применения малозначительности как основания не начинать административный процесс.*

***Ключевые слова:** административная ответственность, административный процесс, малозначительность правонарушения, органы пограничной службы, борьба с коррупцией.*

***Annotation.** The publication of the author reveals the practical experience of using the border service the provisions of Part 3 of Article 9.1 Procedural-Executive Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses. Attention is focused on the individual problems of the use of insignificance as a reason not to start the administrative process.*

***Keywords:** administrative responsibility, administrative process, insignificance of the offense, border guards, anti-corruption.*

31 января 2018 года вступил в силу Закон Республики Беларусь от 8 января 2018 г. № 95-З «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» [1]. Помимо прочего, корректировке подверглась статья 9.1 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИК_{оАП}) [2]. Она дополнена частями 3 и 4, предусматривающими право лица, уполномоченного составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять подготовку дел об административных правонарушениях к рассмотрению, при малозначительности совершенного физическим лицом административного правонарушения не начи-

нать административный процесс и освободить такое лицо от административной ответственности, объявив ему устное замечание.

Указанные новеллы позволили оптимизировать административный процесс, исключить лишний документооборот и неоправданные временные затраты. Были устранены противоречия в законодательстве и правоприменительной практике, так как ранее положения ПИКоАП обязывали начинать административный процесс, даже когда малозначительность деяния и нецелесообразность наложения административного взыскания были изначально очевидны, а в последующем его прекращать, руководствуясь пунктом 2 части 1 статьи 10.26 и статьей 10.27 ПИКоАП.

Следует отметить, что вопросы наличия либо отсутствия оснований для применения статьи 8.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) [3] достаточно широко освещены в научной литературе. Изучению этого вопроса посвящены публикации Б. В. Асаёнка, А. В. Денисевича, А. Н. Крамника, С. Л. Кулаковского, Ф. В. Яшкова и др. [4–8].

Вместе с тем, поскольку дополнения статьи 9.1 ПИКоАП действуют не продолжительное время, вопросы освобождения физических лиц от административной ответственности в связи с малозначительностью содеянного, одновременного объявления при этом устных предупреждений без оформления административно-процессуальных документов комплексно не исследовались. Полагаем, что необходимость в этом имеется, ведь помимо процессуально-исполнительного затрагиваются вопросы и иных сфер законодательства.

Прежде всего, это связано с необходимостью организации контроля за деятельностью подчиненных сотрудников на предмет соответствия принятых ими решений положениям Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» [9].

В соответствии с абзацем 3 части 1 статьи 25 указанного закона предоставление государственным должностным лицом необоснованных льгот и привилегий физическим лицам является правонарушением, создающим условия для коррупции. Исходя из этого, необоснованное освобождение физического лица от административной ответственности в порядке, предусмотренном частью 3 статьи 9.1 ПИКоАП, подпадает под действие законодательства по борьбе с коррупцией.

Для предупреждения коррупционных проявлений в Государственном пограничном комитете Республики Беларусь был определен порядок принятия решений об освобождении физического лица от административной ответственности при малозначительности совершенного им административного правонарушения [10].

Первоначально от сотрудников органов пограничной службы требуется доложить по команде о выявлении признаков административного правонарушения, относящегося к компетенции органов пограничной службы, а также о наличии оснований для применения части 3 статьи 9.1 ПИКоАП. При наличии у него средств видео-, аудиофиксации общение с физическим лицом фиксируется с их помощью.

Решение об освобождении физического лица от административной ответственности по малозначительности принимается уполномоченными руководством территориального органа пограничной службы должностными лицами после проведения консультаций с офицерами отдела дознания и административного процесса.

Поскольку предупреждение административных правонарушений является одной из задач КоАП и ПИКоАП, помимо объявления физическому лицу устного замечания, во исполнение статей 4, 9 и абзаца 3 части 2 статьи 24 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» с ним проводится профилактическая беседа [11]. Подобные действия направлены на воспитание лица и предупреждение совершения им подобных нарушений в дальнейшем.

По итогам несения службы сотрудник органа пограничной службы, выявивший административное правонарушение, составляет рапорт.

По нашему мнению, подобная практика позволяет минимизировать факты самовольного и безосновательного принятия сотрудниками органов пограничной службы решений об отсутствии оснований к началу административного процесса в связи с малозначительностью содеянного.

Как сказано в научно-практическом комментарии к КоАП, малозначительность административного правонарушения сформулирована законодателем как оценочное понятие, содержание которого конкретизируется правоприменительными органами с учетом конкретных обстоятельств рассматриваемого дела. Указано, что сложность в его толковании вызвана отсутствием в КоАП критериев оценки малозначительности [12, с. 96–97]. Полагаем, что с указанным выводом нельзя не согласиться, там более что и в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25 сентября 2014 г. № 15 «О применении судами норм Общей части Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях» они также не установлены. Указано лишь на наличие незначительности вреда охраняемым КоАП правам и интересам, а также на то, что законом не предусмотрено признание совершенного административного правонарушения малозначительным на основании данных, характеризующих лицо, в отношении которого ведется административный процесс, и смягчающих его ответственность обстоятельств [13].

Вместе с тем, по нашему мнению, органам, ведущим административный процесс, необходимо изучать складывающуюся в нижестоящих подразделениях практику, выявлять наиболее типичные ситуации и на основе их анализа вырабатывать критерии использования малозначительности правонарушения как основания для применения части 3 статьи 9.1 ПИКоАП.

Результаты правоприменительной практики указывают на активное применение в органах пограничной службы части 3 статьи 9.1 ПИКоАП. В 2018 году отмечено 633 таких факта, или 3,8 % от общего количества лиц (всего 16 445), подвергнутых административным взысканиям [14].

Например, согласно изученным рапортам, в пункте пропуска «Национальный аэропорт Минск» в отношении физических лиц административный процесс по части 1 статьи 23.31 КоАП «Нарушение режима Государственной границы Республики Беларусь» не начинался по малозначительности в следующих основных случаях:

иностранцы при въезде предъявляли выданные в официальном порядке государственным органом гражданской принадлежности документы, удостоверяющие личность, которые, в соответствии с международными соглашениями, не дают права пересечения Государственной границы Республики Беларусь (идентификационные карты ФРГ, Украины и т. п.);

у граждан Республики Беларусь, прибывших в страну по недействительному документу, отсутствовала объективная возможность получить свидетельство на возвращение в консульских учреждениях нашего государства за рубежом;

при въезде в Республику Беларусь иностранец предъявил недействительный документ по причине его ненадлежащего состояния (отсутствуют, оторваны либо разрисованы отдельные страницы и т. п.);

иностранцы, имеющие вид на жительство в Республике Беларусь, прибывали в страну по недействительному документу для его замены в посольстве своего государства, расположенном в Республике Беларусь;

граждане Российской Федерации въезжали в Республику Беларусь по недействительным документам для следования транзитом на родину и т. п. [15].

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы.

С учетом дополнений в статью 9.1 ПИКоАП и реализации принятых норм на практике появилась необходимость дальнейшего комплексного исследования в науке понятия «малозначительность административного правонарушения».

Представленный автором порядок применения органами пограничной службы на практике положений части 3 статьи 9.1 ПИКоАП может быть ис-

пользован в других органах, ведущих административный процесс, в целях предупреждения коррупционных проявлений.

Изучение типичных ситуаций применения на практике положений статьи 8.2 КоАП и части 3 статьи 9.1 ПИКоАП и определение на их основе соответствующих критериев позволят органам, ведущим административный процесс, объективно применять малозначительность административного правонарушения в качестве основания не начинать административный процесс.

1. О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 янв. 2018 г., № 95-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г., № 194-З : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 янв. 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апреля 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

4. Асаёнок Б. В. Окончание подготовки дела об административном правонарушении для рассмотрения с прекращением дела об административном правонарушении. Ч. 1. Общие основания прекращения дела об административном правонарушении [Электронный ресурс] : [по состоянию на 23.03.2013 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Денисевич, А. В. Отличие освобождения от административной ответственности от иных административно-правовых категорий [Электронный ресурс] : [по состоянию на 11.12.2014 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. Крамник, А. Н. Административное право. Ч. 2. Административно-деликтное право. Общая часть : пособие для студ. высш. учеб. заведений по юрид. специальностям. 3-е изд., стер. Минск, 2011. 379 с. [Вернуться к статье](#)

7. Кулаковский С. Л. Малозначительность правонарушения сквозь призму толкования норм права [Электронный ресурс] : [по состоянию на 08.08.2013 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. Яшков Ф. В. Малозначительность административного правонарушения: практика работы таможенных органов [Электронный ресурс] : [по состоянию на 16.01.2012 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

9. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

10. Об изменениях в законодательстве [Электронный ресурс] : указание Гос. погран. комитета Респ. Беларусь, 26 янв. 2018 г., № 8/1245 // Автоматизированная си-

стема электронного документооборота Государственного пограничного комитета Республики Беларусь. Минск, 2019. [Вернуться к статье](#)

11. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

12. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях / Г. А. Василевич [и др.] ; под науч. ред. Г. А. Василевича, Л. М. Рябцева. Минск : Адукацыя і выхаванне, 2017. 1084 с. [Вернуться к статье](#)

13. О применении судами норм Общей части Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верх. Суда Респ. Беларусь, 25 сент. 2014 г., № 15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

14. Отчеты управления предварительного расследования и правового обеспечения главного управления оперативной деятельности Государственного пограничного комитета Республики Беларусь. 2019. Д. 8–5. Т. 1. Л. 2–22. [Вернуться к статье](#)

15. Рапорта об отсутствии оснований к началу административного процесса [Электронный ресурс] : информация отряда погран. контроля «Минск», 9 янв. 2019 г., вх. № 955 // Автоматизированная система электронного документооборота Государственного пограничного комитета Республики Беларусь. Минск, 2019. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ
ПРИ РАСКРЫТИИ, РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ
И ПРЕКУРСОРОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

К. К. Борис

старший следователь,

Минский районный отдел

Следственного комитета Республики Беларусь

e-mail: karinaboris0202@gmail.com

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам криминалистического прогнозирования при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров в сети Интернет, путем предсказания конкретных изменений в механизме преступлений и ведения правоохрнительными органами опережающей разработки действенных криминалистических средств и методов расследования.*

***Ключевые слова:** криминалистическое прогнозирование, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров в сети Интернет.*

***Annotation.** The article is devoted to the issues of forensic forecasting in the detection and investigation of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances, their analogues and precursors on the Internet, by predicting specific changes in the mechanism of crimes and conducting law enforcement agencies ahead of the development of effective forensic tools and methods of investigation.*

***Keywords:** forensic forecasting, illegal trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances, their analogues and precursors on the Internet.*

Результативная борьба с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров в сети Интернет на современном этапе развития научно-технического прогресса требует принятия оптимальных методов и решений при раскрытии и расследовании такой категории уголовных дел.

Теории криминалистики содержат некоторые исходные данные, на которых строится криминалистическое прогнозирование. Рассмотрим, как они осуществляются применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 327–332 УК Республики Беларусь, совершенным в сети Интернет.

Следователю, лицу производящему дознание, необходимо владеть сведениями об обстановке и механизме совершения преступления. Несвоевременное изучение и обобщение судебной и следственной практики усложняют процесс раскрытия и расследования такой категории дел. К примеру, 10 лет назад способ сбыта наркотиков был контактный, однако с каждым годом набирал свои обороты бесконтактный способ совершения незаконного сбыта наркотиков посредством сети Интернет. При этом преступная деятельность развивалась в разы быстрее, нежели познания следователя в способах, применимых в расследовании таких преступлений. Ведь сбыт в сети Интернет усложнил собирание доказательств, подтверждающих вину преступника, для этого необходимо было самостоятельно совершенствовать навыки в исследовании техники (ноутбуки, гаджеты и др.). На сегодняшний день опыт, который может быть приобретен только посредством обобщения практики, и тем самым предвидения будущего состояния и развития системы преступления, позволяет прогнозировать типичные следственные ситуации в том или ином уголовном деле.

Кроме того, одним из самых важных факторов, способствующих предупреждению совершения преступления, оперативному реагированию на готовящееся и пресечению совершающегося преступления, является обобщение статистических, фактических и оценочных данных.

О проблематике криминалистического прогнозирования в деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков говорит статистика в цифрах.

Как сообщает Верховный Суд Республики Беларусь, в стране снизилось количество осужденных по ст. 327–332 УК в 2018 году по отношению к 2017 году. В 2018 году осуждено по ст. 327–332 УК за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, 2 452 лица в общем объеме правосудия, в 2017 году — 2 942 лица, 2016 году — 3 608 лиц, в 2015 году — 3 929 лиц.

Общее количество осужденных за незаконные действия с наркотиками, совершаемые с целью сбыта, по ч. 2–5 ст. 328 УК, в 2018 году снизилось по сравнению с прошлым годом с 920 до 717 лиц. При этом осуждено: по ч. 2 ст. 328 УК — 139 лиц, тогда как в 2017 году — 150, по ч. 3 ст. 328 УК — 487 лиц, в 2017 году — 665 лиц, по ч. 4 ст. 328 УК — 87 лиц, а в 2017 году — 100 лиц, по ч. 5 ст. 328 УК — 4 лица, тогда как в 2017 году — 5 лиц [1].

О сохраняющейся тенденции незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ говорит тот факт, что за 2018 год, по данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, изъято более 740 кг наркотических средств и 35 кг психотропных веществ. За нарушение правил оборота семян мака составлено 34 административных протокола. Из незаконно-

го оборота изъято почти 530 кг семян мака, возбуждено 95 уголовных дел по фактам незаконного оборота семян мака, содержащих в своем составе примеси маковой соломы.

В ходе проведения комплекса оперативно-профилактических мероприятий, направленных на недопущение массового распространения на территории республики насвая, из незаконного оборота изъято более 970 кг данного вещества [2].

С каждым годом все динамичнее усиливается влияние научно-технического прогресса на повседневную жизнь граждан, особенно это проявляется в развитии информационно-телекоммуникационных сетей, различных мобильных приложений, появлении нового программного обеспечения. Это улучшает качество жизни, но в то же время способствует незаконной деятельности в сфере незаконного оборота наркотических средств. Это подтверждается все более участвующимися случаями незаконного оборота наркотиков с использованием телекоммуникационной сети Интернет и различных мобильных приложений, позволяющим преступникам в несколько раз увеличить объемы оборота, о которых говорит статистика, приведенная выше, и при этом оставаться вне поля зрения правоохранительных органов.

Современные технологии позволяют организовывать незаконный оборот наркотиков на международном, государственном и межрегиональном уровнях, поэтому организованный характер преступной деятельности в данной сфере осуществляется, как правило, в формах транснациональных организаций и межрегиональных преступных сообществ.

Достижения научно-технического прогресса проникли в наркопреступность и привели к появлению новых способов сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, рекламированию через сеть Интернет психотропных веществ и наркотических средств, возбуждению интереса у потенциальных потребителей к их приобретению, осуществлению деятельности, связанной с администрированием учетных записей, используемых в различных программных обеспечениях сети Интернет, соблюдению конспирации при реализации наркотиков, а именно: использованию программ для мгновенного обмена сообщениями посредством сети Интернет с функцией шифрования входящего и исходящего трафика для связи между собой и потребителями; получение оплаты за сбываемые наркотики удаленным способом, путем зачисления потребителем денежных средств через различные платежные терминалы, почтово-денежные и различные банковские переводы на неустановленные подконтрольные электронные кошельки электронных платежных систем, зарегистрированных на иных лиц, путем бесконтактной передачи наркотиков, через потайные места, специально определенные для скрытого и долговремен-

ного хранения — тайники. На сегодняшний день личности лиц, совершающих сбыт наркотических средств, психотропных веществ, существенно изменились, как правило, это высокообразованные молодые люди, обладающие широкими знаниями в информационно-телекоммуникационной сфере, ранее не судимые.

Наркосбытчики для рекламирования и продажи наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров используют торговые площадки в сети Интернет. Для безопасности обеспечения своей незаконной деятельности они используют свободное программное обеспечение, позволяющее устанавливать анонимное сетевое соединение, защищенное от прослушивания. Такая программа обеспечивает наркопотребителям и наркосбытчикам гарантию анонимности при реализации незаконной деятельности, что позволяет беспрепятственно осуществлять незаконный оборот наркотиков, а правоохранительным органам создает преграду для изобличения таких лиц.

Преступные организации, создаваемые с целью сбыта наркотических средств посредством сети Интернет, отличаются ролями их участников. Так, например, организатором выступает лицо, осуществляющее руководство организованной группой по приобретению, приобретению, фасовке, сбыту наркотиков, распределяет доходы, обеспечивает функционирование ресурсов в сети Интернет, платежных операций. Оператор, как правило, осуществляет прием заказов, принимает оплату за приобретенный потребителем наркотик, передает информацию закладчикам и курьерам, информирует заказчиков о местонахождении тайников. Минер — лицо, которое имеет контактный доступ к наркотикам, так как по указанию оператора осуществляет фасовку приобретаемого наркотика и создает тайники, географические координаты месторасположения которых передает оператору. Курьер преимущественно осуществляет функции по транспортировке наркотиков и передачи их закладчику небольшими партиями.

В результате не происходит непосредственного личного контакта между сбытчиком и приобретателем наркотиков. В связи с этим увеличился не только масштаб территории совершения таких преступлений, но и их количество.

В научной литературе встречаются исследования по проблемам наркопреступности с использованием сети Интернет, но комплексного уголовно-правового и криминалистического исследования и подхода, включая сравнительно-правовой аспект, не существует.

Кроме того, несмотря на высокую теоретическую и практическую ценность этих исследований, следует отметить, что недостаточно исследованы вопросы криминалистического способа совершения деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, совершенных с использованием сети Интернет, а также уровень,

структура, динамика таких деяний, особенности личности преступника и практика предупреждения.

Современные негативные тенденции наркопреступности в сети Интернет, особенности ее существования и воспроизводства в глобальной сети диктуют необходимость дальнейшего более глубокого исследования криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений и оснований криминализации способа распространения наркотиков.

Постоянный мониторинг сайтов необходим для непрерывного контроля различных теневых ресурсов сети Интернет, в целях своевременного выявления и пресечения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, наркосодержащих растений с использованием сети Интернет.

Таким образом, криминалистическая наука может выполнять функцию предвидения событий и процессов, проявление которых возможно в криминальной сфере, и своевременно обеспечивать практическую деятельность правоохранительных органов адекватными приемами, средствами и методами в целях ведения эффективной борьбы с преступностью. Выводы прогностического характера весьма важны для развития и совершенствования методики расследования и для превращения ее в гибкую систему, способную реагировать на любые изменения криминалистических характеристик.

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.court.gov.by/ru/statistika/> (дата обращения: 08.03.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Управление информации и общественных связей МВД Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.gov.by/> (дата обращения: 08.03.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 347.77

ПРАВО НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК (торговую марку): СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

А. Э. Борщевская

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин,
кандидат юридических наук (Украина),
Могилевский институт МВД (Беларусь)

Аннотация. В статье рассматривается содержание права на товарный знак как специфического объекта гражданских прав, особенности его использования, делается вывод о том, что используются две традиционные правовые формы организации их обращения как нематериальных объектов.

Ключевые слова: товарный знак, средство индивидуализации, исключительное право, правообладатель, товары (работы, услуги).

Annotation. The article deals with the content of the right to a trademark as a specific object of civil rights, especially its use, it is concluded that two traditional legal forms of organization of their treatment as intangible objects are used.

Keywords: trademark, means of individualization, exclusive right, right holder, goods (works, services).

Еще никогда товарные знаки не играли такой значимой роли на рынке и не формировали так мировоззрение и систему ценностей общества, как сегодня. Естественно, что ввиду широкой известности, наработанной репутации и приверженности потребителей эта категория объектов интеллектуальной собственности нуждается в особой правовой охране, ведь часто становится «лакомым кусочком» для недобросовестных пользователей. Мировая практика признания и использования товарных знаков насчитывает около ста лет, и за это время было выработано много действенных механизмов их правовой защиты.

Проблемам охраны и защиты товарных знаков уделялось внимание в работах Т. В. Белоушко, В. Ф. Чигира, А. И. Золотухиной, Е. Г. Ивановой, Д. А. Колбасина, Т. А. Крох, С. А. Сударикова, С. С. Лосева, Т. В. Маевской, С. С. Романова, Н. Шашкова и др. Однако, несмотря на внимание к данной теме ученых-теоретиков и практиков, некоторые вопросы правового регулирования отношений в сфере оборота товарных знаков до сих пор остаются дискуссионными, все чаще указывается на необходимость совершенствования действующего законодательства с учетом международного опыта.

На протяжении всего периода эволюции правоотношений, возникающих в отношении средств индивидуализации в предпринимательской деятельности, и в доктрине, и в актах законодательства существовали различные подходы в определении товарного знака. Как отмечает С. С. Лосев, в дореволюционный период понимание товарного знака состояло в определении его назначения как средства индивидуализации товаров. Исследователи советского периода пред-

лагали разнообразные теоретические определения товарного знака [1]. Так, С. И. Раевич рассматривал товарные знаки в качестве постоянных знаков, являющихся «...все же чем-то извне прикрепленным, приданным товару, но отнюдь не составляющим его часть» [2, с. 15]. Е. А. Ариевич определял товарные знаки как «...охраняемые знаки, отличающие товары юридических лиц и граждан от однородных товаров других юридических лиц и граждан и предназначенные для их рекламы и облегчения выбора потребителем товаров определенного качества» [3, с. 12]. В. М. Сергеев предложил товарные знаки (знаки обслуживания) понимать как знаки, используемые в установленном порядке предприятиями и организациями для обозначения определенных видов товаров (услуг) с целью их рекламы и отличия от однородных товаров (услуг) других предприятий и организаций [4, с. 10].

В современных научных работах при определении товарного знака исследователи пытаются определить не только его суть, но и его назначение. Так, А. П. Сергеев отмечает, что товарным знаком признается «...условное обозначение, своего рода символ, который помещается на выпускаемой продукции, ее упаковке или сопроводительной документации и заменяет собой подчас длинное и сложное название (наименование) изготовителя товара» [5, с. 37]. При этом, по мнению данного ученого, обозначение может быть признано товарным знаком лишь в том случае, если оно позволяет потребителю без особого труда узнать нужную ему продукцию и не спутать ее с аналогичной продукцией других производителей.

Таким образом, несмотря на многообразие определений, в большинстве из них отражается сущностная характеристика товарного знака как наиболее эффективного средства индивидуализации, используемого участниками гражданских правоотношений для того, чтобы отличать свои товары (работы, услуги) от аналогичных товаров (работ, услуг) других лиц.

В Республике Беларусь, согласно ст. 1017 ГК, товарным знаком и знаком обслуживания признается обозначение, способствующее отличию товаров или услуг одного лица от однородных товаров или услуг других лиц [6].

В соответствии с Законом Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» в качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы словесные обозначения, включая имена собственные, сочетания цветов, буквенные, цифровые, изобразительные, объемные обозначения, включая форму товара или его упаковку, а также комбинации таких обозначений. Иные обозначения могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков в случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь [7].

Определения товарного знака практически во всех законодательствах мира сводятся именно к индивидуализации производимых и продаваемых товаров

без четкого обозначения структурного наполнения термина. Несколько шире обозначен товарный знак в законодательстве США, в соответствии с которым товарный знак — это любые слова, имена, символы или обозначения или любые их комбинации, признанные и используемые производителем или торговцем для обозначения своих товаров и отличия их от таких же товаров, производимых и продаваемых другими лицами [8, с. 74–75].

В Великобритании товарный знак — это обозначение, которое может быть представлено графически, позволяющее отличать товары или услуги одного предпринимателя от товаров или услуг других предпринимателей. Товарный знак может, в частности, состоять из слов (включая собственные имена), рисунков, букв, цифр, формы товара или его упаковки. В КНР товарным знаком может быть любой визуально воспринимаемый знак, позволяющий отличать товары физических и юридических лиц от товаров других лиц, включая любое произведение, дизайн, буквы и цифры, трехмерные обозначения и сочетания цветов, а также сочетания всех указанных объектов. В Российской Федерации товарный знак определяется в ст. 1477 ГК как обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. В качестве товарных знаков могут выступать словесные, изобразительные, объемные и другие обозначения или их комбинации [1].

Обратимся к нормам, устанавливающим правовую охрану товарных знаков. В Законе Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» (ст. 20) [7] содержится перечень исключительных прав, которые имеет владелец свидетельства на товарный знак, а также пределы таких прав.

Из этого перечня очень четко видно, что на самом деле исключительное право на товарный знак является исключительным правом на его использование в любых формах. Это — исключительное право на использование товарного знака только в отношении товаров и услуг, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован. Отсюда не является противоправным использование товарного знака в целях, не связанных с введением в обращение, продвижением и реализацией товаров: например, никак не ограничено его использование в литературных произведениях, в художественных целях и тому подобное.

Все это — последствия свойств товарного знака как объекта правовой охраны. Охраняется формализованная на уровне товарного знака устойчивая ассоциация между товарным знаком и потребительскими свойствами товара, существующая в сознании потребителей благодаря определенным усилиям со стороны производителя товара. Товарный знак служит средством идентификации товаров производителя в огромной массе однородной продукции. Тем самым можно говорить и об ассоциации «товар-производитель», благодаря кото-

рой потребители могут выбирать из огромной массы товаров, предлагаемых на рынке, те, которые произведены определенным предпринимателем.

Однако непосредственно такие ассоциации охранять юридическими средствами невозможно; тем более невозможно превратить их в объекты рыночного оборота. Товарный знак выступает средством формализации охраняемых ассоциаций. В этом качестве он и получает правовую охрану, которая позволяет, с одной стороны, запретить действия, направленные на использование третьими лицами сформированной предпринимателем ассоциации, а с другой, — сделать допустимым предоставление другому лицу права пользоваться указанной ассоциацией. Вполне естественно, что пределы правовой охраны товарного знака заканчиваются там, где прекращается угроза для ассоциации, формализованной в товарном знаке. Исходя из данной логики, не нарушает и не может нарушать интересы правообладателя любое использование товарного знака, не связанное с продвижением и реализацией товаров?

Другое следствие специфической природы охраняемого объекта — установление запрета на использование в соответствующей сфере обозначений, сходных с товарным знаком до степени смешения. Подобное использование не является использованием формально охраняемого объекта, но оно является той ассоциацией, которая охраняется на самом деле. Смешение в отношении однородных товаров вызывает у потребителя ложную ассоциацию, что товары, произведенные в действительности третьим лицом, произведены известным ему предпринимателем. Это как раз то, чего право, закон стремятся не допускать. Возникает вопрос: распространяется ли право на товарный знак на все обозначения, сходные с ним до степени смешения? Если устанавливается запрет (он объективно необходим для достижения целей правовой охраны товарного знака) на использование обозначений, сходных с товарным знаком до степени смешения, то не может не существовать и субъективного права. Более того, в самом законодательстве о товарных знаках не просто запрещается использование обозначений, сходных до степени смешения с правоохранительными объектами, а речь идет о том, что такое использование является нарушением права на товарный знак. Степень сходства обозначения с товарным знаком в случае нарушения права на такой объект будет в каждом конкретном случае устанавливаться судом. Последний и должен определить, возникает ли угроза смешения или нет. Конечно, подобная модель регулирования вызывает критику по причине отсутствия должной степени определенности, но разумной альтернативы все равно нет. В то же время законодательное определение любых обозначений, схожих с определенным товарным знаком до степени смешения, только усилит и так имеющуюся неопределенность. Число возможных похожих до степени смешения обозначений бесконечно, а следовательно, объект права не

определен индивидуально и может существовать в бесчисленном множестве вариаций.

В силу этого представляется приемлемой модель, использованная законодателем: право на использование товарного знака — запрет на использование как товарного знака, так и обозначений, сходных с ним до степени смешения. Эта модель позволяет сохранить относительную определенность субъективного права на товарный знак и одновременно обеспечить надлежащую защиту объекта интеллектуальной собственности.

Далее рассмотрим еще один содержательный аспект права на товарный знак по действующему законодательству. Закон оперирует понятием «использование». Под использованием в Законе приводятся такие примеры: «применения товарного знака на товарах, для которых он зарегистрирован, а также на этикетках, упаковках, в глобальной компьютерной сети Интернет (в том числе в доменном имени), на документации, связанной с введением товара в гражданский оборот, при выполнении работ, оказании услуг либо использовании товарного знака с изменением его отдельных элементов, не влияющим на его различительную способность и не ограничивающим правовую охрану, предоставленную товарному знаку». Очевидно, что все это — формы воспроизведения идеального объекта в первоначальном или несколько модифицированном (сходном до степени смешения) виде. В отношении правовой охраны товарного знака значение воспроизведения еще больше, чем в авторском праве. Если в последнем существуют хотя бы некоторые, не связанные с воспроизведением охраняемого объекта (произведения) действия, исключительное право на совершение которых принадлежит автору, то в Законе Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» о таких действиях ничего не говорится. И в этом, с учетом целей правовой охраны, нет необходимости.

Наконец, следует обратить внимание и на то, что право на товарный знак по законодательству имеет двойственную природу. С одной стороны, оно является исключительным правом (только правообладатель имеет право совершать определенные действия), с другой, — является правом запрещать те действия, которые может совершать только правообладатель. Подобная двойственность не является логичной и, по нашему мнению, представляет собой просто дефект юридической техники.

Таким образом, в законодательстве о товарных знаках и знаках обслуживания мы видим две традиционные правовые формы организации их обращения как нематериальных объектов: предоставление права и передача исключительного права. Особенностью является то, что эти права предоставляются владельцу при определенных условиях. Передача права на товарный знак не должна приводить к заблуждению в сознании потребителей относительно свойств то-

варов и их производителей, а предоставление права на него возможно только при условии совершения определенных действий, направленных на обеспечение сохранения качества товаров, выпускаемых под тем же товарным знаком.

1. Лосев С. С. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» [Электронный ресурс] : [по состоянию на 10.12.2014 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Раевич С. И. Исключительные права : право на товарные знаки, промышленные образцы, изобретения, авторское право // Проблемы сов. права / под общ. ред. Д. А. Магеровского. М. : Гос. изд-во, 1926. 139 с. [Вернуться к статье](#)

3. Ариевич Е. А. Правовые вопросы экспертизы товарных знаков в СССР : [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 1984. 23 с. [Вернуться к статье](#)

4. Сергеев В. М. Экспертиза товарных знаков. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. 86 с. [Вернуться к статье](#)

5. Сергеев А. П. Право на фирменное наименование и товарный знак. СПб. : Санкт-Петербург. у-т, 1995. 73 с. [Вернуться к статье](#)

6. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. О товарных знаках и знаках обслуживания [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 февр. 1993 г., № 2181-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. Рыкова И. В. Товарный знак как способ защиты прав, торговая марка как средство продвижения. История и перспективы развития // Маркетинг в России и за рубежом. 2008. № 3. С. 74–77. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.431

ОТГРАНИЧЕНИЕ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ ОТ НЕЗАКОННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Б. Р. Бухориев

старший преподаватель кафедры повышения квалификации,
Академия МВД Республики Таджикистан
e-mail: Buhoriev_1991@mail.ru

Аннотация. В статье проведен сравнительный анализ норм об ответственности за незаконное лишение свободы и торговлю людьми по Уголовному Кодексу Республики Таджикистан и предлагаются меры, направленные на восстановление принципа справедливости, нарушенного при имплементации положений международного соглашения о противодействии торговле людьми в Уголовный Кодекс Республики Таджикистан.

Ключевые слова: торговля людьми, незаконное лишение свободы, разграничение, квалификация.

Annotation. The article provides a comparative analysis of the rules on liability for unlawful deprivation of liberty and human trafficking under the Criminal Code of the Republic of Tajikistan and proposes measures aimed at restoring the principle of justice violated when implementing the provisions of the international agreement on combating human trafficking in the Criminal Code of the Republic of Tajikistan.

Keywords: human trafficking, illegal imprisonment, delimitation, qualification.

В 2003 году в Уголовный Кодекс Республики Таджикистан (далее — УК РТ) была введена новая норма — ст. 130¹ «Торговля людьми»*. Появление в УК новой статьи явилось имплементацией положений международного соглашения Республики Таджикистан о противодействии торговле людьми [1]. Однако одновременно не были внесены изменения в другие статьи, которые ранее предусматривали возможность привлечения к уголовной ответственности за торговлю людьми, что повлекло за собой ряд проблем, связанных с квалификацией данного преступления и отграничением его от смежных составов.

Изучение уголовных дел и анкетирование сотрудников следственных подразделений РТ показало, что одной из актуальных проблем предупреждения торговли людьми является решение существующих проблем, связанных с отграничением ст. 130¹ УК РТ от смежных составов. Поэтому эффективное при-

* Торговля людьми — осуществляемые в целях эксплуатации (эксплуатация проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органа и (или) ткани) вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа в виде платежей или выгод для получения согласия лица, контролирующего другое лицо.

менение уголовно-правых мер предупреждения торговли людьми представляется невозможным без решения ряда актуальных вопросов, связанных с квалификацией данного преступления и уяснением критериев отграничения его от смежных составов.

Одним из преступлений, наиболее близких по объективным признакам состава к торговле людьми, является незаконное лишение свободы (ст. 131 УК РФ). Законодатель сформулировал диспозицию основного состава преступления как простую, только назвав само преступление. Незаконное лишение свободы предполагает лишение человека (потерпевшего) возможности поступать по собственной воле, своему усмотрению со стороны лица, не имеющего на это законного права*.

Среди специалистов существует несколько точек зрения относительно объекта данного преступления. Одни считают, что при совершении данного преступления виновный посягает на свободу выбора среды пребывания потерпевшего [2, с. 13; 3, с. 15]. Другие полагают, что посягательство направлено непосредственно на человека как объекта преступления [4, с. 15].

Полагаем, что было бы правильным, как считать объектом незаконного лишения свободы общественные отношения в сфере охраны личной свободы человека [5, с. 89]. При этом дополнительным объектом в ряде случаев выступает безопасность жизни и здоровья человека.

Объективная сторона рассматриваемого преступления, как было отмечено, выражается в удержании человека, т. е. выполнении виновным незаконных действий, препятствующих возможности потерпевшего по своему усмотрению свободно передвигаться, выбирать место своего пребывания, общаться с другими лицами и в то время и тем способом, которые его устраивают, посредством изоляции потерпевшего в месте его постоянного или временного пребывания, где он, оказывается, по своей воле, без перемещения в иное место.

При квалификации преступления возникает вопрос по поводу уголовно-правовой оценки добровольности выбора места, в которой потерпевший оказывается в последующем, удерживается в этом месте виновным. Необходимо уточнить, что он может прибыть на это место, будучи введенным в заблуждение виновным лицом (т. е. его туда обманным путем заманили).

В учебниках по российскому уголовному праву преобладает утверждение, что незаконное лишение свободы осуществляется только путем действий [6, с. 323; 7]. В научной литературе, по мнению специалистов, в отличие от по-

* Законным считается лишение свободы в случае применения компетентными органами мер пресечения либо исполнения административного или уголовного наказаний, лишаящих свободу виновного. Соответственно, «незаконным» следует понимать противоправное лишение свободы человека.

хищения человека и торговли людьми, незаконное лишение свободы может совершаться как действием, так и путем бездействия [5, с. 95]. Например, лишение инвалидной коляски человека, который не может самостоятельно передвигаться, или в случае, если потерпевший находится в помещении, ранее запертом с его согласия, незаконное лишение свободы может быть выражено в отказе совершить действия по его освобождению.

Местом незаконного лишения свободы может быть любое пространство, в том числе и место постоянного или временного проживания, место работы, учебы и т. п. потерпевшего, а также транспортные средства и иные места, уготовленные специально для последующего лишения его свободы. Иногда человека приглашают в заранее обусловленное место и только потом лишают свободы.

Анализируемое преступление может осуществляться путем применения физического и психического насилия. Моментом окончания данного преступления считается момент, когда потерпевший не имеет реальной возможности выходить из запертого пространства. Если же лишение свободы заключается в водворении в какое-либо другое место, то моментом его окончания следует считать время, последовавшее за перемещением потерпевшего в это место и действиями по его удержанию в нем. Потерпевшим от данного преступления может быть любое лицо, в том числе близкие родственники субъекта преступления.

Субъектом ст. 131 УК РТ является вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Данное положение не вызывает споров в научном мире.

Субъективная сторона выражается в прямом умысле. Мотив, цель и эмоции, в отличие от торговли людьми, не являются обязательными в силу того, что они не предусмотрены в диспозиции статьи. Также данный элемент состава преступления не вызывает дискуссий среди ученых.

Таким образом, основным отличием торговли людьми от незаконного лишения свободы является насильственный способ удержания потерпевшего, а также возможность совершения торговли людьми только путем действия, а незаконного лишения свободы еще и путем бездействия.

В качестве способа совершения торговли людьми незаконное лишение свободы, по сути, является приготовлением к дальнейшей купле-продаже, передаче, перевозке человека. Однако законодатель, как было сказано выше, считает такие действия не приготовлением, а окончанным составом преступления.

В этой связи возникает вопрос о том, возможна ли вообще квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 130¹ и 131 УК РТ. Ответить на этот вопрос однозначно не позволяет ст. 20 УК РТ, предусматривающая

правила квалификации преступлений по совокупности. В отличие от аналогичной нормы уголовного законодательства Российской Федерации (ст. 17), ст. 20 УК РТ не содержит указания на то, что совокупности не образуют случаи, когда одно преступление является способом совершения другого. Поэтому дать ответ на поставленный выше вопрос в рамках интерпретации этой статьи невозможно, что еще раз подтверждает необходимость внесения изменения в ст. 20 УК РТ, закрепив в ней положение о том, что совершение двух или более преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, совокупности преступлений не образуют.

Квалификация по совокупности ст. 131 и ст. 130¹ УК РТ возможна только в случае, когда лицо незаконно лишают свободы, а в дальнейшем решают его продать, то есть умысел на продажу человека возникает тогда, когда объективная сторона незаконного лишения свободы уже осуществлена. В этом случае целесообразно действия виновного квалифицировать по совокупности преступлений ст. 131 и ст. 130¹ УК РТ. Далее рассматривая ситуацию, при которой виновный совершил незаконное лишение свободы с целью эксплуатации, следует отметить, что данное деяние не образует совокупности, а подпадает под п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РТ, т. к. это предусмотрено в указанном пункте названной статьи УК.

1. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 40. Ст. 3884. [Вернуться к статье](#)

2. Бойко Н. В. Ответственность за незаконное лишение свободы по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1989. [Вернуться к статье](#)

3. Филин М. В. Уголовная ответственность за незаконное лишение свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2000. [Вернуться к статье](#)

4. Панкратов В. В. Уголовно-правовая охрана личной свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 24 с. [Вернуться к статье](#)

5. Науменко С. В. Незаконное лишение свободы: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 274 с. [Вернуться к статье](#)

6. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник / под ред. В. Ю. Малаховой. М., 2011. С. 323. [Вернуться к статье](#)

7. Российское уголовное право: учебник : в 2 т. / Г. Н. Борзенков [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. Т. 2: Особенная часть. С. 77. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9.01

СТРУКТУРА ПРЕСТУПНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Т. И. Вишневская

преподаватель кафедры правовых дисциплин,
Могилевский институт МВД (Беларусь)
e-mail: Tanya-shukailo@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется одна из основных проблем в современной криминологии — геронтологическая преступность. Предложен подробный анализ основного показателя геронтологической преступности такого как, структура. Полученные автором результаты могут быть применены в процессе совершенствования законодательства Республики Беларусь, а также при разработке эффективных мер предупреждения геронтологической преступности.

Ключевые слова: пожилые лица, геронтологическая преступность, структура преступности.

Annotation. The article examines one of the main problems in modern criminology — gerontological crime. A detailed analysis of the main indicator of gerontological crime such as structure is proposed. The results obtained by the author can be applied in the process of improving the legislation of the Republic of Belarus, as well as in developing effective measures to prevent gerontological crime.

Keywords: elderly persons, gerontological crime, crime structure.

Выделение геронтологической преступности в качестве самостоятельного и специфического вида преступности обусловлено рядом факторов, таких как стабильное увеличение количества преступлений, совершаемых лицами пожилого возраста, и в отношении последних; значительный рост численности пожилых людей в мире и в нашей стране в частности; увеличение продолжительности жизни в условиях сокращения рождаемости и др.

Большое внимание исследованию преступности лиц пожилого возраста уделяли такие российские ученые, как Ю. М. Антонян, Л. В. Боровых, О. В. Барсукова, В. О. Касимов, Е. Е. Лукин, В. Г. Павлов, П. В. Разумов. Однако в отечественной белорусской науке проблема специфики преступности пожилых лиц не освещена, кроме того процесс глобализации, изменения, происходящие в социуме, требуют мониторинга ранее приобретенных знаний и выявления современных тенденций, которые происходят в преступной среде.

Обратим внимание на то, что в юридической науке нет определения преступности лиц пожилого возраста и не имеется критериев возрастной периодизации преступников. Для проведения нашего исследования геронтологической преступности необходим четкий возрастной диапазон, поэтому в представленной работе при определении границ пожилого возраста мы будем

исходить из календарного возраста 60 лет и старше для мужчин и женщин, который наиболее широко используется в отечественной и зарубежной демографической науке и законодательстве [1; 2; 3, с. 9].

Для характеристики преступности, разработки методов успешной борьбы с этим негативным явлением в криминологии принято выделять количественные и качественные показатели, основным из которых является структура.

Структура преступности — это соотношение в общем массиве преступности различных категорий, видов и групп преступлений и преступников, выделенных по определенным уголовно-правовым или криминологическим основаниям (признакам). Показатель структуры является относительным, количественно-качественным и выражается в долях или процентах от общего количества преступлений или преступников [4, с. 60].

Показатель структуры преступности определяет удельный вес (долю) объема отдельного типа, рода или вида преступности в общем объеме преступности, измеряемый по формуле: $C = u / U \times 100 \%$, где u — показатель объема отдельного типа, рода, вида преступности; U — показатель объема всей преступности на той же территории за тот же период времени.

Преступления, совершаемые лицами пожилого возраста, имеют достаточно широкий диапазон. В структуре преступности наибольший удельный вес составляют корыстные деяния. Исследование криминальной активности пожилых людей в совершении разного рода хищений позволило выделить наиболее распространенные из них и определить долю участия в них лиц в возрасте старше 60 лет.

Основную массу преступлений против собственности среди лиц пожилого возраста, совершивших преступления, составляют кражи (2017 г. — 28,5 %). Высокий процент в структуре преступлений против собственности, совершенных пожилыми лицами, занимают грабежи (2017 г. — 2 %), хищения путем злоупотребления служебными полномочиями (2017 г. — 1 %), мошенничества (2017 г. — 1 %).

Значительный абсолютный показатель лиц старшего возраста в 2017 г. в совершении преступлений против порядка управления составляет 14,9 %. Как правило, пожилые преступники совершают деяния, предусмотренные ст. 380 УК Республики Беларусь «Подделка, изготовление, использование либо сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков» (2017 г. — 7,2 %).

Высокий удельный вес лиц, достигших 60-летнего возраста, совершивших преступления против жизни и здоровья, в 2017 г. составил 10,9 %: убийства (2,6 %), истязания (0,9–2,3 %), умышленные причинения тяжких (2,3–2,9 %), менее тяжких (0,7–2,9 %), легких (2,5–3,1 %) телесных повреждений.

В структуре геронтологической преступности преступления против общественной безопасности в 2017 г. составили 10,5 %. Противоправные действия в большинстве случаев связаны с незаконными действиями в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (2017 г. — 9,7 %).

Преступления против личной свободы, чести и достоинства составили около 7,5 %. Наиболее распространенным преступлением этого вида является «угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества» (2017 г. — 7 %).

4,5 % от общего количества пожилых преступников составляют люди, совершившие преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Лица старшего возраста в основном совершают деяния, предусмотренные ст. 317 УК Республики Беларусь «Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств» (3,2 %).

В составе геронтологической преступности имеют место и преступления против общественного порядка и общественной нравственности, где основную часть составляют хулиганства (ст. 339) — около 3,1 %.

Другие преступления в структуре преступности исследуемой категории составляют менее 2 %.

Важным характеризующим показателем, относящимся к структуре преступности, является ее характер. Характер преступности определяет долю наиболее опасных правонарушений в структуре преступности и характеристику лиц, совершающих преступления. Характер преступности нередко ассоциируется с таким понятием, как криминогенная обстановка в стране, включая удельный вес наиболее тяжких преступлений, групповой и организованной преступности. В ходе анализа статистических сведений с 2014 г. наблюдается положительная динамика, которая выражается в снижении доли особо тяжких и тяжких преступлений, совершенных лицами пожилого возраста. Так, в 2014 г. доля особо тяжких преступлений в общей массе совершенных людьми в возрасте старше 60 лет составила 4,8 %, в 2016 г. — 3,4 %, а в 2017 г. — 3,5 %. В отношении тяжких преступлений также выявлено уменьшение: 2014 г. — 18,2 %, 2016 г. — 17,2 %, 2015 г. — 17 %. Среди совершаемых лицами пожилого возраста деяний преобладают менее тяжкие (51,4–51,9 %) и не представляющие большой общественной опасности (25,5–27,5 %).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что проблема геронтологической преступности не только чрезвычайно актуальна, но и отличается новизной и сложностью как в теоретическом, так и практическом отношении. Старение населения в силу своей необратимости и постоянного развития влияет на все сферы жизни общества, влечет множество негативных последствий, в том числе влечет неизбежный рост геронтологической преступно-

сти. Это подтверждает динамика преступности лиц в возрасте 60 лет и старше в общей массе криминала: 2014 г. — 2,02 % от общего количества преступников, в 2016 г. — 3,08 %, в 2017 г. — 3,58 %.

Главным качественным показателем преступности является ее структура, которая показывает соотношение в общем массиве преступности различных форм, отдельных видов преступлений и преступников, выделенных по определенным уголовно-правовым и криминологическим основаниям. Подчеркнем, что по долевым показателям преступности пожилых лиц на первом месте находится кража (28,5 %), далее следуют незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (9,7 %), подделка, изготовление, использование либо сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков (7,2 %), угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (7 %) и др.

Следовательно, исследование преступности пожилых людей является необходимым условием разработки эффективных мер предупреждения преступности данного вида.

1. Мадридский международный план действий по проблемам старения [Электронный ресурс] : принят второй Всемирной ассамблеей по проблемам старения, Мадрид, 8–12 апреля 2002 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program_ch1.shtml (дата обращения: 27.02.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Об утверждении Комплексной программы развития социального обслуживания на 2011–2015 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г. № 122-3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Барсукова О. В. Старческая преступность и преступления против лиц пожилого возраста: Криминологические и уголовно-правовые проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 ; Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2003. 27 с. [Вернуться к статье](#)

4. Криминология и профилактика преступлений / Е. А. Авраменко [и др.] ; под ред. В. А. Кашевского. Минск : Акад. МВД, 2011. 428 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 349.414

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ В ГОРОДАХ

И. В. Воронцовская

консультант службы регистрации

РУП «Гродненское агентство по государственной регистрации

и земельному кадастру»,

соискатель Гродненского государственного

университета им. Янки Купалы

e-mail: irina.voronetskaya@bk.ru

Аннотация. В рамках данной статьи автором проведено исследование правового обеспечения реализации гражданами Республики Беларусь прав на земельные участки в городах. Анализируются существующие в настоящее время способы обеспечения потребностей граждан в земельных ресурсах в городах. Обосновывается необходимость развития земельного законодательства, регулирующего данную область правовых отношений, и акцентируется внимание на значимости научных исследований, направленных на разработку практических рекомендаций по совершенствованию соответствующих норм права.

Ключевые слова: земельные ресурсы, реализация прав граждан, земельное законодательство, изъятие и предоставление земельных участков, право собственности, право пожизненного наследуемого владения, право аренды, право временного пользования, аукцион.

Annotation. Within the framework of this article, the author conducted a study of the legal framework for the realization by citizens of the Republic of Belarus of the rights to land plots in cities. There are analyzed currently existing ways to ensure the needs of citizens in land resources in cities. There is justified the necessity of the development of land legislation regulating this area of legal relations, and attention is focused on the importance of scientific research aimed at developing practical recommendations for improving the relevant legal norms.

Keywords: land resources, realization of the rights of citizens, land legislation, withdrawal and provision of land plots, the right of ownership, the right to lifelong inheritable possession, the right to lease, the right of temporary use, an auction.

Изучение проблемы правового регулирования реализации прав граждан Республики Беларусь на земельные участки в городах и поиск путей совершенствования данной области отношений относятся к первостепенным задачам земельного права, имеющим важное теоретическое и практическое значение.

Исследования в области регулирования правового режима земель в городах привлекают ученых, о чем свидетельствуют научные труды Л. М. Ахметшиной, Г. А. Волкова, И. А. Иконицкой, О. И. Крассова, Ю. А. Клещенко, О. А. Бакиновской, О. А. Хотько, Н. Г. Станкевич, В. Ф. Чигира, И. С. Шахрай,

Н. А. Шингель и др. Вместе с тем в современной юридической науке комплексных исследований в сфере прав граждан Республики Беларусь на земельные участки в городах до настоящего момента не проводилось. По нашему мнению, особая значимость земель городов для государства и недостаточная научная разработанность темы исследования свидетельствуют об актуальности данной проблемы.

Нормативную базу исследования составили Конституция Республики Беларусь, Указ Президента Республики Беларусь от 27.12.2007 г. № 667 «Об изъятии и предоставлении земельных участков» (далее — Указ № 667), Указ Президента Республики Беларусь от 02.02.2009 г. № 58 «О некоторых мерах по защите имущественных прав при изъятии земельных участков для государственных нужд», Указ Президента Республики Беларусь от 23.09.2011 г. № 431 «О некоторых мерах по совершенствованию отношений в области изъятия, предоставления и использования земельных участков», Указ Президента Республики Беларусь от 26.12.2017 г. № 463 «О совершенствовании порядка изъятия и предоставления земельных участков», Кодекс Республики Беларусь о земле (далее — КоЗ), а также Гражданский кодекс Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь от 22.07.2002 г. «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» (далее — Закон № 133-З), Закон Республики Беларусь от 05.07.2004 г. «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» и другие нормативно-правовые акты, регулирующие права граждан Республики Беларусь на земельные участки в городах.

По нашему мнению, при изучении актуальных аспектов реализации прав граждан Республики Беларусь на земельные участки в городах важное значение имеет специфика земель городов. С точки зрения кандидата юридических наук О. А. Бакиновской, основное назначение земель городов заключается в обеспечении устойчивого развития города, гармоничного расселения людей, а также сбалансированного размещения производственных и транспортных объектов. Земли городов должны обеспечивать устойчивость и благоприятность состояния окружающей среды [1, с. 70].

Кандидат юридических наук И. С. Шахрай, проводя исследование правового обеспечения доступа граждан к земельным участкам, отмечает, что ограниченность земельных ресурсов, их публичное и социальное значение, возрастающий спрос на землю обуславливают необходимость детального правового регулирования обеспечения доступа к земельным ресурсам различных субъектов [2, с. 126].

Граждане Республики Беларусь могут приобретать земельные участки в городах в частную собственность, получать их на иных вещных правах, заве-

щать или наследовать, заключать гражданско-правовые сделки с ними. Однако, как выделяет в своем исследовании кандидат юридических наук О. А. Хотько, в белорусском законодательстве установлены ограничения возникновения прав на земельные участки в городах. В частности, использование земель в тех или иных случаях зависит не только от земельной правоспособности, но и от выполнения субъектом определенных условий — действий по вступлению в члены дачного кооператива [3, с. 37], гаражно-строительного кооператива или садоводческого товарищества и т. п.

Анализ земельного законодательства Республики Беларусь позволяет сформулировать следующие способы обеспечения государством реализации гражданами прав на земельные участки в городах:

- 1) предоставление земельных участков гражданам в административном порядке или по результатам аукциона в процессе распределения и перераспределения земельных ресурсов в городах;
- 2) переход права на земельный участок по наследству или на основании гражданско-правовых сделок;
- 3) предоставление прав на чужой земельный участок в предусмотренных законодательством случаях.

В соответствии с КоЗ и Указом № 667 гражданам земельные участки в городах могут предоставляться на следующих видах права: в собственность; на праве пожизненного наследуемого владения; в аренду; на праве временного пользования [4].

Часть 6 ст. 12 КоЗ установлен закрытый перечень целей, на которые в городах предоставляются земельные участки в частную собственность и на праве пожизненного наследуемого владения гражданам Республики Беларусь. К данным целям относятся следующие:

- строительство и (или) обслуживание жилого дома;
- обслуживание зарегистрированной организацией по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним квартиры в блокированном жилом доме, отделенной от других квартир вертикальной стеной и расположенной непосредственно на земельном участке (далее — квартира в блокированном жилом доме);
- коллективное садоводство и дачное строительство.

Следует учитывать, что законодательством установлен ряд земельных участков, которые могут находиться исключительно в собственности государства.

Согласно ч. 2 ст. 13 КоЗ граждане не смогут приобрести в частную собственность земельные участки, на которых расположены объекты недвижимого имущества, находящиеся только в государственной собственности, а также зе-

мельные участки, которые предусмотрены для целевого использования, исключаящего их предоставление в собственность.

Если земельные участки находятся на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, и на площадях залегания разведанных месторождений полезных ископаемых, то они не предоставляются в частную собственность [4].

Перечень населенных пунктов и садоводческих товариществ, расположенных на площадях залегания разведанных и в установленном порядке утвержденных месторождений полезных ископаемых, земли которых не подлежат передаче в частную собственность, утвержден постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14.01.1994 г. № 11.

В соответствии с Указом № 667 и КоЗ для предоставления прав на земельный участок в городе гражданин Республики Беларусь должен обратиться в соответствующее управление землеустройства, в местный исполнительный и распорядительный орган.

В соответствии с Законом № 133-З права граждан Республики Беларусь на земельные участки подлежат государственной регистрации в территориальной организации по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним по месту нахождения земельного участка и считаются возникшими с момента их государственной регистрации [5].

В соответствии с ч. 1 п. 1 ст. 38 Закона № 133-З удостоверение произведенной государственной регистрации производится путем выдачи заявителю свидетельства (удостоверения) о государственной регистрации (далее — свидетельство), однако следует отметить, что государственные акты, выданные гражданам до 01.02.2006 г. на земельные участки в городах, имеют юридическую силу, равную свидетельству.

Мы разделяем точку зрения О. А. Бакиновской о том, что в городах особым правом граждан является право на застройку земельного участка [6, с. 10]. На земельных участках, предоставленных для строительства и обслуживания жилого дома, квартиры в блокированном жилом доме, обязательным условием является возведение капитального строения. На участках, предоставленных для дачного строительства, также предусмотрено возведение капитального строения (дачного домика). В отношении земельных участков с целевым назначением для ведения коллективного садоводства возможно возведение садового домика и (или) хозяйственных построек, однако главным условием соблюдения целевого назначения является выращивание сельскохозяйственных культур (т. е. ведение коллективного садоводства). КоЗ предусмотрено изъятие земельного участка у правообладателя в случае использования его не по целевому назначению.

В соответствии со ст. 36 КоЗ размер земельного участка, предоставляемого в частную собственность, пожизненное наследуемое владение, пользование или аренду для строительства и (или) обслуживания жилого дома, обслуживания зарегистрированной организацией по государственной регистрации квартиры в блокированном жилом доме, в городах устанавливается в размере от 0,05 до 0,15 гектара включительно.

Размер земельного участка, предоставляемого в частную собственность, пожизненное наследуемое владение или аренду для коллективного садоводства, дачного строительства, не может превышать 0,15 гектара на одного члена садоводческого товарищества, дачного кооператива [4].

В результате проведенного исследования нами установлено, что, несмотря на законодательное закрепление права собственности на земельные участки, в городах преимущественное большинство участков предоставлено гражданам не в частную собственность, а в пожизненное наследуемое владение. Несмотря на то, что де-юре право частной собственности на землю в городах закреплено, де-факто свободного оборота земельных участков в Республике Беларусь на сегодняшний день нет.

В результате проведенного исследования выявлены пробелы в законодательстве, регулирующем предоставление гражданам прав на земельные участки в городах для ведения огородничества. КоЗ и Указ № 667 не в полной мере регулируют данные правоотношения, в результате у граждан возникают сложности с реализацией вышеуказанных прав.

По нашему мнению, дальнейшие научные исследования в области реализации прав граждан на земельные участки в городах в Республике Беларусь позволят усовершенствовать земельное законодательство в целях охраны и рационального использования земельных ресурсов в городах, обеспечения баланса государственных и частных интересов, максимальной степени реализации гражданами прав на земельные участки в городах.

1. Бакиновская О. А. Земли городов как объект правового режима // Труды Минского института управления. 2005. № 1(1). С. 70–74. [Вернуться к статье](#)

2. Шахрай И. С. Правовое обеспечение доступа граждан к земельным участкам // Информационно-правовая поддержка охраны окружающей среды и устойчивого развития : по материалам круглых столов / редкол.: С. А. Балашенко (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2014. С. 126–128. [Вернуться к статье](#)

3. Хотько О. А. Проблемы реализации прав землепользователей. Минск : Белорусский национальный технический университет, 2017. 257 с. [Вернуться к статье](#)

4. Кодекс Республики Беларусь о земле : 23 июля 2008 г. // Нац. Реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2008. № 187. 2/1522. [Вернуться к статье](#)

5. О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним : Закон Респ. Беларусь, 22 июля 2002 г., № 133-З. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

6. Бакиновская О. А. Правовой режим земель городов (организационно-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06. Институт государства и права Национальной академии наук Беларуси. Минск. 2006. 21 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.14

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

А. И. Габа

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет
e-mail: gabaalexandr@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются особенности расследования преступлений несовершеннолетних.

Ключевые слова: преступления несовершеннолетних; расследование; судебная экспертиза.

Annotation. The article analyzes the features of the investigation of juvenile crimes.

Keywords: juvenile crimes; investigation; forensic examination.

Расследование преступлений несовершеннолетних сопряжено с необходимостью обеспечения должной защиты их прав и научно обоснованной оценки всех факторов, обусловивших общественно опасные деяния (далее — ООД) этой уязвимой в правовом отношении категории участников уголовного процесса. Причиной этого является, прежде всего, то обстоятельство, что их психическая деятельность имеет существенную специфику, которая и обуславливает эту уязвимость.

Основным проявлением этой специфичности применительно к правовой оценке совершенного несовершеннолетним ООД является пониженная в различной степени способность сознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния либо руководить своими действиями и контролировать их в ходе деяния. Специфичность эта проявляется и в пониженной способности правильно оценивать иные (не только криминальные) ситуации и адекватно реагировать на них, защищать свои права и выполнять свои обязанности.

Основные причины этого:

- присущее этому возрасту своеобразие протекания психических расстройств, в том числе т. н. пограничных состояний, не являющихся в узком смысле слова психическими заболеваниями;
- недоразвитие психической деятельности не на патологической почве, а вследствие ненадлежащих условий воспитания, отсутствия полезных социальных контактов, отрицательного влияния на развитие психики ребенка, а затем подростка окружающей его социальной среды, в частности обстановки в семье;
- не патологические и не вызванные социальной запущенностью, а обусловленные чисто возрастными особенностями психического развития детей и

подростков их личностные черты, проявляющиеся в пониженной способности к критической оценке собственного поведения, стремлении к подражанию, утверждению любой ценой в психологически комфортной для них социальной среде и др.

При этом перед следователем и судом возникает необходимость установить, имеется ли у несовершеннолетнего неспособность (либо уменьшенная способность) сознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния, либо руководить своими действиями и контролировать их, и обязательно установить причину такой неспособности (либо уменьшенной способности).

Казалось бы, точно такая же проблема стоит перед следователем (судом) и в отношении взрослых подозреваемых (обвиняемых). И можно идти в отношении несовершеннолетних тем же путем, что и в отношении взрослых, т. е. на основе анализа имеющейся информации выявить признаки, указывающие на возможную психическую неполноценность, а затем, если такие признаки установлены, решить вопрос о назначении судебно-психиатрической, судебно-психологической экспертизы либо комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (далее — КСППЭ), после чего на основе заключения эксперта решить вопрос о признании такого субъекта вменяемым либо невменяемым (уменьшенно вменяемым).

Но в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) возникает еще одна задача. В случае установления у них названных выше признаков психической неполноценности необходимо выяснить ее природу (причину), что обусловлено содержанием ч. 3 ст. 27 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), согласно которой не подлежит уголовной ответственности несовершеннолетнее лицо, которое достигло предусмотренного частями 1 или 2 настоящей статьи возраста, если будет установлено, что вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством (заболеванием), оно во время совершения общественно опасного деяния было не способно сознавать фактический характер или общественную опасность своего деяния.

Казалось бы, последняя задача также не отличает процедуру расследования и предмет доказывания по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних от взрослых лиц и существенно усложняет ее, и необходимо лишь путем КСППЭ установить природу умственной отсталости несовершеннолетнего и правильно применить положения ст. 28, 29 или ч. 3 ст. 27 УК соответственно.

Но возникает иная проблема. Существует положение п. 3 ч. 2 ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК), согласно которому по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершенно-

летними, помимо прочего, подлежит обязательному установлению и доказыванию «...степень интеллектуального, волевого и психического развития» несовершеннолетнего.

Выполнить данное требование УПК ни следователь, ни суд не могут, не прибегнув к проведению экспертизы. Собственная, пусть даже научно обоснованная их точка зрения не может в данном случае являться доказательством по уголовному делу. Сказанное не означает какого-либо надуманного недоверия к следователю и суду как к участникам уголовного процесса. Но установить степень интеллектуального, волевого и психического развития несовершеннолетнего (равно как и человека иного возраста) на уровне, позволяющем использовать полученную информацию в качестве доказательства, может только эксперт. Эта задача коренным образом отличается от иной задачи, когда следователю и суду непосредственно самим необходимо и достаточно лишь выявить признаки, указывающие на возможную психическую неполноценность подозреваемого (обвиняемого), и, если они их выявили, назначить экспертизу (психиатрическую, психологическую либо КСППЭ). Устанавливает же наличие либо отсутствие психического расстройства, его нозологическую принадлежность, глубину и степень выраженности, связь его с определенными деяниями человека, его поведением в конкретных ситуациях; степень интеллектуального, волевого и психического развития эксперт. Он составляет заключение по результатам своего исследования и несет ответственность за свои выводы.

В этой ситуации нет ничего исключительного. Точно так же, например, следователь не может использовать в уголовном деле в качестве доказательства свои собственные выводы о происхождении следов от конкретного объекта, сколько бы он ни был уверен в определенном варианте своих выводов. Его выводы имеют лишь ориентирующее значение.

Не решает эту проблему и существующее в ст. 435 УПК требование об обязательном участии педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого. Они участвуют в допросе в процессуальной роли специалиста для оказания помощи следователю в проведении этого следственного действия. Они не наделены правом проводить исследование и давать заключение по вопросам психического состояния допрашиваемого, и у них нет соответствующей подготовки на экспертном уровне в сфере психологии и психиатрии.

Применительно к рассматриваемой нами проблеме речь идет не о формальном выполнении требований статьи 89 УПК, не о попытке на свое усмотрение интерпретировать ее содержание. Требование п. 3 ч. 2 ст. 89 УПК является совершенно обоснованным. У несовершеннолетних вследствие своеобразия психического развития, обусловленного во многом индивидуальными особен-

ностями протекания процесса полового созревания, признаки психического расстройства могут не проявляться настолько выраженно, чтобы быть выявленными неспециалистами, зачастую они могут приниматься за обусловленные возрастом особенности поведения [1, с. 264]. За возрастными особенностями личности и поведения может оказаться «замаскированной» и умственная отсталость непатологического происхождения, которую также необходимо распознать. Особенно сложными для распознавания в этом плане являются отклонения в психике, охватывающие преимущественно не сферу мышления, а сферы волевых процессов, влечений, эмоциональную сферу. Но и отклонения в психике, охватывающие преимущественно сферу мышления, также бывает очень сложно распознать на фоне возрастных особенностей личности и поведения лиц исследуемой возрастной категории, если речь идет не об отчетливо выраженной умственной отсталости, но тем не менее являющейся синдромом психического расстройства (заболевания) либо следствием негативных условий жизни и воспитания ребенка, а затем и подростка. Вместе с тем, обычно приобретенной умственной отсталости сопутствуют органические поражения центральной нервной системы различного происхождения и различной степени тяжести [2, с. 55].

Необходимость и сложность выявления и распознавания таких состояний психики у несовершеннолетних обусловлены:

- более высокой, в сравнении со взрослыми, степенью влияния таких состояний на способность к выбору адекватных форм поведения в конкретных ситуациях (в том числе в ситуациях, связанных с ООД);

- более высокой степенью социально-правовой «уязвимости» несовершеннолетних в сравнении со взрослыми, в том числе как участников уголовного процесса.

Получается, что во всех случаях совершения несовершеннолетним ООД, за которое он может быть привлечен к уголовной ответственности, должна назначаться экспертиза, даже если следователь (суд) не выявил обстоятельств, указывающих на возможную психическую неполноценность подозреваемого или обвиняемого несовершеннолетнего. Но какая это должна быть экспертиза? Судебно-психиатрическая, судебно-психологическая либо КСППЭ?

Оптимальным, наиболее эффективным вариантом было бы, конечно, назначение КСППЭ, поскольку дифференцировать проявляющиеся у человека (особенно у несовершеннолетнего) не патологически обусловленные чрезмерно выделенные личностные черты от аналогичных особенностей личности, являющихся проявлением патологии психики, можно только путем комплексного применения специальных знаний в сфере психологии и психиатрии, а именно путем КСППЭ. Повышенные возбудимость, конфликтность, агрессивность,

эмоциональная холодность, жестокость, эгоцентризм, ригидность, подозрительность, злопамятность, неспособность контролировать влечения, внушаемость, тревожность, склонность к подражанию, фантазированию, браваде, демонстративному поведению, уединению, конформность, эмоциональная неустойчивость, примитивность и конкретность мышления — все это могут быть не просто личностные черты, но и проявления патологии психики [3, с. 197]. Их разграничение и экспертная оценка могут быть осуществлены лишь путем комплексного применения специальных знаний в области судебной психиатрии и судебной психологии.

То же самое можно сказать и относительно возможности дифференциации имевших место необычных психических состояний человека в конкретный момент времени, в ходе конкретного события, в частности отделения обычного (физиологического) аффекта от патологического. Здесь также оптимальным вариантом является назначение КСППЭ. Разделение и точное определение этих состояний возможно только при взаимодействии и одновременном участии в исследовании эксперта-психиатра и эксперта-психолога. Это невозможно осуществить путем последовательного, раздельного проведения двух рассматриваемых экспертиз, когда каждый эксперт может апеллировать только к своей области специальных знаний и устанавливать только часть общей симптоматики [4, с. 24].

Другим приемлемым, но, на наш взгляд, менее эффективным вариантом может быть проведение сначала судебно-психологической экспертизы, в ходе которой эксперт-психолог устанавливает, согласно требованиям п. 3 ч. 2 ст. 89 УПК, степень волевого, интеллектуального и психического развития. Если эксперт не выявит нарушений, недоразвития в этих сферах, то можно ограничиться судебно-психологической экспертизой. Если же такие нарушения, недоразвитие будут им выявлены, то появляются поводы для обязательного назначения судебно-психиатрической экспертизы либо КСППЭ в соответствии с п. 3 ст. 228 УПК, т. е. возникает необходимость установить психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение по поводу их вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе.

Отсутствие в законе категорического требования о необходимости устанавливать степень психического развития несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) путем проведения экспертизы дает возможность субъектам расследования произвольно трактовать положения ст. 89 УПК и фактически не выполнять ее требования. Анализ и обобщение материалов архивных уголовных дел показывает, что это является очень распространенной ситуацией на практике.

В связи с этим представляется целесообразным дополнить ст. 228 УПК, в которой перечисляются обстоятельства, для установления которых проведение экспертизы является обязательным, пунктом 5 следующего содержания: «степень психического, в том числе интеллектуального и волевого развития несовершеннолетнего, совершившего общественно опасное деяние, за которое он может быть привлечен к уголовной ответственности».

Означает ли сказанное, что при этом следователю можно отказаться от необходимости самому прилагать усилия для собирания информации, позволяющей судить о степени волевого, интеллектуального и психического развития несовершеннолетнего? Конечно нет. Собранные им данные будут являться важнейшей частью той информационной базы, которая совершенно необходима экспертам для определения методик экспертного исследования и научно обоснованных выводов в их заключении. Кроме этого, достигается и иной положительный результат:

- процесс подготовки следователем (судом) названных экспертиз предоставляет в их распоряжение большой объем информации, характеризующей личность обвиняемого несовершеннолетнего. Учет этой информации, а также результатов проведенных экспертиз позволил бы следователям более эффективно организовывать расследование, правильно определять тактические особенности отдельных процессуальных действий и целых тактико-криминалистических комплексов, а судам — выносить более обоснованные приговоры по делам данной категории;

- результаты этих экспертиз могут быть эффективно использованы сотрудниками профилактических подразделений органов внутренних дел, осуществляющих работу с несовершеннолетними правонарушителями.

1. Бухановский А. С., Кутявин Ю. А., Литвак М. Е. Общая психопатология : учеб. пособие. Ростов-н/Д : Изд-во ЛРНЦ «ФЕНИКС», 1998. 416 с. [Вернуться к статье](#)
2. Королев В. В. Психические отклонения у подростков-правонарушителей : монография. М. : Медицина, 1992. 208 с. [Вернуться к статье](#)
3. Антонян Ю. М., Виноградов М. В. Преступность и психические аномалии // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 193–198. [Вернуться к статье](#)
4. Кудрявцев И. А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза : учеб. пособие. М. : Юрид. литература, 1988. 224 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.9

ПРИКАЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Л. В. Герасимчук

доцент кафедры гражданского права и процесса,
кандидат юридических наук,

Национальная академия внутренних дел (Украина)

e-mail: gerasymchuklidiya@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены вопросы, связанные с упрощением гражданского судопроизводства в приказном производстве. Анализируются права должника. Автор задается вопросом: насколько обоснованно такое упрощение в настоящее время и не приводит ли оно к нарушению основополагающих принципов гражданского процесса.

Ключевые слова: приказное производство, судебный приказ, заявление о выдаче судебного приказа, заявление об отмене судебного приказа, исполнительный документ.

Annotation. The issues related to the simplification of civil proceedings in the writ proceedings. Analyzed the rights of the debtor. The author asks the question: how justified is such a simplification at the present time and does it not lead to a violation of the fundamental principles of the civil process.

Keywords: writ proceedings, court order, application for issuing a court order, application for cancellation of the court order, executive document.

История развития гражданско-процессуального законодательства проходила различные этапы, среди которых были периоды, когда актуальными были задачи упрощения, ускорения и удешевления гражданского процесса (20-е годы прошлого столетия).

Объяснить и оценить результаты преобразований судопроизводства этого периода невозможно без анализа причин и условий их осуществления. Видимо, основной причиной актуальности вопроса об упрощении гражданского процесса была политика вмешательства государства в гражданско-правовые отношения, в гражданские дела [1, с. 60–61].

В этот период велась борьба с бюрократизмом, желание сделать защиту в суде более доступной ставилось во главу угла. Поэтому задача регламентировать каждое процессуальное действие суда не ставилась, наоборот, суд освобождался от излишних формальностей, чем пресекалась возможность злоупотребления участниками процесса своими правами и тем самым затягивания процесса. Одним словом, «минимум формы».

На первый взгляд, задачи правильные и гуманные, и в тот период времени они были исторически объяснимы и оправданы.

Вместе с тем, как справедливо замечает А. П. Вершинин, «лишив стороны возможностей к “затяжке” процесса, дав суду обширные полномочия для управления процессом и пресечения злоупотреблениями сторон, ГПК нанес “решительный удар” принципам диспозитивности и состязательности» [1, с. 62].

Приказное производство является той формой производства в гражданском процессе, которая отвечает задачам упрощения, ускорения процесса. Эта форма производства не была закреплена в Гражданском процессуальном кодексе (далее — ГПК) Украины 1963 года. С принятием Верховным Советом Украины 18 марта 2004 года Гражданского процессуального кодекса (вступил в законную силу с 1 сентября 2005 года) эта форма производства появилась [2].

3 ноября 2017 года был принят Закон Украины «О внесении изменений в Хозяйственный процессуальный кодекс Украины, Гражданский процессуальный кодекс Украины, Кодекс административного судопроизводства Украины и другие законодательные акты Украины» [3].

Приказное производство осталось в ГПК Украины и появилось в Хозяйственном процессуальном кодексе Украины.

В ГПК Украины в части приказного производства были внесены изменения, которые касаются требований, по которым выдается судебный приказ, и порядка отмены судебного приказа.

На наш взгляд, законодательная регламентация данного института вызывает много вопросов. Должнику ничего не известно о том, что подано заявление о выдаче судебного приказа, о том, что выдан судебный приказ, ему становится известно после. Да, у него есть право подавать заявление об отмене судебного приказа.

Согласно сегодняшней редакции ГПК Украины (ч. 1 ст. 170) у должника и этого права нет, если речь идет о выдаче судебного приказа в соответствии с п. 4, 5 ч. 1 ст. 161 ГПК Украины (речь идет о требованиях о взыскании алиментов в определенных пределах). Этот судебный приказ может быть пересмотрен по вновь открывшимся обстоятельствам (ч. 8 ст. 170 ГПК Украины). Если речь идет о выдаче судебного приказа в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 161 ГПК Украины, должник может обратиться в суд с иском об уменьшении размера алиментов (ч. 7 ст. 170 ГПК Украины) [3].

С таким положением можно было бы согласиться, если б в п. 4, 5 ч. 1 ст. 161 ГПК Украины не было определенных условий (если это требование не связано с установлением или оспариванием отцовства (материнства) и необходимостью привлечения других заинтересованных лиц) [3].

Гражданское судопроизводство в приказном производстве уж слишком упрощено. Насколько оправдано такое упрощение?

М. В. Вербицкая считает, что критический потенциал науки направлен на поиск более реальной судебной защиты, доступной необеспеченному и неготовому к серьезным судебным затратам гражданину [4, с. 14].

Но такую задачу можно решать другим путем, снижая судебные издержки по определенной категории дел.

Не можем согласиться и с мнением, что в процедуре выдачи судебного приказа обеспечиваются основоположные принципы гражданского судопроизводства, хотя, наверное, в некотором «урезанном» виде [4, с. 10].

С. С. Бычкова отмечает, что порядок производства по выдаче судебного приказа является упрощенным по сравнению с исковым производством, и указывает, в чем заключается упрощенность и что приказное производство направлено на определенное ускорение судопроизводства [5, с. 52–53].

Правовая природа материально-правовых требований, по которым выдается судебный приказ, является спорной. Выдача судебного приказа вызвана потребностью заявителя, который не может в добровольном порядке получить удовлетворение своих требований. Поэтому спор, конфликт существуют.

В ГПК Украины появилась новелла «Рассмотрение дел в порядке упрощенного производства» (речь идет об исковом производстве) (ст. 274–279) [3]. Такой порядок рассмотрения дел тоже направлен на ускорение судопроизводства, так как процедура рассмотрения дел значительно упрощена. Но при этом основоположные принципы гражданского судопроизводства не нарушаются и «не урезаются».

Приведем еще один аргумент в пользу того, что приказное производство требует тщательного изучения. В ч. 3 ст. 171 ГПК Украины указано: «В случае отсутствия оснований для возврата заявления об отмене судебного приказа судья не позже двух дней после его подачи постановляет определение об отмене судебного приказа, в котором разъясняет заявителю его право обратиться в суд с теми же требованиями в порядке упрощенного искового производства» [3].

Основания для возврата заявления должника об отмене судебного приказа указаны в ч. 6 ст. 170 ГПК Украины (ненадлежащее оформление указанного заявления) и в ч. 2 ст. 171 ГПК Украины (пропущен срок, установленный ч. 1 ст. 170 этого кодекса для подачи такого заявления, и суд не найдет оснований для возобновления этого срока) [3].

Такая разбросанность оснований для возврата заявления должника об отмене судебного приказа, отсутствие четко прописанной последовательности действий в приказном производстве приводит к тому, что судебная практика идет по следующему пути: есть поданное в срок заявление должника об отмене судебного приказа — постановляется определение об отмене судебного прика-

за, в котором разъясняется заявителю его право обратиться в суд с теми же требованиями в порядке упрощенного искового производства.

Учитывая, что судебный приказ одновременно является исполнительным документом, приказное производство должно быть определено тщательнейшим образом.

1. Вершинин А. П. Упрощение и ускорение советского гражданского процесса : опыт теории и практики (20-е годы) // Вестник ЛГУ. 1988. Вып. 2. Сер. 6. Право. С. 60–65. [Вернуться к статье](#)

2. Цивільний процесуальний кодекс України : 18.03.2004 р. № 1618-IV // Відомості Верховної Ради України. 2004. № 40–41, 42. Ст. 492. [Вернуться к статье](#)

3. Про внесення змін до Господарського процесуального кодексу України, Цивільного процесуального кодексу України, Кодексу адміністративного судочинства України та інших законодавчих актів : Закон України від 03.10.2017 р. № 2147-VIII // Відомості Верховної Ради України. 2017. № 48. Ст. 436. [Вернуться к статье](#)

4. Вербіцька М. В. Наказне провадження у цивільному процесі України : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. К., 2011. 19 с. [Вернуться к статье](#)

5. Бичкова С. С. Можливість участі в наказному провадженні інших учасників цивільного процесу // Науковий вісник Київського нац. ун-ту внутр. справ. 2009. № 6 (67). С. 51–59. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.83:343.9

КОРРУПЦИЯ СРЕДИ СОТРУДНИКОВ УИС: ПРИЧИНЫ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕТОДЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Т. Н. Дазмарова

доцент кафедры административного и финансового права,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия права и управления ФСИН России
e-mail: dazmar@yandex.ru

А. В. Чёрная

курсант 3-го курса юридического факультета,
Академия права и управления ФСИН России
e-mail: chernay98@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается общая характеристика современного антикоррупционного законодательства и уголовно-исполнительной системы России, в частности, административно-правовые методы предупреждения и противодействия коррупционных правонарушений, статистика коррупционных правонарушений сотрудников уголовно-исполнительной системы, составлен усредненный криминологический портрет сотрудника-коррупционера; предложена система моделирования устойчивого антикоррупционного поведения сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционное законодательство, административно-правовые методы, моделирование, сотрудник уголовно-исполнительной системы, антикоррупционное поведение.

Annotation. This article reveals the general essence of modern anti-corruption legislation of Russia and the Federal Penitentiary Service of Russia, methods of combating and preventing corruption crimes, statistics of corruption crimes among the FPSR staff, compiled averaged criminological portrait of a corrupt employee and a system for modeling anti-corruption behavior of a FPSR employee.

Keywords: a corruption, an anti-corruption legislation, a modeling, a staff of the FPSR, an anti-corruption behavior.

Коррупция как явление появилась еще в древности и на данный момент имеет статус культурного феномена. Ошибочно считать ее чисто русским проявлением, когда первые упоминания о коррупционных действиях содержат документы, датированные десятками тысяч лет до нашей эры. Это явление носит всемирный характер и в зависимости от государства, в котором оно возникло, имеет свои особенности и характерные причины возникновения [1, с. 196].

Международная антикоррупционная организация Transparency International ежегодно публикует Индекс восприятия коррупции. В 2017 году Россия набрала 29 баллов из 100 возможных и заняла 135 строчку из 180 иссле-

двух стран. Для сравнения: Папуа — Новая Гвинея и Парагвай имеют такое же количество баллов, а соседняя бывшая республика СССР — Республика Беларусь набрала 44 (<https://transparency.org.ru/research/index-vospriyatiya-korrupsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korrupsii-2017-posadki-ne-pomogli.html>).

Несомненно, природа коррупции в том, что человек, находясь на административном посту, приобретает мощный и безотказный механизм извлечения выгоды. Исходя из этого, правоведы выделяют самые очевидные причины: несовершенство антикоррупционного законодательства (отсутствие четкого понятия коррупции), неэффективная система контроля; уровень жизни населения; программный характер законов; отношение общества к коррупции. Установление причин возникновения коррупционных проявлений не является панацеей. Необходимо создать устойчивый механизм борьбы с коррупцией: 1) ужесточение наказания за преступления коррупционного характера; 2) формирование антикоррупционной культуры; 3) совершенствование прозрачности системы финансов; 4) моделирование устойчивого антикоррупционного поведения [2, с. 35].

Коррупция в любом ее проявлении — большая проблема, но наиболее опасно, когда она выявляется в среде правоохранительных органов, призванных защищать и соблюдать закон. Подобная ситуация расшатывает авторитет государственной власти, а также формирует у общества стереотип, что правоохранительные органы защищают не граждан, а преступников.

Особо коррумпированными, по данным статистики, являются органы внутренних дел. Большое распространение коррупция получила и в учреждениях и органах, осуществляющих исполнение уголовных наказаний, тем самым дестабилизируя и понижая доверие населения к системе.

По своим «идеям» коррупция в уголовно-исполнительной системе (далее — УИС) не отличается от каких-либо других структур — та же самая жажда наживы и извлечения финансовой прибыли. Существенное отличие выражается в субъекте правонарушения — им выступает сотрудник УИС. В 2018 году подразделениями собственной безопасности ФСИН России было выявлено 47 коррупционных преступлений (в 2017 году — 133). Уголовные дела были возбуждены по ст. 159, 160, 285, 286, 290, 291, 292 Уголовного кодекса Российской Федерации [3].

На практике сотрудники УИС получают взятки за предоставление услуг и льгот, запрещенных законодательством: перевод на условно-досрочное освобождение; внеочередные свидания; использование труда осужденных на частных участках сотрудников. Большинство преступлений не входит в официальную статистику, поскольку они имеют латентный характер. В статистических отчетах не указываются данные о сотрудниках, утративших доверие, которых

уволители по собственному желанию или вчерашним днем, которым удалось уйти от ответственности.

Так что же толкает сотрудников УИС на такой неоправданный противоправный риск? Во-первых, низкое финансовое положение младшего начальствующего состава. Во-вторых, большой объем работы, то есть нехватка рабочих рук. В-третьих, желание извлечь прибыль.

Используя изученные сведения, можно составить усредненный криминологический портрет сотрудника-коррупционера: 1) возраст — до 30 лет; 2) стаж — менее 5 лет; 3) звание рядового, младшего или среднего начальствующего состава; 4) уровень образования — среднее специальное; 5) занимаемая должность — кадровый аппарат, медицинская служба, сотрудники охраны, режима, конвоирования, оперативного состава.

Все эти показатели обусловлены тем, что молодые сотрудники, приходя на рабочие места, разочаровываются в службе из-за ее тягот. Они ищут дополнительные источники заработка, к тому же, находясь в отделе конвоирования или охраны, специалисты чаще сталкиваются со спецконтингентом, следовательно, имеется некоторый соблазн.

Наличие коррупции в УИС само собой предопределило создание ведомственных нормативно-правовых актов, позволяющих более конкретно и точно регламентировать уголовно-исполнительную сферу деятельности в антикоррупционном направлении, чем общероссийские законы. На официальном сайте ФСИН России размещена специальная ссылка, в УИС (<http://фсин.рф/anticorrupt2014/>).

Служба в УИС непрерывно связана с обеспечением безопасности государства и общества, законных интересов граждан от криминогенной среды. Работа УИС по воплощению в жизнь антикоррупционного законодательства — часть реализации государственной политики.

Несмотря на широко освещенные в СМИ коррупционные разбирательства в УИС, массовые «чистки» кадров, введение новых дополнительных мер противодействия, уровень коррупции остается на высокой позиции.

Помимо этого, в УИС осуществляются и другие административно-правовые методы и способы предупреждения и противодействия коррупции. В качестве примера перечислим способы, используемые в повседневной деятельности ФСИН России, на основании которых и реализуется ведомственная антикоррупционная политика: 1) совершенствование механизма комплектования кадров; 2) правовое просвещение персонала по антикоррупционной тематике; 3) повышение уровня воспитательной работы с личным составом; 4) повышение квалификации специалистов, в обязанности которых входит противодействие коррупции.

Формирование антикоррупционной устойчивости и поведения не менее важно, чем принятие антикоррупционного законодательства. Коррупционное поведение — один из видов девиантного поведения, определяющий соответствие или несоответствие поступков профессиональным предписаниям и ожиданиям общества. Отметим, что есть внешние (окружающие) и внутренние (личностные) факторы, по которым определяется поведение сотрудника-коррупционера. На базе структурных подразделений ФСИН России ведомственными психологами разрабатываются анкеты и тесты, позволяющие выявить нарушения и деформацию правового сознания сотрудников УИС.

Таким образом, можно выделить общие методы моделирования антикоррупционного поведения: 1) формирование негативного общественного мнения о коррупции в среде сотрудников; 2) работа с психологическими службами как всего личного состава, так и тех, кто может испытывать наибольшее давление со стороны взяточников; 3) антикоррупционное воспитание молодого поколения сотрудников; 4) проведение тренингов и мониторингов; 5) регулярное тестирование и опросы на предмет совершения коррупционных действий; 6) подготовка комплекса мероприятий и памяток по противодействию коррупции.

Совершая правонарушения коррупционного характера, в большинстве своем сотрудники УИС и не думают о последствиях. Чаще всего в сознании спецконтингента возникает чувство безнаказанности, напроць перечеркиваются достигнутые результаты перевоспитания.

Таким образом, осужденные используют коррумпированность сотрудников УИС и продолжают общаться и косвенно участвовать в незаконных действиях, им предоставляются «льготы» по условиям отбывания наказания или возможность освободиться условно-досрочно. Так, в обществе складывается мнение о том, что можно уйти от наказания, имея достаточно средств для откупа своей безнаказанности [4, с. 54]. Со слов заместителя генпрокурора России А. Буксмана, в 2017 году больше всего коррупционных преступлений в системе правоохранительных органов совершили сотрудники органов внутренних дел. Только за 9 месяцев было выявлено порядка 1 300 коррупционеров. Большинство из них сотрудники ОВД (около 800), второе место у сотрудников ФСИН России (191).

Во многом эффективность работы УИС зависит от работы руководителей структурных подразделений. Однако нельзя забывать, что коррупция есть не только в УИС, в большей степени она общественное явление. С точки зрения Н. И. Крюковой, использование различных средств антикоррупционного противодействия не может обещать полное исчезновения коррупции, но позволит уместить ее в дозволенные рамки, не давая стать ей господствующим механизмом в государстве и УИС.

Изучив и проанализировав различные материалы, можно сказать, что коррупцию невозможно уничтожить, но возможно уменьшить ее негативное влияние посредством принятия действенных законов и формирования устойчивого антикоррупционного поведения.

1. Качкин А. В. Коррупция в современной России // Десять лет социологических наблюдений. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 196.

[Вернуться к статье](#)

2. Гишинский Я. Коррупция: теория и российская реальность // Криминология. 2003. № 1(6).

[Вернуться к статье](#)

3. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон, 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федер. 1996. № 25. Ст. 2954.

[Вернуться к статье](#)

4. Сапогов В. М., Шатов С. А. О некоторых мерах по противодействию коррупции в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 4. С. 54.

[Вернуться к статье](#)

УДК 347.626

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЦЕЛЕЙ БРАЧНОГО ДОГОВОРА КАК ОСНОВА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ БРАЧНО-ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

И. В. Данькова

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин,
Могилевский институт МВД (Беларусь)
e-mail: ira_dankova@mail.ru

А. И. Выскребцев

курсант 3-го курса факультета милиции,
Могилевский институт МВД (Беларусь)

Аннотация. В данной статье анализируется текст двух редакций Кодекса Республики Беларусь о браке и семье по вопросу брачно-договорных отношений супругов, в частности рассматриваются цели заключения Брачного договора и приводится вариант определения данного понятия.

Ключевые слова: брачный договор, брачно-договорные отношения, брак, имущественные отношения.

Annotation. This article analyzes the text of two editions of the Code of the Republic of Belarus on Marriage and Family on the issue of marital and contractual relations of spouses, in particular, discusses the purpose of concluding a marriage contract and provides an alternative definition of this concept.

Keywords: marriage contract, marriage contractual relations, marriage, property relations.

Регулирование брачно-договорных отношений в семейном праве на современном этапе развития общества требует совершенствования, поскольку на уровне закона как наиболее значимого источника права соответствующие нормы содержатся лишь в двух статьях Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее — КоБС) (ст. 13, ст. 13-1), а также в ст. 259 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК), имеющих скорее декларативный, нежели практически значимый для правоприменителя характер [1; 2].

Такая попытка сжать весь объем правовой информации о понятии, содержании, субъектном составе, основаниях признания недействительным, порядке заключения, изменения, расторжения и прекращения брачного договора до размера двух статей представляется недостаточной, поскольку влечет возникновение пробелов в праве.

Во исполнение и развитие законодательных норм Министерством юстиции Республики Беларусь в целях предупреждения ряда проблем в области юридического оформления заключения брачных договоров были изданы Указания о порядке нотариального удостоверения брачного договора (утвержден-

ные приказом Министерства юстиции Республики Беларусь № 243 от 15.11.1999 г.). Однако документ не дал ответов на некоторые неурегулированные вопросы и имел скорее прикладное и разъяснительное значение [3].

Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22.06.2002 г. № 5 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» толкует нормы, содержащиеся в статье 13 КоБС [4].

Вместе с тем правоприменитель сталкивается с такими пробелами в правовом регулировании брачно-договорных отношений, как отсутствие определения понятия «брачный договор», перечня специальных оснований недействительности брачного договора, более детальной регламентации предметной области данного вида соглашения. Отсутствие указанных норм в рамках института брачного договора осложняет практику правоприменения в исследуемой области.

Договорные отношения между супругами существуют давно во многих странах мира, законодательство которых подробно регламентирует порядок заключения брачных договоров, четко определяет правовое положение их участников. Брачный договор в его изначальном смысле целесообразно рассматривать в качестве элемента культурной и социальной систем общества. Особенность брачного договора заключается в том, что он находится во взаимосвязи с браком и взаимозависимости от него. Если брак может существовать без брачного договора, то обратное невозможно. Поэтому и название у данного соглашения «Брачный договор» [5, с. 86].

Для сравнения, в Семейном кодексе Российской Федерации правовому урегулированию брачно-договорных отношений отведена специальная глава (Глава 8 «Договорной режим имущества супругов»). В США правовому регулированию заключения добрачных соглашений посвящен специальный Единый Закон «О добрачных соглашениях», разработанный Национальной Конференцией по унификации законов Штатов. В Швеции действует Брачный Кодекс 1988 года, в соответствии с которым (глава 7) собственность, принадлежащая каждому из супругов, является их семейной собственностью, если не установлено, что эта собственность является раздельной. Собственность может быть объявлена раздельной через заключение добрачного соглашения [6, с. 47].

Анализ показывает, что зарубежное законодательство тщательно детализирует правовое регулирование брачно-договорных отношений, учитывая их уникальную специфику.

В Республике Беларусь брачный договор носит исключительно личный характер и рассматривается как альтернатива режиму общей совместной собственности супругов.

Заключение брачного договора — это право, а не обязанность сторон. Связь брачного договора с браком проявляется в том, что его действие прекращается в тот момент, когда перестает существовать брак.

Несмотря на отсутствие дефиниции брачного договора в семейном законодательстве Республики Беларусь, его определение можно косвенным образом вывести из целей, поставленных законодателем перед данным институтом.

Так, в период времени с 1999 по 2012 год ст. 13 КоБС устанавливала, что «в целях укрепления брака и семьи, повышения культуры семейных отношений, осознания прав и обязанностей супругов, ответственности за детей и друг за друга лица, вступающие в брак, и супруги могут заключить брачный договор».

В новой редакции, в результате принятия Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 342-З «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье», в ст. 13 КоБС произошли некоторые изменения. В настоящее время формулировка цели брачного договора звучит следующим образом: «В целях повышения культуры брачных и семейных отношений и ответственности одного супруга перед другим, определения прав и обязанностей супругов в браке и (или) после его расторжения лица, вступающие в брак, и супруги в любое время и в определенном ими объеме прав и обязанностей вправе заключить Брачный договор».

Проанализировав обе редакции, приходим к выводу, что существовавшая в старой редакции КоБС такая цель брачного договора, как укрепление семьи, упразднена. В связи с этим можно сделать предположение о том, что исключение укрепления семьи как цели брачного договора вызвано тем, что в большинстве случаев брачные договоры заключались супружескими парами непосредственно перед прекращением своих брачных отношений. Так, супруги, которые решили расторгнуть свой брак, но при этом сохранили друг к другу уважительные отношения, принимали цивилизованное и бесконфликтное решение о разделе совместно нажитого имущества без обращения в суд. Некоторые супружеские пары, заключавшие брачные договоры, делали это исключительно из меркантильных интересов, сравнивая государственную пошлину за нотариальное удостоверение брачного договора с государственной пошлиной, взимаемой за поданное в суд исковое заявление имущественного характера. На сегодняшний день, это 8 базовых величин и 5 % цены иска соответственно.

Кроме того, в новой редакции КоБС перефразирована цель «осознания прав и обязанностей супругов, ответственности за детей и друг за друга» на более четкую формулировку: «об определении прав и обязанностей супругов в браке и после его расторжения». Как нам видится, данное изменение связано с общепринятым в ГК понятием договора. Так, на основании п. 1 ст. 309 ГК до-

говор — это соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей [1].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, дефиницию брачного договора можно сформулировать следующим образом: брачный договор — это письменное и нотариально удостоверенное соглашение мужчины и женщины, вступающих в брак, либо супругов, регулирующее их имущественные и личные неимущественные права и обязанности как в период нахождения в браке, так и после его прекращения.

Кроме того, можно констатировать тот факт, что на современном этапе развития белорусского брачно-семейного законодательства институт Брачного договора стоит на пороге новой реформы. Однако процесс этот протекает скорее на уровне правовой доктрины и изменения, уже неоднократно вносимые в КоБС, не затронули норм ст. 13 КоБС. Поэтому следует на законодательном уровне расширить и детализировать нормативное регулирование брачно-договорных отношений в Республике Беларусь и преобразовать ст. 13 и 13-1 КоБС в отдельную главу. При этом оптимальным направлением развития белорусского брачно-семейного законодательства в данной области представляется обращение к правовому опыту некоторых зарубежных стран (в частности, Российской Федерации) с целью гармонизации правового регулирования брачно-договорных отношений и унификации правовых подходов в этой области.

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Указания о порядке нотариального удостоверения брачного договора [Электронный ресурс] : Приказ М-ва юстиции Респ. Беларусь № 243 от 15.11.1999 г. : с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 22 июня 2002 г., № 5 : с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Низамиева О. Н. Договорное регулирование имущественных отношений супругов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Казань, 1999. 194 с. [Вернуться к статье](#)

6. Лавникович Л. А. Брачный договор: понятие и сущность; под ред. Г. А. Воробья. Минск : Право и экономика, 2006. 278 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.5

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

А. А. Демидов

адвокат Коллегии адвокатов адвокатской палаты г. Москвы,
магистрант НИУ «Высшая школа экономики» (Россия)

e-mail: artem.demidov.daa@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию структуры государственности Республики Беларусь. Рассматриваются теоретические подходы к определению органа государственной власти и выделению его признаков. Устанавливаются конституционные принципы формирования и функционирования органов государственной власти в Республике Беларусь, особенности соотношения между органами государственной власти.*

***Ключевые слова:** государственность, орган государственной власти, система государственной власти, конституционализм, легитимация государственной власти.*

***Annotation.** The article is devoted to the study of the structure of statehood of the Republic of Belarus. The theoretical approaches to the definition of a public authority and the allocation of its features are considered. Constitutional principles of the formation and functioning of public authorities in the Republic of Belarus, special relations between state authorities are established.*

***Keywords:** statehood, state authority, system of state power, constitutionalism, legitimation of state power*

Характеристика структуры государственности представляет собой важную теоретическую задачу в силу того, что позволяет представить юридическое устройство государства. Органом государственной власти признаются «гражданин или коллектив граждан, наделенный государственно-властными полномочиями, и уполномоченные государством на осуществление его задач и функций и действующие в установленном государством порядке» [1, с. 443]. Из приведенного определения государственного органа можно выделить следующие его признаки:

- создается на основе конституции и принятых в соответствии с ней актов (законов, указов, распоряжений и др.);
- выступает непосредственно от лица государства, действует исключительно от имени государства;
- наделяется определенными властными и управленческими полномочиями — совокупностью прав и обязанностей для осуществления своих задач и функций; создание властного органа и наделение его властными полномочия-

ми — по существу два взаимосвязанных процесса; при этом очень часто после создания государственного органа его полномочия могут видоизменяться; идеальная ситуация складывается, когда у каждого государственного органа свое поле деятельности и свои четко определенные полномочия; в практике такая ситуация встречается крайне редко;

- имеет свою структуру, то есть определенное внутреннее устройство (к примеру, двухпалатный Парламент, министерства в составе Правительства, судебные коллегии в составе судов и т. д.);

- действует в особой процессуальной форме деятельности (к примеру, формой деятельности Парламента являются сессии; Правительства, суда — заседания и т. д.);

- принимает правовые акты в рамках своей компетенции, юридическая сила которых определяется местом соответствующего органа в структуре государственности.

Все государственные органы в своей совокупности образуют единую систему государственной власти — совокупность ее высших и местных органов, осуществляющих функции единой государственной власти [1, с. 443–445]. Теоретически единство государственных органов состоит в следующем: все без исключения государственные органы должны осуществлять в соответствии со своей компетенцией государственную власть; все органы этой системы действуют исключительно совместно, находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Структура конкретного государства, которая находит закрепление в его конституции, является исторически изменчивой. Наличие конституции как юридического документа не является свидетельством конституционализма. Как известно, конституция может быть юридической (на бумаге) и фактической (в жизни). Совпадение зафиксированных в основном законе государства положений о правовом статусе личности, структуре органов государственной власти, организации местного управления и самоуправления, избирательной системе страны и иных явлениях политической практики определяет реальность конституции. Полное совпадение является практически невозможным. В одних государствах положения, закрепленные в конституции, больше соответствуют реальному положению вещей, в других — меньше.

Отмечаются различные подходы к пониманию конституционности: во-первых, может применяться естественно-правовая концепция конституционности, в основе которой лежит идея естественных прав и свобод личности, а правовые акты могут оцениваться с позиций их соответствия общепризнанным правам и свободам человека и гражданина; во-вторых, может использоваться позитивистская теория, согласно которой правовые акты оцениваются на предмет их соответствия конституции по форме или по содержанию; в-третьих,

конституционность может рассматриваться как категория историческая [2, с. 233]. Последний подход представляется наиболее продуктивным, позволяющим оценить содержание правовых норм с позиций их соответствия потребностям общественного развития. Вопрос, насколько провозглашение национальной белорусской государственности способствовало прогрессу белорусского общества, остается открытым и дискуссионным до настоящего времени.

В Конституции Республики Беларусь 15 марта 1994 года, которая вступила в силу 30 марта 1994 года (со дня опубликования), была установлена система органов государственной власти, таких как Верховный Совет Республики Беларусь (высший представительный постоянно действующий и единственный законодательный орган государственной власти, состоящий из 260 депутатов, которые избирались сроком на 5 лет), Президиум Верховного Совета Республики Беларусь, Президент Республики Беларусь — Глава государства и исполнительной власти, Кабинет Министров, судебная власть, принадлежащая судам. Произошло законодательное закрепление института судебного конституционного контроля в виде Конституционного Суда Республики Беларусь, относящегося к органам конституционного контроля и надзора [3]. По Конституции Республики Беларусь 1994 года иерархия органов государственной власти была следующей: Верховный Совет, Президент, суд, что закреплялось в названии соответствующей главы. Президент Беларуси провозглашался главой исполнительной власти, но, в отличие от США, деятельностью Правительства руководил Премьер-министр. Вопрос об изменении и дополнении Конституции мог рассматриваться Верховным Советом по инициативе не менее 150 тысяч граждан Республики Беларусь, обладающих избирательным правом, не менее 40 депутатов Верховного Совета, Президента и Конституционного Суда. Следует отметить, что Конституция в большей мере только декларировала принцип разделения властей в силу того что не устанавливался действенный правовой механизм взаимодействия Президента с другими властными структурами. В целом соотношение полномочий властей было достаточно несбалансированным, не был создан и механизм разрешения противоречий между ними. Президент не обладал правом роспуска Парламента, а Парламент не имел возможности воздействовать на деятельность правительства, кроме возможности ставить вопрос о досрочном отстранении от должности отдельных членов Кабинета Министров. Президент мог назначать и освобождать от должности Премьер-министра, его заместителей, министров иностранных дел, финансов, обороны, внутренних дел, Председателя Комитета государственной безопасности лишь с согласия Верховного Совета, т. е. не обладал самостоятельностью в формировании Правительства. Верховный Совет наделялся правом заслушать отчет любого члена Правительства по вопросам исполнения законов и ставить перед

Президентом вопрос об освобождении от должности члена Правительства в случае нарушения им Конституции и законов [4, с. 4–5].

В первоначальной редакции Конституции Беларуси имела место попытка закрепить президентскую республику, хотя и не в классическом варианте. Президентская (дуалистическая) республика означает равное положение парламента и президента (т. н. дуализм) как органов соответственно законодательной и исполнительной власти. В классической президентской республике, примером которой являются США, законодательная власть принадлежит сильному парламенту, который не только принимает законы, но и оказывает сдерживающее воздействие на исполнительные и судебные органы. Главой исполнительной власти признается президент. Правительства как центрального коллегиального органа общей компетенции нет либо оно формируется как рабочий кабинет и ответственно только перед президентом. Полномочия президента в законодательной и судебной сферах ограничены. Классическим примером президентской республики определяются США, как «страна общего права, т. е. здесь правомерность публично-властной деятельности определяется не парламентом (и не президентом), а судом ... именно независимость судебной власти, достигнутая в странах общего права, делает форму правления в США устойчивой, препятствует формированию потестарных институтов. Иначе говоря, президентская республика возможна только в стране общего права» [5, с. 83]. В Республике Беларусь отсутствие правового механизма взаимодействия Президента с другими государственными структурами вело к постоянным спорным политическим ситуациям. При слабости судебной власти они были практически неразрешимы.

Дважды в Конституцию Республики Беларусь вносились изменения посредством республиканских референдумов. Первые разделы Конституции 1994 года в редакции республиканского референдума 1996 года практически не претерпели изменений, за исключением признания государственными двух языков — белорусского и русского. В то же время, стоит отметить, что данный вопрос стоял достаточно остро в обществе в то время. Наиболее существенные изменения были внесены в IV раздел Конституции, посвященный организации и деятельности высших органов государства — Президента, Парламента, Правительства, судов, что выражалось в формальном перераспределении полномочий между указанными органами и их уточнении. В иерархии высших государственных органов первое место закреплялось за Президентом, который провозглашался Главой государства. Возрастной ценз и срок осуществления полномочий Президента не изменились, значительно расширились властные полномочия. Президент получил возможность издавать обязательные для всех декреты, указы и распоряжения. Впервые было введено понятие делегированного зако-

нодательства. Согласно внесенным изменениям Парламент Беларуси — Национальное собрание — стал двухпалатным. Законодательной инициативой стали обладать: Президент, депутаты Палаты представителей, Совет Республики, Правительство, граждане в количестве не менее 50 тысяч человек. При этом Президент наделялся собственными законодательными полномочиями. Изменилось название Правительства, ранее оно имело название Кабинет Министров (характерное для президентских республик), сейчас — Совет Министров, главой исполнительной власти стал Премьер-министр. Расширились управленческие возможности Совета Министров, изменился порядок назначения и освобождения на некоторые должности. Устанавливалась подотчетность Правительства Президенту и прописывалась его ответственность перед Парламентом. В основу построения судебной системы были положены принципы территориальности и специализации, а также назначаемости судей Президентом бессрочно. Конституционный Суд в составе 12 судей был отнесен к органам судебной власти (шесть судей назначаются Президентом, шесть избираются Советом Республики). Срок полномочий суда не изменился, при этом предельный возраст судей Конституционного Суда увеличился до 70 лет. Конституционный Суд Республики Беларусь утратил право инициировать рассмотрение различных актов на предмет определения их соответствия Конституции. Инициаторами проверки конституционности актов устанавливались Президент, Парламент, Верховный Суд, Совет Министров, что означало закрепление последующего конституционного контроля.

Среди других изменений можно отметить следующие: 1) переименование контрольной палаты в Комитет государственного контроля, образуемый Президентом; 2) установление права назначения республиканских референдумов за Президентом и инициирования — за Президентом, Палатой представителей и Советом Республики, гражданами в количестве 450 тысяч, а именно не менее 30 тысяч от каждой области и столицы; 3) определение порядка рассмотрения вопроса об изменении и дополнении Конституции только по инициативе Президента и граждан в количестве 150 тысяч; 4) дополнение Конституции 9-м разделом, определяющим порядок вступления в силу документа. Внесение изменений в Конституцию было призвано обеспечить взаимодействие властных структур. Изменения, внесенные в Конституцию республиканским референдумом 2004 года, еще более усилили позиции Президента посредством снятия ограничений по количеству переизбраний его на должность [6].

В современных реалиях в Республике Беларусь устанавливается порядок формирования и деятельности государственных органов, который основывается на конституционных принципах разделения властей; народовластия; законности или верховенства права; гласности; взаимной ответственности государства,

его органов и граждан друг перед другом. Данная позиция имеет право на существование, однако следует обратить внимание на то, какой смысл заложен в указанных принципах и в какой степени это все находит свое отражение на практике. Полагаем, что разделение властей — сугубо теоретическая конструкция, которая не может быть реализована в полном объеме ни в одном государстве. Основной сложностью видится невозможность добиться независимой судебной системы. Народовластие является основным признаком, в то же время участие общества в принятии важнейших для страны решений происходит порой при направлении в определенное русло со стороны властных структур. Наличие законности и верховенства права зависит от смысловой нагрузки данных понятий. Определения законности и верховенства зависят напрямую от того, что понимать под правом. Считаем, что гласность возможна при обеспечении реальных гарантий и свобод личности. Взаимная ответственность государства и граждан друг перед другом является также основным принципом деятельности государственных органов, но для его реализации необходимы конкретные механизмы контроля, ответственности всех участников данных отношений. При этом государственные органы должны формироваться и организовывать свою деятельность строго в соответствии с общими и специальными принципами, отражающими специфику их властных полномочий.

В теории считается, что государственная власть может быть сильной или слабой, но в любом случае она должна носить организованный характер. Характеристиками государственной власти должны выступать ее легитимность и легальность. В свою очередь легитимность государственной власти состоит в соответствии государственной власти интересам народа и в установлении ее по процедуре, предусмотренной нормами права. При этом легитимность первоисточника власти находит юридическое закрепление в конституции государства, проявляется в ее поддержке населением. Если легитимность государственной власти — это ее фактическое состояние, то легитимация государственной власти — это процессы и явления, посредством которых она приобретает свойство легитимности. Можно утверждать, что легитимная государственная власть — это власть, соответствующая представлениям общества о должной государственной власти. Формами легитимации государственной власти в обосновании немецкого политолога Макса Вебера являются: традиционная легитимация (связана с обычаями, традициями, историческим прошлым, верованиями народа); харизматическая (обусловлена личными качествами лидера), рациональная (основана на разуме, результатах эффективной работы должностных лиц, государственных органов) [7, с. 33–34].

Таким образом, легитимированная государственная власть — это не только юридически обоснованная, но и признанная народом власть. Легализа-

ция государственной власти (юридическое провозглашение правомерности ее возникновения, установления) осуществляется, в идеальном случае, конституциями государства. Властные структуры в Республике Беларусь легализовались посредством принятия Конституции. При этом имела место отчетливая харизматическая форма легитимации власти, обусловленная личными качествами и популярностью среди всех слоев населения Президента республики. Положение судебной власти в системе органов государственной власти определяется не только практикой функционирования судов в советское время, но и общим уровнем правовой культуры населения. Кроме того, в политической жизни исторически имело место преобладание исполнительной власти над законодательной и судебной властью.

1. Василевич Г. А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник. Минск : УП «Кн. Дом» : ООО «Интерпрессервис». 832 с. [Вернуться к статье](#)
2. Общая теория права : пособие / В. А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. 2-е изд., стереотип. Минск : БГУ : Четыре четверти, 2017. 416 с. [Вернуться к статье](#)
3. Конституция Республики Беларусь 15 марта 1994 года. Минск, 1994. 60 с. [Вернуться к статье](#)
4. Пляхимович И. И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь : в 2 т. Минск : Амалфея. Т. 2. 984 с. [Вернуться к статье](#)
5. Четвернин В. А. Проблемы теории права для особо одаренных студентов. М., 2010. 155 с. [Вернуться к статье](#)
6. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 10-е изд., стер. Минск, 2014. 62 с. [Вернуться к статье](#)
7. Бибило В. Н. Теория государства и права. Минск : Право и экономика, 2015. 206 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СЛУЖЕБНЫХ СОБАК В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

И. В. Елсаков

начальник цикла физической подготовки,
Центр повышения квалификации руководящих работников
и специалистов МВД Республики Беларусь
e-mail: ivvasmin@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности правового регулирования применения служебных собак в деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь. Определены пробелы современного законодательства, проанализирован опыт Российской Федерации, на основании чего выдвинуты соответствующие предложения по изменению нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: правовое регулирование, служебные собаки, органы внутренних дел.

Annotation. The article discusses the features of the legal regulation of the use of service dogs in the activities of the internal affairs bodies of the Republic of Belarus. The gaps of modern legislation are identified, the experience of the Russian Federation is analyzed, on the basis of which the relevant proposals for amending the regulatory framework are put forward.

Keywords: legal regulation, service dogs, internal affairs bodies

2019 год в Республике Беларусь отмечен проведением крупнейшего спортивно-массового мероприятия на европейском континенте — II Европейских игр. Для нашего государства проведение этих соревнований раскрывает перспективы показать не только спортивный потенциал и гостеприимство белорусов, но и уровень безопасности, немаловажную роль в обеспечении которой играют органы внутренних дел. Опыт проведения чемпионата мира по хоккею в 2014 году показал перспективность и эффективность применения служебных собак в обеспечении правопорядка и общественной безопасности [1]. Более того, служебные собаки активно используются и Департаментом охраны МВД, на балансе которого состоит около 650 этих животных [2].

На сегодняшний момент применение служебных собак в деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь регулируется Законом Республики Беларусь от 17 июля 2007 года № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее — Закон) [3] и приказом МВД Республики Беларусь от 8 января 2018 года № 8 [4].

Так, в Законе служебные животные (фактически служебные собаки) отнесены к специальным средствам, применяемым сотрудниками органов внутренних дел (далее — ОВД) в строго определенных случаях, в частности при отражении нападения на сотрудников ОВД и иных граждан; освобождении заложников; отражении нападения на здания, помещения, сооружения и (или) транспортные средства независимо от их принадлежности либо для освобождения захваченных объектов; при пресечении неповиновения или сопротивления законным требованиям сотрудника ОВД либо иных лиц, исполняющих служебные обязанности или гражданский долг по обеспечению общественного порядка, предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений; задержании и доставлении в ОВД подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений, лиц, в отношении которых ведется административный процесс, если они оказывают неповиновение или сопротивление, а также при конвоировании и содержании лиц, подвергнутых административному аресту, депортации или высылке, лиц, задержанных по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, лиц, заключенных под стражу, если они оказывают неповиновение или сопротивление либо имеются основания полагать, что они могут совершить побег либо причинить вред окружающим или себе; пресечении массовых беспорядков и групповых нарушений общественного порядка либо действий, направленных на повреждение и (или) уничтожение имущества; при остановке транспортного средства, водитель которого не подчиняется заведомо очевидным для него законным неоднократным требованиям сотрудника ОВД об остановке транспортного средства; в иных случаях, определяемых Президентом Республики Беларусь [3].

Правовые нормы отмеченного Закона дополняет и уточняет приказ МВД Республики Беларусь от 8 января 2018 г. № 8, которым утверждена Инструкция о порядке организации служебного собаководства в органах внутренних дел и внутренних войсках Республики Беларусь (далее — Инструкция). Она регламентирует широкий спектр вопросов — от разведения и ухода до применения служебных собак [4].

Как Закон, так и Инструкция ограничивают применение служебных собак фактически только «складывающейся обстановкой, характером преступления, административного правонарушения и личностью преступника» (исключения составляют случаи, указанные в Законе, когда запрещается применять специальные средства). Хотя в Инструкции также имеются указания на запрет использования служебной собаки, в частности, когда между ней и правонарушителем находятся посторонние люди либо когда правонарушитель прекратил преступные действия и сопротивление сотруднику ОВД [4].

Однако на практике возникает ситуация, когда сотрудник ОВД (в первую очередь специалист-кинолог) самостоятельно должен определить, применять либо нет служебных собак в случаях, предусмотренных Законом, помня о необходимости причинить наименьший вред как правонарушителю, так и служебному животному. Особенность применения служебных собак для задержания лиц, совершающих правонарушения, заключается и в том, что специалисту-кинологу сложно, а в ряде случаев невозможно соизмерить причиненный вред задержанному при укусе его служебной собакой, так как собака сжимает челюсти с силой, которая зависит от многих факторов. Чаще всего ранению подвергаются верхние и нижние конечности, реже встречаются раны лица, шеи, грудной клетки. Как правило, раны от укусов имеют поверхностный характер, но бывают и глубокие, с повреждением артерий, нервных стволов и сильным кровотечением. Укус может привести как к причинению легкого, менее тяжелого, так и тяжелого телесного повреждения.

В нашем государстве не проводилось серьезных исследований по правовому регулированию применения служебных животных в деятельности органов внутренних дел, в связи с чем логичным является обращение к нормативно-правовой базе и правоприменительной практике наших соседей, в первую очередь, нашего ключевого партнера — Российской Федерации. В этой стране проведена более четкая регламентация случаев использования служебных животных, чем достигаются фактически две цели: во-первых, повышается эффективность использования служебных животных, во-вторых, сотрудники ограничены в неправомерном их применении.

В качестве примера можно рассмотреть федеральные законы Российской Федерации «О полиции» [5] и «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [6]. Первый из них был принят в 2011 году, а второй в 2016 году, однако положения, регламентирующие применение специальных средств в деятельности сотрудников полиции (статья 20) и военнослужащих (сотрудников) национальной гвардии (статья 21), практически идентичны.

Так, например, статья 21 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» имеет 6 частей [6]. В первой части перечислены случаи применения специальных средств, а во второй части — перечень разрешенных к применению специальных средств с указанием пунктов первой части для каждого из них. В первой части 20 статьи рассматриваемого Федерального закона указано 11 случаев применения специальных средств, и только в 9 из них разрешено использовать служебных животных. В то же время в третьей части названной статьи указано, что служебные животные могут применяться во всех случаях, когда военнослужащим (сотрудникам) национальной гвардии Федеральным законом разрешено применять оружие. Неудивительно,

что применение служебных животных запрещено при пресечении массовых беспорядков, так как в соответствии с частью 5 статьи 21 «Применение оружия» Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [6] запрещается применять оружие при значительном скоплении людей. Логично и запрещение применять служебных животных при остановке транспортных средств.

Таким образом, опыт практического применения служебных собак в деятельности ОВД Республики Беларусь и анализ российской нормативно-правовой базы, регламентирующей применение служебных животных, позволяют констатировать необходимость внесения изменений в белорусское законодательство, регулирующее эту сферу деятельности ОВД. В первую очередь, для более четкого определения случаев, когда можно использовать служебных животных и иные специальные средства, тем самым исключив случаи неправомерного и необоснованного их применения сотрудниками ОВД Республики Беларусь. В качестве предложений можно обозначить необходимость внесения изменений в статью 28 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 года № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», в части определения случаев использования каждого вида специальных средств, в том числе и служебных животных. Такая регламентация позволит, помимо всего прочего, в кратчайшие сроки определять сотруднику ОВД специальное средство, необходимое для применения в создавшейся ситуации. В качестве дискуссионного предложения можно рассмотреть и применение специальных средств во всех случаях, когда Законом разрешено применение огнестрельного оружия. При этом любые изменения нормативно-правовой базы, регулирующей применение служебных собак в деятельности сотрудников ОВД, требуют детальной проработки и взвешенного подхода, чтобы не допустить различного толкования правовых норм.

1. ЧМ по хоккею 2014 глазами внутренних войск [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=194763> (дата доступа: 20.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Профессия, которой не существует официально в Беларуси, но каждый знает степень ее важности и необходимости [Электронный ресурс] // Департамент охраны МВД Республики Беларусь. URL: <http://ohrana.gov.by/wp/ru/blog/2015/12/16/профессия-которой-не-существует-офиц/> (дата доступа: 20.01.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 27 июня 2007 г., № 263-З : с изм. и доп. от 9 янв. 2019 г. № 169-З. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

4. Об утверждении Инструкции о порядке организации служебного собаководства в органах внутренних дел и внутренних войсках Министерства внутренних

дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 8 янв. 2018 г., № 8. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

5. О полиции [Электронный ресурс] : Федер. закон, 7 февр. 2011 г., № 3-ФЗ : в ред. Федер. закона от 29.12.2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. О войсках национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 3 июля 2016 г., № 226-ФЗ : в ред. в ред. Федер. закона от 11.10.2018 г. № 364-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 347.973

ЗНАЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ МЕТОДОВ КРИМИНАЛИСТИКИ

М. Г. Жук

доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент,
Гродненский государственный университет
им. Янки Купалы (Беларусь)
e-mail: mzhuk59@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается значение, роль и анализ экономической информации при изучении методов экономико-криминалистического анализа в криминалистике. Грамотно используя экономическую информацию можно прогнозировать различные криминалистические модели преступлений и создавать инновационные методики раскрытия экономических преступлений.

Ключевые слова: методы экономико-правового анализа в криминалистике, экономическая информация, экономико-криминалистический анализ.

Annotation. The article indicates the value, role and analysis of economic information in the study of methods of economic and forensic analysis in forensic science. Properly using economic information, one can predict various forensic crime models and create innovative methods for disclosing economic crimes.

Keywords: methods of economic and legal analysis in forensic science, economic information, economic and forensic analysis.

Определяющее значение для обнаружения и раскрытия преступлений имеет полное использование возможностей экономической информации, в которой находят закономерное отражение признаки и следы преступной деятельности. Под экономической информацией понимаются различные сведения о фактах хозяйственной, коммерческой и финансовой деятельности субъектов, занятых в сфере производства и распределения продукции. Экономическая информация циркулирует в экономической системе и сопровождает процессы производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг [1, с. 181]. Информацию можно рассматривать как ресурс, аналогичный материальным, трудовым и денежным ресурсам.

Экономическая информация влияет на характер и выбор способа совершения преступных действий, заставляет преступников приспособливаться к изменениям. Выбирая способ совершения преступления, преступники должны адаптировать свои действия к существующей системе учета, использовать случайно возникшие в ней пробелы и упущения. По мнению Е. С. Лехановой и А. Н. Мамкина, в настоящее время круг противоправных деяний, выявляемых с помощью анализа экономической информации, значительно расширился: это и

уклонение от уплаты налогов, легализация преступных доходов, криминальные банкротства и др. [2, с. 30–32]. Информационную базу экономического анализа составляют отчетность организаций (статистическая, финансовая, налоговая), иные доступные экономические показатели, в т. ч. и натуральные. Обработка информации предполагает ее изучение с целью установления достоверности и значимости сведений о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес, обнаружения признаков преступлений, предупреждения, выявления и пресечения преступных деяний, установления граждан, подготавливающих преступления, и т. д. Все это требует от криминалистики разработки новых рекомендаций, отличающихся универсальностью применения при выявлении, расследовании и предупреждении экономических преступлений. В роли указанных рекомендаций могут выступить специальные методы криминалистики, решающие эти вопросы.

В зависимости от цели выделяются три направления экономико-правового анализа, каждый из которых опирается на систему методов. Оперативно-экономический анализ проводится негласно с целью выявления скрытых преступлений. Экономико-криминалистический анализ направлен на выявление следов преступлений. Экономико-криминологический анализ имеет целью выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений. В методах экономико-правового анализа выделяют следующие категории: метод документального анализа; метод бухгалтерского анализа; метод экономического анализа.

Указанные методы позволяют правоохранительным органам в процессе уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности качественно выявлять, расследовать и предупреждать преступления экономической направленности. Разработка специальных методов криминалистики имеет не только теоретическое значение, но и практическое, поскольку интегрированные в науку современные и передовые знания и достижения позволяют эффективно бороться с преступностью. Как правильно отметил Р. С. Белкин, «только на практике познается реальная ценность метода, полностью открываются его возможности и недостатки, отрабатывается методика его использования и определяются перспективы трансформации его в методы собирания, исследования и оценки доказательств» [3, с. 368].

Для использования оперативного экономического анализа органами, призванными бороться с преступностью экономической направленности, необходимо обеспечить сотрудников специальным операционным, аналитическим инструментарием, способствующим решению вопросов способом экспресс-исследования финансово-экономической информации. Такой аналитический инструментарий можно назвать криминалистическим методом оперативно-

экономического исследования с использованием экономической информации. В экономической информации находят закономерное отражение признаки и следы преступлений в сфере экономической деятельности. Такие признаки и следы содержатся в носителях этой информации, как правило, в неявном, скрытом виде. Наиболее эффективным средством их обнаружения является криминалистическая диагностика на основе использования экономической информации. Такой характер отражения преступной деятельности в экономической информации обусловлен закономерным характером отражений событий и явлений материального мира в окружающей среде.

Отражаемые в носителях экономической информации преступные действия проявляются в форме признаков и следов преступления, а сама такая информация становится криминалистически значимой. Признаки и следы, возникающие вследствие совершения экономических преступлений, закономерно проявляются в виде документальных, учетных и экономических несоответствий в носителях экономической информации. Это объясняется тем, что сама преступная деятельность в сфере экономики закономерно вызывает различные несоответствия между ожидаемым результатом при условии эффективного использования материальных, трудовых и финансовых ресурсов и реальным результатом, получаемым в связи с неправомерным использованием этих ресурсов. Из всех видов носителей экономической информации наибольшее доказательственное значение имеют учетные документы. Юридическая сила доказательств присуща учетным документам в силу требований, предусмотренных Законом Республики Беларусь «О бухгалтерском учете и отчетности», согласно которым учетные документы должны иметь обязательные реквизиты: наличие в учетных документах реквизитов позволяет устанавливать при раскрытии экономических преступлений такие обстоятельства, входящие в предмет доказывания, как время и место совершения преступления; характер и размер вреда, причиненного преступлением; фамилии лиц, причастных к преступлению, и некоторые другие.

Таким образом, к задачам, решаемым методом оперативно-экономического исследования на этапах выявления и расследования преступлений экономической направленности, можно отнести: обнаружение признаков и следов преступлений, отображенных в системе носителей финансово-экономической информации (т. е. в документах, фиксирующих административную и финансово-хозяйственную деятельность юридического лица); установление лиц, причастных к совершению этих преступлений на этапе судебного разбирательства; проверку доказательств, находящихся в уголовном деле. Следовательно, используя экономическую информацию, можно прогнозировать различные криминалистические модели преступлений. Мы вполне согласны с

мнением А. А. Юдинцева, что в таких моделях должны найти отражение: 1) объект и предмет преступного посягательства, охраняемый уголовным законом; 2) характеристика способов преступной деятельности; 3) типичные признаки определенного вида (группы) преступлений; 4) система связей между признаками и носителями экономической информации; 5) обстановка совершения преступления; 6) субъекты преступной деятельности; 7) степень организованности этих субъектов; 8) условия, способствующие совершению преступления [4, с. 179].

Следовательно, с целью более эффективного выявления этих преступлений в сфере экономики, по нашему мнению, необходимо и дальше совершенствовать методы экономико-криминалистического анализа и создавать на их базе инновационные методики обнаружения признаков конкретных видов преступлений (налоговые преступления, криминальные банкротства и т. д.) в определенных сферах экономики (кредитование, страхование и др.). Учитывая, что в настоящее время основу экономического анализа составляют преимущественно финансовые показатели, представляется необходимым адаптировать методы финансового анализа для обнаружения признаков преступлений в источниках финансовой информации. В этом случае можно говорить о методах финансово-криминалистического анализа. Внедрение методик экономико-криминалистического и финансово-криминалистического анализа в практику правоохранительных органов позволит ускорить процесс выявления и расследования экономических преступлений.

Совершенствование существующих и разработка новых методов с использованием экономической информации имеет важнейшее значение для формирования качественной доказательственной базы, что будет способствовать повышению эффективности расследования преступлений в сфере экономики.

1. Жук М. Г. Экономическая информация как необходимый элемент в методах криминалистики при расследовании экономических преступлений // Проблемы современной криминалистики и судебной экспертизы : тез. докл. респ. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию основания кафедры криминалистики Акад. МВД Респ. Беларусь, Минск, 26 мая 2016 г. / УО «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: М. П. Шруб (отв. ред.) [и др.]. Минск : Академия МВД, 2016. 311 с. [Вернуться к статье](#)

2. Леханова Е. С., Мамкин А. Н. Экономико-криминалистический анализ : учеб. пособие / под общ. ред. проф. С. П. Голубятникова. М. : ЦОКР МВД России, 2007. 112 с. [Вернуться к статье](#)

3. Криминалистика : учебник для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р. С. Белкина. М. : НОРМА, 2000. 990 с. [Вернуться к статье](#)

4. Юдинцев А. А. Криминалистическая диагностика преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности на основе экономической информации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Нижний Новгород, 2007. 202 л. [Вернуться к статье](#)

УДК 35.08

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ В ОРГАНИЗАЦИИ СЛУЖЕБНОЙ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ ИНСПЕКТОРОВ МИЛИЦИИ

Д. В. Зятев

заместитель начальника отдела профилактики —
начальник отделения организации работы
участковых инспекторов милиции управления охраны
правопорядка и профилактики,
УВД Витебского облисполкома
e-mail: Zyatev.d.v@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные проблемные вопросы, возникающие в организации служебной и профилактической деятельности участковых инспекторов милиции.

Ключевые слова: проблемные вопросы, организация деятельности, нагрузка, анкетирование, участковый инспектор милиции.

Annotation. The article represents the main issues that arise in the organization of service and preventive activities of district militia inspectors.

Keyword: crucial issues, activity arrangement, scope of work, questionnaire, district militia inspector.

Одной из основных и приоритетных задач органов внутренних дел является, прежде всего, охрана общественного порядка, собственности, обеспечение общественной безопасности, предотвращение совершения преступлений и правонарушений.

При этом особая роль принадлежит участковым инспекторам милиции. Именно на деятельности этой службы был сделан важный акцент при определении задач последнего реформирования ОВД [1].

На совещании по вопросу реформирования МВД Президентом Республики Беларусь была поставлена задача освобождения участкового инспектора милиции от несвойственных ему функций. Президент Республики Беларусь отметил, что значительная часть рабочего времени участкового инспектора милиции уходит на несвойственные, как это принято называть, функции для милиции. Это действительно актуальная проблема. И в связи с тем, что мы основной упор будем делать на поднятие престижа участкового инспектора, необходимо подумать о том, чтобы он занимался конкретными вещами, теми, которыми никто другой не может заниматься. В свою очередь, Министром внутренних дел Республики Беларусь отмечено, что «служба участковых инспекторов — это основная служба милиции, которая в настоящее время, к сожалению, не полно-

стью выполняет возложенные на нее функции по обеспечению общественного порядка, безопасности на конкретных участках страны.

Для этого мы отойдем от лозунгов об усилении авторитета участковых инспекторов милиции, а наполним их работу практической составляющей: расширим полномочия, возможности влиять на оперативную обстановку на участках». Схематично система должна выглядеть так: вся работа в милиции подчинена одной цели — оказанию помощи, содействию в работе участковых инспекторов милиции [1].

Для более полного и практического изучения имеющихся проблемных вопросов в организации деятельности участковых инспекторов милиции в рамках проводимых исследований была разработана анкета по изучению мнения участковых инспекторов милиции. Анкетируемой аудиторией стали участковые инспекторы милиции территориальных органов внутренних дел УВД Витебского облисполкома. Всего в анкетировании приняли участие 76 участковых инспекторов милиции, что составляет 17,2 % от их штатной численности.

11 (14 %) участковых инспекторов милиции, проходивших анкетирование, имеют возраст до 25 лет, 18 (24 %) — от 25 до 29, 21 (28 %) — от 30 до 34, 15 (20 %) — от 35 до 39 и 11 (14 %) — свыше 40 лет. На вопрос «Ваш стаж в службе участковых инспекторов милиции» 10 респондентов ответили, что их стаж в службе менее одного года, 21 — от 1 года до 3 лет, 13 — от 3 до 5 лет, 17 — от 5 до 10 лет и 13 — свыше 10 лет.

В рамках анкетирования для получения представления о занятости и распределении служебного времени и, соответственно, об имеющихся проблемных вопросах респондентам предложено было ответить на вопрос «Каково примерное соотношение количества времени, затрачиваемого Вами в течение месяца на различные направления деятельности (в %, в сумме = 100 %)?».

В результате установлено, что наибольшее количество служебного времени участковый инспектор милиции затрачивает на разрешение письменных обращений (заявлений, жалоб) граждан (так ответили 62 сотрудника, что составляет 81 % от общего числа участников опроса). Второе место по значимости затрачиваемого времени занимает реагирование на сообщения, поступающие по телефонной связи от граждан (так указали 12 сотрудников, что составляет 15 % от общего числа опрошенных).

Изучены основные причины перехода участковых инспекторов милиции в другие службы и увольнения из ОВД. По результатам анкетирования получены следующие результаты: наибольшее число анкетируемых — 52 человека, или 24 %, указали на большую нагрузку и отсутствие свободного времени; 34 респондента отметили падение престижа службы в ОВД; 28 — заявили о высоких требованиях, предъявляемых руководством; 20 — обратили внимание на

низкое финансовое и материально-техническое обеспечение ОВД; 19 — высказали мнение о низкой социальной защищенности; 17 — сослались на несовершенство законодательства, регулирующего деятельность службы, и отсутствие премирования; 13 — пожаловались на отсутствие жилья. Кроме этого, 51 участковый инспектор милиции, или 65 %, указали на наличие недостатков в материально-техническом обеспечении служебной деятельности, отметив отсутствие компьютеров, оргтехники, канцелярских принадлежностей, проездных документов, доступа к базам данных и т. д.

Также изучены проблемные вопросы, стоящие перед службой участковых инспекторов милиции при осуществлении профилактической деятельности. Так, 49 (37 %) респондентов указали на то, что в настоящее время имеющаяся большая нагрузка, наличие множества обязанностей, не связанных с профилактикой правонарушений, приводят к тому, что на проведение профилактических мероприятий на обслуживаемом административном участке не остается времени; 19 респондентов (14 %) считают, что протяженность административного участка и связанная с этим удаленность места жительства подучетных мешают выполнять задачи по профилактике правонарушений; 18 (14 %) отметили несовершенную систему оценки эффективности деятельности в данном направлении (поощряется только применение мер принуждения); 14 (11 %) — несовершенство законодательства и усложненную процедуру выполнения отдельных обязанностей; 11 (8 %) указали на формализм в работе по данному направлению; только 8 (6 %) отметили значительное количество лиц, состоящих на учетах.

В рамках проведенного исследования участковым инспекторам милиции также предложен ряд вопросов, направленных на изучение их мнения о мерах, которые необходимо принять для улучшения организации их деятельности, в том числе по проведению профилактической работы с лицами, состоящими на учетах.

Так, по мнению участковых инспекторов милиции существенно повысится эффективность организации деятельности на обслуживаемом административном участке, в первую очередь, при пересмотре действующих нормативных правовых актов, регламентирующих рассмотрение заявлений и сообщений граждан, а именно: 35 респондентов, или 42 %, указали на то, что решения по материалам, где усматриваются признаки преступлений, решения в порядке ст. 174 УПК Республики Беларусь необходимо принимать подразделениями Следственного комитета; 27, или 32 %, указали на необходимость внесения в законодательство в части исполнения приводов судов о доставлении граждан, не явившихся на судебные заседания, отделами принудительного исполнения; 22, или 26 %, отметили отсутствие необходимости участия в мероприятиях по различного рода рас-

поряжениям, акциям организаторами которых являются другие подразделения ОВД.

На современном этапе требуется и принятие незамедлительных мер по повышению престижа службы участковых инспекторов милиции.

К примеру, в ходе анкетирования участковым инспекторам милиции было предложено в качестве одной из форм поднятия престижа службы получение звания на одну ступень выше (подполковник) старшим участковым инспектором милиции при выслуге в должности 15 и более лет. В результате анкетирования с данной мерой согласились 64 респондента, или 83 %.

Имеется и ряд проблемных вопросов в материально-техническом обеспечении деятельности участковых инспекторов милиции.

Так, 51 респондент, или 65 %, указал на то, что необходимо рассмотреть вопросы выделения арендного жилья для проживания участковых инспекторов милиции на обслуживаемом административном участке.

Также необходимо и внесение изменений в штатное расписание норм положенности служебного автотранспорта из расчета один автомобиль на одного участкового инспектора милиции в сельской местности (на что указали 47 опрошиваемых, или 57 %) и один автомобиль на один общественный пункт охраны правопорядка в городской местности (на что указало 28 опрошиваемых, или 34 %).

В вопросах осуществления профилактической работы участковыми инспекторами милиции на обслуживаемых административных участках также необходимо внесение изменений в действующее законодательство.

К примеру, 42 респондента, или 53 %, указали на то, что необходимо оптимизировать количество категорий лиц, состоящих на учетах, в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», так как оно чрезмерно велико, что не позволяет эффективно осуществлять профилактику правонарушений, это влечет распыление сил и средств, не позволяет сосредоточить внимание на наиболее опасной категории лиц, требующих профилактического воздействия, большая часть времени затрачивается на ведение документации.

При этом 40, или 39 %, опрошенных участковых инспекторов милиции предлагают сосредоточить внимание при профилактике правонарушений и заводить профилактические дела в отношении лиц, привлеченных к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное статьями 9.1, 9.3, 17.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, совершенное по отношению к члену семьи.

Подводя итог, необходимо обозначить то, что реализация органами внутренних дел мер, направленных на коренное улучшение деятельности участко-

вых инспекторов милиции, способствовала определенному повышению их роли в предупреждении правонарушений и борьбе с преступностью, но вместе с тем, коренное улучшение деятельности участковых инспекторов милиции не достигнуто.

В этой связи необходима конкретизация перечня задач, возложенных на участкового инспектора милиции как сотрудника органов внутренних дел, поскольку он может трактоваться предельно широко.

Данный вывод находит подтверждение и в исследованиях О. Г. Каразея и С. В. Добрияна, которые предлагают определить основной задачей ОВД, в том числе и участковых инспекторов милиции, защиту жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства от преступных и иных противоправных посягательств, обеспечение их личной и имущественной безопасности, защиту прав и законных интересов организаций от преступных и иных противоправных посягательств и предусмотреть в Законе Республики Беларусь «Об органах внутренних дел» исчерпывающий перечень случаев и форм оказания ОВД содействия государственным органам и иным организациям в реализации возложенных на них обязанностей [2].

Для обеспечения формирования эффективно действующей службы участковых инспекторов милиции необходимо именно научно обоснованная корректировка их функций и задач на законодательном уровне, что позволит оптимизировать их деятельность и обеспечить уважение и поддержку со стороны общества и отдельных граждан.

В настоящее время по-прежнему имеет место практика поручения участковым инспекторам милиции выполнения задач, не связанных напрямую с их обязанностями. Однако это позволяет разгрузить другие подразделения ОВД. Поэтому на участковых нередко возлагаются функции, которые не относятся к предмету их деятельности. Полагаю, что в связи с этим ведомственные инструкции МВД нуждаются в более детальном закреплении и регламентации функций всех структур МВД.

Еще одной проблемой в работе участковых инспекторов милиции является большое число сообщений и заявлений, рассмотрение которых не позволяет им своевременно проводить профилактическую работу с населением. В результате это может привести к росту преступности.

Кроме этого, необходим пересмотр их материально-технического обеспечения и принятие незамедлительных мер по поднятию престижа службы участковых инспекторов милиции.

1. Заседание Совета Безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 27 февр. 2018 г. // Президент Республики Беларусь : офиц. Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/zasedanie-soveta-bezopasnosti-respubliki-belarus-18200/ (дата обращения: 20.01.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Каразей О. Г., Добриян С. В. Пути совершенствования служебной деятельности участковых инспекторов милиции Республики Беларусь. Адм. право и процесс. 2013. № 10. С. 57–62. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ПРИВЛЕКАЕМЫХ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Л. Д. Иванчикова

аспирант,

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

e-mail: 7576802@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос о правовых проблемах защиты конституционных прав несовершеннолетних в деятельности государственных органов при ведении административного процесса. Автором определен правовой механизм, направленный на обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних при привлечении их к административной ответственности.*

***Ключевые слова:** административная ответственность несовершеннолетних, конституционные права несовершеннолетних, защита прав несовершеннолетних.*

***Annotation.** The article deals with the issue of the legal problems of protecting the constitutional rights of minors in the activities of state bodies in the conduct of the administrative process. The author defines a legal mechanism aimed at ensuring the rights and legitimate interests of minors in bringing them to administrative responsibility.*

***Keywords:** administrative responsibility of minors, the constitutional rights of minors, the protection of the rights of minors.*

Высшей целью государства является осуществление деятельности, направленной на создание гарантий реализации прав и свобод граждан. В нашей стране разработана система нормативных правовых актов, которые содержат правовые нормы, направленные на регулирование отношений, связанных с защитой прав и свобод ребенка. Законодатель в данном случае, начиная с Конституции, урегулировал вопросы охраны прав детей как участников административного процесса с особым правовым статусом при привлечении их к административной ответственности [1].

Немаловажным аспектом защиты и реализации прав является соблюдение требований Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИКПА) при ведении административного процесса с участием несовершеннолетних, поскольку при неправильном применении административно-процессуальных норм могут быть нарушены такие конституционные права, как соблюдение и защита их интересов со стороны государства, право на защиту со стороны родителей (законных представителей), право на получение юридической помощи за счет государственных средств.

Например, провозглашенное в Конституции равенство всех перед законом означает юридическое равноправие. Вместе с тем равноправие не исключает особой защиты отдельных категорий лиц, которые не в состоянии конкурировать наравне с другими лицами, в отношении которых ведется административный процесс. Так, в ст. 4.1 ПИКоАП закреплена обязанность участия законных представителей, которые защищают права несовершеннолетнего лица, в отношении которого ведется административный процесс. Но до настоящего времени процессуально не регламентирован вопрос участия родителей на стадии административного задержания несовершеннолетнего [1]. ПИКоАП не дает разъяснения, в какой момент должен быть допущен к участию законный представитель несовершеннолетнего. Следовательно, должностное лицо, ведущее административный процесс, либо несовершеннолетний самостоятельно определяют момент вступления в административный процесс законных представителей. Однако, как показывает правоприменительная практика, информирование родителей носит запоздалый характер, что не способствует своевременному обеспечению защиты прав как несовершеннолетнего, так и его законного представителя. Подобная практика вызывает необходимость законодательного закрепления момента сообщения родителям о ведении административного процесса в отношении несовершеннолетнего.

В соответствии со ст. 25 Конституция закрепляет право на свободу и неприкосновенность личности. Под свободой следует понимать право физического лица делать все, что не запрещено законом. Установление административной ответственности за то или иное деяние может рассматриваться как ограничение прав и свобод личности. Вместе с тем эти ограничения допускаются только в случаях, предусмотренных законом, и лишь в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Таким образом, при ведении административного процесса никто из участвующих в административном процессе не должен подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Необходимо отметить, что порядок реализации мер обеспечения административного процесса в отношении несовершеннолетних имеют ряд особенностей. Так, согласно ч. 3¹ ст. 8.4 ПИКоАП в отношении лиц, не достигших совершеннолетия, не допускается ограничение личной свободы в виде административного задержания свыше трех часов, кроме несовершеннолетних, в отношении которых за совершение административного правонарушения предусмотрено административное взыскание в виде депортации.

Статья 27 Конституции имеет прямое отношение к порядку ведения административного процесса в отношении несовершеннолетних. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 2.3 ПИКоАП никто не должен принуждаться к даче объяснений

против самого себя, членов своей семьи, близких родственников. Таким образом, лицо не подлежит административной ответственности за отказ или уклонение от дачи объяснений против самого себя, родителей, родных братьев и сестер и иных лиц, проживающих совместно с участником административного процесса и ведущих с ним общее хозяйство [3].

Следует отметить, что протокол опроса является одним из главных доказательств в административном процессе. Именно на основании сведений, указанных в протоколе, орган, ведущий административный процесс, принимает решение о виновности (невиновности) лица, в отношении которого ведется административный процесс.

Согласно ст. 10.11. ПИКоАП при опросе несовершеннолетнего в возрасте до 14 лет обязательно присутствие педагогического работника, и лишь в случае необходимости при опросе могут присутствовать родители или иные законные представители несовершеннолетнего.

С нашей точки зрения, в рассматриваемой норме содержится противоречие со ст. 62 Конституции, согласно которой каждый имеет право пользоваться в любой момент юридической помощью своих представителей. Следует отметить, что несовершеннолетние не способны самостоятельно защищать свои права и законные интересы в силу своей неполной дееспособности. Вместе с тем, как показывает анализ дел об административных правонарушениях, направленных в комиссию по делам несовершеннолетних, в 90 % случаев опрос несовершеннолетних проводится без присутствия родителей по единоличному решению должностного лица, ведущего административный процесс.

Таким образом, факт опроса несовершеннолетнего без участия родителей хотя и не запрещен административно-процессуальным законодательством, но вместе с тем может расцениваться как нарушение его конституционных прав. При этом необходимо помнить, что согласно ч. 4 ст. 6.14 ПИКоАП доказательства, полученные с нарушением конституционных прав и свобод граждан, в административном процессе признаются недопустимыми.

На основании изложенного предлагается изложить диспозицию ч. 2 ст. 10.11 ПИКоАП в следующей редакции:

«Перед началом опроса несовершеннолетнего необходимо обязательное уведомление родителей (законных представителей), о чем делается отметка в протоколе опроса перед подписью опрашиваемого».

Внесение в законодательство предлагаемых изменений позволит эффективно защищать права и законные интересы несовершеннолетних в соответствии с Конституцией Республики Беларусь.

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. Минск : Амалфея, 2005. 48 с. [Вернуться к статье](#)
2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г., № 194-З : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
3. Василевич Г. А. Научно-практический комментарий к Конституции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.81

**ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО И ОБОРУДОВАНИЕ
УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ
СОДЕРЖАНИЕ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМ ВОЗРАСТЕ,
КАК ПРЕДМЕТ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

А. Н. Кимачев

доцент кафедры организации режима и надзора в УИС
юридического факультета, кандидат юридических наук,
Академия ФСИН России
e-mail: kimachevandrei@mail.ru

***Аннотация.** Автор обращает внимание на определенную закрытость информации о внутреннем устройстве и оборудовании учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, осуществляющих принудительное содержание лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, в нормативных правовых актах, анализируя влияние такого положения вещей на реализацию лишения свободы и содержание под стражей в сравнении с аналогичными учреждениями уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь.*

***Ключевые слова:** оборудование учреждений; внутреннее устройство учреждений; лишение свободы; содержание под стражей; воспитательная колония; несовершеннолетние подозреваемые, обвиняемые и осужденные; правила внутреннего распорядка; доступность информации; требования режима; прозрачность уголовно-исполнительной системы; совершенствование уголовно-исполнительного законодательства.*

***Annotation.** The author draws attention to a certain «closed» information about the internal structure and equipment of the institutions of the penal system of the Russian Federation, carrying out the forced detention of persons who committed crimes at a minor age, in normative legal acts, analyzing the impact of this state of Affairs on the implementation of deprivation of liberty and detention in comparison with similar institutions of the penal system of the Republic of Belarus.*

***Keywords:** equipment of institutions; internal structure of institutions; deprivation of liberty; detention; educational colony; juvenile suspects, accused and convicted persons; internal regulations; availability of information; regime requirements; transparency of the penal system; improvement of the penal enforcement legislation.*

Действующие редакции Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [1] (далее — УИК РФ), Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы [2] (далее — ПВР ВК УИС), иных нормативных правовых актов, образующихся в сфере

реализации уголовного наказания в виде лишения свободы, принятых и утвержденных для открытого доступа широкой общественности (без грифа ограниченного распространения) не содержат описания внутреннего устройства воспитательных колоний [3, с. 31].

Между тем Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [4] (далее — Концепция) в перечне задач, направленных на достижение трех ее основных целей, определяет необходимость «создания условий для постепенного снижения количества осужденных, содержащихся в одном жилом помещении в исправительных учреждениях, в том числе в приоритетном порядке в воспитательных колониях». Как известно, на сегодняшний день в соответствии со ст. 133 УИК РФ осужденные, отбывающие наказание в воспитательных колониях в обычных, облегченных и льготных условиях, проживают в общежитиях, а в строгих условиях — в изолированных жилых помещениях, запираемых в свободное от учебы или работы время. Каких-либо сведений относительно предельного количества воспитанников, содержащихся в перечисленных в ст. 133 УИК РФ жилых помещениях воспитательных колоний, открытые информационные источники, имеющие статус официальных, не содержат. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация, когда становится невозможным соотнести избранный для развития ориентир с нынешним положением вещей.

Такая ситуация в целом противоречит принципам, заложенным Федеральным законом от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [5].

Так, ч. 1 ст. 13 данного документа обязывает федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации при принятии решений по вопросам социально-экономического развития соответствующих территорий учитывать нормативы строительства объектов социальной инфраструктуры для детей, установленные Правительством Российской Федерации.

Следует заметить, что пересмотр ведомственных нормативных правовых актов с грифом ограничения доступа к документу в целях исключения указанного грифа из актов, затрагивающих права и обязанности осужденных и лиц, содержащихся под стражей, либо исключения этих положений из указанных актов рассматривается Концепцией в качестве одного из мероприятий, направленных на совершенствование обеспечения прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей.

Точку зрения, допускающую возможность свободного размещения подобной информации в открытых источниках, можно встретить в научных работах ряда авторов, с той лишь разницей, что речь в них идет о следственных

изоляторах [6, с. 15; 7, с. 193–195]. Учитывая, что по состоянию на 01.07.2018 г. уголовно-исполнительная система Российской Федерации насчитывала 5 воспитательных колоний, располагающих территориями, функционирующими в режиме следственного изолятора для содержания несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, становится очевидным наш интерес к вопросам описания внутреннего устройства и оборудования этих учреждений.

В частности, в соответствии с Правилами внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы [8] (далее — ПВР СИЗО УИС) в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов, на территориях учреждений, исполняющих наказания, действуют камеры для временной изоляции лиц, у которых произошел нервный срыв. Подозреваемый, обвиняемый или осужденный, который своим поведением дает основания полагать, что может причинить вред себе или иным лицам, по письменному указанию начальника следственного изолятора либо лица, исполняющего его обязанности, а при их отсутствии — дежурного помощника переводится в камеру для временной изоляции. Администрацией следственного изолятора незамедлительно вызывается бригада скорой медицинской помощи для принятия решения работником скорой медицинской помощи о целесообразности госпитализации подозреваемого, обвиняемого или осужденного.

Однако описание оборудования камер для временной изоляции в ПВР СИЗО УИС ограничивается указанием об оснащении таких помещений с внутренней стороны упругим или пружинящим покрытием, искусственным освещением, а также вентиляционным оборудованием. За иными подробностями оснащения камер для временной изоляции указанный нормативный правовой акт отсылает к нормам проектирования следственных изоляторов и тюрем, содержащимся в документе, имеющем гриф ограниченного распространения [9].

В то же время условия оборудования и внутреннего устройства исправительных учреждений абсолютно прозрачно оговариваются в разделе II «Оборудование исправительных учреждений» Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений Республики Беларусь [10, с. 75] (далее — ПВР ИУ РБ).

В части, касающейся воспитательных колоний, в главе 5 «Общие требования по оборудованию исправительных учреждений» данного документа [11] содержится информация о выделении в учреждениях двух изолированных зон (жилой и производственной), их разделении между собой на локальные, изолированные друг от друга участки, о изолированном от других объектов оборудо-

вании здания дисциплинарного изолятора (далее — ДИЗО), а также запираемых помещениях с рабочими камерами и прогулочными двориками.

В рассматриваемой главе также описывается расположение административных зданий, контрольно-пропускных пунктов (далее — КПП), помещений для приема граждан, комнат для проведения краткосрочных и длительных свиданий, приема посылок-передач, помещений для проведения обысков (досмотров) осужденных и лиц, входящих на территорию учреждения, а также их вещей.

Кроме того, в рассматриваемой главе определяется, что между жилой и производственной зонами оборудуется КПП, предназначенный для пропуска осужденных из одной зоны в другую, в котором должны быть размещены различные помещения, обеспечивающие несение службы дежурной сменой, а также помещения для приема осужденных по личным вопросам и служебные кабинеты оперативных работников учреждения.

В главе 7 «Особенности оборудования воспитательных колоний» ПВР ИУ РБ излагаются соответствующие особенности с учетом специфики функционирования исправительных учреждений, предназначенных для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте и лишенных свободы.

Глава 10 «Оборудование общежитий исправительных учреждений» ПВР ИУ РБ регламентирует размещение лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях, в общежитиях, обеспечение их индивидуальными спальными местами, на которых укрепляются таблички с указанием фамилии и инициалов осужденных. В жилых помещениях оформляются схемы расположения спальных мест с выделением расположения спальных мест осужденных, склонных к побегу, утвержденные начальником режимного отдела учреждения.

Положения главы 11 «Оборудование камер в тюрьмах, помещений камерного типа исправительных колоний, штрафных, дисциплинарных изоляторов и специализированных палат в больницах и лечебных исправительных учреждениях» ПВР ИУ РБ и вовсе настолько детально описывают внутреннее устройство камерных помещений, что местами это вызывает некоторые сомнения в такой необходимости.

На наш взгляд, обеспечение доступности предъявляемых к спецконтингенту требований и объективно допустимой открытости информации о средствах, способствующих их реализации, особенно важно в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Предоставление такой информации будет способствовать появлению обратной связи, объективному пониманию со стороны лиц, содержащихся под стражей и лишенных свободы, необходимости организуемого в учреждениях уголовно-

исполнительной системы режима. В последующем рассматриваемая политика, несомненно, с большей долей вероятности благотворным образом отразится на результатах исправительного воздействия и ресоциализации.

Наша точка зрения согласуется с мнением других ученых. Так, проведенное Могилевским институтом МВД Республики Беларусь исследование, проведенное в среде несовершеннолетних, содержащихся в следственных изоляторах и воспитательных колониях, выявило у 53 % респондентов внутреннюю готовность к отбыванию наказания на фоне имеющейся у них предварительной информации «о порядках в учреждениях УИС», полученной из различных источников [12, с. 271]. Возможно, в некоторой степени благодаря именно этой информированности 71 % опрошенных несовершеннолетних стремятся к соблюдению правил внутреннего распорядка, и лишь у 11 % всякие правила и ограничения вызывают раздражение и желание их нарушать [12, с. 275].

Изложенное дает все основания полагать, что соответствующие положения, предоставляющие достаточно подробные представления об устройстве охраняемых территорий воспитательных колоний и прилегающих к ним участков местности, на которых установлены режимные требования, и объектах инфраструктуры, расположенных в их пределах, на наш взгляд, целесообразно предусмотреть в разделе I «Общие положения» ПВР ВК УИС. Таким образом, будет достигаться обеспечение прозрачности уголовно-исполнительной системы, особо выделяемое Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в качестве одной из задач, требующих своего решения.

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федер. закон, 8 янв. 1997 г., № 1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2. Ст. 198. [Вернуться к статье](#)

2. Об утверждении Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России, 6 окт. 2006 г., № 311 // Бюл. нормат. актов федер. органов исполнительной власти. 2006. № 44. [Вернуться к статье](#)

3. Кимачев А. Н. Отдельные вопросы организации режима воспитательных колоний в правилах внутреннего распорядка // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3 (32). С. 27–33. [Вернуться к статье](#)

4. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации, 14 окт. 2010 г. № 1772-р // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544. [Вернуться к статье](#)

5. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : Федер. закон, 24 июля 1998 г., № 124-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802. [Вернуться к статье](#)

6. Караваев И. В. Актуальные вопросы правового регулирования режима в следственных изоляторах // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 2. С. 12–15. [Вернуться к статье](#)
7. Караваев И. В., Прокудин В. В. Проблемы обозначения предупредительными знаками границ режимной территории исправительных учреждений и следственных изоляторов как функции правоохранительной деятельности // Эволюция современной науки : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Киров, 5 апреля 2016 г. : в 4 ч. Уфа : ООО «Автерна», 2016. С. 193–195. [Вернуться к статье](#)
8. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России, 14 окт. 2005 г., № 189 // Бюл. нормат. актов федер. органов исполнительной власти. 2005. № 46. [Вернуться к статье](#)
9. Кимачев А. Н. Некоторые аспекты правовой регламентации внутреннего распорядка воспитательных колоний // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Рязань, 24–25 нояб. 2016 г. : в 2 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2016. Т. 2: Материалы научно-практических мероприятий. С. 138–141. [Вернуться к статье](#)
10. Прокудин В. В., Степаненко В. И. Внутренний распорядок как важнейший элемент режима в исправительных учреждениях России и Республики Беларусь // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 3. С. 74-80. [Вернуться к статье](#)
11. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 20 окт. 2000 г., № 174. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
12. Соркин Г. С., Кулешов А. А. Особенности личности несовершеннолетних преступников, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Thesaurus : сб. статей / Могилевский институт МВД Респ. Беларусь; отв. ред.: В. Д. Выборный. Могилев, 2016. Вып. II. С. 270–277. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9

ВИДЫ ИНФОРМАЦИИ, ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Е. И. Климова

заведующий кафедрой правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
Российский государственный социальный университет,
филиал в г. Минске (Беларусь)
e-mail: evkliv@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы классификации информации, используемой при расследовании преступлений; предлагается дифференциация информации в зависимости от поставленных перед следователем задач, детерминированных стадиями и этапами уголовного процесса; намечаются перспективы составления иных типологий, значимых для развития информационного обеспечения предварительного расследования.

Ключевые слова: информация, информационная потребность, классификация информации, задачи стадий и этапов предварительного расследования.

Annotation. The article deals with the classification of the information used in the investigation of crimes; it proposes differentiation of the information depending on the goals put to the detective which are determined by some stages and phases of the criminal process; there are outlined further prospects for other classifications relevant to the development of the theoretical foundations of the information support of the preliminary investigation.

Keywords: information, information need, classification of the information, goal stages and phases of the preliminary investigation.

Успешное осуществление того или иного вида деятельности предполагает использование значительного объема информации, под которой традиционно принято понимать любые сведения об окружающем нас мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальными устройствами. Т. А. Ткачук пишет: «Ни одна сфера жизни современного общества не может функционировать без развитой информационной структуры, так как жизнедеятельность человека протекает в информационном пространстве» [1, с. 132].

Анализ процесса расследования преступлений позволяет утверждать о наличии сложностей при определении границ его информационных потребностей в связи с их предопределенностью общественными отношениями в сфере протекания преступных событий. Исследованию используемой в процессе расследования преступлений информации, выяснению ее природы, структуры ее системы, классификации ее видов посвятили свои труды многие ученые-криминалисты.

С. А. Ялышев предлагает выделять: 1) актуально криминалистически значимую информацию, находящуюся в прямой причинно-следственной связи с событием преступления, получаемую за счет исследования материальных и идеальных следов преступлений и слеодообразующих объектов; 2) условно криминалистически значимую информацию, не находящуюся в прямой причинно-следственной связи с событием преступления, но характеризующую лиц, вовлеченных в сферу интересов правоохранительных органов, их связи и взаимоотношения; 3) потенциально криминалистически значимую информацию, не находящуюся в прямой причинно-следственной связи с событием преступления, не входящую в предмет доказывания, но объективно необходимую для правильного разрешения уголовного дела, способствующую решению диагностических, классификационных и идентификационных задач [2, с. 25].

Приведенное деление оправданно с точки зрения оценки отношения используемой в процессе расследования информации к событию преступления, ее роли в процессе доказывания. Но оно не позволяет говорить о возможности и завершенности информатизации всего процесса расследования.

Н. С. Полевой, исследуя науковедческие, методологические и правовые основы использования информатики, приводит многочисленные классификации криминалистической информации, используя в качестве оснований их формирования источники ее получения, физическую природу, характер структуры, форму представления, структурные элементы события преступления, процессуальное значение [3, с. 74].

П. П. Ищенко, учитывая, что далеко не все используемые в процессе расследования информационные ресурсы создаются правоохранительными органами (а от этого зависит возможность включения ресурса в систему информационного обеспечения), пишет о необходимости рассматривать в качестве основания классификации криминалистически значимой информации ее назначение в процессе расследования и источник происхождения [4, с. 64]. Назвав предложенный критерий функционально-генетическим, он сформировал следующую классификацию видов информации.

1. Криминалистическая, или потенциально доказательственная информация, используемая для построения системы судебных доказательств. Это сведения, получаемые в результате проведения следственных действий, поступающие из источников оперативного сопровождения, криминалистических учетов, иных специализированных информационных систем, других уголовных дел и материалов. Эти сведения специально получают, фиксируют, накапливают сотрудники правоохранительных органов в процессе противодействия преступности для нужд раскрытия и расследования преступлений.

2. Социально-криминологическая информация. Она характеризует состояние, структуру, динамику преступности на той или иной обслуживаемой территории или объекте, различные стороны жизни общества, относящиеся к расследуемому преступлению.

3. Фактическая информация социального характера. Собирается и накапливается не в процессе расследования преступлений, а в ходе повседневной деятельности органов государственной власти и управления в связи с исполняемыми ими общественными функциями. Эта информация относится к конкретным физическим и юридическим лицам, событиям, фактам. Не будучи криминалистической по своей природе, она вовлекается в орбиту расследования вследствие попадания в нее соответствующих субъектов. Это данные различных служб органов внутренних дел, налоговых органов, телефонных компаний и операторов сотовой связи, жилищных органов, банков, страховых, нотариальных, медицинских учреждений, различных фондов, транспортных предприятий и т. д.

4. Методико-криминалистическая информация, которая формируется следственными органами в процессе борьбы с преступностью для раскрытия и расследования преступлений, имеет обобщенный характер, содержит сведения о путях получения доказательственной информации. Это обзоры следственной и судебной практики, возможностей проведения судебных экспертиз.

5. Справочная информация, формирующаяся различными подразделениями правоохранительных органов, иными субъектами социальной или хозяйственной деятельности. Это справочные системы правового характера, базы данных, альбомы, коллекции, картотеки.

6. Организационно-управленческая информация, необходимая руководителям следственных подразделений для оценки результатов их работы, принятия и обоснования управленческих решений [4, с. 65].

Приведенная классификация лишь в самом общем виде отражает структуру информационных потребностей расследования преступлений. Как представляется, она нуждается в существенном дополнении и уточнении. Прежде всего, в системе информационного обеспечения процесса расследования на первое место целесообразно поставить методическую информацию. Именно с овладения методикой расследования отдельных видов и групп преступлений начинается процесс обучения искусству расследовать уголовные дела. Особое место в структуре частной методики занимает криминалистическая характеристика преступлений. Но не как информационная модель криминального проявления в виде суммы его структурных элементов, а как система научно обоснованной информации с отражением корреляционных связей между входящими в ее структуру частями.

Существенный информационный вес в структуре частной методики расследования имеет криминалистическая классификация преступлений, сформированная с учетом их уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и криминалистической характеристики, предназначенная для облегчения построения алгоритма практической деятельности, направленной на выявление, расследование и предотвращение преступлений.

Фактически получаемую криминалистически значимую информацию целесообразно рассматривать в соответствии с этапами расследования: на стадии доследственной проверки поступивших сведений, при принятии решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении; на первоначальном и последующих этапах расследования. Такой подход позволит не только классифицировать виды информации, необходимой для принятия того или иного процессуального и тактического решения, но и упорядочить источники ее получения, средства и методы ее обнаружения, фиксации, изъятия и исследования, а также учесть стоящие перед практическими сотрудниками задачи. Подсистемой в данном построении будет выступать блок информации, отражающий ситуационный характер процесса расследования. Такое положение позволит во всех классификациях отразить одно из основных свойств информации — ее актуальность для каждого конкретного действия и решения.

В качестве самостоятельной классификации значимой для расследования преступлений информации целесообразно рассматривать сведения, получаемые в результате реализации оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений и его оперативно-розыскного сопровождения. Специфичность средств и методов осуществления оперативно-розыскной деятельности обуславливают особый характер получаемой в процессе ее осуществления информации.

Тактико-криминалистическое обеспечение процесса расследования предполагает наличие информации о тактических возможностях его организации и планирования, приемах и методах подготовки и проведения следственных действий, особенностях взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных подразделений, государственных органов и общественностью.

Особое место в структуре информационного обеспечения процесса расследования принадлежит специальным знаниям — информации о криминалистической технике, используемой в процессе расследования, о возможностях экспертных подразделений по обнаружению, изъятию и исследованию следов и доказательств, о направлениях и видах практической помощи, оказываемой специалистами при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Информационное обеспечение процесса расследования как система необходимых для его эффективного осуществления сведений предполагает наличие в его структуре правового блока, в котором будут сосредоточены нормативные правовые документы, выступающие основанием для легитимной процессуальной деятельности и правомерного функционирования сферы общественных отношений, вовлеченной в процесс совершения преступления, его выявления, раскрытия и расследования.

Сегодня информация стала мощнейшим познавательным ресурсом любого государства, а доступ к ней — необходимым условием совершенствования деятельности правоохранительных органов. Системный анализ информационно-аналитического обеспечения процесса расследования преступлений позволяет выделить критерии, которым оно должно соответствовать: достоверность информации, полнота, оперативность ее получения, формализация описания криминалистической информации с учетом отражения ее доказательственной стороны, валидность, доступность для всех субъектов расследования.

Успешная реорганизация системы информационного обеспечения расследования преступлений возможна только при условии глубокого изучения современных технических возможностей, в том числе системы Интернет, обобщения передового опыта получения и использования информации правоохранительными органами зарубежных стран [5, с. 154].

Предпринимаемые сегодня учеными и практиками усилия и конкретные меры по совершенствованию информационного обеспечения расследования преступлений и взаимодействия субъектов его осуществления должны максимально отражать цели и задачи противодействия преступности, быть экономически целесообразными, научно обоснованными, актуальными, адекватными современным достижениям науки и техники, позволяющими использовать современные информационные технологии для успешного выполнения поставленных обществом и государством задач борьбы с преступностью.

1. Ткачук Т. А. Научно-техническое обеспечение розыскной деятельности в уголовном процессе России : монография. М. : Центр современных образовательных технологий, 2011. 275 с. [Вернуться к статье](#)

2. Ялышев С. А. Криминалистическая регистрация: проблемы, тенденции, перспективы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999. 41 с. [Вернуться к статье](#)

3. Полевой Н. С. Криминалистическая кибернетика. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ, 1989. 328 с. [Вернуться к статье](#)

4. Ищенко П. П. Информационное обеспечение следственной деятельности : структура и функции // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2009. № 4 (12). С. 64–67. [Вернуться к статье](#)

5. Калужина М. А. Организация информационного обеспечения субъектов расследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2016. № 1 (30). С. 15–155. [Вернуться к статье](#)

УДК 351.741

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОВД

В. М. Ковалев

преподаватель кафедры административной деятельности
факультета милиции,
Могилевский институт МВД (Беларусь)

М. А. Горностаева

курсант 3-го курса факультета милиции,
Могилевский институт МВД (Беларусь)
e-mail: masha.gornostaeva.98@mail.ru

***Аннотация.** В статье анализируются некоторые аспекты современного законодательства регулирующего деятельность органов внутренних дел Республики Беларусь. Обосновывается необходимость его дальнейшего совершенствования.*

***Ключевые слова:** органы внутренних дел, участковые инспекторы милиции, полномочия сотрудников, права, обязанности, меры принуждения, совершенствование законодательства.*

***Annotation.** The article analyzes some aspects of the modern legislation regulating the activity of the internal affairs bodies of the Republic of Belarus. The necessity of its further improvement is substantiated.*

***Keywords:** internal affairs bodies, police inspectors, powers of employees, rights, duties, coercive measures, improvement of legislation.*

Конституция Республики Беларусь гарантирует обеспечение законности, правопорядка и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина. Органы внутренних дел (далее — ОВД) обеспечивают эту важнейшую функцию государства. Так, Законом Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее — Закон об ОВД) определен перечень основных задач, поставленных перед ОВД, где в качестве одной из наиболее важных выступает реализация мер, направленных на предупреждение, обнаружение и пресечение преступлений и административных правонарушений [1]. Своевременное и качественное ее выполнение, в свою очередь, позволяет обеспечивать безопасные условия социальной деятельности граждан и государственных органов, способствует укреплению правопорядка и законности в государстве.

ОВД наделены особыми полномочиями по применению различных мер государственного принуждения, что предполагает наличие такой совокупности правовых норм, которые могли бы точно определить их обязанности, права и ответственность. На основе проведенных нами исследований выявляются и

прослеживаются противоречия в законодательном регулировании деятельности ОВД. Так, ч. 2 ст. 23 Закона об ОВД налагает на сотрудника ОВД обязанность совершать ряд действий в случае обращения к нему граждан с какой-либо информацией о событиях, угрожающих собственной или общественной безопасности, либо в случае выявления таковой непосредственно самим сотрудником, если такие действия он действительно может осуществить [2]. При этом на исполнение сотрудником ОВД данной обязанности не влияет занимаемая им должность, а также время и место его нахождения. Фактическое неисполнение сотрудником возложенных на него служебных обязанностей в определенный момент времени (нахождение в отпуске, освобождение от исполнения служебных обязанностей вследствие болезни) не является основанием игнорирования данной обязанности. Таким образом, вышеуказанная статья закрепляет особый правовой статус сотрудника ОВД, под которым, на наш взгляд, необходимо понимать фактическое исполнение сотрудником служебных обязанностей круглосуточно.

Дальнейшего законодательного закрепления особый правовой статус сотрудника ОВД не получил, вследствие чего некоторые нормативно-правовые акты вступают в противоречия. Например, п. 7 Инструкции Министерства внутренних дел Республики Беларусь «О порядке приема, регистрации, рассмотрения и учета ОВД заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и информации о происшествии» (далее — Инструкция) гласит, что сотрудники ОВД, находящиеся вне зданий ОВД, но при исполнении своих служебных обязанностей, обязаны принять поступившие от граждан заявления либо сообщения о преступлениях или административных правонарушениях [2]. На наш взгляд, в данном случае под исполнением служебных обязанностей следует понимать утвержденный руководителем ОВД ежемесячный график работы сотрудника.

Опрос участковых инспекторов милиции — слушателей факультета повышения квалификации и переподготовки кадров Могилевского института МВД — проживающих на обслуживаемых административных участках, показал, что 73 % из них на сообщения о происшествиях выбывают как при исполнении служебных обязанностей, так и в нерабочее время. Данное обстоятельство, в свою очередь, не соответствует содержанию ч. 1 ст. 3.29 Процессуально-исполнительного Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, в соответствии с которой правом на составление необходимых процессуальных документов для дальнейшего ведения административного процесса и наложения соответствующего административного взыскания обладают, в частности, сотрудники ОВД, но лишь в пределах их компетенции и только при исполнении служебных обязанностей [3].

О сложности и важности проблемы говорит тот факт, что ежегодно участковыми инспекторами милиции проводятся разбирательства более чем по 120 тысячам сообщений о семейно-бытовых конфликтах и около 50 тысяч виновных в них привлекаются к ответственности [4]. Как показывает практика, участковые инспекторы милиции в своей служебной деятельности нередко сталкиваются с ситуациями, когда в ходе разбирательства правонарушители отказываются выполнять их законные требования и распоряжения. В таких случаях для оказания воздействия на лицо и достижения целей профессиональной деятельности Кодексом об административных правонарушениях (далее — КоАП) предусмотрена статья, влекущая административную ответственность за подобные деяния. Так, согласно ст. 23.4 КоАП, объективную сторону правонарушения образуют действия, выражающиеся в «оказании неповиновения законному распоряжению или требованию должностного лица государственного органа (организации) при исполнении им служебных полномочий лицом, не подчиненным ему по службе» [5]. Исходя из толкования данной нормы права для привлечения гражданина к административной ответственности по вышеуказанной статье одним из необходимых условий является нахождение должностного лица при исполнении служебных полномочий в случаях, когда он вправе предъявлять подобные требования и распоряжения. Следовательно, привлечь виновное лицо к ответственности, предусмотренной ст. 23.4 КоАП, в случаях, когда сотрудник находится вне времени исполнения своих должностных обязанностей, не представляется возможным, и правонарушитель остается безнаказанным.

Собранный фактический материал позволяет сделать вывод, что внешне-организационная деятельность ОВД нуждается в упорядочении процессуальных норм и служит основой внесения предложений, направленных на совершенствование законодательства.

Считаем необходимым внести изменения и дополнения в следующие нормативные правовые акты:

1. В пункте 7 Инструкции слова «принимают находящиеся при исполнении служебных обязанностей сотрудники органов внутренних» заменить на слова «принимают все сотрудники органов внутренних дел».

2. Из части 1 статьи 3.29 ПИКоАП исключить слова: «и только при исполнении служебных полномочий».

3. Статью 23.4 КоАП дополнить словами: «[...], а также сотрудника ОВД».

По нашему мнению, данные новации позволят наиболее точно определить правовой статус сотрудника ОВД как при исполнении им своих служебных обязанностей, так и вне службы, что, в свою очередь, повысит эффектив-

ность деятельности ОВД в проведении в жизнь принципов социальной справедливости и верховенства закона.

1. Об органах внутренних дел [электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З : в ред. от 9 января 2019 г. № 169-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации, рассмотрения и учета ОВД заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и информации о происшествии [Электронный ресурс] : постановление МВД Республики Беларусь, 10 марта 2010 г., № 55. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г., № 194-З : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобрен Советом Республики 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Изотова Н. Насилие неприемлемо, ответственность неминуема // На страже. 2018. 21 сент. С. 5. [Вернуться к статье](#)

5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобрен Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 342.738

К ВОПРОСУ ОБРАБОТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ АБОНЕНТОВ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СЕТЕЙ БЕСПРОВОДНОГО ДОСТУПА

А. Н. Ковалевич

магистрант юридического факультета,
ЧУО «БИП — Институт правоведения»

e-mail: zzz805712@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассмотрена проблема хранения персональных данных пользователей беспроводных сетей как сведений, относящихся к информации, распространение и предоставление которой ограничено законодательством Республики Беларусь.

Ключевые слова: защита информации, концепция информационной безопасности.

Annotation. This article of the text, deals with the problems of ensuring and legal protection of the constitutional rights of citizens to the integrity of the person. As well as the preservation, of the personal data of users of a wireless network Wi-Fi, in the Republic of Belarus.

Keywords: information protection, information security concept, personal privacy.

Информационное общество представляет собой новый этап развития цивилизации с преобладанием знаний и информации, воздействием информационных технологий на все сферы человеческой деятельности. Кардинально повышается роль информационных технологий в реализации прав и свобод граждан. Роль информационного пространства определена как важнейшее условие развития суверенного, демократического социального государства [1].

Современный этап развития Республики Беларусь характеризуется высокой степенью развития информационных технологий, а также резким увеличением числа зарегистрированных преступлений, совершенных в сфере высоких технологий. Развитие современной компьютерной преступности в сети Интернет позволяет сделать вывод о том, что информационное пространство подлежит постоянному совершенствованию и контролю.

В Республике Беларусь начиная с 2012 года наблюдается ежегодное увеличение числа зарегистрированных компьютерных преступлений: 2013 год — 2558, 2014 год — 2290, 2015 год — 2440, 2016 год — 2471, 2017 год — 3099.

По статистическим данным МВД Республики Беларусь, состояние преступности в сфере высоких технологий в 2017 году в сравнении с прошлым годом свидетельствует об увеличении на 25,4 % количества выявленных преступлений. При этом рост числа преступлений в сфере высоких технологий отмечается во всех регионах, наиболее значительный в г. Минске (с 818 до 1 080),

Брестской (с 260 до 343), Гродненской (с 206 до 266) и Минской (с 311 до 396) областях [2].

Преступления с использованием сетей беспроводного доступа базируются на конкретной цели — получении конфиденциальной информации. Отличительным признаком данной группы преступлений является то, что объектом уголовно-правовой охраны выступает не любая информация, а лишь та, которая создается, обрабатывается, передается, хранится в компьютерной системе, сети или на машинном носителе.

Общественно опасные деяния в области информационных правоотношений, представляющие угрозу общественной безопасности, связанные с порядком использования компьютерной информации, получили наименование «преступления в сфере высоких технологий». К ним относят преступные деяния, совершенные с помощью вычислительной техники и средств телекоммуникаций или такие, в которых объектом преступных посягательств выступает компьютерная информация.

С целью предупреждения преступлений в сфере высоких технологий в уголовное законодательство Республики Беларусь введена уголовно-правовая защита компьютерной информации, так как преступления в этой сфере направлены, прежде всего, против той части установленного порядка общественных отношений, которая регулирует изготовление, использование, распространение и защиту компьютерной информации.

В целях сбора и систематизации сведений о противоправной деятельности сотрудники оперативных подразделений используют базы данных и информационные системы операторов сотовой связи. Информация об оказанных абонентам услугах электросвязи хранится оператором сотовой связи в соответствующих информационных базах данных не менее пяти лет [3].

Сотрудники ОВД в рамках решения задач оперативно-розыскной деятельности по предупреждению, выявлению, пресечению преступлений, а также выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, вправе собирать и изучать сведения, которые характеризуют деятельность отдельных лиц, подозреваемых в подготовке или совершении преступлений. Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, могут использовать базы данных и информационные системы для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

В Республике Беларусь существуют организационные и технические меры по защите информации. К организационным мерам относится обеспечение особого режима допуска на территории (в помещения), где может быть осуществлен доступ к информации (материальным носителям информации), а также разграничение доступа к информации по кругу лиц и характеру информа-

ции. К техническим мерам относятся меры по использованию средств защиты информации, в том числе криптографических, а также систем контроля доступа и регистрации фактов доступа к информации [4, ст. 29].

Исследование проблем преступлений в сфере высоких технологий является важной проблемой для государства, поскольку выступает одним из направлений развития Концепции национальной безопасности Республики Беларусь как важнейшего фактора обеспечения комплексного развития и использования систем и ресурсов национального сегмента глобальной компьютерной сети Интернет.

С целью предупреждения противоправной деятельности в сети Интернет, поставщики интернет-услуг обеспечивают ограничение доступа к информации содержащей сведения об экстремистской деятельности, незаконном обороте оружия, наркотических средствах, психотропных веществах, незаконной миграции и торговле людьми, распространении порнографических материалов, пропаганде насилия и жестокости.

С использованием аппаратно-программного комплекса поставщики интернет-услуг формируют актуальные сведения о посещаемых пользователями интернет-ресурсах. Сохраняемые сведения включают в себя следующую информацию:

- номер и дата заключения договора на оказание услуг электросвязи;
- фамилия, имя, отчество;
- адрес установки оконечного абонентского устройства;
- идентификационный номер абонентского устройства пользователя [5].

Вышеуказанные сведения находятся в основе принципов, правового регулирования в сфере информатизации и защиты информации в Республике Беларусь и подлежат обязательной защите, поскольку относятся к персональным данным, распространение и предоставление которых ограничено [4, ст. 17].

Получение разрешения на сбор, обработку, хранение информации о частной жизни физического лица и персональных данных, а также пользование ими осуществляются только с письменного согласия данного физического лица. Порядок получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения и предоставления вышеуказанной информации устанавливается законодательными актами Республики Беларусь [4].

Конституционная гарантия запрета незаконного вмешательства в личную жизнь реализуется и в других нормативных правовых актах. Так, например, согласно ст. 13 УПК Республики Беларусь каждый гражданин имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений [6].

При использовании беспроводных компьютерных сетей общего доступа пользователь берет на себя обязательство использовать компьютерную сеть согласно установленным требованиям, не нарушая действующее законодательство Республике Беларусь, подтверждая вышеуказанное согласие путем идентификации своего электронного устройства с помощью номера мобильного телефона, получая уникальный код доступа к сети Интернет.

Правовое регулирование общественных отношений в данной сфере устанавливает ст. 28 Конституции Республики Беларусь, которая гарантирует каждому право на защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну корреспонденции, телефонных сообщений [6]. Вышеуказанная гарантия реализуется посредством установления государством определенного порядка обращения с личной информацией, ограничений, запретов, обеспечением прав и обязанностей должностных лиц государственных органов, субъектов хозяйствования и граждан.

С целью совершенствования действующего законодательства в сфере информатизации и защиты информации целесообразно введение единой государственной системы идентификации пользователей, использующих беспроводные соединения. Информирование абонентов беспроводной сети о состоянии ее защищенности, собираемых персональных данных, а также об ответственности за совершение преступлений в сфере высоких технологий будет сдерживать граждан от совершения противоправной деятельности в сети Интернет.

Эффективная борьба против преступлений в сфере высоких технологий требует наличия четкого, быстрого и эффективного механизма, а также обеспечения международного сотрудничества в вопросах, связанных с компьютерной преступностью.

1. Об утверждении Концепции информационной безопасности [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Республики Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

2. Статистические данные преступлений в сфере высоких технологий за 2017 год [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. 2018. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=3311> (дата обращения: 01.02.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Об утверждении положения о порядке взаимодействия операторов электро-связи с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 3 марта 2010 г., № 129. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

4. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-З. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

5. Об утверждении Инструкции о порядке формирования и хранения сведений о посещаемых пользователями интернет-услуг информационных ресурсах [Электрон-

ный ресурс] : постановление М-ва связи и информатизации Респ. Беларусь, 18 февр. 2015 г., № 6. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

7. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

УДК 342.98:35.075(07)

ОГРАНИЧЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КОРРУПЦИОНОГЕННЫХ ФАКТОРОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНЫХ СЛУЖАЩИХ (нормотворческий опыт Украины)

Т. А. Коломоец

декан юридического факультета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Украины,
член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины,
Запорожский национальный университет
e-mail: t_deputy@ukr.net

Аннотация. Автор обосновывает целесообразность рассмотрения ограничений как средства предотвращения коррупции в публично-служебной деятельности, акцентирует внимание на отличии ограничений от смежных правовых категорий, выделяет видовое их разнообразие. Обосновываются приоритеты национального нормативно-правового регулирования использования ресурса ограничений как средства предотвращения проявлений коррупции в сфере публичной службы.

Ключевые слова: ограничения; публичные служащие; коррупция; правонарушения, связанные с коррупцией; законодательство, ресурс, средство.

Annotation. The author substantiates the expediency of considering restrictions as a means of preventing corruption in public service activities. We focus on the difference of the restriction from the adjacent legal categories, highlights their species diversity. It justifies the priorities of the national regulatory and legal regulation of the use of resource restrictions as a means of preventing corruption in the public service

Keywords: restrictions, public servants, corruption, offense related to corruption, legislation, resource, means.

Среди средств, ориентированных на предотвращение различных проявлений коррупции в профессиональной деятельности публичных служащих, особое место занимают так называемые специальные ограничения. Специальными они называются благодаря специфике субъектов, по отношению к которым применяются, а также специфике сферы их применения. Первыми являются лица, уполномоченные на выполнение функций государства или местного самоуправления, а также лица, приравненные к ним, а второй — сфера публично-служебной деятельности, то есть деятельности, связанной с реализацией властных полномочий для обеспечения реализации и защиты публичных интересов. Базовым антикоррупционным актом, фиксирующим виды, ресурс и процедуру применения ограничений, является Закон Украины «О предотвращении кор-

рупции» (ст. 22–27), детальный анализ положений которого позволяет определить основную позицию законодателя относительно определения места ограничений в системе средств предотвращения коррупциогенных факторов в деятельности публичных служащих, а также приоритетов использования их ресурса.

Во-первых, несмотря на использование словосочетания «ограничения в деятельности лиц, уполномоченных на осуществление функций государства или местного самоуправления», каждая статья (отдельному виду ограничения посвящена отдельная статья) содержит одновременно два термина — «ограничение» и «запрет» (в названии статьи — «ограничение», а в части первой этой же статьи «лицам запрещено...»), что свидетельствует об ошибочном их отождествлении. Запрет — это полное исключение, табу на совершение определенных действий (например, совершение публично-служебной деятельности и предпринимательской деятельности; получение подарков, непосредственно связанных с публично-служебной деятельностью лица, и так далее). В то же время ограничение предполагает определение «граней», «границ», «пределов» разрешенной деятельности, модели поведения и выход за пределы этих ограничений обуславливает противоправный характер соответствующей деятельности лица и возможность привлечения его к ответственности. В новейших отраслевых правовых научных источниках можно встретить и термин «правовые, в том числе и служебные, барьеры», которые также не следует ассоциировать с ограничениями, поскольку они представляют собой (и эта позиция является доминирующей в доктрине) «препятствия» в реализации публично-властных полномочий, которые не позволяют эффективно действовать соответствующим лицам. Терминологический «хаос» обусловлен остаточным принципом в закреплении терминологического аппарата в вышеуказанном Законе (перечень незначительный, формулировки преимущественно обобщенные).

Во-вторых, упрощенный подход к определению видового разнообразия ограничений. Так, законодатель зафиксировал: ограничение относительно получения подарков, ограничение по работе близких лиц, ограничение относительно совместительства и совмещения с основной деятельностью, ограничение использования своего служебного положения, ограничение после прекращения служебной деятельности. На первый взгляд, вполне традиционный перечень ограничений, характерный для антикоррупционного законодательства большинства государств, но внимательный анализ положений свидетельствует о поверхностном подходе к их унормированию. Так, в раздел «ограничений, непосредственно связанных с правонарушениями, связанными с коррупцией», которые законодатель ассоциирует с совершением административных правонарушений, одновременно включается и ограничение относительно использования

своего служебного положения, которое является деянием с признаком преступления и предполагает иной вид юридической ответственности. Кроме того, определяя содержание всех иных видов ограничений, законодатель достаточно упрощенно фиксирует грани разрешенного поведения публичных служащих, без детализации видового разнообразия их, а следовательно, не учитывает специфику такого поведения. Например, определяя ограничение относительно получения подарков. К сожалению, в законодательстве вообще не выделяются, кроме официальных, иные специфические подарки, их внешние формы проявления, которые могут встречаться в деятельности публичного служащего. Не определяются правила обращения с подарками, выявленными в публичном месте, а не только на рабочем месте лица, как и с «опосредованными» подарками (подарками «через третьих лиц»).

В-третьих, достаточно широким является использование в нормативных положениях оценочных понятий, толкование которых предлагает субъективный подход лица к их уяснению и разъяснению, что усложняет и дифференцирует практику правоприменения. Так, например, грани получения подарков непосредственно связаны с общепринятыми представлениями о гостеприимстве, а совместительство и совмещение — с другой оплачиваемой деятельностью.

В-четвертых, чрезмерная практика внутрискатьейных исключений и перечислений. Так, например, определяя круг лиц, относительно которых действуют ограничения (вопрос достаточно важен для правоприменения), в статьях содержится отсылка к базовой статье Закона, которая содержит весь перечень лиц, относительно которого действует нормативно-правовой акт (ст. 3), с указанием исключения именно из этой статьи, и дополнительно еще одного-двух исключений без привязки к вышеуказанной статье Закона (например, ограничения относительно совместительства и совмещения). Такой способ изложения нормативно-правового материала усложняет текст, вуалирует содержание. Использование перечислений является вполне приемлемым способом изложения нормативно-правовых предписаний, но если эти перечни имеют характер открытых, это вновь усложняет текст и создает предпосылки для произвольного толкования и применения.

В-пятых, чрезмерная отсылка к другим нормативно-правовым актам. Безусловно, отсылочные нормы — вполне распространенные разновидности правовых предписаний, но чрезмерное их использование (как и любого другого средства регулирования) негативно влияет на практику использования ресурса ограничений в целом. Например, фиксируя виды деятельности, которые могут рассматриваться в качестве таких, которые публичные служащие могут совмещать с основной деятельностью (научная, преподавательская, творческая, медицинская практика, судейская и инструкторская практика), законодатель

априори предположил необходимость обращения к другим (а если их несколько и у них различное содержание?) нормативно-правовым актам, усложнив на самом деле правоприменение, особенно в условиях кардинального обновления действующего законодательства в различных сферах, когда вполне реальными могут быть пробелы, существующие в течение длительного времени.

Таким образом, в арсенале средств предотвращения коррупциогенных факторов в профессиональной деятельности публичных служащих ограничения занимают свое отдельное место. Их эффективное использование возможно только в случае унифицированного, абсолютно определенного закрепления его правовых основ, исключающего (или хотя бы минимизирующего) предпосылки для разновариативности, произвольного характера правоприменения.

УДК 342.9(476)

**РАЗВИТИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ,
СОВЕРШАЕМЫМ В СФЕРЕ
СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ,
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Ю. А. Колотилкин

начальник кафедры административной деятельности,
Могилевский институт МВД (Беларусь)

***Аннотация.** Автор исследует тенденции развития административного законодательства в области профилактики правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений в советский и постсоветский период на территории Республики Беларусь. На основании проведенного сравнительного анализа кодифицированных нормативных правовых актов вышеуказанных периодов сделаны выводы о том, что несмотря на то, что белорусское законодательство в сфере противодействия семейно-бытовым правонарушениям в настоящее время достаточно сформировалось, остается актуальным вопрос о необходимости дальнейшего его совершенствования вследствие динамичного развития как общества в целом, так и семейно-бытовых отношений в частности.*

***Ключевые слова:** административно-правовая ответственность, семейно-бытовые отношения, правонарушение, семья, насилие, близкий родственник.*

***Annotation.** The author explores trends in the development of administrative legislation in the field of crime prevention in the sphere of family and everyday life in the Soviet and post-Soviet period in the territory of the Republic of Belarus. On the basis of a comparative analysis of the codified normative legal acts of the above periods, the author of the article drew conclusions on that, that in spite of the fact that the Belarusian legislation in the sphere of counteraction to family and domestic offenses has now been sufficiently formed, the question remains of the need to further improve it, owing to the dynamic development of both society as a whole and family life relations in particular.*

***Keywords:** administrative and legal responsibility, family and domestic relations, offense, family, violence, close relative.*

В Республике Беларусь существует система законодательства, направленная на защиту семьи в целом, регулирующая вопросы противодействия насилию в семье.

Белорусское законодательство в сфере противодействия семейно-бытовым правонарушениям, пройдя длительный путь становления, приняло достаточно четкие очертания, определив не только составы преступлений, но и составы административных правонарушений.

Постановлением Верховного Совета Российской Федеративной Социалистической Республики от 20 июня 1984 года введен в действие Кодекс РСФСР об административных правонарушениях. В этот же период, 6 декабря 1984 года, на одиннадцатой сессии Верховного Совета Республики Беларусь десятого созыва принят Кодекс Белорусской ССР об административных правонарушениях (далее — КоАП БССР), который действовал на территории Республики Беларусь до 2007 года. Фактически этот год считается началом нового этапа в развитии национального белорусского законодательства в сфере административно-правового регулирования. Необходимо отметить, что законодательство БССР находилось в тесном взаимодействии с законодательством РСФСР и в целом с СССР. В ст. 9 КоАП БССР приведено понятие административного правонарушения: «Административным правонарушением (проступком) признается посягающее на государственный или общественный порядок, социалистическую собственность, права и свободы граждан, на установленный порядок управления противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие либо бездействие, за которое законодательством предусмотрена административная ответственность». Аналогичное определение административного правонарушения содержится в ст. 10 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях 1984 года.

В ст. 1 КоАП БССР среди задач, стоящих перед законодательством Белорусской ССР об административных правонарушениях, указаны охрана социально-экономических, политических и личных прав и свобод граждан, предупреждение правонарушений, воспитание граждан в духе точного и неуклонного соблюдения Конституции СССР, Конституции Белорусской ССР и советских законов, уважение к правам, чести и достоинству других граждан [1].

В главе 13 КоАП БССР содержатся составы административных правонарушений, посягающих на общественный порядок, среди которых ст. 156 (мелкое хулиганство), ст. 159 (появление в пьяном виде в общественном месте), ст. 160 (доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения), ст. 162 (злостное невыполнение родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по воспитанию и обучению детей). Указанные административные правонарушения прописаны и в действующей в настоящее время редакции КоАП Республики Беларусь. Анализируя вышеуказанные составы административных правонарушений, содержащихся в КоАП БССР 1984 года, можно условно отнести ст. 156, 160 и 162 к административным правонарушениям, которые могут быть совершены в сфере семейно-бытовых отношений. Проводя параллель с действующим в настоящее время в Республике Беларусь КоАП, можно обратить внимание на отсутствие среди составов административных правонарушений в КоАП БССР 1984 года таких административных правонарушений, как

оскорбление, клевета, умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные действия.

Учитывая тот факт, что существовавшее административное законодательство не выделяло отдельные составы административных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, отождествляя члена семьи или близкого родственника с рядовым гражданином, на защите личных прав которого стоит государство, противоправные действия лиц, выразившиеся в совершении семейных скандалов, могли квалифицироваться по ст. 17.1 КоАП БССР 1984 года (мелкое хулиганство). В диспозиции данной статьи указана объективная сторона административного правонарушения, которая представляет собой нецензурную брань в общественном месте, оскорбительное приставание к гражданам и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан. Что касается фактов причинения телесных повреждений, не повлекших за собой кратковременного расстройства здоровья, то в соответствии с действовавшим законодательством указанные действия квалифицировались по ст. 110 УК БССР 1960 года.

Законом Республики Беларусь от 21 апреля 2003 года № 194-З принят Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, который введен в действие с 1 марта 2007 года Законом Республики Беларусь от 31 декабря 2006 года № 208-З. С учетом различных изменений и дополнений КоАП действует в настоящее время на территории Республики Беларусь. В отдельное законодательство, определяющее порядок ведения административного процесса, выделен Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИКоАП).

Длительный и непрерывный процесс совершенствования КоАП объясняется повышенным интересом законодателей к сфере административного законодательства.

Согласно ст. 1.2. задачами КоАП являются защита человека, его прав и свобод, законных интересов, прав юридических лиц, окружающей среды и санитарно-эпидемиологического благополучия населения, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка, а также защита установленного правопорядка от административных правонарушений [2]. Одним из основных существенных отличий вступившего в силу КоАП от аналогичного Кодекса 1984 года является то, что защита человека, его прав, является приоритетным направлением и находится в центре внимания КоАП (в КоАП БССР 1984 года главной задачей являлась охрана общественного строя).

В ст. 2.1 КоАП приводится понятие административного правонарушения: противоправное виновное, а также характеризующееся иными признаками,

предусмотренными КоАП, деяние (действие или бездействие), за которое установлена административная ответственность [2]. В соответствии со ст. 4.1. КоАП административная ответственность выражается в применении административного взыскания к физическому лицу, совершившему административное правонарушение, а также к юридическому лицу, признанному виновным и подлежащему административной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом. Основывается административная ответственность на принципах законности, равенства перед законом, неотвратимости ответственности, виновной ответственности, справедливости и гуманизма [2]. Одним из новшеств КоАП является определенный ст. 4.5. перечень составов административных правонарушений, влекущих ответственность по требованию потерпевшего либо законного представителя.

Особенная часть КоАП содержит в себе характеристику конкретных составов административных правонарушений, за которые предусмотрена административная ответственность. В перечне статей КоАП, содержащихся в девятой главе (административные правонарушения против здоровья, чести и достоинства человека, прав и свобод человека и гражданина), появились статьи 9.1. (умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные действия), 9.3. (оскорбление), которые по своему характеру, объективной и субъективной сторонах относятся к административным правонарушениям, которые могут быть совершены в сфере семейно-бытовых отношений. 28 августа 2013 года вступили в силу изменения и дополнения в КоАП и ПИКоАП, внесенные Законом Республики Беларусь от 12.07.2013 г. № 64-З. Данным Законом ст. 9.1 КоАП дополнена частью 2 (нанесение побоев, не повлекшее причинения телесных повреждений, умышленное причинение боли, физических или психических страданий, совершенные в отношении близкого родственника либо члена семьи, если в этих действиях нет состава преступления). Также 08.01.2018 г. Законом № 95-З были внесены дополнения в указанную статью, которые ввели дополнительно ответственность за нарушение защитного предписания. Кроме того, после вступления в силу указанных изменений привлечение к административной ответственности семейных скандалистов стало возможным независимо от места совершения административного правонарушения [3, с. 6].

Таким образом, пройдя длительный путь становления, белорусское законодательство в сфере противодействия семейно-бытовым правонарушениям приняло достаточно четкие очертания, определив не только составы преступлений и административных правонарушений, которые в силу определенных условий могут квалифицироваться дополнительным признаком «совершенные в сфере семейно-бытовых отношений», но и установило административную ответственность за совершение семейно-бытовых конфликтов, разработало пра-

новой механизм регулирования процессов семейно-бытовых взаимоотношений. В настоящее время правовая база в сфере противодействия негативным проявлениям продолжает динамично развиваться.

1. Кодекс Белорусской ССР об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 дек. 1984 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=12781> (дата обращения: 10.04.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : от 21 апреля 2003 г. № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

3. Порядок ведения административного процесса по ч. 2 ст. 9.1 КоАП и применение на практике иных нововведений в КоАП и ПИКоАП / О. Г. Каразей [и др.] ; под общ. ред. Р. И. Мельника. Минск : полиграфический центр МВД, 2013. 55 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.91/.95

ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Л. Ф. Лазутина

профессор кафедры правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
Могилевский институт МВД (Беларусь)
e-mail: lazutina59@bk.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности института подведомственности на современном этапе. При многообразии управомоченных органов в статье обозначается принцип разделения компетенций по рассмотрению и разрешению перечня дел, которые правомочен разрешать тот или иной орган.

Ключевые слова: суд, подведомственность, юрисдикционный орган, судебная реформа, разграничение компетенций.

Annotation. This article examines the peculiarities of the Institute of jurisdiction at the present stage. With the diversity of empowered bodies, the article identifies the principle of separation of competencies to review and resolve the list of cases that are empowered to authorize a particular body.

Keywords: court, jurisdiction, jurisdictional authority, judicial reform, delimitation of competences.

Согласно ст. 60 Конституции Республики Беларусь каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод [1].

Конституционное право граждан на судебную защиту осуществляется путем предоставления каждому возможности обращения в суд, реализации правосудия на основе Конституции Республики Беларусь и принятых иных нормативных правовых актов, обеспечения равенства всех перед законом и судом.

Задачей общих судов является защита личных прав и свобод граждан, государственных и общественных интересов, социально-экономических и политических прав, обеспечение правильного применения законодательства при осуществлении правосудия [2, с. 38].

Укрепление прав граждан и охрана их интересов — необходимое условие нормативного функционирования политической системы развития государственности.

Институт подведомственности в национальном законодательстве устанавливает границы правомочий по гражданским делам. Никто не вправе разрешать дела, отнесенные к ведению других органов и должностных лиц.

Подведомственность — это правовой механизм (совокупность правовых норм), целью которого является разграничение компетенции (распределение дел) между органами, наделенными полномочиями осуществлять защиту субъективных прав и охраняемых законом интересов граждан и юридических лиц

путем рассмотрения и разрешения дел по спорам о праве, иных вопросов индивидуального характера.

Подведомственность в науке гражданского процессуального права определяется как относимость и необходимость в государственно-властном разрешении споров о праве и иных дел к ведению различных государственных, общественных, смешанных органов и третейских судов, как свойство юридических дел, в силу которого они подлежат разрешению определенными юрисдикционными органами [2, с. 16].

В настоящее время существенно возросло и изменилось значение подведомственности как межотраслевого института права, который объединяет нормы о подведомственности, относящиеся к различным отраслям процессуального права. Наличие множества процессуальных норм, которые сосредоточены в материально-правовых актах, с расширением системы органов гражданской юрисдикции вызывает необходимость их анализа, формулирования и закрепления выводов общего, а иногда и конкретного характера, которые могли быть положены в основу совершенствования действующего законодательства и сегодняшней правоприменительной практики.

Традиционно считается, что определить судебную подведомственность гражданских дел — это значит выяснить, какие из них в соответствии с действующим законодательством подлежат рассмотрению и разрешению в суде в порядке гражданского судопроизводства. Иначе говоря, прежде чем обратиться с исковым заявлением, заявлением или жалобой, юридически заинтересованное лицо должно изначально определить тот государственный орган, суд, который вправе в силу закона разрешать гражданские дела и выносить постановления, обязательные для исполнения.

В то же время следует отметить, что современное состояние общественных отношений в сфере экономики требует от правосудия оптимизации всех правовых институтов и процессуальных инструментов для повышения эффективности и оперативности защиты прав и законных интересов соответствующих субъектов.

В Беларуси 1 января 2014 г. состоялось объединение общих и хозяйственных (экономических) судов в единую систему судов общей юрисдикции и создание единой системы органов принудительного исполнения.

Судебная реформа изменила содержание подведомственности гражданских (экономических) дел как правового института. В частности, был сужен институт подведомственности (в связи с упразднением системы экономических судов как самостоятельной ветви судебной власти) и расширено содержание понятия «подсудность». Последнее произошло в результате включения экономических судов областей (экономического суда г. Минска) в единую систему

судов общей юрисдикции в качестве судов первой инстанции по рассмотрению споров о праве, иных правовых вопросов индивидуального характера.

Возникновение в системе судов общей юрисдикции двух видов судов равной юрисдикции — районных (городских) и экономических судов областей (экономического суда г. Минска) — создало в судебной практике некоторые проблемы. Это связано с сохранением неадаптированных к таким изменениям самостоятельных кодифицированных процессуальных законов (ГПК и ХПК), регулирующих подведомственность гражданских (экономических) дел.

Подведомственность — межотраслевой институт, где нормы о подведомственности содержатся как в общих процессуальных законах (ст. 37 ГПК, ст. 39 ХПК), так и в материально-правовых и иных не процессуальных актах законодательства (ст. 6 КоБС; ст. 4, 233–251, 377–387 ТК; гл. 11 НК; Указ № 366).

В научной литературе суды общей юрисдикции как специально уполномоченные государством органы на осуществление судебной власти (правосудия) посредством рассмотрения и разрешения в установленном законом порядке (форме) гражданских (экономических) дел именуют органами спорной юрисдикции; третейские суды — органами общественной юрисдикции; иные несудебные органы, наделенные полномочиями разрешать юридические дела (нотариусы, ЗАГС, органы исполнительно-распорядительной власти, налоговые, таможенные, прокурор, комиссии по трудовым спорам), — органами бесспорной юрисдикции [3, с. 64].

До настоящего времени задача института подведомственности состояла в разграничении компетенции государственных органов и суда в сфере разрешения юридических дел и суд был одним из юрисдикционных органов (он был в ряду других органов), то в современных реалиях этот институт из инструмента распределения между различными государственными и иными органами дел по спорам о праве трансформируется в средство, обеспечивающее защиту судом нарушенных или оспариваемых прав и интересов, охраняемых законом.

Из вышеизложенного следует, что другие органы, уполномоченные законом на разрешение споров о праве, должны восприниматься как органы их предварительного, досудебного разрешения, решения которых по заявлениям противных с ними юридически заинтересованных лиц в полном объеме являются предметом контроля со стороны суда; решения же судов другим несудебным органам неподконтрольны. Такой вывод вытекает, например, из ч. 3 ст. 10 ГК, где закреплено, что защита гражданских прав в административном порядке осуществляется лишь в случаях, прямо предусмотренных в законе, следовательно, решение, принятое в административном порядке, может быть в последующем обжаловано в суд [5, с. 76].

Каждый из юрисдикционных органов, включая суд, действует в пределах своей компетенции, т. е. вправе рассматривать и разрешать только те дела, которые законом отнесены к его ведению (подведомственны ему). Поэтому суд не вправе принимать к рассмотрению и разрешению требования, в отношении которых актами законодательства установлен иной (внесудебный) порядок их разрешения. Однако следует констатировать, что отказ судьи в принятии заявления или прекращение производства по делу подведомственному несудебному юрисдикционному органу не означает лишение заинтересованного лица права на судебную защиту своих прав.

Во-первых, в силу закрепленного в ст. 7, 60 Конституции права на судебную защиту и конституционного принципа верховенства права лицо, не получившее защиту права во внесудебном порядке (например, нотариус отказал взыскателю в выдаче исполнительной надписи), вправе обратиться в суд с соответствующим требованием (предъявить иск к должнику).

Во-вторых, любое заинтересованное лицо (как участник, так и не участник материального правоотношения), которое считает, что постановленный несудебным органом правовой акт нарушает его права и противоречит закону, вправе в судебном порядке оспорить такой акт путем предъявления иска (заявления) о признании его недействительным (ст. 12 ГК).

Таким образом, подведомственность является одним из условий юридической значимости, определяющей возникновение права на обращение в суд. С этой точки зрения, подведомственность определяет пределы реализации данного права, обозначая границы судебной власти и взаимной связи с законодательной и исполнительной.

Подведомственность дел каким-либо органам устанавливается законами и другими правовыми актами, где закрепляются общие правила и отдельные изъятия из них. С учетом этих правил в каждом случае разрешается вопрос о том, какой орган имеет право разрешить дело, т. е. разграничивается подведомственность дел между судами общей юрисдикции и иными органами судебной, исполнительной власти, третейским судом и другим, имеющим соответствующие юрисдикционные полномочия. Подведомственность в случае незакрепления ее определения в законе безусловно должна определяться судом. Судебное постановление о подведомственности обязательно для исполнения всеми, вместе с тем может быть обжаловано и опротестовано в апелляционную, надзорную инстанцию.

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп. принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. 62 с. [Вернуться к статье](#)

2. Авдеенко Н. И., Кабакова М. А. Становление гражданского процессуального права и его кодификация. Л. : Изд-во ЛГУ, 1957. Т. 1. 664 с. [Вернуться к статье](#)

3. Гражданский процесс : учебник / Л. В. Туманова [и др.] М. : ЮНИТИ–ДАНА, 2012. 598 с. [Вернуться к статье](#)
4. Каменков В. С. Хозяйственный процесс : учеб. пособие. Минск, 2005. 462 с. [Вернуться к статье](#)
5. Каменков В. С., Лунев С. В. Гражданский процесс ; под общ. ред. В. С. Каменкова. Минск : Амалфея, 2000. 465 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.102

ВИДЫ ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ

В. В. Литвинов

доцент кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук,
Днепропетровский государственный
университет внутренних дел (Украина)
e-mail: valcom.77@ukr.net

Аннотация. Рассматривается процессуальный порядок проведения дознания как формы досудебного расследования. Проведен анализ видов дознания согласно УПК Украины 1960 года и действующего УПК Украины. В ходе анализа выделены формы дознания и их особенности. На основании исследования предложены варианты осуществления дознания в Украине.

Ключевые слова: форма расследования, досудебное следствие, дознание, штатный дознаватель, лицо осуществляющее дознание, процессуальный статус.

Annotation. It considers the procedural order of the inquiry as a form of pre-trial investigation. The analysis of the types of inquiry in accordance with the Criminal Procedure Code of Ukraine of 1960 and the current Criminal Procedure Code of Ukraine. The analysis highlighted the forms of inquiry and their features. On the basis of the study proposed options for the implementation of the inquiry in Ukraine.

Keywords: investigator, prosecutor, interviewer, pre-trial investigation, investigation, a misdemeanor offense, criminal proceeding, procedural status.

Уголовный процесс Украины предусматривает осуществление досудебного расследования в двух формах: 1) досудебное следствие; 2) дознание. В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 3 УПК Украины досудебное следствие — это форма досудебного расследования, в которой осуществляется расследование преступлений. Согласно п. 4 той же нормы дознание является формой досудебного расследования, с помощью которой осуществляется расследование уголовных проступков. Дознание имеет существенные отличия от досудебного следствия, что проявляется в особенностях проведения процессуальных действий, применения мер пресечения, принятия процессуальных решений и др.

Невзирая на то, что дознание предусмотрено нормами УПК Украины как отдельная форма досудебного расследования, оно по сей день не осуществляется, поскольку соответствующие изменения не внесены в Закон Украины об уголовной ответственности. Кроме этого, возникают вопросы о понятии самого дознания и процессуального порядка его осуществления, поскольку в действующем УПК Украины оно определено достаточно скупое. Поэтому было бы

уместно проанализировать взгляды ученых относительно понятия дознания с учетом научных разработок относительно норм УПК Украины 1960 года.

Системный анализ норм УПК Украины 1960 года, а также научных исследований дает возможность сделать вывод о том, что уголовное судопроизводство Украины включало два вида дознания: 1) дознание в уголовных производствах, где досудебное следствие не является обязательным (такое дознание проводилось в полном объеме, после чего принималось конечное решение для стадии досудебного расследования); 2) дознание в уголовных производствах, где досудебное следствие является обязательным (это дознание проводилось в 10-дневный срок, что было необходимо для осуществления обязательных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий для раскрытия совершенного преступления. Отмеченные виды дознания четко предусматривались в ч. 3 ст. 103 УПК Украины 1960 года состоянием на 1974 год [1, с. 137].

Исследуя понятие дознания, ученые того времени давали ему разные определения. Так, З. Ф. Коврига отмечала, что дознание — это первоначальный этап расследования преступлений, на котором органы милиции проводят оперативно-розыскные мероприятия и неотложные следственные действия по предупреждению, пресечению преступлений, ликвидации причин, их порождающих, по обнаружению преступлений и установлению виновных лиц, по собиранию доказательств в установленных законом формах, а также деятельность по проведению полного расследования уголовных дел, отнесенных законом к их компетенции [2, с. 7]. По мнению В. О. Иванова, дознание — это деятельность специально уполномоченных административных органов государства, сочетающая оперативно-розыскную и следственную функции и направленная на предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, розыск и разоблачение виновных [3, с. 8].

Исходя из анализа указанных определений следует отметить, что дознание, предусмотренное УПК Украины 1960 года, ученые определяли как форму досудебного расследования, которое осуществляется государственными органами, основной деятельностью которых не является уголовно-процессуальная деятельность.

В 1993 году отмеченные виды дознания были заменены одним видом. В соответствии с Законом Украины № 3351-ХІІ (3351-12) от 30.06.1993 г. «О внесении в некоторые законодательные акты Украины изменений и дополнений по совершенствованию предварительного расследования» были внесены изменения к УПК Украины 1960 года, а именно ч. 3 ст. 103 УПК Украины 1960 года была исключена. Отмеченный закон определял дознание как процессуальную деятельность, которая проводилась лишь на начальном этапе досудебного расследования предусмотренными в законе субъектами. В ч. 1 ст. 103

УПК Украины 1960 года отмечалось, что на органы дознания возлагается принятие необходимых оперативно-розыскных мер с целью выявления признаков преступления и лиц, которые его совершили. Дознание проводилось на протяжении 10-ти дней, после чего уголовное производство передавалось следственному подразделению, которое начинало досудебное следствие. Отмеченным законом не предусматривалось дознание, которое проводилось в полном объеме с принятием конечного решения для стадии досудебного расследования. Проведение дознания по УПК Украины 1960 года после изменений, внесенных в 1993 году, заканчивалось подготовкой постановления о передаче дела следователю, которое утверждалось прокурором.

С учетом изменений законодательства в 1993 году, взгляды ученых на понятие дознания изменились. Так, В. В. Вапнярчук отметил, что дознанием следует считать начальную форму предварительного расследования уголовных дел, которая представляет собой урегулированную уголовно-процессуальным законом деятельность органов дознания и лиц, которые проводят дознание, по проведению следственных действий для выявления лица, которое совершило нетяжкое преступление, и осуществлению неотложных следственных действий при расследовании тяжких преступлений, целью которой является обеспечение всесторонности, полноты, объективности предварительного следствия, а также предупреждения и раскрытия преступлений [4, с. 26].

Впрочем, сочетание процессуальной деятельности во время проведения дознания и деятельности по выполнению органами дознания своей прямой функции вызывало определенные трудности. В связи с этим МВД Украины были изданы ряд приказов^{*}, которыми предусматривался такой субъект осуществления дознания, как штатный дознаватель. К обязанностям штатных дознавателей было отнесено осуществление исключительно процессуальной деятельности, то есть проведения расследования в форме дознания.

Выше отмечалось, что УПК Украины 1960 года начиная с 1993 года не предусматривал осуществления дознания в полном объеме, но фактически штатные дознаватели его проводили. Значительная нагрузка на следственные подразделения побуждала их руководство к привлечению штатных дознавателей к расследованию уголовных производств в полном объеме. Практически все штатные дознаватели по приказу руководителя следственного управления

^{*} Приказ МВД Украины от 21.07.1993 № 433 «О мероприятиях относительно выполнения Закона Украины от 30 июня в 1993 г. “О внесении в некоторые законодательные акты Украины изменений и дополнений по совершенствованию предварительного расследования” и организационно-практические мероприятия по совершенствованию дознавательской работы в органах внутренних дел»; приказ МВД Украины от 29.12.1995 № 880 «О неотложных мероприятиях относительно совершенствования структуры и организации деятельности штатных подразделений дознания органов внутренних дел Украины».

областного уровня назначались исполняющими обязанности следователя и фактически осуществляли досудебное следствие нетяжких преступлений в полном объеме, принимая конечные процессуальные решения для стадии досудебного расследования. Таким образом, практическая деятельность показала эффективность осуществления дознания в полном объеме именно штатными дознавателями. В свою очередь дознание как деятельность на начальном этапе досудебного расследования, которая осуществлялась проводилась должностными лицами, для которых процессуальная деятельность не является основной, показало себя с негативной стороны.

Учитывая приведенные факты, еще до 2012 года, когда был принят новый УПК Украины, ученые отмечали необходимость возобновления возможности осуществления дознания в полном объеме, а именно возможности проведения всех процессуальных действий и принятия конечных процессуальных решений для стадии досудебного расследования по отдельным категориям преступлений [4, с. 8].

В действующем УПК Украины был учтен вышеупомянутый опыт и предусмотрена возможность осуществления дознания в полном объеме. В соответствии со ст. 301 УПК Украины дознание заканчивается составлением следующих процессуальных документов: 1) проект решения о закрытии уголовного производства; 2) проект ходатайства об освобождении лица от уголовной ответственности; 3) обвинительный акт, ходатайство о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера. Действующий УПК Украины определил субъектов, которые вправе осуществлять дознание. А именно в ч. 3 ст. 38 УПК Украины отмечено, что во время расследования уголовных проступков в установленных законом случаях полномочия следственного органа могут осуществляться сотрудниками других подразделений органов Национальной полиции, органов безопасности, органов, которые осуществляют контроль за соблюдением налогового законодательства.

Таким образом, дознание могут осуществлять сотрудники правоохранительных подразделений, основной деятельностью которых не является уголовно-процессуальная деятельность. Впрочем, проектом Закона Украины № 7279-д от 20.04.2018 г. «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно упрощения досудебного расследования отдельных категорий уголовных правонарушений» предложено предусмотреть в ч. 3 ст. 38 УПК Украины двух субъектов, которые осуществляют дознание, а именно: 1) подразделения дознания; 2) уполномоченные лица других подразделений: а) органов Национальной полиции; б) органов безопасности; в) органов, которые осуществляют контроль за соблюдением налогового законодательства; г) органов Государственного бюро расследований [5].

Из анализа проекта отмеченной нормы видно, что законодатель предлагает вновь вернуться к осуществлению дознания субъектами, для которых эта деятельность не является основной. То есть дознание будут осуществлять работники оперативных подразделений, участковые офицеры полиции и другие сотрудники подразделений полиции, которые имеют необходимое юридическое образование.

На наш взгляд, с учетом практического и теоретического опыта, который был приобретен не за одно десятилетие осуществления дознания в уголовном судопроизводстве Украины, в УПК Украины необходимо предусмотреть штатного дознавателя как субъекта, который осуществляет досудебное расследование в форме дознания. Это будет способствовать повышению качества досудебное расследование в форме дознания и ускорит его осуществление. Он будет иметь основным заданием осуществления дознания, а поэтому приобретет надлежащие для этого профессиональные качества и опыт работы. Если же поручить проведение дознания работнику оперативного подразделения или участковому офицеру полиции, это приведет к чрезмерной нагрузке этих работников. Кроме выполнения своих непосредственных обязанностей, им будет необходимо осуществлять еще и дознание, что неминуемо приведет к низкому качеству его проведения.

Принимая во внимание вышесказанное, считаем целесообразным ввести в УПК Украины штатного дознавателя, основной функцией которого будет являться осуществление досудебного расследования в форме дознания. Для иных правоохранительных органов — предусмотреть право в исключительных случаях проводить первоочередные процессуальные действия до прибытия следователя на место происшествия.

1. Вапнярчук В. В. Процесуальне становище особи, яка проводит дізнання : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Харків, 2000. 198 с. [Вернуться к статье](#)

2. Иванов В. А. Дознание в советском уголовном процессе. Л. : ЛГУ, 1966. 37 с. [Вернуться к статье](#)

3. Коврига З. Ф. Дознание в органах милиции ; под ред. В. Е. Чугунова. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1964. 59 с. [Вернуться к статье](#)

4. Научно-практический комментарий Уголовно-процессуальный кодекса Украинской ССР / под ред. первого заместителя Прокурора Украинской ССР М. Г. Самаева. Киев, 1974. 544 с. [Вернуться к статье](#)

5. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно упрощения досудебного расследования отдельных категорий уголовных правонарушений [Электронный ресурс] : Проект Закона Украины от 20.04.2018 г. № 7279-д. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=63928 (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 347.77/.78 (476)

**БОРЬБА С КОНТРАФАКЦИЕЙ:
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ****С. С. Лосев**

ведущий научный сотрудник,
кандидат юридических наук, доцент,
Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь
e-mail: sergei_losev@list.ru

Аннотация. Статья посвящена ключевым вопросам применения норм гражданского законодательства в целях противодействия производству и распространению контрафактной продукции. По мнению автора понятие «контрафактный» должно применяться к любому товару, нахождение которого в обороте связано с нарушением прав интеллектуальной собственности. Автор приходит к выводу о том, что изъятие контрафактной продукции из оборота не должно квалифицироваться как конфискация, а также формулирует предложения, направленные на совершенствование законодательства.

Ключевые слова: гражданское право, право интеллектуальной собственности, объекты авторского права и смежных прав, товарные знаки, контрафакция, контрафактные товары, изъятие из гражданского оборота.

Annotation. The article is devoted to the key issues of the application of civil law in order to counteract the production and distribution of counterfeit products. According to the author, the term «counterfeit» should be applied to any product whose presence in turnover is associated with a violation of intellectual property rights. The author concludes that the withdrawal of counterfeit products from trafficking should not be qualified as confiscation, and also formulates proposals aimed at improving the legislation.

Keywords: civil law, intellectual property law, objects of copyright and related rights, trademarks, counterfeiting, counterfeit goods, withdrawal from civil turnover.

Как отмечается в проведенном Организацией экономического сотрудничества и развития (далее — ОЭСР) исследовании, торговля контрафактными товарами является главным вызовом для глобальной инновационной экономики. По оценке ОЭСР, общемировой объем торговли контрафактными товарами превышает 500 млрд долларов [1].

Поступление контрафактной продукции в оборот приводит к экономическим потерям для обладателей прав интеллектуальной собственности, чем существенно снижает эффективность механизма охраны и использования интеллектуальной собственности и, как следствие, инвестиционную привлекательность вложений в создание новых результатов научно-технической и культурной деятельности. Можно говорить о том, что проблема борьбы с контрафакцией становится ключевой для права интеллектуальной собственности. В связи с

этим в Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 годы говорится о том, что приоритетами в области противодействия нарушениям в сфере интеллектуальной собственности являются противодействие изготовлению и распространению контрафактной продукции [2].

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы дать оценку эффективности существующего механизма противодействия контрафакции, предусмотренного гражданским законодательством, а также сформулировать отдельные предложения, направленные на его совершенствование.

Вначале необходимо определиться с терминологией. Слово «контрафактный» происходит от латинского термина *contrafactio* — «подделка»; в современном английском языке слово *counterfeit* означает «поддельный, фальшивый». В праве интеллектуальной собственности термины «контрафакция» и «контрафактная продукция» широко используются для обозначения товаров, нахождение которых в гражданском обороте нарушает исключительные права на содержащиеся в этих товарах результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации.

Первоначально понятие «контрафакция» ассоциировалось преимущественно с нарушением авторских прав, при этом понятие контрафакции в отношении объектов авторского права со временем претерпело серьезную эволюцию: изначально этим термином обозначалось несанкционированное перепечатывание чужого произведения; в последующем понятие «контрафакция» распространилось и на иные способы несанкционированного копирования произведений. Помимо произведений, объектом контрафакции стали признаваться исполнения, фонограммы, товарные знаки, защищенные патентами промышленные образцы и другие объекты интеллектуальной собственности, в связи с чем в настоящее время понятие «контрафакция» стало универсальным, а понятие «контрафактный товар» применимо к любому товару, нахождение которого в обороте связано с нарушением исключительных прав.

Основное назначение норм законодательства, посвященных противодействию контрафакции, состоит в том, что признание за продукцией, содержащей объекты права интеллектуальной собственности и выпущенной в гражданский оборот с нарушением исключительных прав правообладателя, статуса контрафактной позволяет отграничить ее от аналогичной продукции, находящейся в обороте правомерно, и применить к контрафактной продукции определенные законодательством меры, направленные на ее изъятие из оборота, а также возместить имущественные потери правообладателя. При этом проблема контрафакции носит комплексный и межотраслевой характер: меры борьбы с контрафакцией предусматривает уголовное, административное, гражданское право, а

борьба с контрафакцией, безусловно, не ограничивается рамками отдельного государства и носит международный характер.

Рассмотрим проблематику контрафакции с точки зрения норм гражданского права. Основу для гражданско-правовой защиты от контрафакции закладывает ст. 989 ГК, предусматривающая, что защита исключительных прав может осуществляться также путем изъятия материальных объектов, с помощью которых нарушены исключительные права, и материальных объектов, созданных в результате такого нарушения. Очевидным недостатком данной нормы является отсутствие указания на последующую судьбу изъятых материальных объектов. К недостаткам приведенной нормы также следует отнести и то, что в ней говорится только об изъятии материальных объектов, созданных в результате нарушения исключительного права, — такое определение не охватывает объекты, ставшие контрафактными при их введении в гражданский оборот, в частности при импорте из страны, в которой исключительное право на соответствующие объекты интеллектуальной собственности не охранялось.

Более детально механизм борьбы с контрафакцией предусмотрен в специальных законах, посвященных отдельным объектам интеллектуальной собственности. Первое легальное определение контрафактных экземпляров в отечественном законодательстве было приведено в Законе Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» редакции 1996 г., согласно которому контрафактными признавались экземпляры произведений или фонограмм, изготовление или импорт которых влекли нарушение авторского права и смежных прав. В действующем Законе «Об авторском праве и смежных правах» определение контрафактных экземпляров претерпело определенное изменение: таковыми должны признаваться экземпляры, любое использование которых связано с нарушением авторского права или смежных прав. В последующем понятие «контрафактный товар» было включено в законодательство о товарных знаках и знаках обслуживания: согласно норме п. 2 ст. 29 Закона Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно применены товарный знак или обозначение, сходное с ним до степени смешения, являются контрафактными.

Норма ст. 57 Закона «Об авторском праве и смежных правах» определяет юридическую судьбу контрафактных экземпляров. Законодатель устанавливает, что они подлежат обязательной конфискации по решению суда, рассматривающего дела о защите авторского права или смежных прав. Конфискованные по решению суда контрафактные экземпляры произведения, записанного исполнения, фонограммы, передачи организации эфирного или кабельного вещания подлежат уничтожению за счет нарушителя.

Предусмотренная Законом «Об авторском праве и смежных правах» конфискация, очевидно, соответствует названному в ст. 989 ГК «изъятию материальных объектов, созданных в результате нарушения исключительных прав». Однако гражданско-правовая конфискация имеет определенные особенности. Согласно ст. 244 ГК в случаях, предусмотренных законодательными актами, имущество может быть конфисковано у собственника в виде санкции за совершение правонарушения. В научных работах также встречается представление о том, что изъятие из оборота контрафактных экземпляров объектов авторского права и смежных прав в отношении правонарушителя выступает в качестве меры ответственности, заключающемся в лишении нарушителя права собственности [3, с. 7]. Таким образом, применение конфискации как меры гражданско-правовой ответственности возможно только в отношении собственника контрафактных экземпляров, а лица, реализующие такую продукцию на основании договора комиссии, осуществляющие его хранение и т. п., не являются надлежащими ответчиками в споре о конфискации контрафактных экземпляров.

В то же время следует обратить внимание на позицию Ю. Н. Андреева, по мнению которого изъятие контрафактной продукции из оборота не должно квалифицироваться как конфискация, поскольку конфискацией является принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства, а нормы Гражданского кодекса Российской Федерации не предусматривают передачу изъятых контрафактных материальных носителей в собственность государства, а требуют его уничтожения независимо от возможностей его участия в имущественном обороте [4]. Данная точка зрения представляется абсолютно обоснованной и с точки зрения норм гражданского законодательства Республики Беларусь. В качестве примера можно привести норму п. 2 ст. 29 Закона «О товарных знаках и знаках обслуживания», которая предусматривает возможность изъятия из гражданского оборота и уничтожения контрафактных товаров, этикеток, упаковок товаров. Как представляется, термин «изъятие из гражданского оборота» в большей степени соответствует правовой природе возникающих отношений и должен быть также применен в законодательстве в отношении всех объектов права интеллектуальной собственности, для которых актуальна защита от контрафакции.

Формулировка нормы ст. 57 Закона «Об авторском праве и смежных правах» о том, что контрафактные экземпляры «...подлежат обязательной конфискации по решению суда», заставляет задуматься над вопросом, может ли суд принимать решение о конфискации, если подобное требование правообладателем не заявлено? Согласно ст. 298 ГПК суд по общему правилу не вправе по своей инициативе без согласия истца изменить предмет иска; ХПК вообще не

содержит норм, позволяющих суду самостоятельно изменять предмет иска. Анализ сложившейся судебной практики позволяет говорить о том, что суды не принимают решения о конфискации контрафактных экземпляров, если истец не заявляет подобного требования.

Как представляется, норма ст. 57 Закона «Об авторском праве и смежных правах» требует доработки, а именно: термин «конфискация» должен быть заменен на «изъятие из оборота», норма об обязательной конфискации — указанием на право правообладателя требовать такого изъятия, а в отношении юридической судьбы изъятой контрафактной продукции вместо императивного требования уничтожения должна применяться норма «подлежат уничтожению, если иное не предусмотрено законодательными актами».

Требуется совершенствование и норм ст. 989 ГК, относящихся к изъятию контрафактной продукции, а именно:

1) необходимо определение юридической судьбы изъятых из оборота материальных носителей, признанных контрафактными, — по общему правилу они должны подлежать уничтожению без компенсации собственнику их стоимости, если законодательными актами не будут предусмотрены иные последствия;

2) необходимо определение в качестве основания для признания материальных носителей контрафактными не только их создание в результате нарушения исключительного права, но и их введение в гражданский оборот, приводящее к нарушению исключительного права;

3) должна быть оговорена возможность предъявления требования об изъятии контрафактных товаров не только к собственнику, но и иным лицам, владеющим контрафактной продукцией, включая импортеров, хранителей, перевозчиков, продавцов и иных распространителей.

Соответствующие изменения должны быть внесены в законы, посвященные отдельным объектам права интеллектуальной собственности, в которых должны быть закреплены единообразные нормы об изъятии и уничтожении контрафактной продукции.

1. Trade in Counterfeit and Pirated Goods. Mapping the Economic Impact [Electronic resource] // The Organisation for Economic Co-operation and Development : OECD iLibrary. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/governance/trade-in-counterfeit-and-pirated-goods_9789264252653-en#page1 (date of access: 06.03.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Об утверждении стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 марта 2012 г., № 205 // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

3. Федоскина Н. И. Гражданско-правовые способы защиты авторских и смежных прав в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2008. 27 с. [Вернуться к статье](#)

4. Андреев Ю. Н. Судебная защита исключительных прав: цивилистические аспекты [Электронный ресурс] : монография. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 347.451.03(477)

ВРЕМЕННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В ДОГОВОРАХ ПО ПЕРЕДАЧЕ ИМУЩЕСТВА В СОБСТВЕННОСТЬ (по законодательству Украины)

В. П. Маковий

заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
Одесский государственный университет
внутренних дел МВД Украины
e-mail: makoviy09@i.ua

Аннотация. В статье приведена характеристика комплексного исследования действующего украинского законодательства, судебной практики и научных толкований по вопросу правовой природы временных ограничений субъективного гражданского права и субъективной гражданской обязанности в договорах по передаче имущества в собственность.

Ключевые слова: срок, дата, время, темпоральные величины, договор, право собственности, купля-продажа, субъективное гражданское право, ограничение.

Annotation. Article contains complex research of the active Ukrainian law, judicial practice and scientific interpretations through question of legal nature of temporal limitations of equitable civil right and subjective civic duty in agreements on the transfer of property in own.

Keywords: term, date, time, temporal sizes, agreement, right of ownership, purchase-sale, equitable civil right, limitation.

Действующее законодательство стран современности содержит достаточно дифференцированную систему договоров по передаче имущества в собственность (ст. 406–909 Гражданского кодекса (далее — ГК) Республики Казахстан, книга 7 ГК Нидерландов, часть 2 книги 3 ГК Франции), подобная модель соблюдена и ГК Украины.

Правовая регламентация временных ограничений осуществления субъективных прав в таких отношениях нашла отображение как в общих, так и в специальных предписаниях гражданского законодательства.

Среди форм многогранного проявления правового времени в договорных отношениях по передаче имущества в собственность В. В. Луць небезосновательно выделил срок договора [1, с. 126]. Приведенное согласовывается с содержанием ст. 631 ГК Украины, которая среди разновидностей временных величин предоставляет отдельную характеристику именно сроку договора вместе с моментом его заключения. Действительно, с момент заключения договора связано течение срока договора также и возникновение прав и обязанностей его сторон. При этом ученым предлагаются тождественные названия такого срока,

как «строк дії» или «строк чинності» договора, что вполне отвечает лексическому содержанию этих понятий [2, с. 1601].

Из анализа содержания гражданско-правовых норм, которые регулируют договорные отношения по передаче имущества в собственность, прослеживается, что данная разновидность срока может быть существенным условием договора. При этом с учетом содержания абзаца 2 ч. 1 ст. 638 ГК Украины срок договора в качестве существенного условия может восприниматься в соответствии с предписанием законодательства, обычаями делового оборота или же при наличии непосредственной договоренности об этом между сторонами.

В частности, к такой безапелляционной мысли необходимо прийти относительно содержания договора купли-продажи (в кредит с отсрочкой или с рассрочкой платежа), розничной купли-продажи (о принятии покупателем товара в установленный срок, с условием о доставке товара покупателю), поставки, дарения с обязанностью передачи имущества в будущем, срочной ренты, поскольку это непосредственно закреплено в ГК Украины.

Включение срока договора в число существенных условий договора контрактации сельскохозяйственной продукции основывается также на предписаниях законодательства, но уже ч. 2 ст. 272 Хозяйственного кодекса (далее — ХК) Украины.

Отнесение срока договора к числу существенных условий в отношениях по поставке энергетических и других ресурсов через присоединенную сеть не является безальтернативным в гражданско-правовой литературе [3, с. 235].

Для договоров мены срок действия соответствующих правоотношений может быть существенным при условии осуществления бартерных операций во внешнеэкономической сфере, на что непосредственно указывает ч. 1 ст. 2 Закона Украины «О регуляции товарообменных (бартерных) операций в отрасли внешнеэкономической деятельности».

Весьма специфичными являются временные границы осуществления гражданских прав и выполнения соответствующих обязанностей в пределах договорных отношений из пожизненного содержания. В частности, приемлемой в цивилистике является точка зрения, согласно которой срок такого договора является неопределенным [3, с. 269]. Более того, по мнению некоторых исследователей, неопределенный срок также является временной границей соответствующих правоотношений [4, с. 467].

Поскольку определяющей целью рассмотренных договоров является передача имущества в собственность, главенствующее место среди ограничительных временных величин занимает момент возникновения права собственности как соответствующая разновидность сроков. Так, вместе с общей ст. 334 ГК Украины для возникновения права собственности специальными являются:

ст. 664, 702, 703, 704, 705 (купля-продажа), 722 (дарение), 729 (пожертвование), 748 (пожизненное содержание).

Вопрос момента выполнения долга продавца по передаче товара достаточно тесно связан с моментом перехода права собственности от продавца к покупателю и, соответственно, с риском случайного уничтожения или случайного повреждения имущества, которое является предметом договора купли-продажи. Статья 334 ГК Украины четко связывает оба приведенных момента, поэтому, говоря о моменте выполнения долга продавца по общему правилу, необходимо иметь в виду момент возникновения права собственности у покупателя. Из-за этого ст. 664 ГК Украины может быть растолкована как специальная по отношению к ст. 334 в части возникновения права собственности по договору купли-продажи с учетом диспозитивности гражданско-правовых предписаний [1, с. 129–131].

В предписаниях данных правовых норм четко прослеживается диспозитивное и императивное начало правового регулирования.

В частности, получение товара покупателем по его месту нахождения как момент выполнения соответствующего долга продавцом, кроме договора, может быть урегулированным и предписанием законодательства, на примере передачи недвижимого имущества в пределах п. 1 ч. 1 ст. 532 ГК Украины. Кстати, в подавляющем большинстве юридическим фактом, который подтверждает передачу объекта недвижимости в распоряжение уполномоченного лица, принято признавать согласование и подписание сторонами соответствующего акта приема-передачи.

С целью выполнения долга продавца по передаче товара по тем или другим основаниям достаточно часто привлекаются третьи лица (перевозчик, организация связи и тому подобное), которые в силу своей специализации могут осуществить определенные действия. Поэтому возникает вопрос: с какого же момента обязанность по передаче имущества покупателю можно считать выполненной? Решение этого вопроса находится в плоскости отграничения договора купли-продажи и договора вспомогательного характера (перевозка, предоставление услуги организацией связи).

Так, если по договору купли-продажи предусмотрена доставка товара, то есть вспомогательный договор заключается между продавцом и третьим лицом или же достигается договоренность непосредственно в основном договоре, то и моментом выполнения соответствующего долга будет момент вручения товара покупателю перевозчиком, организацией связи и тому подобное. С учетом положений ст. 664 ГК Украины идентификация или индивидуализация товара в таком случае будет происходить в момент его передачи указанному третьему лицу.

Например, факт передачи ржи сельскохозяйственным производственным кооперативом «Мечта» на хранение ОАО «Киверцевский ХПП» по договору купли-продажи между кооперативом и ООО «Аргос» был признан Хозяйственным судом Волынской области от 27 сентября в 2006 году обстоятельством, которое обосновывает выполнение продавцом обязанности относительно передачи товара, невзирая на отсутствие договора хранения между покупателем и ОАО и соответствующей доверенности у продавца. Однако апелляционная и кассационная инстанция признала данное решение таким, которое не отвечает предписаниям законодательства, и признала невыполнение долга продавцом относительно передачи товара покупателю путем его доставки на основании п. 1 ч. 1 ст. 664 ГК Украины [5].

Кроме указанных обстоятельств, которые характеризуют момент выполнения долга продавца передать товар, действующим законодательством и непосредственно договором могут устанавливаться дополнительные правоустанавливающие юридические факты относительно отдельного имущества. Так, п. 25 Правил розничной торговли непродовольственными товарами установлено, что днем передачи товара считается день доставки товара потребителю, а если товар нуждается в специальной установке (подключении) или составлении — день их осуществления при наличии подписи потребителя в сопроводительной документации.

Относительно ценных бумаг передача соответствующего права как предмета договора купли-продажи отождествляется с совершением надлежащих действий со стороны держателя ценной бумаги (продавца) с учетом разновидности легитимации нового держателя ценной бумаги (покупателя). В частности, цессией осуществляется передача обязательственного требования от продавца к покупателю, ст. 334 ГК Украины отождествляется переход права собственности имущества, что находится у перевозчика, с передачей соответствующего коносамента. Если речь идет об ордерной ценной бумаге, то ее передача связана также и с совершением на ней продавцом соответствующей передаточной надписи (индоссамента).

Примером дополнительных юридических фактов, которые подтверждают выполнение указанного долга продавца, может служить судебная практика.

Согласно материалам дела № 33/118-06 по иску СПД — физического лица к ОАО «Баглийский завод котельно-вспомогательного оборудования и трубопроводов», рассмотренным Хозяйственным судом Днепропетровской области 13 июня 2006 года, дополнительным правоустанавливающим документом, который определяет момент выполнения долга продавца передать товар, является подписание сторонами акта-передачи деревообрабатывающих верстатов, ставшими предметом купли-продажи. И хотя апелляционная инстанция не учла

должным образом положений ст. 664 ГК Украины в этой части, Высший хозяйственный суд Украины поставил точку в данном вопросе, оставив решение первой инстанции без изменений [6].

Из постановления Одесского апелляционного хозяйственного суда от 07.08.2007 г. в деле № 3/562/06 таким фактом является момент передачи свидетельства о регистрации в инспекции Гостехнадзора Украины комбайна [7].

В деле по иску Коломойского И. В. к Роднянскому А. Ю. о признании права собственности на долю в уставном фонде ООО «Телерадиокомпания “Студия 1+1”» согласно договору между сторонами о купле-продаже соответствующей доли юридическими обстоятельствами, которые подтверждали факт выполнения долга продавца по передаче товара, было определено его действие по подписанию со своей стороны акта приема-передачи доли и представлению заявления в ООО «Телерадиокомпания “Студия 1+1”» о выходе из состава участников общества после уплаты покупателем аванса [8].

Кроме приведенных, весомую роль среди темпоральных величин в указанных договорных отношениях играют сроки защиты гражданских прав: гарантийный срок (ст. 676 ГК Украины), срок пригодности (ст. 677 ГК Украины), срок оперативной защиты (ст. 678, 680, 681, 684, 708, 709 ГК Украины), срок исковой давности (ст. 681, 728 ГК Украины), изучение которых может стать предметом отдельного исследования.

По результатам проведенного исследования можно сделать такие выводы: 1) правовое время является одним из средств ограничения субъективных гражданских прав и обязанностей в пределах содержания договоров по передаче имущества в собственность; 2) правовые предписания, регулирующие применение темпоральных величин в таких правоотношениях, характеризуются комплексностью, включая нормы не только непосредственно гражданского права, но и других отраслей; 3) украинское гражданское право разграничивает два основных вида правового времени — срок и дата, которые представлены среди рассмотренной группы договоров; 4) наиболее значимыми для подобных отношений являются срок договора, время выполнения обязанности по передаче имущества и возникновению права собственности; 5) соответствующее место занимают также сроки защиты гражданских прав: гарантийный срок, срок пригодности, срок оперативной защиты, срок исковой давности.

Изложенное никоим образом не исчерпывает поднятой в статье проблемы, более того, данным исследованием автор призывает к дальнейшему изучению этого вопроса в контексте природы и соотношений различных видов правового времени в пределах договорных отношений как средства к ограничению субъективных гражданских прав и обязанностей, определения их места в системе гражданско-правовых сроков и т. п.

1. Луць В. В. Строки і терміни у цивільному праві : монографія. К. : Юрінком Інтер, 2013. 320 с. [Вернуться к статье](#)
2. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) [уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел]. К. : Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. 1728 с. [Вернуться к статье](#)
3. Цивільне право України: підручник : у 2 т. / під ред. В. І. Борисової, І. В. Спасибо-Фатєєвої, В.Л. Яроцького. К. : Юрінком Інтер, 2011. Т. 2. 816 с. [Вернуться к статье](#)
4. Ромовська З. Українське цивільне право. Загальна частина. Академічний курс : підручник. К. : Атіка, 2005. 560 с. [Вернуться к статье](#)
5. Постановление Высшего хозяйственного суда Украины от 13.06.2007 г. года в деле № 01/83-38 [Электронный ресурс]. URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/800916> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)
6. Постановление Высшего хозяйственного суда Украины от 16.01.2007 г. в деле № 33/118-06 [Электронный ресурс]. URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/367281> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)
7. Постановление Одесского апелляционного хозяйственного суда от 07.08.2007 года в деле № 3/562/06 [Электронный ресурс]. URL: <http://http://reyestr.court.gov.ua/Review/876685> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)
8. Решение Печерского районного суда г. Киева от 16.08.2006 г. № 2-202-1/06 // Архив Печерского районного суда г. Киева. [Вернуться к статье](#)

УДК 349.222.2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПЫТАНИЯ ПРИ ПРИЕМЕ НА РАБОТУ

Р. Ю. Мамедов

доцент кафедры «Гражданское право»,
доктор философии по праву, доцент
Академия полиции Министерства Внутренних дел
Азербайджанской Республики

Аннотация. В представленной статье на основе анализа законодательства Республики Азербайджан и ряда зарубежных государств исследованы отдельные вопросы установления испытательного срока при приеме на работу, предложено авторское определение указанной правовой категории.

Ключевые слова: трудовой договор, испытательный срок, работник, работодатель, профсоюз.

Annotation. On the basis of the analysis of the legislation of the Republic of Azerbaijan and a number of foreign countries, some issues of establishing a probationary period for employment are studied in the article, the author's definition of this legal category is proposed.

Keywords: employment contract, probation period, employee, employer, trade Union.

На сегодняшний день заключение трудового договора между работодателем и работником с установлением испытания при приеме на работу, особенно с определением испытательного срока, имеет существенное значение в регулировании трудовых отношений. Согласно ст. 51 Трудового Кодекса Азербайджанской Республики (далее — ТК АР), «...испытательный срок устанавливается с условием не более трех месяцев» [1]. Такую позицию разделяет и законодатель Чехии, который устанавливает продолжительность испытательного срока 3 месяца (раздел 31 Трудового кодекса) [2] и законодатель Республики Беларусь [3, ст. 28].

Если рассмотреть трудовое законодательство зарубежных стран, то можно прийти к выводу, что одни страны постсоветского пространства устанавливают испытательный срок до трех месяцев (например, Азербайджан и Беларусь), другие в основном до трех месяцев, а в отдельных случаях испытательный срок не может превышать шести месяцев. Согласно ст. 70 ТК РФ «...испытательный срок не может превышать трех месяцев, а для руководителей организаций и их заместителей, главных бухгалтеров и их заместителей, руководителей филиалов, представительств или иных обособленных структурных подразделений организаций — шести месяцев, если иное не установлено федеральным законом. При заключении трудового договора на срок от двух до

шести месяцев испытательный срок не может превышать двух недель» [4]. Данной позиции придерживается и законодатель Казахстана [5, ст. 36], Туркменистана [6, ст. 28], Киргизии [7, ст. 392, ст. 62]. Исходя из сказанного, можно прийти к выводу, что российский законодатель, в отличие от других стран, устанавливает как максимальный, так и минимальный сроки испытания.

Данная позиция в какой-то мере близка и законодателю Украины, однако с некоторыми отличительными особенностями. Так, КЗоТ Украины устанавливает, что «... срок испытания при приеме на работу, если иное не установлено законодательством Украины, не может превышать трех месяцев, а в отдельных случаях, по согласованию с соответствующим выборным органом первичной профсоюзной организации, — шести месяцев. Срок испытания при приеме на работу рабочих не может превышать одного месяца». Отличительной особенностью КЗоТ Украины от трудовых законодательств Республики Туркменистана, Киргизии, Казахстана и РФ является то, что установление срока испытания до шести месяцев возможно лишь по согласованию с соответствующим выборным органом первичной профсоюзной организации.

Законодатель Грузии устанавливает максимальный срок до 6 месяцев. Так, согласно ст. 9 ТК Грузии в целях установления соответствия лица выполняемой работе по согласованию сторон с кандидатом в разовом порядке может заключаться трудовой договор с испытательным сроком не более 6 месяцев [8, ст. 9]. Такую позицию поддерживает и законодатели Болгарии [9, ст. 70] и Филиппин [10].

Как отмечают немецкие ученые, в Германии большинство трудовых договоров предусматривают испытательный срок, который не может превышать 6 месяцев. В течение испытательного периода обе стороны могут расторгнуть трудовые отношения, с уведомлением за 2 недели, если договор не предусматривает уведомления в течение этого периода [11, с. 136].

Совершенно иную позицию занимает законодатель Китайской Народной Республики, который устанавливает срок испытания в зависимости от срока заключения трудового договора. Согласно ст. 19 Трудового Кодекса КНР, если срок трудового договора составляет более трех месяцев, но менее чем один год, испытательный срок не может превышать одного месяца; если срок более одного года, но менее трех лет, испытательный срок не может превышать двух месяцев; и если срок — три года или более или трудовой договор заключен на неопределенный срок, испытательный срок не может превышать шести месяцев [12].

Интересной является позиция законодателя Аргентины, который устанавливает, что первые три месяца трудового договора считаются периодом испытательного срока, в течение которого договор может быть расторгнут в любое

время по инициативе любой из сторон при условии, что договор был зарегистрирован надлежащим образом компетентным органом. Однако испытательный срок может быть продлен до шести месяцев коллективными договорами. На малых предприятиях, численность которых составляет до 40 рабочих, испытательный срок составляет шесть месяцев и может быть продлен на основании коллективного договора до двенадцати месяцев в отношении квалифицированных рабочих.

В Нидерландах испытательного срока в два месяца достаточно для работодателя, чтобы судить, подходит ли работник [13, с. 25]. Данную позицию, можно сказать, разделяет и законодатель Турции. В Турции срок испытания не может превышать 2 (двух) месяцев, а при заключении коллективных трудовых договоров — 4 месяцев [14, ст. 15].

Сроки испытания более подробно и детально установлены в Трудовом кодексе Молдовы, в котором установлен не только максимальный срок испытания, но и одновременно определены сроки испытания в зависимости от квалификации работника. Испытательный срок может быть установлен на срок от трех или шести месяцев для сотрудников с официальными должностями (список которых утверждается работодателями по согласованию с профсоюзами или представителями работников). Для неквалифицированных рабочих должно быть исключение и срок испытания не должен превышать 15 календарных дней. Согласно ст. 61 Трудового кодекса Республики Молдовы, работники, работающие на основе индивидуального трудового договора, могут подвергаться испытательному сроку, не превышающему: 15 календарных дней — для индивидуального трудового договора, заключенного на срок от трех до шести месяцев; 30 календарных дней — для индивидуального трудового договора, заключенного на срок более шести месяцев [15, с. 85]. Согласно ст. 147 Трудового кодекса Испании «первые две недели работы оцениваются как испытательный, период и в течение этого срока договор, может быть, расторгнут по желанию любой из сторон...» [16, с. 9].

Исходя из анализа юридической литературы и объединив позиции авторов, можно сделать вывод, что срок испытания не должен превышать трех месяцев [17, с. 78; 18, с. 193; 19, с. 277; 20, с. 148]. Как справедливо отмечает И. И. Андриановская, «...практика, к сожалению, складывается прямо противоположная замыслу законодателя: испытание устанавливается в некоторых организациях не дифференцированно, а по “крайнему”, установленному законодателем, сроку — три месяца во всех случаях» [21, с. 163].

Вместе с тем понятия «испытание при приеме на работу» и «испытательный срок» имеют различную смысловую нагрузку. Испытательный срок представляет собой определенный период рабочего времени, в течение которого ра-

ботодатель и работник имеют возможность окончательно присмотреться друг к другу и определиться, стоит ли продолжать оставаться связанными принятыми на себя трудовыми обязательствами [22, с. 191]. Таким образом, испытательный срок можно рассматривать как период времени, в течение которого осуществляется испытание. По нашему мнению, для работника это означает, что он должен «продержаться» на предложенной ему должности в течение данного испытательного срока, не нарушать дисциплину труда, выполнять возложенные на него обязанности и не реализовать свое право на отказ от предложенной работы. Для работодателя это может означать наличие специального отрезка времени, в течение которого он наиболее пристально следит за деятельностью вновь прибывшего на должность работника и имеет право отказать ему в заключении трудового договора за любое нарушение трудовой дисциплины, за которое в обычном трудовом процессе возможно применение других мер дисциплинарного взыскания (с формулировкой «уволен по причине не пройденного испытательного срока при приеме на работу» [23, с. 79]). В целом при установлении испытательного срока решающее значение имеет именно истечение этого срока, а не достижение работником какого-либо результата или проявление им каких-либо профессиональных или моральных качеств. Таким образом, испытательный срок следует рассматривать в качестве количественного показателя. Косвенное подтверждение предложенная позиция находит в предложении А. Г. Трофимовой ввести вместо испытательного срока предварительное трудовое соглашение, которое, по мнению автора, позволит защитить права как работника, так и работодателя [24, с. 150].

Содержательный или качественный критерий несет в себе понятие «испытание при приеме на работу». Данное явление является более широким по своему содержанию, чем испытательный срок, и включает в себя не только сам испытательный срок, но также и цели проведения испытания, и результаты испытания. По этой причине при установлении испытания работник и работодатель должны согласовать не только его продолжительность (испытательный срок), но и виды деятельности работника, условия, на которых он выполняет эту деятельность, а также критерии, по которым в дальнейшем будут оценивать результаты деятельности работника и их соответствие ожиданиям работодателя. Следовательно, отказ в приеме на работу с формулировкой «уволен по причине не пройденного испытания при приеме на работу» должен также содержать указание на конкретные причины отказа, которые должны соотноситься с достигнутыми между работодателем и работником договоренностями при установлении испытания. В противном случае отказ в приеме на работу по рассматриваемому основанию может быть признан необоснованным [25, с. 74].

Итогом проведенного исследования вопроса о понятии и значении испытания при приеме на работу могут стать следующие предложения:

Статью 51 Трудового кодекса Азербайджанской Республики следует переименовать, назвав ее «Испытание при приеме на работу».

Часть первую статьи 51 Трудового кодекса Азербайджанской Республики изложить в следующей редакции: «Трудовой договор может заключаться с установлением по соглашению работника и работодателя испытания сроком не более трех месяцев».

Статью 9 Трудового кодекса Азербайджанской Республики дополнить пунктом следующего содержания: «х) устанавливать испытание при приеме на работу».

Пункт «и» статьи 11 Трудового кодекса Азербайджанской Республики изложить в следующей редакции: «и) устанавливать испытание при приеме на работу».

Кроме того, представляется возможным предложить следующее определение понятия: «испытание при приеме на работу» — это дополнительное условие, устанавливаемое по соглашению работника и работодателя на стадии заключения трудового договора с целью определения пригодности работника выполняемой работе и пригодности предлагаемой работы для работника, по результатам которого стороны выражают волю в продолжении или прекращении трудовых отношений.

Рассмотрев вопросы сроков испытания при приеме на работу, можно сделать вывод, что как законодатель Азербайджанской Республики, так и законодатели зарубежных стран определяют максимальный срок испытания при приеме на работу. По нашему мнению, было бы целесообразным, если законодателем, во-первых, был определен конкретный срок испытания, во-вторых, установлен срок испытания в зависимости от квалификации работника, в-третьих, установлен срок испытания для работника, который в данный период может определить, соответствует ли данная работа его интересам.

1. Трудовой кодекс Азербайджанской Республики : утвержден Законом Азербайджанской Респ. 1 февр. 1999 г. № 618-IQ // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 1999. № 4. [Вернуться к статье](#)

2. National Labour Law Profile: The Czech Republic [Electronic resource] // International Labour Organization. URL: http://www.ilo.org/ifpdial/information-resources/national-labour-law-profiles/WCMS_158893/lang-en/index.htm (date of access: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Трудовой Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Трудовой кодекс Российской Федерации : 30 дек. 2001 г., № 197-ФЗ : с изм. и доп. по сост. на 11.10.2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». [Вернуться к статье](#)
5. Трудовой кодекс Республики Казахстан : 23 нояб. 2015 г. № 414-V : с изм. и доп. по сост. на 21.07.2018 г. // Казахстанская правда. 25 нояб. 2015 г. № 226 (28102). [Вернуться к статье](#)
6. О внесении изменений в Трудовой кодекс Туркменистана : Закон Туркменистана, 9 июня 2018 г. // Нейтральный Туркменистан. № 153. 19 июня 2018 г. [Вернуться к статье](#)
7. Трудовой кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : 4 авг. 2004 г., № 106 : с изм. и доп. по сост. на 26.06.2018 г. // Online.zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30296269 (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)
8. Трудовой Кодекс Грузии [Электронный ресурс] : 25 мая 2006 г. № 3132-Is : в ред. Законов Грузии от 27.12.2006 г. № 4198-вс, 29.12.2006 г. № 4299-вс. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---ilo_aids/documents/legaldocument/wcms_127827.pdf (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)
9. Трудовой Кодекс Республики Болгарии [Электронный ресурс]. URL: <http://lex.bg/laws/ldoc/1594373121> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)
10. Labor Code of the Philippines. As amended by Presidential Decree No. 570-A, November 1, 1974. URL: <https://www.ilo.org/dyn/travail/docs/1131/Labor> (date of access: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)
11. Key Aspects of German Employment and Labour Law / by eds. J. Kirchner, P. R. Kremp, M. Magotsch. Springer. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2010. [Вернуться к статье](#)
12. Labor contract law of the people's Republic of China : adopted at the 28th. URL: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/76384/108021/F755819546/CHN76384%20Eng.pdf> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)
13. National Employment Report Netherlands Antilles September, 2006. Curaçao, September. 2006. [Вернуться к статье](#)
14. Iskanunu.com. URL: <http://iskanunu.com/4857-sayili-is-kanunu/245-4857-sayili-is-kanunu-maddeli-metin.art.15> (date of access: 11.12.2018). [Вернуться к статье](#)
15. The Informal Economy The Republic Of Moldova: A Comprehensive Review. International Labour Organization 2016. First published 2016. [Вернуться к статье](#)
16. CÓDIGO DEL TRABAJO. Es propiedad de la Dirección del Trabajo Agustinas 1253 Piso 10, Santiago. Guide to business in Spain. Labor and Social Security regulations. [Вернуться к статье](#)
17. Безотецкая И. П. Правовое регулирование заключения трудового договора : учеб. пособие. Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2013. 127 с. [Вернуться к статье](#)
18. Гусов К. Н., Толкунова В. Н. Трудовое право России : учебник. М. : ТК Велби : Проспект, 2004. 496 с. [Вернуться к статье](#)
19. Миронов В. И. Трудовое право : учебник для вузов. М., 2009. [Вернуться к статье](#)
20. Желтов О. Б. Трудовое право : учебник. 2-е изд., перераб. М. : Флинта : НО У ВПО «МПСи », 2012. 440 с. [Вернуться к статье](#)

21. Андриановская И. И. Преемственность в трудовом праве: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Южно-Сахалинск : СахГУ, 2010. 264 с. [Вернуться к статье](#)
22. Насырова А. Р. Прием на работу с испытательным сроком // Вестн. Казан. гос. энергетического ун-та. 2015. № 3 (27). [Вернуться к статье](#)
23. Завгородняя О. Н. Испытательный срок: правовые аспекты и типичные ошибки // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2009. № 1. [Вернуться к статье](#)
24. Трофимова Г. А. Право на труд в нормах Трудового кодекса РФ: ограниченные гарантии // Российский юрид. журнал. 2014. № 1. [Вернуться к статье](#)
25. Шпак М. М. Испытательный срок при приеме на работу // Вестн. Ульянов. гос. сельскохоз. акад. 2008. № 1. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.453

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ КРЕДИТОРОВ НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ЛИЗИНГОПОЛУЧАТЕЛЯ: АСПЕКТЫ КОМПЕНСАЦИИ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Д. И. Михайлов

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
Гомельский государственный университет
им. Ф. Скорины (Беларусь)
e-mail: Dimin.Mitr@yandex.by

Аннотация. В данной статье анализируются возможные гражданско-правовые последствия заключения договора лизинга недобросовестным должником-лизингополучателем с целью уклонения от уплаты долга, в том числе посредством умышленной задержки с реализацией права на выкуп лизингового имущества.

Ключевые слова: договор лизинга; недобросовестный лизингополучатель; уклонение от уплаты долга; взыскание долга; внедоговорная новация; неосновательное обогащение.

Annotation. This article analyzes the possible civil consequences of concluding a lease agreement by an unscrupulous debtor-lessee in order to evade payment of the debt, including through deliberate delay in the implementation of the right to purchase the leasing property.

Keywords: leasing agreement; dishonest lessee; debt evasion; debt collection; non-contractual innovation; unjust enrichment.

Договор лизинга, как известно, является эффективным регулятором инвестиционной деятельности. Однако этим инструментом иногда пользуются недобросовестные должники с целью уклонения от уплаты долга, в том числе компенсации ущерба, причиненного преступлениями.

Неблагоприятная для гражданского оборота и правовой системы востребованность договора лизинга как инструмента уклонения от уплаты долга обусловлена рядом причин. Договор лизинга позволяет исключать обращение взыскания на предмет лизинга по обязательствам лизингополучателя, в том числе в случае, если предмет лизинга зарегистрирован на имя лизингополучателя [1, с. 45–49].

Таким образом, договору лизинга присущи все без исключения характеристики эффективного инструмента уклонения от уплаты долга: а) отсутствие у должника вещных прав на имущество; б) гарантированная возможность приобретения таких прав после истечения сроков исковой или исполнительной давности; в) возможность варьировать сроки приобретения соответствующих прав; г) возможность приобретения целесообразного с точки зрения потребностей

недобросовестного должника имущества и пользования им. Неслучайно проблема заключения договора лизинга с целью уклонения от возмещения ущерба, причиненного преступлениями, отмечается должностными лицами Следственного комитета Республики Беларусь.

Приобретение недобросовестным должником имущества в лизинг с целью уклонения от уплаты долга невозможно парировать с помощью обязательно-правовых и вещно-правовых способов защиты интересов его кредиторов, в том числе и государства, имущественным интересам которых лизингополучатель мог причинить ущерб. Недобросовестный лизингополучатель (должник) может умышленно затянуть реализацию своего права на выкуп предмета договора в тех случаях, когда ему осталось выплатить незначительную (1–25 %) часть стоимости предмета договора лизинга. Фактически с помощью такой задержки недобросовестный арендатор достигнет отсрочки обращения взыскания долга за счет стоимости соответствующего имущества при минимальном риске реализации лизингодателем права на расторжение соответствующего договора лизинга.

Возможность квалификации уплаченной лизингополучателем части покупной цены (выкупной стоимости лизингового имущества) сверх суммы уплаченной им арендной платы как суммы неосновательного обогащения объясняется безосновательностью сбережения этой суммы лизингодателем в случае одностороннего расторжения договора лизинга по инициативе последнего. В правоприменительной практике сформировался подход, в соответствии с которым, если до расторжения договора одна сторона исполнила свое обязательство, но не получила встречное предоставление от другой стороны, расторжение такого договора по инициативе любой из сторон не лишает осуществившую исполнение сторону права на обращение с иском о взыскании неосновательного обогащения [2]. Однако, если исходить из противоположного подхода, в соответствии с которым отсутствие встречного предоставления не следует квалифицировать как противоправное сбережение имущества (неосновательное обогащение), в рассматриваемом случае правоприменительная ситуация не изменится. Несмотря на возможное наличие в договоре лизинга условия о праве лизингодателя на расторжение договора в связи с просрочкой реализации лизингополучателем оплаты покупной цены, сбережение лизингодателем уже уплаченной части цены также представляется противоправным по причине несоответствия правилам п. 3 ст. 351, п. 5 ст. 340 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года (далее — ГК). По смыслу данных правил аванс, в отличие от задатка, должен быть возвращен потерпевшей от неисполнения обязательства стороной, а кредитор вправе удерживать из стоимости вещи, обоснованно не переданной должнику, лишь то, что причитается ему.

Однако реализация арендодателем права на постдоговорной возврат имущества ставит арендатора, уплатившего часть покупной цены до расторжения договора, в заведомо неравные условия и придает арендатору, внесшему аванс до заключения договора купли-продажи, статус лица, по вине которого такой договор не был заключен. Такой статус позволяет бывшему арендатору требовать возврата уплаченной им части покупной цены, ссылаясь как на правила п. 3 ст. 340 ГК, в соответствии с которыми аванс, в отличие от задатка, должен быть возвращен независимо от вины в неисполнении обязательства, так и на нормы о последствиях неосновательного (незаконного) обогащения. Понятно, применительно к праву бывшего арендатора на возврат внесенной части цены выкупа возможен и иной вариант толкования правила п. 4 ст. 423 ГК, основанный на неукоснительном соблюдении правила п. 3 ст. 5 ГК о недопустимости применения аналогии закона, если в ее результате на бывшего арендодателя будет возложена дополнительная обязанность по возврату денежных средств, уплаченных во исполнение обязательства, прекращенного расторжением договора. Однако недобросовестный лизингополучатель может оценить риск признания судом обоснованности невозврата уплаченной части цены выкупа лизингодателем как приемлемый.

В сравнении с правом на возврат уплаченной лизингополучателем части покупной цены крайне проблематично обосновать такое право в отношении ранее уплаченных лизинговых платежей, предназначенных для покрытия косвенных, прямо не связанных с приобретением лизингового имущества, расходов и формирования доходов (прибыли) лизингодателя. Данные расходы могут быть определены в соответствии с п. 14 Правил осуществления лизинговой деятельности, утвержденных постановлением Правления Национального банка Беларуси от 18 августа 2014 года № 526 (далее — Правила лизинга), что повлечет увеличение размера арендной платы [3]. Однако риск невозврата соответствующей части арендной платы следует оценить как приемлемый для уклоняющегося от уплаты долга лизингополучателя.

Риск невозврата лизингополучателю, умышленно просрочившему выкуп лизингового имущества, части лизинговых платежей, которые покрывают сумму расходов на приобретение предмета лизинга, зависит как от наличия (отсутствия) в договоре лизинга условия о зачете указанной суммы в счет цены выкупа указанного имущества, так и от толкования правила п. 2 ст. 595 ГК Беларуси. С учетом нескольких возможных вариантов толкования правил п. 2 ст. 595 ГК недобросовестный лизингополучатель, умышленно просрочивший выкуп имущества, несет риск невозврата части арендной платы, покрывающей стоимость лизингового имущества, в зависимости от содержания договора и иных обстоятельств. Однако с точки зрения защиты интересов кредиторов недобросовест-

ного лизингополучателя негативным является то обстоятельство, что срок исковой давности по их требованиям к недобросовестному арендатору-должнику истечет раньше. По этой причине с целью уклонения от уплаты долга недобросовестный лизингополучатель после расторжения договора лизинга может умышленно занять выжидательную позицию относительно заявления требований о взыскании с лизингодателя соответствующих сумм. Это обстоятельство, на первый взгляд, актуализирует проблему целесообразности наделения кредиторов правом подачи косвенного иска в защиту интересов лизингодателя, являющегося их неисправным должником. При этом речь может идти как об иске о взыскании уплаченной части цены выкупа, включая, возможно, и часть арендной платы, так и об иске об истребовании предмета лизинга, оплаченного на 75 % (при условии внесения определенных дополнений в ГК и п. 4.1 Правил лизинга). Однако такой подход к защите интересов кредиторов недобросовестного лизингополучателя не приемлем в силу одновременного наличия следующих неустранимых пороков:

1. Кредиторы недобросовестных лизингополучателей не являются участниками лизинговых отношений, в отличие от участников (акционеров) корпоративных юридических лиц, наделенных правом на подачу косвенного иска в защиту интересов своих организаций. По этой причине гипотетическое наделение кредиторов правом косвенного иска в защиту интересов недобросовестного лизингополучателя следует квалифицировать как необоснованное несоблюдение принципа невмешательства в частные дела при наличии альтернативных вариантов защиты интересов кредиторов;

2. Участие кредиторов на стороне недобросовестного лизингополучателя может повлечь усиление его позиций, по сравнению с процессуальной позицией добросовестного лизингодателя, в том числе по причине консолидации квалификационных и организационных усилий их представителей.

Другим возможным способом разрешения проблемы повышения уровня защиты интересов кредиторов недобросовестного лизингополучателя является внедоговорная новация (трансформация) обязательства лизинга в обязательство купли-продажи товара в кредит, наступающая по факту оплаты лизингополучателем не менее 75 % цены выкупа лизингового имущества. Этот способ предполагает обретение лизингодателем статуса продавца и внедоговорного залогодержателя лизингового имущества, а лизингополучателем — статуса покупателя товара в кредит (рассрочку). В этой связи нужно отметить, что, согласно п. 4.1 Правил лизинга, утвержденных постановлением Правления Национального банка Беларуси от 18 августа 2014 года № 526, цель договора финансового лизинга считается достигнутой, если его предмет оплачен лизингополучателем не менее чем на 75 % [3]. Нельзя отрицать, что названный способ повышения

уровня защиты прав кредиторов недобросовестного лизингополучателя противоречит смысловой цели правила п. 4.1 Правил лизинга, которая состоит в обеспечении лизингодателю возмещения за счет лизинговых платежей не менее 75 % стоимости предмета лизинга, а не в признании лизингополучателя покупателем предмета лизинга в порядке внедоговорной новации, в случае возмещения им трех четвертей стоимости предмета лизинга. Применение же правил ст. 458 и 459 ГК о купле-продаже в кредит или рассрочку к отношениям лизинга по аналогии безосновательно, так как прямо противоречит правилу п. 3 ст. 5 ГК Беларуси. Кроме того, возможность внедоговорной новации, то есть замены одного обязательства другим при отсутствии соглашения сторон, прямо не предусмотрена ст. 384 ГК.

При внесении в ГК и Правила лизинга нормы о диспозитивном условии, согласно которому предмет финансового лизинга признается проданным в кредит или рассрочку при покрытии лизинговыми платежами не менее 75 % стоимости предмета лизинга, если иное не предусмотрено законом или договором, рассматриваемый способ повышения уровня защиты прав кредиторов недобросовестного лизингополучателя вполне может быть реализован. Однако на пути реализации такого способа защиты встает целый ряд проблем:

1) зависимость перехода права собственности от отсутствия в договоре условия, исключающего возможность зачета лизинговых платежей в счет покупной цены;

2) трансформация права лизингополучателя на выкуп лизингового имущества в соответствующую обязанность в результате досрочного (по возмещении 75 % стоимости) перехода права собственности на него; в результате защиты интересов кредиторов недобросовестных лизингополучателей обернется неустранимым ущемлением интересов значительного количества добросовестных лизингополучателей, которые по возмещении значительной части стоимости лизингового имущества вместо возникновения права приобретения этого имущества неизбежно станут его собственниками.

В связи с изложенным представляется, что более перспективным способом повышения уровня защиты прав кредиторов недобросовестного лизингополучателя является совершенствование норм гражданского законодательства о недействительности сделок. Однако при совершенствовании некоторых оснований недействительности гражданско-правовых сделок с учетом интересов кредиторов недобросовестных лизингополучателей возникает ряд других значимых гражданско-правовых проблем, в частности проблема реализации презумпции добросовестности в рассмотренных правоотношениях и проблема универсализма в регламентации имущественно-стоимостных отношений. Тем не менее в интересах кредиторов недобросовестных лизингополучателей, а

также добросовестных лизингодателей, несущих определенные риски в связи с недобросовестностью своих партнеров, возможность правовой интерпретации некоторых оснований недействительности гражданско-правовых сделок применительно к договору лизинга, заключенному с целью уклонения от уплаты долга, не следует исключать как минимум в качестве инструмента защиты интересов кредиторов экономически несостоятельных лизингополучателей.

1. Храпуцкий А. Ф. Риски лизингодателя в договоре международного финансового лизинга // Промышленно-торговое право. 2010. № 10 С. 45–49. [Вернуться к статье](#)

2. О некоторых вопросах применения хозяйственными судами положений Гражданского кодекса Республики Беларусь о неосновательном обогащении [Электронный ресурс] : постановление Президиума Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 27 апреля 2011 г., № 30. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

3. Об утверждении Правил осуществления лизинговой деятельности [Электронный ресурс] : постановление Правления Национального Банка Республики Беларусь от 18 августа 2014 г. № 526. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 34

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИИ

С. В. Михеева

доцент кафедры режима и охраны
в уголовно-исполнительной системе,
кандидат юридических наук,
Самарский юридический институт ФСИН России
e-mail: rio-mikheeva@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена особенность проявления религиозного экстремизма в пенитенциарных учреждениях России.

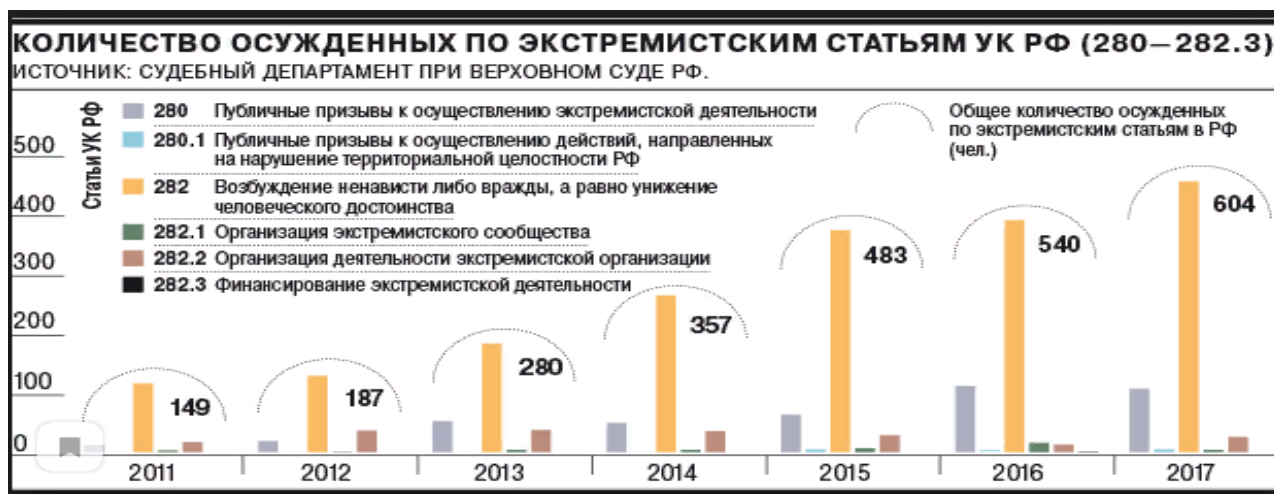
Ключевые слова: осужденный, религиозный экстремизм, пенитенциарное учреждение, субкультура, режим, наказание.

Annotation. The article considers the peculiarity of religious extremism manifestation in penitentiary institutions of Russia.

Keywords: convicted of religious extremism, prison subculture, mode of punishment.

В настоящее время в России и зарубежных странах в пенитенциарных учреждениях возникает проблема, связанная с особенностями отбывания наказания отдельных осужденных, групп лиц, придерживающихся крайних религиозных взглядов, так называемых религиозных экстремистов. Причем следует отметить, что официальная статистика, которой придерживаются правоохранительные органы, зачастую к данным лицам относят тех, кто осужден по экстремистским статьям Уголовного кодекса РФ (ст. 280–282.3).

Так, по данным Судебного департамента Верховного суда РФ, количество лиц данной категории неизменно растет.

По статистическим данным за первое полугодие 2018 г., обозначенным Судебным департаментом при Верховном суде РФ, по указанным статьям было осуждено 337 человек [1], что, возможно, и покажет уменьшение количества по данным статьям 674 человека против 785 осужденных в 2017 г., однако не факт.

Следует отметить, что не всегда лица, склонные к религиозному экстремизму, осуждены по указанным статьям, зачастую их привлекают по смежным статьям, таким как терроризм, хранение оружия, убийство и т. д.

С учетом всего спектра элементов системы экстремизма следует отметить, что он обычно связан с политическими, а также социальными процессами, происходящими в обществе. Помимо этого, необходимо выделить и главную особенность современного экстремизма — это выход за пределы национальных границ. Мотивационные и идейные основы экстремизма различны, их можно свести к борьбе террористов за утверждение своих идей, самоутверждение, к борьбе с существующим порядком управления, конкретными государственными деятелями, к борьбе за торжество националистических или религиозных убеждений.

Хотелось бы остановиться на том, чем же опасен религиозный экстремизм для пенитенциарной системы в целом и для России в частности.

Религиозный экстремизм в пенитенциарных учреждениях можно трактовать как новую субкультуру, возникшую в наше время, со своими идеями и традициями. Под субкультурой следует понимать «систему искаженных ценностных ориентаций, объединенных в относительно обособленную среду, и включающую в себя группу неформальных норм, установлений, представлений (традиций, обычаев, ритуалов, правил) регулирующих поведение ее представителей» [2, с. 18].

Попадая в пенитенциарные учреждения, религиозные экстремисты не придерживаются традиционной субкультуры, а стараются вовлекать в свои ряды, свой «субкультурный круг» осужденных для проповедования своих идей.

Следует отметить, что обычно религиозные экстремисты не нарушают режима содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы, а напротив, выполняют все требования законодательства. Все это приводит к тому, что изолировать данную категорию лиц (водворить в штрафной изолятор, перевести в помещение камерного типа) не просто и, как следствие, они отбывают наказание в отряде, что способствует вовлечению ими в свои ряды достаточного количества осужденных.

С учетом того, что религиозные экстремисты не нарушают режима содержания, для сотрудников уголовно-исполнительной системы они не представляют особой опасности. Здесь следует говорить об опасности государства в целом, так как «сел один ваххабит, а выдет на свободу десять» [3, с. 32].

Следует отметить, что сложности возникают не только у сотрудников, но и у осужденных, придерживающихся традиционных субкультурных взглядов, так как «зеленые» (так зачастую называют группу религиозных экстремистов), не желают жить по традиционным воровским традициям: не играют в азартные игры, не желают вносить «на общее» денежные средства, продукты и т. д., а с учетом того, что число таких лиц увеличивается, то и «потери» для лиц, придерживающихся традиционной субкультуры, становятся более заметными.

Несомненно, Россия, по сравнению с зарубежными европейскими странами, находится в выигрышном положении, так как география расположения пенитенциарных учреждений позволяет переводить осужденного из одного учреждения в другое, подальше от места жительства, где у религиозного экстремиста могут сохраняться связи с лицами, придерживающимися схожих идей.

Так как же бороться с новой субкультурой, возникшей в учреждениях уголовно-исполнительной системы в настоящее время?

Следует обратиться к опыту зарубежных стран, где либо создаются отдельные учреждения для данной категории лиц, либо их изолируют в отдельные камеры. Как показывает практика, первое (создание отдельных учреждений) порождает негативные последствия, так как позволяет лицам, придерживающимся экстремистских идей, общаться и еще более глубоко проникаться своей верой. Второй вариант развития событий (изоляция в отдельные камеры) является наиболее приемлемым, но для России практически не достижим из-за того, что камерное содержание возможно в тюрьмах и запираемых помещениях, таких как штрафной изолятор, помещения камерного типа, единое помещение камерного типа, но, как мы обозначили выше, для перевода в помещение камерного типа необходимо нарушение со стороны осужденного режима содержания в исправительном учреждении, чего лица данной категории стараются не делать. Помещение же в тюрьму возможно при соблюдении определенных условий, предусмотренных уголовным законодательством, в частности в п. 2 ст. 58 Уголовного кодекса РФ говорится о возможности помещения в тюрьму мужчин, осужденных за те или иные статьи, однако данная категория лиц (лишенные свободы по ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3) в указанной статье не указана.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что для эффективной борьбы с религиозным экстремизмом в пенитенциарных учреждениях России необходимо предусмотреть возможность максимального изолирования данной категории лиц от остальных осужденных, для чего необходимо в п. 2 ст. 58 Уголовного кодекса РФ включить ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 и

предусмотреть возможность содержания данной категории лиц в тюрьмах изолировано от других осужденных.

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2018 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного суда РФ. Данные судебной статистики: офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759> (дата обращения: 11.03.2019).
[Вернуться к статье](#)

2. Михеева С. В., Михайлов В. С. Криминальная общность в местах лишения свободы: учебное пособие. Самара : Самар. юрид. ин-т ФСИН России, 2016. 80 с.
[Вернуться к статье](#)

3. Спасенков Б. А., Цатуров А. В. Проблемы противодействия распространению религиозно-экстремистской идеологии в местах лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2014. № 2. С. 31–35. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.34:343.97:341

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И. В. Муравьев

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин,

Могилевский институт МВД (Беларусь)

e-mail: igor.muravev.56@bk.ru

***Аннотация.** В статье проведен сравнительный анализ правового обеспечения противодействия терроризму в Республике Беларусь и Российской Федерации, определены этапы эволюции терроризма как социального явления, а также пути оптимизации защиты граждан от террористических угроз.*

***Ключевые слова:** терроризм, террористический акт, международное сотрудничество, нормативный правовой акт, национальные интересы, противодействие терроризму.*

***Annotation.** The article presents a comparative analysis of the legal support of counter-terrorism in the Republic of Belarus and the Russian Federation, the stages of the evolution of terrorism as a social phenomenon, as well as ways to optimize the protection of citizens from terrorist threats.*

***Keywords:** terrorism, terrorist act, international cooperation, normative legal act, national interests, counter-terrorism.*

В XXI в. одной из глобальных угроз человечеству является терроризм, угрожающий безопасности как отдельных граждан, так и государств в целом. Данное явление влечет не только человеческие жертвы, но и наносит политический, экономический и моральный урон современному обществу.

Геополитическое положение Республики Беларусь актуализирует необходимость участия нашего государства в решении проблем международного терроризма. На современном этапе развития общества можно выделить два направления деятельности по противодействию данной угрозе: организационное и правовое. Отсутствие формальных препятствий для международного сотрудничества в области борьбы с терроризмом не означает, что на пути решения данной проблемы нет сложностей. Это предопределяется как несовпадением национальных интересов каждого из современных государств, так и наличием политических мотивов и целей, которые преследуют террористы.

Необходимость формулирования единой дефиниции понятия «терроризм», определения границ данного явления, соотнесение понятий «терроризм» и «освободительная борьба», «пиратство» и др., сложность борьбы с изучаемым явлением актуализируют тему данного исследования.

Анализ нормативных правовых актов Республики Беларусь и Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что легальное определение терроризма, зафиксированное в законодательстве данных государств, было сформулировано в ходе трансформации понимания терроризма как отдельного деяния к признанию его социально-политическим криминальным явлением. При этом следует отметить, что содержание понятия «терроризм» в законодательстве Беларуси и России в целом совпадает.

Ученые рассматривают терроризм как идеологию, находящую свое выражение в определенном акте (акте терроризма). В уголовных кодексах Республики Беларусь и Российской Федерации отсутствуют нормы, устанавливающие уголовную ответственность за терроризм как таковой. В то же время покушение на акт терроризма, пособничество терроризму и т. д. являются уголовно наказуемыми деяниями. В связи с этим можно сделать вывод о том, что для определения терроризма как преступления необходимо совершение хотя бы одного террористического акта.

Среди признаков, характеризующих терроризм как социальное явление, отметим:

- посягательство на стабильность общественных отношений;
- публичный характер;
- направленность на устрашение и запугивание населения, властей; прямой умысел, неприменение сроков давности [1, с. 53].

В научной литературе делятся следующие этапы эволюции терроризма как социального явления:

1. Становление терроризма (со времен Античности до конца XVIII в.).
2. Классический терроризм (конец XVIII в. — первая половина XX в.).
3. Международный терроризм (вторая половина XX в.).
4. Глобальный терроризм (с начала XXI в.) [2, с. 30].

Изучение истории терроризма в России позволяет охарактеризовать место террора в жизни общества на различных этапах Новой и Новейшей истории: от индивидуального революционного террора в Российской империи в последние десятилетия ее существования до террора последних двух десятилетий в Российской Федерации, принявшего исламистский характер [2, с. 91].

В Республике Беларусь история терроризма не такая яркая, как в Российской Федерации, поскольку общая социальная обстановка в России более насыщена религиозными, межэтническими конфликтами. Однако отдельные акты терроризма происходят и на территории нашего государства. К примеру, теракт в Минском метрополитене 11 апреля 2011 года, вследствие которого 15 человек погибло, 203 пострадали. Это единственный теракт за всю историю

Минского метрополитена. Выявленные организаторы теракта — 25-летние Д. Коновалов и В. Ковалев приговорены к смертной казни.

В настоящее время распространены три подхода к пониманию сущности национальной безопасности как основы борьбы с терроризмом:

- как защищенность национальных интересов от внутренних и внешних угроз (наиболее распространен);

- как сохранение целостности, устойчивости, стабильности страны, государства, общества как социальной системы при деструктивных воздействиях на нее;

- как защищенность национальных ценностей, национального достояния от значимого ущерба [2, с. 215].

В любой стране при формировании политики обеспечения национальной безопасности особую роль имеют концептуальные политические документы, к важнейшим из которых относятся Концепция национальной безопасности или равнозначные ей по своим функциям документы (национальные стратегии и прочие).

Российская стратегия трактует национальную безопасность более широко, рассматривая ее применительно не только к интересам государства в целом, но и к интересам личности и общества. Триединство интересов государства, общества и личности рассматривается российским документом как объект национальной безопасности, а белорусским — как объект национальных интересов.

Концептуальные основы борьбы с терроризмом в Республике Беларусь основываются на Концепции борьбы с терроризмом в Республике Беларусь, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 июля 2013 г. № 658; в Российской Федерации — на Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г.

Юридическая сила нормативных правовых актов в Российской Федерации имеет свои особенности в связи с ее федеративным устройством. Федерального закона в Российской Федерации, определяющего юридическую силу правовых актов, нет. Юридическая сила определяется согласно Конституции. Однако, Конституция Российской Федерации не определяет юридическую силу концепций и стратегий. Отличительные особенности Концепции противодействия терроризму обуславливаются федеративной формой государственного устройства.

Необходимо отметить неопределенность правового положения Концепции (ее юридической силы). Статья 10 Закона Республики Беларусь от 17 июля

2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» не упоминает такого акта, как Концепция.

Противодействие терроризму осуществляется по следующим направлениям: профилактика терроризма; борьба с терроризмом (выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование террористических актов и иных преступлений террористического характера); минимизация и (или) последствий террористических актов.

Основой правового регулирования противодействия терроризму в Республике Беларусь выступает Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-З «О борьбе с терроризмом» [3]. Основу правового регулирования борьбы с терроризмом в Российской Федерации, помимо Конституции, международных правовых актов и Уголовного кодекса, составляет Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [4]. В целом в обоих законах (российском и белорусском) представлен единый подход к пониманию сущности терроризма.

Общее руководство борьбой с терроризмом в обеих странах согласно принципу единоначалия осуществляют президенты.

Правовое регулирование контртеррористических операций в Российской Федерации и Республике Беларусь идентично: образуется оперативный штаб, устанавливается зона проведения контртеррористической операции. Аналогичны и полномочия руководителя штаба, порядок ведения переговоров и привлечения средств.

Сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь в области антитеррора целесообразно рассматривать в пределах двух межгосударственных образований — СНГ и Союзного государства.

Проанализировав нормативные акты, принятые в рамках СНГ, можем определить, что в границах Содружества не сложилось еще эффективного анти-террористического правового поля. В пределах данного союзного образования, как было отмечено выше, существуют процедурные затруднения с выполнением универсальных и региональных международных договоров в сфере борьбы с терроризмом.

Основной инструмент интеграционного взаимодействия по линии Союзного государства Беларуси и России — союзные программы и мероприятия, в исследуемой сфере — программы по борьбе с организованной преступностью на территории Союзного государства. Среди главных результатов взаимодействия Российской Федерации и Республики Беларусь в борьбе с терроризмом к настоящему времени — формирование институциональной системы и договорно-правовой базы, успешная реализация многих союзных программ и меро-

ятий, отработка тактики и методики выявления и задержания лиц, совместных оперативно-профилактических мероприятий и специальных операций.

Практика борьбы с терроризмом показывает, что снижение угрозы терроризма возможно при реализации двух подходов: 1) создание информационного вакуума вокруг терактов и террористов с целью снижения привлекательности террора как средства политической борьбы; 2) ведение работы на предупреждение терактов.

Поводя итоги, отметим основные стратегические направления оптимизации защиты граждан Республики Беларусь и Российской Федерации от террористических угроз:

1. Присоединение к договорам, заключенным в рамках ООН и ее специализированных учреждений в области борьбы с международным терроризмом.

2. Совершенствование национальной и международной нормативно-правовой базы в области борьбы с террористической деятельностью. Важность работы в данном направлении определяется тем, что универсальные конвенции не охватывают всего спектра проблем в сфере борьбы с терроризмом.

3. Гармонизация национального законодательства стран-участниц Содружества Независимых Государств. Так, перспективой совершенствования правового регулирования противодействия терроризму в Республике Беларусь и Российской Федерации может стать новая Военная доктрина (декларация о политике государства в области военной (оборонной) безопасности) Союзного государства.

1. Метелев С. Е. Современный терроризм и методы антитеррористической деятельности : монография. Омск, 2008. 332 с. [Вернуться к статье](#)

2. Горбунов К. Г. Терроризм : история и современность : социально-психологическое исследование. М. : ФОРУМ, 2012. 400 с. [Вернуться к статье](#)

3. О борьбе с терроризмом [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 янв. 2002 г., № 77-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2018 г. № 90-З. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

4. О противодействии терроризму [Электронный ресурс] : Федер. закон, 6 марта 2006 г., № 35-ФЗ : в ред. Федер. закона от 06.07.2016 г. № 374-ФЗ // Система ГАРАНТ. [Вернуться к статье](#)

УДК 346.21

АКЦИИ КАК ОБЪЕКТ ОБЩЕЙ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ

Н. А. Нагорная

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин,
Могилевский институт МВД
e-mail: natali_mla@mail.ru

Аннотация. Ввиду разночтений норм Гражданского кодекса Республики Беларусь и некоторых законов, регулирующих выпуск и обращение ценных бумаг, по вопросу о правах, удостоверяемых ценной бумагой, в научной литературе и среди практиков возникает немало вопросов, касающихся как существа самого института ценных бумаг, в частности акций. Этим вопросам и посвящена статья автора.

Ключевые слова: акция, ценная бумага, инвестиции, хозяйственное общество, право общей собственности.

Annotation. Due to different interpretations of the norms of the Civil code of the Republic of Belarus and some of the laws regulating the issue and circulation of securities, on the question of the rights, certified security, in the scientific literature and among practitioners there are many questions regarding both the substance of the institution of the securities, in particular shares. These issues are addressed in the article.

Keywords: action, securities, investment, business company, the right of common ownership.

Практические проблемы упрощения процедуры привлечения частных инвестиций, расширения круга инвесторов с помощью совершенствования законодательства об акциях как финансовом инструменте приводят к проведению рядом ученых исследований в области теории ценных бумаг.

Поскольку в настоящее время политика государства направлена на привлечение частных инвестиций в развитие хозяйственной деятельности, продолжает оставаться актуальным вопрос о совершенствовании законодательства по регулированию имущественных отношений супругов на инвестиционное имущество, нажитое в период брака. Центральное место из основных задач исследования в вышеуказанной области, на наш взгляд, отведено определению правового режима акции как объекта общей совместной собственности супругов.

Кроме того, сама юридическая конструкция акционерных обществ недостаточно совершенна, поскольку предоставляет значительные возможности для финансовых злоупотреблений со стороны лиц, являющихся управляющими или крупными акционерами. Неразрешенным остается вопрос о разделе акций между супругами, когда один из них является управляющим АО либо крупным акционером, а второй остается неосведомленным либо в неполной мере осведом-

ленным о принадлежащих ему правах по акциям, о способах их реализации, а также о возможности защитить свои имущественные права на получение половины акций при разделе общей совместной собственности либо на получение денежной компенсации при отказе от нее. Иначе говоря, механизм правового регулирования порядка реализации прав акционеров на акции, находящиеся в общей совместной собственности, нуждается в комплексном анализе с учетом критического осмысления опыта зарубежных стран в данной области, а также традиций и особенностей культурно-исторического и экономического развития Беларуси.

Исследования начала XIX века видных ученых, таких как В. Ю. Вольф, С. Н. Ландкоф, Л. И. Петражицкий, П. А. Писемский, В. Д. Спасович, Г. Ф. Шершеневич, послужили формированию нормативной базы по вопросам, касающимся деятельности акционерных обществ, акций как разновидности ценных бумаг, наделяющих своего правообладателя правом на получения дивидендов либо наделяющих более широким спектром правомочий (право на управление обществом), по другим вопросам, возникающим в данной области. Следует констатировать, что с конца 20-х г. и вплоть до 90-х г. XX в. акционерная форма предпринимательской деятельности практически не исследовалась в юридической литературе. Возобновление интереса к проблематике акционерных обществ в начале 90-х годов во многом обусловлено той ролью, которую они играют в гражданском обороте государства с рыночной экономикой.

В настоящее время актуальными остаются вопросы, что такое акция, какими правами наделяет акция своего обладателя? Что собой представляет акция как объект общей совместной собственности супругов?

Дискуссии об акциях как о разновидности ценных бумаг среди ученых-цивилистов ведутся очень давно. Предметом дискуссии являлся вопрос о правовой конструкции акции. Еще в 1876 г. П. Писемский отмечал, что именная акция сама по себе ценности не имеет, она имеет значение только потому, что правит доказательством акционерного права [1, с. 69]. Такой взгляд справедлив и современен. Так, в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О рынке ценных бумаг» дано определение акции, с указанием об их ценности, на права, удостоверяемые акцией, а именно: право на получение прибыли, право на управление, право на получение части имущества после ликвидации общества и т. д. Анализ этого определения и классификации ценных бумаг, содержащихся в ГК, дает основание относить акции к группе долевых ценных бумаг, удостоверяющих вклад лица в уставной фонд хозяйственного общества, предоставляющих их владельцам право на участие в управлении обществом и получение части прибыли, в частности в виде дивидендов, и части имущества при ликвидации эмитента.

Кроме того, в дореволюционной теории ценных бумаг, учеными было обращено внимание на дуализм правовой конструкции ценной бумаги, который заключается в сочетании и тесной взаимосвязи в ценной бумаге элементов различной правовой природы (вещных и обязательственных). Так, Г. Ф. Шершеневич подчеркивал, что право на бумагу — вещное право, право из бумаги — чаще всего обязательственное [2, с. 155]. Н. Нерсесов отмечал, что некоторые из институтов гражданского права находятся как бы на грани вещного и обязательственного права, относя к их числу и ценные бумаги на предъявителя, поскольку по некоторым свойствам они подлежат определению обязательственного права, по другим — вещного права [3, с. 205]. На наш взгляд, указанный дуализм правовой конструкции ценных бумаг, в том числе и акции, заложен и в Гражданском кодексе Республики Беларусь, устанавливающим, что они являются объектом права собственности на ценные бумаги, в то же время, определяя и порядок передачи прав по ценной бумаге.

Научные достижения прошлого свидетельствуют о том, что исследователи рассматривали акции как движимое имущество. П. Писемский отмечает, что каждый акционер может передавать свою акцию как любое другое движимое имущество [4, с. 22–26]. П. Цитович отмечает, что акция — имущество движимое [5, с. 153]. По определению Г. Ф. Шершеневича акция является подвижной вещью [2, с. 391]. Следует отметить, что в доктринальное понятие имущества не включались имущественные права, как это осуществлено в современной цивилистической доктрине, в частности в ст. 128 ГК Республики Беларусь, то есть оно было тождественным товару, вещи [6, с. 159–160].

На наш взгляд, следует поддержать тех ученых, которые отмечают, что признание по ценной бумаге статуса вещи полно соответствует его правовой природе, и отметить, что признание за акцией статуса вещи не только наиболее полно соответствует ее правовой природе, но и, во-первых, упрощает подтверждение принадлежности права соответствующему субъекту, что способствует прочности правоотношений; во-вторых, позволяет осуществлять обращение ценных бумаг в упрощенном, по сравнению с отчуждением прав, порядке; в-третьих, позволяет определять субъективные права акционера на акции и субъективные права акционера с акции; в-четвертых, осуществлять охрану прав акционера, наряду с другими способами защиты, вещественно-правовыми. Акции служат для упрощения реализации прав по ним (какие именно и имеют ценность), что достигается путем определенных способов легитимации держателя акции как субъекта соответствующего права. Эти способы облегчают должнику определение того, кому он может без риска для себя выполнить обязательства, а кредитору дают уверенность, что никто, кроме него, не сможет получить исполнение от должника. Такие способы связаны с ограничением возражений

должника против требований по акциям. Кроме того, признание акции объектом обязательственного права приводит к необходимости осуществлять обращение акций в формах, присущих отчуждению прав путем уступки права требования (цессии). При этом если в случае передачи акций путем индоссамента добросовестный приобретатель получает все права, содержащиеся в акции (независимо от того, имело ли лицо право осуществлять соответствующую передачу), то цессия предоставляет должнику право предъявлять новому кредитору возражения, основанные на его правоотношениях со старым должником, что не только не обеспечивает защиту прав добросовестных приобретателей, но и кардинально противоречит такому важному признаку ценных бумаг, как публичная достоверность. Цессия имеет своим предметом перенос на приобретателя обязательственных прав, а не вещных.

Следует отметить, что современный зарубежный опыт свидетельствует о том, что в большинстве национальных систем права ценные бумаги рассматриваются именно как движимые вещи [7, с. 203; 8, с. 14, с. 101; 9, с. 129].

При этом, на наш взгляд, центральным вопросом является оптимальное разделение контрольного пакета акций 50+1 акция, принадлежащего супругам на праве общей совместной собственности, распределение рисков между акционером и обязанным лицом: рисков, связанных с осуществлением прав по акции (риск выполнения лицу, которое не является субъектом права); рисков, возникающих вследствие тесной связи права на ценную бумагу с правом с ценной бумаги; рисков добросовестного приобретателя. Именно на наличие этих и других рисков в отношениях между владельцем ценной бумаги и третьими лицами обратил внимание М. М. Агарков [10, с. 45–49] и научные проблемы, которые с ними связаны не являются, по нашему мнению, решенными в современной цивилистической доктрине.

Подводя итоги приведенного выше, отметим, что в этом исследовании мы будем исходить из вещественной природы акции, то есть отнесение ее к такому виду объектов права как вещи, независимо от формы ее выпуска (документарной или бездокументарной). Отнесение акции, независимо от формы ее выпуска (документарной или бездокументарной), к вещам, то есть к одной категории объектов права позволяет определить два объекта правовой охраны этого исследования — право на акции и права с акции.

1. Ломакин Д. М. Акционерное правоотношение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 1996. 246 л. [Вернуться к статье](#)

2. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. 1: Введение. Торговые деятели. М. : Статут, 2003. 480 с. [Вернуться к статье](#)

3. Нерсесов Н. О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. М. : Статут, 2000. 286 с. [Вернуться к статье](#)

4. Писемский П. Акционерные компании с точки зрения гражданского права. М., 1876. 229 с. [Вернуться к статье](#)
5. Цитович П. Учебник торгового права. Вып. 1. К. : Оглоблин, 1896. 300 с. [Вернуться к статье](#)
6. Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е. М. : Статут, 2003. 831 с. [Вернуться к статье](#)
7. Единообразный торговый кодекс США: пер. с англ. // под ред. С. Н. Лебедева. М. : Международный центр финансово-экономического развития, 1996. 427 с. [Вернуться к статье](#)
8. Жамен С., Лакур Л. Торговое право : учеб. пособие : пер. с фр. М. : Международные отношения, 1993. 254 с. [Вернуться к статье](#)
9. Коммерческое право зарубежных стран / под общ. ред. В. Ф. Попондопуло. СПб. : Питер, 2003. 288 с. [Вернуться к статье](#)
10. Агарков М. М. Учение о ценных бумагах. М. : Финстатинформ, 1993. 140 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.763:351.815:340.134(477)

ЗАЩИТА ПРАВ ПАССАЖИРОВ ПРИ ПЕРЕВОЗКАХ ГОРОДСКИМ ТРАНСПОРТОМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

И. Р. Николаенко

аспирант кафедры гражданского права,
Запорожский национальный университет (Украина)
e-mail: Nikoligor2006@gmail.com

Аннотация. Современные тенденции правового регулирования общественных отношений изменяют устоявшиеся подходы. Под влиянием глобализационных тенденций происходит трансформация общества, общественных отношений, форм и способов их правового регулирования. Позитивизм модифицирован новой волной теории природных прав человека, усилился социологическим подходом вследствие влияния концепции социологии права, который обретает значимость в современной европейской правовой науке. В сфере перевозок пассажиров в целом и перевозок городским транспортом в частности стало очевидным, что общество нуждается уже не только в перевозках как таковых, но также и в том, чтобы эти перевозки были комфортными, безопасными, своевременными. Иными словами, права пассажиров приобретают новое содержательное наполнение и требуют установления правовых механизмов обеспечения их защиты как элемента обеспечения реализации прав человека.

Ключевые слова: пассажир, транспорт, городской транспорт, муниципальный транспорт, реализация прав, защита прав, перевозчик, ответственность.

Annotation. Modern trends in the legal regulation of social relations are changing the established approaches. Under the influence of globalization trends, there is a transformation of society, public relations, forms and methods of their legal regulation. Positivism has been modified by a new wave of the theory of natural rights of man, intensified by a sociological approach due to the influence of the concept of the sociology of law, which gains significance in modern European legal science. In the field of passenger transportation in general, and passenger transportation by urban transport, in particular, it became obvious that society already needs not only transportation as such, but also that these transportation should be comfortable, safe, timely. In other words, the rights of passengers acquire new content. As a result, they require the formation of a legal mechanism for their provision and protection. This mechanism is designed to ensure the realization of human rights.

Keywords: passenger, transport, urban transport, municipal transport, realization of rights, protection of rights, carrier, responsibility.

Современные труды ученых-цивилистов свидетельствуют о том, что на современном этапе существования нашей цивилизации вследствие существующих глобализационных процессов, вызванных в том числе развитием транспорта и его инфраструктуры, средств коммуникации, неоспоримым является мне-

ние, что круг прав потребителей (пассажиров по договору перевозки) транспортных услуг требует своего пересмотра.

На сегодняшний момент отдельные сферы жизнедеятельности человека уже выходят за рамки устоявшихся договорных конструкций, их узконаправленного содержания и нуждаются в более широком подходе обеспечения реализации комплекса прав человека и стремятся к этому.

Обратим внимание, что сам договор перевозки пассажира, который нашел свое место в Главе 64 Гражданского кодекса Украины (далее — ГК Украины), определяет лишь основные права пассажира, которые определяют место соответствующего договора в системе договоров. По сути, и сам предмет договора, и его природа определяются существенными договорными условиями, отраженными в правах и обязанностях сторон.

Так, согласно ст. 910 ГК Украины такими условиями являются обязательства перевозчика перевезти вторую сторону (пассажира) в пункт назначения, а в случае сдачи багажа — также доставить багаж в пункт назначения и выдать его лицу, имеющему право на получение багажа, а у пассажира — обязательства уплатить установленную плату за проезд, а при сдаче багажа — также за его провоз.

Это лишь та часть обязательств, которые отличают одну договорную конструкцию от иной. Объективно в процессе реализации своих субъективных прав пассажир нуждается также в том, чтобы соблюдался весь комплекс прав человека, включая личные неимущественные (предусмотренные Книгой 2 Гражданского кодекса Украины) и имущественные права. То есть речь идет и о жизни и здоровье пассажира, и о его чести и достоинстве, и о сфере приватности и др.

Конечно, такой подход может быть раскритикован, ибо эти права должны соблюдаться и при исполнении любого иного договора (будь то купля-продажа продуктов питания или бытовых приборов, договор капитального строительства или договор об оказании медицинских услуг).

И эта критика будет верной, но лишь в той части, которая имеет целью разграничить, отделить один договор от другого. Но не в той части, которая направлена на всецелое обеспечение прав пассажира (или прав человека в процессе его перемещения путем выполнения перевозчиком договорных обязательств по перевозке пассажира).

Но в то же время мы не можем утверждать, что эти права не присущи пассажиру как потребителю транспортной услуги.

В контексте прав человека, прав потребителя транспортной услуги очевидно то обстоятельство, что они нуждаются в нормативном их обеспечении в

процессе выполнения договора перевозки пассажира (предоставления транспортной услуги).

Одним из элементов обеспечения реализации данных прав является механизм их гражданско-правовой защиты.

В свою очередь, сама по себе защита нарушенных прав и свобод представляет собой многоаспектное явление. Защита, по сути, является результатом реализации права человека на защиту, представленную в дозволенных законом способах такой защиты.

В специальной юридической литературе отмечается, что существует лишь две формы такой защиты — юрисдикционная (предусматривает деятельность государственных органов, направленная на восстановление нарушенного, оспоренного или непризнанного права уполномоченного лица) и неюрисдикционная (самозащита).

Р. Б. Шишка дал авторское определение права на защиту, согласно которому право на защиту является самостоятельным субъективным правом уполномоченного лица, юридически закрепленной возможностью использовать предусмотренные формы и способы, средства для предупреждения нарушения, устранения угрозы нарушения, восстановления положения, существующего до нарушения права, возмещения причиненного вреда и получение компенсаций, извещение компетентных органов об угрозе для применения средств правоохранительного характера, привлечения виновных к гражданско-правовой ответственности [1, с. 120].

Схематично механизм гражданско-правовой защиты состоит из следующих элементов и этапов ее осуществления (по нашему мнению, она характеризуется динамикой и деятельностью субъекта, направленной на осуществление такой защиты): права, свободы и право на защиту; наличие предусмотренного законом механизма правовой защиты; нарушение прав и свобод (юридический факт); волеизъявление лица, направленное на реализацию своего права на защиту; деятельность лица и органов государственной власти, в компетенцию которых входят полномочия по осуществлению защиты прав и свобод лица; применение способов защиты; применение в необходимых случаях государственного принуждения.

Анализ законодательства Украины, регулирующего правоотношения перевозки пассажиров городским транспортом, дает основания для следующих суждений и выводов относительно темы данного исследования.

Во-первых, говоря о городском транспорте, следует четко понимать и разграничивать понятийный аппарат. Иными словами, разграничивать сферу деятельности транспорта (в границах города, в пригородном сообщении и т. п.) от его принадлежности (частный транспорт, коммунальный и т. п.).

Дело в том, что часто происходит подмена понятий, особенно в тех случаях, когда речь идет о деятельности так называемого муниципального транспорта. Как правило, речь идет о любом виде транспорта (вне зависимости от его принадлежности), обслуживающего потребности населения определенного населенного пункта (муниципий) в транспортных перевозках.

Во-вторых, правила перевозок пассажиров различными видами транспорта, как правило, содержат предписания общего характера, в том числе права пассажиров, которые не корреспондируются прямо с обязанностями перевозчиков и водителей транспортных средств.

В-третьих, отсутствие предусмотренных в данных актах нормативного характера положений, предусматривающих негативные последствия неправомерного поведения перевозчиков, водителей (санкций правовых норм), порождает невозможность привлечения виновного лица к ответственности.

В-четвертых, в цивилистической доктрине Украины доминирует в данное время точка зрения, согласно которой ответственность является результатом реализации органом государственного принуждения предписания санкции правовой нормы [2, с. 364].

По мнению Н. С. Кузнецовой, в случае нарушения регулятивного правоотношения, содержанием которого являются права и обязанности положительного характера, оно трансформируется в охранительное правоотношение, в пределах которого может осуществляться восстановление или защита нарушенных прав путем применения мер гражданско-правовой защиты [3, с. 363].

В то же время в ГК Украины отсутствует нормативное определение гражданско-правовой ответственности, несмотря на то, что в теории цивилистики этот институт является достаточно разработанным. В то же время защита гражданских прав и интересов является самостоятельным институтом общей части гражданского права. Это порождает научные дискуссии о соотношении гражданско-правовой ответственности и гражданско-правовой защиты.

Большинство ученых сходятся в едином мнении, что и меры ответственности, и меры защиты являются правовыми средствами воздействия на правоотношение. Как первые, так и вторые направлены на локализацию последствий нарушения прав [3, с. 372].

Тем не менее, несмотря на их общую цель и даже содержание, они имеют разную персонифицированную направленность. Ответственность служит средством воздействия на правонарушителя, в то время как защита выступает средством восстановления нарушенного права.

Конечно, при этом мы не отрицаем того, что в процессе осуществления защиты нарушенного права мы прибегаем к институту гражданско-правовой ответственности. Это является логичным и закономерным. Поэтому, по нашему

мнению, гражданско-правовую ответственность можно считать одним из способов защиты прав и интересов.

Возвращаясь к непосредственной теме нашего исследования, проанализировав действующее законодательство, регулирующее деятельность транспорта в городском сообщении, в том числе Закон Украины «О транспорте» от 10.11.1994 г. [4], «О городском электрическом транспорте» от 29.06.2004 г. [5], Правила предоставления услуг пассажирского автомобильного транспорта от 18.02.1997 г. [2], Правила предоставления населению услуг по перевозкам городским электротранспортом от 23.12.2004 г. [7], мы пришли к следующим выводам.

Основная направленность деятельности транспорта является результатом государственной транспортной политики, для которой ключевыми являются: доступность транспортных услуг для всех слоев населения; приоритетность развития городского электрического транспорта, особенно в городах с повышенным уровнем загрязнения окружающей среды и в курортных регионах; создание благоприятных условий для производства отечественного подвижного состава и его усовершенствования; безубыточности работы перевозчиков [5].

Будем объективны, ст. 3 Закона Украины «О транспорте» среди прочих приоритетов деятельности транспорта определяет безопасность функционирования транспорта [4].

Акты гражданского законодательства, включая специальное транспортное законодательство, регулирующее общественные отношения в сфере перевозок пассажиров городским транспортом, не содержат четкой регламентации прав пассажиров и порядка, способов их гражданско-правовой защиты, что наталкивает на мысль о необходимости применения специального законодательства в сфере защиты прав потребителей [8, с. 38].

Однако специфика транспортной сферы такова, что вышеупомянутое законодательство может быть использовано лишь в том случае, если специальное транспортное законодательство не содержит необходимых средств защиты.

Таким образом, защита прав пассажиров при перевозке в городском сообщении по законодательству Украины сводится к применению общих норм ГК Украины о возмещении материального и морального вреда.

1. Цивільне право України : підручник / за ред. проф. Ю. Л. Бошицького та проф. Р. Б. Шишки. Загальна частина. Київ : Видавництво Ліра-К, 2013. 760 с. [Вернуться к статье](#)

2. Цивільне право : підручник : у 2 т. / В. І. Борисова (кер. авт.) [та ін.] ; за ред. В. І. Борисової, І. В. Спасибо-Фатеевої, В. Л. Яроцького. Х. : Право, 2011. Т. 1. 656 с. [Вернуться к статье](#)

3. Кузнецова Н. С. Вибрані праці. К. : ПрАТ «Юридична практика», 2014. 544 с. [Вернуться к статье](#)

4. Про транспорт : Закон України від 10.11.1994 р. // Відомості Верховної Ради. 1994. № 51. Ст. 446. [Вернуться к статье](#)
5. Про міський електричний транспорт : Закон України від 29.06.2004 р. // Відомості Верховної Ради. 2004. № 51. Ст. 548. [Вернуться к статье](#)
6. Правила предоставления услуг пассажирского автомобильного транспорта от 18.02.1997 г. [Электронный ресурс] : постановление Кабинета Министров Украины от 18.02.1997 г. № 176. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/176-97-%D0%BF> (дата обращения: 02.03.2019). [Вернуться к статье](#)
7. Про затвердження Правил надання населенню послуг з перевезень міським електротранспортом [Электронный ресурс] : постанова Кабінету Міністрів України від 23.12.2004 р. № 1735. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1735-2004-%D0%BF> (дата обращения: 02.03.2019). [Вернуться к статье](#)
8. Самойленко Г. В. Забезпечення прав пасажирів: проблема колізії цивільного та споживчого законодавства // Вісник Запорізького національного університету. Юридичні науки. 2018. № 2. С. 33–41. URL: <http://www.law.journalsofznu.zp.ua/vibirmovi-2-2018/?id=2878> (дата обращения: 20.01.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 349.2+331.109.32

ЗАБАСТОВКА КАК МЕТОД ЗАЩИТЫ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВЫХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ РАБОТНИКОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ СОЮЗАМИ

М. В. Новицкая

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин,
Могилевский институт МВД (Беларусь)

e-mail: mariya-nov@mail.ru

А. А. Кошман

курсант 3-го курса факультета милиции,
Могилевский институт МВД (Беларусь)

***Аннотация.** В представленной статье на основе анализа законодательства Республики Беларусь, научных взглядов зарубежных авторов исследовано определение понятия «забастовка», выделены его существенные признаки, сделаны выводы.*

***Ключевые слова:** коллективный трудовой спор, забастовка, профсоюз, ответственность, принуждение, ограничения.*

***Annotation.** In the presented article on the basis of the analysis of the legislation of the Republic of Belarus, scientific views of foreign authors the definition of the concept «strike» is investigated, its essential signs are allocated, conclusions are drawn.*

***Keywords:** collective labor dispute, strike, Union, responsibility, compulsion, constraint.*

В процессе реализации права на труд интересы сторон трудовых отношений не всегда совпадают, что может порождать возникновение индивидуальных и коллективных трудовых споров.

Порядок разрешения трудовых споров определен Трудовым кодексом Республики Беларусь (далее — ТК). Следует отметить, что крайней мерой урегулирования коллективных трудовых споров является забастовка. Нормативно закрепление права на забастовку прошло сложный исторический путь развития: от полного запрета с применением к его нарушителям уголовной ответственности до его легализации в законодательстве.

Сегодня право на забастовку признано всеми промышленно развитыми странами, а порядок его реализации определен национальным законодательством. При этом следует отметить, что в некоторых странах право на забастовку гарантировано государством, в некоторых — признается свобода забастовок, вытекающая из права на ассоциации. В контексте изложенного следует отметить, что Республика Беларусь относится к первой группе стран, где право на забастовку гарантируется Основным Законом государства (ст. 41) и закрепляется в ТК.

Проблема реализации права на забастовку связана с тем, что при высокой степени эффективности защиты интересов работников не должны быть нанесены тяжелые материальные потери для нанимателя. Современное трудовое законодательство закрепляет права и обязанности всех субъектов трудовых и тесно связанных с ними отношений, постулируя возможность реализации на одинаковом уровне. Следовательно, право на забастовку предполагает детальную правовую регламентацию и наличие определенных ограничений.

Анализ законодательства, регулирующего право на забастовку, позволяет выделить его сущностные признаки:

1. Забастовка является крайней мерой удовлетворения требований наемных работников. Реализовать право на забастовку возможно только в том случае, если стороны исчерпали все законодательно закрепленные способы урегулирования своих разногласий (примирительная комиссия, посредничество, арбитраж). В. Н. Толкунова считает, что забастовка это крайняя, исключительная мера разрешения трудового спора. Она является ультимативным действием работников, которое реализуется путем прекращения работы в целях выполнения нанимателем выдвигаемых требований, не урегулированных в примирительных процедурах [1.1, с. 127].

Согласно нормам ТК забастовка может проводиться не позднее трех месяцев со дня окончания всех примирительных процедур, если стороны не достигли консенсуса [1.2, ч. 2 ст. 388].

2. Выражается в форме временного приостановления выполнения трудовых обязанностей. Исходя из сущности забастовки, она не может быть бессрочной, при этом в законе конкретный срок проведения забастовки, как правило, отсутствует. Предполагается, что он определяется моментом достижения соглашения между сторонами спора.

В законодательстве отдельных государств (Болгарии, Венгрии, Германии, Кипре, Литве, Польше, Румынии и Эстонии) допускается проведение предупредительной забастовки в форме краткосрочного прекращения работы, однако, везде при этом ограничивается по времени; в Великобритании и Ирландии допускается при соблюдении определенных условий [1.3, с. 93]. Такую забастовку работники проводят с целью привлечения внимания нанимателя и общественности к серьезности своих намерений по достижению выдвигаемых требований. Ее проведение по продолжительности чаще всего занимает от одного часа до одного дня, и на работников возлагается обязанность предупредить нанимателя заранее о намерении проведения забастовки. Так, например, согласно ч. 6 ст. 410 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК России) такая забастовка может быть проведена в период рассмотрения коллективного трудового спора примирительной комиссией. Срок уведомления нани-

мателя напрямую зависит от уровня социального партнерства, на котором возник коллективный трудовой спор.

Объявить предупредительную забастовку вправе представительный орган работников (профсоюз), участвующий в примирительных процедурах. Он же возглавляет забастовку и выполняет обязанности, возложенные на него законодательством, например, обеспечивает минимум необходимых работ (услуг).

В ТК РБ возможность проведения предупредительной забастовки отсутствует, что, на наш взгляд, значительно снижает эффективность примирительных процедур, а потому учет прогрессивного опыта российского законодательства может положительным образом сказаться на нормах национального права.

3. Природа осуществляемых работниками действий. Н. Л. Лютов предлагает рассматривать забастовку в узком и широком смыслах. Под забастовкой в узком смысле подразумевается временное прекращение работниками своей работы. В широком смысле — деятельность, содержащая «также иные действия работников, осуществляемые с той же целью и нарушающие нормальную работу предприятия (замедления работы и иные нарушения обычного хода ее выполнения для удовлетворения требований работников)» [1.4, с. 211].

В ТК понятие забастовки, с позиции осуществляемых работниками действий, закреплено в узком смысле. Иные формы протеста работников не признаются забастовкой.

Следует отметить сложность механизма организации проведения забастовки. Национальное законодательство Беларуси не является исключением. Так, во-первых, забастовка как способ разрешения коллективного трудового спора предусматривает обязательные примирительные процедуры, длительность которых с момента выдвижения требований и завершения работы трудового арбитража в целом может составлять около 40 дней. Во-вторых, решение о проведении забастовки принимается либо на собрании, на котором присутствует более половины работников, либо на конференции, на которой присутствуют не менее 2/3 избранных делегатов, тайным голосованием [1.2, ст. 389]. Все это в совокупности затрудняет организацию и проведение законной забастовки. Схожее положение характерно для многих государств. Поэтому профсоюзы или работники часто предпочитают объявить забастовку вообще без прохождения официальных процедур или используют различные формы забастовочных действий, дающие «эффект забастовки без забастовки». Это, например, «работа по правилам», «сидячие забастовки», остановка работы продолжительностью менее чем одна смена или использование права на индивидуальный отказ от работы как одна из форм легальной забастовки [1.5, с. 493]. И если, например, для Беларуси и России проведение подобных акций не укладывается в правовое поле, то во многих зарубежных странах они признаются легальными. При про-

ведении таких видов акций работники формально не нарушают своих трудовых обязанностей, а значит, они могут определенным образом воздействовать на нанимателя, сохраняя при этом свои интересы с малыми материальными потерями. Следовательно, в целях повышения эффективности механизма защиты коллективных интересов работников, на наш взгляд, целесообразно включить в легальное определение понятия «забастовка», закрепленное в ТК, слова «иных действий работников, направленных на замедление работы либо на остановку или ограничение производительности труда».

4. Добровольность забастовки. Право на участие в забастовке реализуется работниками добровольно. Никто не может заставить участвовать в забастовке или отказаться от участия в ней. Непрямой формой принуждения можно считать невозможность работника, отказавшегося от участия в забастовке, продолжить выполнение своих трудовых обязанностей. В этом случае у нанимателя в отношении данного работника возникает обязанность производить выплату заработной платы не ниже $\frac{2}{3}$ установленной ему тарифной ставки (оклада) [1.2, ч. 2 ст. 396, ч. 1 ст. 71].

Прямое насилие или угроза применения насилия в целях принуждения к участию или отказу от участия в забастовке признается на основании ст. 399 ТК уголовно-наказуемым деянием. К виновным лицам могут быть применены следующие виды наказаний: штраф, или лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или арест, или ограничение свободы на срок до трех лет.

5. Забастовка является коллективным действием, носит организованный характер. Право на забастовку по своей сути является коллективным. Реализовать право на забастовку могут такие коллективные субъекты трудового права, как профсоюзы или работники организации. Во многих странах право на забастовку признается исключительно за профсоюзами. В том случае если забастовка объявлена не профсоюзом или при отсутствии его одобрения, поддержки ее проведения, забастовка признается незаконной (Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Португалия и др.) [1.6, с. 1044].

В соответствии с нормами права Республики Беларусь, в частности со ст. 22 Закона «О профессиональных союзах», профсоюзы наделены правом на организацию и проведение забастовок. При этом решение о проведении забастовки принимается не представительным органом работников, а общим собранием (конференцией) работников. Далее все мероприятия по организации и проведению забастовки выполняет представительный орган работников. Его роль в организации данного процесса переоценить невозможно. Грамотные, с точки зрения права, действия представительного органа работников — залог успешного разрешения коллективного трудового спора.

6. Цель забастовки — разрешение коллективного трудового спора. Отметим, что в законодательстве Беларуси право на забастовку может быть использовано работниками для защиты их социально-экономических интересов, выдвижение политических требований не допустимо. Право на забастовку не является абсолютным. Закон допускает введение ограничений, если это вызвано интересами национальной безопасности, необходимостью поддержания общественного порядка, сохранения здоровья населения, защиты прав и свобод других лиц [1.2, ч. 3 ст. 388].

Изложенное позволяет прийти к выводу, что в современном мире право на забастовку является одним из действенных способов отстаивания работниками своих социально-экономических интересов, к которому можно прибегнуть в крайнем случае. Как правовое явление забастовка имеет свои сущностные признаки, позволяющие отграничить ее от иных акций протеста.

В осуществлении такого сложного, многопланового процесса, как забастовка, особая роль принадлежит профсоюзу. Он как основной представительный орган работников участвует на всех этапах ее проведения. Именно от его компетентности и авторитетности зависит законность проведения забастовки и положительный результат в урегулировании коллективных разногласий.

1. Толкунова В. Н. Справочник судьи и адвоката по трудовым делам. М. : Проспект, 2004. 288 с. [Вернуться к статье](#)

2. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

3. Черняева Д. В. Теоретические проблемы правового регулирования забастовок и локаутов в Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2. С. 86–96. [Вернуться к статье](#)

4. Лютов Н. Л. Коллективные трудовые споры: сравнительно-правовой анализ. М. : Проспект, 2007. 255 с. [Вернуться к статье](#)

5. Козина И. М. Рабочее движение в России: анатомия забастовки // Журнал исследований социальной политики. 2009. № 4. С. 485–502. [Вернуться к статье](#)

6. Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права : учебник : в 2 т. М. : Статут, 2009. Т. 2 : Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. 1151 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.27

ПРИНЕСЕНИЕ ИЗВИНЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕМУ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Л. В. Павлова

старший научный сотрудник отдела исследований
в области правоохранительной деятельности
и осуществления правосудия,
Институт правовых исследований
Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь
e-mail: Paulava_lv@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены генезис и современные подходы регламентации принесения извинения потерпевшему, отмечена необходимость развития данных положений, что особо оправдано при причинении нематериального вреда. Сформулированы предложения, направленные на повышение правовой культуры граждан, расширение средств уголовно-правового реагирования и реализацию восстановительной функции уголовного закона.

Ключевые слова: принесение извинения, потерпевший, восстановительная функция уголовного закона.

Annotation. The article discusses the genesis and modern approaches to the regulation of apologizing to the victim. The need to develop well-established provisions for cases of causing non-material harm is noted. The proposed approach is aimed at increasing the legal culture of citizens, expanding the list of criminal law instruments and implementing the restoration function of criminal law.

Keywords: apology, victim, restorative function of criminal law.

Совершение общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом, влечет возникновение конфликтного охранительного уголовного правоотношения. Одним из основных прав потерпевшего, как участника данного правоотношения является право на устранение (минимизацию) причиненного имущественного ущерба, физического и (или) морального вреда, что следует из ч. 3 ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), в соответствии с которой уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости; осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него как имущественного ущерба, дохода, полученного преступным путем, так и материального возмещения морального вреда. В этой связи особую актуальность приобретают прикладные аспекты реализации потерпевшим права на возмещение ущерба и устранение вреда.

Вопросы, касающиеся способов возмещения ущерба и заглаживания вреда, приведены в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29.03.2012 г. № 1 «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности», где отмечено, что заглаживание нанесенного преступлением вреда может быть осуществлено посредством принесения потерпевшему извинения.

На страницах современной юридической печати вопрос о принесении извинения потерпевшему не получил широкого освещения. В качестве причин такого положения дел видится некоторое игнорирование средств общественно-морального воздействия, отношение к принесению извинения как к пережитку прошлого, когда значимое влияние имели социально одобряемые неформализованные правила общежития и т. п. Полагаем, что и в настоящее время принесение извинения потерпевшему может быть рассмотрено как действенное средство обеспечения прав и законных интересов потерпевшего, способствующее реализации восстановительной функции уголовного закона.

Принесение извинения потерпевшему как самостоятельное средство воздействия, применяемое к лицу, совершившему преступление, не является новацией для отечественного права. В статутах ВКЛ за оскорбление шляхтича предусматривалось обязательное публичное принесение извинения потерпевшему в суде или ином общественном месте; в дополнение к наказанию за некоторые преступления предусматривалось покаяние. Например, согласно арт. 15 раздела XI Статута ВКЛ 1588 г. в случае причинения беременной женщине телесных повреждений, в результате которых она лишилась плода, кроме тюремного заключения и выплаты «навязки», виновный обязан был во время больших религиозных праздников «каля царкоўных дзвярэй на локаць ад зямлі стаяць і ў граху сваім перад людзьмі, якія ўваходзяць і выходзяць з царквы, публічна спавядацца. А потым абяцаць пільна гэтага асцерагацца і не дапускаць паўтору» [1, с. 163]. В российском праве принесение извинения в качестве ответственности было введено Петром I для случаев оскорбления офицерской чести вместо дуэлей.

Принесение извинений предусматривалось и в законодательстве советского периода. Обязанность публично извиниться перед потерпевшим или членами соответствующего коллектива, согласно ч. 4 ст. 32 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., могла быть возложена на лицо в качестве наказания, если имело место посягательство на неприкосновенность или достоинство личности либо нарушение правил социалистического общежития, не причинившее материального ущерба.

Вместе с тем на страницах юридической печати высказывались и критические замечания относительно данного наказания. Отмечалось, что «возложение обязанности загладить причиненный вред в первую очередь преследует цель удовлетворения потерпевшего, но наказание в советском уголовном праве такой цели не имеет и иметь не может... переживаемое при принесении извинений унижение достоинства способно озлобить осужденного, внутренне настроить его против приговора и мероприятий по исправлению и перевоспитанию» [2, с. 115–116], в связи с чем предлагалось исключить данное наказание из уголовного закона. Вопросы о том, не озлобит ли в таком случае правосудие потерпевших ввиду инертного отношения к их чувствам и потребностям, не пресекутся ли намерения потерпевших взаимодействовать с правоохранительными органами и судом в целях защиты и восстановления нарушенных отношений, остались за рамками указанных исследований.

С принятием Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. публичное принесение извинения, а равно возмещение причиненного ущерба и устранение вреда утратили статус наказаний. Тем самым произошло сужение механизма реализации права потерпевшего на устранение причиненного вреда. С. В. Анощенкова высказывает по данному поводу следующую точку зрения: «Законодатель вместо плодотворного совершенствования правовой нормы пошел по пути наименьшего сопротивления – отказался от применения вида наказания, направленного на возмещение потерпевшему вреда; тем самым в очередной раз произошел поворот от восстановительного воздействия к карательному» [3, с. 183–184].

На наш взгляд, содержательная сторона принесения извинения как наказания действительно дискуссионна. Но следует согласиться с приведенной позицией о том, что отказ от данного средства вряд ли целесообразен, тем более что уголовно-правовое реагирование, предусматривающее принесение извинения, может осуществляться не только посредством наказания. В связи с этим необходимо по-новому взглянуть на порядок его регламентации.

В Уголовном кодексе БССР 1960 г. наказания, подобные «возложению обязанности загладить причиненный вред» (ст. 32 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.), отсутствовали. Однако отечественным законодателем принесение извинения рассматривалось в качестве меры общественного воздействия, что было закреплено в Положении о товарищеских судах, утвержденном Указом Президиума Верховного Совета БССР 29.03.1977 г. № 1128-IX. Согласно ч. 2 ст. 7 товарищеский суд был уполномочен рассматривать дела о впервые совершенных деяниях, содержащих признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности, если органы внутренних дел, прокуратура или суд, в соответствии с действующим законодательством, передадут материалы

такого дела на рассмотрение товарищеского суда. При этом товарищеский суд мог применить к виновному такие меры воздействия, как: 1) обязать принести публичное извинение потерпевшему или коллективу; <...> 4) объявить общественный выговор с опубликованием или без опубликования в печати; и др. В ряде случаев, принеся извинение, виновное лицо могло избежать применения более строгих мер (ст. 7, 16, 17 Положения о товарищеских судах). Используя общественное воздействие в качестве альтернативы уголовному, законодатель тем самым осуществлял экономию карательной политики. Вступление 1 января 2001 г. в силу УК, признанного единственным уголовным законом, действующим на территории Республики Беларусь, исключило применение указанного Положения о товарищеских судах. Вместе с тем вопросы принесения извинения потерпевшему были учтены и регламентированы в уголовном законе.

УК обращается к принесению извинений как к средству воздействия в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 77, ч. 5 ст. 78, п. 2 ч. 2 ст. 117 УК. В частности, в ч. 4 ст. 77, ч. 5 ст. 78 УК принесение извинения закреплено в качестве обязанности, которая может быть возложена на лицо при осуждении с отсрочкой исполнения наказания или с условным неприменением наказания. Если осужденный, несмотря на официальное предупреждение, не выполняет возложенные на него обязанности, суд может отменить принятое решение об осуждении с отсрочкой исполнения наказания или с условным неприменением наказания и направить осужденного для отбывания наказания (ч. 6 ст. 77, ч. 7 ст. 78 УК). Требование о принесении извинения потерпевшему может выступить и в качестве одного из условий освобождения лица от уголовной ответственности, что следует из содержания ст. 86, 88, 89 УК, а также специальных оснований освобождения лица от уголовной ответственности, предусматривающих заглаживание причиненного вреда.

Кроме того, в УК закреплено, что «принесение извинений потерпевшему несовершеннолетним осужденным публично или в иной форме, определяемой судом», является одной из принудительных мер воспитательного характера (п. 2 ч. 2 ст. 117 УК). Согласно ч. 5 ст. 117 УК в случае злостного уклонения несовершеннолетнего в течение срока судимости от исполнения принудительной меры воспитательного характера, по представлению органа, ведающего ее исполнением, суд может заменить данную меру на более строгую. То есть применительно к несовершеннолетним осужденным принесение извинений законодателем определено в качестве самостоятельной меры, способной реализовать цели уголовной ответственности.

Несмотря на отсутствие единообразия в нормативной регламентации принесения извинения, следует приветствовать, что отечественный законодатель не отказался от его закрепления в УК. Целесообразность использования

такого средства подтверждается опытом ряда зарубежных стран, имеющих высокий уровень правовой культуры, где существует особая точка зрения на сущность и значение принесения извинения пострадавшему лицу.

Так, эффективность сатисфакции как формы ответственности в виде публичного извинения, признания собственной неправоты одной из сторон, удовлетворяющих требованиям другой стороны, признается применительно и к межличностным, и к межгосударственным отношениям. Исследователи отмечают, что согласно одному из известных толкований, «под извинениями понимается деяние, которое не остается незамеченным, а его отсутствие не окажется бесследным для текущих и будущих отношений сторон» [4]. Применительно к межличностной сфере подобная характеристика связывает принесение извинения с концепцией восстановительного правосудия, направленной на воссоздание и нормализацию нарушенных отношений, в том числе минимизацию нанесенного пострадавшей стороне вреда (материального, физического, психологического, эмоционального и др.). Отмечается, что принесение извинения имеет социальную значимость и обладает рядом практически важных особенностей:

- принесение извинения как мера ответственности позволяет восстановить моральное равенство между сторонами конфликта: просящий о прощении дает понять, что нарушил установленные правила и причинил вред пострадавшему;

- извинения можно считать проверкой единства ценностной системы нарушителя и общества; особенно это важно в ситуациях, когда необходимо подчеркнуть признание верховенства права и уважение другой стороны; «извинение ожидается и признается в Японии как знак уважения и гармонии в обществе»;

- извинения перед пострадавшей стороной содействует досудебному урегулированию конфликтов и способны сократить продолжительность разбирательства [4].

Весьма востребованным принесение извинения может оказаться в случае совершения противоправного деяния «публичным лицом» — должностным лицом, руководителем общественной организации, представителем сферы искусства, шоу-бизнеса и др., поскольку в таких случаях раскаяние от лица ожидать может не только потерпевший, но и общество в целом. В качестве примера из зарубежной практики по принесению извинения приведем судебное разбирательство, основанием для которого явилось некорректное высказывание представителя эстрады в адрес журналиста: «К., являясь одним из известнейших артистов и образцом для подражания молодежи, умышленно и цинично оскорбил А.» [5]. Данные действия медиаперсоны повлекли протесты ряда средств массовой информации и требования принести извинения в адрес потерпевшей. С

учетом сложившейся ситуации виновное лицо принесло публичные извинения [5], в результате чего были удовлетворены как притязания потерпевшей, так и общественности. Тем самым требование о принесении извинений, не будучи закрепленным в уголовном законе страны, выступило эффективным средством воздействия в отношении лица, совершившего преступление. Данный пример подтверждает восстановительно-компенсаторный потенциал принесения извинения и возможность таким образом в уголовно-правовой сфере решать проблемы, касающиеся нравственности и правовой культуры.

Приведенный исторический и зарубежный опыт свидетельствует о целесообразности сохранения и развития в отечественном уголовном праве положений о принесении извинений потерпевшему. Придерживаясь сложившейся законодательной практики, полагаем, что принесение извинения может быть возложено на лицо в качестве обязанности при осуждении с применением иных мер уголовной ответственности или условием освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Обращение к такому средству, обеспечивающему заглаживание вреда в нематериальной форме, представляется особо востребованным в случае посягательства на неимущественные права либо принадлежащие лицу другие нематериальные блага (жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и др.). При этом не исключаем, что вопрос о принесении извинений должен рассматриваться правоприменителем и в тех случаях, когда потерпевшему причинен имущественный ущерб, однако очевидно, что его устранение невозможно по объективным причинам. Это позволит более действенно реализовывать восстановительную функцию уголовного закона.

Безусловно, эффективность уголовно-правового реагирования, предусматривающего принесение извинения, зависит от раскаяния лица, совершившего преступление, его готовности извиниться, а также настроенности потерпевшего выслушать данное лицо, принять извинения. В связи с этим при принятии решения по уголовному делу необходимо учитывать волеизъявления и предложения потерпевшего и лица, совершившего преступление, о способе принесения извинения.

В ситуации уклонения лица от принесения извинения либо при очевидном формальном характере раскаяния уголовным законодательством должна предусматриваться возможность восстановления доброго имени потерпевшего, опровержения порочащих его сведений и привлечения дополнительного внимания к общественному осуждению виновного посредством афиширования приговора суда с согласия потерпевшего.

Расширение практики уголовно-правового реагирования, связанного с принесением извинения потерпевшему лицом, совершившим преступление, будет содействовать повышению правовой культуры и правосознания граждан и позволит разнообразить перечень средств воздействия, предусмотренных УК и не связанных с изоляцией лица от общества. Учет высказанных предложений при совершенствовании нормативной регламентации принесения извинения в уголовном законе будет способствовать удовлетворению прав и законных интересов потерпевших и в целом — содействовать восстановлению социальной справедливости.

1. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / пер. на сучасную бел. мову А. С. Шагун. Мінск : Беларусь, 2010. 207 с. : іл. [Вернуться к статье](#)
2. Дуюнов В. К., Цветилович А. Л. Дополнительные наказания : теория и практика. Фрунзе : Илим, 1986. 240 с. [Вернуться к статье](#)
3. Анощенко С. В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем. М. : Волтерс Клувер, 2006. 248 с. [Вернуться к статье](#)
4. Афанасьева Е. Г., Бумажкина А. В. Принесение извинения как способ защиты права [Электронный ресурс] // Отрасли права : аналитический портал. URL: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/1874> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)
5. Лента новостей [Электронный ресурс] // Информационный портал: Сегодня URL: <https://www.segodnya.ua/culture/showbiz/pjat-let-pocle-ckandala-kirkorov-vinit-nervu-a-arojan-ne-khodit-k-khamam.html> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 347.734

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «КРЕДИТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ»

Л. Г. Полякова

старший преподаватель кафедры гражданского
и хозяйственного права,

Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова

e-mail: rplg2009.sk@yandex.ru

Аннотация. В статье автор анализирует легальные дефиниции термина «кредитная организация», выявляет основные признаки кредитной организации, высказывает мнение о необходимости законодательного закрепления данного понятия в Банковском кодексе Республики Беларусь. Предложено авторские определение понятия «кредитная организация».

Ключевые слова: кредитная организация, банк, небанковская кредитно-финансовая организация, микрофинансовые организации, банковская деятельность, банковские операции.

Annotation. In the article, the author analyzes legal definitions of the term credit 'credit organization', and identifies the main features of a credit organization, expresses the view about the necessity to legislate this concept in the Banking Code of the Republic of Belarus. There is suggested the author's definition of the notion «credit organization».

Keywords: credit organization, bank, a non-bank credit and financial institution, a microfinance organization, banking activities, banking transactions.

Правовая определенность — необходимое условие для однозначного понимания и единообразного применения норм права и, как следствие, гарантия реализации принципов права, к числу которых относятся равенство, поддержание доверия граждан к закону и другие. Правовая определенность норм права складывается из ясных недвусмысленных и понятных правовых предписаний [1].

В этой связи обращает на себя внимание правовая неопределенность относительно применения в действующем национальном законодательстве понятия «кредитная организация», обусловленная отсутствием законодательного закрепления содержания данного термина, путем раскрытия его дефиниции на основе выделения необходимых и достаточных признаков.

В отдельных нормативных правовых актах Республики Беларусь, регулирующих отношения с участием субъектов банковской деятельности, наряду с понятиями «банк» и «небанковская кредитно-финансовая организация» используется понятие «кредитная организация» [2, ст. 26; 3, ст. 4; 4, ст. 11.5; 5, ст. 224], при этом отсутствует законодательное закрепление определения

данного термина. Заметим, что для национального законодательства, в том числе отраслевого, характерно использование правовой конструкции «банки и иные кредитные организации», что вызывает вопрос, о каких иных кредитных организациях идет речь. Так, в статье 22 Налогового кодекса Республики Беларусь, в которой закреплены обязанности плательщиков налогов, содержится предписание, обязывающее плательщика в порядке и сроки, установленные законодательными актами, сообщать в налоговый орган по месту постановки на учет сведения об открытии или закрытии счета в банке и иной кредитной организации за пределами Республики Беларусь [3]. Уголовным кодексом и Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях предусмотрена ответственность (соответственно уголовная и административная) за нарушение порядка открытия счетов за пределами Республики Беларусь — за открытие счета в банке или иной кредитной организации без разрешения Национального банка Республики Беларусь, когда в соответствии с законодательством такое разрешение требуется [5, ст. 224; 4, ст. 11.5].

Конструкция «банки и иные кредитные организации» используется и в отраслевом (банковском) законодательстве, в частности в Банковском кодексе Республики Беларусь (далее — Банковский кодекс). Среди функций Национального банка Республики Беларусь, закрепленных в статье 26 Банковского кодекса, называется и «определение условий открытия резидентами Республики Беларусь счетов в банках и иных кредитных организациях за ее пределами» [2].

Вместе с тем, как уже было отмечено, национальное законодательство не дает легального определения данного понятия, что, в свою очередь, влечет возможность двоякого толкования понятия «кредитная организация», вследствие чего возникает возможность объединения данным понятием не только субъектов банковской деятельности (банков и небанковских организаций), но и других участников финансового рынка, в частности микрофинансовых организаций, которые осуществляют деятельность на рынке потребительского кредитования (предоставление займов).

Следует отметить, что термин «кредитная организация» широко используется в законодательстве Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС), регулирующем отношения на межгосударственном уровне с участием банков. В нормативных актах ЕАЭС кредитная организация определяется как юридическое лицо государства-члена, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании лицензии, выданной уполномоченным органом государства-члена по регулированию банковской деятельности, имеет право осуществлять банковские операции в соответствии с законодательством государства-члена, на территории которого оно зарегистрировано

[6, прил. 17]. Схожее определение кредитной организации содержится в банковском законодательстве Российской Федерации. Так, в статье 1 Федерального закона Российской Федерации «О банках и банковской деятельности» приводятся следующие определения понятия кредитной организации: «Кредитная организация — юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации (Банка России) имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные настоящим Федеральным законом. Кредитная организация образуется на основе любой формы собственности как хозяйственное общество» [7, ст. 1].

Существенным признаком «кредитной организации», исходя из приведенных определений, является осуществление банковских операций. Соответственно, понятие «кредитная организация» используется в качестве обобщающего и относится к субъектам банковской деятельности. По законодательству Республики Беларусь, банковскую деятельность (банковские операции) имеют право осуществлять только банки и небанковские кредитно-финансовые организации [2, ст. 12]. Указанный признак кредитной организации не позволяет относить к категории кредитных организаций ранее указанные микрофинансовые организации, поскольку законодатель, не допускает отнесение подобных субъектов к категории банков и небанковских кредитно-финансовых организаций.

Понятие «кредитная организация», используемое в нормативных актах ЕАЭС и в российском законодательстве, содержит в себе все основные черты, присущие банкам и небанковским кредитно-финансовым организациям: коммерческий характер их деятельности, необходимость наличия лицензии, право на осуществление банковских операций. В связи с этим считаем вопрос о необходимости юридического определения и законодательного закрепления данного понятия в национальном законодательстве Республики Беларусь весьма актуальным. С этой целью, на наш взгляд, возможно внесение в Банковский кодекс Республики Беларусь отдельной статьи «Кредитные организации», в которой будет раскрыто содержание данного термина, а именно: «Кредитная организация — юридическое лицо (банк или небанковская кредитно-финансовая организация), имеющее право на основании лицензии, выданной Национальным банком Республики Беларусь, осуществлять все или отдельные виды банковских операций, предусмотренные законодательством Республики Беларусь. Основной целью деятельности кредитной организации является получение прибыли». И в этой связи понятия «банк» и «небанковская кредитно-финансовая организация», предусмотренные статьями 8 и 9 Банковского кодекса, необходимо дополнить термином «кредитная организация». На основании

изложенного предлагаем часть 1 статьи 9 Банковского кодекса изложить в следующей редакции: «Небанковская кредитно-финансовая организация — кредитная организация, имеющая право осуществлять отдельные банковские операции и виды деятельности, предусмотренные статьей 14 настоящего Кодекса»; а часть 1 статьи 8 «Банк — кредитная организация, имеющее исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение денежных средств физических и (или) юридических лиц на счета и (или) во вклады (депозиты); размещение привлеченных денежных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности и срочности; открытие и ведение банковских счетов физических и (или) юридических лиц».

Наличие легального определения кредитной организации даст возможность не только выделить ее отличительные признаки, но и позволит объединить субъектов банковской деятельности в общую группу, а следовательно, более детально упорядочить существующие правоотношения на рынке банковских услуг. Банк и небанковская кредитно-финансовая организация при таком подходе будут рассматриваться не только как часть кредитно-финансовой системы государства, но и как разновидность кредитной организации. Кроме того, предложенные изменения будут способствовать единообразному применению (толкованию) норм действующего национального законодательства и законодательства ЕАЭС, в том числе в банковской сфере, что является необходимым в современных условиях развития интеграционных процессов. На необходимость обеспечения единства в легальном закреплении и понимании терминов «банк», «кредитная организация» в условиях расширения возможностей взаимного доступа на финансовые рынки субъектов государств, участвующих в интеграционных объединениях, неоднократно указывалось в научной литературе [8, с. 95].

Таким образом, закрепление в отраслевом (банковском) законодательстве понятия «кредитная организация» и его использование при определении терминов «банк» и «небанковская кредитно-финансовая организация» не только позволят избежать неопределенности и неоднозначности при толковании отдельных норм права, но и будут способствовать единообразному их применению при регулировании отношений с участием банков, как в Республике Беларусь, так и на межгосударственном уровне.

1. Дербышева Е. А. Принцип правовой определенности как требование определенности нормы права // Юридические исследования [Электронный ресурс]. 2017. № 2. С. 68–80. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_21970.htm (дата обращения: 11.02.2019).
[Вернуться к статье](#)

2. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 25 окт. 2000 г., № 441-З : принят Палатой представителей 3 окт. 2000 г. : одобр. Советом

Респ. 12 окт. 2000 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

3. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) [Электронный ресурс] : 19 дек. 2002 г., № 166-З : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июля 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июля 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

6. Договор о Евразийском экономическом союзе (Приложение 17) [Электронный ресурс] : [подписан в г. Астане 29.05.2014 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

7. О банках и банковской деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон, 2 дек. 1990 г., № 395-1 : в ред. Федер. закона от 27.12.2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

8. Томкович Р. Р. Особенности правового статуса банков в государствах — участниках ЕВРАЗЭС // Промышленно-торговое право. 2012. № 6. С. 90–95. [Вернуться к статье](#)

УДК 346.57

РОЛЬ И ПРАВОВОЙ СТАТУС УПРАВЛЯЮЩЕГО ПО ДЕЛАМ О БАНКРОТСТВЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Н. В. Пушко

доцент кафедры правовых дисциплин,
кандидат экономических наук, доцент,
Могилевский институт МВД
e-mail: natap1980@tut.by

Аннотация. В статье рассмотрены основные новации, предусмотренные проектом Закона Республики Беларусь «О несостоятельности и банкротстве» в части, касающейся правового статуса временного (антикризисного) управляющего, а также проведен анализ особенностей назначения временных (антикризисных) управляющих, представленных в проекте по сравнению с существующим законодательством.

Ключевые слова: банкротство, экономическая несостоятельность, экономический суд, управляющий.

Annotation. The article deals with the main innovations provided by the draft law of the Republic of Belarus «On insolvency and bankruptcy» in terms of the legal status of the temporary (anti-crisis) Manager, as well as the analysis of the features of the appointment of temporary (anti-crisis) managers presented in the project in comparison with the existing legislation.

Keywords: bankruptcy, economic failure, the economic court, the manager.

Реформирование национальной экономики определило основные направления организации динамичной системы антикризисного управления экономически несостоятельными организациями. Такая система в нашем государстве сформирована на базе института банкротства и регулируется специальным законодательством. В настоящее время управляющий является одним из основных субъектов процесса банкротства, так как в его обязанности входит не только реализация возможности вывода предприятия из экономического кризиса, но и максимально возможное полное удовлетворение требований кредиторов при осуществлении ликвидационного производства.

При рассмотрении вопроса о правовом статусе управляющего необходимо определить тот категориальный аппарат, который будет применяться. Законодательству зарубежных стран известны институты кураторства, супервайзера, администратора доходов компании, управляющего доходами компании, ликвидатора, управляющего ликвидацией банкрота, и др. Существующее законодательство Российской Федерации классифицирует управляющих в зависи-

мости от вида процедур на временных, административных, внешних и конкурсных [1].

Согласно законодательству Республики Беларусь в случае возбуждения экономическим судом дела о банкротстве, в зависимости от процедуры банкротства, назначается временный или антикризисный управляющий. При этом необходимо отметить, что временный управляющий и антикризисный управляющий — это независимые субъекты в производстве по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) с различным правовым положением: временный управляющий назначается экономическим судом для проверки наличия оснований в целях возбуждения конкурсного производства, а также осуществления мер по обеспечению сохранности имущества должника и иных полномочий, из чего следует, что временный управляющий действует в процедуре защитного периода. В свою очередь, антикризисный управляющий назначается экономическим судом для проведения отдельных процедур банкротства и осуществления ряда других полномочий. Необходимо отметить, что управляющий может быть назначен как по ходатайству заявителя, так и самостоятельно экономическим судом по представлению государственного органа в делах о банкротстве.

В настоящее время по состоянию на 01.02.2019 г. перечень управляющих, соответствующих профессионально-квалификационным требованиям, предъявляемым к данной категории субъектов, насчитывает 313 человек.

Роль управляющего в урегулировании отношений между должником и кредиторами состоит в том, что, с одной стороны, стремясь максимально удовлетворить требования кредиторов, управляющий обеспечивает и всю возможную сохранность стоимости имущества предприятия-банкрота, а также, с другой стороны, обеспечивает защиту должника от необоснованных требований кредиторов. При этом управляющий осуществляет свою деятельность под контролем кредиторов в лице комитета кредиторов и суда, который контролирует, чтобы его действия соответствовали требованиям законодательства, не нарушали прав кредиторов, должника, иных лиц.

Управляющими могут быть две категории лиц: ИП или физические лица, (граждане Республики Беларусь, иностранные граждане или лица без гражданства, имеющие вид на жительство в Республике Беларусь). К данной категории лиц предъявляются и специальные требования: высшее образование, преимущественно экономического или юридического профиля, достаточный опыт хозяйственной деятельности, отсутствие судимости и наличие аттестата на соответствие профессионально-квалификационным требованиям, предъявляемым к управляющему, а также аттестат управляющего. В проекте нового Закона о банкротстве при сохранении всех вышеперечисленных требований предлагается предоставить возможность осуществлять свои функции в качестве управля-

ющего только тем, кто зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя.

В проекте Закона о несостоятельности и банкротстве допускается возможность назначения управляющим юридического лица [2]. К руководителю юридического лица предъявляются требования, установленные к управляющему — физическому лицу, за исключением необходимости наличия обязательной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. При этом в новом законопроекте не сформулирован комплекс требований, которым такое юридическое лицо должно соответствовать, не предусмотрена ответственность такого субъекта за неправомерные действия и возникающие в этой связи риски для предприятия.

Управляющий осуществляет свои полномочия на основании контракта управляющего, если иное не предусмотрено законодательством.

В настоящее время до подписания контракта управляющего физическое лицо, претендующее на его получение, должно пройти аттестацию на соответствие профессионально-квалификационным требованиям, предъявляемым к управляющему, и получить аттестат управляющего. Аттестаты выдаются по следующим категориям: «А», «В» и «С».

В новом законопроекте не содержится правовых норм о категориях аттестатов управляющих, при этом по вопросам порядка аттестации и переаттестации, оснований для прекращения действия аттестата управляющего, в том числе его аннулирования в связи с ненадлежащим исполнением им обязанностей, применена отсылочная норма с возможностью урегулирования данного вопроса на уровне Совета Министров Республики Беларусь.

Согласно действующему законодательству управляющий должен не только пользоваться доверием суда и других участников процесса, но и исполнять свои обязанности добросовестно и разумно, быть незаинтересованным лицом в отношении должника и кредиторов. В случае несообщения управляющим экономическому суду о том, что он является заинтересованным лицом в отношении должника, он может быть освобожден от исполнения обязанностей судом, а также дисквалифицирован.

Государственные служащие, судьи, работники аппарата судов, а также органов государственного контроля и надзора и иных правоохранительных органов не могут исполнять обязанности управляющего, при этом для работников органа государственного управления по делам о банкротстве, судей и работников аппарата экономических судов это требование действует еще в течение трех лет после прекращения работы в названных органах.

По законодательству, действующему в настоящее время, управляющий — юридическое лицо, которое наряду с деятельностью временного (антикризис-

ного) управляющего вправе осуществлять следующие виды деятельности: оказание юридических услуг; консультирование по вопросам коммерческой деятельности и управления; оценочную деятельность; научные исследования и разработки; образовательную деятельность. В предложенном законопроекте в качестве разрешенного добавлен еще один вид деятельности: ликвидация юридических лиц. Представляется возможным или расширить перечень видов деятельности, которыми вправе заниматься управляющий, за счет включения и иных видов, которые могут быть вспомогательными для деятельности управляющего, или вообще отменить данное ограничение, восприняв опыт Российской Федерации, где существует общее правило, что управляющий может заниматься иными видами профессиональной и предпринимательской деятельностью при условии, что такая деятельность не влияет на надлежащее исполнение им обязанностей, установленных законодательством.

В настоящий период вопрос о порядке назначения временного (антикризисного) управляющего остается сложным и дискуссионным. Согласно ст. 64 Закона «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» [3], по общему правилу, управляющий назначается экономическим судом из числа лиц, предложенных кредиторами, а когда заявление о банкротстве должника подано самим должником, — из числа лиц, предложенных должником. При этом лицо, подавшее в экономический суд заявление об экономической несостоятельности (банкротстве) должника, обязано представить в суд не менее трех кандидатур управляющего.

При этом в законодательстве разъясняется, что если заявителем или лицами, участвующими в деле, представлено несколько кандидатур, соответствующих установленным требованиям, суд вправе принять во внимание: категорию аттестата управляющего, опыт его работы в качестве управляющего, место нахождения (жительства) управляющего, количество дел о банкротстве, находящихся в производстве у управляющего, сроки их ведения, наличие фактов ненадлежащего исполнения управляющим своих обязанностей, мнение лиц, участвующих в деле [4]. Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что право представлять кандидатуры управляющих принадлежит всем участвующим в деле лицам, независимо от того, кто обратился с заявлением о банкротстве в суд.

Новеллой проекта Закона является обязательность выбора кандидатуры управляющего только судом, рассматривающим экономические дела, в случайном порядке с использованием автоматизированной системы из числа управляющих, сведения о которых внесены в Единый реестр. Данный подход имеет как свои достоинства, так и недостатки, в частности автоматический рандомный выбор кандидатуры управляющего позволяет добиться максимальной объ-

ективности, но при этом не учитывается специфика деятельности должника, которая может потребовать от управляющего специальных знаний и навыков. В частности, данный подход представляется не совсем обоснованным при выборе кандидатуры управляющего для градообразующего предприятия, предприятия, имеющего стратегическое значение для экономики, для сельскохозяйственной организации. Также необходимо отметить, что было бы целесообразно исследовать сведения о кандидатуре управляющего в судебном заседании с участием представителей заинтересованных лиц и с учетом их мнений. Кроме того, полагаем, что было бы разумным предоставить суду право повторного случайного выбора кандидатуры управляющего в случае мотивированного отклонения судом той кандидатуры, которая была выбрана первоначально.

Можно принять во внимание и опыт Российской Федерации, по законодательству которой кандидатуры всех управляющих представляются организацией арбитражных управляющих, а назначаются арбитражным судом. В Республике Казахстан временный управляющий назначается судом для сбора сведений о финансовом состоянии должника, а также для проведения ряда процедур банкротства до назначения банкротного управляющего. Кроме того, по законодательству Казахстана, существует также и временный администратор, который назначается судом для составления реестра требований кредиторов и согласования ряда сделок [5, с. 84].

Согласно ст. 71 Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» одно и то же лицо не может являться управляющим более чем в одном производстве по делу о банкротстве. Исключение может быть сделано только по делам о банкротстве отсутствующих должников, индивидуальных предпринимателей, а также должников, в отношении которых в установленном порядке принято решение о ликвидации.

В предлагаемом законопроекте норма об исполнении обязанностей управляющего в нескольких производствах по делам о несостоятельности и банкротстве содержится в ст. 56, в которой указано, что одно и то же лицо вправе исполнять обязанности управляющего одновременно в нескольких производствах по делам о банкротстве, если интересы должников не являются несовместимыми и это не влияет на качество исполнения обязанностей управляющего в каждом из этих производств. Количество дел, в которых может участвовать управляющий, определяется им самим и судом исходя из объема работ, их сложности и возможностей управляющего. У него также сохраняется возможность отказаться от исполнения обязанностей управляющего в деле о банкротстве по причине уже имеющихся у него в производстве аналогичных дел. Таким образом, законопроект, по сравнению с существующим законодательством, предлагает расширение сферы деятельности управляющего в части

возможности участвовать в нескольких производствах по делам о банкротстве при наличии определенных условий.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что при проведении анализа некоторых положений законопроекта нельзя не отметить их новизну и актуальность для современных условий, однако ряд положений требуют более тщательного обоснования и проработки перед принятием окончательного варианта предложенного законопроекта.

1. Корень Т. А. К вопросу о назначении управляющего по делу о банкротстве [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[Вернуться к статье](#)

2. О несостоятельности и банкротстве [Электронный ресурс] : проект Закона Респ. Беларусь, внесенный на рассмотрение Советом Министров в Нац. собрание Респ. Беларусь 13.07.2016 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. URL: <http://pravo.by/document/?guid=3941&p0=2016063001> (дата обращения: 11.02.2019).

[Вернуться к статье](#)

3. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-3 : с изм. и доп. : текст по состоянию на 4 янв. 2014 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[Вернуться к статье](#)

4. О некоторых вопросах применения судами законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 25.06.2015 г. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[Вернуться к статье](#)

5. Каменков В. Статус управляющего по делам о банкротстве: что нужно менять? // Юридический мир. 2018. № 7 (116). С. 81–86.

[Вернуться к статье](#)

УДК 340.132

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Е. Л. Ранько

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Гомельский государственный университет
им. Ф. Скорины (Беларусь)
e-mail: jena15@mail.ru

В. В. Стародубов

студент 4-го курса,
Гомельский государственный университет
им. Ф. Скорины (Беларусь)
e-mail: valera.belyy.1998@mail.ru

Аннотация. Государственно-правовое регулирование правоохранительной сферы, в том числе процессуальной деятельности правоохранительных органов позволяет обеспечить законность работы правоохранительной системы. Правильное применение данных норм, позволяет наиболее эффективно осуществлять правоохранительную функцию.

Ключевые слова: государство, правоохранительная функция, законность, правоприменение.

Annotation. State-legal regulation of law enforcement, including the procedural activities of law enforcement agencies allows to ensure the legality of the work of the law enforcement system. The correct application of these norms allows the most effective implementation of law enforcement function.

Keywords: state, law enforcement function, legality, law enforcement.

Государство в целях упорядочивания общественных отношений закрепляет нормы, регулирующие поведение людей.

Данные нормы являются отражением функций государства, среди которых одно из ключевых мест занимает правоохранительная функция.

Так, по мнению Н. В. Витрука, под охраной права следует понимать деятельность, направленную на устранение препятствий в реализации норм права, на борьбу с правонарушителями, на предупреждение этих проявлений [1, с. 104]. Под защитой права он рассматривал деятельность, проявляющуюся только тогда, когда нормы права не используются или есть злоупотребление правом, а также когда возникает препятствие по его реализации [2, с. 203–204].

Для реализации правоохранительной функции законодательно регулируются компетенция, права и обязанности, а также процессуальное закрепление деятельности правоохранительных органов.

В правоохранительной функции государства можно выделить следующие составляющие: охрану прав и свобод граждан [3, с. 47], охрану правопорядка [4, с. 159–160], укрепление правопорядка и законности [5, с. 7], контроль за соблюдением прав и обязанностей [6, с. 38], охрану общественного и государственного строя [7, с. 5–6] и др.

Все вышеперечисленное реализуется на практике государственными органами путем правоприменения.

Современное развитие системы правоохранительных органов, демонстрирует необходимость четкого понимания уполномоченным лицом особенностей правоприменения в данной сфере.

Для начала рассмотрим систему правоохранительных органов.

К правоохранительным органам Республики Беларусь относятся прокуратура, органы внутренних дел, государственной безопасности, государственного, в том числе таможенного, контроля, служба судебных исполнителей и др.

Правовой базой деятельности правоохранительных органов по реализации прав граждан и их защите служат Конституция Республики Беларусь, законы Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь», «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь», «Об оперативно-розыскной деятельности», кодексы (Уголовный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, Уголовно-исполнительный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях и др.) и иные законы и подзаконные акты [8].

Правоприменение как форма реализации государственной власти имеет важное значение в рамках общественных отношений. В таких отношениях с правоохранительными органами чаще всего взаимодействуют лица, которые, используя обыденное правосознание, неправильно понимают деятельность правоохранительных органов либо не исполняют правовые предписания, тем самым предопределяя применение более серьезных мер принуждения. В таких отношениях, вне зависимости от лиц, уполномоченное лицо, выступающее от лица государства и выполняя правоохранительную функцию, должно выступать профессионалом, тем самым осуществляя:

- уточнение субъективных прав и обязанностей лиц;
- разрешение спора о праве;
- устранение препятствия в осуществлении субъективного права;
- привлечение к юридической ответственности.

Важность компетентности правоприменителя объясняется публично-правовым характером таких отношений, так как результат действий уполномоченного лица влияет не только на изменение таких отношений, но и формирует отношение граждан к работе правоприменителя и к государству в целом. Таким

образом, необходимо придерживаться определенных этапов при правоприменении:

1. Установление фактических обстоятельств дела.

Самый главный пункт, который необходимо выполнить в рамках данной стадии, — это полное, всестороннее и объективное выяснение обстоятельств, которые имеют значение для дела. Это позволяет провести анализ фактических обстоятельств по делу и сделать вывод о ситуации в целом.

Также стоит учитывать, что доказательства, полученные на данной стадии, необходимо сопоставлять с такими понятиями, как:

- допустимость;
- достоверность;
- относимость.

Это позволяет еще на первом этапе обеспечить полную объективность правоприменения и невозможность отмены решения, вынесенного уполномоченным лицом при обжаловании.

2. Квалификация действий с точки зрения права и толкование нормы.

На данном этапе уполномоченное лицо дает правовую оценку действиям лиц в конкретной ситуации, учитывая предыдущий этап, тем самым определяя конкретные нормы, необходимые для применения, а также проводит анализ данной нормы с точки зрения ее толкования и практики ее применения.

3. Принятие решения по делу и исполнение решения.

На данном этапе принимается решение по делу с учетом двух предыдущих подготовительных этапов. В решении отображается вывод правоприменителя с учетом фактических обстоятельств дела и квалификации действий лиц. Решение носит официальный характер, и его исполнение обеспечивается государственными мерами принуждения.

Отметим, что примером вышеуказанной схемы правоприменения может служить деятельность органов предварительного следствия.

Под предварительным расследованием понимается деятельность специальных органов и должностных лиц по возбуждению уголовных дел, раскрытию преступлений, изобличению виновных лиц, совершивших преступление, выяснению обстоятельств уголовного дела, собиранию, проверке и закреплению доказательств по делу. При подтверждении в ходе предварительного расследования наличия оснований для уголовной ответственности и наказания лиц уголовное дело передается в суд.

Важность правоприменения объясняется тем, что это основная форма деятельности правоохранительных органов, которая проявляется постоянно. Важность компетентных действий правоприменителя определяет его действия на всех стадиях и законность принятого решения, которое влияет на правовой

статус граждан. Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что правоприменение имеет свои особенности, которые должен учитывать правоприменитель для эффективной реализации норм права в правоохранительной сфере.

1. Витрук Н. В. Процессуальные формы реализации и охраны прав и обязанностей граждан // Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. М., 1976. С. 104–105. [Вернуться к статье](#)
2. Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М. : Наука. 1979. 229 с. [Вернуться к статье](#)
3. Малько А. В., Матузов Н. И. Теория государства и права : учебник / М. : Юристъ, 2001. 187 с. [Вернуться к статье](#)
4. Хропанюк В. Н. Теория государства и права : учебник. М. : Интерстиль, 1997. 377 с. [Вернуться к статье](#)
5. Литовченко Л. Г. Внешние функции народно-демократической республики и государственно-правовые формы их осуществления (на опыте европейских стран) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1965. 24 с. [Вернуться к статье](#)
6. Чесноков Д. И. О функциях советского социалистического государства // Вопросы философии. 1958. № 7. С. 30–47. [Вернуться к статье](#)
7. Загайнов Л. И. Экономические функции Советского государства. М. : Юридическая литература, 1968. 263 с. [Вернуться к статье](#)
8. Могилевский институт МВД Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://sdo.institutemvd.by/mod/book/view.php?id=6830&chapterid=7677> (дата обращения: 20.01.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 347.795.4:656.132:340.134(477)

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРЕВОЗОК ПАССАЖИРОВ АВТОБУСАМИ: ПЕРСПЕКТИВЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

С. В. Резниченко

профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, профессор,
Одесский государственный университет внутренних дел (Украина)
e-mail: srez@ukr.net

Аннотация. *Перевозка пассажиров стала неотъемлемой частью жизни современного общества. Более того, в контексте понимания перевозки пассажира в качестве одного из возможных способов реализации права человека на свободу передвижения возникает необходимость обеспечения, в том числе нормативного, возможности реализации данного права. Учитывая неравное правовое положение перевозчиков (которые часто занимают монопольное положение) ввиду их затрат на приобретение транспортных средств и специфифункционирования транспорта на определенных маршрутах (организация перевозок на маршрутах, рейсах), возникает ряд вопросов, связанных с установлением нормативов, обеспечивающих права пассажиров, уравнивающих неравенство правовых статусов перевозчиков и пассажиров.*

Частично этот вопрос решается путем закрепления в ГК Украины ст. 633 (публичный договор), ст. 634 (договор о присоединении), которые отражают, во-первых, специфику фактических правоотношений между перевозчиком и пассажиром, во-вторых, специфику договорной конструкции, используемой для автономного регулирования исследуемых отношений, в-третьих, дают достаточные основания считать, что само по себе саморегулирование (или автономное регулирование) не способно надлежащим образом обеспечить права «слабой стороны договора». Именно

Annotation. *Passenger transportation has become an integral part of the life of modern society. In the context of understanding the transportation of a passenger as one of the possible ways of realizing the human right to freedom of movement, there is a need to ensure, including the normative, the possibility of realization of this right. Taking into account the unequal legal status of carriers (which often occupy a monopoly position) due to their costs for the purchase of vehicles and the specifics of the operation of transport on certain routes (organization of transportation on routes, flights), a number of issues arise in connection with the establishment of norms that ensure the rights of passengers and balancing their legal status with carriers.*

In part, this issue is solved by securing in the Civil Code of Ukraine Art. 633 (public contract), art. 634 (accession agreement). They reflect, firstly, the specifics of the actual legal relationships between the carrier and the passenger, and secondly, the specifics of the contractual design used for the autonomous regulation of the relations under investigation, and thirdly, give sufficient reasons to consider that self-regulation (or autonomous regulation) by itself is not capable of properly securing the rights of the «weak side of the treaty».

поэтому мы и склоняемся к мысли о том, что подобное неравенство способно уравновесить нормативное регулирование организации перевозок пассажиров (в контексте нашего исследования — перевозок пассажиров автобусами).

Ключевые слова: перевозка, договор перевозки, автомобильный транспорт, нормативно-правовое регулирование, автономное регулирование, права пассажиров.

That is why we are inclined to think that such inequality can be eliminated by regulating the organization of passenger transportation (in the context of our study, the transport of passengers by bus).

Keywords: carriage, contract of carriage, automobile transport, legal regulation, autonomous regulation, passenger rights.

Концепция Гражданского кодекса Украины 2003 г. (далее — ГК) предусматривает регулирование правоотношений на принципах, способных обеспечить надлежащее функционирование цивилизованного рынка. Ст. 3 указанного кодекса закрепила основы гражданского законодательства, среди которых недопустимость произвольного вмешательства в сферу личной жизни человека; свобода договора; свобода предпринимательской деятельности, не запрещенной законом; судебная защита гражданских прав и интересов; справедливость, добросовестность и разумность.

ГК большей частью решает вопросы договоров. Им посвящена Особенная часть Кодекса. Это является закономерным, поскольку именно договор является формой моделирования диспозитивной активности участников гражданского оборота. Путем использования договора в качестве основного регулятора общественных отношений возможно достичь необходимого результата правового регулирования общественных отношений в сфере перевозок, в том числе в аспекте перевозок пассажиров автомобильным транспортом (автобусами).

Следует согласиться, что при перевозке пассажиров общественным транспортом действует конструкция договора о присоединении, что нивелирует свободу потребителя транспортных услуг [0, с. 63]. Таким образом, возникает потребность компенсировать недостающую степень свободы пассажира путем нормативных гарантий обеспечения правового положения, правового статуса пассажира путем закрепления комплекса прав и обязанностей перевозчика и пассажира. Таковые содержатся в Уставе автомобильного транспорта Украинской ССР от 27.06.1969 г. № 401 [1], Правилах предоставления услуг пассажирского автомобильного транспорта от 18.02.1997 г. [2] и др.

Данное обстоятельство могло бы поставить под сомнение роль договора в регулировании общественных отношений по перевозке пассажиров автобусом. В качестве контраргумента приведем тезис Ю. А. Тихомирова [3, с. 183], на который ссылается Г. В. Самойленко [4, с. 9]. Речь идет о происхождении правил поведения. Если договор выражает индивидуализированную волю сторон, то правовой акт — волю законодателя. Если нормативно-правовой акт порождает

общеобязательное правило поведения, то договор рассчитан на регулирование персонифицированного поведения сторон договора.

Сам нормативно-правовой акт в контексте конкретного правоотношения играет неоднозначную роль — он является регулятором общественных отношений, содержащим их идеальную модель. Профессор Р. З. Лившиц писал, что законодатель те или иные идеи превращает в нормы, т. е. действует схема: идея — норма — правоотношение [6, с. 95–96].

С другой стороны, он устанавливает рамки договорной свободы, в которой дозволена реализация свободы и субъективных гражданских прав. По мнению И. И. Зазуляк, предоставление законодателем возможности сторонам самостоятельно устанавливать отдельные существенные условия договора исходит из принципа диспозитивности и разрешает в каждом конкретном случае достигнуть соглашения сторон по условиям, которые являются для них существенными в данном конкретном договоре. Однако и в таком случае не должна нарушаться природа договора или наблюдаться противоречие императивным предписаниям нормы закона [7, с. 157].

С третьей стороны, нормативно-правовой акт может содержать отдельные условия договора. В таком случае они являются неотъемлемой частью договорных условий.

Исходя из таких позиций, С. А. Погребной утверждает, что правовое регулирование договорных отношений является влиянием субъекта правового регулирования (участников гражданских правоотношений или государства) на гражданские общественные отношения путем установления норм гражданского права (договорного или уставного) и их реализации с целью упорядочения указанных отношений в соответствии с идеальной моделью, заложенной в этих нормах [8, с. 37].

Фактические отношения, связанные с перевозкой пассажиров автобусами, складываются таким образом, что, несмотря на всю свободу предпринимательской деятельности, договорную свободу, представляют собой некую модель правоотношений, облеченную в правовую форму. Органы государственной власти и местного самоуправления активным образом влияют на данную сферу общественных отношений путем формирования механизма их правового регулирования. Основными элементами этого механизма остаются правовая норма и сама деятельность, связанная с реализацией данных норм. На теоретическом уровне правовой доктриной признаны формы реализации таких норм: соблюдения (воздержания от неправомерных действий); исполнения (исполнение юридических обязанностей положительного содержания); использования (осуществления правомочий лица); применения.

Тем не менее относительно правоотношений организационного характера в гражданском праве Украины продолжаются споры по поводу включения их в круг предмета гражданско-правового регулирования.

Мы же исходим из того, что, поскольку законодатель включил предварительный договор (ст. 635 ГК Украины), а также ряд подобных ему в предмет правового регулирования, которые по своей сущности имеют организационный характер, тем самым он признал сферу организационных правоотношений сферой гражданско-правового регулирования. Безусловно, организационная деятельность большей частью является результатом управленческой деятельности, но, в свою очередь, сами акты как результат этой управленческой деятельности (в том числе в сфере организации перевозок пассажиров автобусами) являются актами гражданского законодательства, поскольку они содержат ряд предписаний, связанных с механизмом правового регулирования именно гражданско-правовых отношений.

Г. В. Самойленко пишет, что относительно этого вопроса в научной литературе такой феномен понимается довольно часто как «опубличивание» гражданского права, как вторжение публичного права в сферу частного права, на что он отвечает: а существуют ли иные способы обеспечения достижения цели гражданско-правового регулирования, обеспечения прав пассажира, который во всем цивилизованном мире признан «слабой стороной договора»? Ответ скорее отрицательный [9, с. 71].

Так какова же идеальная модель организации перевозок пассажиров автобусами, которая бы обеспечивала эффективное достижение результата — удовлетворение потребности в транспортном обеспечении населения, причем обеспечивающих комплекс прав участников правоотношений, в интересах которых и осуществляется данная организационная деятельность?

Практика свидетельствует, что на сегодняшний момент существует несколько моделей организации перевозок. Первая — это свободный рынок частных перевозчиков, обслуживающих определенные маршруты на условиях, определенных либо государственными органами, либо органами местного самоуправления в зависимости от вида перевозки (местной, междугородной, международной и т. п.). Так, в ст. 14–15 Правил предоставления услуг автомобильного транспорта закреплено, что регулярные перевозки организуют органы исполнительной власти (по сути, они выступают заказчиками перевозок) в соответствии с программами развития автомобильного транспорта на определенной территории с целью удовлетворения населения в перевозках. Эти организаторы сами определяют условия организации перевозок на соответствующей территории.

Данная модель организации перевозок активно используется в Украине и ряде стран Европы.

Следующая модель — деятельность муниципального транспорта. Имеет свои преимущества и недостатки. Основным недостатком является более высокая стоимость перевозок по сравнению с деятельностью частного транспорта. С другой стороны, именно муниципальный транспорт отличается повышенными требованиями к культуре обслуживания пассажиров и безопасности перевозок (Германия, Франция).

Так, в Украине большинство ДТП происходит с участием частных перевозчиков маршрутных такси, поскольку конкурентная борьба часто порождает агрессивную манеру вождения водителей данных транспортных средств. Отсутствие жестких требований к водительскому персоналу имеет частым следствием хамское отношение к пассажирам, нарушение их прав. Неопрятный вид водителей, курение за рулем и прослушивание музыки не благоприятствуют положительным эмоциям пассажиров от проезда.

Третья модель (применяется в Барселоне) — смешанная (заключается в деятельности как частного, так и муниципального транспорта), которая порождает здоровую конкурентную среду, в результате которой снижается до оптимально возможного уровня стоимость перевозки, ее качество и безопасность. Сами испанцы считают такую модель идеальной.

Исходя из изложенного, считаем модель организации перевозок пассажиров автобусами, применяемую в Барселоне, наиболее приемлемой. В то же время сама по себе конкурентная среда не способна полностью обеспечить охрану и защиту прав пассажиров, что вызывает необходимость применения нормативного обеспечения реализации прав пассажиров.

1. Устав автомобильного транспорта Украинской ССР : 27.06.1969 г., № 401 : постановление Совета Министров УССР // СП УССР. 1969. № 7. Ст. 88. [Вернуться к статье](#)

2. Правила предоставления услуг пассажирского автомобильного транспорта [Электронный ресурс] : постановление Кабинета Министров Украины от 18.02.1997 г. № 176. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/176-97-%D0%BF> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Тихомиров Ю. А. Публичное право. М. : БЭК, 1995. 496 с. [Вернуться к статье](#)

4. Нечипуренко О. М., Резніченко С. В., Самойленко Г. В. Цивільно-правове регулювання перевезень пасажирів таксі : монографія. Одеса : ОДУВС, 2010. 188 с. [Вернуться к статье](#)

5. Правовая система и вызовы современной жизни : монография / авт. кол. : Д. С. Абрикосов [и др.]. Одесса : Куприенко С. В., 2014. 168 с. [Вернуться к статье](#)

6. Лившиц Р. З. Теория права. М. : БЭК, 1994. 224 с. [Вернуться к статье](#)

7. Зазуляк І. І. Істотні умови договору : теоретичний аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Харків : Харківський національний університет внутрішніх справ, 2009. 172 с. [Вернуться к статье](#)

8. Погрібний С. О. Механізм та принципи регулювання договірних відносин у цивільному праві України : монографія. Київ : Правова єдність, 2009. 304 с. [Вернуться к статье](#)

9. Самойленко Г. В. Договір перевезення пасажирів: доктринальні та утилітарні проблеми забезпечення прав пасажирів // Проблеми законності : сб. науч. трудов / отв. ред. В. Я. Таций. Харків : Нац. юрид. ун-т имени Ярослава Мудрого, 2018. Вып. 143. 280 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.8

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

А. С. Руденко

доцент кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия ФСИН России
e-mail: ras79@bk.ru

А. В. Яковенко

курсант 3-го курса юридического факультета,
Академия ФСИН России
e-mail: ya.yakovenko.sasha2013@yandex.ru

Аннотация. В данной статье авторы рассматривают проблемы применения нормы о принудительных работах, назначаемых в качестве альтернативы наказанию в виде лишения свободы и пути их решения.

Ключевые слова: наказание, принудительные работы.

Annotation. In this paper, the authors examine the problems of applying the norm on forced labor, which is appointed as an alternative to punishment in the form of deprivation of liberty and ways to solve them.

Keywords: punishment, forced labor.

На сегодняшний день с принятием Концепции развития УИС до 2020 года, уголовная политика нашего государства развивается по пути гуманизации, т. е. происходит расширение сферы применения наказаний, не связанных с лишением свободы. В этой связи в Уголовный кодекс РФ был введен такой вид наказания, как принудительные работы.

Согласно ст. 53.1 УК РФ принудительные работы представляют собой альтернативу такому наказанию, как лишение свободы, и могут быть назначены за преступления небольшой или средней тяжести, а также тяжкие преступления, совершенные впервые. Вместе с этим содержание данной нормы включает в себя круг лиц, к которым принудительные работы не могут применяться: инвалиды 1 и 2 группы, беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет, мужчины и женщины, достигшие пенсионного возраста, и военнослужащие.

С принятием данной нормы возник ряд неясностей, осложняющих ее применение.

В первую очередь, стоит обратить внимание на тот факт, что среди лиц, которым этот вид наказания не назначается, отсутствует такая категория граждан, как мужчины, имеющие детей в возрасте до трех лет и являющиеся един-

ственным родителем, хотя государство в стремлении обеспечить полноценные уход и заботу о здоровье и воспитании детей уравнило права женщин и мужчин, являющихся единственными родителями, на получение отсрочки отбывания наказания, предусмотренной ст. 82 УК РФ.

Кроме этого, на практике возникает вопрос с официальным трудоустройством иностранных граждан, осужденных к принудительным работам, в связи с тем, что для осуществления деятельности им необходимо приобрести трудовой патент, который законом запрещено выдавать осужденным. В результате этого сотрудники исправительных центров будут вынуждены собирать документы и выступать с представлением о переводе данной категории лиц для отбывания наказания в исправительных колониях. Поэтому представляется необходимым указанную нами ранее часть статьи немного доработать.

Также нельзя не сказать о возникновении возможных сложностей с трудоустройством осужденных граждан РФ, поскольку большинство работодателей не желают иметь дело с лицами, имеющими судимость. Трудности могут также возникнуть и с организацией надзора за осужденными, потому что будет достаточно проблематично установить наблюдение за всеми объектами, предназначенными для исполнения данного вида наказания, что будет способствовать уклонению от отбывания назначенного судом наказания, а также с организацией воспитательной работы ввиду небольшой численности сотрудников (1 воспитатель на 200 осужденных) [1, с. 57]. Отчасти эти проблемы можно решить путем создания специализированной службы, в чью компетенцию входили бы организация надзора за исполнением наказания, проведение воспитательной работы с осужденными и др. Кроме этого, представляется возможным воспользоваться зарубежным опытом отбывания наказания в частных тюрьмах, управляемых негосударственными организациями в результате договоренности с властями различного уровня. Некоторым государствам таким образом удастся не только обеспечить надлежащее исполнение назначенного наказания (поскольку по строгости режима частные тюрьмы бывают жестче государственных ввиду работы по госконтракту и риска его расторжения вследствие какого-либо нарушения), но и сократить расходы на содержание осужденных.

В дополнение ко всему следует обратить внимание на круг лиц, к которым данная норма будет применяться, ведь исходя из текста закона, это могут быть лица, совершившие преступления небольшой или средней тяжести не в первый раз. Другими словами, достаточно проблематично говорить об исправлении осужденного при рецидиве, назначив ему альтернативное лишению свободы наказание в виде принудительных работ. При нахождении такой категории лиц в учреждениях, исполняющих данный вид наказания, появляется риск «заражения» криминальной субкультурой осужденных впервые. В таком случае

при назначении данной категории лиц указанного вида наказания необходимо отдать этот вопрос на усмотрение судьи. Проблема в том, что в такой ситуации граждане нередко считают, будто могут возникнуть субъективные факторы, мешающие судье вынести объективное решение.

Подводя итог всему вышеизложенному, нельзя не отметить, что уголовная и уголовно-исполнительная политика государства идет по пути гуманизации исправления лиц, совершивших преступление и признанных виновными в совершении преступных деяний приговором суда. В связи с этим Уголовный кодекс РФ пополнился нормой о таком виде наказания, как принудительные работы, позволяющем при отсутствии необходимости исправления осужденного в учреждениях, реализующих наказание в виде лишения свободы, достигнуть одной из целей наказания путем привлечения лица к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы. Но с принятием данной нормы возникли новые вопросы, решение которых значительно урегулирует и упростит ее применение, а вместе с этим можно будет говорить и о качественной реализации политики государства, направленной на достижение целей наказания.

1. Степашин В. М. Проблемы применения принудительных работ // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2015. № 4 (45). [Вернуться к статье](#)

УДК. 343.102

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИИ ОБЫСКА

С. В. Рыбак

декан юридического факультета,
кандидат юридических наук,
Международный университет «МИТСО» (Беларусь)
e-mail: sergio-minsk@mail.ru

А. Э. Белько

старший преподаватель
кафедры оперативно-розыскной деятельности,
Могилевский институт МВД (Беларусь)
e-mail: belko-76@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются проблемные вопросы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при планировании и производстве обыска. Авторами акцентируется внимание на некоторых нормативных пробелах и прикладных проблемах в области оснований для проведения обыска, отдельных субъектов, подвергаемых обыску и объеме информации об объекте обыска. По результатам предлагаются направления совершенствования законодательства.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, уголовный процесс, орган уголовного преследования, возбуждение уголовного дела, доказывание, следственное действие, оперативно-розыскное мероприятие.

Annotation. The article reveals the problematic issues of using the results of operational-search activity in planning and conducting a search. The authors focus on some of the regulatory gaps and applied problems in the area of the grounds for conducting a search, individual subjects being searched and the amount of information about the subject of the search. Based on the results, directions for improving legislation are proposed.

Keywords: operational-investigative activity, criminal procedure, the criminal prosecution authorities, a criminal case, proof, investigative action, operational-investigative activity.

Оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) играет весьма заметную роль в выявлении и расследовании преступлений. Особенно это касается категорий тяжких и особо тяжких преступных деяний. В ряде случаев без ОРД практически невозможно решить задачи, стоящие перед уголовным процессом. На основе результатов ОРД выдвигаются и проверяются первоначальные и рабочие версии. При этом активно используются как оперативно-розыскные мероприятия, так и следственные действия. Оперативно-розыскные мероприятия выступают инструментом доказывания и средством обеспечения уголовного процесса.

Обстоятельства совершенного преступления отражаются в сознании подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей. Сведения об этих обстоятельствах указанные субъекты уголовно-процессуальной деятельности сообщают в своих показаниях на допросе, при проведении очной ставки, других следственных действий. От качества подготовки и проведения следственных действий зависит успех доказывания. И здесь сложно переоценить роль информации, полученной при проведении оперативно-розыскной деятельности. В рамках настоящей статьи остановимся на таком следственном действии, как обыск.

Использование результатов ОРД при производстве обыска (ст. 208–211 УПК Республики Беларусь) позволяет получить следующую информацию: о предметах и документах, которые могут способствовать установлению истины по уголовному делу; где и как они укрыты; кому переданы на хранение или для сокрытия; кто из знакомых преступника осведомлен о том, где находятся или кому переданы данные предметы; намереваются ли обвиняемые или их родственники сокрыть от ареста принадлежащее им имущество и т. д. Практические примеры использования оперативно-розыскной информации при принятии решения о подготовке и проведении обыска имеются в литературе [1, с. 33].

При расследовании уголовных дел следователь не всегда владеет информацией о местонахождении орудий преступления, предметов и ценностей, добытых преступным путем. Производство обыска всегда носит поисковый характер. Исходя из этого трансформация оперативно-розыскной информации в процессуальную осуществляется достаточно легко, так как информация непосредственно реализуется в ходе данного следственного действия, а протокол обыска является в соответствии со ст. 212 УПК Республики Беларусь источником доказательств [2].

Принимая решение о даче санкции на проведение обыска прокуроры чаще всего знакомятся с результатами проведенных оперативно-розыскных мероприятий. Справедливо отмечено В. И. Зажицким, что сведения оперативно-розыскного характера, лежащие в основе производства обыска или выемки, должны, помимо прочего, обладать свойством достоверности, а именно указывать на «индивидуальные признаки предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, а также места их нахождения» [3, с. 45]. Думается, что в основание обыска необходимо включать прежде всего оперативную информацию, легализованную процессуальным путем, хотя известно, что сам обыск — одно из средств легализации такой информации [4, с. 102]. В совокупности полученная информация позволяет получить наиболее полное представление о личности обыскиваемого, его привычках и наклонностях, характере

связей, что, в свою очередь, позволит более целенаправленно осуществлять поисковые мероприятия по прибытию на место обыска [5, с. 127].

Говоря об основаниях проведения обыска, следует согласиться с И. В. Данько в том, что проведение обыска «может обосновываться и фактическими данными, не имеющими доказательственного значения (вспомогательной информацией). Применительно к обыску и ряду иных следственных действий (прослушивание и запись переговоров, осмотр, выемка и др.) законодатель говорит не о доказательствах, а о данных, тем самым допуская использование в качестве их источника не только процессуальную информацию, но и результаты оперативно-розыскной деятельности, которые обязательно должны быть отражены в материалах уголовного дела» [6, с. 62]. Согласимся с мнением ученого о том, что оперативно-розыскная информация, указывающая на местонахождение имеющих значение для дела объектов, служит основанием для проведения обыска, если она соответствует (не противоречит) установленным по делу обстоятельствам и не вызывает сомнений в достоверности [6, с. 62].

Рассматривая перечень лиц, у которых можно произвести обыск, предлагаем обратить внимание на проблему, связанную с проведением обыска в жилище или ином законном владении лица, в отношении которого применяется особый порядок производства по делу в соответствии со ст. 468-1 УПК.

В перечень таких лиц законодатель включает:

- 1) лиц, должность которых включена в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь;
- 2) депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь;
- 3) депутатов областного, Минского городского, районного, городского, поселкового, сельского Совета депутатов;
- 4) судей;
- 5) народных заседателей в период исполнения ими своих обязанностей в суде;
- 6) прокуроров, начальников следственных подразделений, следователей [2].

Смоделируем ситуацию, когда в жилище или ином законном владении, например, судьи находятся орудия преступления, предметы и документы, которые могут иметь значение для уголовного дела.

В ст. 87 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей декларируется: «Неприкосновенность судьи распространяется на его жилище, служебное помещение, транспорт и средства связи, корреспонденцию, имущество и используемые им документы» [7]. Такое следственное действие, как обыск, до возбуждения уголовного дела в соответствии с действующим законодательством проводиться не может, а возбудить уголовное дело в отношении

судьи возможно только после дачи в установленном УПК порядке лицом, назначившим судью на должность, согласия на возбуждение в отношении его уголовного дела. Соответственно, момент проведения обыска существенно оттягивается, а возможность его осуществления в исключительных случаях, о которых говорится в ч. 3 ст. 210 УПК, вовсе исчезает. Если же информация о запуске процедуры получения согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи станет известна ему самому, то не стоит сомневаться, что искомые следы преступления, ценности и т. д., имеющие отношение к преступлению, из жилища или иного законного владения «исчезнут».

Ситуация в ходе расследования может сложиться и по-иному. К примеру, в случае когда судья не является подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу, а у следователя имеются достаточные данные о том, что подозреваемый или обвиняемый спрятал орудия преступления, предметы и документы, которые могут иметь значение для уголовного дела, в жилище либо ином законном владении судьи. Порядок проведения такого обыска уголовно-процессуальный закон не регламентирует. Думается, орган уголовного преследования столкнется с немалыми проблемами в получении санкции на обыск в рассматриваемой ситуации, а случай проведения обыска без санкции прокурора в соответствии с ч. 3 ст. 210 УПК с большой долей вероятности будет расцениваться как нарушение законности — ущемление неприкосновенности судьи. Еще больше ситуация осложняется, когда судья проживает не в собственном жилище или сам сдает свое жилище или иное законное владение кому-либо по договору найма. Именно по данной причине факты проведения обыска у должностного лица, входящего в перечень ст. 468-1 УПК и не являющегося подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу, практически исключены.

Если же учесть, что круг лиц, в отношении которых УПК предусматривает особый порядок производства по уголовному делу, достаточно обширен, то напрашивается умозаключение о непреднамеренном создании законодателем условий для использования родственных, личных и иных связей подозреваемым или обвиняемым с лицами, указанными в ст. 468-1 УПК, с целью скрыть у них орудия преступления, предметы и документы, которые могут иметь значение для уголовного дела. Обозначенное нормативное препятствие для практических работников без помощи законодателя является труднопреодолимым.

В качестве одного из вариантов разрешения рассмотренной проблемной ситуации предлагаем внести изменения в ст. 468-4 УПК, дополнив ее нормой, предусматривающей возможность проведения обыска в жилище или законном владении лица, указанного в ч. 1 ст. 468-1 УПК, а также регламентирующей необходимые изъятия из общего порядка его проведения [8, с. 196].

Не менее остро стоит вопрос и о владении максимальной информацией (чаще оперативной) об объекте, в котором планируется проведение обыска. Представим себе, что следователь вынес постановление о производстве обыска «в квартире и иных помещениях» подозреваемого Н. По прибытии на место производства обыска выяснилось, что в одной квартире с Н. в отдельной комнате проживает П., имеющий право собственности на свою комнату и являющийся соседом П. по общей кухне, о чем до этого следователь не знал. При этом П. в уголовном деле не фигурировал, однако был произведен обыск и в его комнате. Следователь мотивировал это тем, что в постановлении указано «и иных помещениях» и отнес комнату П. к таковым. Очевидно, что следователем грубо нарушены конституционные права П. на неприкосновенность личной жизни и жилища, закрепленные в ст. 28, 29 Конституции Беларуси, обыск проведен с нарушением требований ст. 210 УПК, что должно вести к аннулированию его результатов. Этот смоделированный пример наглядно демонстрирует необходимость получения максимума информации об объекте обыска. Ввиду указанных обстоятельств представляется необходимой корректировка УПК путем дополнения ст. 210 УПК пунктом 7-1 «Обыск и выемка в жилище и ином законном владении проводятся только в тех местах, которые указаны в постановлении о их проведении. Обыску не подлежат помещения, поисковые действия в которых затронут интересы третьих лиц внесения изменений».

Таким образом, данные, полученные в ходе проведения ОРД, активно используются работниками следственных органов в доказывании: при подготовке и проведении следственных и процессуальных действий. В статье рассмотрены особенности использования указанной информации при проведении обыска, а также обращено внимание на отдельные законодательные и прикладные проблемы в области оснований для проведения обыска, отдельных субъектов, подвергаемых обыску и объеме информации об объекте обыска.

1. Раскрытие кражи из магазина в Новобелецком районе г. Гомеля // Вестн. упр. уголовного розыска МВД Респ. Беларусь. 2008. № 1. С. 33–35. [Вернуться к статье](#)
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой Представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)
3. Жажицкий В. И. Оперативно-розыскная деятельность и уголовное судопроизводство // Рос. юстиция. 2001. № 3. С. 45–47. [Вернуться к статье](#)
4. Долгоруков С. В., Лапин А. В. К вопросу о целях, понятии обыска и основаниях его проведения // Демократизм предварительного расследования : сб. науч. тр. Минск, 1990. С. 101–103. [Вернуться к статье](#)
5. Тукало А. Н. Некоторые теоретико-правовые аспекты производства обыска // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь. Минск, 2003. С. 127–129. [Вернуться к статье](#)

6. Данько И. В. К вопросу об основании проведения обыска // Государственно-правовое строительство в Республике Беларусь в контексте европейских правовых процессов : материалы междунар. науч. конф., 21–22 марта 2004 г., Гродно : в 2 ч. / отв. ред. И. В. Гущин ; ГрГУ. Гродно, 2004. С. 60–63. [Вернуться к статье](#)

7. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : 29 июня 2006 г., № 139-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. Рыбак С. В., Логинов М. А. Правоприменителю нужна помощь // Общество, право, личность: вопросы взаимодействия в современном мире : сб. ст. междунар. науч.-практ. заоч. конф., Минск, 10–15 дек. 2016 г. Вып. 4 / Междунар. ун-т «МИТ-СО»; редкол: И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. С. 195–197. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.795.4:341.018(477+4)

ПРАВА ПАССАЖИРОВ В ЕС И В УКРАИНЕ: ТЕНДЕНЦИИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Г. В. Самойленко

доцент кафедры гражданского права,
кандидат юридических наук, доцент,

Запорожский национальный университет (Украина)

e-mail: georgesamoil1976@gmail.com

Аннотация. Сфера перевозок пассажиров является специфической сферой общественных отношений. В украинской правовой доктрине произошли глубокие изменения, связанные с обеспечением надлежащего их правового регулирования. Основной акцент ставится не на осуществление правового регулирования отрасли, сферы экономики, вида бизнеса, а на нормативное обеспечение прав пассажира, относительно которых установилось четкое понимание того, что они являются производными от права человека на свободу передвижения.

Если до недавнего времени основной массив нормативно-правового регулирования перевозок пассажиров приходился на сферу так называемого транспортного законодательства, которое цивилисты считают специальными по отношению к гражданскому законодательству нормами, то на сегодняшний день в большинстве стран ЕС и в самом ЕС наблюдается тенденция возложения основного регулятивного бремени на потребительское законодательство, которое ориентировано в большей степени обеспечить возможность надлежащей реализации и защиты прав пассажиров, чему содействует деятельность органов ЕС.

Ключевые слова: пассажир, перевозка, договор перевозки, перевозчик, права пассажира, потребитель, сторона договора, обязательства по договору.

Annotation. The field of passenger transportation is a specific area of public relations. In the Ukrainian legal doctrine there have been profound changes related to ensuring their proper legal regulation. Henceforth, the main focus is not on the implementation of legal regulation of the industry, economic sphere, type of business, but on the regulatory support of passenger rights, for which a clear understanding has been established that they are derived from the human right to freedom of movement.

If until recently, the bulk of the legal regulation of passenger transportation fell within the scope of so-called transport legislation (civilians consider it special in relation to civil legislation), then today in most EU countries and in the EU itself there is a tendency to impose the main regulatory burden on consumer law. It is precisely it that is oriented more to ensure the possibility of proper realization and protection of the rights of passengers. This is facilitated by the activities of the EU bodies.

Keywords: passenger, transportation, contract of carriage, carrier, rights of a passenger, consumer, party to a contract, obligations under a contract.

В своих исследованиях мы неоднократно акцентировали внимание на том, что сам по себе процесс перевозки пассажиров является довольно сложным и многоаспектным явлением. На современном уровне развития общества выглядит само собой разумеющимся понимание того, что общественные отношения, связанные с перевозкой пассажиров, требуют своего урегулирования. Длительное время оно обеспечивалось средствами административно-правового характера. Именно в тот период было принято большинство актов транспортного законодательства, регулирующих перевозки пассажиров различными видами транспорта. Такой подход приобрел характер традиционного, свойственного административно-командной системе управления. Конечно, создание транспортных уставов и кодексов, правил перевозок пассажиров и грузов различными видами транспорта обуславливалось не столько желанием учета специфики деятельности различных видов транспорта, организационных и технологических особенностей его эксплуатации, сколько было следствием того, что управление различными видами транспорта осуществлялось различными министерствами — Министерством путей сообщения, Министерством автомобильного транспорта, Министерством морского и речного флота и т. п.

Конечно, такой подход по большей части не учитывал потребности и интересы пассажиров, не способствовал «синхронизации» функционирования различных видов транспорта.

Вследствие этого, как отмечала Р. О. Халфина, наблюдалось ограничение средств гражданско-правового регулирования [1, с. 267]. Тем не менее в период становления рыночной экономики уже стал традиционным подход, ориентированный на применение средств частноправового регулирования. Свойственная этому способу правового регулирования свобода договора, значение которой явно преувеличивалось, в тот период стала важной вехой в становлении специфики гражданско-правового регулирования.

Принцип свободы договора стал основным принципом регулирования договорных отношений. Считалось, что свобода договора выходит из общего начала свободы личности [2, с. 36].

Тем не менее довольно скоро стало понятно, что эта «свобода» не всегда способна обеспечить права человека, субъективные права стороны договора и договорного обязательства. Формально свобода должна была обеспечить: свободу выбора контрагента, свободу определения содержания договора, свободу волеизъявления на вступление в договорные отношения, свободу выбора сторонами формы договора, свободу заключения договоров, которые не предусмотрены ГК Украины, тем не менее не противоречат ему; право изменять, разрывать или продлять действие заключенного сторонами договора; определять

способы обеспечения договорных обязательств; право определять меры ответственности за нарушение договорных обязательств [3, с. 4].

Однако на практике реализация данных составляющих свободы договора (кроме свободы выбора контрагента и свободы вступления в договорные отношения) стала маловероятной. Это обуславливалось спецификой самих правоотношений, правовым положением их участников (сторон договора), тем более что на этапе заключения договора речь не идет о сторонах договора, поскольку до момента его заключения есть только оферент и акцептант, сторонами они становятся после момента заключения договора.

Реалии таковы, что большинство (если не все) условий договора формируются перевозчиком. Пассажиры (за редким исключением) лишь присоединяются к условиям, предложенным перевозчиками, либо не соглашаются с ними (и в таком случае договор не заключался).

Существующие нормативные правовые акты, регулирующие деятельность транспорта, по большей части содержат лишь предписания общего характера о взаимоотношениях перевозчиков и пассажиров. Знаменательно, что на автомобильном транспорте Правилами предоставления услуг пассажирского автомобильного транспорта установлены права и обязанности водителя и пассажира. Формально пассажир взаимодействует именно с водителем, но юридически последний является лишь представителем своего работодателя — перевозчика. Правоотношения в результате взаимодействия указанных лиц возникают между перевозчиком и пассажиром [4].

В условиях существования целого массива актов транспортного законодательства законодатель пошел оправданным путем применения бланкетных норм к правоотношениям перевозки пассажиров, вследствие чего ч. 2 ст. 908 ГК Украины закрепила положение, что условия перевозки груза, пассажиров и багажа отдельными видами транспорта, а также ответственность сторон относительно этих перевозок устанавливаются договором, если иное не предусмотрено ГК Украины, иными законами, транспортными кодексами (уставами), иными нормативно-правовыми актами и правилами, которые издаются в соответствии с ними.

Общие права пассажира нашли свое место в ст. 911 ГК Украины:

- получить место в транспортном средстве согласно приобретенному билету;
- провозить с собой бесплатно одного ребенка в возрасте до шести лет без права занятия им отдельного места;
- покупать для детей в возрасте от шести до четырнадцати лет детские билеты по льготной цене;

- перевозить с собой бесплатно ручную кладь в пределах норм, установленных транспортными кодексами (уставами);
- сделать не более одной остановки в пути с продлением срока действия проездных документов (билета) не более чем на десять суток, а в случае болезни — на все время болезни;
- отказаться от поездки, возвратить билет и получить назад полную или частичную стоимость билета — в зависимости от срока сдачи билета согласно правилам, установленным транспортными кодексами (уставами);
- получать полную и своевременную информацию о времени и месте отправления транспортного средства по указанному в транспортном документе (билете) маршруту.

Пассажир может иметь также другие права, установленные ГК, другими законами, транспортными кодексами (уставами), другими нормативно-правовыми актами и правилами, издаваемыми в соответствии с ними (ч. 2 ст. 911 ГК Украины).

Подзаконные нормативно-правовые акты лишь дублируют эти права и в определенной степени конкретизируют их содержание.

Как видим, среди данных прав отсутствуют «логичные» права, на которые рассчитывает любой пассажир — речь идет о комфорте, своевременности, безопасности, полной информации о перевозке, а не лишь о месте и времени отправления (вспомним о полете рейса МН17 над зоной боевых действий), о праве на свободу перемещения, о праве на защиту в случае нарушения субъективных прав и свобод и т. д.

Тем не менее в большинстве случаев акты транспортного законодательства Украины не содержат указания на наличие данных прав у пассажиров и, как результат, — права на их защиту.

Это ключевой момент в механизме защиты прав пассажиров. Так, Р. Б. Шишка не единожды обращал внимание, что подлежит защите охраняемое право. Между охраной и защитой права находится факт нарушения права [5, с. 120].

Указанные недостатки могли быть компенсированы потребительским законодательством, однако и оно содержит лишь общие нормы, направленные на обеспечение охраны и защиты прав потребителей, но без учета специфики функционирования транспорта.

Согласно Закону Украины «О защите прав потребителей» от 12.05.1991 г. (с изменениями 01.01.2019 г.) к основным правам потребителей относятся: право на защиту прав государством; на надлежащее качество; на необходимую, достоверную и своевременную информацию о продукции, товарах и услугах; безопасность; право на обращение в суд за защитой своих прав (ст. 4).

Вследствие этого суды в правоприменительной практике стали на позицию возможности применения актов потребительского законодательства лишь в вопросах, прямо не урегулированных транспортным законодательством, поскольку именно оно направлено на регулирование «специфических» «перевозных» правоотношений.

Директива 2011/83/ЕС Европейского Парламента и Совета от 25.10.2011 г. о правах потребителей [6] признает необходимость применения институционных, а не универсальных подходов и механизмов к урегулированию правоотношений перевозки пассажиров, обеспечения их прав.

Тем не менее в законодательстве ЕС наметилась тенденция узконаправленного регулирования транспортных потребительских правоотношений, вследствие чего выделено 10 прав пассажиров, общих для всех видов транспорта:

1. Недискриминация в доступе (защита от дискриминации по признакам национальности, месту жительства, инвалидности, ограниченной мобильности).
2. Мобильность (доступность и помощь без дополнительных затрат для пассажиров с ограниченными возможностями и ограниченной подвижностью).
3. Информация (предоставление информации до приобретения билетов, на разных этапах поездки, а также в случаях сбоев).
4. Отказ от путешествия в случае срыва (право выйти из договора и возратить стоимость билета (в случае длительной задержки, отмены рейса или отказа на борту).
5. Исполнение транспортного договора в случае нарушения (право на получение альтернативного транспорта в максимально короткий срок либо переоформление билета в случае длительных задержек, отмены поездок, отказа в перевозке).
6. Помощь в случае задержки или отмены рейса.
7. Компенсация при определенных обстоятельствах (финансовая компенсация в случае длительной задержки, отмены рейса или неумышленного отказа в перевозке воздушным транспортом).
8. Ответственность перевозчика относительно пассажиров и багажа (ответственность и компенсации в случае смерти, травмы пассажира, утери или повреждения багажа).
9. Быстрая и доступная система рассмотрения жалоб (перевозчиком, а впоследствии — контролирующим органом, или органом, обеспечивающим защиту прав пассажиров).
10. Право на полное и эффективное применение законодательства ЕС.

Таким образом, анализ правоотношений по перевозке пассажиров, национального законодательства Украины, регулирующего их, отдельных актов ЕС дает основания для вывода о необходимости продолжить исследования в дан-

ном направлении, выявить пробелы и перспективы усовершенствования механизма правового регулирования исследуемых правоотношений, закрепления комплекса прав, связанных с реализацией права человека на свободу передвижения, в том числе путем адаптации законодательства Украины к законодательству ЕС в вопросах, касающихся прав пассажиров и их защиты.

1. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М. : Юридическая литература, 1974. 348 с. [Вернуться к статье](#)
2. Мілаш В. Принцип свободи підприємницького комерційного договору // Право України. 2005. № 2. С. 36–40. [Вернуться к статье](#)
3. Луць А. В. Свобода договору в цивільному праві України : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. К., 2001. 13 с. [Вернуться к статье](#)
4. Правила надання послуг пасажирського автомобільного транспорту [Електронний ресурс] : постановление Кабінета Міністрів України, 18 февр. 1997 г., № 176. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/176-97-%D0%BF> (дата обращения: 11.03.2019). [Вернуться к статье](#)
5. Цивільне право України : підручник / за ред. проф. Ю. Л. Бошицького та проф. Р. Б. Шишки. Загальна частина. К. : Видавництво Ліра-К, 2013. 760 с. [Вернуться к статье](#)
6. Директива 2011/83/ЕС Европейского Парламента и Совета от 25.10.2011 г. о правах потребителей // Официальный вестник ЕС, L 304, 22.11.2011. С. 64–88. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.9:349.41(476)

**СУДЕБНОЕ ОБЖАЛОВАНИЕ ДЕЙСТВИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ
И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В СФЕРЕ
ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ:
ПРОБЛЕМА ВЫБОРА
НАДЛЕЖАЩЕГО ВИДА ПРАВОСУДИЯ**

В. П. Скобелев

доцент кафедры гражданского процесса и трудового права,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет
e-mail: s_v_p@tut.by

***Аннотация.** В статье исследуется проблема выбора надлежащего вида правосудия для судебного обжалования действий государственных органов и должностных лиц в сфере земельных правоотношений. Сделан вывод, что основным критерием выбора должен служить субъектный состав дела, а критерий характера дела следует применять в субсидиарном порядке.*

***Ключевые слова:** земельные правоотношения, судебное обжалование действий государственных органов и должностных лиц, вид правосудия.*

***Annotation.** The article examines the problem of choosing the proper type of justice for judicial appeal against the actions of state bodies and officials in the field of land law relations. It is concluded that the main criterion for selection should be the subject composition of the case, and the criterion of the nature of the case should be applied in the subsidiary order.*

***Keywords:** land legal relations, judicial appeal against actions of state bodies and officials, type of justice.*

Норма ч. 1 ст. 60 Конституции Республики Беларусь гарантирует каждому защиту его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки. Одной из форм реализации права на защиту, закрепленного указанной нормой Основного Закона страны, выступает возможность судебного обжалования действий, бездействия и решений (далее — действия) государственных органов и должностных лиц в различных сферах общественных отношений, в том числе и в той, что составляет предмет регулирования земельного законодательства. Вопросы процессуального порядка рассмотрения судами дел, связанных с обжалованием действий государственных органов и должностных лиц в области земельных правоотношений, в силу многих причин обладают непреходящей актуальностью и нуждаются в пристальном внимании со стороны как ученых, так и практических работников. В числе таких требующих самого тщательного изучения вопросов находится и

проблема выбора надлежащего вида правосудия для рассмотрения соответствующих дел.

Вследствие существующего в Республике Беларусь дуализма в организации системы цивилистического процесса судебное обжалование действий государственных органов и должностных лиц в сфере земельных правоотношений может происходить по правилам как гражданского (§ 6 главы 29 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ГПК)), так и хозяйственного (глава 25 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ХПК)) судопроизводства. В плане процедуры рассмотрения анализируемой категории дел оба процесса отличаются друг от друга по целому ряду моментов: используемой терминологии (например, в гражданском судопроизводстве средством защиты и инициирования процесса выступает жалоба, а в хозяйственном — заявление); по требованиям к подаваемым в суды документам (ГПК, в отличие от ХПК, не обязывает заявителя сопровождать свои требования ссылками на акты законодательства); ставкам государственной пошлины (в гражданском процессе ставка едина и составляет 1 базовую величину, в хозяйственном же она варьируется в зависимости уровня суда и категории обращающегося субъекта в пределах от 5 до 50 базовых величин); по применяемым правилам подведомственности (в частности, правилам о необходимости соблюдения досудебного порядка разрешения дела); подробностям регулирования состава и статуса участников процесса; гарантиям установления по делу истины; необходимости мотивирования судом выносимого по делу решения и пр.

Изложенное свидетельствует о том, что правильный выбор порядка обжалования имеет для заинтересованного лица большое значение. Однако критерии, которыми следует руководствоваться при осуществлении выбора, процессуальными кодексами определены не совсем четко. Согласно ст. 42, ч. 1 ст. 227 ХПК дела, вытекающие из публичных правоотношений, подлежат рассмотрению в хозяйственном процессе, если они связаны с осуществлением юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и гражданами предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности. Вместе с тем в ГПК (равно как и в ХПК) нет указаний о том, что такие же дела не могут рассматриваться и по правилам гражданского судопроизводства. Так, ч. 1 ст. 353 ГПК не говорит, что обращающийся в суд гражданин не должен обладать статусом индивидуального предпринимателя, а подаваемая им жалоба — не иметь связи с предпринимательской деятельностью заявителя.

Правда, применительно к юридическим лицам ст. 358 ГПК содержит ограничительную оговорку о том, что они вправе обратиться в суд с жалобой согласно § 6 главы 29 ГПК только в случаях, прямо предусмотренных законо-

дательством Республики Беларусь. Но если при толковании данной нормы руководствоваться позицией Конституционного Суда Республики Беларусь, изложенной им в решении от 5 апреля 2007 г. № Р-199/2007 «О праве обжалования в суд письменного предупреждения о нарушении законодательства религиозной организацией» (суть позиции сводится к тому, что под законодательством в ст. 358 ГПК следует понимать также и Конституцию Республики Беларусь, которая в ч. 1 ст. 60 гарантирует любому лицу, не исключая и организации, право на обращение в суд за защитой своих интересов), то можно прийти к выводу, что препятствий для подачи организациями жалоб (в том числе имеющих отношение к предпринимательской деятельности) в порядке гражданского судопроизводства фактически нет.

Очевидно, что для точного разграничения предметов ведения между гражданским и хозяйственным судопроизводством требуется или дальнейшее совершенствование процессуальных кодексов (в первую очередь ГПК), или же принятие более конкретного правового документа разъяснительного характера. Отечественная правовая система пока придерживается второго пути развития, и в настоящее время роль указанного разъяснительного документа выполняет постановление Президиума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 ноября 2016 г. № 7 «О некоторых вопросах определения подсудности гражданских и экономических дел в системе судов общей юрисдикции», заменившее собою совместное постановление Пленума Верховного Суда и Пленума Высшего Хозяйственного Суда от 22 июня 2000 г. № 4/3 «О разграничении подведомственности дел между общими и хозяйственными судами» (последнее было признано утратившим силу постановлением Пленума Верховного Суда от 26 марта 2015 г. № 3; попутно заметим, что вряд ли, однако, в подобной замене была какая-либо необходимость, совместное постановление Пленума Верховного Суда и Пленума Высшего Хозяйственного Суда от 22 июня 2000 г. № 4/3 в полной мере могло продолжать действовать и после реформы судостроительства 2014 г., для этого его достаточно было лишь терминологически обновить (термин «подведомственность» заменить на «подсудность», «общие суды» заменить на «суды, рассматривающие гражданские дела» и т. д.; непродуманность, а главное ненужность осуществленных преобразований закономерно обусловили и их не совсем позитивный результат: постановление Президиума Верховного Суда от 30 ноября 2016 г. № 7 гораздо лаконичнее своего предшественника, имеет более низкий по сравнению с ним юридический статус (статус ненормативного правового акта) и содержит неточности).

Постановление Президиума Верховного Суда от 30 ноября 2016 г. № 7 (как в свое время и совместное постановление Пленума Верховного Суда и Пленума Высшего Хозяйственного Суда от 22 июня 2000 г. № 4/3) исходит из

следующей идеи: если нормативный правовой акт не позволяет определить относимость дела к гражданскому или хозяйственному судопроизводству (а в большинстве случаев имеет место именно такая ситуация), то для решения данного вопроса во внимание необходимо принимать в совокупности два критерия — характер дела и его субъектный состав. Если дело связано с хозяйственной (экономической) деятельностью и его участниками выступают юридические лица и индивидуальные предприниматели, то оно должно рассматриваться по правилам ХПК, если же дело не имеет отношения к ведению бизнеса и в нем участвует гражданин, не обладающий статусом индивидуального предпринимателя, то дело подлежит разбирательству в соответствии с нормами ГПК.

Вместе с тем определение относимости анализируемой категории дел к гражданскому или хозяйственному судопроизводству на основе совокупности двух названных критериев может быть сопряжено со значительными проблемами. Во-первых, отношения в области землепользования имеют достаточно сложный характер, и порой бывает очень затруднительно однозначно сказать, что такие отношения преследуют исключительно предпринимательские цели или что таких целей перед ними абсолютно нет. Например, предоставление сельскохозяйственной организации в соответствии с абз. 14 ч. 2 ст. 15 Кодекса Республики Беларусь о земле (далее — КоЗ) земельных участков для строительства и (или) обслуживания жилых домов для работников данной организации, с одной стороны, представляет собой социальный проект, т.к. позволяет удовлетворить потребности граждан в жилье, однако, с другой стороны, здесь присутствует и коммерческая составляющая, поскольку эти граждане как работники организации будут обеспечивать осуществление ею предпринимательской деятельности по производству сельскохозяйственной продукции. Аналогичное переплетение социального и коммерческого интересов имеет место также в случае предоставления земельных участков коммерческим организациям для строительства многоквартирных жилых домов, жилые помещения в которых затем будут на возмездной основе реализовываться гражданам (абз. 8 ч. 2 ст. 15 КоЗ).

Во-вторых, земельные участки могут предоставляться юридическим лицам, которые являются некоммерческими организациями и потому априори будут использовать земельные участки для целей, не связанных с хозяйственной (экономической) деятельностью. Например, земельные участки могут предоставляться научным организациям, учреждениям образования для исследовательских и (или) учебных целей в области сельского либо лесного хозяйства (абз. 5 ч. 2 ст. 15 КоЗ); религиозным организациям для строительства и (или) обслуживания мест погребения, культовых строений (абз. 7 ч. 2 ст. 15 КоЗ); потребительским кооперативам для строительства многоквартирных жилых до-

мов (абз. 8 ч. 2 ст. 15 КоЗ); садоводческим товариществам, дачным кооперативам для коллективного садоводства, дачного строительства (абз. 9 ч. 2 ст. 15 КоЗ); товариществам собственников для обслуживания многоквартирных, блокированных жилых домов, в которых возникло совместное домовладение (абз. 13 ч. 2 ст. 15 КоЗ).

В свете сказанного мы полагаем, что разграничение предметов ведения между гражданским и хозяйственным судопроизводством в отношении исследуемой категории дел должно производиться прежде всего по субъектному критерию. Что же касается характера дела (наличия или отсутствия связи дела с хозяйственной (экономической) деятельностью), то его следует принимать во внимание лишь в субсидиарном порядке, т. е. тогда, когда первого критерия для решения проблемы будет недостаточно. Таким образом, если действия государственного органа или должностного лица в сфере земельных правоотношений обжалует организация или индивидуальный предприниматель, дело необходимо рассматривать в хозяйственном судопроизводстве, а если гражданин, не обладающий статусом индивидуального предпринимателя, — то в гражданском процессе. Из этого правила стоит сделать только одно исключение (на эту ситуацию как раз и рассчитан второй из упомянутых критериев): когда субъектом обжалования выступает индивидуальный предприниматель, но землепользование никак не связано с его хозяйственной деятельностью (например, в случае обжаловании им отказа исполкома в предоставлении земельного участка для строительства и обслуживания жилого дома), то надлежащим видом правосудия для разрешения дела будет являться гражданское судопроизводство, поскольку гражданин здесь выступает как обычное физическое лицо, наличие у него статуса индивидуального предпринимателя никакого значения для рассмотрения дела не имеет и, следовательно, во внимание приниматься не должно [1, с. 243].

Изложенный подход базируется на соображении о том, что хозяйственное правосудие в силу присущих ему особенностей, в том числе такого немаловажного фактора, как территориальная отдаленность судов от «потребителей» правосудия, больше рассчитано и подходит для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (т.е. субъектов, обладающих необходимыми ресурсами для отстаивания интересов в условиях «профессиональной», достаточно жесткой процессуальной формы), в то время как гражданский процесс, имея во многом социальную направленность, предназначен в первую очередь для защиты прав и законных интересов обычных физических лиц. Думается, что в содержании п. 2 ч. 1 ст. 37, ст. 358 ГПК законодатель попытался отразить именно подобную идею: юридические конфликты между организациями могут разре-

шаться в гражданском судопроизводстве лишь в порядке исключения (если на это прямо указывает нормативный правовой акт).

Представляется, что в целях направления судебной практики предложенные нами критерии распределения дел анализируемой категории между гражданским и хозяйственным судопроизводством целесообразно закрепить в действующих правовых актах разъяснительного характера, в частности, в постановлении Пленума Верховного Суда от 24 декабря 2009 г. № 11 «О применении судами законодательства, регулирующего защиту прав и законных интересов граждан при рассмотрении жалоб на неправомерные действия (бездействие) государственных органов, иных организаций и должностных лиц», постановлении Пленума Верховного Суда от 22 декабря 2011 г. № 9 «О практике рассмотрения судами земельных споров», постановлении Президиума Высшего Хозяйственного Суда от 29 сентября 2010 г. № 39 «О некоторых вопросах применения Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь при рассмотрении дел о проверке законности ненормативных правовых актов органов местного управления и самоуправления, действий (бездействия) их должностных лиц», постановлении Президиума Верховного Суда от 30 ноября 2016 г. № 7 «О некоторых вопросах определения подсудности гражданских и экономических дел в системе судов общей юрисдикции».

1. Скобелев В. П., Шахрай И. С. Актуальные вопросы подведомственности и подсудности административных споров в сфере природоресурсных отношений // Актуальные проблемы государственной экологической политики : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 18 окт. 2017 г.; отв. ред. Р. Х. Гиззатуллин. Уфа : РИЦ БашГУ, 2017. С. 236–245. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.768:347.728.2

ПРАВА (ТРЕБОВАНИЯ) КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ОБЛИГАЦИЯМ

В. Г. Скуратов

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины (Беларусь)
e-mail: sk_vladimir@rambler.ru

Аннотация. Проанализированы отдельные аспекты использования прав (требований) при обеспечении исполнения обязательств по облигациям юридических лиц в соответствии с законодательством Республики Беларусь

Ключевые слова: облигация, эмитент, обеспечение исполнения обязательств, уступка прав (требований).

Annotation. Analyzed some aspects of the use of rights (claims) in ensuring the fulfillment of obligations under the bonds of legal entities in accordance with the legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: bond, issuer, enforcement of obligations, assignment of rights (claims).

Осуществление предпринимательской деятельности предполагает использование финансовых активов (в частности, денежных средств). Одним из способов привлечения субъектами хозяйствования дополнительных средств является эмиссия ценных бумаг облигационного типа. В соответствии со ст. 22 Закона Республики Беларусь «О рынке ценных бумаг» юридические лица вправе осуществлять эмиссию обеспеченных и необеспеченных облигаций [1]. Случаи эмиссии необеспеченных облигаций и способы обеспечения исполнения обязательств эмитента по облигациям устанавливаются Президентом Республики Беларусь.

Так, в частности, в подп. 1.8 Указа Президента Республики Беларусь от 28.04.2006 года № 277 «О некоторых вопросах регулирования рынка ценных бумаг» (далее — Указ № 277) закреплены случаи, в которых допускается эмиссия необеспеченных облигаций [2]. В соответствии с указанным подпунктом требование об обеспечении исполнения обязательств по облигациям не распространяется при эмиссии отдельных видов облигаций либо облигаций некоторых эмитентов, а именно:

- 1) биржевых облигаций;
- 2) облигаций, эмитентами которых являются:

– банки по согласованию с Национальным банком и при условии, что объем выпусков таких облигаций не превышает размера нормативного капитала банка;

– местные исполнительные и распорядительные органы;

– юридические лица, не имеющие отрицательного финансового результата от реализации продукции, товаров (работ, услуг) или чистого убытка на дату принятия решения о выпуске облигаций, а также в течение двух лет, предшествовавших принятию такого решения (в случае осуществления юридическим лицом деятельности менее трех лет — за весь период его деятельности), при условии, что объем выпусков таких облигаций не превышает размера собственного капитала (чистых активов) эмитента облигаций. В соответствии с Указом № 277, если общий объем выпусков облигаций эмитента превысит размер собственного капитала (чистых активов) эмитента, он обязан представить обеспечение на сумму такого превышения либо принять меры по погашению части выпуска облигаций в размере разницы, возникшей между общим объемом выпусков необеспеченных облигаций и размером собственного капитала (чистых активов). Однако последнее правило по различным причинам может не обеспечить защиту интересов инвесторов (например, в связи с отсутствием возможности предоставить обеспечение либо денежных средств, достаточных для погашения части выпуска облигаций). Кроме того, законодательно не установлен порядок определения части выпуска облигаций, подлежащих досрочному погашению, а также последствия непринятия эмитентом указанных мер.

Эмиссия облигаций в иных случаях допускается только при условии использования соответствующего способа обеспечения исполнения обязательств. Согласно п. 1.7 Указа № 277 исполнение обязательств по облигациям белорусских эмитентов может быть обеспечено залогом, и (или) поручительством, и (или) банковской гарантией, и (или) страхованием ответственности за неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязательств эмитента облигаций, и (или) правом требования по кредитам, выданным банками на строительство, реконструкцию или приобретение жилья под залог недвижимости (жилищным кредитам). При этом следует обратить внимание, что в Указе № 277 приведен закрытый перечень допускаемых при эмиссии облигаций способов обеспечения исполнения обязательств, которые можно разделить на две группы, а именно:

1) способы, реализация которых происходит при неисполнении (ненадлежащем исполнении) эмитентом обязательств по выпущенным облигациям (например, залог, поручительство, банковская гарантия); такие способы наделяют инвестора правом удовлетворения своих требований к эмитенту за счет средств от реализации заложенного имущества или средств третьих лиц (поручителя, банка-гаранта, страховой организации);

2) способы, предназначенные, главным образом, для финансового обеспечения эмитента средствами, необходимыми для исполнения обязательств по возврату номинальной стоимости и выплате начисленных процентов по выпу-

ценным и распространенным среди инвесторов облигациям соответствующего выпуска (права требования по финансовым активам).

Необходимо обратить внимание, что до 1 июля 2018 года при использовании прав (требований) в качестве обеспечения исполнения допускались только права (требования) по жилищным кредитам, владельцами которых могли быть исключительно субъекты банковских правоотношений (Национальный банк, банки и небанковские кредитно-финансовые организации) [3, ст. 6]. Вступление в силу Указа Президента Республики Беларусь от 11.05.2017 г. № 154 «О финансировании коммерческих организаций под уступку прав (требований)» привело к значительному расширению перечня прав (требований), которые могут быть использованы при обеспечении исполнения обязательств по облигациям, с одновременным закреплением правового статуса эмитента таких ценных бумаг (специальной финансовой организации (СФО)) [4].

Так, в частности, СФО вправе использовать при секьюритизации (финансировании за счет средств, привлеченных путем эмиссии облигаций, либо с последующей эмиссией облигаций) права (требования):

- по кредитным договорам;
- договорам займа, за исключением микрозаймов, предоставляемых микрофинансовыми организациями;
- хозяйственным договорам, предполагающим реализацию товаров (работ, услуг) и содержащим денежное обязательство должника [5].

Таким образом, использование прав (требований) в обеспечении исполнения обязательств по облигациям в соответствии с действующим законодательством допускается, если эмитентом таких ценных бумаг является банк или небанковская кредитно-финансовая организация либо СФО. Юридическое лицо, не являющееся одним из видов указанных организаций, в случае обладания правами денежных требований по совокупности хозяйственных договоров может использовать их для привлечения средств посредством уступки таких прав (требований) СФО в сделке секьюритизации или банку в рамках такой банковской операции, как факторинг, при обеспечении исполнения обязательств по кредитному договору, а также в рамках вексельного обращения. Однако применить такие права (требования) для обеспечения обязательств по облигациям собственного выпуска как при принятии решения о выпуске таких ценных бумаг, так и при необходимости предоставления обеспечения по части ранее выпущенных необеспеченных облигаций либо изменении способа обеспечения исполнения по выпущенным обеспеченным облигациям такие организации не вправе, что является недостаточно обоснованным и предполагает внесение соответствующих изменений в действующее законодательство.

- 1 О рынке ценных бумаг [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2015 г., № 231-З. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)
- 2 О некоторых вопросах регулирования рынка ценных бумаг [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 28 апр. 2006 г., № 277. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
- 3 Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 25 окт. 2000 г., № 441-З : принят Палатой представителей 3 окт. 2000г. : одобр. Советом Респ. 12 окт. 2000 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
- 4 О финансировании коммерческих организаций под уступку прав (требований) [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 11 мая 2017 г. № 154. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
- 5 О некоторых вопросах осуществления операций секьюритизации [Электронный ресурс] : постановление М-ва финансов Респ. Беларусь, 15 дек. 2017 г. № 49. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.13

НАПРАВЛЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В МЕДИАЦИЮ НА СТАДИИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПОДГОТОВКИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА *

Э. В. Скшидлевска

магистрант первого года обучения юридического факультета,
Белорусский государственный университет
e-mail: elzhbeta.7@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается разработанная модель медиации в уголовном процессе Республики Беларусь и авторский проект закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь». В частности, автором в статье описывается разработанная модель при направлении уголовного дела в медиацию на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства.

Ключевые слова: уголовно-правовой конфликт, альтернативное разрешение споров, медиация, медиативное соглашение.

Annotation. The article deals with the developed model of mediation in the criminal procedure of the Republic of Belarus and the author's draft law of the Republic of Belarus «On introducing amendments to the Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus». In particular, the author describes the developed model during direction of the criminal case in meditation at the stage of appointment and preparation of the trial.

Keywords: legal dispute, alternative dispute resolution, mediation, mediation agreement.

Для применения медиации в уголовном процессе Республики Беларусь правовую предпосылку создает Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» (далее — Закон о медиации) [1]. Однако поскольку соответствующих норм Уголовно-процессуальный кодекс (далее — УПК) Республики Беларусь [2] не содержит, сфера действия Закона о медиации не распространяется на урегулирование споров, возникающих из уголовно-правовых отношений.

Интеграцию медиации в уголовный процесс можно реализовать путем принятия Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь», поэтому рассмотрим авторскую модель медиации в уголовном процессе Республики Беларусь, которая легла в основу такого законопроекта.

Для белорусского законодательства способом направления уголовного дела в медиацию может являться право потерпевшего и подозреваемого или

* Статья подготовлена за счет гранта Министерства образования Республики Беларусь.

обвиняемого заявить следователю, прокурору, суду ходатайство о направлении дела в медиацию. При этом следует рассмотреть вопрос о том, достаточно ли для направления дела в процедуру медиации лишь ходатайства сторон. УПК Республики Польша предусматривает, что дело передает в процедуру медиации компетентный орган и при этом выясняется согласие сторон, в УПК Кыргызской Республики указано лишь о праве сторон заявить ходатайство о примирении (ч. 1 ст. 499 УПК Кыргызской Республики). Для Республики Беларусь целесообразней предусмотреть заявление ходатайства потерпевшим и подозреваемым или обвиняемым о направлении уголовного дела в процедуру медиации, которое должно пройти утверждение соответствующим органом в зависимости от стадии уголовного процесса, на которой было заявлено такое ходатайство.

Необходимо также установить перечень органов, которые правомочны направлять дело в медиацию: «Следователь, прокурор и суд могут направить уголовное дело в процедуру медиации с согласия потерпевшего и подозреваемого или обвиняемого».

Применение медиации возможно по делам частного, частно-публичного и публичного обвинения. В то же время механизм закрепления результатов медиации «возвращения в уголовный процесс» будет различен в зависимости от дела, направленного на данную процедуру.

Законодательство иностранных государств допускает использование процедуры до передачи дела в суд и после назначения наказания. Полагаем, в целях непротиворечия норм принципам уголовного права и процесса Республики Беларусь необходимо первоначально использовать медиацию до окончания судебного следствия. Этот вариант позволяет не менять основы уголовного процесса, а лишь дополнять его альтернативными способами урегулирования конфликта. Поэтому следует закрепить положение: «Медиация в уголовном процессе может осуществляться на любой стадии досудебного производства, а также судебного разбирательства, но до окончания судебного следствия».

Как было указано ранее, применение медиации возможно по делам частного, частно-публичного и публичного обвинения до окончания судебного следствия. Однако, так как уголовное дело частного обвинения возбуждается путем подачи заявления о совершении преступления в суд (ч. 1 ст. 426 УПК Республики Беларусь), то предварительное расследование по данной категории дел не проводится. Следовательно, дела частного обвинения могут быть направлены в медиацию на стадии предварительного расследования только в случае, если обвиняемый является несовершеннолетним, в таком случае проводится предварительное следствие (ч. 1¹ ст. 427 УПК Республики Беларусь).

В уголовном процессе Республики Беларусь при направлении дела в медиацию возникает необходимость приостановить производство по делу до за-

вершения данной процедуры, что предполагает приостановление процессуальных сроков, а, следовательно, сохранение гарантий защиты прав лиц.

Предполагаем, что в уголовном процессе Республики Беларусь в случае завершения процедуры медиации – медиатор должен передать органу, направившему дело в медиацию, отчет о медиации с приложенным к нему медиативным соглашением, если оно было заключено.

Производство по делу, если стороны не заключили медиативное соглашение, будет возобновлено и рассмотрено по общим правилам (ст. 249, п. 4 ст. 280, ст. 302 УПК Республики Беларусь). В случае если стороны заключили медиативное соглашение, то производство по делу возобновляется для утверждения медиативного соглашения.

Следует указать, что в случае заключения медиативного соглашения модели медиации в уголовном процессе зарубежных стран зачастую предусматривают прекращение производства по делу. В таком случае при заключении медиативного соглашения стороны покидают процесс без необходимости утверждения данного соглашения компетентным органом, что может привести к исполнению медиативного соглашения, выгодного лишь для одной стороны, либо стать средством уклонения от реальной ответственности.

На наш взгляд, уголовный процесс Республики Беларусь не позволяет прекратить производство по делу после заключения медиативного соглашения. Также следует учесть, что медиация является новой для уголовно-правовой среды процедурой, нуждающейся в детальном исследовании и разработке.

Для уголовного процесса Республики Беларусь при направлении дела в медиацию на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства применима следующая модель:

1. В случае если медиация завершилась выработкой медиативного соглашения по делам частного обвинения, производство по делу возобновляется (ч. 4 ст. 280 УПК Республики Беларусь). Далее по поступившему в суд уголовному делу судья проводит предварительное судебное заседание при наличии оснований для прекращения производства по уголовному делу (п. 2 ч. 1 ст. 277 УПК Республики Беларусь), в ходе которого изучает медиативное соглашение и исследует следующие вопросы: добровольность примирения и его мотивы; добровольность признания вины подозреваемым или обвиняемым; осознал ли подозреваемый или обвиняемый последствия совершенного им деяния и принял ли меры к заглаживанию причиненного вреда; не оказывалось ли на потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого какое-либо давление; вопросы, связанные с возмещением причиненного вреда; согласие подозреваемого или обвиняемого на примирение. По результатам предварительного судебного заседания судья принимает одно из следующих решений: утвердить медиативное согла-

шение и прекратить производство по уголовному делу; отказать в утверждении медиативного соглашения и рассмотреть уголовное дело по общим правилам.

2. В случае если уголовное дело относится к категории дел частного публичного обвинения, для уголовного процесса Республики Беларусь применима аналогичная модель, как и для дел частного обвинения, однако, кроме заключенного медиативного соглашения, суду должно быть заявлено ходатайство потерпевшего о прекращении производства по делу. По результатам предварительного судебного заседания судья принимает одно из следующих решений: утвердить медиативное соглашение, удовлетворить заявленное ходатайство потерпевшего о прекращении производства по уголовному делу и прекратить производство по уголовному делу; отказать в утверждении медиативного соглашения, отказать в удовлетворении заявленного ходатайства потерпевшим о прекращении производства по уголовному делу и рассмотреть уголовное дело по общим правилам.

3. В случае если уголовное дело относится к категории дел публичного обвинения и медиация завершилась выработкой медиативного соглашения, производство по делу возобновляется для утверждения данного соглашения судом (ч. 4 ст. 280 УПК Республики Беларусь). То есть далее производство по уголовному делу осуществляется по общим правилам (ст. 267–286 УПК Республики Беларусь), а на стадии судебного разбирательства в рамках судебного следствия суд изучает медиативное соглашение и исследует вопросы, указанные в п. 1. По результатам суд принимает одно из следующих решений: утвердить медиативное соглашение, рассмотреть дело по общим правилам и разрешить с учетом заключенного медиативного соглашения; отказать в утверждении медиативного соглашения и рассмотреть уголовное дело по общим правилам.

Далее суд объявляет судебное следствие законченным и переходит к судебным прениям, после которых обвиняемый произносит свое последнее слово.

На основании закона, заключенного медиативного соглашения и внутреннего убеждения суд разрешает вопросы относительно преступления и виновности или невиновности лица; вопросы, связанные с назначением обвиняемому наказания и порядком его отбывания; иные вопросы (ст. 352 УПК Республики Беларусь). При разрешении вопросов, связанных с назначением обвиняемому наказания и порядком его отбывания, а именно разрешая вопрос о том, какое наказание должно быть назначено обвиняемому, имеются ли основания, смягчающие ответственность обвиняемого, подлежит ли обвиняемый наказанию за совершенное им преступление, подлежит ли обвиняемый дополнительному наказанию и какому именно, имеются ли основания для постановления приговора без назначения наказания, с отсрочкой исполнения наказания, с

условным неприменением наказания или с освобождением от отбывания наказания, в исправительном учреждении какого вида и в условиях какого режима должен отбывать наказание осужденный к лишению свободы (ст. 352 УПК Республики Беларусь), суд должен принимать во внимание наличие заключенного медиативного соглашения, а именно его содержание. Так, суд может постановить приговор без назначения наказания, с отсрочкой исполнения наказания, с условным неприменением наказания или с освобождением от отбывания наказания, смягчить наказание, не применять дополнительное наказание или даже обязательное наказание во всех случаях, указанных в законе.

В заключение необходимо отметить, что с учетом специфики уголовно-правовых отношений, анализа правового регулирования медиации в нескольких видах судопроизводства, опыта зарубежных государств, а также готовности белорусского общества принять новую процедуру предложенная модель закрепления результатов медиации является наиболее оптимальной для уголовного процесса Республики Беларусь.

1. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 58-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

УДК 346

РЕЦЕПЦИЯ ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О. В. Становая

преподаватель кафедры правовых дисциплин,
Могилевский институт МВД (Беларусь)
e-mail: my_jobbox@tut.by

А. Ю. Игнатенко

курсант 3-го курса факультета милиции,
Могилевский институт МВД (Беларусь)

Аннотация. В статье обоснована необходимость введения института банкротства физического лица в Республике Беларусь. Представлены основные результаты исследования института банкротства в зарубежных странах, на основании полученных выводов внесены предложения по регулированию процедуры банкротства физического лица в национальном законодательстве Республики Беларусь.

Ключевые слова: банкротство физического лица, реструктуризация долга, кредитор, должник, реализация имущества гражданина, мировое соглашение.

Annotation. The article substantiates the need to introduce the institution of bankruptcy of an individual in the Republic of Belarus. The main results of the study of the bankruptcy institution in foreign countries are presented; on the basis of the findings, proposals are made to regulate the procedure for bankruptcy of an individual in the national legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: bankruptcy of an individual, debt restructuring, creditor, debtor, sale of a citizen's property, settlement agreement.

Введение института банкротства физических лиц в систему законодательства различных стран давно доказало свою эффективность на практике. Для добросовестного гражданина, попавшего в трудную финансовую ситуацию, это возможность в ходе одного процесса рассчитаться со своими долгами, используя для этого имеющееся имущество, и шанс возобновить нормальную экономическую деятельность, для кредитора — это определенный способ защиты своих законных интересов, который позволяет возместить причиненный действиями должника ущерб (убытки).

Необходимость введения института банкротства физического лица в Республике Беларусь обусловлена активной трансформацией рыночных отношений, на которые оказывают влияние множественные негативные факторы. Рыночные отношения являются одной из основ для развития сферы кредитования, которая стимулирует покупательскую способность населения в розничной торговле, сфере услуг и жилищного строительства.

Согласно банковской статистике, каждый пятый белорус имеет проблемный кредит, взятый наличными денежными средствами либо с использованием кредитной карты, причем на стороне кредитора могут выступать не только банковские организации, но и предприятия розничной торговли, иные субъекты хозяйствования, физические лица. Показатели просроченной задолженности по кредитам связывают с ухудшением материального положения заемщика, ростом инфляции и безработицы, а также с низкой финансовой грамотностью. В связи с этим возникает вопрос о возможности взыскания просроченных долгов с наименьшими затратами как для должника, так и для кредитора.

В настоящее время в Республике Беларусь существование проблемы просроченных задолженностей по обязательствам отрицать нельзя, в связи с чем введение норм законодательства, регулирующего процедуры банкротства физического лица, во многом является попыткой ее разрешения. Законодательство о банкротстве юридических лиц работает в нашей стране уже достаточно давно, и практика применения процедур банкротства дала свои как положительные, так и отрицательные результаты. Институт банкротства физического лица является достаточно новым для всего постсоветского пространства, однако в 2015 году в Российской Федерации впервые после 8 лет дискуссий и изучения проекта Закона о банкротстве физических лиц все же был принят Федеральный закон от 29 июня 2015 года № 127-ФЗ «О банкротстве физических лиц» (далее — ФЗ).

О необходимости введения подобного закона в Республике Беларусь еще в 2012 году заявлял действующий председатель Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь В. Каменков. По его словам, «надо упорядочить соответствующие отношения физических лиц со своими дебиторами и кредиторами. У нас это надо делать в обязательном порядке, чтоб не было никаких случайных схем, чтобы защитить тех людей, кто берет кредит в банке, чтобы он знал, что не заберут квартиру последнюю, построенную или недостроенную, другие средства» [1].

Институт банкротства физических лиц является достаточно непростым с точки зрения самого процесса как для управляющего, ведущего дело о банкротстве, так и для самих участников. Возникает ряд вопросов, которые требуют исследования, различных подходов к сочетанию имеющегося положительного опыта западных стран, где достаточно давно и успешно применяются аналогичные нормы, с менталитетом белорусов, с целью избежать повторения ситуации, сложившейся в Российской Федерации, когда среди десятков тысяч граждан, подавших заявление о банкротстве физического лица, оказались бывший вице-президент «Лукойла» Ралиф Сафин, владелец «Русьимпорта» Александр Мамедов, бывший владелец Черкизовского рынка Тельман Исмаилов [2]. В по-

добных случаях фиктивность банкротства носила явный характер, однако по нормам ФЗ данные лица были признаны банкротами со списанием миллиардных долгов.

Таким образом, для недобросовестных должников введение института «неторгового» банкротства — это возможность объявления фиктивного самобанкротства, сокрытия от кредиторов реальной информации о наличии имущества и иных активов и, как итог, освобождение от исполнения своих обязательств. В подобных случаях введение института банкротства будет определять новый вид мошенничества, при котором недобросовестные должники, обладающие юридическими признаками банкрота, будут отчуждать свое имущество третьим лицам, чтобы на них, кроме долгов по обязательствам, ничего не осталось. Добропорядочные должники используя процедуры реструктуризации долгов, реализации имущества и возможности заключения мирового соглашения, получают возможность рассчитаться долгам и урегулировать свои финансовые проблемы. Однако при наличии нескольких кредиторов распределение вырученных за реализацию имущества должника денежных средств, происходит пропорционально сумме долгов между всеми кредиторами. В таком случае в невыгодном положении оказываются кредиторы, которые упускают возможность взыскать долг в полном объеме. Анализ норм ФЗ показал, что он имеет прокредиторскую направленность, т. е. учитывает в большей степени интересы кредиторов, которые стремятся получить хоть какое-то возмещение по имеющимся обязательствам, в связи с чем необходимо тщательно подойти к процедуре признания должником в процессе банкротства физического лица.

Исследование опыта законодательства зарубежных стран позволяет в общем процедуру открытия банкротства физического лица подразделить на четыре этапа: 1) составление и подача заявления о банкротстве; 2) признание заявления о банкротстве обоснованным и открытие процедуры банкротства; 3) судебные процедуры банкротства, включающие: а) реструктуризацию долгов гражданина, проводимую по аналогии с процедурой досудебного оздоровления, с учетом субъектного состава участников; б) реализацию имущества должника, которая имеет общие черты с ликвидационным производством; в) мировое соглашение, которое может быть заключено на любой стадии дела о банкротстве в целях его прекращения путем достижения соглашения между кредитором и должником; 4) применение негативных последствий (санкций) признания банкротом гражданина. Основа данного процесса закладывается в первоначальных стадиях, а научно обоснованная правовая регламентация национальным законодательством первоначальных этапов процедуры признания банкротом физического лица позволит впоследствии избежать злоупотребления правом должниками. Таким образом, необходимо рассмотреть столь необходимый нацио-

нальному законодательству правовой механизм возбуждения процедуры банкротства физического лица, связанный с принятием заявления должника и открытием производства по делу о банкротстве.

Проводя аналогию с Законом Республики Беларусь от 13.07.2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)», согласно которому заявление об экономической несостоятельности (банкротстве) юридического лица либо индивидуального предпринимателя может быть подано должником, кредитором, прокурором либо представителем работников должника, необходимо установить, что заявление о банкротстве физического лица может быть подано также самим должником, его кредитором, которым может быть любое физическое либо юридическое лицо, которому причинен вред (ущерб) должником вследствие неисполнения последним своих обязательств. В состав лиц, обладающих правом подачи заявления кредитора, необходимо включить налоговые органы и органы принудительного исполнения при наличии подтверждения соответствующих требований (например, решения суда).

Соответственно, банкротство физического лица можно подразделить на два вида: добровольное (подача заявления самим должником) и принудительное (подача заявления одним из кредиторов либо государственным органом).

Инициирование процедуры банкротства должником (добровольная подача заявления должника) должно классифицироваться по двум основаниям, когда подача заявления — это обязанность должника и когда подача заявления является его правом. Данное разграничение необходимо для определения условий совершения данных действий, которые впоследствии повлекут либо не повлекут применение административных санкций.

Обязанность подачи заявления должника определяется следующими условиями: во-первых, наличие неисполненных денежных обязательств как с наступившим, так и с ненаступившим сроком исполнения (сумма таких обязательств должна быть привязана к стабильной величине, например, к бюджету прожиточного минимума); во-вторых, удовлетворение требований одного или нескольких кредиторов приведет к невозможности исполнения обязательств перед другими кредиторами; в-третьих, срок подачи заявления должен исчисляться с даты, когда должнику стали известны либо должны были стать известными обстоятельства для обязательного самобанкротства (ФЗ определяет данный срок в 30 дней); в-четвертых, неисполнение обязанности по подаче заявления и привлечение к административной ответственности.

Право подачи заявления должника должно определяться ситуацией предвидения банкротства физическим лицом, т. е. наличие обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что гражданин не сможет исполнить свои обязательства в установленный срок, которые определяет сам должник, при этом необхо-

димо соответствие гражданина признакам неплатежеспособности либо недостаточности имущества. Подача заявления осуществляется в добровольном порядке, однако неиспользование данного права не влечет административных последствий.

Второй этап, связанный с признанием заявления должника обоснованным и открытием процедуры банкротства, предусматривает необходимость доказывания должником своей неплатежеспособности в суде. К заявлению должника должны быть приложены документы, подтверждающие наличие задолженности, юридические основания ее возникновения, а также неспособность гражданина удовлетворить требования кредиторов в полном объеме; списки кредиторов и должников гражданина; в том числе справки о размере заработной платы, банковская выписка о кредитной истории потенциального банкрота; опись и приблизительная оценочная стоимость имущества с копиями документов, подтверждающих право собственности на данное имущество; копии документов о проведенных в течение трех лет до даты подачи заявления операциях по сделкам с недвижимым имуществом, ценными бумагами, транспортными средствами, а также сведения о сделках на фиксированную сумму, которая должна быть привязана к стабильной величине (минимальной заработной плате либо бюджету прожиточного минимума); выписка со счета, подтверждающая возможность оплаты вознаграждения управляющему, денежные средства могут быть внесены на счет соответствующего суда, принимающего заявление о банкротстве гражданина; оплата государственной пошлины.

Признавая заявление обоснованным, а должника — добросовестным, суд открывает дело о банкротстве, в ходе которого у граждан появляется возможность реструктуризировать свои долги либо погасить за счет своего имущества. Судебные процедуры в настоящее время требуют научных исследований, обобщения и анализа судебной зарубежной практики, связанных как с положительными, так и с негативными аспектами их проведения. Однако уже имеющийся опыт Российской Федерации доказал необходимость введения института банкротства в законодательство страны.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о необходимости института банкротства физического лица в законодательстве Республики Беларусь, так как его введение отвечает современным тенденциям в области государственного регулирования отношений, связанных с неплатежеспособностью физических лиц по принятым обязательствам перед кредиторами и другими заинтересованными лицами, что в перспективе будет положительным образом сказываться на рыночной конъюнктуре, позволяя лицу, имеющему задолженность, превышающую стоимость его имущества, избавиться от непосильного бремени через процедуру объявления его банкротом.

Введение в национальное законодательство института банкротства физического лица должно основываться на детально проработанной правовой регламентации досудебных процедур с целью избежать ситуации, возникшей в Российской Федерации после введения ФЗ, связанной с объявлением банкротами недобросовестных должников. Подобные действия могут быть выявлены именно на данных стадиях процесса. Проведение должным образом первоначальных процедур позволяет открывать процедуру банкротства в отношении того физического лица, который действительно находится в тяжелом финансовом положении и не способен исполнить свои денежные обязательства в установленный срок. В дальнейшем принятие поданного заявления со всеми необходимыми документами, перечень которых необходимо закрепить на законодательном уровне, является основанием для открытия и проведения судебных процедур — реструктуризации долгов и реализации имущества должника с соблюдением принципа процессуальной экономии.

1. Лойко О. Белорусы могут стать банкротами. Нужен ли стране институт банкротства физлиц? [Электронный ресурс] // Финансы : TUT.BY. URL: <https://finance.tut.by/news323581.html> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Егоров В. Е., Хярм И. В. Банкротство гражданина: вопросы при производстве отдельных процедур // Вестн. Псков. гос. ун-та. 2015. № 2. С. 167. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.214.2

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

О. В. Степанов

доцент кафедры правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
Российский государственный
социальный университет, филиал в г. Минске (Беларусь)

А. Н. Вабищевич

студент 4-го курса,
Российский государственный
социальный университет, филиал в г. Минске (Беларусь)
e-mail: vabishchevich_98@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется состояние правового положения гражданина, как потребителя в современных условиях. Приводится анализ статистических данных по вопросам защиты прав потребителей и раскрываются проблемы в отношениях по «потребитель-гражданин». Излагаются предложения по усовершенствованию защиты прав потребителей в Республике Беларусь.

Ключевые слова: защита прав потребителей, продавец, исполнитель, производитель, товар (работа, услуга), правовое положение.

Annotation. The article analyzes the state of the legal status of a citizen as a consumer in modern conditions. An analysis of statistical data on consumer protection issues is given, and problems in consumer-citizen relations are revealed. It sets out proposals for improving consumer protection in the Republic of Belarus.

Keywords: consumer protection, seller, performer, manufacturer, product (work, service), legal status.

В настоящее время с появлением новых общественных отношений в белорусском обществе и, соответственно, с увеличением предложений на рынке товаров (работ и услуг) посредством научно-технического прогресса (электронная торговля) возникает насущная необходимость усовершенствования правовой защиты прав потребителей в Республике Беларусь. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О защите прав потребителей» потребителем признается физическое лицо, которое имеет намерение приобрести, заказать или приобретающее либо заказывающее товар (работу, услугу) или использующее товар (результат работы или услугу) только для личных, домашних, семейных и иных потребностей, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности [1].

Изучение литературных источников свидетельствует, что уровень качества производственной и хозяйственной деятельности организаций и индивиду-

альных предпринимателей, то есть реализуемых товаров (работ и услуг) определяет социальный уровень граждан. Говоря иными словами, удовлетворение социально значимых потребностей человека, а именно приобретение необходимых для жизнедеятельности товаров и выполнение работ (оказание услуг), на каждом этапе исторического развития государства являлось основным социальным интересом человека, а качественный уровень организации такого потребления — главным признаком социального государства. Аналогичный подход использует белорусский законодатель, то есть согласно ст. 2 Конституции Республики Беларусь человек, его права и свободы, гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства, а также государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного развития личности [2].

Следовательно, уровень спроса, исходя из надлежащего качества товаров (работ и услуг), способствует стабильному функционированию экономической системы и повышению социальной защищенности граждан Республики Беларусь.

Согласно проведенному изучению статистических показателей работы судов общей юрисдикции, ежегодно публикуемых Верховным Судом Республики Беларусь, было выявлено, что в суды общей юрисдикции Беларуси за 2017 г. было подано 2005 исковых заявлений по вопросам защиты прав потребителей, 1 505 из них было удовлетворено; за такой же период 2018 г. было подано 2 283 заявлений, из них было удовлетворено 1 883. Таким образом, можно заметить увеличение числа обращений граждан за судебной защитой в 2018 г. на 12 % по сравнению с аналогичным периодом в 2017 г. В этой связи можно утверждать, что рынок товаров (работ и услуг) имеет ряд недостатков нормативного регулирования и не способен самостоятельно функционировать без вмешательства судебных органов [3].

Более того, Г. А. Шмарловская отмечает следующие несовершенства в осуществлении товарооборота в Республике Беларусь:

- 1) монополия, особенно в области газо-, водоснабжения, и в том числе верховенство определенных организаций в различных сферах;
- 2) практика сговора между несколькими организациями с целью увеличения цен и расширения доли на рынке;
- 3) недобросовестная практика рыночного поведения, которая предлагает вводящую в заблуждение рекламу или заведомо некачественные товары.

В совокупности эти недостатки ведения хозяйственной деятельности, по мнению исследователя, чью позицию мы поддерживаем, подрывают доверие потребителя, образуют низкую покупательскую способность и способствуют

формированию его положения, как слабой стороны в договорных отношениях [3, с. 3].

Как свидетельствует изучение правовых предписаний всю совокупность, правовых норм, регулирующих отношения в области защиты прав потребителей в Республике Беларусь, можно разделить на две группы. Первую группу правовых предписаний составляют нормативные правовые акты международного характера. В свою очередь, вторая группа сформулирована белорусским национальным законодательством и представлена Гражданским кодексом Республики Беларусь и Законом Республики Беларусь «О защите прав потребителей» (далее — Закон). В большей степени «отношения потребитель — продавец» регулируются настоящим Законом. Так, при осуществлении хозяйствующими субъектами своей деятельности они должны учитывать те права в отношении потребителей, что установлены настоящим Законом, а именно право на: информацию о товарах; свободный выбор товаров (работ и услуг); надлежащее качество товаров (работ и услуг); просвещение в области защиты прав потребителей; возмещение в полном объеме убытков, вреда, причиненного по вине продавца (исполнителя или производителя); государственную и общественную защиту своих прав и интересов; создание общественных объединений потребителей [4].

Руководствуясь постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей», гражданам следует иметь в виду, что законодательство о защите прав потребителей применяется к отношениям, которые возникают из следующих договоров: розничной купли-продажи и продажи недвижимости; проката; подряда; на оказание жилищно-коммунальных услуг; перевозки пассажира, его багажа и грузов; комиссии; страхования; энергоснабжения; хранения; на оказание банковских услуг, которые направлены на удовлетворение личных, домашних, семейных нужд потребителя; возмездного оказания услуг и других подобных договоров, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности [5].

Как свидетельствует изучение статистических данных о практике применения законодательства, зачастую на практике в случае обнаружения недостатков товара, если они не были оговорены, потребитель обращается к продавцу (производителю или исполнителю) с законными требованиями, которые установлены ст. 20 настоящего Закона, о замене недоброкачественного товара; о соразмерном уменьшении покупной цены; о незамедлительном безвозмездном устранении недостатков; о возмещении расходов с целью устранения недостатков товара — на что продавец требует чек, ссылаясь на то, что потребитель приобрел товар не у него. Так, согласно ст. 10 настоящего Закона отсутствие у

потребителя соответствующего документа, который бы подтверждал факт приобретения товара, не является основанием отказа для удовлетворения его требований. Потребитель в отношении доказательства факта приобретения товара именно у этого продавца может руководствоваться свидетельскими показаниями, элементами потребительской упаковки, на которых имеются отметки, подтверждающие, что товар приобретен у данного продавца и иные средства доказывания. В связи с введением в заблуждение потребителя продавцом и слабой правовой грамотностью, как потребителя граждане не в состоянии без вмешательства судебных органов или общественных организаций самостоятельно защитить свои права, что способствует появлению стрессовых ситуаций у потребителя, наличию судебных издержек и траты времени.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, следует отметить, что правовое положение граждан как потребителей на рынке товаров (работ и услуг) в Республике Беларусь остается не в полной мере защищено правовыми нормами. Изучение статистических показателей судебной практики по делам защиты прав потребителей обусловило необходимость повышения как государственными органами, так и общественными организациями роли потребителей в развитии конкурентоспособного рынка. В силу этого предлагается усовершенствование правовой базы защиты прав потребителей в Республике Беларусь посредством проведения мониторинга по наиболее проблемным областям рынка с участием потребителей и общественных организаций, оказывающих поддержку в решении конфликтов, организаций и индивидуальных предпринимателей. С целью повышения правовой грамотности потребителей и создания максимальной прозрачности в отношениях «потребитель — продавец» предлагаются следующие средства информирования:

- интернет-ресурс (создание раздела о правах потребителей в крупных новостных порталах Беларуси);
- организация конференций с участием студентов не только юридических направлений, но и иных для обсуждения вопросов стабильности нынешнего рынка товаров (работ и услуг);
- организация собраний общественных организаций потребителей на местном уровне;
- проведение социологического опроса информационно-аналитическим центром Республики Беларусь и внесение в законодательство соответствующих изменений.

1. О защите прав потребителей : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2002 г., № 90-З : в ред. от 8 июля 2008 г. № 366-З: с изм. и доп. Минск : Амалфея, 2018. 68 с.
[Вернуться к статье](#)

2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. 62 с. [Вернуться к статье](#)

3. Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://court.gov.by/ru/> (дата обращения: 20.01.2019). [Вернуться к статье](#)

4. Защита прав потребителей: международный опыт и национальная система Республики Беларусь : справочник / Г. А. Шмарловская [и др.] ; под ред. Г. А. Шмарловской. Минск : Дикта : Мисанта, 2012. 192 с. [Вернуться к статье](#)

5. О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного суда Респ. Беларусь, 24 июня 2010 г., № 4 // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь]. URL: <http://court.gov.by/ru/> (дата обращения: 20.01.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 35.075:340.13:342(477)

СТИМУЛ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЦ, УПОЛНОМОЧЕННЫХ НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПУБЛИЧНО-ВЛАСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ (опыт Украины)

М. В. Титаренко

аспирант кафедры административного и хозяйственного права,

Запорожский национальный университет (Украина)

e-mail: Marina_5@i.ua

Аннотация. В работе обосновывается уникальность ресурса стимулов как средства регулирования деятельности лиц, наделенных публично-властными полномочиями, повышения ее результативности, качества. Выделяются приоритеты закрепления правовых основ этого средства в законодательстве Украины, позитивная практика правоприменения.

Ключевые слова: стимулы, публичная служба, властные полномочия, средство регулирования, эффективность, заимствование.

Anotation. The work substantiates the uniqueness of the resource incentives as a means of regulating the activities of persons endowed with public authority, improving its effectiveness and quality. Priorities for securing the legal basis of this tool in the legislation of Ukraine, positive law enforcement practice are highlighted.

Keywords: incentives, public service, authority, means of regulation, efficiency, borrowing.

Одним из средств эффективного регулирования деятельности лиц, уполномоченных на осуществление публично-властных полномочий, традиционно в правовой науке, нормотворчестве и правоприменении рассматриваются стимулы. Последние представляют собой разнообразные средства, ориентированные на формирование у лица, уполномоченного на осуществление властных полномочий публичного характера, стремления к максимальной концентрации своих усилий для реализации предоставленных полномочий. При этом стимулы рассматриваются как в узком понимании (только «позитивные» средства), так и в широком понимании (как «позитивные», так и «негативные» средства). В законодательстве Украины закреплены основы «позитивных» стимулов, среди которых поощрения, премии, привилегии, иммунитеты, льготы и другие.

К сожалению, отсутствие единого акта (так называемого базового акта), который бы систематизировал правовые основы использования ресурса стимулов по отношению к лицам, уполномоченным на выполнение публично-властных полномочий, существенно усложняет правоприменительную практику, создает предпосылки для свободного субъективного толкования положений

законодательства и, как следствие, разновариативного их применения в различных ситуациях. На сегодняшний день значительная часть оснований применения стимулов, их признаки, виды закреплены в законах Украины «О государственной службе», «О службе в органах местного самоуправления», «О дипломатической службе», «О Национальной полиции», и других, а также в многочисленных подзаконных нормативно-правовых актах, которые детализируют вышеуказанные основания процедурного характера и при этом нередко отличаются различным, а иногда, и противоречивым характером, что создает коллизионный аспект правоприменения и обуславливает необходимость его решения. К сожалению, дефектностью характеризуется и базовый тематический понятийный аппарат. Нет норм-дефиниций, непосредственно посвященных «стимулам», «стимулированию», хотя есть те, которые закрепляют определения «поощрения», «государственная награда», «иммунитет» и др. Однако, учитывая то, что таких норм-дефиниций, непосредственно посвященных, например, «иммунитету», несколько и их содержательное наполнение является различным, на практике вновь возникает проблема толкования, усложняется правоприменение относительно различных лиц, уполномоченных на осуществление публично-властных полномочий. Аналогичной является ситуация с нормами-дефинициями «льгота», «привилегия», «поощрение» и так далее.

Проблемным аспектом нормативного правового регулирования основ использования ресурса стимулов является и процедурный их аспект, а именно: закрепление различных процедурных алгоритмов различных видов стимулов в актах разного содержательного наполнения, юридической силы, времени (даты) принятия. Как следствие, один и тот же вид стимула (например, премия) для публично-властных уполномоченных лиц одновременно может применяться на основании нескольких подзаконных нормативно-правовых актов с различным содержанием (стадиями, сроками и т. д). Проблемность использования ресурса стимулов по отношению к лицам, уполномоченным на выполнение публично-властных полномочий, существенно ускоряет правоприменительную процедуру, усложняет контроль за ней, снижает социальное значение стимулов и их престижность, а следовательно, и мотивацию со стороны вышеупомянутых лиц по концентрации своих усилий для получения соответствующих средств оценки и перспективной ориентации своей публично-служебной деятельности. Среди приоритетных направлений научных исследований, непосредственно посвященных проблематике публично-служебных правовых отношений, результаты которых должны способствовать совершенствованию научного фундамента для нормотворчества, выделяются исследования феномена стимулов в служебном праве как института служебного права с позиционированием видов стимулов, их признаков, процедуры стимулирования как вида административ-

ной процедуры, особенности стимулирования по отношению к различным видам лиц, уполномоченных на осуществление публично-властных полномочий. Этот научный фундамент фактически должен обусловить формирование нового служебного законодательства с унифицированными основами использования ресурса стимулов в публично-служебной деятельности. Такая унификация возможна на уровне кодифицированного акта (например, Служебного кодекса, Кодекса публичной службы и др.), идея разработки и принятия которого воспринята многими представителями украинской административно-правовой науки и рассматривается как вполне реализуемая (например работы Т. А. Колмолец, Р. С. Мельника, Л. Р. Билы-Тиуновой, И. В. Болокан, Т. С. Анищенко и др.).

В соответствующем акте для обеспечения использования стимулов именно как средства эффективного регулирования публично-служебных отношений необходимым является: закрепление базового тематического понятийного ряда (начиная от понятий «стимул», «стимулирование» и до их видового разнообразия), базового алгоритма процедуры стимулирования (как основных, так и факультативных стадий) со всеми его составляющими. При этом минимизировать необходимо так называемые открытые списки, оценочные понятия и другие положения относительно определенного характера, применение которых связано с реализацией субъективного усмотрения лица, инициирующего стимулирование лица, принимающего окончательное решение и другие. Только в условиях унифицированных, абсолютно определенных и систематизированных, нормативно закрепленных оснований стимулов, содержание которых соответствует пониманию феномена стимулов в отраслевой правовой науке (что будет свидетельствовать о соблюдении принципа научности), можно вести разговор об эффективном использовании стимулов как средства, влияющего на результативность и качество публично-служебной деятельности лиц.

УДК 343.2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И. О. Ткачевдоцент кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук,

Уральский государственный юридический университет (Россия)

e-mail: tkachyov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реформирования системы мер уголовно-правового характера. Приводится практика применения судебного штрафа. В статье также анализируется законопроект о введении в УК РФ категории уголовного проступка. Делается вывод о том, что принятие законопроекта в анализируемом виде повлечет за собой нарушение базовых принципов уголовного права.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, иные меры уголовно-правового характера, уголовный проступок, судебный штраф, освобождение от уголовной ответственности.

Annotation. The article considers the penal sanctions system reforming. Court fine practice is given. The article also deals with the legal initiative, where the notion of criminal minor offences is introduced. The author concludes that the legislation initiative in subject, when enacted as it is, will cause the violation of basic criminal law principles.

Keywords: criminal policy, other forms of penal sanctions, criminal minor offence, court fine, exemption from criminal liability.

Уголовное законодательство Российской Федерации переживает период активного реформирования, обусловленный поиском наиболее оптимальных моделей реагирования на криминальные проявления в обществе. При этом «магистральным» направлением уголовно-правовой политики является либерализация уголовного законодательства. Такая либерализация достигается в том числе за счет расширения перечня оснований освобождения от уголовной ответственности, а также мер уголовно-правового характера, применяемых к осужденному в качестве альтернативы уголовному наказанию.

Первоначально УК РФ предусматривал всего четыре основания освобождения от уголовной ответственности (в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, изменением обстановки, а также истечением сроков давности уголовного преследования).

Федеральным законом № 420-ФЗ УК РФ был дополнен ст. 76.1, в которой предусмотрены специальные императивные основания освобождения от уго-

ловной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности (глава 23 УК РФ).

Положения ст. 76.1 УК РФ первоначально распространялись на две группы преступных деяний:

1) налоговые преступления (ст. 198–199.1 УК РФ);

2) деяния, образующие двадцать составов преступлений в сфере экономической деятельности, в которых обязательным признаком объективной стороны является совершение описанного в диспозиции деяния в крупном размере (в том числе извлечение дохода в крупном размере) или причинение крупного ущерба гражданину, организации или государству.

При этом условия освобождения, сформулированные в ч. 1 ст. 76.1 УК РФ в отношении налоговых преступлений, содержательно не отличались от аналогичных условий, сформулированных в примечаниях к ст. 198 и 199 УК РФ, в связи с чем введение указанной нормы не повлекло каких-либо изменений в практике применения уголовного законодательства.

Что касается второй группы преступных деяний, то в их отношении в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ были сформулированы два условия освобождения:

– компенсация причиненного преступлением ущерба или перечисление в пользу государства незаконного извлеченного дохода;

– уплата в федеральный бюджет денежного возмещения в размере пятикратной суммы причиненного преступлением ущерба или полученного в результате совершения преступления дохода.

Размер денежного возмещения, установленный в первоначальной редакции ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, являлся чрезмерно большим, в связи с чем соответствующая норма на практике применялась достаточно редко.

Стремясь повысить правоприменительный потенциал анализируемой нормы, законодатель Федеральным законом № 325-ФЗ от 03.07.2016 г. снизил размер денежного возмещения до двукратного размера признаков деяния (в том числе извлеченного дохода или убытков, которые удалось избежать) либо преступных последствий (причиненного преступлением имущественного ущерба).

Одновременно законодатель пошел по пути последовательного расширения перечня составов преступлений, в отношении которых может быть применено соответствующее основание освобождения. В результате норма, «реанимированная» путем снижения размера подлежащей уплате в бюджет денежной компенсации, «перешагнула» границы главы 22 УК РФ. В настоящее время она может быть применена в отношении 33 составов преступлений в сфере экономической деятельности, а также 2 составов преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина (глава 19 УК РФ), а также 10 составов преступлений против собственности (глава 21 УК РФ). В связи с этим

Федеральным законом № 533-ФЗ от 27.12.2018 г. было изменено само наименование соответствующего основания на освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба.

«Фискальный потенциал» уголовного законодательства был существенно повышен путем введения федеральным законом № 323-ФЗ от 03.07.2016 г. в уголовное законодательство такой меры уголовно-правового характера, как судебный штраф. Указанная мера уголовно-правового характера применяется при освобождении от уголовной ответственности при применении диспозитивного основания, предусмотренного ст. 76.2 УК РФ.

При этом данные опубликованной Судебным департаментом при Верховном суде РФ судебной статистики свидетельствуют, что норма об освобождении от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) оказалась крайне востребована. С каждым полугодием увеличивается как количество случаев прекращения уголовного дела или уголовного преследования по указанному основанию (ст. 25.1 УПК РФ), так и общая сумма денежных средств, назначенных к уплате в качестве судебных штрафов.

	1-е полугодие 2017 г.	2-е полугодие 2017 г.	1-е полугодие 2018 г.
Прекращено уголовных дел (уголовных преследований) [1]	7 335	11 011	12 877
Назначено судебных штрафов, млруб. [2]	108,4	171	226,1

При этом доля добровольно уплаченных судебных штрафов, назначаемых в качестве иной меры уголовно-правового характера, значительно выше аналогичного показателя в отношении штрафов, назначаемых в качестве основного или дополнительного наказания [2].

Период Показатель	1-е полугодие 2017 г.		2-е полугодие 2017 г.		1-е полугодие 2018 г.	
	штраф как иная мера	штраф как наказание	штраф как иная мера	штраф как наказание	штраф как иная мера	штраф как наказание
Назначено, млн руб.	108,4	4 222,89	171	4 927,07	226,1	5 204,96
Добровольно уплачено, млн руб.	39,9	317,98	67,3	415,72	91	347,63
Добровольно уплаченных средств, в %	36,8	7,53	39,35	8,44	40,24	6,68

В настоящее время уголовное законодательство, по всей видимости, ждет еще один виток реформирования системы мер уголовно-правового характера.

31 октября 2017 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановил внести в Государственную Думу Российской Федерации проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Фе-

дерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» [3]. Соответствующий законопроект № 612292-7 от 20.12.2018 г. в настоящее время находится на рассмотрении высшего представительного органа [4].

Указанный законопроект, помимо введения новой уголовно-правовой категории уголовного проступка, под которым понимается преступление небольшой тяжести, за которое санкцией соответствующей уголовно-правовой нормы не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, предполагает введение также нового императивного основания освобождения совершеннолетних лиц от уголовной ответственности. В качестве условия такого освобождения названо совершение уголовного проступка впервые. При этом соответствующие лица подлежат освобождению от уголовной ответственности с применением к ним в качестве иной меры уголовно-правового характера судебного штрафа, обязательных либо принудительных работ.

В связи с этим законопроектом одновременно предлагается дополнить перечень мер уголовно-правового характера за счет включения в него также обязательных и исправительных работ. Таким образом, судебный штраф, обязательные работы и исправительные работы наделяются дуалистической правовой природой. С одной стороны, они остаются в УК РФ и системе наказаний (ст. 44 УК РФ), с другой — становятся иными (помимо наказания) мерами уголовно-правового характера.

По нашему мнению, реализация законодательной инициативы Верховного Суда РФ способна породить целый комплекс теоретико-прикладных проблем, из которых уже на стадии обсуждения законопроекта очевидны следующие.

1. При освобождении от уголовной ответственности по отмеченному основанию (равным образом это справедливо и по отношению к положениям ст. 76.1 УК РФ) игнорируется воля потерпевшего от преступления, что не соответствует положениям ст. 52 Конституции РФ. Иными словами, законодатель на первое место ставит не интересы потерпевшего от преступления, а фискальные интересы самого государства, что вряд ли оправданно.

В связи с этим следует обратить внимание, что аналогичное ст. 76.1 УК РФ основание освобождения от уголовной ответственности, предусмотренное ст. 88.1 УК Республики Беларусь, ограничивает возможность освобождения только теми преступлениями, в результате которых был причинен ущерб государственной собственности или имуществу юридического лица, доля в уставном фонде которого принадлежит государству, либо существенный вред государственным или общественным интересам.

2. Не решен вопрос назначения иных мер уголовно-правового характера по совокупности с наказанием при множественности преступлений, одно из которых относится к категории уголовного проступка. В связи с этим не понятно, возможно ли назначение, например, обязательных работ за два преступления, входящие в совокупность, при условии, что за одно из таких преступлений обязательные работы назначаются в качестве наказания, а за другое преступление — в качестве иной меры уголовно-правового характера. Если это возможно, то подлежат ли такие работы сложению по правилам ст. 69 УК РФ или они должны исполняться самостоятельно?

3. Равным образом не решен вопрос относительно оснований отмены иных мер уголовно-правового характера. Как следует из законопроекта, в случае злостного уклонения от отбывания назначенной судом меры уголовно-правового характера такая мера отменяется и лицо привлекается к уголовно ответственности. Однако, что понимать под злостным уклонением, в законопроекте не указывается. Содержащаяся в проекте ст. 104.8 УК РФ отсылка к положениям УИК РФ противоречит базовому принципу законности, который исключает применение уголовного закона по аналогии (ч. 2 ст. 3 УК РФ).

4. Не определены правовые последствия злостного уклонения от отбывания обязательных и исправительных работ, назначенных в качестве иных мер уголовно-правового характера. Законопроект не содержит ответа на вопрос, как быть, если на момент отмены освобождения и привлечения лица к уголовной ответственности назначенные меры уголовно-правового характера были исполнены в той или иной части. Возможно ли зачесть исполненную лицом часть мер уголовно-правового характера в счет наказания? Исходя из буквального толкования текста законопроекта, а также с учетом запрета на применение уголовного закона по аналогии (ч. 2 ст. 3 УК РФ), — то нельзя. Однако это, очевидно, противоречит принципам справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ) и равенства граждан перед законом и судом (ст. 4 УК РФ).

1. На основании Формы № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

2. На основании Формы № 4 «Отчет судов общей юрисдикции о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, количестве вынесенных постановлений об оплате процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета и назначении экспертиз» Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Верховный Суд Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/24308/> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

4. Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 343.13

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ

В. М. Федченко

профессор кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент,
Днепропетровский государственный
университет внутренних дел (Украина)
e-mail: mixayluz@ukr.net

***Аннотация.** В статье исследуются правовые аспекты обеспечения безопасности участников уголовного процесса в Украине. Анализируются положения отдельных международных правовых актов, регулирующих вопросы обеспечения безопасности в сфере уголовного производства, и вносятся предложения касательно необходимости усовершенствования действующих норм уголовного процессуального законодательства Украины, которые существенно смогли бы улучшить обеспечение указанной безопасности. Обращается внимание на то, что необходимость внесения данных изменений особенно актуальна в вопросах расследования преступлений против национальной безопасности Украины.*

***Ключевые слова:** уголовное производство, участники процесса, обеспечение безопасности.*

***Annotation.** The article investigates the legal aspects of ensuring the safety of participants in the criminal process in Ukraine. The article analyzes the provisions of separate international legal acts regulating security issues in the field of criminal proceedings and makes suggestions regarding the need to improve the existing norms of the criminal procedural legislation of Ukraine, which could substantially improve the provision of the specified security. Attention is drawn to the fact that the necessity of introducing these changes is particularly relevant in investigating crimes against the National Security of Ukraine.*

***Keywords:** Criminal proceedings, process participants, security.*

В соответствии с положениями Закона Украины «О национальной безопасности Украины» от 21.06.2018 г. государственный суверенитет, территориальная целостность, демократический конституционный строй, экономическая безопасность, общественная безопасность и другие жизненно важные национальные интересы являются теми объектами, защита которых от реальных и потенциальных угроз невоенного характера положена в основу обеспечения безопасности Украины.

Наряду с иными органами исполнительной власти Национальная полиция Украины также обеспечивает общественную безопасность и порядок, охрану прав и свобод человека, интересов общества и государства, противодействие

преступности и предоставляет определенные законом услуги по помощи лицам, которые по личным, экономическим, социальным причинам или вследствие чрезвычайных ситуаций нуждаются в этой помощи [1].

Борьба с преступностью, а именно с ее организованными преступными группировками, которые совершают особо тяжкие преступления против основ национальной безопасности Украины в современных условиях, требует от правоохранительных органов совершенствования не только методов и способов документирования такой противоправной деятельности, но и своевременного, эффективного осуществления обеспечения безопасности участников уголовного процесса, которые сотрудничают с правоохранительными органами и способствуют расследованию такого рода преступлений.

Как правило, этими участниками выступают потерпевшие, свидетели, а иногда и подозреваемые, обвиняемые, которые по тем или иным мотивам сотрудничают со стороной обвинения. В то же время существуют отдельные случаи, когда с целью изменения показаний в пользу подозреваемого, обвиняемого, а то и вообще отказа от дачи показаний к свидетелям и потерпевшим лица, которые противостоят расследованию, применяют подкуп, физическое, психическое насилие или угрожают их применением. Нередко, боясь незаконного влияния, свидетели, потерпевшие или отказываются давать показания, или дают заведомо ложные показания [2, с. 125].

Довольно часто встречаются и ситуации, когда свидетели отказываются давать показания или уклоняются от процессуальных действий, меняют свои предыдущие показания, предоставляют неполные или недостаточно четкие показания, учитывая реальную или потенциальную угрозу применения в ходе уголовного производства в отношении них, членов их семей, близких родственников насилия или других форм противоправного воздействия со стороны заинтересованных лиц [3].

Крайне важным аспектом является не только раскрытие и успешное расследование преступлений против национальной безопасности Украины, но и соответствующее наказание виновных в их совершении, а также готовность свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых из тех, или иных мотивов сотрудничать со стороной обвинения, помогать следствию.

Как правило, во время расследования по таким делам проводятся различные следственные и негласные следственные (розыскные) действия, цель которых — получение достоверных сведений и выяснение фактов об обстоятельствах совершенного преступления. При наличии соответствующих условий наибольшую помощь следствию по сбору доказательств, их проверке и использованию предоставляют указанные выше участники уголовного процесса.

Нормами УПК Украины предусмотрено, что суд непосредственно исследует доказательства, полученные во время досудебного расследования, в том числе и показания, предоставленные органом следствия. К тому же, исследуя доказательства, суд обязан обосновывать свои выводы только с помощью тех показаний, которые он непосредственно воспринимал во время судебного заседания (п. 16 ч. 1 ст. 7 и ч. 4 ст. 95 УПК) [4].

Такой законодательный порядок судебного рассмотрения доказательств возлагает на сторону обвинения обязанность обеспечить присутствие во время судебного разбирательства свидетелей, потерпевших и иных участников в случаях, определенных законом.

В связи с этим все большую актуальность приобретает институт обеспечения безопасности соответствующих участников процесса, поскольку такой участник согласится давать правдивые показания в суде только в случае уверенности не только в своей безопасности, но и в безопасности своей семьи [2].

Существующий в Украине институт обеспечения безопасности участников уголовного процесса, к сожалению, недостаточно эффективен. На сегодняшний день основным нормативно-правовым актом, который регламентирует обеспечение безопасности участников уголовного процесса, является Закон Украины «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве» № 3782-ХІІ от 23 декабря 1993 года (далее — Закон) с изменениями и дополнениями на 08.10.2016 г. (далее — Закон) [5].

К необходимости принятия мер обеспечения безопасности Закон относит наличие данных, которые свидетельствуют о существовании реальной угрозы жизни, здоровью, жилью и имуществу определенных Законом участников уголовного процесса. А поводами для принятия мер обеспечения безопасности Закон определил следующие аспекты: 1) заявление участника уголовного процесса, члена его семьи или близкого родственника; 2) обращение руководителя соответствующего государственного органа; 3) получение оперативной и иной информации о наличии угрозы жизни, здоровью, жилью и имуществу указанных лиц (ст. 20 Закона) [5].

Международные законодательные акты, которые являются частью законодательства Украины, также предусматривают необходимость обеспечения безопасности участников уголовного процесса. Так, Конвенция ООН против коррупции от 31.10.2003 г., которая ратифицирована Украиной 18 октября 2006 года, предусматривает положения по защите свидетелей, экспертов и потерпевших, а также лиц, сообщающих компетентным органам о любых фактах связанных с преступлениями, предусмотренными настоящей Конвенцией. К способам защиты относятся, во-первых, физическая защита указанных лиц в той мере, в какой это необходимо и практически возможно, в том числе их пе-

реселение в другое место; во-вторых, принятие норм, которые позволяют в соответствующих случаях не разглашать информацию, касающуюся личности и местонахождения указанных лиц, либо устанавливают ограничения на такое разглашение информации. В-третьих, наличие процедуры доказывания, позволяющей свидетелям и экспертам давать данные таким образом, который обеспечивает безопасность указанных лиц. И последнее, заключение с государствами — участниками соглашений или договоренностей о переселении таких лиц (ст. 32–33 Конвенции) [6].

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года, ратифицированная Украиной 02.04.2004 г., также предусматривает положения по защите свидетелей и потерпевших. Кроме того, содержит способы поощрения для лиц, которые принимали участие в организованных преступных группах и теперь сотрудничают с правоохранительными органами, предоставляя информацию, полезную для компетентных органов, с целью расследования и доказывания в связи с такими вопросами, как: а) идентификационные данные, характер, состав организованных преступных групп, структура, местонахождение и их деятельность; б) преступные связи, в том числе международные, с другими организованными преступными группами; в) данные о преступлениях, которые совершили или могут быть совершены организованными преступными группами; г) предоставление конкретной (фактической) помощи компетентным органам, которая будет способствовать лишению организованных преступных групп доступных им финансовых, материальных ресурсов или иных доходов, полученных от преступной деятельности [7, ст. 24–26].

Учитывая вышеизложенное, целесообразно в действующем уголовном процессуальном законодательстве Украины, которое регламентирует вопросы обеспечения безопасности участников уголовного процесса, предусмотреть ряд соответствующих положений, позволяющих существенно улучшить обеспечение такой безопасности.

Прежде всего, необходимо создать отдельную централизованную службу по защите указанных участников уголовного процесса, а также предусмотреть более суровую уголовную ответственность за действия по их запугиванию. Кроме этого, необходимо предусмотреть соответствующие законодательные и практические меры в вопросах сотрудничества свидетелей потерпевших, подозреваемых, обвиняемых по стимулированию тех или иных их мотивов с органами следствия и добровольной дачи ими правдивых показаний в суде. Не лишним будет усовершенствовать и нормы по обеспечению тайны проведения всех этапов с процедуры принятия, осуществления, изменения и отмены мер защиты в отношении участников процесса, показания которых относятся к уго-

ловным преступлениям, посягающим на национальную безопасность Украины. Более того, если существует лишь один ценный свидетель или лицо, которое сотрудничает со следствием, способствуя разоблачению преступников, совершивших преступления против Национальной безопасности Украины, и при этом данное лицо не подало заявление об обеспечении своей безопасности, все равно целесообразно предусмотреть нормативный порядок обеспечения безопасности такого участника и как можно быстрее осуществить эти меры.

1. Про Національну безпеку України [Електронний ресурс] : Закон України від 21.06.2018 р. № 2469-VIII. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2469-19#n355> (дата звернення: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Семків Т. Удосконалення забезпечення безпеки осіб, які беруть участь у кримінальному провадженні // Науковий часопис Національної академії прокуратури України. 2017. № 3. С. 119–128. [Вернуться к статье](#)

3. Рудика Ю. Забезпечення безпеки свідків вбивств, вчинених на замовлення [Електронний ресурс] // Національний університет «Острозька академія». Студентські публікації, Інст. права ім. І. Малиновського, 2018. URL: <https://naub.ua.edu.ua/category/std/> (дата звернення: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

4. Кримінальний процесуальний кодекс України: чинне законодавство зі змін та доп. стан. на 1 верес. 2017 р. К. : ПАЛИВОДА А.В., 2017. 372 с. [Вернуться к статье](#)

5. Про забезпечення безпеки осіб, які беруть участь у кримінальному судочинстві [Електронний ресурс] : Закон України, 23 грудня 1993 р. № 3782-XII. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3782-12> (дата звернення: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

6. Конвенція Організації Об'єднаних Націй Проти корупції. 2003 р. [Електронний ресурс]. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_c16 (дата звернення: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

7. Конвенція Організації Об'єднаних Націй проти транснаціональної організованої злочинності [Електронний ресурс] : прийнята резолюцією 55/25 Генеральної Асамблеї від 15 листопада 2000 р. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_789 (дата звернення: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 347.65/.68

ПРОБЛЕМЫ ПРИНЯТИЯ НАСЛЕДСТВА ПО ИСТЕЧЕНИИ УСТАНОВЛЕННОГО СРОКА: К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПРОПУСКА СРОКА

Т. М. Халецкая

доцент кафедры гражданского и хозяйственного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
e-mail: Tania80@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения уважительного характера причин пропуска срока для принятия наследства; на основе изучения законодательства, судебной практики, мнений ученых делается вывод о нецелесообразности указания в законодательстве на то, что причинами пропуска срока для принятия наследства можно признать лишь те, в результате которых наследник не знал и не должен был знать об открытии наследства.

Ключевые слова: наследство, наследник, принятие наследства, срок для принятия наследства

Annotation. The article deals with the problem of determining the respectful nature of the reasons for missing the deadline for accepting an inheritance; based on the study of legislation, judicial practice, opinions of scientists, it is concluded that it is inappropriate to indicate in the legislation that the reasons for missing the deadline for accepting an inheritance can be recognized only as a result of which the heir did not know and should not know about the opening.

Keywords: inheritance, heir, acceptance of inheritance, term for accepting inheritance

Суд может признать наследника, пропустившего срок для принятия наследства, принявшим наследство, если найдет причины пропуска срока уважительными, в частности, если установит, что этот срок был пропущен потому, что наследник не знал и не должен был знать об открытии наследства (ч. 1 п. 1 ст. 1072 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК)). Для уточнения смысла данной нормы следует обратиться к разъяснению, содержащемуся в обзоре судебной практики Верховного Суда Республики Беларусь «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о наследовании (по материалам обзора судебной практики)» (далее — Обзор), где указывается следующее: «...в судебной практике имеют место случаи неправильного применения материального закона при оценке доводов истцов о том, что они не знали об открытии наследства. Некоторые судьи не учитывают, что по смыслу п. 1 ст. 1072 ГК это является уважительной причиной только тогда, когда наследники и не должны были знать о таком обстоятельстве». Иными словами, причина пропуска срока для принятия наследства может быть признана судом уважительной, только в том случае, если следствием наличия такой причины станет то,

что наследник не будет знать (и не должен будет знать) об открытии наследства. Иная причина, не имеющая подобных последствий, по смыслу части 1 пункта 1 статьи 1072 ГК не может быть расценена судом как уважительная. Данный вывод вытекает из буквальной формулировки текста приведенной правовой нормы, поскольку вводное словосочетание «в частности», использованное законодателем в тексте части 1 пункта 1 статьи 1072 ГК призвано указывать исключительно на «связь мыслей, последовательность их изложения» [1], а не на то, что законодатель в качестве примера уважительных причин называет те, в результате которых наследник не знал и не должен был знать об открытии наследства, предполагая перечень этих причин открытым.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 16 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о наследовании» (далее — Постановление № 16) содержится совершенно иная по смыслу формулировка. Так, в пункте 18-1 Постановления № 16 указано, что «уважительными причинами пропуска срока для принятия наследства следует признавать такие, которые объективно препятствовали наследнику своевременно принять наследство (например, наследник не знал и не должен был знать об открытии наследства, тяжело болел, находился в беспомощном состоянии)». В данном случае, в тексте приведенного пункта законодатель использует присоединительную конструкцию «например», содержащую «дополнительные разъяснения или замечания» [1], указывая тем самым на то, что к уважительным причинам пропуска срока для принятия наследства могут относиться не только те, в результате которых наследник не будет знать (и не должен будет знать) об открытии наследства. Этот вывод имеет еще одно подтверждение: среди причин пропуска срока, которые следует признавать уважительными, в пункте 18-1 Постановления № 16 указаны тяжелая болезнь и беспомощное состояние наследника, которые сами по себе, вряд ли влекут для наследника невозможность или отсутствие обязанности знать об открытии наследства.

Следствием подобных разночтений в приведенных нормах являются и неоднозначные судебные решения по данной категории споров. Так, суд Железнодорожного района г. Витебска решением от 1 августа 2006 г. признал С. принявшим наследство после смерти матери, умершей 9 мая 1992 г. Из материалов дела видно, что на момент открытия наследства С. находился в местах лишения свободы. По его словам, о смерти матери он узнал лишь в июне 1993 г., после освобождения из-под стражи. Удовлетворяя заявленный иск, суд согласился с доводами истца об уважительности причины пропуска им срока принятия наследства. Данное решение было справедливо подвергнуто критике со стороны Верховного Суда Республики Беларусь. В частности в Обзоре было

отмечено, что подобный вывод нельзя признать правильным «поскольку действующее законодательство (ст. 32 Конституции Республики Беларусь, ст. 100 КоБС (Кодекс Республики Беларусь о браке и семье — прим. наше)) обязывает детей заботиться о родителях, помогать им. Судьбой своей матери С. не интересовался, более года связь с ней не поддерживал, доказательств невозможности своевременно узнать о ее смерти не представил, с требованием о признании принявшим наследство обратился в суд лишь через тринадцать лет после освобождения. Сам же по себе факт отбывания наследником наказания за совершенное преступление в местах лишения свободы уважительной причиной пропуска срока принятия наследства являться не может, поскольку не препятствовал ему лично или через представителя совершить действия, предусмотренные ст. 1070 ГК».

В целом, анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды в каждом конкретном случае оценивают уважительных характер тех или иных причин пропуска истцами срока для принятия наследства, а сами эти причины могут быть сколь угодно разными: тяжелая болезнь наследника, его нахождение в длительной командировке, иные обстоятельства, объективно препятствовавшие наследнику своевременно реализовать право на принятие наследства. Судебной практикой в качестве уважительных причин пропуска срока для принятия наследства признаются и такие, как отсутствие факта совместного проживания, отсутствие родственных отношений и т. п. Так, решением районного суда от 30 ноября 2017 г. удовлетворен иск Ч. к П. и Н., поскольку суд признал уважительной причину пропуска Ч. срока для вступления в наследство в виде 1/2 доли в праве собственности на жилой дом, на том основании, что Ч. не проживала в спорном жилом помещении с 2007 года и на протяжении длительного периода времени (более 10 лет) Ч. не общалась ни с наследодателем, ни с его родственниками. Также судом было достоверно установлено, что Ч. не знала о том, что Г. умер, так как на похоронах Г. она не присутствовала.

В литературе проблема определения уважительного характера причин пропуска срока для принятия наследства также не остается без внимания. Например, М. В. Телюкина, предлагает относить к уважительным причинам пропуска срока для принятия наследства длительную болезнь, отсутствие информации о наличии дальнего родственника или иного лица, ставшего наследодателем (например, если в завещании сказано, что имущество переходит старшему сыну сестры друга наследодателя); сокрытие родственниками наследодателя информации о его смерти (например, в течение длительного времени брат наследника, пропустившего срок, сообщал по телефону, что их отец либо в командировке, либо отдыхает, либо вышел из комнаты, и только по истечении шести месяцев говорит, что отец умер) [2, с. 121].

Таким образом, анализ законодательства, судебной практики, а также высказанных в научной литературе мнений позволяет сделать следующий вывод: причины пропуска срока для принятия наследства могут быть любыми, но по смыслу отечественного законодательства эти причины должны обладать следующими признаками:

- они должны объективно препятствовать наследнику своевременно принять наследство;
- уважительными причинами могут быть признаны только такие обстоятельства, при которых наследник не знал и при этом не должен был знать об открытии наследства.

Здесь возникает логичный вопрос: какой смысл вкладывает законодатель в использованное им словосочетание «не должен был знать», применительно к рассматриваемой ситуации? В словарях русского языка (С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова) указывается что слово «должен» означает обязанность или повинность сделать что-либо. Исходя из значения слова «должен», можно предположить, что в части 1 пункта 1 статьи 1072 ГК имеется ввиду, что наследник об открытии наследства не знал и не должен был знать, поскольку на нем не лежала обязанность знать об этом. Надо полагать, речь в данном случае должна идти о юридической обязанности знать, что подтверждается и приведенным нами выше мнением Верховного Суда Республики Беларусь, высказанным в Обзоре относительно вынесенного судом решения о принятии наследства сыном после смерти матери по истечении срока для принятия наследства: вывод суда нельзя признать правильным «...поскольку действующее законодательство (ст. 32 Конституции Республики Беларусь, ст. 100 КоБС) обязывает детей заботиться о родителях, помогать им...». Отметим, что в силу закона обязанность заботиться друг о друге лежит только на:

- родителях в отношении своих детей (положениями ст. 75 КоБС предусмотрено, что родители осуществляют воспитание детей, то есть заботятся о физическом, духовном и нравственном развитии детей, об их здоровье, образовании и подготовке к самостоятельной жизни в обществе);
- детях в отношении своих родителей (положениями ст. 100 КоБС предусмотрено, что дети обязаны заботиться о родителях и оказывать им помощь).

Другие же родственники такой обязанности по отношению друг к другу не имеют; естественно отсутствует подобная обязанность и в отношениях между наследодателями и наследниками, не состоящими в родстве.

В связи со сказанным напрашивается парадоксальный вывод: в случае пропуска срока для принятия наследства родителями за детьми или детьми за родителями, признать их принявшими наследство в судебном порядке не представляется возможным. Для других же наследников такая возможность суще-

ствуется, главное лишь доказать, что по объективным причинам наследник не знал об открытии наследства. Подобную точку зрения можно встретить и в научных публикациях. Так, по мнению М. В. Телюкиной, в ситуациях, когда наследник из нравственных соображений должен был осведомиться о состоянии здоровья, например, родителей, но не делал этого, суд, скорее всего, не признает причины пропуска срока уважительными [2, с. 121]. А. Е. Казанцева идет в своих выводах еще дальше и отмечает, что «с нравственной точки зрения нельзя оправдать незнание об открытии наследства наследниками первых трех очередей, потому что это подтверждает факт не поддержания ими родственных отношений, что может свидетельствовать и о невыполнении ими своих обязанностей по отношению к близкому родственнику» [3, с. 130]. Полагаем, что подобная ситуация вряд ли соответствует принципу социальной справедливости и может повлечь нарушение прав определенной категории наследников. Считаем, что правильным решением, в данном случае, будет указание в части 1 пункта 1 статьи 1072 ГК только на уважительный характер причин пропуска срока для принятия наследства. При этом, судебная практика должна быть сориентирована на то, что не всякое незнание об открытии наследства является уважительным. Интересно отметить, что в законодательстве ряда государств отражен именно такой подход к определению уважительного характера причин пропуска срока для принятия наследства. Так, в части 3 статьи 1272 Гражданского кодекса Украины установлено, что по иску наследника, пропустившего срок для принятия наследства по уважительной причине, суд может определить ему дополнительный срок, достаточный для подачи им заявления о принятии наследства. В пункте 1 статьи 1184 Гражданского кодекса Туркменистана указано: срок, установленный для принятия наследства, может быть продлен судом, если он признает уважительной причину просрочки.

Подводя итог проведенному выше исследованию, отметим, что для устранения выявленных противоречий в правовом регулировании условий, необходимых для судебного признания наследника принявшим наследства, целесообразным является изложение части 1 пункта 1 статьи 1072 ГК в следующей редакции: «1. По заявлению наследника, пропустившего срок для принятия наследства (статья 1071), суд может признать его принявшим наследство, если найдет причины пропуска срока уважительными, и при условии, что наследник, пропустивший срок для принятия наследства, обратился в суд в течение шести месяцев после того, как причины пропуска этого срока отпали.».

1. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку: орфография и пунктуация [Электронный ресурс]. URL: http://old-rozentel.ru/punctum_uk.php?pid=180#pp180 (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Телюкина М. В. Наследственное право. М. : Дело, 2002. 214 с. [Вернуться к статье](#)
3. Казанцева А. Е. Принятие наследства // Вестник Омск. ун-та. Сер. Право. 2012. № 3 (32). С. 127–133. [Вернуться к статье](#)

УДК 349.41

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ПРАВОВЫХ ФОРМ ВТОРИЧНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

И. С. Шахрай

доцент кафедры экологического и аграрного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет
e-mail: shakhrai@bsu.by

Аннотация. Исследовано значение, проблемы правового регулирования и перспективы развития вторичного землепользования в Республике Беларусь. Выявлены факторы, сдерживающие практическую реализацию распорядительных правомочий, связанных с передачей земельных участков собственниками в аренду и арендаторами в субаренду. На этой основе высказаны предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: вторичное землепользование; аренда; субаренда; распорядительные правомочия.

Annotation. The significance, problems of legal regulation and prospects for the development of secondary land usage in the Republic of Belarus are investigated. The factors constraining the practical implementation of the transfer of land for rent and sublease are identified. On this basis, proposals for improving legislation have been made.

Keywords: secondary land usage; rent; sublease; administrative powers.

Сложившаяся в современный период в Республике Беларусь система прав на земельные участки характеризуется многообразием форм землепользования, при этом значительный удельный вес по-прежнему имеют права, основанные на государственной собственности. При наличии обширного перечня земель, не подлежащих предоставлению в частную собственность, и преобладании государственной собственности на землю именно распределение и перераспределение земельных участков государством (в административном либо аукционном порядке) остается основным способом удовлетворения потребностей в земле граждан и юридических лиц. Вместе с тем количество свободных земель на востребованных территориях неизбежно сокращается. В таких условиях заслуживают отдельного внимания проблемы развития правовых форм вторичного землепользования (предоставляемого не государством, а первичным пользователем), которое может стать перспективным способом удовлетворения возрастающих потребностей в земле не только государством, но и частными субъектами, а также эффективной мерой сокращения количества неиспользуемых земель, а значит, и мерой их охраны.

Следует отметить, что в советский период и вплоть до вступления в силу Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. (далее — КоЗ) [1]

предусматривалось предоставление земельных участков во временное пользование гражданам для огородничества, сенокошения и выпаса скота, под служебные наделы колхозами, совхозами и другими землепользователями из земель, находящихся в их пользовании [2, ст. 69–72; 3, ст. 55, 56; 4, ст. 83, 84]. Данная форма землепользования была весьма востребованной сельскими жителями, и при этом уменьшалось количество неиспользуемых земель в структуре земельного фонда сельскохозяйственных организаций. В то же время существовала проблема должного правового оформления права на землю, поскольку закреплялось общее правило о невозможности предоставления другому субъекту земельного участка без его изъятия у первоначального пользователя, а удостоверения на право временного пользования могли выдавать лишь исполнительные комитеты (ранее — местные Советы депутатов) [5, с. 406; 6, с. 121].

Действующее земельное законодательство Республики Беларусь термин «вторичное пользование» не использует, но позволяет рассматривать в качестве такового аренду земельных участков, находящихся в частной собственности (ст. 17 КоЗ), и субаренду (ст. 47 КоЗ). Кроме того, вариантом предоставления иным лицам доступа к земельному участку является установление земельного сервитута (ст. 19, 45 КоЗ). Таким образом, распорядительными полномочиями, позволяющими передавать земельные участки во вторичное пользование, обладают лишь собственники и арендаторы, а субъекты иных прав на землю — лишь в части предоставления ограниченного доступа на земельный участок (земельного сервитута). Вместе с тем в структуре прав на землю в настоящее время преобладают право постоянного пользования (для юридических лиц) и пожизненного наследуемого владения (для граждан) [7, с. 8], однако субъекты таких прав практически лишены распорядительных полномочий. При этом в научной доктрине справедливо отмечается, что отсутствие у природопользователей (в данном случае — землепользователей) возможности предоставить другим лицам доступ к природным ресурсам обусловлено особенностями оборота таких ресурсов, но не всегда оправдано [8, с. 328].

Так, земельное законодательство Республики Беларусь рассматривает использование земли одновременно как право и обязанность землепользователя, неисполнение которой является правонарушением и может повлечь прекращение права на землю. Ряд положений КоЗ (ч. 2 ст. 60, ч. 1 ст. 62, ч. 1 ст. 63, ч. 1 ст. 64) устанавливает возможность изъятия земельного участка в случае его неиспользования в течение установленного срока (для граждан этот срок составляет один год, для юридических лиц — шесть месяцев со дня государственной регистрации создания земельного участка, а в дальнейшем в зависимости от цели предоставления — один год для ведения сельского хозяйства, и два года — для несельскохозяйственных целей). В целом это весьма действен-

ная мера, направленная на обеспечение охраны и рационального использования земель, особенно предоставленных в целях строительства. Вместе с тем далеко не всегда изъятие является оптимальным решением: так, для граждан невозможность использования земельного участка может быть обусловлена рядом факторов, носящих временный характер (болезнь, направление на работу в другую местность, финансовые причины и тому подобные); изъятие земель, предназначенных для выращивания сельскохозяйственной продукции, не решает проблему поддержания качества земель, поскольку в данном случае основная задача заключается в вовлечении неиспользуемых земель в аграрный оборот (примечательно, что, по данным государственного земельного кадастра Республики Беларусь, с 2016 по 2018 год количество неиспользуемых земель, находящихся у сельскохозяйственных организаций, увеличилось со 150,6 до 163,5 тыс. га, у крестьянских (фермерских) хозяйств — с 2,2 до 2,9 тыс. га, у граждан — с 1 до 1,6 тыс. га [9, с. 7; 7, с. 7]).

С учетом сказанного представляется, что значительный потенциал по сокращению количества неиспользуемых земель имеет наделение субъектов всех прав на землю правомочиями по передаче земельных участков иным лицам во вторичное пользование. В научной литературе советского периода подчеркивалось значение института вторичного землепользования как меры, направленной на рациональное использование земель, и предлагались различные варианты предоставления земли во вторичное пользование: первичным пользователем либо с согласия последнего — уполномоченным государственным органом [10, с. 6], в договорном порядке с последующей регистрацией соответствующего договора [11, с. 307–309]. Представляется, что в настоящее время передача земли во вторичное пользование должно носить исключительно договорной характер, причем на основании как возмездных, так и безвозмездных договоров. Подобный подход реализован, например, в Земельном кодексе Республики Казахстан от 20 июня 2003 г. [12], согласно ст. 38 которого договор о вторичном землепользовании заключается в форме договора аренды или договора о временном безвозмездном пользовании.

При этом насущной проблемой является формирование действенного механизма реализации рассматриваемого распорядительного правомочия землепользователя, поскольку даже закрепленные действующим законодательством варианты вторичного пользования (аренда и субаренда) не получили практического развития, в связи с чем требуют изучения причины такой ситуации.

В первую очередь, нуждается в решении вопрос о возможности предоставления в аренду либо субаренду (а в перспективе — и в иных формах вторичного землепользования) части земельного участка. Исходя из ст. 3 КоЗ, объектом земельных отношений могут быть лишь юридически обособленные зе-

мельные участки, но не их части. Вместе с тем при неиспользовании в течение определенного времени части земельного участка оптимальным вариантом являлась бы передача этой части во вторичное пользование (аренду, субаренду), что противоречит законодательству, поскольку совершение упомянутых сделок возможно либо со всем участком целиком, либо после его раздела. Таким образом, землепользователь сталкивается с необходимостью раздела земельного участка, что весьма затратно как финансово, так и по времени, а кроме того, раздел может быть запрещен законодательством (например, если земельный участок является неделимым; предоставлен для строительства и (или) обслуживания многоквартирных, блокированных жилых домов, за исключением случаев, связанных с разделом этих домов). В результате в подобных ситуациях стороны нередко договариваются в устной форме (в большей степени это касается граждан), разрешая другому лицу использовать часть земельного участка, нарушая при этом и требование к форме сделок с землей, либо просто не пользуются частью участка, что негативно сказывается на ее состоянии.

Вопрос о признании части земельного участка объектом земельных отношений актуален и с позиций сложившихся правовых норм, и в целях их дальнейшего совершенствования. По нашему мнению, вполне обоснованно относить часть земельного участка к объектам отдельных земельных правоотношений (например, связанных с принудительным изъятием, передачей земли во вторичное пользование), что следует отразить в ст. 3 КоЗ, предусмотрев при этом способы индивидуализации и учета частей земельных участков [13, с. 53–54].

Сдерживающим фактором развития оборота земельных участков, находящихся в государственной собственности и предоставленных в аренду, является также необходимость внесения платы за право заключения договоров аренды. Согласно ст. 31-1 КоЗ ряд субъектов освобождается от указанной платы, однако освобождение не распространяется на случаи, когда арендаторы намерены передать земельный участок в субаренду или распорядиться правом аренды земельного участка иным образом (согласно ст. 70 КоЗ до реализации указанных распорядительных правомочий арендатор, освобождаемый от платы за право заключения договора аренды земельного участка, обязан такую плату внести). Представляется, что данная норма не способствует обороту земель и не обеспечивает их рациональное использование, поскольку для арендатора, который по каким-то причинам временно не имеет возможности использовать земельный участок, его передача иному субъекту может быть экономически необоснованной. По нашему мнению, целесообразно более детально урегулировать вопросы внесения платы за право заключения договора аренды земельных участков, закрепив льготы в случаях предоставления таких участков в субарен-

ду или передачи прав и обязанностей по договорам аренды земельных участков другим лицам.

Следует отметить, что недостаточное развитие вторичного пользования даже в закреплённых действующим законодательством правовых формах, обусловлено не только рассмотренными выше проблемами правового регулирования, но и отсутствием заинтересованности у самих собственников и арендаторов в передаче временно неиспользуемых земельных участков в аренду и субаренду соответственно. Стимулировать такую заинтересованность, на наш взгляд, могут экономические меры, в том числе повышение ставок земельного налога и арендной платы за неиспользуемые земельные участки. Необходимо также обратить внимание на то, что, по общему правилу, договоры аренды и субаренды подлежат государственной регистрации [14, п. 2.7 ст. 8] (исключение устанавливается в ст. 20 КоЗ применительно к предоставлению земельных участков в аренду государством на срок до одного года; в этом случае даже не требуется заключение договора аренды земельного участка в письменной форме). Не умаляя значение государственной регистрации для обеспечения законности в сфере земельных отношений, полагаем, что необходимость осуществления такой регистрации и внесения платы за нее также не способствует распространению таких договоров.

Таким образом, право вторичного землепользования не утратило своей актуальности и требует развития в законодательстве. При этом целесообразно наделение рассмотренными распорядительными полномочиями не только собственников и арендаторов, но и субъектов иных прав на землю, а также решение ряда проблем, сдерживающих оборот права аренды в настоящее время.

1. Кодекс Республики Беларусь о земле [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

2. Земельный кодекс БССР : Кодекс БССР, 24 дек. 1970 г. // СЗ БССР. 1971. № 1. Ст. 4. [Вернуться к статье](#)

3. Кодекс Республики Беларусь о земле : 11 дек. 1990 г., № 455-XII // Ведомости Вярхоўнага Савета Беларускай ССР. 1991. № 2. Ст. 11. [Вернуться к статье](#)

4. Кодекс Республики Беларусь о земле : 4 янв. 1999 г., № 226-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 1999. № 2-3. 2/1. [Вернуться к статье](#)

5. Шахрай И. С., Шаршун Е. В. Земли, используемые в сельском хозяйстве: проблемы определения и правовые титулы // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / НАН Беларуси, Ин-т государства и права ; редкол.: В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. Минск : Право и экономика, 2007. Вып. 2. С. 397–410. [Вернуться к статье](#)

6. Теоретико-правовые аспекты развития аграрного законодательства Республики Беларусь в области растениеводства и животноводства [Электронный ресурс] :

монография / И. П. Кузьмич [и др.]. Минск : БГУ, 2017. 1 электрон. оптич. диск.
[Вернуться к статье](#)

7. Реестр земельных ресурсов Республики Беларусь (по состоянию на 1 января 2018 года) [Электронный ресурс] // Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь. Минск, 2018. URL: <http://gki.gov.by/uploads/files/RZR-2018-1.doc> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

8. Шингель Н. А. Актуальные вопросы реализации права на доступ к природным ресурсам // Конституционные права и свободы: проблемы интерпретации и реализация в национальных правовых системах : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 28–29 окт. 2016 г. : в 3 т. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: И. В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. Новополоцк, 2016. Т. 3. С. 324–330. [Вернуться к статье](#)

9. Реестр земельных ресурсов Республики Беларусь (по состоянию на 1 января 2016 года) [Электронный ресурс] // Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь. URL: <http://gki.gov.by/uploads/files/sbornik-2016.doc> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

10. Вовк Ю. А. Право вторичного пользования землями колхозов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06 / Московский юрид. ин-т. Харьков, 1985. 16 с.
[Вернуться к статье](#)

11. Краснов Н. И. Правовые вопросы рационального использования земель специального назначения // XXII съезд КПСС и проблемы колхозного и земельного права : сб. статей / отв. ред. М. И. Козырь. М. : Гос. изд-во юрид. литературы, 1962. С. 307–309. [Вернуться к статье](#)

12. Земельный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 20 июня 2003 г., № 442-II (с изм. и доп.) // Параграф-WWW — информационно-правовая система. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1040583#pos=152;-2828 (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

13. Шахрай И. Земельные участки и их части как объекты земельных правоотношений // Юстиция Беларуси. 2015. № 11. С. 50–54. [Вернуться к статье](#)

14. О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 22 июля 2002 г., № 133-З (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

УДК 342

**ПРОБЛЕМНЫЕ И АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
КОНКРЕТИЗАЦИИ ПРИЗНАКОВ
ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРИ ВЕДЕНИИ
АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА
ПО Ч. 2 СТ. 9.1 КОАП РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

С. А. Швайдюк

участковый инспектор милиции отдела правопорядка
и профилактики милиции общественной безопасности
отдела внутренних дел Слонимского районного
исполнительного комитета (Беларусь)
e-mail: aild1993@mail.ru

***Аннотация.** В статье исследуются проблемные аспекты, имеющие место при ведении административного процесса по ч. 2 ст. 9.1 КоАП Республики Беларусь, анализ каждого элемента объективной стороны данного административного правонарушения и предложения, направленные на совершенствование полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела.*

***Ключевые слова:** административный процесс, объективная сторона, противодействие насилию в семье, психические страдания.*

***Annotation.** The article examines the problematic aspects that take place in the conduct of the administrative process under part 2 of article 9.1 of the administrative Code of the Republic of Belarus, the analysis of each element of the objective side of this administrative offense and proposals aimed at improving the full, comprehensive and objective study of the circumstances of the case.*

***Keywords:** administrative process, objective side, counteraction to domestic violence, mental suffering.*

В настоящее время в правоприменительной деятельности участковых инспекторов милиции имеются проблемы, т. к. исполнить требования некоторых правовых норм сложно в виду отсутствия их толкования, которым можно руководствоваться при квалификации противоправных деяний. При осуществлении мер, направленных на противодействие насилию в семье, чаще всего имеет место ведение административного процесса по ч. 2 ст. 9.1 КоАП Республики Беларусь, которая гласит:

нанесение побоев, не повлекшее причинения телесных повреждений, умышленное причинение боли, физических или психических страданий, совершенные в отношении близкого родственника либо члена семьи, если в этих действиях нет состава преступления, либо нарушение защитного предписания – влекут наложение штрафа в размере до десяти базовых величин или административный арест [1, ч. 2 ст. 9.1].

При детальном разборе каждого признака объективной стороны данного административного правонарушения, руководствуясь лишь теорией и законодательством, возникает ряд вопросов юридического обоснования данных признаков.

Начнем по порядку. Нанесение побоев, не повлекшее причинения телесных повреждений. В настоящее время законодательно не закреплён перечень действий, относящихся к побоям. В виду данных обстоятельств, среди ученых и практиков бытует мнение о том, что при ведении административного процесса по ч. 2 ст. 9.1 КоАП Республики Беларусь, необходимо назначать судебно-медицинскую экспертизу, дабы исключить возможность сокрытия наличия телесных повреждений. Данное мнение можно толковать двояко. С положительной стороны стоит отметить то, что при наличии телесных повреждений, несмотря на прекращение административного процесса по ч. 2 ст. 9.1 КоАП Республики Беларусь, и дальнейшее его начало по ч. 1 ст. 9.1 КоАП Республики Беларусь, заключение судебно-медицинской экспертизы является весомым доказательством при возможной дальнейшей квалификации по ст. 154 УК Республики Беларусь. Необходимость проведения судебно-медицинской экспертизы можно обосновать тем, что лишь судебно-медицинский эксперт может определить наличие телесных повреждений и степень их тяжести. Отсюда следует логически вывод о том, что также только судебно-медицинский эксперт может определить отсутствие телесных повреждений. Однако в практической деятельности назначение судебно-медицинской экспертизы при ведении административного процесса по ч. 2 ст. 9.1 КоАП Республики Беларусь затрудняет оперативность принятия мер принуждения к правонарушителю, а именно: административное задержание, привлечение к административной ответственности и защитного предписания.

Причинение боли или физических страданий. По нашему мнению, данные признаки объективной стороны охватываются предыдущим. Сложно представить, что нанесение побоев не сопровождается причинением боли и физических страданий.

Отдельного внимания при решении данной проблемы заслуживает оценка психических страданий. Законодательно нигде не конкретизировано, что стоит относить к психическим страданиям, и в чем они могут выражаться. В правоприменительной деятельности практически не оценивается данный аспект, однако психические и психологические травмы также имеют место быть, в том числе явившиеся следствием семейного насилия. Полно и всесторонне решить данную проблему можно назначив психолого-психиатрическую экспертизу в отношении потерпевшей. Однако проведение данной экспертизы может быть актуально при расследовании уголовного дела и в областных центрах и столич-

це, т. к. на периферии нет экспертов в данной области. Однако, наличие уголовно-наказуемого истязания состоит из составов административных правонарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 9.1 КоАП Республики Беларусь, затрагивающий внушительный период времени, поэтому доказать наличие психических страданий на стадии расследования уголовного дела сложно. По нашему мнению, необходимо при ведении административного процесса по ч. 2 ст. 9.1 КоАП Республики Беларусь, обеспечивать встречи потерпевших с психиатрами, которых в дальнейшем можно опросить в качестве специалиста, а по уголовному делу — допросить, которые с профессиональной точки зрения обозначат наличие либо отсутствие психического расстройства у жертвы, и явилось ли само насилие в семье причиной возникновения тех или иных расстройств. При таких условиях при рассмотрении дела об административном правонарушении у судьи не возникнет вопросов по поводу вменения причинения агрессором именно психических страданий потерпевшей.

Самым оптимальным решением вышеуказанных проблем явилось бы наличие Постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь, в котором обозначенные выше понятия нашли бы свое отражение. При наличии данного, имеющего юридическую силу, документа, были бы классифицированы конкретные действия правонарушителя, признаки, непосредственно влияющие на наличие состава административного правонарушения, даны понятия некоторым терминам. Комментарии к КоАП и УК Республики Беларусь не имеет юридической силы, а в них отражены мнения ученых и практиков, которые заслуживают объективной оценки и уважения, однако при квалификации деяния на них ссылаться нельзя.

Отсутствие состава преступления. Данный признак определяется тем, что факт семейного насилия не сопровождается признаками уголовно-наказуемых деяний.

Нарушение защитного предписания. Данная мера индивидуальной профилактики применяется при наличии определенных, известных нам оснований. Однако, факт того, что административное правонарушение, предусмотренное ст. 9.1 КоАП Республики Беларусь, влечет административную ответственность по требованию [1, ст. 4.5], то при отсутствии данного требования меры принуждения неприменимы, за исключением начала административного процесса прокурором. Мнения по данной проблеме разнятся. Однако в виду того, то законодательно данная норма закреплена в ч. 2 ст. 9.1 КоАП Республики Беларусь, то органы внутренних дел не могут использовать иные методы контроля соблюдения требований и противодействия нарушению защитного предписания.

Таким образом, для совершенствования деятельности при ведении административного процесса по ч. 2 ст. 9.1 КоАП Республики Беларусь, необходимо законодательно конкретизировать некоторые признаки объективной стороны, а также алгоритм действий, направленных на полное, всестороннее и объективное исследование обстоятельств дела.

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. Минск : Амалфея, 2015. 419 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.463

ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АВИАПЕРЕВОЗЧИКА ЗА СОХРАННОСТЬ БАГАЖА Пассажира

О. В. Шелков

доцент кафедры гражданского и хозяйственного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия управления
при Президенте Республики Беларусь
e-mail: shelkov07@tut.by

Аннотация. Изучен порядок и особенности правового регулирования общественных отношений в области воздушной перевозки пассажира и его багажа, выявлены правовые проблемы заключения и исполнения договора авиаперевозки, ответственности его сторон, предложены меры по дальнейшему совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: воздушная перевозка, авиаперевозчик, пассажир, багаж, претензия, ответственность перевозчика.

Annotation. The order and features of legal regulation of the public relations in the field of air transportation of the passenger and his baggage is studied, legal problems of the conclusion and performance of the contract of air transportation, responsibility of its parties are revealed, measures for further improvement of the current legislation are proposed.

Keywords: air carriage, air carrier, passenger, baggage, claim, liability of carrier.

Воздушный транспорт занимает сегодня ведущее место в мире по международным пассажирским перевозкам, правовое регулирование которых постоянно развивается и совершенствуется. Следовательно, является весьма актуальным исследование порядка и особенностей правового регулирования общественных отношений в области воздушной перевозки пассажира и его багажа, выявление имеющихся правовых проблем заключения и исполнения договора авиаперевозки, дальнейшее совершенствование правовой регламентации вопросов, связанных с обеспечением гарантированного исполнения договоров воздушной перевозки пассажиров и их багажа, защиты прав пассажиров как потребителей данного рода услуги, а также защиты прав авиаперевозчиков.

В Республике Беларусь правовое регулирование воздушных перевозок пассажиров и багажа осуществляется следующим образом.

Гражданский кодекс Республики Беларусь применительно к перевозке устанавливает договорные основы отношений по перевозке, особенности ответственности перевозчика, а также порядок предъявления претензий и исков к перевозчику. Воздушный кодекс Республики Беларусь, в свою очередь определяет правовые и организационные основы осуществления деятельности в обла-

сти авиации в целях обеспечения потребностей граждан и экономики, обороны и безопасности государства. Типовые нормы, регулирующие порядок перевозки пассажиров, багажа, грузов авиационными организациями Республики Беларусь установлены Авиационными правилами воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов, утвержденными постановлением Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 12.08.2009 г. № 70 [1].

Необходимо учитывать, что перевозка по международным авиалиниям осуществляется по международным правилам, по внутренним авиалиниям — по правилам внутреннего законодательства, которое «должно учитывать общепризнанные международные стандарты и правила» [2, с. 16].

Договорные отношения между перевозчиком и пассажиром возникают на основании договора воздушной перевозки пассажира (при перевозке пассажиров, багажа, груза регулярными рейсами) и в соответствии с договором фрахтования воздушного судна (при перевозке чартерными рейсами). Отношения сторон этого договора являются «предметом регулирования, как внутреннего воздушного законодательства, так и Конвенций в области международного частного воздушного права» [3, с. 8].

В соответствии со статьей 95 Воздушного кодекса Республики Беларусь по договору воздушной перевозки пассажира «перевозчик обязуется перевезти пассажира воздушного судна в пункт назначения с предоставлением ему места на воздушном судне, совершающем рейс, указанный в билете, а в случае воздушной перевозки пассажиром багажа — доставить этот багаж в пункт назначения и выдать его пассажиру или лицу, уполномоченному на получение багажа» [4]. Договор воздушной перевозки является публичным договором, по способу его заключения относится к договору присоединения и требует от пассажира присоединения к договору воздушной перевозки на условиях, предложенных конкретным перевозчиком. Это означает, что «договор перевозки является договором, в котором пассажир является слабой стороной» [5, с. 77].

Договор воздушной перевозки пассажира удостоверяется билетом, а также багажной квитанцией в случае перевозки пассажиром багажа. Договор воздушной перевозки пассажира считается заключенным с момента надлежащей и своевременной оплаты пассажиром воздушной перевозки и оформления перевозочного документа и выдачи его пассажиру.

В соответствии с этим же договором осуществляется и перевозка багажа, принадлежащего пассажиру. Если после завершения рейса перевозчик не выдал пассажиру зарегистрированный багаж в аэропорту, до которого должен быть доставлен багаж согласно договору воздушной перевозки пассажира, то по требованию пассажира перевозчик обеспечивает необходимые меры к розыску неприбывшего зарегистрированного багажа, включающие:

- а) составление акта о неисправностях при перевозке багажа (PIR);
- б) внесение информации в международную систему розыска багажа;
- в) направление запроса в аэропорт отправления о наличии багажа;
- г) направление запросов в аэропорты, в которые багаж мог быть доставлен ошибочно;
- д) направление запроса о досылке багажа в случае его обнаружения.

В Республике Беларусь авиаперевозчик несет ответственность перед пассажиром воздушного судна в порядке, установленном отечественным законодательством, международными договорами Республики Беларусь, а также договором воздушной перевозки пассажира. Характерным признаком ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, вытекающих из договора перевозки пассажиров и багажа, «является ее ограниченный характер» [6, с. 206]. Кроме того, следует учитывать, что в нашей стране правовое регулирование ответственности перевозчика перед пассажиром имеет свои особенности в зависимости от выполняемых рейсов — внутренних или международных.

Ответственности перевозчика за утрату, недостачу и повреждение (порчу) багажа, в том числе и при перевозке пассажира на воздушном транспорте, определяется в соответствии с п. 1 статьи 750 ГК Республики Беларусь: «перевозчик несет ответственность за несохранность груза или багажа, происшедшую после принятия его к перевозке и до выдачи грузополучателю, уполномоченному им лицу или лицу, уполномоченному на получение багажа, если не докажет, что утрата, недостача или повреждение (порча) груза или багажа произошли вследствие обстоятельств, которые перевозчик не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело» [6].

При этом следует помнить, что «п. 1 ст. 26 Варшавской, п. 1 ст. 31 Монреальской конвенций устанавливают презумпцию, согласно которой, если пассажир при получении багажа не сделал каких-либо «возражений» (не заявил претензию), то до доказательств противного считается, что он был доставлен в сохранности» [3, с. 213–214].

За просрочку доставки пассажира, багажа в пункт назначения при выполнении регулярных рейсов отечественный перевозчик уплачивает неустойку в размере двадцати пяти процентов базовой величины, установленной законодательством, за каждый час просрочки, но не более пятидесяти процентов провозной платы, если не докажет, что просрочка имела место вследствие обстоятельств, не зависящих от перевозчика.

Размер ответственности (причиненного ущерба) в случае утраты, недостачи и повреждения, порчи багажа или вещей, находящихся при пассажире определяется в соответствии с п. 2, 3 статьи 750 ГК Республики Беларусь. Кро-

ме этого, «перевозчик наряду с возмещением установленного ущерба, вызванного утратой, недостачей или повреждением (порчей) багажа, возвращает отправителю (получателю) провозную плату, взысканную за перевозку утраченного, недостающего, испорченного или поврежденного багажа» [6].

До предъявления к перевозчику иска, вытекающего из перевозки пассажира или багажа, обязательно предъявление к нему письменной претензии. Исключение составляют требования, вытекающие из причинения смерти или повреждения здоровья пассажира. Под претензией понимают «направленное перевозчику письменное требование о компенсации убытков в связи с ненадлежащим исполнением обязательства по перевозке» [8, с. 287].

Право на предъявление претензий в случае утраты, недостачи, повреждения (порчи) багажа или просрочки в его доставке имеет пассажир. Перевозчик обязан рассмотреть претензию и уведомить заявителя об ее удовлетворении или отклонении в течение одного месяца, если перевозка, в связи с которой была заявлена претензия, полностью выполнялась рейсами одного перевозчика. Если перевозка выполнялась рейсами нескольких перевозчиков, срок урегулирования претензии может быть продлен до шести месяцев с учетом действующих у перевозчиков правил урегулирования претензий.

К претензии должны быть приложены все необходимые документы, подтверждающие право пассажира требовать возмещение причиненного вреда:

Судебный иск, вытекающий из ненадлежащей перевозки пассажира и его багажа, к перевозчику может быть предъявлен пассажиром в случае полного или частичного отказа перевозчика удовлетворить претензию либо неполучения от перевозчика ответа в тридцатидневный срок. Пункт 3 статьи 751 ГК Республики Беларусь устанавливает срок исковой давности по требованиям, вытекающим из перевозки, в один год.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, на наш взгляд, сегодня в нашей стране развитие воздушных перевозок пассажиров опережает развитие соответствующей правовой базы, на основе которой происходит регулирование правоотношений в данной сфере. Следовательно, необходимо дальнейшее совершенствование правовой регламентации вопросов, связанных с обеспечением гарантированного исполнения договоров воздушной перевозки пассажиров и их багажа, обеспечения и защиты прав сторон договора.

При этом следует учитывать, что «интересы гражданина как слабой стороны в таких отношениях призвана защищать система правовых норм, обеспечивающих достижение юридического равновесия экономически мощных

транспортных предприятий и граждан в качестве контрагентов по договорам перевозки» [5, с. 80].

Во-вторых, в настоящее время в Республике Беларусь ключевым источником правового регулирования вопроса ответственности авиаперевозчика является Варшавская конвенция 1929 г., главным достижением которой являлось «установление единообразных принципов подхода к вопросу об ответственности воздушного перевозчика» [9, с. 274]. Однако необходимо учитывать, что с 2003 г. вступила в силу Монреальская конвенция, призванная заменить Варшавскую конвенцию и дополняющие ее протоколы, к которой присоединилось более 100 государств. Для Республики Беларусь вопрос присоединения к Монреальской конвенции является открытым. На наш взгляд, ратификация Республикой Беларусь Монреальской конвенции приведет к унификации отечественного законодательства с современными международно-правовыми нормами, обеспечению защиты интересов потребителей услуг в сфере авиаперевозок на более высоком уровне, и, следовательно, к повышению привлекательности Республики Беларусь и ее авиаперевозчиков в качестве исполнителей такого рода услуг.

В-третьих, проблема гражданско-правовой ответственности является одной из самых сложных и дискуссионных как в науке гражданского права, так и в правоприменительной практике. Поэтому требуется дальнейшее развитие законодательства, регламентирующего ответственность перевозчика за просрочку доставки пассажира и багажа в пункт назначения, за утрату, недостачу и повреждение (порчу) багажа и (или) вещей, находящихся при пассажире, а также ответственность пассажира за нарушение правил авиаперевозки с учетом имеющейся судебной и иной правоприменительной практики, положив в основу воспринятый мировым сообществом принцип наиболее полного возмещения убытков и причиненного вреда при авиаперевозке.

1. Об утверждении Авиационных правил воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов [Электронный ресурс] : постановление М-ва транспорта и коммуникаций Респ. Беларусь, 12 авг. 2009 г., № 70 : в ред. пост. Минтранса от 16.07.2014 г. № 23 // Законодательство Республики Беларусь. URL: <http://pravo.newsby.org/belarus/postanov7/pst485.htm> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Гриднева О. В., Мальцев В. А. Особенности правового регулирования перевозок на воздушном транспорте в Российской Федерации // Транспортное право и безопасность. 2018. № 1. С. 9–17. [Вернуться к статье](#)

3. Остроумов Н. Н. Договор перевозки в международном воздушном сообщении. М. : Статут, 2009. 268 с. [Вернуться к статье](#)

4. Воздушный кодекс Республики Беларусь: текст Кодекса по состоянию на 1 янв. 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

5. Рублевский М. И. Механизм гражданско-правовой защиты пассажиров в отношениях с организациями воздушного транспорта: обзор и постановка некоторых проблем // Вест. Омск. ун-та. Сер. Право. 2014. № 1. С. 77–86. [Вернуться к статье](#)

6. Выгодянский А. В. Ответственность воздушного перевозчика по договору воздушной перевозки // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 11. С. 203–212. [Вернуться к статье](#)

7. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г. № 238-З : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 18 дек. 1998 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. Молчанов А. А. Гражданское право (общая и особенная часть) : курс лекций : учеб. пособие. СПб. : СПб. ун-т МВД, 2017. 488 с. [Вернуться к статье](#)

9. Кирющенко В. К. Гражданско-правовая ответственность перевозчика в современном гражданском праве // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. Сер. Проблемы правового регулирования в аэрокосмической отрасли. 2014. С. 274–275. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.13

АНАЛИЗ УСЛОВИЙ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ УСКОРЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Ж. А. Шилко

старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Могилевский институт МВД (Беларусь)
e-mail: shilko.zhanna@mail.ru

Аннотация. Одним из ключевых условий, определяющих возможность проведения ускоренного производства по УПК Республики Беларусь, является не отрицание подозреваемым лицом, совершения им преступления. В статье в данном ракурсе рассматривается правоприменительная практика отдельных государств на постсоветском пространстве по расследованию преступлений в сокращенном порядке, являющемся аналогом отечественного ускоренного производства.

Ключевые слова: ускоренное производство, условия осуществления ускоренного производства, форма расследования, сокращенная форма расследования.

Annotation. One of the key conditions determining the possibility of accelerated production under the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus is not the denial by the suspect of a crime. The article in this perspective examines the law-enforcement practice of individual states in the post-Soviet space to investigate crimes in an abbreviated manner, which is analogous to the domestic accelerated production.

Keywords: accelerated production, accelerated production conditions, investigation form. short form investigation.

Проведение ускоренного производства, как самостоятельной процессуальной формы уголовного судопроизводства, возможно при наличии определенных условий, указанных в ч. 1 ст. 452 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК), в частности: факт преступления очевиден; известно лицо, подозреваемое в совершении преступления, и оно не отрицает совершения им этого преступления. Кроме этого, законодателем определена категория преступлений, при совершении которых может применяться данная процессуальная форма: менее тяжкие и не представляющие большой общественной опасности.

Безусловно, на сегодняшний день ускоренное производство подтверждает свою состоятельность, что находит отражение в соответствующих показателях работы территориальных подразделений Следственного комитета Республики Беларусь, причем, окончание уголовных дел в порядке ускоренного производства признается одним из показателей оперативности работы. Показателем «жизнеспособности» ускоренного производства является и наблюдаемое в

настоящее время дальнейшее совершенствование процессуального порядка его осуществления. Так, например, с 19.07.2019 года вступают в законную силу очередные изменения и дополнения УПК, в частности, касающиеся отдельных моментов доказывания при ускоренном производстве.

Вместе с тем, действующая редакция УПК, по-прежнему, не содержит императивного предписания о приоритетном проведении ускоренного производства при очевидном наличии условий, перечисленных в ч. 1 ст. 452 УПК. Кроме этого, неоднозначна ситуация и по поводу отсутствия нормативного закрепления процессуального порядка принятия решения о начале ускоренного производства, на что неоднократно указывалось белорусскими учеными-процессуалистами (Л. И. Кукреш, В. В. Шпак). Как показывает практика, основания для принятия решения о начале ускоренного производства и проведения проверочной деятельности в соответствии с требованиями ст. 452 УПК, а не в соответствии с ч. 2 ст. 173 УПК (обычное производство), появляются уже при первоначальном анализе поступившей информации о преступлении. Указанные пробелы, на наш взгляд, наряду с иными факторами не позволяют максимально широко применять ускоренное производство при расследовании уголовных дел о несложных преступлениях.

Представляет интерес, на наш взгляд, и такой аспект осуществления ускоренного производства, как заинтересованность в нем участников уголовного процесса, как в наиболее быстром и не отягощенном процессуальными процедурами порядке расследования. Такими ключевыми участниками, как видится, должны являться пострадавший (потерпевший) и лицо, совершившее преступление (подозреваемый — обвиняемый).

На сегодняшний день специфика ускоренного производства в Республике Беларусь, с точки зрения инициации уголовного преследования, носит характер сугубо публичного обвинения и вопрос об его осуществлении (начале и возбуждении уголовного дела в порядке данной процессуальной формы) решается только органами уголовного преследования. Законодательно, права на волеизъявление о выборе формы расследования именно в порядке ускоренного производства, не предоставлено ни пострадавшему лицу, ни лицу, совершившему преступление.

Некоторые «несмелые» гуманистические шаги сделаны отечественным законодателем в 2016 году в сторону предоставления права выбора формы судебного разбирательства по уголовному делу, оконченному в порядке ускоренного производства. Так, у суда появилась возможность постановления обвинительного приговора и назначения наказания без судебного разбирательства и вызова сторон (в заочном производстве), если обвиняемый, полностью признавший свою вину, и потерпевший добровольно выразили на это свое согласие

при ознакомлении с материалами уголовного дела о совершении преступления, не представляющего большой общественной опасности [1].

В этой связи весьма интересен опыт зарубежных коллег, в частности, отдельных государств на постсоветском пространстве. С положительной стороны нами рассматриваются положения процессуальных норм, определяющих основания и условия сокращенного дознания как варианта досудебного производства в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации — глава 32¹ [2]. Справедливости ради считаем обязательным отметить, что такое сравнение следует проводить с определенной долей условности, так как в российском уголовно-процессуальном законодательстве сокращенное дознание является формой дознания, являющегося в свою очередь формой предварительного расследования.

Согласно УПК Российской Федерации инициация производства дознания в сокращенной форме принадлежит только подозреваемому, который вправе ходатайствовать об этом, при наличии одновременно условий, схожих с условиями начала ускоренного производства по УПК Беларуси. Однако для проведения дознания в сокращенной форме УПК Российской Федерации в качестве еще одного обязательного условия предусмотрен своеобразный «барьер» в виде отсутствия обстоятельств, исключающих производство дознания в таком варианте. Среди обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме (кстати, выделенных российским законодателем в отдельную норму — ст. 226², положения которой относятся только к данной форме производства, а не ко всему уголовному процессу), имеется и возражение потерпевшего. Данное положение, по нашему мнению, обеспечивает защиту прав и законных интересов как стороны защиты, так и стороны обвинения, и не находится в зависимости только от субъективного решения должностного лица, начавшего уголовно-процессуальную деятельность.

Дифференцированное расследование преступлений небольшой и средней тяжести, а также уголовных проступков в виде ускоренного досудебного расследования и протокольной формы соответственно (ст. 190 и ст. 526) предусмотрено и уголовно-процессуальным законодательством Республики Казахстан [3]. Однако, как и в отечественном УПК, решение вопроса о применении той либо иной формы расследования в зависимости от ряда условий и степени тяжести совершенного преступления, входит в компетенцию только должностных лиц, ведущих уголовный процесс. Казахский законодатель также не счел необходимым вовлечение заинтересованных участников уголовного процесса в предопределение формы досудебного производства, урегулировав данную ситуацию четкими нормативными предписаниями.

Схожая с положениями белорусского укоренного производства относительно начала данной формы расследования и судебного рассмотрения, ситуация согласно украинскому уголовно-процессуальному законодательству, предусматривающему расследование уголовных проступков в форме дознания с упрощением процедуры, которая получила название досудебного расследования уголовных проступков [3].

Так, расследование уголовных проступков, характеризующихся небольшой тяжестью и общественной опасностью, возможно проводить в форме досудебного расследования уголовного проступка (дознания), которое предусматривает упрощение процедуры, включая и сокращенные сроки. Как и в белорусском законодательстве, для уголовных проступков предусмотрен отдельный упрощенный порядок их рассмотрения судом. К примеру, в соответствии с ст. 302 Уголовно-процессуального кодекса Украины, прокурор вправе направить в суд обвинительный акт, завершивший досудебное расследование уголовного проступка (дознания), в котором указывает ходатайство о его рассмотрении в упрощенном порядке без проведения судебного разбирательства в судебном заседании. Как и в белорусском УПК, о возможности проведения судебного разбирательства в упрощенном порядке, в ходе дознания должно было быть выяснено отношение как самого лица, привлекаемого к уголовной ответственности, так и потерпевшего. В соответствии с положениями ст. 302 Уголовно-процессуального кодекса Украины к обвинительному акту с ходатайством прокурора о его рассмотрении в упрощенном производстве, суду должны быть предоставлены:

со стороны защиты — письменное заявление подозреваемого, составленное в присутствии защитника, в котором он беспрекословно признает свою виновность, соглашается с установленными досудебным расследованием обстоятельствами совершенного им преступления, подтверждает согласие на рассмотрение обвинительного акта в упрощенном производстве и ознакомление с ограничением права апелляционного обжалования приговора;

со стороны обвинения — письменное заявление потерпевшего о согласии с установленными досудебным расследованием обстоятельствами совершения преступления, согласия с рассмотрением обвинительного акта в упрощенном производстве и ознакомления с ограничением права апелляционного обжалования приговора.

Таким образом, на примере небольшого анализа условий, начала и процедуры ускоренных (упрощенных) процедур расследования и рассмотрения уголовных дел о несложных преступлениях, в настоящее время нельзя не констатировать тот факт, что как в Республике Беларусь, так и в ряде государств на постсоветском пространстве, наблюдается тенденция по имплементации от-

дельных элементов согласительных процедур в уголовный процесс, хотя и со значительными затруднениями. Как представляется, соперничество публичных и частных начал уголовного процесса будет постепенно приводить к определенным «уступкам» в пользу гуманистических идей, которые опираясь на принцип целесообразности в уголовном процессе, в конечном итоге подвигнут законодателя к необходимости введения альтернатив обычным уголовно-процессуальным формам.

1. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2016 г., № 356-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : в ред. 06.03.2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 4 июля 2014 г., № 231-V : в ред. от 21.01.2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Уголовно-процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 13 апр. 2012 г., № 4651-VI : в ред. от 01.01.2019 г. URL: <http://kodeksy.com.ua/ka/upku-2012.htm> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 34

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТОРОВ ПОСТОВ ВИДЕОКОНТРОЛЯ И СИСТЕМ ОХРАННОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Д. В. Шлепанов

преподаватель кафедры режима и охраны
в уголовно-исполнительной системе,
Самарский юридический институт ФСИН России
e-mail: shlepanov79@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы организации деятельности операторов постов видеоконтроля в исправительных учреждениях и следственных изоляторах.

Ключевые слова: оператор видеонаблюдения, нарушение установленного порядка отбывания наказания, исправительное учреждение, следственный изолятор, содержание под стражей.

Annotation. the article deals with some issues of the organization of activities of operators of video control posts in correctional institutions and pre-trial detention centers.

Keywords: video surveillance operator, violation of an established order of serving sentence, correctional facility, pre-trial detention center, detention.

В настоящее время исправительные учреждения и следственные изоляторы выполняют функцию по ограничению свободы определенной категории лиц. Данные учреждения являются объектом реализации режима, который определяет правила поведения субъектов режимных правоотношений [1, с. 78] в зависимости от вида учреждения, которые функционируют в рамках заданных параметров, где под заданными параметрами следует понимать составную часть режима отбывания, исполнения наказания и содержания под стражей, исходя из прав, обязанностей и запретов, налагаемых на осужденных, лиц содержащихся под стражей, а также из прав и обязанностей сотрудников уголовно-исполнительной системы [2, с. 38].

Видеонаблюдение и система охранного телевидения является составной частью обеспечения режима и направлены на обеспечение безопасности субъектов режимных правоотношений.

На современном этапе развития уголовно-исполнительной системы в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы и следственных изоляторах, нашли широкое применение системы видеоконтроля. Видеокамеры устанавливаются, как и в помещениях так и уличные для наблюдения за режимной и прилегающей территориями, видео сигналы выводятся на специ-

ально оборудованные посты операторов постов видеоконтроля в ИУ и систем охранного телевидения в СИЗО (далее операторы СВН).

Основной задачей операторов СВН, как сотрудников дежурных смен, входящих в группу надзора, является постоянное наблюдение за поведением осужденных и лиц, содержащихся под стражей, а также за обстановкой в учреждении в целом. Действующим нормативно-правовыми актами определены основные обязанности данных сотрудников, требования к ним, оборудование постов СВН и т. п.

При несении службы операторы постов видеоконтроля в ИУ и систем охранного телевидения в СИЗО (далее — операторы СВН), подчиняются начальнику ИУ, СИЗО (тюрьмы), заместителю начальника учреждения, курирующего вопросы безопасности (службу режима) и оперативную работу, ДПНК, ДПНСИ, ДПНТ (помощнику в их отсутствии).

В целях бесперебойного функционирования учреждений все отделы и службы тесно связаны по вопросам взаимодействия, в свою очередь взаимодействие оператора СВН, при несении службы организуется по следующим направлениям:

с дежурным по учреждению по всем вопросам связанными с обстановкой в целом, с личным составом дежурных и дневной смен для координации действий в ежедневном функционировании ИУ, СИЗО (тюрьмы). При проведении всех режимных мероприятий (проверка наличия осужденных, подозреваемых и обвиняемых, вывод, съём с работы, передвижение по территории как осужденных и лиц содержащихся под стражей так и персонала и иных лиц, проведении обысковых мероприятий, выводы из камер и т. п.) оператор СВН поддерживает радио связь с сотрудниками на участках требующих того или иного реагирования администрации направленные на своевременное пресечение правонарушений и преступлений со стороны осужденных, лиц содержащихся под стражей, а также нарушений правил несения службы личным составом учреждения;

при проверке исправности кнопок тревожной сигнализации на объектах ИУ, СИЗО (тюрьмы), в помещениях работы женского персонала с сотрудниками основных и дополнительных сил надзора задействованных на данных участках;

в случае поступления сигнала с инженерно-технических средств охраны оператор ПУТСО, по средствам внутренней связи, информирует оператора СВН, для координации действий сотрудников дежурных смен на внутренней территории учреждения;

в целях обеспечения противопожарной безопасности в ИУ, СИЗО (тюрьме), оператор СВН поддерживает связь с подразделениями ведомственной пожарной охраны (ВПО), при обнаружении возгорания немедленно сообщает в

ВПО учреждения, ДПНК, ДПНСИ, (тюрем), начальнику караула, для обеспечения беспрепятственного проезда пожарных машин на территорию учреждения. Одновременно ведет наблюдение за поведением осужденных, подозреваемых и обвиняемых, чтобы исключить возможность совершения ими правонарушений, побегов и других преступлений и принимает меры к обеспечению безопасности осужденных, лиц содержащихся под стражей, персонала учреждения и иных лиц;

при обеспечении требований к заточному оборудованию, оператор СВН сообщает дежурному по учреждению, а также сотрудникам производственно-технических служб об использовании данного оборудования осужденными не по прямому назначению, с целью изготовления при их использовании запрещенных предметов;

во время проведения инструктажа дежурных и дневной смен, сотрудниками психологической лаборатории доводится информация, на что необходимо обратить внимание при несении службы, поведение конкретных осужденных, подозреваемых и обвиняемых. Оператор СВН, в свою очередь в процессе несения службы обязан сообщать о всех деструктивных проявлениях со стороны осужденных и лиц содержащихся под стражей, сотрудникам психологической лаборатории, медицинским работникам в целях своевременного выявления лиц имеющих психические отклонения и постановки их на профилактический учет;

для бесперебойного функционирования систем видеонаблюдения и вспомогательного оборудования, а также в случае возникновения неисправностей аппаратуры, оператор СВН докладывает об этом ДПНК, ДПНСИ (тюрем) и информирует специалистов инженерно-технического обеспечения и связи для ремонта и настройки аппаратуры, проведение регламентных работ, о чем делается соответствующая запись в «Журнале учета рапортов о приеме-сдачи дежурств операторов СВН»;

в целях профилактики правонарушений, неслужебных связей сотрудников, проникновения запрещенных предметов, нарушений правил сопровождения, осужденных по территории учреждения, подозреваемых и обвиняемых внутри режимных корпусов, транспортных средств, правил несения службы, сотрудники оперативного отдела акцентируют внимание оператора СВН, на тот или иной объект наблюдения.

при возникновении чрезвычайных ситуаций, либо поступлении сигнала тревоги с объектов ИУ, СИЗО (тюрем), оператор СВН по средствам оперативно-диспетчерской связи оповещает личный состав ИУ, СИЗО (тюрем). Докладывает ДПНК, ДПНСИ (тюрем), и действует по его указанию, при этом поддерживает постоянную связь с сотрудниками дежурной смены с целью координации их действий.

Следует отметить, на сегодняшний день, в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, существует такая проблема как нехватка кадров из числа младшего начальствующего состава, что в свою очередь существенно увеличивает нагрузку на личный состав дежурных смен, в том числе и на операторов СВН (несвоевременные подмены для принятия пищи, отдыха, увеличенное количество видеокамер на одного оператора СВН).

При осуществлении наблюдения за обстановкой в ИУ, СИЗО (тюрем). оператор СВН так же осуществляет выявление и нарушений порядка несения службы сотрудниками. Принимает меры по пресечению данных нарушений: по средствам связи докладывает ДПНК, ДПНСИ, ДПНТ, либо лицу его замещающему при наличии возможности связывается непосредственно с сотрудником, допускающим нарушение. По поручению начальника учреждения или его заместителя, курирующего вопросы безопасности (режима) и оперативной работы, готовит письменный рапорт о выявленном нарушении порядка несения службы с приложением фотоматериалов фиксирующих нарушение, допущенное сотрудником. Выявленные нарушения несения службы, в хронологическом порядке, заносятся в «Журнал учета нарушений, допущенных сотрудниками при нахождении на режимной территории». Материалы о нарушениях установленных требований и порядка несения службы передаются начальнику учреждения для рассмотрения, ежедневно по окончании дежурства. Факты допущенных нарушений в течении дежурства, сотрудниками, используются руководством при подведении итогов несения службы, разбираются причины и условия нарушений, нацеливая личный состав на недопущение подобных нарушений впредь.

При обнаружении оператором СВН попытки к побегу или побега, признаков совершения убийства или признаков причинения вреда здоровью, членовредительства, покушения на самоубийство, со стороны осужденных, подозреваемых и обвиняемых, сотрудник докладывает ДПНК, ДПНСИ, ДПНТ и действует по его указанию. При этом ведет постоянное наблюдение за обстановкой в учреждении и за действиями правонарушителей, производит фотофиксацию правонарушений, по средствам радио связи осуществляет координацию действия сотрудников, выдвинувшихся для пресечения выявленных нарушений. При изменении оперативной обстановки незамедлительно докладывает ДПНК, ДПНСИ, ДПНТ и действует по его указанию.

При попытке совершения других нарушений установленного порядка отбывания наказания и содержания под стражей подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, по средствам громкоговорящей связи принимает меры по пресечению выявленных нарушений. По каждому факту допущенных нарушений, выявленных оператором СВН, на имя начальника учреждения составляется мо-

тивированный рапорт с приложением фотоматериалов, с целью дальнейшего проведения проверки по допущенным нарушениям и принятия мер дисциплинарного характера в отношении виновных лиц. Материалы в хронологическом порядке, регистрируются в «Журнал учета рапортов о нарушениях установленного порядка отбывания наказания и содержания под стражей допущенных осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми».

В случае обнаружения возгорания на территории учреждения, либо на территории, на которой установлены режимные требования, оператор СВН немедленно докладывает в подразделение ведомственной пожарной охраны (далее ВПО) учреждения, ДПНК, ДПНСИ, (тюрьмы), начальнику караула при этом необходимо уточнить:

место и масштабы очага возгорания;

что конкретно горит, направление распространения огня;

местонахождения людей в районе пожара и пути их спасения;

вероятная возможность взрыва, в очаге возгорания, наличие легковоспламеняющихся и горючих жидкостей, отравляющих и взрывчатых веществ, а также электрических сетей и установок под напряжением;

необходимость эвакуации имущества и материалов, защиты их от огня, дыма, огнетушащих веществ.

При обнаружении оператором СВН приближающегося беспилотного летательного аппарата (далее — БПЛА) во внутренней запретной зоне ИУ, СИЗО (тюрьмы), незамедлительно доложить об этом ДПНК, ДПНСИ, ДПНТ, начальнику караула, либо лицу его замещающего и часовому оператору ПУТСО, при этом сообщить место (номер участка), приблизительную высоту, направление полета, размеры БПЛА, наличие посторонних предметов, закрепленных на нем. При изменении полета БПЛА, сообщает начальнику караула и часовому оператору ПУТСО, при этом ведет наблюдение за обстановкой внутри учреждения, в случае изменения обстановки докладывает ДПНК, ДПНСИ, ДПНТ, начальнику караула либо лицу его замещающего.

Хочется отметить такую проблему, которая имеет место в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, как наличие так называемых «мертвых зон», зачастую при отсутствии финансовых средств администрация учреждений не может покрыть в полном объеме территорию учреждения видеонаблюдением, что может использоваться осужденными и лицами содержащимися под стражей в своих интересах тем самым создаются условия для нарушений установленного порядка отбывания наказания, содержания под стражей и правил нарушения службы личным составом, что в целом отрицательно влияет на складывающуюся оперативную обстановку.

1. Михеева С. В. Субъекты правоотношений в аспекте обеспечения режима в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Черные дыры в Российском законодательстве. 2017. № 5. С. 76–79. [Вернуться к статье](#)
2. Михеева С. В. Режим, как заданный параметр функционирования исправительных учреждений // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. № 3. С. 34–39. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.1

СОГЛАСОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ НА СТАДИИ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Н. С. Шукенов

магистр, докторант,

Карагандинская академия МВД (Казахстан)

e-mail: karaganda@mail.ru

Анотация. В настоящей статье рассказывается о важности упрощения согласования процессуальных решений и действий при расследовании уголовных дел. Исключение бюрократизма, ненужного документооборота, достижение поставленных целей, не нарушая конституционные права и свободы граждан и участие их в суде при рассмотрении их интересов.

Ключевые слова: преступление, следователь, прокурор, следственный судья, уголовное дело.

Annotation. This article describes the importance of simplifying the coordination of procedural decisions and actions in the investigation of criminal cases. Exclusion of bureaucracy, unnecessary document flow, achievement of goals without violating the constitutional rights and freedoms of citizens and their participation in court when considering their interests.

Keywords: crime, investigator, prosecutor, investigating judge, criminal case.

Под словом согласование в уголовном процессе можно понимать как утверждение, санкционирование принятых на стадии досудебного расследования процессуальных действий и решений. Они регламентированы нормами уголовно-процессуального права и направлены на достижение согласия по тому или иному уголовно-процессуальному вопросу. Субъектами уголовно процессуальных отношений являются участники уголовного процесса, для которых решение данного вопроса входит в их совместную компетенцию либо является основой для их взаимодействия.

Сам процесс согласования среди субъектов, в которых могут участвовать следователь, прокурор, суд и участники уголовного судопроизводства, как со стороны защиты, так и со стороны обвинения, а также, в некоторых случаях, лица и органы, вовлеченные в уголовное судопроизводство.

Если рассматривать согласование в уголовном процессе как обязательный процесс, он может носить как императивный, так и диспозитивный характер.

Согласование в уголовном процессе происходит постоянно и является действующим на любой стадии досудебного расследования. По времени, характеру и срокам действия, согласование применяется неоднократно, по некоторым уголовным делам более одного, двух раз, в зависимости определенных законом ситуациях. Согласование процессуальных решений и действий по степе-

ни сложности, включает в себя как одну процедуру так несколько в зависимости от сложности.

Согласование процессуальных решений и действий в уголовном процессе как мы отразили в самом начале, осуществляется в виде получения-дачи «согласия», «разрешения» и «утверждения», а также санкционирования.

Согласование является одной из разновидности уголовно-процессуальной нормы. Согласование — это урегулированная и определенная нормами УПК Республики Казахстан действия участников уголовного процесса, направленная на получение значимого ответа, установленного законодательством и юридический закреплённого путем отстаивания своих законных прав и интересов в той или иной ситуации.

В основе понятия согласования процессуальных решений и действий между участниками уголовного процесса и их квалификации главными признаками являются их причина, форма и результат, то есть для чего нужно было то или иное согласование какого-либо действия.

Согласование происходит лишь между участниками процесса, которые в рамках законодательства выражают свою волю, свободу действия, а также определенные Конституцией Республики Казахстан свои права и законные интересы. Степень их процессуальной самостоятельности может быть различной, но законом допускается определенный минимум свободы воли субъекта права при выборе варианта поведения и гарантии этой свободы. Во-вторых, законом прямо указывает на необходимость согласования воли субъектов уголовного процесса.

Во многих развитых странах, например в таких как Франция, Германия, Австрия уголовный процесс, для защиты законных интересов граждан, их прав и свободы, а также демократии, уголовного процесс, принимаемые решения ставятся на состязательную модель судопроизводства. К чему в нынешнем реалии стремимся мы.

Несмотря, на то, что с 2015 года с 1 января в Республике Казахстан стал действовать вновь принятый уголовно-процессуальный кодекс, появился новый участник уголовного процесса как следственный судья. И все же законодатель не отошел от тех механизмов и процедур, которые все еще затормаживает процесс досудебного расследования и отчасти является бюрократизмом уголовного процесса. В новом принятом уголовном процессуальном кодексе Республики Казахстан осталось много энергозатратных процедур как в физическом аспекте так по экономии времени. Во многом данные процедуры касаются согласование тех или иных процессуальных действий и решений затрагивающие волю, свободу конституционные права, интересы субъектов уголовного процесса.

Как пишет П. А. Лупинская «Решение в уголовном судопроизводстве может быть определено как облегченный в установленную законом процессуальную форму правовой акт, в котором орган дознания, следователь, прокурор, судья в пределах своей компетенции в определенном законом порядке дает ответы на возникающие по делу правовые вопросы и выражает властное волеизъявление о действиях, вытекающих из установленных обстоятельств и предписаний закона, направленных на достижение задач уголовного судопроизводства» [1].

По мнению Ю.В. Манаева: «Решения следователя — это направленные на достижение целей уголовного судопроизводства правоприменительные акты, которые отвечают требованиям законности и обоснованности, и содержат обязательные для исполнения властные волеизъявления и выводы по правовым вопросам, возникающим в процессе возбуждения и расследования уголовного дела» [2, с. 12].

На данный момент санкционированию у следственного судьи подлежат: содержание под стражей; применение домашнего ареста, временное отстранение от должности; применение запрета на приближение; наложение ареста на имущество; применение залога; принудительный осмотр; принудительный обыск; принудительная выемка; производство личного обыска; эксгумация трупа; объявление международного розыска подозреваемого, обвиняемого; продление сроков содержания под стражей; домашнего ареста; экстрадиционного ареста; принудительное помещение не содержащегося под стражей лица в медицинскую организацию для производства судебно-психиатрической и судебно-медицинской экспертиз; перевод лица, в отношении которого ранее применено содержание под стражей, в специальную медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь, приспособленную для содержания больных в условиях строгой изоляции, при установлении факта психического заболевания.

Процессуальный прокурор дает согласие на производство следующих следственных и процессуальных решений: эксгумацию, принудительный осмотр, обыск и выемку; личный обыск; депонирование показаний; продление сроков расследования; срока нахождения подозреваемого под стражей на период ознакомления с материалами уголовного дела; срока применения мер пресечения; применение залога; наложение ареста на имущество; применение запрета на приближение; применение домашнего ареста; содержание под стражей; временное отстранение от должности; принудительное освидетельствование потерпевшего, свидетеля, заявителя, негласные следственные действия, принудительное получение образцов у потерпевшего, свидетеля.

Получается что, перед тем как рассмотреть то или иное принятое следователем процессуальное решение направленное на защиту законных прав и интересов участников уголовного процесса, следственным судьей, необходимо согласие прокурора.

«По мнению бывшего заместителя министра внутренних дел России И. Кожевникова, который утверждает, что «Предварительное согласование с прокурором обращений в суд ущемляет процессуальную самостоятельность следователя и приведет затратам времени, бюрократической волоките» [3, с. 23].

«По мнению Р. Юрченко, что «в некоторых случаях прокуроры, согласовывая процессуальные действия или решения, фактически выполняют функции, присущие суду» [4].

Конечно же, есть и противники такого подхода уголовного судопроизводства. «Например по мнению Е. Д. Болтошева, который исследовал данную проблему в своей диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук следует, что прокурорский надзор должен осуществляться как до, так и после принятия судом решения о применении меры пресечения в отношении обвиняемого, подозреваемого, так и в связи с проведением следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы личности. Прокурор как орган, осуществляющий надзор за предварительным следствием, не должен оставаться безучастным наблюдателем: получит ли следователь или дознаватель разрешение судьи на проведение отдельных следственных действий. Напротив, дача прокурором дознавателю, следователю предварительного согласия на возбуждение перед судом соответствующего ходатайства о производстве какого-либо процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, не только разгрузит суд от рассмотрения необоснованных и незаконных обращений следственных органов, но и будет способствовать принятию судом законного решения. Обязательное согласование с прокурором обращений лица, осуществляющего расследование, в суд соответствует принципам непрерывности и всеохватываемости прокурорского надзора, будет повышать его эффективность в досудебном производстве. Таким образом, сохранится принцип двойной проверки законности и обоснованности следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина» [5, с. 56].

«Такого же мнения Н.А. Колоколов, который занял аналогичную позицию, что при предварительном согласии прокурора на проведение отдельных следственных действий, для которых требуется решение суда, суд выполняет контрольную функцию в отношении действий и решений как органов предва-

рительного расследования, так самого прокурора, который осуществляет надзорные функции в отношении указанных органов» [6, с. 41].

«Рекомендации Комитета министров Совета Европы «Об упрощении уголовного судопроизводства» № R(87)18 от 17 сентября 1987 г., «Посредничество в уголовных делах» № R(99)19 от 15 сентября 1999 г., Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия, утвержденные Резолюцией Экономического и Социального совета ООН 2002/12 от 24 июля 2002 г., исходят из необходимости реформирования системы судопроизводства в сторону его ускорения и упрощения. Приведенные международные документы декларируют равные права потерпевшего и обвиняемого. В частности, право потерпевшего на доступ к правосудию и скорейшую компенсацию причиненного вреда обязывает государства содействовать тому, чтобы судебные процедуры в большей степени отвечали потребностям потерпевших от преступлений, но без ущерба для обвинения, в том числе при применении упрощенного производства. Одновременно с этим применение упрощенных производств или упрощение обычных судебных процедур в целях ускорения и упрощения работы системы уголовного правосудия сопровождается наделением обвиняемого правами на справедливое судебное разбирательство, презумпцию невиновности и обжалование любого обвинительного приговора, свободу от пыток и произвольного ареста. Действительно, права личности являются универсальными правами основополагающего характера, которые принадлежат каждому лицу при его взаимоотношениях с государством. Конституция РК закрепляет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства».

С целью оперативного, законного досудебного расследования, бюрократической волокиты предлагаем исключить согласование процессуальных решений и действия следователя, присущие судебному органу в лице следственного судьи, такие решения как: депонирования показаний (ст. 217 ч. 1 УПК РК), принудительного осмотра, обыска, выемки (ст. 220 ч. 13-1, 13-2, ст. 254 ч. 1,2 УПК РК), эксгумации (ст. 226 ч. 1,2 УПК РК), личного обыска (ст. 255 ч. 3 УПК РК), залога (ст. 145 ч. 2 УПК РК), домашнего ареста (ст. 146 ч. 1 УПК РК), содержания под стражей (ст. 147 ч. 2,3 УПК РК), временного отстранения от должности (ст. 158 ч. 2,3 УПК РК), наложения ареста на имущество (ст. 162 ч. 3,4,5, 163 ч. 2 УПК РК), запрет на приближение (ст. 165 ч. 2,3 УПК РК), экстрадиционный арест (ст. 589 ч. 1 УПК РК), продления срока нахождения подозреваемого под стражей на период ознакомления с материалами уголовного дела (ст. 294 ч. 2 УПК РК), применения мер пресечения (ст. 151 ч. 6-9, 11, 146 ч. 4, 153 ч. 5 УПК РК).

При этом, в целях осуществления надзора за законностью принимаемых решений и действий, необходимо обязательно уведомлять прокурора о принятом решении и направлении того или иного ходатайства перед судом, в последующем для вынесения прокурором протеста о принятом решении.

1. Lupinskaya P. A. Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve. M., 1976. [Вернуться к статье](#)
2. Manaev Yu. V. Zakonnost' i obosnovannost' processual'nykh resheniy sledovatelya v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve. Volgograd. 1977. [Вернуться к статье](#)
3. Kozhevnikov I. N. Uporядochit' polnomochiya sledovatelya // Rossiyskaya yustitsiya. 1997. № 12. [Вернуться к статье](#)
4. Yurchenko P. Sledstvennyy sudya. Rasshirenije polnomochiy [Elektronnyy resurs] // Kazakhstanskaya pravda. URL: <http://kazpravda.kz/articles/view/sledstvennii-sudya-rasshirenije-polnomochii/> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)
5. Boltoшев E. D. Funktsii prokurora v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2003. [Вернуться к статье](#)
6. Kolokolov N. A. Sudеbnyy kontrol' na predvaritel'nom rassledovanii (sравnitel'no-pravovoe issledovanie). Kursk, 1997. [Вернуться к статье](#)

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

УДК 378 (075.8)

РОЛЬ РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КУРСАНТОВ В ФОРМИРОВАНИИ УМЕНИЙ НАУЧНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. С. Андрианова

преподаватель кафедры правовых дисциплин,
Могилевский институт МВД (Беларусь)

e-mail: andrian-anna@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновываются роль развития мотивационного компонента академической компетентности курсантов в формировании умений научно-исследовательской деятельности, перечень мотивов, побуждающих курсантов к участию в научно-исследовательской работе, и определяются пути их развития.

Ключевые слова: академическая компетентность курсантов, научно-исследовательская деятельность, мотив деятельности, научно-исследовательская работа.

Annotation. The article describes the role of the development of the motivational component of the academic competence of cadets in the formation of skills of research activities, reveals a list of motives that encourage cadets to participate in research work, and determines the ways of their development.

Keywords: academic competence of cadets, research activity, motive of activity, research work.

Совершенствование технической оснащенности производства и внедрение новейших научных знаний во все сферы общественной жизни предопределяют необходимость развития у обучающихся качеств (компетенций), которые бы позволили быстро адаптироваться к изменяющимся условиям, самостоятельно получать новые знания и умения, необходимые для решения теоретических и практических задач. Данные качества (компетенции) в образовательном стандарте Республики Беларусь высшего образования I ступени определены как академическая компетентность обучающихся.

Углубленному изучению общетеоретических наук, развитию научной интуиции, глубины мышления, творческого подхода к восприятию знаний и формированию практических умений способствует активное участие курсантов в научно-исследовательской работе (далее — НИР). При этом также создаются

условия для развития познавательных и творческих способностей курсантов, профессиональной направленности.

Под научно-исследовательской деятельностью курсантов будем понимать «поисковую деятельность научного характера, направленную на объяснение явлений, процессов, установление связей и отношений, теоретическое и экспериментальное обоснование фактов, выявление закономерностей, посредством научных методов познания» [1, с. 530].

Социально-психологическая и функциональная готовность курсанта к научно-исследовательской деятельности может рассматриваться как целостная характеристика личности, включающая когнитивные, мотивационные и операционно-поведенческие компоненты, обеспечивающие оптимальное функционирование в новых условиях деятельности. Эта готовность предполагает наличие определенных структур личности: сформированные ценностные ориентации, мотивы, волевые черты, исследовательские умения, ряд задатков и частично сформированных качеств индивидуума (память, корректность, терпеливость, объективность, эмоциональный настрой и др.). Все вышеперечисленные качества входят в состав ценностно-мотивационного, когнитивного, деятельностного и рефлексивного компонентов академической компетентности курсантов [2, с. 9].

Особое значение для формирования у курсантов умений научно-исследовательской деятельности приобретает мотивационный компонент академической компетентности, поскольку социально-психологическая и функциональная готовность к НИР составляют диалектическое единство. Мотив как побудительная сила личности детерминирует характер деятельности курсантов, что, в свою очередь, определяет уровень сформированности исследовательских умений, представляющих собой систему интеллектуальных и практических средств и способов познавательной деятельности, необходимую для самостоятельного выполнения исследования или части его.

В качестве мотивов участия курсантов в научно-исследовательской деятельности можно выделить:

1. Социально значимые мотивы: желание внести посильный вклад в решение практических и научных проблем, понимание общественной значимости результатов научно-исследовательской деятельности;
2. Профессионально-ценностные мотивы: стремление получить знания, умения и навыки, необходимые в профессиональной деятельности.
3. Познавательные мотивы: интерес к научному поиску, стремление к более глубокому познанию объектов и явлений окружающей действительности.
4. Личностные мотивы: желание самоутвердиться, стремление к творчеству, удовлетворение коммуникативных потребностей в интересном коллективе.

ве, потребность в самовыражении, возможность испытать свои силы в данном виде деятельности, исполнительность и др.

Исследования в области психологии показали, что если внешние влияния вызывают состояние интереса и удовлетворенности научно-исследовательской деятельностью, эмоциональной и интеллектуальной напряженности, стремление к достижению цели, чувство гордости за избранную профессию, то происходит генерализация мотива по отношению к ситуации, в которой он первоначально появился, и распространение его на все однородные ситуации. При этом влияние характера мотивов на формирование исследовательских умений зависит от внешних и внутренних стимулов и мотивов деятельности. Так, потребность в совершенствовании знаний у курсантов – внутренний мотив – оказывает значительное влияние на формирование умений, тогда как стремление получить положительную оценку преподавателя выступает внешним стимулом, активизирующим формирование умений только на определенном этапе. В то же время ряд ситуаций внутреннего и внешнего характера (к примеру, сложность, проблематичность НИР, связанные с ней издержки личного времени, физическое переутомление, несоответствие интересам, невысокая вероятность успешного результата) при формировании мотивов научно-исследовательской деятельности лишают те ценности, «без которых можно жить», реального регулятивного влияния [3, с. 282].

Ценностные представления о НИР, несущие личностный смысл, находясь в тесной связи с поведением курсанта, позволяют разработать механизм формирования мотивов научно-исследовательской деятельности на основе дифференцированного индивидуального подхода к личности каждого конкретного курсанта:

1. Включение курсантов соответственно их стремлениям в активную научно-исследовательскую деятельность в научных объединениях (кружках), занимающихся конкретной разработкой научно-практических проблем, позволит оптимально формировать общественно значимые и социально значимые мотивы научно-исследовательской деятельности, высокий общий уровень владения методами исследований, умения подготовки и проведения эксперимента, планирования НИР, способности к нестандартному творческому решению исследовательских задач.

2. Формирование устойчивых познавательных интересов, основанное на акцентировании предметности, целенаправленности и осмысленности научно-исследовательской деятельности, которые ориентируют познавательный интерес курсанта на конкретную область предметного мира, придают ему продуктивный характер и наполняют научным, практическим, общественно-личностным содержанием. Наиболее эффективно этот процесс осуществляется

при поэтапном включении каждого курсанта с первых курсов в научную работу кафедр, где особенно интенсивно формируются познавательные интересы под воздействием преподавателей кафедры, товарищей-старшекурсников. По мере усложнения уровня научно-исследовательской деятельности с переходом с курса на курс происходит развитие структуры познавательного интереса от стадии любознательности до теоретического интереса, представляющего собой стремление к познанию сложных вопросов и проблем конкретной науки.

3. Организация научного общения курсантов на всех уровнях исследовательской деятельности. Коммуникативная деятельность как фактор развития мотивов характеризуется сотрудничеством в решении практических задач, деловым и неформальным общением. Отношения, складывающиеся в процессе совместного исследования, — деловые, общественные, личные — оказывают влияние на деятельность ее участников. В коллективе, где межличностные отношения и общение опосредуются личностно значимым и общественно ценным содержанием совместной научной работы, формирование мотивов и умений НИР происходит достаточно успешно.

Общественно и индивидуально значимые мотивы участия в научно-исследовательской работе во многом определяются условием творческого контакта курсанта с преподавателем, руководящим НИР. Эффективными средствами пробуждения интереса курсантов к самостоятельным исследованиям являются:

- ознакомление с научной проблематикой в теоретической либо практической области;
- установление связи между заданием, выполняемым курсантом, и исследованиями, проводимыми на кафедре;
- применение дифференцированных заданий с учетом различных предпосылок, интересов и склонностей курсантов.

Недостаточно используемым резервом формирования мотивов научно-исследовательской деятельности является организация научного общения внутри взвода.

Следует особо остановиться на формах организации НИР курсантов. Среди индивидуальных форм работы можно выделить подготовку рефератов, сообщений на конференции различного уровня, отчетов по результатам научно-исследовательской деятельности, научных работ исследовательского характера для участия в конкурсах. К групповым формам НИР курсантов относится работа научных кружков (предметных и проблемных) на кафедрах, образование научных сообществ и т. д.

Подводя итоги, отметим, что социально-психологическая и функциональная готовность курсантов к научно-исследовательской деятельности опре-

деляется рядом психолого-педагогических условий: особенностями личности курсанта, содержанием научно-исследовательской деятельности, степенью развития научного общения. Эффективность формирования исследовательских умений, в зависимости от характера мотивации деятельности, определяется тем, что развитие мотивов наблюдается на всех этапах научно-исследовательской работы. В процессе НИР обучающийся выделяет те аспекты, которые представляются ему особо значимыми и приобретают впоследствии «личностный смысл». Исходя из этого, изменяется мотивация деятельности, происходит сочетание мотивов, относящихся к различным группам. Таким образом, можно проследить взаимообусловленность и взаимосвязь между развитием мотивационного компонента академической компетентности и формированием умений научно-исследовательской деятельности курсантов.

1. Ершова О. В. Научно-исследовательская деятельность студентов как средство повышения качества образования // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11–3. С. 529–532. [Вернуться к статье](#)

2. Андрианова А. С. Понятие «академическая компетентность» в проблемном поле научных исследований // Веснік Магілеўск. дзярж. ўн-та імя А. А. Куляшова. Сер. С. Псіхалага-педагагічн. навукі: педагогіка, псіхалогія. 2018. № 2(52). С. 4–10. [Вернуться к статье](#)

3. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2002. 512 с.. [Вернуться к статье](#)

УДК 159.9:37.015.3-057.36

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ВЫПОЛНЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ ОВД

В. В. Андросова

аспирант кафедры психологии,
Могилевский государственный университет
им. А. А. Кулешова (Беларусь)
e-mail: ronyaveronya_90@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается важность формирования психологической готовности к выполнению профессиональной деятельности у будущих сотрудников ОВД, а также необходимость инновационной подготовки кадров и совершенствования системы переподготовки и повышения квалификации, в результате которой будет происходить отработка необходимых качеств для формирования психологической готовности в процессе обучения на модельных ситуациях.

Ключевые слова: психологическая готовность, профессиональная деятельность сотрудников ОВД, психологическое обеспечение, курсанты.

Annotation. The article reveals the importance of the formation of psychological readiness to perform professional activities of future ATS employees. As well as the need for innovative training, and improving the system of retraining and advanced training, which will result in the development of the necessary qualities for the formation of psychological readiness in the learning process in model situations.

Keywords: Psychological readiness, professional activities of ATS employees, psychological support, cadets.

В периоды общественных преобразований и реформ особо возрастает потребность государства в компетентных и профессионально обученных кадрах. Перед вузами поставлена задача подготовки не просто специалиста, обладающего необходимыми знаниями, умениями и навыками, а профессионала нового поколения, способного самостоятельно решить поставленную задачу, достичь высокого уровня успешности в деятельности, обладающего комплексом профессионально значимых качеств, которые сохраняются на достаточно высоком уровне даже в условиях непредвиденных обстоятельств. Однако у работников, пришедших в органы внутренних дел из других сфер деятельности, ощущается нехватка знаний, умений и навыков, которые вырабатываются именно в специализированных учебных заведениях. Например, недостаточная сформированность чувства ответственности может снижать уровень психологической готовности к выполнению профессиональной деятельности, порождая неудовлетворенность трудом и, как следствие, неудовлетворенность его результатами.

Н. Д. Левитов, определяя готовность к работе как психическое состояние подчеркивал, что кроме «общей и длительной готовности к работе существует готовность как временное состояние, которое может быть названо также предстартовым состоянием» [1, с. 12]. Анализ литературы по проблеме готовности к деятельности позволил выявить следующие дефиниции понятия:

1. Целенаправленное выражение личности [2, с. 4].

2. Целостное проявление свойств личности, включающее познавательный, эмоциональный и мотивационный компоненты [3, с. 221].

Сложности в формировании психологической готовности сотрудников ОВД предопределяет необходимость инновационной подготовки кадров, совершенствование системы переподготовки и повышения квалификации в соответствии с задачами, которые ставятся государством перед ОВД на современном этапе развития общества. Процесс этот достаточно сложный, его успех зависит от того, насколько удастся соединить усилия ученых, педагогов и практиков по совершенствованию модели обучения, соответствующей новым реалиям, а также системы требований, предъявляемых к субъектам, воплощающим эту модель в жизнь.

Психологическая готовность к профессиональной деятельности может быть представлена как целостное образование, включающее:

1. Интерес к деятельности, потребность в достижении результата (мотивационные характеристики личности).

2. Понимание функциональных обязанностей, задачи профессиональной деятельности, оценку ее значимости для достижения цели деятельности (познавательные характеристики личности).

3. Чувство профессиональной и социальной ответственности, уверенность в успехе, самоконтроль, сосредоточенность на выполнении задачи (эмоционально-волевые характеристики).

Выделенные структурные компоненты позволяют сделать вывод о связи формирования психологической готовности к деятельности в процессе профессиональной подготовки с образованием профессионально направленных отношений, мотивов, свойств личности, а также с оценкой условий профессиональной подготовки [4, с. 56].

В связи с этим возникает необходимость выявить психологические составляющие, отвечающие за эффективность будущей профессиональной деятельности, на этапе профессиональной вузовской подготовки. Это позволит решить данную проблему посредством целенаправленного формирования психологической готовности к профессиональной деятельности.

Важным здесь является психологическое обеспечение личного профессионального состава, поскольку его профессиональная деятельность зависит от

степени понимания поставленных задач и своего места на этапе их решения, от умения защищать собственную позицию и находить правильные решения в различных профессиональных ситуациях и вместе с тем руководствоваться принципом приоритета государственного интереса.

Психологическая готовность, в свою очередь, в решающей мере зависит от предварительной подготовки курсантов и от сформированности высокого уровня профессиональной закалки и выучки.

По мнению М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбовича, формирование означает образование необходимых установок, отношений и свойств личности, обеспечивающих возможность курсанта сознательно включаться в служебную деятельность, успешно ее выполнять. При этом нельзя сводить формирование готовности к воспитанию отдельных качеств у курсантов. Поэтому необходим контроль по соответствию требований результатов учебно-воспитательного процесса к условиям будущей профессиональной деятельности будущих сотрудников ОВД, так как готовность является совокупным выражением специально направленного развития личности и воздействия на разные стороны психики курсантов [5, с. 78].

В ходе специальной подготовки курсантов осуществляется фиксация внимания на психологических моментах, состояниях, проявляющихся на тренировках, значительно приближенных к реальным ситуациям. При этом важно, чтобы курсант осмыслил тренировочную ситуацию именно как отработку необходимого качества для определенных практических жизненных ситуаций.

Максимально приближенными к будущим условиям, в отличие от тренировок, можно назвать учения. В ходе учений обучающиеся решают задачи, соответствующие реальным ситуациям. Эти задачи носят комплексный характер, поскольку в жизни редко встречаются ситуации, предполагающие использование одного какого-то качества, например, только умения владеть собой либо только выносливости или находчивости. Как правило, деятельность сотрудников ОВД требует одновременно и того, и другого, и третьего. Это дает возможность сосредоточить все усилия на отработке одной черты, достичь определенного качества. Учение же позволяет аккумулировать нужные качества, добиться взаимодействия приобретенных навыков.

Значительную роль в формировании психологической готовности к профессиональной деятельности играет отработка соответствующих навыков и умений в ходе учебного процесса до «определенного автоматизма», которое в свою очередь содействует тому, что курсанты, не отвлекаясь на решение частных вопросов, четко идут к поставленной цели. Таким образом, формирование психологической готовности к выполнению профессиональной деятельности — сложный и многоступенчатый процесс, в ходе которого курсанты должны по-

лучить нужные знания и выработать у себя тем самым необходимые психологические качества. Все это представляет собой условия для отработки необходимых качеств на модельных ситуациях.

1. Дружинин В. Н. Психология. СПб. : Питер, 2001. 656 с. [Вернуться к статье](#)
2. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск : Изд-во БГУ, 1976. 176 с. [Вернуться к статье](#)
3. Левитов Н. Д. О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. 342 с. [Вернуться к статье](#)
4. Душков Б. А. Психология труда, профессиональной, информационной и организационной деятельности. М. : Акад. Проект : Фонд «Мир», 2005. 847 с. [Вернуться к статье](#)
5. Емельянов Ю. И. Активное социальное психологическое обучение. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1985. 167 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 341.231.14:351.74

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ УКРАИНЫ КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ И ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Т. С. Вайда

заведующий кафедрой специальной физической
и огневой подготовки Херсонского факультета,
кандидат педагогических наук, доцент,

Одесский государственный университет внутренних дел (Украина)

e-mail: vajda2015@ukr.net

Аннотация. В статье определены основные направления усовершенствования деятельности Национальной полиции Украины (управленческое; социальное; повышение уровня общей и специальной профессиональной подготовки и воспитания личного состава подразделений; готовность полицейских к эффективным действиям в экстремальных условиях) как условие обеспечения соблюдения прав и основополагающих свобод человека.

Охарактеризованы особенности реализации вышеуказанных подходов во взаимоотношениях с отдельными гражданами и территориальными общинами в разрезе законодательно закрепленных принципов гуманизации деятельности работников полиции в современных условиях.

Выделены и рассмотрено критерии-индикаторы доверия к деятельности полиции: 1) состояние преступности; 2) результативность деятельности органов и недостатки полицейской деятельности; 3) доверие к полиции и отношения с населением.

Ключевые слова: права человека, профессиональная деятельность полицейского, органы Национальной полиции, соблюдение прав человека, проблемы подготовки правоохранителей, доверие населения.

Annotation. The article identifies the main directions of improving the activity of the National Police of Ukraine (managerial; social; raising the level of general and special professional training and education of the personnel of the units; police readiness for effective actions in extreme conditions) as a condition for the enforcement of human rights and fundamental freedoms.

The peculiarities of the implementation of the above approaches in relations with individuals and territorial communities in the context of legally established principles of humanization of the activities of police officers in modern conditions are characterized. Criteria-indicators of confidence in the activities of the police have been identified and reviewed: 1) state of crime; 2) the performance of the bodies and the deficiencies of policing; 3) trust in the police and relations with the public.

Keywords: human rights, professional activity of a policeman, bodies of National Police, observance of human rights, problems of training of law enforcement officers, public confidence.

Интеграция Украины в европейское содружество предусматривает адаптацию не только украинского законодательства к требованиям Европейского союза (далее — ЕС), но и поэтапное решение существующих проблем, которые возникают во многих направлениях сотрудничества при переходе разных отраслей экономики, военной, полицейской и других сфер на новые стандарты функционирования, при обеспечении соблюдения общечеловеческих ценностей в социально-гуманитарной политике исполнительной власти и т. п.

В свою очередь рассмотрение и исследование особенностей адаптации законодательства Украины относительно гуманизации правоохранительной деятельности, в соответствии с базовыми требованиями законов ЕС, основываются на принятых в установленном порядке общегосударственных программах и концепциях реформирования МВД Украины, которое сегодня активно внедряется в стране центральными органами исполнительной власти. Достижение вышеупомянутых целей в первую очередь связано с необходимостью обеспечения соответствия правоохранительного законодательства Украины европейским стандартам (например, обновленный Закон Украины «О Национальной полиции») [1].

Усовершенствование правоохранительного законодательства Украины требует особенного внимания и при проведении научных исследований современных отношений в части обеспечения соблюдения прав человека и основополагающих свобод, связанных с реализацией в законодательстве украинского государства европейской Конвенции о защите прав человека и основополагающих свобод [2]. На наш взгляд, законодательству в отрасли правоохранительной деятельности принадлежит ключевое место в обеспечении этих общечеловеческих ценностей человека, что органично и неразрывно связано с деятельностью как исполнительной власти в целом, так и полиции как института государственного управления в частности. Именно нормы Конвенции призваны обеспечить установление и развитие демократических отношений между гражданином и государственным аппаратом управления, которые на сегодня являются критерием оценки гуманизации внутренней и внешней политики всех государств мирового содружества.

Вместе с тем статистика свидетельствует, что проблема незащищенности человека в нашей стране стоит очень остро. Так, в 2016 году в Европейский суд по правам человека из Украины поступило 18 150 заявлений — это почти 23 % всех жалоб. При этом Европейский суд практически рассматривает лишь двадцатую часть всех обращений [3]. При таких условиях возникает потребность в основательном изучении и анализе передового опыта стран — государств ЕС в сфере обеспечения прав и свобод граждан, внедрения положений их нормативно-правовой базы (передовых стандартов этого международного объединения)

в действующее законодательство Украины, усовершенствования механизмов гуманизации взаимодействия полиции с населением.

Вопросы адаптации и интеграции законодательства Украины, регламентирующие правоохранительную деятельность, к европейскому законодательству разрабатываются такими учеными, как В. Б. Аверьянов, А. М. Бандурка, Т. С. Вайда, И. Б. Колиушко, Р. А. Куйбида, А. В. Негодченко, В. Ф. Опришко, А. В. Омельченко, А. С. Фастовец, Ю. С. Шемшученко и др. Усовершенствование работы полиции в контексте изучения и внедрения передового опыта полицейских подразделений Европы и мира исследуют также и представители науки международного права (Ю. М. Коломиец, Р. А. Петров, В. А. Рияка, А. Е. Тамм и др.) [4].

Вместе с тем проблема разработки современных подходов для приведения в соответствие профессиональной деятельности полицейских Украины требованиям законодательства ЕС в части обеспечения прав человека и основополагающих свобод специально не изучалась. Как отмечает К. Рудой, в существующих научных трудах эти вопросы исследовались фрагментарно или в рамках более широкой административно-правовой проблематики, без комплексного подхода.

В связи с незначительным временем после принятия Закона Украины «О Национальной полиции» (2015) недостаточно внимания уделялось такому аспекту, как усовершенствование роли и места Национальной полиции Украины (далее — НПУ) в системе гуманизации взаимоотношений правоохранителей и граждан с учетом европейских социальных ценностей. Как показывает практика, этот подход приобретает в современных условиях евроинтеграции Украины все большую актуальность, а глубокое исследование и решение существующих в отечественной правоохранительной деятельности проблем с учетом требований законодательства ЕС отображает действующие интеграционные тенденции общегосударственного значения.

Данное исследование выполнено в соответствии с тематическим планом научно-исследовательской работы Одесского государственного университета внутренних дел по проблеме «Приоритетные направления развития и реформирования правоохранительных органов в условиях развертывания демократических процессов в государстве» (государственный регистрационный № 0116U006773).

Решение проблем в обеспечении соблюдения прав и свобод человека в системе применения полицейских мер принуждения, которые предусмотрены отечественным законодательством в деятельности подразделений НПУ, требует внедрения осовремененных подходов относительно усовершенствования их работы в нескольких взаимосвязанных направлениях. Учитывая существующие

наработки ученых в правоохранительной сфере (А. В. Буданов, И. В. Будило, В. М. Шамаров, 2009), можно выделить такие направления, как управленческая, социальная, общая и специальная профессиональная подготовка и воспитание личного состава подразделений НПУ (рисунок 1).

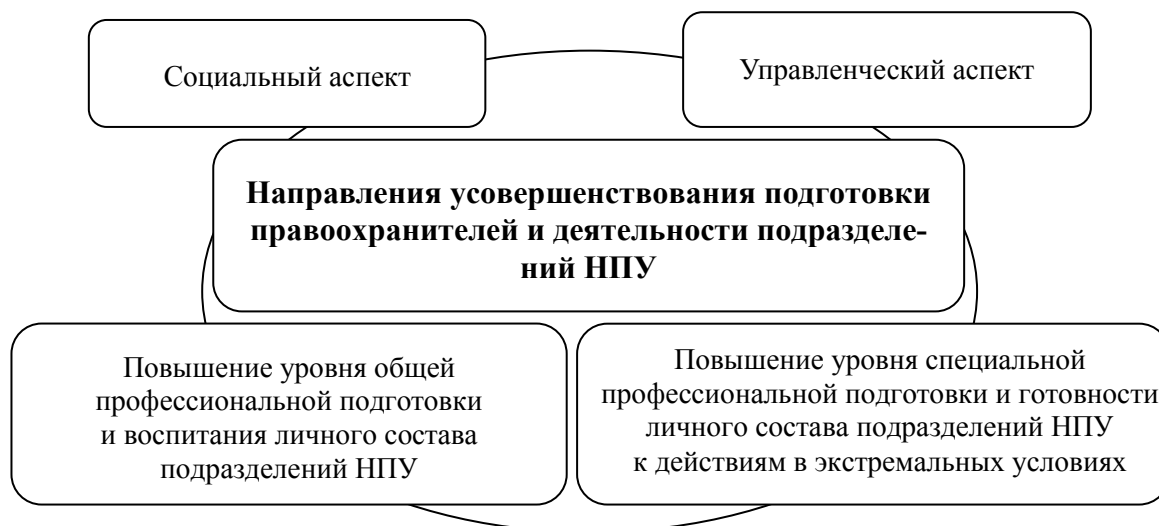

Рисунок 1 — Основные направления усовершенствования подготовки правоохранителей относительно обеспечения соблюдения прав и свобод человека в деятельности подразделений НПУ

Управленческий аспект заключается в том, чтобы формировать у работников полиции установки на соблюдение прав и свобод человека управленческими методами. Необходимо специально рассматривать работу всех служб и подразделений НПУ с точки зрения резервов и возможностей решения проблемы соблюдения прав человека; сформулировать это не только как правовое, социальное и моральное требование, но и как особенное управленческое задание; ввести критерий соблюдения прав человека в общую оценку деятельности органов НПУ и оценивание каждого конкретного направления их деятельности, на каждом профессиональном мероприятии, которые осуществляются работниками полиции. Следовательно, в этом контексте нами прежде всего понимается формирование у полицейских установок на соблюдение прав человека через надлежащую организацию их профессиональной деятельности.

Особенная роль принадлежит управленческому обеспечению соблюдения прав человека по отношению к самим полицейским как в сфере защиты их основных прав (в первую очередь право на жизнь и здоровье путем внедрения мероприятий для обеспечения их личной профессиональной безопасности), так и в плане повышения уровня их социальной и психологической защищенности. Практика показывает, что существует прямая зависимость между соблюдением прав человека по отношению к работникам НПУ и соблюдением полицейскими прав человека в обществе по отношению к самим гражданам.

Социальная направленность правоохранительной деятельности в первую очередь отображена в принципах деятельности НПУ (статьи 6–12 раздела II Закона Украины «О Национальной полиции») [2], которые непосредственно ориентируют правоохранителей на соблюдение прав и свобод граждан (рисунок 2).

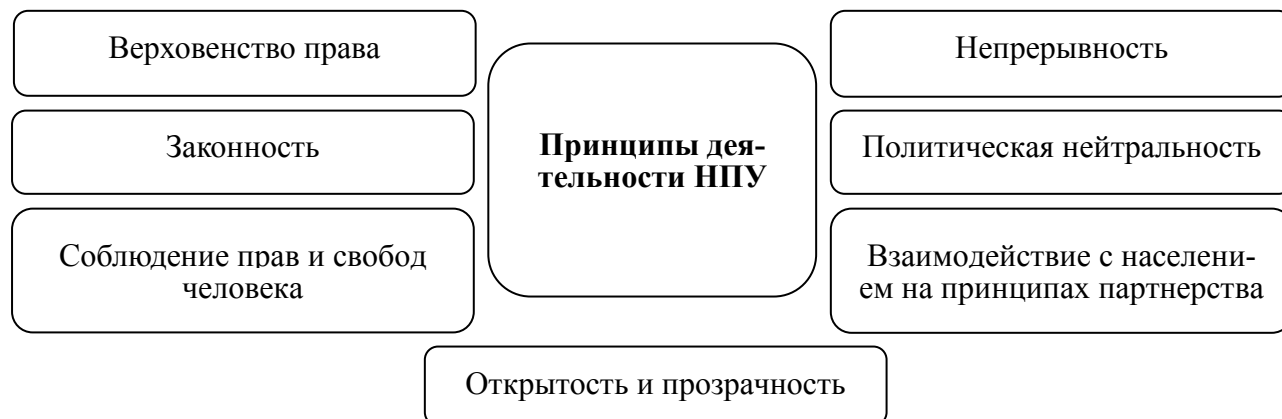

Рисунок 2 — Социальная направленность принципов деятельности НПУ

Реализация этих принципов в деятельности полицейских включает у себя, кроме осуществления общего правового образования и воспитания граждан, специальную работу с населением относительно разъяснения ему законных прав и полномочий работников подразделений НПУ в процессе профессиональных контактов с гражданами. Особенную роль здесь играет формирование у населения объективного отношения к деятельности полицейских, в том числе путем использования средств массовой информации (далее — СМИ), совместной работы с общественными (правозащитными) организациями, проведение встреч с территориальными общинами и т. д. Однако разъяснительная или воспитательная работа с населением не будет эффективной, если формирование объективного отношения к деятельности правоохранительных подразделений системы МВД, осознание гражданами современных прав и обязанностей человека не будут подкрепляться их непосредственным позитивным опытом во время непосредственных контактов с работниками органов НПУ на партнерских принципах.

Повышение уровня общей профессиональной подготовки и воспитания личного состава подразделений НПУ является важнейшей основой, которая обеспечивает соблюдение прав и свобод человека в их правоохранительной деятельности. Укрепление законности в деятельности полицейских, формирование у них чувств гражданственности и гражданского долга, верности Присяге работника полиции, воспитание комплекса профессионально значимых качеств личности правоохранителя, обеспечение необходимого уровня его профессиональной готовности, овладение полицейским необходимыми знаниями, умени-

ями и навыками — все это является важными условиями обеспечения соблюдения прав и свобод человека в деятельности правоохранительных органов.

В качестве не менее значимых условий выступают создание благоприятного эмоционально-психологического климата в полицейском коллективе на основе доверия, коллективная ответственность за порученное дело, взаимная требовательность и поддержка. Это дает полицейскому ощущения социально-психологической защищенности и является действенным противовесом развития профессиональной деформации или коррупционных проявлений.

Повышение уровня специальной профессиональной подготовки и обеспечение готовности работников подразделений НПУ к действиям в экстремальных условиях заключается прежде всего в формировании у правоохранителей профессиональных установок на соблюдение прав и свобод человека в оперативно-служебной деятельности как одного из критериев, которые определяют содержание, методы и результат выполнения поставленных задач, а также их оценку обществом и самооценку полицейского.

Особенная роль принадлежит сформированности у работников полиции четких представлений о требованиях международных и отечественных официальных нормативных актов и документов, которые непосредственно касаются соблюдения прав и свобод человека. Здесь важной является осведомленность ими не только с нормами Общей декларации прав человека (принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года) [5], но и с современными европейскими тенденциями развития правового и нормативного обеспечения прав и свобод человека в деятельности правоохранительных органов. Не менее важно в процессе профессионального образования и правового воспитания полицейских специально анализировать нормы украинского законодательства и позиции ведомственных нормативных актов, в которых заложены защитные механизмы при реализации прав человека.

В качестве неотъемлемой части специальной профессиональной подготовки и воспитания полицейских выступает формирование у них умений и навыков, отработки алгоритмов действий по оперативному решению профессиональных заданий с учетом критерия соблюдения прав человека. Эта работа усложняется сегодня тем, что в условиях реформирования системы МВД Украины стремительно изменяется сам характер правоохранительной деятельности, в то же время растут требования к работникам полиции в плане соблюдения ими прав человека. Поэтому, кроме информирования и отработки алгоритмов действий в таких ситуациях, необходимо в полицейском формировать и способность к самостоятельному анализу новой жизненной (профессиональной) ситуации для эффективного решения служебных заданий с учетом международных норм соблюдения прав человека. Здесь важная роль принадлежит как

общему интеллектуальному развитию работника полиции, сформированности у него способности к самостоятельному профессиональному мышлению, так и его умениям оперативно вводить критерий соблюдения прав и свобод человека во время принятия или реализации самостоятельных решений в профессиональную самооценку и т. п.

Специальным направлением работы является обучение полицейских умениям и навыкам проводить разъяснительную работу среди граждан в части информирования о их законных правах (во время учебы в учреждениях высшего образования, первичной подготовки или на курсах повышения квалификации), а также освоения правоохранителями особенностей работы в экстремальных условиях — работник полиции должен уметь правомерно и грамотно вести себя в ситуациях манипулирования общественной мыслью, подкупа, провокаций, шантажа и т. д., которые могут осуществляться отдельными гражданами или группой лиц с целью нейтрализации его профессиональной активности или побуждения к аморальным или противоправным действиям, которые нарушают права или свободы другого человека.

Особенно актуально сегодня и такое направление работы полицейских, как взаимодействие правоохранителей с лицами, которые имеют правовой статус судьи, субъектами с правовым или общественным статусом правозащитной организации, которые играют в отдельных случаях значительную роль в отправлении правосудия. Практика показывает, что нередко именно неполная осведомленность общества о деятельности полицейского объясняет его профессиональные ошибки или разного рода нарушения. Соответственно, в качестве чрезвычайно важного направления работы с личным составом подразделений НПУ выступает обучение полицейских умениям и навыкам взаимодействия с прокурорами, адвокатами, представителями правозащитных и других общественных организаций, налаживания с ними позитивных рабочих отношений, а также накопление, осмысление и распространение передового опыта в этой отрасли через СМИ (печатные, электронные).

И, наконец, особенную сложность (в первую очередь в силу новизны некоторых явлений) представляет вопрос о взаимодействии с представителями разных религиозных конфессий и организаций. Правоохранительные органы сейчас наиболее полно расширяют и укрепляют свое взаимодействие с Украинской православной церковью, другими традиционными для Украины конфессиями, целым рядом новых религиозных организаций и объединений территориальной общины. В конечном итоге это путь к соблюдению права человека на свободу совести, вероисповедания, на свободное удовлетворение своих других духовно-религиозных потребностей. Но здесь необходима специальная работа с личным составом полиции в первую очередь относительно разъяснения осо-

бенностей тех или других конфессий, специфики деятельности священнослужителей и, конечно же, по усвоению полицейскими правовых основ деятельности религиозных организаций и объединений.

В ряде случаев необходимо корректное разъяснение представителям разных конфессий их законных прав и обязанностей, объяснение им того, что специфика деятельности правоохранительных органов во многом определяет возможное содержание и диапазон взаимодействий с ними священнослужителей или представителей других религиозных организаций и объединений. Так, в ряде случаев придется разъяснять, что контакты с лицами, которые содержатся в следственном изоляторе, могут основываться исключительно на принципе их добровольного желания и ограничиваться особенностями оперативной обстановки или тайной следствия, но никоим образом не стремлением полицейского ограничить чьи-то права.

Важное место в системе обеспечения соблюдения прав граждан занимает доверие населения к деятельности НПУ, механизм изучения которого определяется в соответствии с требованиями Порядка проведения оценки уровня доверия населения к Национальной полиции [6].

Основными задачами проведения оценки является получение информации об оценке населением качества выполнения органами и подразделениями НПУ возложенных на них задач и функций, о соответствии работы органов и подразделений НПУ ожиданиям населения, выявление тенденций изменения уровня доверия населения к НПУ и факторов, которые на них влияют. Основными принципами проведения оценки является объективность обработки информации о работе органов и подразделений НПУ, системность оценки качества их работы. Объектами оценки являются: 1) уровень удовлетворения потребности населения в полицейских услугах; 2) процессы, происходящие в системе НПУ, характеристики и результаты ее деятельности.

Индикаторы, по которым осуществляется проведение оценки уровня доверия населения к национальной полиции Украины, определяются МВД [7]. К таким индикаторам относятся следующие показатели: 1) состояние преступности; 2) результативность деятельности органов и недостатки полицейской деятельности; 3) доверие к полиции и отношения с населением.

Таким образом, учитывая проведенный анализ различных факторов, которые объективно влияют на профессиональную деятельность полицейских и оказывают влияние на общее состояние обеспечения работниками органов и подразделений НПУ соблюдения прав человека, можем сделать следующее обобщение — целенаправленная воспитательная работа с личным составом полиции играет значительную роль в обеспечении функционирования общечеловеческих ценностей в гражданском обществе.

Поскольку соблюдение или нарушение прав человека осуществляется в сфере взаимодействия людей, то надлежащая осведомленность, профессиональная подготовка и воспитанность полицейского — три педагогические условия, способствующие соблюдению прав человека во взаимодействии работников органов НПУ с гражданами. Причем эти условия распространяются как на полицейских, так и на самих граждан [8].

Соблюдение прав человека требует от полицейского сформированности целого комплекса профессионально значимых личностных качеств — наблюдательности, выдержки, способности к адекватной профессиональной самооценки и т. п. Отдельные случаи нарушения правоохранителями прав человека нередко связаны с тем, что полицейский не смог правильно оценить жизненную ситуацию, переоценил свои профессиональные возможности и в результате принял неверное решение. Иногда молодому (неопытному) полицейскому не хватает воли и выдержки или работник полиции действует импульсивно под влиянием своих эмоций.

Рассмотренные нами особенности взаимодействия граждан с сотрудниками правоохранительных органов имеют в своей основе достаточно ярко выраженный воспитательный аспект, который связан с низким уровнем правового образования граждан, необходимостью корректировки их правового сознания и асоциального поведения, необходимости налаживания с ними конструктивных контактов и т. п. Эти особенности взаимодействия полицейских НПУ с гражданами требуют также и специальной, в том числе педагогической, подготовки правоохранителей.

Демократический подход в отношении соблюдения прав и свобод человека в деятельности подразделений НПУ Украины как важной части правового государства должен носить системный характер, и в этой комплексной структуре наиболее важным компонентом является сфера социальная, поскольку соблюдение прав человека осуществляется исключительно в межличностном (межгрупповом) взаимодействии [9, с. 41–54].

Существование в Украине гражданского общества требует от участников этого взаимодействия как необходимой социальной зрелости, правовых установок на соблюдение прав и свобод человека, так и специальных знаний, необходимых для их эффективного обеспечения в процессе несения службы. Особенно этот подход является актуальным для деятельности работников подразделений НПУ, поскольку выполнение ими заданий по охране и укреплению общественного правопорядка и борьбе с преступностью требует от правоохранителей служебной ответственности и корректных профессиональных действий в рамках правового поля, где права и свободы человека являются системообразующими.

1. О Национальной полиции [Электронный ресурс] : Закон Украины, 2 июля 2015 г., № 580-VIII : с изм. и доп. по сост. на 07.01.2018 г. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/580-19/conv/page1-4> (дата обращения: 11.02.2019).
[Вернуться к статье](#)
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] : от 04.11.1950 г. : ратифицировано Законом Украины от 17.07.1997 г. № 475/97-ВР. URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_004 (дата обращения: 11.02.2019).
[Вернуться к статье](#)
3. Защита прав человека в Украине: адреса и телефоны, куда обращаться [Электронный ресурс]. URL: <http://fakty.ictv.ua/ua/ukraine/20171210-zahyst-prav-lyudyny-v-ukrayini-adresy-ta-telefony-kudy-zvertatysya> (дата обращения: 11.02.2019).
[Вернуться к статье](#)
4. Рудой К. М. Адаптация административного законодательства Украины в сфере охраны личных прав граждан к нормам Европейского Союза : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07. Харьков, 2004. 15 с. [Вернуться к статье](#)
5. Общая декларация прав человека : принятая и провозглашенная резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс]. URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_015 (дата обращения: 11.02.2019).
[Вернуться к статье](#)
6. Об утверждении Порядка проведения оценки уровня доверия населения к Национальной полиции [Электронный ресурс] : постановление Кабинета Министров Украины, 7 февр. 2018 г., № 58. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/58-2018-%D0%BF> (дата обращения: 11.02.2019).
[Вернуться к статье](#)
7. Об установлении индикаторов, по которым осуществляется проведение оценки уровня доверия населения к Национальной полиции Украина [Электронный ресурс] : приказ МВД Украины от 09.11.2018 г. № 900. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z1358-18> (дата обращения: 18.01.2019).
[Вернуться к статье](#)
8. Вайда Т. С., Черкашин А. И., Доценко В. В. Основы воспитания работников ОВД : практ. пособие. Харьков : Харьков. нац. ун-т внутр. дел, 2014. 318 с.
[Вернуться к статье](#)
9. Вайда Т. С. Гуманистическая парадигма профессиональной подготовки правоохранителей как современное условие усовершенствования кадрового потенциала Национальной полиции Украины // Профессиональная подготовка полицейских в Украине: методология, теория, практика : сб. материалов Всеукр. науч.-практ. конф., Херсон, 25 мая 2018 г. Херсон : ХФ ОДУВС, 2018. С. 41–54.
[Вернуться к статье](#)

УДК 340.114.5

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ

Д. А. Воропаев

старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права, кандидат юридических наук,
Академия МВД (Беларусь)
e-mail: voropaevd@tut.by

Р. В. Герасименко

курсант факультета милиции,
Академия МВД (Беларусь)
e-mail: roma.gerasimenko.98@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются такие юридические категории, как правовое сознание, правовое воспитание, правовая культура, обозначается их взаимообусловленность. Отмечается важнейшая роль правового воспитания в формировании правовой культуры личности и общества, исследуются его формы.

Ключевые слова: правовое сознание, правовое воспитание, правовая культура, формы правового воспитания.

Annotation. The article considers such juridical categories as legal consciousness, legal education, legal culture, as well indicates their intersec-tionality. The article points out the critical role of legal education of a person and society, and researches forms thereof.

Keywords: legal consciousness, legal education, legal culture, forms of legal education.

Актуальность темы исследования обусловлена прежде всего существованием проблем в регулировании общественных отношений в экономической, политической, правовой и других сферах деятельности белорусского общества. Так, если говорить именно о правовой сфере, то, несмотря на устойчивую тенденцию к снижению, вызывает беспокойство количество совершаемых преступлений и правонарушений. Борьба с такими антисоциальными проявлениями требует системного подхода, важной составляющей которого, по нашему мнению, является правовое воспитание — в самом широком смысле целенаправленная деятельность соответствующих субъектов по формированию у граждан убежденности в необходимости правомерного поведения.

В то же время в современной юридической науке среди правоведов отсутствует единая позиция по ряду вопросов, касающихся правового воспитания личности. Существует множество подходов, раскрывающих в определенной степени сущность правового воспитания, механизмы его развития и особенности повышения качества процесса усвоения правовых знаний индивидом [1, с. 90].

Следует отметить, что правовое воспитание находится в одном ряду с такими понятиями, как правовое сознание и правовая культура, при этом способы, формы их взаимосвязи и взаимодействия весьма многообразны. Исходным среди обозначенных категорий является правовое сознание, т. к., являясь частью сознания индивида, оно опосредует окружающую действительность и конструирует правовую реальность для человека. В рамках нашей работы под правосознанием мы понимаем совокупность чувств, традиций, переживаний, которые выражают отношение людей к правовым явлениям общественной жизни. Это представления о законодательстве, законности, правосудии, о правоммерном или неправоммерном поведении.

Правосознание, выступая явлением идеального порядка, находит свое отражение в материальном мире через деятельность в самом широком смысле этого слова субъектов права и результаты такой деятельности. Как итог формируется особая сфера бытия человека — правовая, а уровень развития этой сферы, ее содержательное наполнение в целом можно именовать правовой культурой. Правовая культура в юридической литературе зачастую связывается с уровнем развитости правовых ценностей как общества в целом, так и отдельных индивидов, уровнем их способности качественно создавать и эффективно применять правовые средства для достижения своих целей [2, с. 26]. В рамках нашего исследования под правовой культурой понимается сторона правовой действительности как особой предметной целенаправленной деятельности общества, его социальных групп, институтов и отдельных личностей, которая состоит в формировании, накоплении и усвоении правовых ценностей, обеспечивающих прогрессивное развитие человека и человечества.

Определяя место правового воспитания среди иных юридических категорий, необходимо отметить, что оно, по сути, является инструментом, с помощью которого индивид усваивает одобряемые позитивным правом модели поведения, правовые ценности, сформированные и разделяемые в соответствующем обществе и государстве.

Так, одним из средств формирования правовой культуры личности является правовое воспитание, которое направлено на усвоение определенных правовых знаний, обобщение и закрепление их в сознании личности, а также применение этих знаний в практической деятельности по различным направлениям жизнедеятельности. В юридической литературе подчеркивается значимость правового воспитания для обеспечения эффективного правового регулирования общественных отношений. Например, Л. М. Матвиенко прямо утверждает, что такая актуальная проблема современности, как правовой нигилизм, может быть решена с помощью правового воспитания [3, с. 79].

Правовое воспитание можно обозначить как целенаправленный процесс воздействия на сознание людей с целью формирования высокого уровня правовой культуры. Такое воздействие осуществляют субъекты правового воспитания, перечень которых достаточно обширен: органы государственной власти, общественные объединения и организации, отдельные индивиды и др.

Правовое воспитание осуществляется практически в течение всей жизни человека и является необходимым условием его социализации. К ее первичным институтам относится семья и ближайшее окружение человека, где он и получает базовые правовые знания. Важную роль играет такой институт, обеспечивающий правовое воспитание личности, как учреждение среднего образования. Так, по мнению некоторых ученых, для старшеклассников следует ввести курс по основам права, изучение которого должно завершаться сдачей экзамена [4, с. 27]. Введение указанного учебного курса нам видится излишним, в то же время не вызывает сомнения необходимость более широкого использования средств правового воспитания среди лиц, получающих среднее образование.

В качестве отдельных направлений правового воспитания также можно обозначить следующие:

- 1) государственно-правовая пропаганда правовой информации (обеспечение общества информацией, направленной на формирование и повышение правовой культуры);
- 2) обеспечение общества социально значимой информацией;
- 3) совершенствование системы образования в начальной и средней школе путем введения соответствующего предмета;
- 4) создание образа положительного героя на телеэкранах в национальном масштабе (носителя определенной системы ценностей, в том числе правовых) [5, с. 29].

Кроме обозначенных форм правовое воспитание может реализовываться в различных способах организации воспитательного процесса: всеобщем, обязательном, начальном, правовом обучении, пропаганде правовых знаний в средствах массовой информации, распространении юридической литературы, воспитательной работе в связи с совершенными правонарушениями, в процессе судопроизводства и др. [6, с. 19].

Следует отметить, что качество правового воспитания зависит от уровня юридической подготовки его субъектов, наличия специальной литературы, доступной широкому кругу читателей. Также можно использовать различные тренинги и упражнения для выработки у человека готовности к правомерному поведению в юридически значимых ситуациях и адекватного реагирования на события, которые происходят в окружающей действительности.

Обобщая все вышеперечисленное можно прийти к выводу, что правовое воспитание способствует наиболее качественному формированию правовой культуры личности, которая характеризуется степенью усвоения и активного использования личностью правовых ценностей. Это знание, понимание и уважение права, уровень активной правомерной деятельности личности. Индивидуальная правовая культура предполагает не только всестороннюю правовую осведомленность, знание содержания правовых предписаний, но и положительное к ним отношение, а также их исполнение [7, с. 295].

Таким образом, под правовым воспитанием понимается целенаправленная систематическая деятельность государства, общественных организаций, граждан, групп и коллективов по передаче юридического опыта, воздействию на сознание и поведение человека в целях формирования правовой культуры, которая, в свою очередь, представляет собой составляющую часть правовой действительности, особую предметную целенаправленную деятельность общества, его социальных групп, институтов и отдельных личностей, состоящую в формировании, накоплении и усвоении правовых ценностей, обеспечивающих прогрессивное развитие человека и человечества. Правовое воспитание и, как результат, адекватное отношение к существующим нормам права, ценностям общества и должному поведению в нем осуществляются различными социальными институтами на протяжении всей жизни человека. Правовое воспитание может способствовать успешному усвоению и совершенствованию правовых ценностей как индивида в частности, так и общества в целом. Правовое воспитание является основой для совершенствования правовой культуры личности.

1. Ахметов А. С. Правовое воспитание в современном обществе // Право и образование. 2016. № 9. С. 90–97. [Вернуться к статье](#)

2. Ахметов А. С. Правовое воспитание как важнейшее условие формирования правовой культуры // Юрид. образование и наука. 2014. № 3. С. 25–27. [Вернуться к статье](#)

3. Матвиенко Л. М. К вопросу о значимости правового воспитания // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии : материалы XXXI междунар. заоч. науч.-практ. конф., Новосибирск, 21 авг. 2013 г. / СибАК. Новосибирск, 2013. С. 42–46. [Вернуться к статье](#)

4. Борщева Е. В. Правосознание и правовое воспитание молодежи // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2002. № 1. С. 26–28. [Вернуться к статье](#)

5. Сивохин М. Е. О некоторых путях формирования правовой культуры // Закон и право 2010. № 10. С. 29–30. [Вернуться к статье](#)

6. Аминов И. И. Правовое воспитание и правосознание // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2007. № 1. С. 19–20. [Вернуться к статье](#)

7. Вишневский А. Ф., Горбатов Н. А., Кучинский В. А. Общая теория государства и права : учебник ; под ред. В. А. Кучинского ; учреждение образования «Академия М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». 3-е изд., пересмотр. Минск : Академия МВД, 2019. 478 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 159.9:34

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

И. В. Данькова

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин,
Могилевский институт МВД (Беларусь)

e-mail: ira_dankova@mail.ru

Аннотация. Отклоняющееся поведение несовершеннолетних продолжает оставаться актуальной проблемой, которая требует особого подхода, учитывающего возрастные и психологические особенности формирования личности. В данной статье исследуются некоторые психологические факторы, оказывающие влияние на противоправное поведение несовершеннолетних.

Ключевые слова: подростковый возраст, асоциальное поведение, девиантное поведение, психологические факторы, несовершеннолетний правонарушитель.

Annotation. Deviant behavior of juveniles continue to be an urgent problem, requiring a special approach that takes into consideration the age and psychological features of personality formation. This article examines some of the psychological factors that influence the illegal behavior of juveniles.

Keywords: adolescence, antisocial behavior, deviant behavior, psychological factors, juvenile offender.

На сегодняшний день в Республике Беларусь не перестает настораживать рост алкогольной зависимости, наркомании, сексуальной распущенности, снижение уровня таких духовных ценностей, как нравственность, честь и достоинство в подростковой среде. В этой связи поведение несовершеннолетних может выходить за границы дозволенного и общепринятого. В специальной литературе такое поведение называют отклоняющимся.

Личность подростка формируется и социализируется в условиях микро-среды посредством коммуникации и установления межличностных связей. При этом не только положительные образцы поведения окружающих оказывают влияние на формирование личности несовершеннолетнего. Нередко в процессе социализации личности осуществляется передача образцов противоправного поведения, которые и формируют у несовершеннолетнего антиобщественную установку, приводящую к таким поведенческим реакциям, как агрессия, драчливость, конфликтность, чрезмерная обидчивость и т. д.

Цель проведенного исследования — определить роль психологических факторов, оказывающих влияние на формирование отклоняющегося поведения несовершеннолетних.

В психолого-педагогической литературе под отклоняющимся поведением понимается система поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе правовым или нравственным нормам. Для того чтобы определить основные виды отклоняющегося поведения, необходимо выяснить, что понимается под нормальным общепринятым поведением в социуме. Так, многие зарубежные и отечественные исследователи (М. И. Еникеев, Е. В. Змановская, Т. В. Казак, Ю. А. Клейберг, И. С. Кон, А. Н. Личко, И. А. Фурманов и др.) характеризуют нормальное поведение как действие, не представляющее собой угрозу жизни, здоровью и имуществу граждан, общества, государства в целом, не нарушающее прав, свобод и законных интересов других лиц, а также не препятствующее нормальному развитию и функционированию самой личности.

В связи с этим к основным видам отклоняющегося поведения можно отнести непротивоправное или так называемое аморальное поведение, выражающееся в систематическом пьянстве, наркомании, проституции и пр., а также деяния, за которые не предусмотрена уголовная ответственность. Эти виды поведения взаимосвязаны и вытекают друг из друга, а именно, привычное аморальное поведение детерминирует совершение правонарушений [1, с. 407].

Часто встречающейся разновидностью отклоняющегося поведения является девиантное поведение, определяемое как действие, не соответствующее тем или иным нормам, критериям, социотрадициям. Такие поведенческие реакции подростков, как систематические уходы из дома, ранний алкоголизм и наркотизация, систематические пропуски учебных занятий, агрессивное поведение, являются типичными проявлениями девиантного поведения [2, с. 124].

Еще одной разновидностью отклоняющегося поведения является асоциальное поведение, которое М. И. Еникеев характеризует как поведение, которое противоречит нормам и стандартам, принятым в социуме, при этом оно не влечет за собой уголовной ответственности [3, с. 233].

Терминологический ювенологический словарь характеризует отклоняющееся поведение, как не представляющее общественной опасности, но приносящее вред обществу [4].

Анализ признаков отклоняющегося поведения позволил выявить ключевое понятие в его формировании — это социализация индивида, которую в научной литературе определяют как процесс формирования личности, в ходе которого она (личность) наделяется определенными свойствами, самостоятельно выбирает жизненный путь, определяет вектор ценностных ориентаций, устанавливает необходимые социальные связи [5, с. 23].

М. В. Андреевская отмечает, что процесс социализации личности включает в себя ряд аспектов: социальное познание, овладение определенными

навыками практической деятельности, выработка на основе полученных знаний системы ценностных ориентаций, установок и т. д.

Социализация личности как активный процесс длится на протяжении времени, необходимого для становления индивида как личности, при этом данный процесс включает в себя следующие этапы:

1. Первичная социализация — социализация ребенка;
2. Маргинальная социализация (промежуточная) — социализация подростка;
3. Устойчивая социализация, которая знаменует переход от юношества к зрелости.

Далее следуют этапы развития уже социализированной, зрелой личности [6, с. 45].

Нередко детская и подростковая инфантильность переходит в такие психические состояния, когда подростки не могут отдавать отчет своим действиям и поступкам, не понимая при этом их социальный смысл. В связи с этим, на ранних стадиях жизни индивида формирование личности тесно связано с бессознательным выбором модели поведения, который происходит под влиянием ближайшего окружения. Сначала ребенок имитирует лишь некоторые внешние черты человека, которого невольно выбирает как образец для подражания, а затем происходит глубокое отождествление своего «Я» с личностью выбранного эталона. При этом заимствуются такие психологические черты, как доброта и мягкость, отзывчивость или решительность, мужественность, стойкость или даже грубость, дерзость. Такое «вживание в образ» корректируется отношением окружающих к выбранной модели поведения [5, с. 23].

Анализ исследований в области девиантологии позволил определить этапы и причины формирования отклоняющегося поведения подростка.

Так, в качестве причин исследователями называется разрыв либо недостаточность связей подростка с обществом в связи со снижением авторитета взрослых из его окружения.

Факторами, обуславливающими отклоняющееся поведение, являются внешние условия, которые подросток в силу своего возраста, уровня образования и недостаточности жизненного опыта не в состоянии правильно и адекватно оценить, а также личностные свойства: повышенная возбудимость, эмоциональность, бескомпромиссность, юношеский максимализм, некритичность, эгоизм, замкнутость, внушаемость и др. [7, с. 64].

Кроме того, на поведение индивида влияют биологические, социальные и психологические факторы, которые, взаимодействуя между собой, так или иначе оказывают влияние на сущность поведения.

К биологическим факторам, провоцирующим отклонения в поведении, относят наследственность, врожденные и приобретенные заболевания, например, такие как шизофрения, эпилепсия, неврозы, хронические соматические заболевания и т. д. Особое место занимает отставание в умственном развитии, олигофрения, обусловленная отягощенностью врожденного, наследственного характера, либо наступившая в результате травм или перенесенных заболеваний [8, с. 9–11].

К социальным причинам, влияющим на формирование отклоняющегося поведения, относят неблагополучие в семье, межличностные отношения со сверстниками, учителями, родителями, недостатки школьного воспитания и пр.

Среди психологических факторов, детерминирующих отклоняющееся поведение, выделяют особенности самосознания, темперамента, характера, эмоционально-волевой и мотивационной сферы, свойственные подростковому возрасту.

Каждый человек индивидуален. Кто-то способен к глубоким чувствам, решителен, ответственен перед самим собой и перед другими. А кто-то, наоборот, слабоволен и не способен управлять своими эмоциями, ему тяжело переживать жизненные трудности, у него не сформированы жизненные цели.

Российские исследователи М. А. Ковальчук и И. Ю. Тарханова к индивидуально-психологическим особенностям, способствующим формированию личности несовершеннолетнего правонарушителя, относят отклонения в психическом развитии, проявления агрессии в поведении, акцентуации характера, неадекватную, часто заниженную, самооценку, инфантилизм, неустойчивое эмоциональное развитие, потребностно-мотивационные деформации, наличие страхов, тревожность, повышенную зависимость от взрослого окружения, низкий уровень интеллекта, а вместе с тем и негативное отношение к учебному процессу, повышенную возбудимость, неспособность разрешать сложные жизненные ситуации, отсутствие самоконтроля [9, с. 39].

Кроме вышеперечисленных особенностей, к психологическим факторам, оказывающим влияние на проявления отклоняющегося поведения у подростков, можно отнести некоторые особенности характера, которые усматриваются в различных видах деятельности несовершеннолетних, отношении к себе и к окружающим. Например, нежелание учиться или работать, лень, эгоизм, упрямство, легкомыслие, грубость, лживость и пр.

Таким образом, на формирование личности доминирующее влияние оказывают такие факторы, как индивидуально-психологические особенности, социально-экономические условия, культурное окружение, семья, школа, группа сверстников и т. д. Под влиянием социальной среды передается человеческий опыт, формируются определенные потребности, стремления, способы поведе-

ния и жизненные позиции. Для того чтобы снизить число несовершеннолетних с признаками отклоняющегося поведения, необходимо проводить с ними и их родителями комплексные профилактические мероприятия [10, с. 112].

В этой связи первостепенной задачей является включение подростков в общественно полезные виды деятельности, с помощью которых можно будет провести коррекцию их интересов и потребностей. Кроме того, необходимо вести целенаправленную работу с семьями, находящимися в социально опасном положении, в которых воспитываются несовершеннолетние дети, так как именно семья является первым институтом, оказывающим непосредственное влияние на социализацию личности и прививающим ребенку определенные ценностные установки.

1. Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск : Харвест, М. : ООО «Издательство АСТ», 2001. 800 с. [Вернуться к статье](#)
2. Юрчук В. В. Современный словарь по психологии. Минск : Современное слово, 1998. 768 с. [Вернуться к статье](#)
3. Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии : учебник для вузов. М. : Юность, 1996. [Вернуться к статье](#)
4. Терминологический ювенологический словарь / под науч. ред. Е. Г. Слуцкого. М., 2005. URL: <https://yuvnologichesky.academic.ru/13> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)
5. Антонян Ю. М. Социальная среда и формирование личности преступника : учеб. пособие. М., 1975. 160 с. [Вернуться к статье](#)
6. Андреевкова Н. В. Проблема социализации личности // Социальные исследования. 1970. № 3. [Вернуться к статье](#)
7. Психология девиантности. Дети. Общество. Закон : монография / А. А. Реан [и др.]. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 479 с. [Вернуться к статье](#)
8. Кадушкин С. А., Шабанов В. Б., Никишин Е. А. Особенности формирования и причины противоправного поведения несовершеннолетних : учеб.-метод. пособие. Минск : Беспринт, 2011. 54 с. [Вернуться к статье](#)
9. Ковальчук М. А., Тарханова И. Ю. Девиантное поведение: профилактика, коррекция, реабилитация : [пособие]. М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2014. 286 с. [Вернуться к статье](#)
10. Данькова И. В., Перунов М. В. Особенности профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями из неблагополучных семей // Вестн. Могилев. гос. ун-та им. А. А. Кулешова. Сер. Д, Экономика, социология, право. 2018. № 1. С. 105–112. [Вернуться к статье](#)

УДК 34.01

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

А. А. Дыжова

профессор кафедры правовых дисциплин,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
Могилевский институт МВД (Беларусь)
e-mail: anna-d77@bk.ru

Аннотация. За основу при написании статьи взяты результаты социологического опроса молодых граждан республики, проведенного в рамках научно-исследовательской темы «Правовая культура и правовой нигилизм студенческой молодежи: проблемы и пути их решения». Осуществлялся анализ данных по молодежной выборке респондентов в возрасте от 18 до 31 года. В ходе проводимых исследований особое внимание уделялось особенностям формирования правовой культуры студенческой молодежи, изучению проблем их правового воспитания.

Ключевые слова: правовая культура, правовое воспитание, молодежь, мужчины, женщины.

Annotation. The article is based on the results of a sociological survey of young citizens of the republic conducted within the framework of the research topic: «Legal culture and legal nihilism of students: problems and ways to solve them». The analysis of data on the youth sample of respondents aged from 18 to 31 years was carried out. In the course of the research, special attention was paid to the peculiarities of the formation of the legal culture of students, the study of the problems of their legal education.

Keywords: legal culture, legal education, youth, men, women.

Для того чтобы оценить уровень правовой образованности, а исходя из этого — уровень правовой культуры молодых людей, в ходе проводимых исследований мы задали вопрос, насколько хорошо они, по их мнению, знают законы. При этом нами проводился сравнительный анализ данных анкетного опроса, проводимого с 2013 по 2017 год. Как видно из таблицы 1, ответы на поставленный вопрос распределились следующим образом.

Таблица 1 — Распределение ответов на вопрос:
«Хорошо ли Вы знаете законы?», данные за 2013–2015 гг., в %

Категории ответа	Общее распределение
Да, хорошо знаю законы	16,1
Не очень хорошо знаю законы	65,3
Плохо знаю законы	15,1
Затрудняюсь ответить	3,5

Из общей численности опрошенных студентов, 16,1 % считают, что они хорошо знают законы, плохо знают законы — 15,1 % молодых людей. То, что они не очень хорошо знакомы с законодательными актами, отметили 65,3 % молодежи. При этом мы провели оценку знаний основных нормативных правовых актов между юношами и девушками. Результаты отображены в таблице 2.

Таблица 2 — Особенности распределения между юношами и девушками ответов на вопрос: «Хорошо ли Вы знаете законы?», данные за 2013–2015 гг., в %

Категории ответа	Общее распределение	Юноши	Девушки
Да, хорошо знаю	16,1	31,6	4,8
Не очень хорошо знаю	65,3	60,8	69,8
Плохо знаю	15,1	5,5	21,3
Затрудняюсь ответить	3,5	1,9	4,9

Уверены в своих знаниях законов 31,6 % юношей и всего лишь 4,8 % девушек. Если более трети юношей уверены в своих знаниях, то субъективно оценивают знания норм права как хорошие, только пятая часть девушек. При этом в плохом знании законов признаются 21,3 % девушек и лишь 5,5 % юношей. Конечно, самостоятельная оценка уровня знаний норм права юношей и девушек достаточно субъективна, и не всегда совпадает с реальными знаниями. И в жизни, к сожалению, по большей части они не могут применить полученные ими знания на практике и, как следствие, защитить свои права и законные интересы в различных жизненных ситуациях. Полученные данные, конечно же, не могут дать полную оценку сформированности правовой культуры молодых людей, однако однозначно говорят о ее общем уровне. И остается сделать вывод о том, что он совсем невысокий, правовые знания юношей и девушек носят крайне фрагментарный характер.

Мы провели сравнительный анализ данных, полученных в 2013–2015 гг. и в 2016–2017 г. Картина по ряду показателей существенно не изменилась. Изменился ли уровень знаний законов у молодых людей по сравнению с предыдущими результатами исследований, можно увидеть в таблице 3.

Таблица 3 — Распределение ответов на вопрос: «Хорошо ли Вы знаете законы?», данные за 2016–2017 гг., в %

Категории ответа	Общее распределение
Да, хорошо знаю законы	21,0
Не очень хорошо знаю законы	62,0
Плохо знаю законы	13,0
Затрудняюсь ответить	4,0

Из общей численности опрошенных студентов 21 % считают, что они хорошо знают законы, эта цифра за 2013–2015 гг. составляла 16,2 %; плохо знают законы 13 % молодых людей, в прошлых годах — 15,1 %. То, что они не очень хорошо знакомы с законодательными актами, отметили 62 % молодых людей (65,3 % за прошлый год соответственно). При этом мы также провели оценку знаний основных нормативных правовых актов юношей и девушек. Результаты отображены в таблице 4.

Таблица 4 — Особенности гендерного распределения ответов на вопрос: «Хорошо ли Вы знаете законы?», данные за 2016–2017 гг., в %

Категории ответа	Общее распределение	Юноши	Девушки
Да, хорошо знаю	21,0	36,4	10,7
Не очень хорошо знаю	62,0	58,1	63,1
Плохо знаю	13,0	3,1	18,9
Затрудняюсь ответить	4,0	2,3	5,8

Уверены в своих знаниях законов 36,4 % юношей и 10,7 % девушек. Если более трети юношей уверены в своих знаниях, то субъективно оценивают знания норм права как хорошие, только десятая часть девушек. При этом в плохом знании законов признаются 18,9 % девушек и лишь 3,1 % юношей.

Сравнительный анализ по годам показал, что число респондентов, считающих, что они хорошо знают законы, увеличилось с 16,2 до 21 %. При этом среди них как юноши, так и девушки. В свою очередь процентное соотношение девушек увеличилось в два раза. Снизилось и количество молодых людей, указывающих о плохом знании законов (с 15,1 до 13 %). Конечно эти результаты, пусть и с незначительным увеличением числа молодых людей, ответивших о хороших знаниях нормативных правовых актов, не могут не радовать. Но как уже было отмечено ранее, все эти ответы достаточно субъективны.

В ключе анализа данных за 2013–2014 гг. источников получения молодежью правовой информации следует обратиться и к исследованию агентов их правовой социализации, рассмотренных в таблице 5.

Таблица 5 — Распределение ответов на вопрос: «Значимый вклад в Ваше правовое образование и воспитание внесли...», данные за 2013–2014 гг., в %

Агенты социализации	Общее распределение
родители	84,7
преподаватели, учителя, кураторы	70,4
отделы идеологической и воспитательной работы	7,8
общественные организации	4,8
собственное стремление	4,6
студенческие советы самоуправления	3,6
Близкие, друзья	1,8

Примечание. В вопросе можно было отметить несколько вариантов, поэтому сумма по столбцам может составлять более 100 %.

Приведенные данные еще раз подтверждают тот факт, что семья является важнейшим агентом социализации человека, в том числе и правовой. Так, подавляющее большинство (84,7 %) молодых людей отмечают значимый вклад родителей в свое правовое воспитание. Однако зачастую, как мы уже отметили выше, этот процесс заключается не в усвоении норм права, а в понимании обыденных правил поведения, т. е. понимании «что хорошо, а что плохо». Необходимо также помнить, что низкое социальное положение родителей, алкоголизм, конфликты, социальное отчуждение, неполные семьи, девиации в поведении родителей, жестокое обращение с детьми — все это накладывает неизгладимый отпечаток на характер, мировоззрение и социальное поведение ребенка [1, с. 90–97].

Поэтому не менее важную, а иногда и корректирующую функцию в данном процессе выполняет система образования. Важно, чтобы знания, полученные в семье, далее подкреплялись и усовершенствовались. И эту задачу должны взять на себя учреждения образования.

Вторым по значимости агентом является система образования, а точнее учителя и преподаватели. Это отмечают 70,4 % из числа опрошенной молодежи. Интересна также оценка нашими респондентами роли отделов идеологической и воспитательной работы по формированию их правовой культуры. В целом значимость проводимой работы в данном направлении отметили только 7,8 % респондентов нашего региона. Понятно, что сегодня ситуация требует активной, целенаправленной и планомерной работы указанных организаций, направленной на правовое просвещение граждан, формирование высокого уровня правосознания, воспитание уважительного отношения к нормам, традициям и ценностям белорусского общества.

Что касается результатов анализа исследований, проводимых в 2016–2017 гг., то здесь агенты по правовой социализации молодых людей распределились практически таким же образом, что отмечено в таблице 6.

**Таблица 6 — Распределение ответов на вопрос:
«Значимый вклад в Ваше правовое образование и воспитание внесли»,
данные за 2016–2017 гг., в %**

Ранг	Агенты социализации	Общее распределение
1	родители	83,8
2	преподаватели, учителя, кураторы	70,5
3	отделы идеологической и воспитательной работы	6,8
4	общественные организации	4,1
6	студенческие советы самоуправления	2,4
7	близкие, друзья	1,2

Примечание. В вопросе можно было отметить несколько вариантов, поэтому сумма по столбцам может составлять более 100 %.

Как видно из таблицы, процентное соотношение ответов респондентов по годам практически не изменилось. Это указывает, что прочно на первом месте находится семья, далее — преподаватели, о чем мы уже упоминали, а затем уже другие органы и организации. Если изучить более подробно роль преподавателей в правовом образовании, то отметим, что сегодня образовательная среда должна стать базовым элементом формирования правовой культуры и должна обеспечиваться комплексом педагогических условий организации этого процесса. Формирование правовой культуры студентов в условиях современных учебных заведений должно протекать поэтапно. В ходе преподавания правовых дисциплин и дисциплин гуманитарного цикла необходимо особое внимание уделять изучению тех аспектов жизни общества, которые направлены на раскрытие содержания основных прав и свобод личности, на признание права в качестве нормативно закреплённой социальной справедливости, общей меры свободы и равенства граждан.

Интересным для нас был вопрос о том, какую из отраслей права студенты хотели бы изучить более детально при обучении в вузе. Так, проанализировав данные опроса, 40,7 % молодых людей указали гражданское право, из них 52,7 % составили юноши и 32,5 % девушки. И это вполне закономерно, именно гражданское право определяет правовой статус участников гражданско-правовых отношений, порядок и способы защиты нарушенных гражданских прав, общие положения обязательственного права и целый ряд других отношений [2, с. 3].

В качестве второй отрасли было отмечено трудовое право, его указали 39,8 % молодежи, 26,4 % из них составили юноши и 47,6 % — девушки. Как видно, девушек на практике больше интересуют защита их прав не столько в гражданском обществе, сколько возможность защитить свои права в трудовых правоотношениях. Когда молодым людям был задан вопрос, в какой сфере нарушались их права и законные интересы, трудовые отношения указали 30,6 % девушек и 19,4 % юношей.

Далее респонденты выделили уголовное право, его отметили 29,8 % опрошенных молодых людей, из них юноши составили 48,1 %, девушки — 18,4 %, и это тоже вполне закономерно. Проблема преступности мужчин и женщин достаточно сложная и не достаточно изученная. Из многочисленных статистических данных на общую долю преступлений приходятся преступления, совершенные мужчинами [3, с. 122–128].

Такую отрасль, как административное право, отметили 26 % респондентов, юноши составили 41,9 %, девушки — 16 %. Именно административное право регулирует общественные отношения в сфере деятельности исполни-

тельной власти. Далее идет семейное право, данную отрасль отметили 19,4 % юношей и 26,2 % девушек.

Исходя из вышеизложенного и анализа данных социологического опроса, очевидно, что необходимо продолжать разработку и применение целого комплекса методов по повышению правовой культуры молодежи, при этом уровень их правовой культуры во многом зависит от доступности правовых знаний, от возможности в полном объеме удовлетворения их потребности в юридической информации. Наряду с изучением правовых дисциплин нужно организовывать посещение открытых судебных заседаний, проводить «круглые столы» и встречи с представителями правоохранительных органов и должностными лицами. Все проводимые мероприятия позволят восполнить пробелы в знаниях о праве юношей и девушек.

1. Дыжова А. А. Правовая социализация и правовое образование молодежи – научный подход // Věda a technologie: krok do budoucnosti – 2013 : Materiály IX mezinárodní vědecko-praktická conference. Díl 10. Pedagogika. Praha : Publishing House «Education and Science» s.r.o. 104 stran. С. 90–97. [Вернуться к статье](#)

2. Скобелева Ю. В., Почтарев А. Г. Гражданское право : методическое пособие для студ. специальностей 1-20.01.07 «Экономика и управление на предприятии», 1-96. 01.01 «Таможенное дело». Минск : БНТУ, 2008. 65 с. [Вернуться к статье](#)

3. Дыжова А. А. Гендерные особенности формирования правовой культуры современной белорусской молодежи // THESAURUS : зб. навук. прац. Вып. 4. Магілеў, 2017. С. 122–128. [Вернуться к статье](#)

УДК 378.6:343.83

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ, СОДЕРЖАЩИМИСЯ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ

Т. И. Егорова

старший преподаватель кафедры уголовного права,
Академия ФСИН России
e-mail: madamti62@yandex.ru

О. И. Сочивко

преподаватель кафедры психологии
профессиональной деятельности в УИС,
Академия ФСИН России
e-mail: sochivkoolga@mail.ru

Аннотация. Автором обращается внимание на необходимость совершенствования психокоррекционных программ для несовершеннолетних, содержащихся в следственном изоляторе. Обосновывается необходимость расширения возможностей воспитательного воздействия. Определяются особенности и направления рассматриваемого процесса.

Ключевые слова: воспитательная работа, несовершеннолетние, следственный изолятор, деструктивное поведение, личность, тюремные традиции.

Annotation. The author draws attention to the need to improve the psychocorrectional programs for minors contained in the detention facility. It justifies the need to expand educational opportunities. Identifies the features and directions of the process.

Keywords: educational work, minors, detention center, destructive behavior, personality, prison traditions.

Несовершеннолетние являются особой категорией лиц, находящихся в СИЗО по подозрению или обвинению в совершении преступлений, а также подсудимых по находящимся в производстве судов уголовным делам. Их исключительный статус связан с особенностями психо-эмоционального и физиологического развития детского организма.

Международное законодательство, как и национальное право, содержит специальные правила в отношении детей, находящихся в заключении [1, с. 60]. Пластичность личности несовершеннолетнего, низкая устойчивость в адаптационном процессе способны вызвать негативные последствия пребывания несовершеннолетнего в условиях изоляции от общества. Указанные обстоятельства имеют субъективно-объективный характер и могут быть связаны со сложностями усвоения режимных требований, а также насаждением негласных традиций и обычаев.

Такие тюремные «традиции», как «прописка» или подразделение на касты ставят несформированного подростка в «ступор», а соблюдение тюремных

законов не оставляют личности потенциала для разностороннего развития. Нельзя упускать тот момент, что возможно получение несовершеннолетним негативного результата «прописки», который заключается в определении его к низшей касте. Зачастую, несовершеннолетние в криминальной среде пытаются приобрести высокий статус именно на фоне отсутствия в их жизни семьи и позитивного опыта педагогического воздействия.

Содержащиеся в следственном изоляторе несовершеннолетние сталкиваются со множеством сложностей, проявляющихся в отношениях между заключенными. Склонность неокрепшей психики воспринимать обстоятельства с позиции юношеского максимализма существенно усложняет задачу предупреждения распространения в подростковой среде негативных неформальных обычаев и связанного с этим деструктивного поведения.

Воспитательная работа с несовершеннолетними, содержащимися в следственном изоляторе, для практического психолога рассматривается, по крайней мере, с двух позиций. Во-первых, подобная деятельность направлена на первичное ознакомление с особенностями личности несовершеннолетнего, причинами, обусловившими совершение преступления, его отношением к содеянному, исследование адаптационных возможностей, интеллекта, других качеств, способствующих или препятствующих успешности воспитательного воздействия. В связи с этим обеспечивается психолого-педагогическое сопровождение пребывания лица в следственном изоляторе. Во-вторых, происходит выявление несовершеннолетних с признаками дезадаптации, оценка их интеллектуально-волевых качеств. В данном случае определяются возможности и способы профилактики девиантного или суицидального поведения.

При проведении бесед с несовершеннолетними, содержащимися в следственном изоляторе, необходимо учитывать: 1) специфику подросткового периода со склонностью к максимализму, недостатком жизненного опыта, доверчивостью либо повышенной настороженностью; 2) степень знакомства с криминальной средой, отношение к ней, характер совершенного преступного преступления, наличие или отсутствие искреннего раскаяния за совершенное посягательство, отношение к родным и близким, к своим ровесникам, сотрудникам и администрации следственного изолятора; 3) степень эмоциональной лабильности; 4) степень объективности самооценки; 5) пессимистическую оценку перспектив на будущее; 6) неумение оценивать свои жизненные ресурсы; 7) негативизм, недоверие к психологу как «стукачу», представителю «аппарата подавления», администрации следственного изолятора.

Стоит отметить, что профилактические воспитательные беседы психологов с несовершеннолетними, содержащимися в следственных изоляторах, благотворно влияют на указанных лиц.

На сегодняшний день практическим психологом следственного изолятора наиболее часто используются различные комбинации методов психологической групповой и индивидуальной работы. Групповая работа осуществляется с использованием психологических программ: «Формирование установок для неприятия криминальной субкультуры» (8 занятий); «Смысл» (с целью оптимизации процесса ресоциализации несовершеннолетних); «Раненая птица» (с целью профилактики суицидального поведения). Индивидуальная работа выполняется с применением средств арт-терапии; метафорических карт; упражнений на снятие эмоционального напряжения и т. д. [2, с. 114].

Профилактика деструктивного поведения несовершеннолетних в следственных изоляторах является крайне полезной и нужной уголовно-исполнительной системе. Данная деятельность предусматривает постоянное совершенствование программ психологической работы с несовершеннолетними (подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными) для более качественного изучения личностных особенностей несовершеннолетних.

1. Егорова Т. И. Уголовно-правовая характеристика осужденных к лишению свободы // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом : сб. тезисов выступлений и докладов участников Междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2018. С. 59–64. [Вернуться к статье](#)

2. Сочивко О. И. К вопросу о профилактике суицидов у несовершеннолетних в следственном изоляторе // Прикладная юридическая психология. 2018. № 1. С. 112–116. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

РОЛЬ НОТАРИАТА В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

А. А. Жолудев

ведущий ревизор управления,

Министерство экономики Республики Беларусь

e-mail: aleksey_zholudev@mail.ru

Аннотация. *Нотариат является одним из базовых элементов современного государства, без которого невозможно построить качественную правовую систему. Республика Беларусь выбрала путь по развитию правового государства, что, в свою очередь, предполагает значительную работу по повышению уровня правовой культуры населения.*

Ключевые слова: *нотариат, нотариус, институт нотариата, правовая культура, правовое просвещение, нотариальная деятельность.*

Annotation. *The notary system is one of the basic elements of the modern state, without which it is impossible to build a high-quality legal system. The Republic of Belarus has chosen the path for the development of a legal state, which, in turn, implies significant work to improve the legal culture.*

Keywords: *notary, notary, institute of notaries, legal culture, legal education, notarial activities.*

Наше общество в настоящее время живет в эпоху глобализации, которая охватывает все сферы человеческой деятельности, в том числе и правовую жизнь. Развитие рынка, формирующиеся новые экономические отношения требуют интеграции в деятельности всех правовых институтов, в том числе и нотариата.

Статья 2 Конституции Республики Беларусь гласит, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Участники гражданских правоотношений для реализации своих прав и обязанностей могут обращаться в правоохранительные институты, среди которых именно нотариат занимает важнейшее место.

Нотариат является одним из базовых элементов современного государства, поскольку без нотариата невозможно построить такую правовую систему, которая будет отвечать высоким стандартам защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Республика Беларусь выбрала путь по развитию прогрессивного правового государства, что, в свою очередь, предполагает значительную работу по повышению уровня профессионального правосознания и правовой культуры населения государства.

Правовая культура — качественное состояние правовой жизни личности и общества, выражающееся в практике правового регулирования, а также во всей деятельности государства и общества по созданию, реализации и обеспечению права.

Правовая культура функционирует на уровне общества в целом, различных социальных групп и организаций, а также отдельной личности. Формирование правовой культуры личности связано с правовым воспитанием, которое предполагает перевод правовых ценностей, идеалов общества в сферу личностного сознания и реализацию их в деятельности. Весьма важной составляющей правового воспитания является правовая информированность человека.

Нормативной основой для развития системы правового просвещения населения, помимо норм Конституции Республики Беларусь, является Закон Республики Беларусь «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь», а также постановление Министерства юстиции Республики Беларусь «О некоторых вопросах правового просвещения населения», где определяется, что правовое просвещение граждан осуществляется посредством организации и проведения системы мероприятий, направленных на обеспечение и защиту прав и законных интересов граждан, заключающихся в правовом информировании и консультировании, оказании некоторых видов юридической помощи отдельным категориям граждан адвокатами, нотариусами, работниками системы органов принудительного исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов, работниками юридических служб организаций, лицами, имеющими специальные разрешения (лицензии) на право осуществления деятельности по оказанию юридических услуг, иными лицами в пределах их компетенции, определенной законодательством [1].

Что касается Закона Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности», то данным нормативным правовым актом предусматривается, что одними из задач нотариата являются: обеспечение защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, государственных интересов путем совершения нотариальных действий; оказание юридической помощи в порядке, установленном законодательством и формирование уважительного отношения к закону. Таким образом, нотариат участвует в формировании правового государства путем разъяснения законодательства и формирует правовую культуру различных слоев общества.

Нотариат является одной из основ экономической и социальной структур государства, институтом, призванным поддерживать юридический порядок и предупреждать правовые конфликты. Он решает самые насущные и ежедневные юридические вопросы населения. Одной из важнейших и неизменных

функций нотариата является превентивная функция, состоящая в предотвращении возникновения споров посредством правильного формирования гражданско-правовых отношений путем удостоверения документов. Нотариус должен добросовестно и разумно регулировать правоотношения между людьми и тем самым способствовать сокращению числа судебных процессов.

В настоящее время в нашем обществе вряд ли кто сомневается в крайней необходимости существенного повышения уровня культуры в целом и правовой культуры в частности [2].

В настоящее время в Республике Беларусь, к сожалению, правовая культура населения находится на низком уровне. Граждане нашей страны плохо владеют правовой основой для решения ежедневно возникающих насущных вопросов. Для решения этой задачи в нашей стране и действует институт нотариата, призванный эффективно помогать населению в подобного рода вещах.

Профессиональная деятельность нотариусов призвана создавать условия для эффективной реализации норм права физическими и юридическими лицами, защиты их законных интересов путем совершения нотариальных действий и законодательного удостоверения документов и таким образом защищать права от возможных нарушений в будущем.

Вместе с тем стоит отметить, что нотариусы не ограничиваются только удостоверением документов, они также проводят правовую экспертизу всех условий соглашения, разъясняют лицам необходимые факты совершения той или иной сделки, предупреждают о ее правовых последствиях, а также проверяют ряд других немаловажных обязательств, что снижает риски и способствует повышению правовой культуры обратившихся к ним за правовой помощью лиц.

Несомненно, формирование правовой культуры личности и общества связано с созданием качественной системы правового обслуживания, в том числе правового информирования населения. С этой целью в нашей стране нотариусами проводятся дни бесплатного консультирования, когда каждый желающий может обратиться за разъяснением интересующих его вопросов, также нотариусами принимается участие в тематических семинарах, лекциях и беседах по вопросам правового просвещения населения, организуются публикации в печатных средствах массовой информации, глобальной сети Интернет и выступления на телевидении.

Значимость и ценность правового просвещения и повышения правовой культуры человека трудно переоценить, ведь большое число правовых конфликтов проще предупредить заранее, чем решать уже возникшие.

Таким образом, нотариат сегодня занимает достойное и необходимое место в формировании правовой культуры личности и общества в Республике Бе-

ларусь, он обеспечивает юридическую безопасность, предотвращает споры о праве и охраняемых законом интересах в сфере гражданского оборота, предупреждает совершение правонарушений и занимается правовым воспитанием населения, чем в полной мере выполняет свою социальную роль [3, с. 12].

Правовое просвещение между тем требует скрупулезной и системной работы. Деятельность нотариата по повышению правовой культуры населения должна совершенствоваться и расширяться. Необходимо изучать правовой опыт других стран в данном вопросе с целью выработки новых форм и методов работы по формированию правовой культуры личности и общества. Лишь систематическая, полная и хорошо организованная работа по правовому просвещению населения сможет повысить правовую культуру всего государства в целом, что будет способствовать развитию и эффективному функционированию гражданского общества в Республике Беларусь.

1. О некоторых вопросах правового просвещения населения [Электронный ресурс] : постановление М-ва юстиции Респ. Беларусь, 19 нояб. 2010 г., № 98. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

2. Дробязко С. Г. Понятие правовой культуры и основные направления повышения ее уровня в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества // Проблемы формирования и развития правовой культуры белорусского общества : материалы круглого стола, 3–5 февр. 2005 г. / МИТСО. Минск, 2005. С. 10. [Вернуться к статье](#)

3. Кирвель И. Ю. Нотариат и нотариальная деятельность : учеб. пособие. Минск : Адукацыя і выхаванне, 2015. 336 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.114:37

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Е. А. Зорченко

доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
e-mail: lenkazor48@mail.ru

Аннотация. Обосновывается необходимость среди составляющих воспитания в образовательном процессе, зафиксированных в статье 18 Кодекса об образовании Республики Беларусь, назвать и правовое воспитание, которое, имея в арсенале правовые формы, средства, методы, опираясь на законодательство, юридическую практику, пронизывает все сферы социальных связей человека, урегулированных правом.

Ключевые слова: правовое воспитание, правовая культура, образовательный процесс, государственно-правовые ценности, гражданское общество, правовое государство.

Annotation. It justifies the need among the components of education in the educational process, fixed in Article 18 of the Education Code of the Republic of Belarus, to name legal education, which, having in its arsenal legal forms, means, methods, relying on legislation, legal practice, permeates all spheres of human social relations, settled by law.

Keywords: legal education, legal culture, educational process, state and legal values, civil society, legal state.

Естественное право человека на образование — важнейшее в перечне его прав и свобод второго поколения. Оно провозглашено в таких международно-правовых документах, как Всеобщая декларация прав человека, принятая и провозглашенная резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [1, ст. 26], и Международный пакт о социальных, экономических и культурных правах, принятый и открытый для подписания, ратификации и присоединения резолюцией 2200А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г., вступившего в силу 3 января 1976 года [1, ст. 13]. Это дало импульс для имплементации норм международного права в национальное законодательство. Конституция Республики Беларусь не только зафиксировала право человека на образование [2, ст. 49], но и предопределила создание нормативной базы для его развития и детализации в отраслевом законодательстве. Кодекс Республики Беларусь об образовании — первый комплексный кодифицированный акт в данной сфере [3].

Легальное определение таких категорий, как «образование», «образовательная деятельность», «образовательный процесс», базируется на единстве двух социальных институтов — «обучение» и «воспитание». Так, образование

предполагает «обучение и воспитание в интересах личности, общества и государства», образовательная деятельность включает «деятельность по обучению и воспитанию, осуществляемую учреждением образования», образовательный процесс — «обучение и воспитание, организованные учреждением образования» [3, ст. 1].

Такое взаимодействие обучения и воспитания является аксиоматичным, поскольку обучение, преимущественно направленное на развитие информационно-познавательного сегмента культуры человека, в частности его знаний, практических умений и навыков, не может не поддерживаться одновременно осуществляемым процессом формирования духовно-нравственного, ценностного компонента личности. Только в совокупности приобретенных знаний и ценностных ориентаций обучающего решаются такие основополагающие принципы государственной политики в сфере образования, как приоритет общечеловеческих ценностей, прав человека, формирования у граждан современной информационной базы для успешного осуществления различных видов деятельности.

Вполне логично, что Кодекс об образовании содержит отдельную статью, определяющую место воспитания в системе образования и регламентирующую цели, задачи, причины, основные требования, предъявляемые к воспитательному процессу, его основные составляющие [3, ст. 18]. Однако в перечне видов воспитания не зафиксировано такое его направление, как правовое воспитание, в то время как законодатель довольно подробно осуществляет дифференциацию воспитания, включая в него гражданское и патриотическое, идеологическое и нравственное, эстетическое, гендерное, здорового образа жизни, семейное, трудовое и профессиональное, экологическое, культуры быта и досуга и др. Вместе с тем юриспруденция и практика идеологического воздействия выделяют правовое воспитание как самостоятельную, самодостаточную сферу воспитательного процесса, имеющую собственную систему, субъектов, объектов, средства, методы, формы и другие системообразующие составляющие.

Правовое воспитание имеет собственную специфику, определяющую его ведущее место в системе воспитания, которое обусловлено ролью права, прав человека, сферы правового регулирования, правоотношений и других правовых явлений, которые в большей степени являются не столько самостоятельными видами общественных институтов, сколько всеобщей, универсальной формой урегулирования экономических, политических, культурных и всех других социально значимых отношений.

В этой связи правовое воспитание является не некой изолированной сферой воспитательного воздействия, а пронизывает все социальные связи человека, поэтому оно многофункционально, многофакторно и существует как идео-

логический фактор формирования не только правовой, но и политической, экономической, религиозной, информационной культуры, нравственных, эстетических, семейных, трудовых и других ценностей правовыми средствами.

Современный концепт правового воспитания в основном сформировался в 70–80 гг. прошлого столетия и был сформулирован советскими теоретиками права, которые исследовали проблемы правовой социализации, правосознания, правовой культуры, деформаций правосознания (Е. В. Аграновская, В. П. Казимирчук, В. И. Каминская, Н. М. Кейзеров, О. А. Красавчиков, В. Н. Кудрявцев, Е. А. Лукашева, А. Р. Ратинов, В. П. Сальников, А. П. Семитко, Н. Я. Соколов и др.). В Беларуси теория правового воспитания получила развитие в трудах В. Н. Бибило, Е. В. Борщевой (Боровой), И. Л. Вершок, В. В. Головченко, Н. А. Горбатка, Е. М. Ефременко, Е. А. Зорченко, В. Г. Тихини, Н. М. Юрашевич и др.

В современных условиях провозглашение Беларусью государственного суверенитета, верховенства права, правового законодательства, восприятия в юриспруденции непозитивистского типа правопонимания теория правового воспитания развивается в направлении уточнения прежде всего его целевых характеристик. И в этой связи следует признать, что цель правовоспитательного процесса, понимаемого как планируемая, систематическая, организованная деятельность субъектов воспитания в отношении объекта [4, с. 295], реализуется в двух направлениях, во-первых, «улучшение» самой личности, во-вторых, «улучшение» общества и государства. И в данном контексте человек как единственный объект воспитательного воздействия все более превращается в активного субъекта, влияющего и корректирующего его. Так, в советский период стратегической целью правового воспитания являлось в основном формирование законопослушного поведения, т. е. стереотипного, не влекущего нарушения законодательства, соответственно, и тактические цели, которые ставились перед конкретными правовоспитательными мероприятиями, решали в основном задачу профилактики правонарушений. Современная юриспруденция связывает правовоспитательные цели с совершенствованием экономических, политических, социальных и духовных ценностей посредством стабильного, беспробельного, неколлизионного правового законодательства, эффективной правоприменительной и правотворческой деятельности, своевременной систематизации законодательства, развитой системы юридического образования, доступных средств правовой коммуникации.

В этой связи «улучшение» личности достигается посредством формирования ее правовой культуры. Во-первых, через формирование комплексных, системных, истинных, научных и практических знаний о правах человека вообще и собственном правовом статусе, о механизме защиты прав и свобод, о возмож-

ностях участия в формировании органов государственной власти и контроле за их деятельностью и т. д. Посредством юридического образования и вовлечения субъекта в государственно-правовую практику он получает юридические знания, позволяющие ему пользоваться специальным юридическим инструментарием во всех сферах правового регулирования. Во-вторых, поскольку юридические знания сами по себе не коррелируются с правомерным и социально-активным поведением, то следующей задачей правовоспитательного воздействия является формирование оценочного, ценностно-ориентирующего компонента правовой культуры. Наиболее значимыми правовыми чувствами являются такие, как уважение к правовому законодательству, правам человека, солидарность с государственной политикой, чувство ответственности, законности, дисциплины и др. Важно отметить, что этот компонент в большей степени формируется в процессе правовой социализации и государственно-правовой практики. В-третьих, «улучшение» личности осуществляется и в процессе формирования ее готовности и навыков участия в различных сферах жизнедеятельности посредством использования законодательства, предыдущего юридического опыта, потребностей участия в правовой деятельности, т. е. посредством формирования и закрепления установок на социально значимое правовое поведение. Закрепление навыков позитивного поведения в правовой сфере осуществляется посредством создания правовых условий для развития инициативы, предприимчивости, творчества, самостоятельности, ответственности личности во всех сферах ее жизнедеятельности, развития юридических институтов поощрения, гарантий, стимулирования.

Личность с такими надежно сформированными юридическими знаниями, развитыми ценностно-правовыми ориентациями, чувствами, установками на самоорганизацию с правовыми средствами, потребностью участвовать в правовой деятельности позволяет «улучшать» и государство, и гражданское общество. Это взаимодействие осуществляется в сфере укрепления правовой государственности, правового порядка, поддержания институтов гражданского общества, участия в правотворческом процессе по созданию эффективного законодательства, реализации непосредственных форм демократии и других проявлениях правового государства, где человек, «его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства» [2, ст. 2].

В данном контексте следует признать, что важнейшим воспитательным фактором является качество государственно-правовой политики, которая в большей степени проявляется для личности как правовая социализация, т. е. объективно существующая государственно-правовая данность вокруг человека [4, с. 295]. Наиболее актуальными ее проявлениями можно считать следующие:

- борьба с коррупцией и реальная профилактика правонарушений;
- стабильность законодательства, внедрение «золотого» правила юридической техники «меньшими средствами — большего результата», минимизация объема законодательства, его своевременная систематизация;
- активное внедрение для частного сектора общедозволительного принципа правового регулирования «можно все, что не запрещено», а также расширение сферы реализации уведомительного принципа; использование наряду с обязывающими и запрещающими правовыми нормами управомочивающих, которые в большей степени стимулируют активность, инициативу личности;
- повышение профессиональной правовой культуры государственных служащих.

Цели современного правового воспитательного воздействия лежат в плоскости формирования желаемой модели развития человека, его гражданского общества и самого государства, причем именно в такой последовательности данные ценности обозначены в Конституции Республики Беларусь [2, гл. II]. Это проистекает из потребностей человека, одновременно проявляемого в ипостасях личности и гражданина в единстве его частноправовых и публично-правовых социальных связей гражданского общества и государства.

Характеризуя правовую культуру личности как цель правового воспитания, необходимо отметить, что закономерностью ее функционирования является то, что правовая культура сформировалась вчера, реализуется сегодня и дает возможность предсказать тенденции развития завтра, т. е. это процесс перманентный. В этой связи следует констатировать, что свободная, образованная, инициативная, творческая, ответственная личность является целью и одновременно средством дальнейшего развития правовой государственности, поддержания и стимулирования гражданского общества.

Таким образом, проведенный в исследовании анализ правового воспитания как ценностного компонента образовательного процесса позволил обосновать необходимость среди составляющих воспитания в образовательном процессе, зафиксированных в статье 18 Кодекса об образовании Республики Беларусь, назвать и правовое воспитание, самодостаточность которого доказывается юриспруденцией и идеологической практикой. Это не изолированная форма воспитательного воздействия. Имея в арсенале правовые формы, средства, методы, опираясь на естественные права человека, законодательство, юридическую деятельность, она пронизывает все сферы социальных связей человека и влияет на формирование экономической, политической, информационной культуры, нравственных, трудовых, семейных и других ценностей правовыми средствами. Целью правового воспитания в образовательном процессе является подготовка личности к ответственному и инициативному взаимодействию как с

самоуправляемыми институтами гражданского общества, так и с системой публичных институтов демократического правового государства.

1. Права человека: сборник международно-правовых документов / сост. В. В. Щербаков. Минск : Белфранс, 1999. 1134 с. [Вернуться к статье](#)
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принят. на респ. Референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 8-е изд., стер. Минск : Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь, 2012. 64 с. [Вернуться к статье](#)
3. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 13 янв. 2011 г., № 243-З : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред. от 18 июля 2016 г. № 404-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
4. Зорченко Е. А., Полящук Н. А., Юрашевич Н. М. Правосознание и правовая культура // Теория государства и права : пособие ; под общ. ред. Н. М. Юрашевич. 2-е изд., испр. и доп. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2013. С. 290–301. [Вернуться к статье](#)

УДК 34.343

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

А. М. Клим

доцент кафедры конституционного и административного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
e-mail: anatoly_klim@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается сущность антикоррупционного воспитания и образования, отражена их роль в системе мер борьбы с коррупцией. Описывается взаимосвязь рассматриваемых понятий с правовой культурой, показано их влияние на формирование антикоррупционного мировоззрения, а также нетерпимого отношения к коррупции в обществе.

Ключевые слова: антикоррупционное образование и воспитание, противодействие коррупции, правовая культура, антикоррупционное поведение, антикоррупционное правосознание.

Annotation. The article reveals the essence of anti-corruption education and their role in the system of anticorruption measures. The article describes the relationship of the concepts under consideration with the legal culture, shows their impact on the formation of anticorruption worldview, as well as intolerant attitude to corruption in society.

Keywords: anticorruption education and upbringing, fight against corruption, legal culture, anticorruption behaviour, anticorruption legal consciousness.

Проблема противодействия коррупции не перестает быть актуальной как для всего мирового сообщества, так и для Республики Беларусь уже на протяжении целого ряда десятилетий. Пагубные последствия данного негативного социального феномена очевидны: коррупция размывает такие важнейшие конституционные принципы консолидации нашего общества, как принцип социальной справедливости и равенства всех перед законом, представляет реальную угрозу для стабильности и безопасности белорусской государственности, подрывает демократические устои и ценности, доверие народа к власти, порождает оправдательную философию «мздоимства», дискредитирует рыночные механизмы конкуренции и борьбы с монополизмом в экономике.

В этой связи Республика Беларусь, как и многие другие современные государства, проделала определенную работу по становлению и развитию антикоррупционной политики [1]. Вместе с тем вопрос о совершенствовании и повышении эффективности системы мер по предупреждению коррупции, прежде всего в целях устранения причин и условий коррупционных правонарушений, снижения уровня коррумпированности общества, а также улучшения организа-

ции профилактической работы в государственных органах и организациях по данному направлению, не теряет своей значимости и сегодня. Новая редакция Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 15 июля 2015 г. № 305-З расширила систему мер по борьбе с коррупцией (ст. 5) [2], которую можно представить как комплекс мероприятий социального, организационно-управленческого, контрольно-надзорного, экономического, криминологического, правоприменительного и иного характера, направленных на предупреждение, выявление коррупционных проявлений, устранение их негативных последствий.

Среди этого разнопланового законодательного многообразия определены и такие как проведение мероприятий по информированию населения, способствующих созданию атмосферы нетерпимости в отношении коррупции (антикоррупционное образование и воспитание), а также организация антикоррупционного обучения государственных должностных лиц и лиц, обучающихся в учреждениях образования. Их реализация связана с повышением уровня правовой культуры граждан и одновременно с формированием в обществе нетерпимости к коррупционному поведению. Общеизвестно, что низкий уровень правосознания и правовой культуры всего населения формирует общий деструктивный фон для развития коррупции, способствует распространению коррупционных правонарушений.

Вначале охарактеризуем термин «антикоррупционное воспитание», который в научной литературе достаточно подробно описан. Несмотря на наличие многообразных дефиниций этого понятия, его сущность сводится к тому, чтобы в процессе целенаправленной систематической деятельности сформировать и развить у обучаемых антикоррупционное мировоззрение, повысить уровень правосознания и правовой культуры, ориентировать на общественно полезное антикоррупционное поведение и подготовить их к антикоррупционной деятельности. Именно в этом заключаются основные задачи антикоррупционного воспитания, а одной из сложных и важных задач является формирование и развитие антикоррупционного правосознания. По нашему мнению, антикоррупционное правосознание является видом правосознания, которое формируется в процессе функционирования и развития современного общества у отдельных индивидов, социальных и профессиональных групп, гражданского общества и государства в целом под воздействием необходимости преодоления коррупционных явлений в обществе и предметно направлено на борьбу с этим социальным явлением, правовыми средствами и методами [3, с. 283].

Формами антикоррупционного воспитания являются: антикоррупционное образование и просвещение, антикоррупционная пропаганда и реклама, информационно-аналитическая работа на интернет-ресурсах, проведение различных

мероприятий антикоррупционной направленности (семинары, совещания, конференции, круглые столы и т. д.) и др. В Законе Республики Беларусь от 04.01.2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», в котором правовое просвещение граждан рассматривается в качестве меры общей профилактики, предусмотрены основные формы и способы его реализации, в том числе:

- конференции, круглые столы, семинары, лекции и выступления по вопросам профилактики правонарушений, в том числе в коллективах работников (учащихся, военнослужащих) и по месту жительства граждан;

- размещение (распространение) информации, направленной на формирование законопослушного поведения и здорового образа жизни граждан, в общественных местах, зданиях (помещениях) организаций, средствах массовой информации, в том числе распространяемых с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, на официальных сайтах субъектов профилактики правонарушений и иных организаций [4].

В отличие от антикоррупционного воспитания антикоррупционное образование представляет собой целенаправленный процесс обучения антикоррупционному поведению и антикоррупционной деятельности, реализуемый компетентными образовательными учреждениями [5, с. 39].

Основными целями антикоррупционного образования являются формирование антикоррупционного мировоззрения, прочных нравственных основ личности, гражданской позиции и устойчивых навыков антикоррупционного поведения. В их реализации велика роль в первую очередь системы высшего образования. Это объясняется следующими причинами. Во-первых, здесь сосредоточена значительная часть интеллектуального потенциала страны, которая могла бы исследовать различные аспекты коррупции и предложить научно обоснованные рекомендации борьбы с ней; во-вторых, вузы воспроизводят кадровый и интеллектуальный потенциал, определяющий будущее развитие страны.

Исходя из вышеуказанных целей антикоррупционного образования, целесообразно очертить его основные направления. На наш взгляд это:

- преодоление правового нигилизма (уважение к закону должно стать определяющим принципом в деятельности не только должностных лиц, но и каждого гражданина);

- информирование обучающихся о многоликости коррупции как социального явления;

- формирование осознанного восприятия и отношения к коррупции (нравственное отторжение коррупционного поведения, коррупционной морали и этики);

– освоение навыков, необходимых для борьбы с коррупцией (создание антикоррупционного стандарта поведения; причем противодействие коррупции должно носить не только пассивный характер — не приемлю и не участвую в коррупционных деяниях, но и активный — борюсь с любыми проявлениями коррупции в нашем обществе);

– антикоррупционная пропаганда и распространение идей законности и уважения к закону;

– деятельность, направленная на понимание природы коррупции, осознание социальных потерь от ее проявлений, умение аргументированно защищать свою позицию, умение искать пути преодоления проявлений коррупции.

Изучение международного опыта показывает о целесообразности и необходимости внедрения антикоррупционного образования на всех образовательных уровнях: от дошкольного образования до высшего. Уже с детских лет предпринимаются попытки сформировать у детей правосознание и нетерпимость к коррупционным проявлениям. Такой подход является оправданным и должен системно и повсеместно внедряться и в нашей стране. Антикоррупционное образование на этапе общего среднего образования в основном сводится к ряду следующих мероприятий: проведение классных часов, на которых обсуждаются проблемы, связанные с наличием коррупции в стране, доводится система правовых мер по противодействию коррупционным проявлениям. В рамках вузовского образования (в зависимости от профиля обучения), помимо различного рода факультативных занятий и спецсеминаров, предусмотрены специальные дисциплины, посвященные отдельным аспектам коррупционных проявлений.

С сентября 2015 г. в образовательном процессе Академии управления при Президенте Республики Беларусь появилась новая учебная дисциплина «Противодействие коррупции», целью которой является формирование у слушателей (студентов, магистрантов) системы компетенций, необходимых для устойчивого негативного отношения к любым формам и проявлениям коррупции, а также активное участие в антикоррупционной политике, проводимой государственными органами и общественными объединениями Республики Беларусь. В 2016 г. Научно-практическим центром укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь (далее — НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь) подготовлено и издано учебное пособие «Противодействие коррупции» [3], являющееся первым в Республике Беларусь учебным изданием идеологического характера, в котором представлены национальные приоритеты и достижения Республики Беларусь в осуществлении антикоррупционной политики. В настоящее время НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь проводит работу по изданию нового учебного пособия

по дисциплине «Противодействие коррупции», целью которого является донести до широкого круга читателей в сжатой форме основные положения антикоррупционного законодательства Республики Беларусь с учетом тех изменений и дополнений, которые произошли за последние годы.

Согласно Решению республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией от 21 декабря 2018 г. планируется обеспечить повышение уровня антикоррупционного образования граждан, разработать и внедрить в 2019–2020 гг.:

- специальные программы антикоррупционного обучения во всех учебных заведениях республики, обеспечивающих получение среднего специального и высшего образования;
- систему подготовки (переподготовки) специалистов, обеспечивающих закупочную деятельность, членов комиссий по противодействию коррупции, работников кадровых и иных служб;
- методику обязательной проверки знаний кандидата, поступающего на государственную службу, в области антикоррупционного законодательства.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие основные выводы.

Антикоррупционное образование и воспитание являются неотъемлемым компонентом идеологического характера в системе мер борьбы с коррупцией, а их главной задачей следует считать формирование антикоррупционного правосознания и повышение уровня правовой культуры общества.

Низкий уровень правосознания и правовой культуры всего населения формирует общий деструктивный фон для развития коррупции, способствует распространению коррупционных правонарушений.

Повышение уровня правовой культуры общества как один из компонентов профилактики коррупции должен выражаться в умении:

- использовать те или иные положения законодательства и определять сферу их действия;
- применять положения антикоррупционного законодательства;
- использовать нормы права для защиты своих прав и интересов.

1. Клим А. М. Опыт Республики Беларусь по реализации государственной политики в области противодействия коррупции: организационно-правовой аспект // Актуальные вопросы разработки и применения современных практик реализации государственной политики в области противодействия коррупции : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 25 нояб. 2016 г. / Челябинск. филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» ; [отв. ред.: С. Г. Зырянов]. Ч. 1. Челябинск : Челябинский филиал РАНХиГС, 2017. С. 41–50. [Вернуться к статье](#)

2. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 1 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Противодействие коррупции = Combating corruption : учеб. пособие / Н. А. Бабий [и др.] ; под общ. ред. А. В. Конюка. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2016. 498 с. [Вернуться к статье](#)

4. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Годунов И. В. Азбука противодействия коррупции. М. : Акад. Проект, 2012. 296 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 17.022.1+351.74

ИМИДЖ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

А. С. Ковальчук

курсант 3-го курса факультета милиции,

Могилевский институт МВД (Беларусь)

e-mail: k99nastya.kowaltschuk@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретических аспектов формирования имиджа сотрудников органов внутренних дел. Рассматриваются понятия «имидж», «имидж сотрудника органов внутренних дел», отражено общественное мнение к имиджу сотрудников, представлена авторская структурная модель имиджа сотрудника органов внутренних дел, что важно для разработки критериев оценки и направлений формирования имиджа.

Ключевые слова: имидж, органы внутренних дел, имидж сотрудника органа внутренних дел, общественное мнение.

Annotation. The article is devoted to the study of theoretical aspects of the formation of the image of employees of the internal Affairs bodies. The concepts of «image», «image of the employee of the internal Affairs bodies» are considered, public opinion to the image of employees is reflected, the author's structural model of the image of the employee of the internal Affairs bodies is presented, which is important for the development of evaluation criteria and directions of image formation.

Keywords: image, internal Affairs bodies, image of the employee of the internal Affairs body, public opinion.

Приоритетным направлением совершенствования правоохранительной сферы в современных реалиях выступает создание современной и эффективной правоохранительной системы в Беларуси, повышение профессионализма сотрудников правоохранительных органов, формирование позитивного отношения общества к субъектам правоохранительной деятельности. Одним из направлений кадровой политики Министерства внутренних дел Республики Беларусь является деятельность по складыванию положительного имиджа сотрудника органов внутренних дел. Актуальность исследования содержания и характеристик имиджа сотрудника органов внутренних дел и путей его формирования обусловлена необходимостью укрепления авторитета органов внутренних дел у населения, повышению степени доверия к сотрудникам и правоохранительной деятельности в целом, престижа милицейской службы.

Начиная с 90-х гг. прошлого века, отмечается рост количества исследований имиджа, в том числе сформировалась наука имиджелогия и профессия имиджмейкера (от англ. image — «образ, внешность» и make — «создавать»). Считается, что это обусловлено необходимостью формирования общественного мнения относительно деятелей, по долгу службы связанных с большими массами людей [1, с. 134].

Под имиджем следует понимать внешнее проявление человеческого образа с наглядно-выразительными характеристиками личности. Считается, что делать самого себя — наиболее сложная работа, которая представляет, в том числе и прикладной, интерес. Так, для сотрудника органа внутренних дел, обладающего государственно-властными полномочиями, формирование имиджа приобретает не только личный, но и общественный характер. Это обусловлено тем, что имидж определяет престижность соответствующего вида деятельности, следовательно, и сотрудника. При этом во многих случаях репутация сотрудника является ключом к решению служебных и жизненных проблем [2, с. 271].

Чувство защищенности граждан от преступных посягательств, а следовательно, и уровень доверия населения к органам внутренних дел определяются тем, как часто конкретные люди сталкиваются с ситуациями, представляющими для них угрозу, какой ущерб им наносится неправомерными действиями других лиц, в том числе должностных, какая в связи с этим помощь оказывается органами правопорядка и насколько она эффективна. Составить и проанализировать эти показатели позволяет изучение общественного мнения. Именно оно в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» выступает сегодня одним из важнейших инструментов оценки эффективности правоохранительной деятельности, как на уровне регионов, так и в целом в стране.

На официальном сайте МВД представлены данные, позволяющие оценить мнение населения об эффективности работы органов внутренних дел на местном уровне — в городах и сельских населенных пунктах.

В результате мониторинга было установлено, что большинство граждан удовлетворены состоянием правопорядка в стране: 73,6 % опрошенных ощущают себя в полной безопасности во время проведения массовых общественных мероприятий. Вместе с этим респонденты определили актуальные направления, которые, по их мнению, требуют принятия действенных мер со стороны правоохранительных органов. Свыше трети опрошенных, в большей степени сельские жители, отметили актуальность проблематики бытового пьянства и алкоголизации населения. По-разному расставляли акценты жители различных областей. В совокупности население беспокоит безопасность участников дорожного движения (респонденты Гомельской и Могилевской областей), семейно-бытовое неблагополучие (респонденты Витебска, Бреста и Минска), правонарушения несовершеннолетних, преступные посягательства в отношении пожилых людей (респонденты Гродненской области и Минска), незаконный оборот наркотиков (респонденты Могилевской области). Во всех регионах респондентов волнуют противоправные деяния в общественных местах, а также криминальная активность ранее судимых лиц [3].

Мониторинг показал, что более 54 % участников доверяют сотрудникам городских и районных подразделений ОВД. Большая степень доверия отмечается в Гродненской, Минской и Могилевской областях, что является показателем деятельности органов внутренних дел. Показательно, что около половины опрошенных готовы оказывать помощь в борьбе с преступностью; треть опрошенных — сообщать о преступлениях и правонарушениях; свыше 12 % — содействовать в задержании подозреваемых; каждый десятый — участвовать в совместном патрулировании в общественных местах. Опрос установил, что наибольшую поддержку стражам правопорядка выражают женщины и сельчане [3].

Показательна статистика обращений в органы внутренних дел. Так, за последние пять лет каждый восьмой из респондентов обращался за помощью в данную правоохранительную структуру. По результатам опроса, по заявлениям граждан были предприняты все необходимые меры более чем в половине случаев. Наибольшую удовлетворенность работой органов внутренних дел выразили представители Минской и Могилевской областей. Оперативность реагирования на обращение на спецлинию «102», а также быстрый приезд сотрудников на место происшествия отметили почти две трети опрошенных. По мнению участников опроса, для сотрудников органов внутренних дел значимыми личными качествами выступают вежливость, внимательность, терпение, отзывчивость, коммуникабельность, смелость, профессиональными — ответственность, компетентность, справедливость, эрудированность.

Информированность населения о работе органов внутренних дел выступает важнейшим фактором формирования положительного имиджа сотрудника. Соцопрос показал, что только 36,7 % респондентов, преимущественно жители Брестчины, Гомельщины и Могилевщины, полно и всесторонне информированы о работе органов внутренних дел. По мнению большинства респондентов, они получают актуальные, полезные и своевременные сведения о результатах деятельности правоохранительных органов. Наибольший интерес у населения вызывают сведения о состоянии правопорядка, дорожной безопасности, борьбе с коррупцией, информация о встречах руководителей органов внутренних дел с гражданами, проводимых акциях и мероприятиях, режиме работы различных подразделений органов внутренних дел, участии граждан в охране общественного порядка [3].

Следует отметить, что образ сотрудника органов внутренних дел складывается в сознании окружающих лиц на основе информации, поступающей из разных источников, а также личного опыта общения с сотрудниками органов внутренних дел. Установлено, что содержание имиджа сотрудника органов внутренних дел состоит в развитии и формировании таких особенностей лич-

ности, которые, с одной стороны, отвечают потребностям общества, с другой — выступают способом социальной идентификации личности сотрудника органов внутренних дел. В этой связи стратегия формирования позитивного имиджа избирается с учетом требований и ожиданий населения, а также механизмов функционирования массового сознания [4, с. 185]. Значительное влияние на имидж оказывают СМИ, видео- и кинофильмы, публикации в периодической печати. Восприятие населением сотрудников связано в первую очередь с образцовым поведением сотрудников при контактах с гражданами и решении возникающих задач при обращении за помощью в органы внутренних дел. Повышенную требовательность и критичность граждан обуславливают принадлежность органов внутренних дел к властным государственным структурам, а также особый правовой статус сотрудника как государственного должностного лица. Отмечается тенденция влияния поведения отдельных сотрудников на обобщенный имидж, представление, что накладывает повышенную ответственность на каждого за свое поведение и действия, определяет взаимную требовательность, контроль и взаимопомощь в служебных коллективах. Признается важная роль в формировании имиджа сотрудника органов внутренних дел так называемой профессиональной среды. В отношении сотрудника органов внутренних дел с населением должен действовать принцип: «Человек не должен чувствовать себя безнаказанным за свои противоправные действия, но он должен знать, что не будет унижен сотрудником милиции, что всегда в подразделениях ОВД найдет законную правовую защиту от преступных посягательств [5].

Таким образом, имидж как сложное многоуровневое понятие может трактоваться по-разному. Вместе с тем всеми авторами, независимо от теоретико-методологической базы, выделяются общие характеристики имиджа. В основе имиджа как продукта социального восприятия лежит целостность, что призвано обеспечить общее представление, в данном случае о сотрудниках органов внутренних дел, информативность, прагматичность, приближенность к стереотипам восприятия. Обретение положительного имиджа сотрудниками органа внутренних дел является социально значимым фактором борьбы с преступностью и обеспечения правопорядка.

Наличие положительного имиджа конкретного сотрудника составляет для него весьма существенную личностную и профессиональную характеристику, что имеет глубокий практический смысл, т. к. выступает условием его успешной профессиональной деятельности.

В силу сложности и многогранности задачи нет единственного универсального метода, который мог бы обеспечить успешное формирование имиджа сотрудников правоохранительных органов. В этой связи необходимо продуманное целенаправленное воздействие различных методов формирования ими-

джа как со стороны государства, Министерства внутренних дел, так и со стороны каждого сотрудника органов внутренних дел, что призвано объединить усилия всех сторон.

1. Гейжан Н. Ф., Каданцева Н. П. Структура и содержание имиджа сотрудников органов внутренних дел России // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та МВД России. 2013. №1 (57). С. 134–140. [Вернуться к статье](#)

2. Султанова М. В. Имидж сотрудников ОВД и пути его формирования // Вестник ГУУ. 2014. № 2. С. 271–275. [Вернуться к статье](#)

3. Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь. URL: <http://www.mvd.gov.by/> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

4. Каданцева Н. П. Имидж сотрудников органов внутренних дел России: история и направления развития // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та МВД России. 2012. № 3 (55). С. 183–186. [Вернуться к статье](#)

5. Шинкевич В. Е. Формирование общественного мнения о деятельности полиции в контексте организации взаимодействия органов внутренних дел и средств массовой информации // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2012. №1 (7). С. 1–5. [Вернуться к статье](#)

УДК 34:378

РОЛЕВОЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ФОРМА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(из опыта работы Могилевского филиала
БИП — Институт правоведения)

Т. А. Корень

заместитель директора по учебной и научной работе,

кандидат юридических наук, доцент,

Могилевский филиал ЧУО «БИП — Институт правоведения»

e-mail: tania_koren@tut.by

***Аннотация.** В настоящей статье рассматриваются вопросы организации практико-ориентированного обучения будущих юристов на примере взаимодействия с судебными органами. Основное внимание уделено раскрытию сущности ролевого судебного процесса как формы проведения практического занятия, выделены его особенности и вариативность применения.*

***Ключевые слова:** практико-ориентированное обучение студентов, практическая подготовка, судебные органы, ролевой судебный процесс.*

***Annotation.** This article discusses the organization of practice-oriented training of future lawyers on the example of interaction with the judiciary. The main attention is paid to the disclosure of the essence of the role of the trial, as a form of practical training, highlighted its features and variability of application.*

***Keywords:** practice-oriented training of students, practical training, judiciary, role-playing trial.*

Особое внимание в настоящее время в Республике Беларусь и учреждениях высшего образования «БИП — Институт правоведения» (далее — БИП) уделяется практико-ориентированному образованию будущих юристов.

За годы работы Могилевским филиалом БИП накоплен определенный опыт взаимодействия института в целом и кафедр с судебными органами, прокуратурой, Следственным комитетом Республики Беларусь, службой судебных исполнителей, органами внутренних дел, нотариатом, адвокатурой, юридическими службами крупных предприятий и др.

Практико-ориентированное обучение в БИПе основывается на оптимальном сочетании фундаментального теоретического образования и прикладной подготовки.

Основными формами взаимодействия института с судебными органами являются: проведение учебно-практических семинаров в Конституционном Суде Республики Беларусь; работа филиала кафедры юридических дисциплин на базе Могилевского областного суда; выполнение учебной нагрузки судьями и специалистами суда, судьями в отставке; участие студентов в научно-

практических мероприятиях, круглых столах и встречах с судьями, специалистами, сотрудниками судов по актуальным вопросам правоприменительной деятельности, анализу судебной статистики по отдельным категориям споров, обсуждению вопросов реализации судебной реформы в Республике Беларусь, введения апелляции в гражданском (в 2018 г.) и уголовном (в 2016 г.) процессах, посещение выездных судебных заседаний по гражданским, уголовным, административным делам, экономическим спорам, проводимых в здании Могилевского филиала БИП; посещение открытых судебных заседаний в судах в рамках изучения гражданского, административного, уголовного, хозяйственного процессов; а также в рамках изучения материальных отраслей права: гражданского, хозяйственного, семейного, жилищного, уголовного и др.; проведение интерактивных учебно-практических семинаров с посещением судебных заседаний, прохождение студентами различных видов практики в судах (районных судах, экономических судах областей и г. Минска); участие представителей судебной ветви власти в ежегодных международных научно-практических конференциях, организуемых Могилевским филиалом БИП в форме выступления на пленарных и секционных заседаниях; совместное изучение и обобщение судебной практики и опубликование результатов исследований в журналах «Судовы веснік», «Судебный вестник Плюс: экономическое правосудие»; размещение статей в электронном ресурсе «КонсультантПлюс», на сайте www.illex.by и др., внедрение результатов научных исследований преподавателей и студентов Могилевского филиала БИП в учебный процесс и в производственный процесс Могилевского областного суда, внедрение результатов обобщений судебной практики, анализа судебной статистики в учебный процесс.

Плодотворное сотрудничество с судебными органами позволило на высоком теоретическом и методическом уровне разработать и внедрить в учебный процесс такую форму проведения практических занятий, как ролевой судебный процесс.

Ролевой судебный процесс проводится при изучении следующих дисциплин: по специальности «Правоведение» — административно-деликтное и процессуально-исполнительное право, гражданский процесс, хозяйственный процесс, уголовный процесс, а также по специальности «Международное право» — международный арбитраж, международно-правовая помощь по гражданским, уголовным и семейным делам, международный гражданский процесс и др. В Могилевском филиале БИП имеется практика проведения ролевых судебных процессов и при изучении материально-правовых дисциплин (гражданского права, семейного права и др.), а также при проведении учебных занятий бинар-

ного типа (гражданское право-гражданский процесс, хозяйственное право-хозяйственный процесс).

Ролевой судебный процесс является в настоящее время также важным элементом внеучебной деятельности. В частности, при проведении семинаров по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних в школах, при проведении профориентационной работы студентами на днях открытых дверей в институте будущим абитуриентам демонстрируется «открытое судебное заседание». Ролевой судебный процесс используется при проведении конкурсов профессионального мастерства среди студентов.

Применение ролевого судебного процесса позволяет реализовать следующие цели:

углубить знания студентов в различных отраслях права и процесса в соответствующих судах;

практически изучить процесс судебного разбирательства, сущность и особенности его стадий;

приобрести навыки правовой оценки исходной фактической ситуации (анализ материалов дела, поиск и изучение подлежащего применению законодательства, разработка правовой позиции по делу, принятие решений);

сформировать навык применения правовых норм к конкретной практической ситуации, например, при рассмотрении однотипных исков о взыскании задолженности по договору купли-продажи; сформулировать различные позиции ответчика (признание иска, заявление встречного иска о признании договора недействительным, оспаривание долга в связи с передачей некачественного товара, оспаривание долга в связи с оплатой в полном размере либо частичной оплатой и др.) и разрешить споры, вынести решение;

развить такие профессиональные умения, как построение аргументации, обоснование правовой позиции, тактики ведения дела в суде, эффективное юридическое исследование, работа в команде;

сформировать практические навыки реализации полномочий участников судебного процесса (представителей истца, ответчика, прокурора, адвоката);

практически изучить особенности процессуального статуса эксперта, специалиста, свидетеля, переводчика и др.;

приобрести навыки составления процессуальных документов (искового заявления, отзыва на иск, различного рода ходатайств о назначении экспертизы, о вызове свидетелей, об истребовании доказательств и др., а также заявлений, например, об оставлении иска без рассмотрения, о возвращении искового заявления без возбуждения производства по делу, об изменении предмета или основания иска, об увеличении цены иска о подложности доказательств) и их предъявления в суд, в судебном заседании;

усовершенствовать устный и письменный юридический язык, навыки публичного выступления в суде;

проверить собственные силы в стрессовой ситуации.

Для проведения ролевых судебных заседаний преимущественно используются специально оборудованные под зал судебного заседания учебные аудитории, в обязательном порядке присутствует государственная символика, а также демонстрируются символы судебной власти (мантия), неофициальные символы (Фемида, весы).

Ход судебного разбирательства, как и реального судебного процесса, может быть зафиксирован с использованием аудио- или видеотехники. В дальнейшем аудио- и видеоматериалы ролевых судебных процессов могут быть использованы в учебном процессе.

Суть избранной формы проведения практических занятий состоит в следующем.

1. Студентам предлагается фабула дела — моделируется проблемная правовая ситуация, например, спор об уплате задолженности по основному долгу за товар и штрафных санкций по договору аренды с конкретной позицией ответчика. Между студентами одной учебной группы распределяются «роли» согласно перечню лиц, участвующих в деле, назначается секретарь судебного заседания.

Задачи студентов:

подготовить правовую позицию;

обосновать ее со ссылками на акты законодательства;

оформить необходимые процессуальные и иные документы в требуемых законом форме и количестве;

отстоять свои требования и возражения в судебном заседании;

правильно пользоваться процессуальными правами и выполнять процессуальные обязанности.

Судебное заседание проводит судья-преподаватель единолично либо коллегиально (преподаватель-председатель и два студента-судьи). Как вариант, роль судьи также может выполнять студент.

2. Студентам предлагается фабула дела — моделируется одна проблемная правовая ситуация, например, спор об уплате задолженности по основному долгу за товар и штрафных санкций по договору аренды без конкретной позиции ответчика.

Между студентами одной учебной группы распределяются «роли», при этом назначается как минимум три истца и три ответчика с разными правовыми позициями по делу. По сути, в отличие от изложенного выше сценария здесь

будет рассматриваться не одно, а минимум три дела со схожими первоначальными требованиями.

3. Студентам предлагается работа в малых группах в рамках конкретной темы практического занятия, например, «Судебное решение». Каждая группа получает резолютивную часть решения с различным содержанием (иск удовлетворить в полном размере; в удовлетворении иска отказать; иск удовлетворить частично, в остальной части иска отказать; иск удовлетворить частично, в остальной части производство по делу прекратить и др.). Каждая группа студентов должна подготовить (смоделировать ситуацию) и продемонстрировать судебный процесс в течение ограниченного времени (до 7 мин) исходя из полученной резолютивной части решения.

Представляется, что рассматриваемая форма проведения практических занятий имеет, помимо изложенных выше, ряд вариативных сценариев.

Эффективность проведения учебных и внеучебных занятий во многом зависит от качественной их подготовки, включающей интеллектуальный, специально юридический, организационный и другие компоненты.

В заключение отметим, что использование в образовательной деятельности при подготовке будущих юристов ролевых судебных процессов соответствует современным мировым тенденциям, требует от преподавателей соответствующего уровня теоретических знаний и компетенций, приобретает в настоящее время масштабы национальных и международных студенческих соревнований.

УДК 343.85(477)

ПРОБЛЕМА БУЛЛИНГА В УКРАИНСКИХ ШКОЛАХ**Л. Н. Кулик**

доцент кафедры уголовного права и криминологии факультета № 1,
кандидат юридических наук, доцент,
Одесский государственный университет внутренних дел (Украина)

Д. В. Кривега

курсант 3-го курса факультета № 1,
Одесский государственный университет внутренних дел (Украина)
e-mail: Kulik-69@ukr.net

Аннотация. Статья посвящена относительно новому и опасному проявлению поведения современных школьников — буллингу и путям его преодоления.

Ключевые слова: издевательства, буллинг, кибербуллинг, примирение, медиация.

Annotation. The article is devoted to a relatively new and dangerous manifestation of the behavior of modern schoolchildren — bullying and ways to overcome it.

Keywords: bullying, bullying, cyberbullying, reconciliation, mediation.

Издевательства в среде подростков случаются во многих детских коллективах, и это, по сути, определяет разницу между жизнью терпимой или несчастьем для многих.

Буллинг — повторяющееся поведение, которое призвано навредить человеку, или эмоциональная, физическая и часто направленная на определенных людей агрессия из-за их расы, религии, пола или сексуальной ориентации либо любого другого аспекта, например, внешнего вида или инвалидности.

Дети, которых запугивают, и дети, которые запугивают других, могут иметь серьезные и длительные проблемы.

К сожалению, Украина, по мнению независимых экспертов, сегодня находится в первой десятке стран Европы по распространению буллинга среди 11–15-летних школьников. Эта проблема очень остра и актуальна, поскольку из-за травли в школах страдает много детей, многие на примере очевидных случаев травли боятся ходить в школу, что может приводить к страшным последствиям, самым необратимым из которых является суицид несовершеннолетних.

В прошлом году в украинских школах зафиксировали около 109 тыс. случаев обращений к психологам из-за травли. Отмечается, что 39 % из всех обращений поступали от детей, 29 % — от учителей, еще 5 % — от посторонних людей, а остальные — от родителей. О такой ситуации заявила гендиректор Директората инклюзивного и внешкольного образования Минобразования Ла-

риса Самсонова. По данным общественной организации STUDENA, в 2018 году в украинских школах 63,9 % учителей сталкивались с травлей детей в своем классе; 51,3 % случаев травли происходили в средней школе [1].

Случаются следующие виды издевательств:

- физическое;
- вербальное;
- кибербуллинг.

Физическое издевательство включает в себя нанесение телесных повреждений или уничтожение и «случайное» повреждение имущества пострадавшего лица.

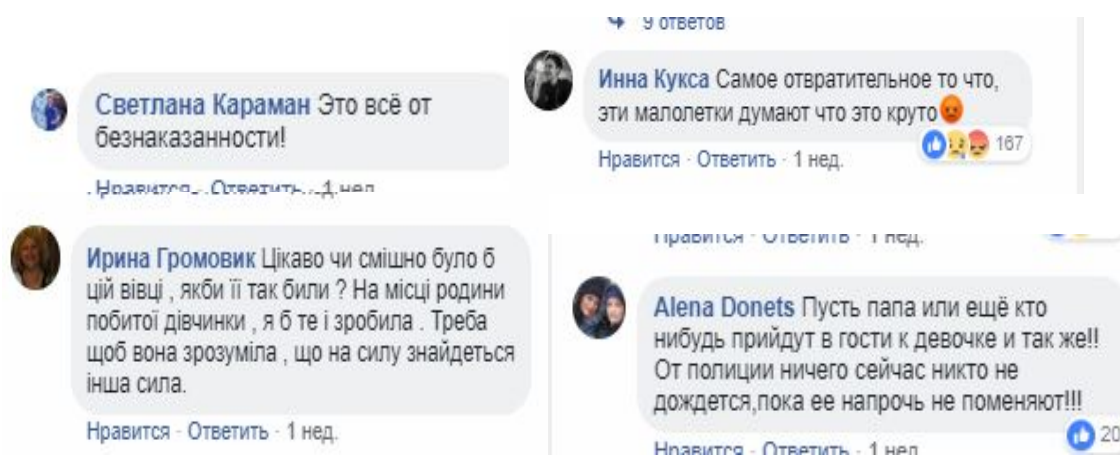
Вербальное издевательство заключается в распространении оскорбительных слухов, изоляции (бойкоте), игнорировании, угрозах, двусмысленных «шутках», манипуляции, шантаже и т. п.

Кибербуллинг — это использование технологий Интернета, электронной почты, мобильных телефонов, социальных медиасетей, фотографий с целью ранить или причинить вред другому лицу.

Последний из видов — один из основных видов, встречающихся в украинских школах.

В то же время издевательство может произойти где и как угодно. Это может происходить в вашем районе, во время учебы в школе, после уроков, во дворе и в режиме онлайн.

Рассмотрим случай, который произошел в селе Вишенки Бориспольского района Киевской области, где именно девушки сверстницы, наносили телесные повреждения ученице, а другие стояли в стороне и снимали происходящее на видео. После обнародования видеоролика в социальных сетях и СМИ этот случай вызвал массу обсуждений и возмущений [2].

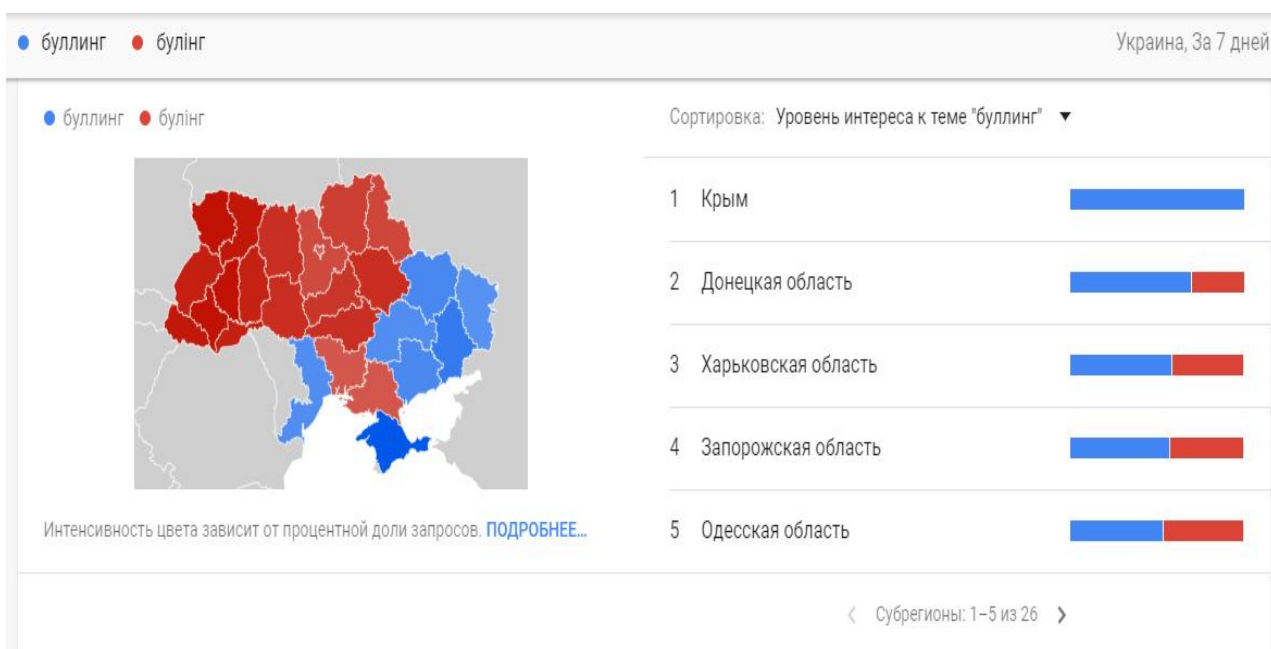
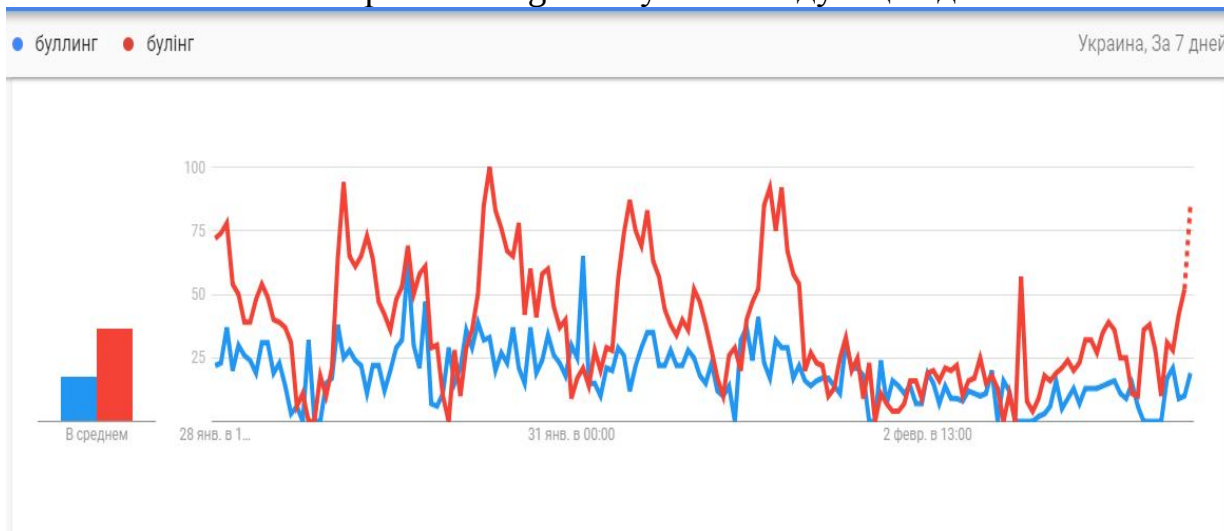

Нинель Коротина Что же это за дети пошли. Откуда столько злости, ненависти и жестокости. Самое ужасное, что девочки....колония плачет

Нравится · Ответить · 1 нед.

Аналитики в запросах Google получили следующие данные:

Проблема возникает тогда, когда старые знания уже становятся недостаточными, а новые знания еще не приобрели развитых форм. Таким образом, проблема буллинга — это новая противоречивая ситуация, которая требует своего решения.

Интенсивное обсуждение и исследование данной тематики говорит о том, что это проблема, которая набирает рост, поскольку буллинг следует рассматривать как социально-психологический феномен. К такому выводу пришли, определив факторы, которые могут вызвать подобные случаи.

Так как психологически личность несовершеннолетнего еще не сформирована, необходимо обеспечить проведение профилактической работы не только с детьми, страдающими от буллинга, но и с теми, которые являются агрессорами в данной ситуации. Это является наиболее эффективным способом для предотвращения таких случаев в дальнейшем.

Случаи буллинга посягают на права личности, на социальные ценности общественной жизни, они так же могут серьезно повлиять на поведение подростка, создавая угрозу общественному порядку и моральности, общественной безопасности.

Исследования показывают, что существует множество причин, почему люди запугивают других людей. Наиболее распространенными причинами могут быть издевательства над лицом, которое занимается травлей своих сверстников, со стороны других людей, злоупотребления в учебном процессе, травматическая ситуация или напряженная семейная жизнь. Беспокоит тот факт, что буллинг может служить причиной тяжких последствий, одним из которых является детский суицид.

Во избежание случаев буллинга в школах предлагаем использовать следующие практические рекомендации:

1. Проведение тренингов и профилактических бесед с учащимися. При этом огромная роль отводится независимым и незаангажированным общественным организациям.

2. Большую роль играет психологическая поддержка несовершеннолетних. Дети должны видеть в школьном психологе друга, а не элемент устрашения со стороны администрации.

3. К работе по профилактике и преодолению такого негативного явления, как буллинг, должны быть привлечены все участники учебно-воспитательного процесса — родители, администрация учебного заведения, учащиеся, педагоги, психологи.

4. Основным инструментом модели профилактики преступности является программа восстановительного правосудия. Ее суть заключается в том, что все лица, которые причастны к правонарушению, могут встретиться и совместно обсудить его причины и последствия, а также определить действия, которые помогут устранить (исправить) причиненный правонарушением вред.

Благодаря такой встрече подросток должен осознать влияние своего противоправного поведения на интересы другого человека и взять ответственность за его последствия путем исправления причиненного вреда.

Программа восстановительного правосудия имеет несколько форм:

- медиация между потерпевшим и правонарушителем;
- круг общины (поддержка, примирение и т. п.);
- семейная конференция и др. [3, с. 6].

Считаем, что использование медиации для профилактики буллинга в школах является наиболее действенным способом. Однако профилактические мероприятия должны проводиться не только с детьми, но и с их родителями для более действенного влияния на несовершеннолетних. Поскольку, как отмечают исследователи проблемы поведения несовершеннолетних, существенной социально-педагогической детерминантой преступности несовершеннолетних является неблагоприятная ситуация в семье, деформированные или отсутствующие отношения с родными [4], родители при необходимости и целесообразности должны принимать участие в консультациях или курсах обучения родителей, чтобы обеспечить посещение их ребенком школы и помогать субъектам профилактики противоправного поведения в реализации общественных санкций и мер [5].

1. Знуцання підлітків над ровесниками: як соцмережі підняли проблему булінгу у школах (відео) [Електронний ресурс] // UNIAN.NET. URL: <https://www.unian.ua/society/2306079-znuschannya-pidlitkiv-nad-rovesnikami-yak-sotsmereji-pidnyali-problemu-bulingu-u-shkolah-video.html> (дата звернення: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Под Киевом школьница жестоко избива сверстницу (відео) [Електронний ресурс]. URL: <https://journalist.today/pid-kiievom-shkoliarka-zhorstoko-pobila-odnolitku-vidieo/> (дата звернення: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Регіональна модель профілактики підліткової злочинності : досвід упровадження / Матеріали практичної роботи в громадах України. Київ, Український центр порозуміння, 2009. 80 с. [Вернуться к статье](#)

4. Трофимов О. Є. Шляхи запобігання та профілактика підліткової злочинності в Україні // Педагогіка формування творчої особистості у вищій і загальноосвітній школах. 2013. Вип. 32. С. 410–417. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Pfto_2013_32_57 (дата звернення: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

5. Юзікова Н. С. Заходи запобігання злочинності неповнолітніх крізь призму міжнародних рекомендацій комітету міністрів ради Європи. URL: <http://dspace.onua.edu.ua/bitstream/handle/11300/6322/Uzikova.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата звернення: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 340

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОДНА ИЗ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УИС

М. С. Куликова

доцент кафедры уголовного права и процесса,
кандидат юридических наук, доцент,
Самарский филиал Московского городского
педагогического университета (Россия)

А. В. Кулаков

старший научный сотрудник,
Самарский юридический институт ФСИН России
e-mail: Kulakov-sui@yandex.ru

Аннотация. В статье авторы отмечают, что правовое воспитание в сфере исполнения уголовных наказаний представляет собой организованный и целенаправленный процесс воздействия на сознание и психологию как осужденных, так и сотрудников уголовно-исполнительной системы; от уровня правовой культуры и правового сознания зависит эффективность функционирования уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: правовое воспитание, противодействие преступности, уголовно-исполнительная система.

Annotation. In the article the authors note that legal education in the sphere of execution of criminal sanctions is an organized and purposeful process of influence on consciousness and psychology of both convicts and employees of the penal system; the level of legal culture and legal consciousness determines the efficiency of functioning of the penal system.

Keywords: legal education, counteraction of crime, criminal-Executive system.

В условиях преобразований, происходящих в настоящее время в России, одной из главных задач внутренней политики государства является формирование гармонично развитой, социально активной личности, воспитание у нее высокой гражданской ответственности, уважения к законам, готовности участвовать в обеспечении правопорядка [1, с. 64]. Достижение данной цели невозможно без правового воспитания, которое призвано способствовать достижению должного уровня правового сознания личности.

Особую актуальность вопросы правового воспитания приобретают в учреждениях пенитенциарной системы. Сложность заключается в том, что в настоящее время с особой остротой обозначилась проблема исполнения уголовных наказаний, главной социальной, необходимой обществу целью которых является исправление осужденных для возвращения их к законопослушной, уважающей требования нравственных и правовых норм жизни. При этом, как

отмечает Ш. К. Хасанова, «правосознание лиц, совершивших преступление и отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, деформировано в силу превалирования в сознании осужденных корыстных мотивов, их стремления к выгоде и наживе, противопоставления своих личных амбициозных интересов интересам других людей, общества и государства, деградации личности, атрофии нравственных, правовых, эстетических и иных чувств и т. д.» [2, с. 8].

С. С. Щепкин, исследуя правовую культуру и правовое сознание осужденных к лишению свободы, отмечает, что «...правовое сознание осужденных к лишению свободы представляет собой совокупность ценностей, верований, идей, воззрений, теорий, ориентаций, выражающих противоречивое отношение сообщества осужденных к праву, а также стандартов, обычаев, знаков, символов, норм и правил поведения лишенных свободы, в том числе деятельность таких лиц по реализации этих правил» [3, с. 91].

На сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) возложена достаточно трудная задача: лицам, преступившим закон, привить уважение к нормам права, преодолеть правовой нигилизм в их сознании, не допустить совершения ими повторных преступлений. Правовое воспитание осужденных является частью воспитательного воздействия с целью формирования их законопослушного поведения и исправления.

Правовое воспитание осужденных к лишению свободы направлено на формирование у них элементарной правовой культуры и правосознания, уважения к закону, стремления к его точному и неуклонному соблюдению. Правовое воспитание, пропаганда законов и позитивного опыта законопослушного поведения непосредственно влияют на предупреждение совершения новых преступлений осужденными, как во время отбывания наказания, так и после освобождения из исправительного учреждения.

Содержание правового воспитания зависит от личности осужденного: на каком этапе отбывания наказания находится осужденный, степени его социальной и правовой запущенности и т. д.

Между тем профессиональная деятельность работников УИС осуществляется в особой социальной среде. Им приходится находиться в непосредственном контакте с носителями не только маргинализованного сознания, но и антиправовых установок, ценностей и норм тюремной субкультуры, которые, в свою очередь, оказывают значительное деформирующее воздействие на правосознание сотрудников УИС.

Иными словами, сотрудники ФСИН России подвержены влиянию криминальной субкультуры, которое в ряде случаев приводит к деформации правового сознания, снижению уровня их профессиональной правовой культуры.

Профессиональная деградация, моральный дефицит, разрушение нравственных устоев и т. д. в среде сотрудников ФСИН нередко приводят к злоупотреблению должностными полномочиями, нормами права и как результат к совершению преступления. Е. В. Красникова, ссылаясь на официальные источники, отмечает, что «ежегодно значительное число должностных лиц органов и учреждений УИС привлекаются к ответственности за совершение различных корыстных преступлений с использованием своего служебного положения. Так, если доля взяточничества в объеме всей зарегистрированной преступности в Российской Федерации за последние годы не превышала 0,6 %, то доля взяточничества в общем числе всех преступлений, совершенных только лишь сотрудниками УИС, составляет 25 %. В общей сложности за период с 2011 г. по 2015 г. за совершение корыстных преступлений с использованием своего служебного положения было привлечено к уголовной ответственности 875 сотрудников. Кроме того, ежегодно органами прокуратуры выявляется более 2 тыс. нарушений законодательства о противодействии коррупции, допущенных в органах и учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний» [4, с. 5]. Таким образом, сотрудники УИС являются не только субъектами правового воспитания, но и объектами воспитательного процесса. Субъектом в данном случае является государство в целом, а также надзорные органы.

Действительно, специфика деятельности УИС, в том числе постоянное общение сотрудников с осужденными к лишению свободы, нередко содержит в себе элементы отрицательного воздействия, вследствие чего происходит профессиональная деформация. Она выражается в утрате сотрудником УИС истинного представления о нравственном смысле своей профессии, притупления чувства профессионального долга, повышении восприимчивости к отрицательным мотивам [5, с. 74]. В своих исследованиях С. И. Афанасьева [6, с. 7] и Н. С. Фурсов [7, с. 11] отмечают, что это стало возможным из-за серьезных просчетов в организации нравственного воспитания сотрудников УИС. Именно нравственное воспитание предусматривает оказание воздействия на сознание, чувства и волю сотрудников в целях формирования и развития этических норм и правил поведения, соответствующих требованиям, предъявляемым к сотрудникам УИС в современных условиях.

По мнению А. М. Шамаева, формирование профессиональных качеств работников правоохранительных органов предполагает и целенаправленное их правовое воспитание [8]. Говоря о сотрудниках ФСИН, необходимо отметить, что от их правовой культуры, правового сознания и правомерного поведения зависит исправительная среда в местах лишения свободы.

Правовое воспитание работников УИС — это целенаправленная и планомерная деятельность государства и общества, общественных и иных организа-

ций, а также органов управления и должностных лиц ФСИН России по формированию и развитию личности работников в соответствии с требованиями создания современной системы исполнения наказаний, обеспечения готовности работников к выполнению служебных задач в интересах обеспечения законности и правопорядка.

Правовое воспитание сотрудников и работников УИС осуществляется на всех этапах прохождения службы. Соответственно, объектами правового воспитания выступают: рядовой и младший начальствующий состав; средний начальствующий состав; старший начальствующий состав; высший начальствующий состав; курсанты, слушатели образовательных учреждений; рабочие и служащие учреждений и органов; служебные коллективы.

От уровня правового воспитания зависит успешное решение служебных задач сотрудниками ФСИН России.

Субъектами правового воспитания являются:

- центральный аппарат ФСИН России, осуществляющий общее руководство по организации воспитательной работы, а также разработке и внедрению передового опыта;
- территориальные органы ФСИН России;
- персонал исправительного учреждения;
- органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения;
- образовательные организации в рамках работы юридических клиник.

Воспитательная работа, в том числе и правовое воспитание, в исправительном учреждении проводится в трех основных формах: 1) индивидуальной; 2) групповой; 3) массовой.

Изложенное позволяет заключить, что:

- чем выше правосознание граждан, тем эффективнее действует нормативная сила права и, в свою очередь, тем выше уровень правопорядка и законности в обществе;
- именно через право — в том числе правовое воспитание — государство имеет возможность устранять дефекты общественного и индивидуального правосознания;
- правовое воспитание в исправительном учреждении имеет свою особенность — объектами правового воспитания являются как осужденные, так и сотрудники УИС;
- правовое воспитание в сфере исполнения уголовных наказаний представляет собой организованный и целенаправленный процесс воздействия на сознание и психологию как осужденных, так и сотрудников УИС при помощи различных методов и средств с целью достижения правомерного поведения;

– от уровня правовой культуры и правового сознания как сотрудников (работников) ФСИН России, так и осужденных, формируемых посредством правового воспитания, зависят эффективность функционирования УИС, состояние законности и правопорядка в обществе, а в конечном счете становление российского демократического правового государства и гражданского общества в целом.

1. Юнусов А. А., Юнусов А. Ю. Проблемы правовой активности и правовой культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы России // Правовая культура. 2015. № 4 (23). С. 63–68. [Вернуться к статье](#)

2. Хасанов Ш. К. Правовое воспитание как средство преодоления деформации правосознания осужденных: общетеоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2009. 177 с. [Вернуться к статье](#)

3. Щепкин С. С. Правовая культура и правовое сознание осужденных к лишению свободы // Вестн. Самар. юрид. ин-та. 2015. № 4 (18). С. 87–91. [Вернуться к статье](#)

4. Красникова Е. В. Криминологическая характеристика и предупреждение коррупции в сфере исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 249 с. [Вернуться к статье](#)

5. Лизвинский Я. В. Направления воспитательной работы в учебных центрах ФСИН России // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2013. № 34. С. 74–78. [Вернуться к статье](#)

6. Афанасьева С. И. Нравственное воспитание слушателей учебных центров ФСИН России и педагогические условия его совершенствования : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2011. 24 с. [Вернуться к статье](#)

7. Фурсов Н. С. Организация и правовые основы деятельности учебных центров ФСИН России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 28 с. [Вернуться к статье](#)

8. Шамаев А. М. К вопросу о целесообразности выдачи табельного оружия сотрудникам органов внутренних дел на постоянное ношение // Наука 21 века: открытия, инновации, технологии : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 2016. С. 167–169. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9

МОЛОДЕЖНЫЕ НЕФОРМАЛЬНЫЕ ГРУППЫ (ОБЪЕДИНЕНИЯ) ПРЕСТУПНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КОНТРКУЛЬТУРЫ

М. А. Ларкин

доцент кафедры уголовного права и правосудия,
кандидат юридических наук, доцент,
Запорожский национальный университет (Украина)

Аннотация. *Контркультура — феномен явного протестного движения определенных масс молодежи в отношении своего социума, ставший в условиях нынешнего XXI столетия источником кризисного деградирования личности, проявляющегося в ее агрессивности, отторжении, игнорировании правопорядка и отклонении от существующих поведенческих норм. Поэтому молодежные неформальные группы (объединения) преступной направленности следует рассматривать как проявление контркультуры, а не субкультуры, как это ранее имело место.*

Ключевые слова: *молодежь, неформальный, группа, культура, контркультура.*

Annotation. *Counterculture is a phenomenon of an obvious protest movement of certain masses of youth in relation to their society, which in the current XXI century became the source of crisis degradation of the individual, manifested in its aggressiveness, rejection, ignoring the rule of law and deviation from the existing behavioral norms. Therefore, youth informal groups (associations) of criminal orientation should be considered as a manifestation of counterculture, and not subculture, as it was previously the case.*

Keywords: *youth, informal, group, culture, counterculture.*

Неформальные группы (объединения) — это реалии нашего времени и, к великому сожалению, зачастую их действия приобретают преступный характер. Хотя в большинстве современных научных разработок неформалитет и продолжают рассматривать как некую форму проявления различных субкультур как таковых, все же имеет смысл взглянуть на молодежные неформальные группы (объединения) преступной направленности несколько с другой стороны, а точнее — как на проявление контркультуры, поскольку культура — это 1) совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни; 2) уровень, степень развития какой-л. отрасли хозяйственной или умственной деятельности; 3) наличие условий жизни, соответствующих потребностям просвещенного человека» (лат. cultura) [1, с. 148]; контр — первая составная часть сложных слов, обозначающая противодействие, противопоставление, противоположность тому, что выражено во второй части (от лат. contra — «против») [1, с. 93]; суб — первая составная часть сложных слов, обозначающая: 1) расположенный внизу, под чем-л. или около

чего-л.; 2) подчиненный, подначальный; 3) не основной, не главный или меньший» (от лат. *sub* — «под») [2, с. 298].

Как видим, термины «контркультура» и «субкультура» разнятся между собой. Поэтому, исходя из философии контркультуры, изложенной в «*The Making of a Counter Culture. Reflections on the Technocratic Society and Its Youthful Opposition*» (в русском переводе — «Истоки контркультуры»), автором которой является Theodore Roszak [3], рассмотрим молодежные неформальные группы (объединения) преступной направленности именно как проявление контркультуры. В ссылках на данное исследование при переводе фамилии ученого встречаем различные ее варианты — Т. Рожак, Т. Роззак, Т. Рошак.

«В широком смысле культура есть совокупность проявлений жизни, достижений и творчества народа или группы народов. Культура, рассматриваемая с точки зрения содержания, распадается на различные области, сферы: нравы и обычаи, язык и письменность, характер одежды, поселений, работы, постановка воспитания, экономика, характер армии, общественно-политическое устройство, судопроизводство, наука, техника, искусство, религия, все формы проявления объективного духа данного народа. Уровень и состояние культуры можно понять только исходя из развития культуры; в этом смысле говорят о примитивной и высокой культуре; вырождение культуры создает или бескультурье, или “рафинированную культуру”. В старых культурах наблюдается подчас усталость, пессимизм, застой и упадок ее» [4, с. 229].

Дискуссии относительно термина «*contre-culture*» (фр.) уделили свое внимание и французские специалисты, опубликовав в начале нынешнего столетия свою работу «*Discussion de la notion de “contre-culture”*» — «Дискуссия о значении “контр-культуры”» [4], где уже в первом ее разделе собственно и разворачивается дискуссия вокруг этого понятия. И начинается она с перечисления 17 понятий, которые объединяет термин *contre-culture*, в частности: *contre-courant* (встречный поток), *contre les normes* (антинормативный), *anticonformisme* (антиконформизм, антиприспособленчество), *anarchisme* (анархизм, непризнание авторитета, порядка, дисциплины), *contre la culture dominante* (против доминирующей культуры), *contre l'ordre établi* (против установленного порядка), *sous-culture* (субкультура), *contre une autre culture* (против другой культуры), *culture populaire* (популярная культура) и др.

В силу такой полисемичности термина «контркультура», различных мнений, связанных с его толкованием, и параллельным ему термином «субкультура, исходя из «Истоков контркультуры» [6], то есть исходя из того, как ее понимал Т. Роззак, молодежные неформальные группы (объединения) преступной направленности логичней рассматривать именно как проявление контркультуры.

В своей книге «Воспитание Генри Адамса» [7] Г. Адамс отмечает: «Каждый молодой человек, раньше или позже, входил в какую-нибудь компанию или круг...» [7, с. 238]. «У всех людей власть и известность неизбежно приводят к гипертрофии собственного “я”, своего рода злокачественной опухоли, которая в итоге убивает в своей жертве чувства к другому человеку, развивая нездоровый аппетит, подобный страсти к алкоголю или извращенным влечениям, и вряд ли найдутся достаточно сильные слова, чтобы заклеить порожденный этой болезнью эгоизм» [7, с. 177].

В послесловии к данному изданию А. Н. Николюкин обращает наше внимание на следующее: «В основе этого обширного автобиографического повествования лежит идея о том, что развитие человечества шло от целостности и единства человеческого сознания и бытия в прошлом (в эпоху Средневековья) к множественности и раздробленности сознания и бытия людей в XX столетии» [7, с. 613]. «Адамс не считал, что XIII век был всецело един, он лишь утверждал, что XIII век достиг единства символического выражения мира, которое стало распадаться впоследствии» [7, с. 614].

Итак, Т. Роззак в «The Making of a Counter Culture. Reflections on the Technocratic Society and Its Youthful Opposition» [3] отмечал: «...мы не хотим упустить из виду важнейший источник современного радикального раскола и культурных выбросов нового» [6]; «...антагонизм поколений уже достиг международных масштабов» [6], «... контркультура снова преступает границы общепринятой культуры, рискуя показаться очередным разнузданным проявлением упрямого абсурда» [6], то есть бессмыслицы, нелепости.

Таким образом, 1) современные неформальные группы (объединения) преступной направленности являются своего рода феноменом неопилософии абсурда социокультурного бытия нашего молодежного социума; 2) и поскольку их ориентация и приоритеты направлены именно на негативные, конфликтные проявления и материализацию их протеста, агрессии, неприятия, враждебности, конфронтации по отношению в целом к обществу, его устоям, традициям и даже к своим родным и близким, к явной либо тщательно скрываемой преступной деятельности, то правильней рассматривать указанные выше неформальные единицы (организационные структуры) нашего времени именно в рамках контркультуры, как собственно и рекомендовал Т. Роззак, проанализировав поведенческие особенности своих современников; 3) сегодня наше общество оказалось во власти новых преступных тенденций со стороны так называемых геймеров, суицидальных групп, граффити, различных сект, профашистских и террористических сообществ, идущих вразрез с законом, бросая тем самым вызов всему и вся своей бравирующей преступной неопилософией, своей антисоциальной, агрессивной контркультурой.

1. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Русский язык, 1985–1988. Т. 2. К-О. 1986. 736 с. [Вернуться к статье](#)
2. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4. С-Я. 1988. 800 с. [Вернуться к статье](#)
3. Roszak T. The Making of a Counter Culture. Reflections on the Technocratic Society and its Youthful Opposition [Электронный ресурс]. New York, 1969. 313 p. URL: https://monoskop.org/images/b/b4/Roszak_Theodore_The_Making_of_a_Counter_Culture.pdf (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)
4. Философский энциклопедический словарь. М. : ИНФРА-М, 2006. 576 с. [Вернуться к статье](#)
5. Discussion de la notion de “contre-culture” / J. Banham [et al.]. Paris 2001–2002, 18 p. [Электронный ресурс]. URL: http://semioweb.msh-paris.fr/escom/ressources_enligne/Enseignement/01_02/01_02_oipp/projets/contre-culture.pdf (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)
6. Рошак Т. Истоки контркультуры [Электронный ресурс]. URL: <https://iknigi.net/avtor-teodor-roshak/88758-istoki-kontrkultury-teodor-roshak/read/page-1.html> (дата обращения: 11.02.2019). [Вернуться к статье](#)
7. Адамс Г. Воспитание Генри Адамса / пер. с англ. М. А. Шерешевской. М. : Прогресс, 1988. 752 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ В РОССИЙСКИХ ВЕДОМСТВЕННЫХ ВУЗАХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

О. В. Лещенко

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук,
Псковский филиал Академии ФСИН России
e-mail: olgaleshchenko@hotmail.com

Аннотация. В настоящей статье автором рассматриваются актуальные вопросы развития правового сознания и формирования высокого уровня правовой культуры обучающихся в ведомственных высших учебных заведениях Федеральной службы исполнения наказаний. Отмечается роль юридического образования в развитии позитивных установок личности будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: правовая культура, правовое сознание, образование, обучающиеся, Федеральная служба исполнения наказаний, Россия.

Annotation. In this article the author discusses the topical issues of development of legal consciousness and the formation of a high level of legal culture of students in departmental higher education institutions of the Federal service of execution of punishments. The role of legal education in the development of positive attitudes of future employees of the penitentiary system is noted.

Keywords: legal culture, legal consciousness, education, students, Federal penitentiary service, Russia.

Право выступает основой правопорядка любого государства, способствует формированию правового сознания общества, является главным движущим фактором в становлении законопослушного поведения людей, уважительного отношения к законам, устоям и общественному порядку. Степень развитости права государства, личностной и общественной морали, нравственности граждан определяет уровень развития их правосознания и правовой культуры.

20 февраля 2019 г. в Послании к Федеральному собранию Российской Федерации Президент нашей страны В. В. Путин подчеркнул: «Перед нами стоят масштабные задачи. Мы идем к их решению системно и последовательно, выстраивая такую модель социального, экономического развития, которая позволит обеспечить наилучшие условия для самореализации человека, а значит, дать достойные ответы на вызовы стремительно меняющегося мира, сохранить Россию как цивилизацию, основанную на собственной идентичности, на многовековых традициях, на культуре наших народов, ценностях и наших традициях. Развитие страны зависит от результатов труда самих людей, когда есть

справедливость, широкое пространство для свободы и равных возможностей для работы, учебы, инициативы и новаторства» [1].

На сегодняшний день одним из приоритетных направлений современной государственной политики России является формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиций безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения [2].

В связи с этим правовая культура обладает особой значимостью для российского государства и общества, а формирование ее высокого уровня среди лиц, обучающихся в высших учебных заведениях Федеральной службы исполнения наказаний* (далее — ФСИН), — это важная задача современного государства и ведомственных организаций, так как, во-первых, обучающиеся как будущие сотрудники уголовно-исполнительной системы и представители правоохранительных органов государства олицетворяют государственную власть Российской Федерации в целом; во-вторых, развитость правовой культуры, уровень правового сознания и правовое поведение курсантов выступают наглядным примером для законопослушного поведения других членов общества.

Отметим, что гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры относятся к основным принципам современной государственной политики в сфере образования [3].

На территории Российской Федерации функционирует семь ведомственных высших учебных заведений ФСИН с одним филиалом: Академия права и управления ФСИН России (г. Рязань), Псковский филиал Академии ФСИН России (г. Псков), Владимирский юридический институт ФСИН России (г. Владимир), Вологодский институт права и экономики ФСИН России (г. Вологда), Воронежский институт ФСИН России (г. Воронеж), Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк), Пермский институт ФСИН России (г. Пермь), Самарский юридический институт ФСИН России (г. Самара). Наибольшее количество курсантов обучаются по юридическим специальностям «оперативно-розыскная деятельность», «организация режима и надзора», «организация деятельности уголовно-исполнительной инспекции».

Как известно, юридическое образование является первичным источником формирования профессионального правосознания, в процессе которого человек

* Далее по тексту статьи к данной категории лиц будут применяться следующие схожие понятия: «обучающиеся», «обучающиеся в высших учебных заведениях», «обучающиеся в вузах ФСИН России», «обучающиеся в ведомственных вузах ФСИН», «курсанты».

приобретает системную совокупность знаний о правовой действительности и навыков для осуществления практической юридической деятельности. В дальнейшем полученные знания развиваются и углубляются в результате профессиональной деятельности и приобретения практического опыта [4, с. 9]. Поэтому процессу развития правосознания и формирования правовой культуры следует уделять особое внимание на этапе обучения в высшем учебном заведении.

Как известно, нравственное и правовое сознание регулирует и упорядочивает не только жизнедеятельность людей, но и благоприятствует успешному прохождению процесса обучения личности, ее социализации, способствует усвоению социальных норм, законов, норм права и всей совокупности юридических явлений.

В процессе обучения курсанты проходят процесс самоутверждения, при котором вырабатывается способность принимать самостоятельные решения, формируется отношение к окружающей действительности (не обязательно с позитивной окраской), определяются мотивы поведения в служебной деятельности, накапливается социально-правовой опыт как для сотрудника уголовно-исполнительной системы, так и в целом для взрослой жизни в обществе. Несомненно, это сказывается на уровне их правосознания и правовой культуры и влияет на процесс воспитания и обучения в вузах ФСИН России.

Также добавим, что мотивы, цели, намерения и стремления обучающихся связаны с волей и все вместе они определяют их правовые поступки. Логически все мотивы и цели связаны друг с другом и представляют собой единую целостную систему, которая посредством человеческих потребностей выражается в осознании или обосновании того, ради чего должна вестись та или иная деятельность.

Кроме этого, соблюдение курсантами в ведомственных высших учебных заведениях ФСИН России Кодекса этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы, утвержденного приказом ФСИН России от 11 января 2012 г. № 5 (далее — Кодекса), является обязательным.

Соблюдение основных положений Кодекса дает право обучающимся на уважение, доверие и поддержку в служебной и повседневной деятельности со стороны коллег, граждан и общества в целом (п. 2). В пункте 4 Кодекса отмечены цели, которым он служит, и в них, на наш взгляд, заложены основы развития правосознания и повышения уровня правовой культуры обучающихся:

– установление нравственно-этических основ служебной деятельности и профессионального поведения сотрудника;

- формирование единства убеждений и взглядов в сфере профессиональной этики и служебного этикета, ориентированных на профессионально-этический эталон поведения;
- воспитание высоконравственной личности сотрудника, соответствующей нормам и принципам общечеловеческой и профессиональной морали;
- соблюдение этических норм поведения сотрудника в повседневной жизни [5].

Правовая культура отражает уровень правосознания, представляет степень освоения и использования обучающимися в вузах ФСИН России правовых знаний, ценностей, навыков, определяет их правовые поступки. Если правовое сознание курсантов гармонирует с ценностями, признаваемыми социальной группой, то обязательно дает положительную психологическую реакцию в правовом поведении и успешно воздействует на правовую культуру.

Итак, единый целенаправленный процесс воспитания и обучения в высших учебных заведениях Федеральной службы исполнения наказаний должен быть направлен на формирование высокого уровня правовой культуры обучающихся. Данный процесс можно считать эффективным только при условии соблюдения баланса нравственных ценностей, соответствующих нормам и принципам общечеловеческой морали, и служебной деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы.

1. Послание Президента Федеральному Собранию 20 февраля 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 07.03.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : утв. Президентом Рос. Федерации 28 апр. 2011 г. № Пр-1168 // Рос. газ. 2011. 14 июля. [Вернуться к статье](#)

3. Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон : 29 дек. 2012 г., № 273-ФЗ : по состоянию на 29 дек. 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598. [Вернуться к статье](#)

4. Горбатова М. К., Домнина А. В. Профессиональное правосознание как элемент правовой культуры общества // Российская юстиция. 2010. № 5. С. 9–11. [Вернуться к статье](#)

5. Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] : приказ Федеральной службы исполнения наказаний, 11 янв. 2012 г. № 5. Доступ из СПС «Гарант». [Вернуться к статье](#)

УДК 378:811.11(043.3)

ЭСТЕТИКО-ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ ПОЛИЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

М. С. Мирошникова

преподаватель кафедры общеправовых
и социально-гуманитарных дисциплин, Херсонский факультет,
Одесский государственный университет внутренних дел (Украина)
e-mail: marianna.miroshnikova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимосвязи эстетического правового воспитания будущих офицеров полиции средствами иностранного (английского) языка и искусства в вузах МВД.

Ключевые слова: эстетико-правовое воспитание, эстетическая культура, правовая культура, языковая культура.

Annotation. The article reviews the problem of an interrelation of aesthetic and legal education of future police officers by means of foreign (English) language and art in high schools of the Ministry of Internal Affairs.

Keywords: aesthetic and legal education of future, police officers, aesthetic culture, legal culture, language culture.

После принятия в 2015 году Закона Украины «О национальной полиции» повысились требования к профессиональной подготовке офицерских кадров полиции. Современная система высшего образования в вузах МВД призвана формировать у будущих офицеров полиции высокую гуманитарно-профессиональную культуру, эстетическое и правовое сознание, профессиональные и морально-эстетические качества, а также обеспечить знанием иностранного языка, необходимого для социально-профессиональной деятельности в условиях возрастающей глобализации общества. В связи с этим наблюдается активный научный интерес к вопросам эстетико-правового воспитания будущих офицеров полиции в процессе профессиональной подготовки. Однако в педагогической науке проблема эстетико-правового воспитания курсантов заведений высшего образования МВД в процессе изучения иностранных языков остается недостаточно разработанной.

Цель данной статьи — исследовать возможность эстетико-правового воспитания будущих офицеров полиции средствами иностранного языка и искусства на занятиях английского языка в вузах МВД.

В настоящее время существует достаточное количество научных исследований, посвященных вопросам формирования эстетической, правовой, языковой культуры или ее компонентов у студентов и курсантов высших учебных заведений. В частности, на занятиях иностранного языка предлагается воспитывать эмоциональный интеллект [1], эстетический вкус [2; 3], эстетические

компетенции [4], эстетическое отношение к человеку [5], культуру профессионального общения [6], креативное мышление [7, с. 63–66], правовую культуру [8] и др. Безусловно, эти и другие аспекты эстетического и правового воспитания актуальны для профессиональной подготовки будущих офицеров полиции в высших учебных заведениях МВД. Важно отметить, что в процессе воспитания этих форм культуры и их составляющих целесообразно учитывать существующие между ними взаимосвязи, выстраивать процесс воспитания в соответствии с его педагогическими моделями.

По нашему мнению, при воспитании эстетико-правовой культуры будущих офицеров полиции необходимо учитывать определенную универсальность эстетической культуры личности. Эстетическая культура будущих офицеров полиции интерпретируется нами как особое духовно-функциональное образование (духовное, культурологическое, личностное, профессиональное). Это образование интегрирует в себе содержание и формы активности развитого эстетического сознания, которое направлено на профессиональное восприятие, оценивание, преобразование компонентов профессиональной деятельности по законам красоты. Эстетическое сознание будущих офицеров полиции активно влияет на их правовое сознание — ведущий компонент правовой культуры. Правовое сознание, являясь совокупностью «информационно-оценочных, эмоционально-личностных, мотивационно-деятельностных, регулятивно-поведенческих установок в области права и правоприменения как в бытовой, так и в профессиональной деятельности» [9], включает в себя эмоционально-личностные основы, правовые идеалы, взгляды, установки. Как компонент правовой культуры, правовое сознание будущих офицеров полиции формируется во взаимодействии с эстетическим сознанием — основным компонентом эстетической культуры. В настоящее время наблюдается активный интерес ученых к правовой эстетике. По мнению О. Скакуна и Н. Овчаренко, правовая эстетика может рассматриваться как прикладное знание, которое изучает влияние эстетических явлений на психологическое и физиологическое состояние личности, на принципы, которые лежат в основе правомерного поведения [10, с. 295].

Необходимость взаимосвязи правового и эстетического воспитания будущих офицеров полиции можно объяснить не только с психологической стороны через взаимосвязь правового и эстетического сознания личности, но и с философской точки зрения. Для примера можно обратиться к философской модели М. Афанасьева, в которой подчеркнута многоуровневая (логическая, фонетическая, семантическая, феноменологическая, герменевтическая) взаимосвязь компонентов разных форм гуманитарной (эстетической, моральной, правовой, социальной и др.) культуры с языком [11]. Это, в частности, доказывает

целесообразность сопровождать преподавание иностранных языков будущим офицерам полиции с их эстетико-правовым воспитанием.

В результате проведенного исследования проблемы формирования эстетической культуры будущих офицеров в процессе профессиональной подготовки мы разработали структурно-функциональную модель формирования эстетической культуры. Содержательный компонент этой модели основан на взаимосвязи формирования структурных компонентов эстетической и профессиональной культуры будущих офицеров полиции [12, с. 54–56]. Эстетическая культура будущих офицеров полиции способна стимулировать правовое сознание и профессиональную деятельность, поскольку она влияет на ценностные ориентации, выполняет информационно-содержательную, организационно-деятельностную и креативно-поисковую функции. Эстетическая информация, которая усвоена и переработана механизмами сознания и самосознания офицера полиции, благодаря системно-результативному компоненту (личным качествам эстетической культуры) выводится на систему профессиональной культуры офицера полиции и через нее на объекты и субъекты профессиональной деятельности. Цикл формирования эстетической культуры будущего офицера полиции завершается через обратную связь системы профессиональной культуры с эстетической культурой личности офицера полиции. Данная структурно-функциональная модель была апробирована нами в ходе учебной работы с курсантами на занятиях по английскому языку на Херсонском факультете Одесского государственного университета внутренних дел. Эстетико-правовое воспитание будущих офицеров полиции проводилось средствами английского языка (через усвоение иноязычной культуры) и средствами искусства (через постоянное обращение курсантов к произведениям искусства при изучении английского языка). Дидактические материалы, которые мы использовали в преподавании английского языка, были связаны с профессией будущих офицеров полиции, направлены на формирование полноценного восприятия и понимания психологических, духовных, эстетических, правовых характеристик человека и социально-правовых явлений, а также обеспечивали эстетическое отношение к английскому языку и его носителям. Методологической основой, на которой базировалось применение искусства в ходе преподавания английского языка, является идея трансформационного обучения Дж. Мезироу [13].

Таким образом, мы пришли к выводу, что процесс эстетико-правового воспитания будущих офицеров полиции на занятиях английского языка средствами языка и искусства протекает эффективно, если он строится в соответствии с его структурно-функциональной моделью, которая основана на взаимосвязи культурных форм (эстетической, правовой, языковой), и при создании определенных педагогических условий (актуализации эстетического отношения

курсантов к профессиональной деятельности и правовой культуре; обращения внимания курсантов на эстетическое содержание профессиональной деятельности; овладения курсантами способами эстетической активности в процессе учебной работы; применения системного подхода к эстетико-правовому воспитанию на занятиях и во внеаудиторное время).

1. Стаканова Е. В. Развитие эмоционального интеллекта студентов при изучении иностранного языка // Актуальні проблеми викладання іноземних мов для професійного спілкування: матеріали Всеукр. наук.-практ. конф., Дніпропетровськ, 6–7 квітня 2012 р. Дніпропетровськ, 2012. С. 59–63. [Вернуться к статье](#)

2. Бабенко Т. В. Формування естетичного смаку у студентів вищих педагогічних навчальних закладів засобами іноземних : автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04. Житомир, 2006. 20 с. [Вернуться к статье](#)

3. Вертегел В. Л. Розвиток естетичних смаків особистості майбутнього юриста в умовах самостійної роботи при вивченні іноземних мов // Гуманізм та освіта: матеріали VIII Міжнар. наук.-практ. конф., Вінниця, 19–21 вересня 2006 р. Вінниця : УНІВЕРСУМ, 2006. С. 212–214. [Вернуться к статье](#)

4. Зубач Т. О. Формування естетичних компетенцій у курсантів вищих навчальних закладів МВС України засобами іноземної мови // Пед. науки : зб. наук. праць. 2010. Вип. 55. С. 274–277. [Вернуться к статье](#)

5. Могілевська Н. Е. Формування естетичного відношення до людини у курсантів вищих навчальних закладів системи МВС України : автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.07. Луганськ, 2004. 20 с. [Вернуться к статье](#)

6. Радомський І. П. Формування культури професійного спілкування у майбутніх офіцерів МВС України в процесі навчання : автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04. Вінниця, 2007. 20 с. [Вернуться к статье](#)

7. Лабзина П. Г. Развитие креативного мышления студентов технического вуза в процессе изучения иностранного языка // Вестн. Самар. гос. технич. ун-та. Сер. Психолого-педагогические науки. 2013. № 1 (19). С. 63–66. [Вернуться к статье](#)

8. Муравьева К. А. Формирование правовой культуры будущих юристов средствами иностранного языка : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08. Астрахань, 2011. URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-08/dissertaciya-formirovanie-pravovoy-kultury-buduschih-yuristov-sredstvami-inostrannogo-yazyka> (дата обращения: 24.02. 2019). [Вернуться к статье](#)

9. Цекатунова Л. Б. Формирование правового сознания студентов, обучающихся по специальности 38.05.01 (080101.65) «Экономическая безопасность», как педагогическая проблема [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. Ч. 2. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17440> (дата обращения: 24.02. 2019). [Вернуться к статье](#)

10. Скакун О. Ф., Овчаренко Н. І. Юридична деонтологія. Пер. з рос. Харків : Еспада, 2008. С. 295. [Вернуться к статье](#)

11. Афанасьев М. Б. Развитие эстетической культуры студентов вузов средствами кафедры языковых коммуникаций: Социально-философский анализ : дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11. М., 2004. 185 л. URL: <http://www.dissercat.com/content/razvitie-esteticheskoi-kultury-studentov-vuzov->

[sredstvami-kafedry-yazykovykh-kommunikatsii-s#ixzz58t0sij8Z](#) (дата обращения: 24.02.2019). [Вернуться к статье](#)

12. Мирошникова М. Структурно-функціональна модель формування естетичної культури майбутніх офіцерів поліції [Електронний ресурс] // Вісник Нац. академії Дер. прикордон. служби України. Сер. Педагогіка. 2018. Вип. 4. С. 54–63. URL: https://nadpsu.edu.ua/wp-content/uploads/2018/12/visnik_4_2018_pdn.pdf (дата обращения: 24.02.2019). [Вернуться к статье](#)

13. Mezirow J. Transformative Learning as Discourse [Electronic resource] // Journal of Transformative Education. 2003. Vol. 1. P. 58–63. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1541344603252172> (date of access: 20.01.2018). [Вернуться к статье](#)

УДК 101:304.3

ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ИНКЛЮЗИИ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Л. А. Нагорная

доцент кафедры глобалистики и геополитики,
кандидат философских наук, доцент,
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета
(Россия, Красноярск)
e-mail: poty-lyubov@yandex.ru

Н. Н. Нагорный

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки,
кандидат философских наук, доцент,
Сибирский юридический институт МВД России (Красноярск),
e-mail: nnagornyj@yandex.ru

Аннотация. Отмечается, что современное российское общество ориентировано на инклюзию людей с ограниченными возможностями здоровья. Высокий уровень правовой культуры населения и самих людей с ограниченными возможностями здоровья является необходимым условием инклюзии людей с ограниченными возможностями здоровья в современное российское общество.

Ключевые слова: люди с ограниченными возможностями здоровья, инклюзия, мораль, нормы права, правовая культура, социализация, правовая социализация.

Annotation. It is noted that the modern Russian society is focused on the inclusion of people with disabilities. High level of legal culture of the population and people with disabilities is a necessary condition for the inclusion of people with disabilities in modern Russian society.

Keywords: people with disabilities, inclusion, morality, law, legal culture, socialization, legal socialization.

Взаимоотношения современного российского общества и людей с ограниченными возможностями здоровья регламентируются огромным количеством международных, федеральных, региональных нормативно-правовых актов. Наиболее значимые из них: Конституция Российской Федерации (принята 12.12.1993 г.), Конвенция о правах инвалидов (принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13.12.2006 г., ратифицирована РФ 24.09.2008 г.), Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. № 181, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. ФЗ № 273 и др. Подписание РФ Конвенции о правах инвалидов означало принятие ее основных положений за обязательную основу остальных нормативно-правовых актов, регламентирующих

взаимоотношения российского общества и людей с ограниченными возможностями здоровья. На государственном уровне в российском обществе был взят курс на инклюзию людей с ограниченными возможностями здоровья, создание для них доступной среды. С этой целью была разработана и внедрена федеральная целевая программа «Доступная среда» (продлена до 2020 года, первоначальный срок реализации данной программы — с 2011 по 2015 год) [1; 2; 3; 4 и др.].

Напомним, что под инклюзией человека с ограниченными возможностями здоровья понимают полное и эффективное вовлечение и включение такого человека в общество вместе и наравне с другими людьми, но с оптимальным использованием доступных для него средств социализации. Инклюзия человека с ограниченными возможностями здоровья предполагает снятие разного рода барьеров (организационно-правовых, архитектурных, технических, технологических, психологических, социально-психологических, культурных, информационных, когнитивных, языковых и др.), существующих между ним и обществом.

Вместе с тем, несмотря на значительный прогресс в развитии правовой системы Российской Федерации в отношении людей с ограниченными возможностями здоровья, современная нормативно-правовая база, регламентирующая взаимоотношения российского общества с такими людьми, нуждается в доработке, а также в дальнейшем согласовании правовой теории и правоприменительной практики. Так, юридически имея равные с остальными гражданами права, россияне с инвалидностью до сих пор продолжают подвергаться дискриминации практически во всех основных аспектах жизнедеятельности. Очень часто оказываются нарушенными их права на льготное и качественное лечение, свободу перемещения, получение образования, трудоустройство и др.

Инклюзия людей с ограниченными возможностями здоровья в современное российское общество, как уже было отмечено, невозможна без преодоления в том числе и организационно-правовых барьеров.

Полагаем, что основные причины, почему законы, регламентирующие взаимоотношения российского общества и людей с ограниченными возможностями здоровья, далеко не всегда работают на практике, можно представить следующим образом.

Во-первых, согласно точке зрения ряда отечественных мыслителей (К. С. Аксакова, М. Б. Смоленского, П. И. Новгородцева, О. В. Мартышина, А. Г. Дугина, А. А. Ивина, Н. М. Чуринова и др.), для российского общества в принципе традиционно не характерно понимание права как высшей ценности, выше норм права (или наравне с ними) ставятся, как правило, вера, истина, справедливость, нормы морали и т. д. (в советский период — идеология). Так,

А. А. Ивин, Н. М. Чуринов и некоторые другие исследователи, различая два основных типа общества — индивидуалистическое (западное) и коллективистское (в частности, российское), отмечают, что для индивидуалистического общества характерна зависимость социальных норм от изобретенных норм права, в нем действует принцип свободы (свободы воли): «можно все, что не запрещено законом» [5, с. 55]. В коллективистском обществе действует принцип совершенства (соборности), согласно которому социальные нормы мыслятся как нечто находящее друг в друге свое завершение. Например, нормы морали находят свое завершение в нормах права, а нормы права находят свое завершение в нормах морали [6, с. 320].

Во-вторых, многие современные российские граждане (в том числе и большинство людей с ограниченными возможностями здоровья), к сожалению, по-прежнему имеют недостаточно высокий уровень развития правовой культуры, что проявляется, прежде всего, в очень поверхностном знании законов, неумении применять законы на практике, в слабом понимании права как регулятора общественных отношений и т. д. Иными словами, человек с невысоким уровнем правовой культуры не только плохо знает свои права и права окружающих людей (в том числе и людей с ограниченными возможностями здоровья), но и не стремится, как правило, целенаправленно к расширению своего правосознания, более успешной правовой социализации. Поэтому такой человек зачастую не способен к адекватной правовой активности (например, к грамотной защите своих прав и прав своих близких), осознанно или неосознанно может сам нарушить права другого (или просто неуважительно к ним отнестись) и т. д.

В-третьих, в общественном сознании современного российского общества до сих пор до конца не сформирован образ человека с ограниченными возможностями здоровья как человека, способного к полноценной активной жизни, имеющего высокий общественный статус. Более того, общественное мнение зачастую будто бы исходит из установки, согласно которой уменьшение функциональных возможностей человека автоматически приводит к сужению круга его потребностей. Преодолеть общественные установки, повысить привлекательность своего образа в общественном сознании человек с инвалидностью может лишь в результате упорного труда, достигая того, чего не отказались бы достигнуть и многие не инвалиды. Значительная часть населения нашей страны практически не владеет информацией об особенностях жизнедеятельности людей с теми или иными видами нарушенного развития, ничего не знает об основных нормативно-правовых актах, регламентирующих взаимоотношения российского общества и людей с ограниченными возможностями здоровья.

Отметим, что во многом такое отношение российского общества к людям с ограниченными возможностями здоровья является следствием вмешательства

идеологии в дело обучения и воспитания детей с инвалидностью в советский период развития нашей страны. Тогда перед специалистами, с одной стороны, была поставлена задача формировать из таких детей «вполне самостоятельных людей, полезных членов общества», что, в свою очередь, привело к величайшим открытиям и достижениям советской системы специального образования. С другой — была задана официальная установка на снижение по мере построения социализма всяких показателей неблагополучия в стране, что означало выбор позиции изоляции со стороны советского общества по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья. По мнению И. А. Шаповал, именно длительная изоляция инвалидов в советский период развития нашей страны стала причиной следующих особенностей жизнедеятельности подавляющего большинства из них: воспроизведения культуры бедности такими людьми; стойкой маргинализации таких людей (т. е. их неучастие в социальной, культурной и политической жизни общества, зачастую отсутствие у них полноценной семейной жизни); формирования иждивенческих установок у таких людей [7, с. 147–148].

В связи с этим полагаем, что разрешение противоречий между принятыми нормативно-правовыми актами, регламентирующими взаимоотношения российского общества и людей с ограниченными возможностями здоровья, и правоприменительной практикой предполагает:

Во-первых, учет особенностей национальной правовой культуры, тесную взаимосвязь принимаемых норм права с общепринятыми нормами морали.

Во-вторых, проведение средствами основных институтов социализации (семьи, образования, СМИ) комплексной работы по повышению у населения Российской Федерации общего уровня правовой культуры, неотъемлемой частью которой является понимание и принятие как абсолютной ценности правового равенства людей с ограниченными возможностями здоровья со всеми остальными гражданами. Очевидно, что данная работа включает в себя и мероприятия по оптимизации условий правовой социализации самих людей с ограниченными возможностями здоровья.

В ряде своих публикаций [8; 9] мы неоднократно упоминали о том, что работа по оптимизации условий социализации людей с ограниченными возможностями здоровья в современном российском обществе должна вестись в трех, тесным образом взаимосвязанных между собой, направлениях: 1) над образом человека с ограниченными возможностями в общественном сознании; 2) над Я-образом человека с ограниченными возможностями здоровья; 3) над внешними условиями процесса социализации человека с ограниченными возможностями здоровья.

Соответственно, и комплекс мероприятий по оптимизации условий правовой социализации людей с ограниченными возможностями здоровья в современном российском обществе предполагает проведение работы по следующим направлениям: 1) формирование в общественном сознании адекватного, уважительного отношения к людям с ограниченными возможностями здоровья, особенностям их социализации, правам таких людей; 2) формирование правового сознания и нравственно-правового самосознания людей с ограниченными возможностями здоровья; 3) совершенствование нормативно-правовой базы, регламентирующей взаимоотношения общества и людей с ограниченными возможностями здоровья, а также снятие внешних барьеров (архитектурных, технологических, технических, информационных и др.), препятствующих оптимальному взаимодействию людей с инвалидностью с основными социальными институтами, службами, ведомствами, и в первую очередь с правоохранительными органами.

Таким образом, переход к инклюзии людей с ограниченными возможностями здоровья в общество невозможен без уважительного отношения к правам таких людей, принятия их прав как абсолютной ценности, что в свою очередь невозможно при невысоком уровне правовой культуры населения в целом и самих людей с ограниченными возможностями здоровья в частности. Следовательно, повышение правовой культуры населения является обязательным условием инклюзии людей с ограниченными возможностями здоровья в современное российское общество.

1. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») [Электронный ресурс] : распоряжение правительства Рос. Федер. от 17.11.2008 г. № 1662-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Правительства, 1 дек. 2015 г., № 1297 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/71265834/> [Вернуться к статье](#)

3. О внесении изменений в распределение субсидий, утв. распоряжением Правительства РФ от 31.03.2014 N 484-р [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства РФ от 21 июля 2014 г. // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70602360/> [Вернуться к статье](#)

4. Об утверждении Программы поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 годы [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Рос. Федер., 26 нояб. 2012 г., № 2190-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Чуринов Н. М. Совершенная личность и личность свободная // Теория и история. 2005. № 1. С. 54–58. [Вернуться к статье](#)
6. Чуринов Н. М. Совершенство и свобода. Красноярск : СибГАУ, 2003. 515 с. [Вернуться к статье](#)
7. Шаповал И. А. Специальная психология : учеб. пособие. М : ТЦ Сфера, 2005. 224 с. [Вернуться к статье](#)
8. Нагорная Л. А., Нагорный Н. Н. Основные направления оптимизации инклюзивного образования в российской высшей школе [Электронный ресурс] // Ростовский научный журнал. № 10. Ростов-н/Д, 2017. С. 59–64. URL: <http://rostjournal.ru/wp-content/journals/RostovScientificJournal102017.pdf> (дата обращения: 01.03.2019). [Вернуться к статье](#)
9. Нагорная Л. А., Нагорный Н. Н. Социализация человека с ограниченными возможностями развития: прошлое, настоящее, сценарии будущего: монография. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2011. 422 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 378.1

ЗНАЧЕНИЕ И СУЩНОСТЬ СТРАТЕГИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КУРСАНТОВ

Л. А. Рябцева

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Могилевский институт МВД (Беларусь)
e-mail: hpkf1983@mail.ru

Аннотация. Автор статьи связывает качество профессиональной подготовки курсантов с возможностью осуществления стратегического управления образовательным процессом.

Ключевые слова: стратегия, формирование стратегий курсантов, высшее профессиональное образование.

Annotation. The author of the article links the quality of professional training of cadets with the possibility of strategic management of the educational process.

Keywords: strategy, the formation of strategies of cadets, higher professional education.

В качестве основ государственной политики в сфере образования выступает ряд принципов, среди которых, согласно ст. 2 Кодекса Республики Беларусь об образовании, особая роль отводится принципу интеграции в мировое образовательное пространство при сохранении и развитии традиций системы образования и принципу поддержки и развития образования с учетом задач социально-экономического развития государства [1]. Ввиду этого особую значимость при ведущей роли стратегического подхода приобретает перспективно-планирующая деятельность в сфере организации образовательного процесса и получения профессионального образования.

Вместе с тем процесс организации получения высшего образования по отдельным специальностям имеет свои индивидуальные особенности. Ярко выраженный характер они приобретают ввиду проводимой кадровой политики со стороны государства в отношении осуществляемого отбора и получения профессионального образования лицами, способными по своим личностным, моральным, деловым и интеллектуальным качествам обеспечивать национальную безопасность Республики Беларусь. К числу таких лиц относятся и сотрудники органов внутренних дел. По этой причине формирование стратегий курсантов как будущих сотрудников правоохранительных органов становится необходимой составляющей их профессиональной подготовки, что обуславливает не только актуальность поднятой темы, но и предопределяет ее практическую значимость.

Изначально возникновение и использование термина «стратегия» было характерно лишь для военной науки. Интеграционные процессы во всех сферах

жизнедеятельности общества привели к необходимости заимствования и адаптации его первоначального содержания к потребностям других областей научного знания (экономики, политики, лингвистики, социологии, психологии, философии). Педагогическая наука не стала исключением. В рамках существующего системного подхода ее научный аппарат пополнился такой терминологической составляющей, как стратегия, что в свою очередь обусловило появление понятий «стратегия обучения», «стратегия образования», «стратегия педагогического взаимодействия», «стратегия воспитания» и т. д.

Понятие «стратегия» напрямую связано с умением стратегического планирования [2], в том числе в контексте получения профессионального образования курсантами ведомственных УВО. Стратегия связывает конечную(-ые) цель (цели), которая(-ые) должна(-ы) быть достигнута(-ы) по окончании периода обучения курсантов как будущих сотрудников органов внутренних дел в УВО, осуществляющем профессиональную подготовку данной категории специалистов для силовых структур государства, и линию поведения, алгоритма действий которой необходимо придерживаться для ее (их) достижения.

В отношении обозначенной категории обучающихся выработка ряда стратегий, позволяющих в том числе осуществлять поэтапную организацию формирования тех компетенций, которые определены образовательными стандартами высшего образования I ступени по соответствующим специальностям в качестве ключевых, приобретает особую значимость. Формирование стратегий курсантов в процессе их профессиональной подготовки определяется структурными составляющими стратегий, наличие отдельных из которых продиктовано как универсальными требованиями, выработанными теорией стратегического планирования, так и спецификой высшего учебного заведения, особенностями организации образовательного процесса в отношении представленной категории обучающихся и т. п. В соответствии с обозначенным следует отметить отсутствие единства в содержании понятия «стратегия», что при этом позволяет вывести ее структуру с учетом внешних и внутренних возможных условий и адаптировать процесс формирования стратегий применительно к курсантам, получающим высшее профессиональное образование.

В авторском представлении базовая структура стратегии должна включать в себя следующие разделы: концептуальные основы (термины, определения, концептуальные положения и т. п.), аналитический блок (анализ внешней и внутренней среды и ее влияющих факторов, взаимодействие стратегий курсантов со стратегиями высшего порядка — стратегия УВО, в котором обучается курсант, стратегия заказчика кадров, стратегия государства), стратегические направления и программы, технология реализации стратегий.

Концептуальные основы представляют собой теоретическую базу, включающую категориальный аппарат, принципы, подходы, идеи. Закрепление отдельных понятий, терминологических единиц позволяет очертить понятийное поле, что способствует конкретизации понимания рассматриваемой проблемы. Подходы и идеи целесообразно выделить как необходимые составляющие методологической основы формирования таких стратегий.

Аналитическая составляющая в выработке стратегий курсантов позволяет сделать процесс формирования направленным, нацеленным на выполнение конкретных поставленных задач, реализация которых позволит достичь главной цели. Создание данного блока — достаточно трудоемкий процесс, поскольку для его проработки необходимо скрупулезно изучить все возможные факторы, способные так или иначе оказывать влияние на формирование стратегий курсантов. В рамках обозначенного раздела целесообразно рассмотреть и учесть, насколько согласуются между собой выработанные стратегии со стратегиями высшего порядка, оценить сонаправленность стратегических целей и задач.

На основе данных, полученных в ходе оценки и мониторинга всех компонентов, возникает необходимость проработки и выбора ключевых направлений и создания программ, в рамках и сообразно с которыми надлежит осуществлять управление процессом формирования вышеуказанных стратегий курсантов в процессе получения ими высшего профессионального образования.

Технология реализации позволит отобрать наиболее эффективные и в то же время отвечающие требованиям эргономики методы и приемы, предусмотреть этапы и формы организации учебной деятельности с учетом современного, но вместе с тем доступного ресурсного обеспечения, планируемого к использованию при формировании заданных стратегий курсантов.

Существенное значение имеет и то, насколько качественно и логично выстроена структура формируемых стратегий, какие компоненты закладываются в их содержание, какие цели и задачи должны быть реализованы с учетом ряда сопутствующих условий и факторов. Перечень компонентов не является закрытым и исчерпывающим и может быть дополнен необходимыми составляющими. Безусловным является то, что для разработки каждого из компонентов стратегии следует удостовериться в целесообразности его введения в структуру стратегии. Необходимость структурного закрепления того или иного элемента может быть подтверждена либо опровергнута предшествующими теоретическими и практическими исследованиями, современной образовательной парадигмой, а в контексте получения высшего профессионального образования курсантами — спецификой учебного заведения, осуществляющего подготовку та-

кого рода специалистов, и особенностями пребывания обучающихся как субъектов образовательных отношений в ведомственном УВО.

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 янв. 2011 г. № 243-З : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2016 г. № 404-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Игнатова В. В., Барановская Л. А. Содействие как педагогическая стратегия [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sodeystvie-kak-pedagogicheskaya-strategiya> (дата обращения: 24.02.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 342(08):3(1)02

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Е. Т. Сатылганов

старший преподаватель, кандидат юридических наук,
Таразский государственный университет
им. М. Х. Дулати (Казахстан)
e-mail: Satylganov_erzhan@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы регламентирования деятельности общественных объединений в Республике Казахстан, а так же исследованы правовые пробелы ограничивающие полноценную реализацию конституционных прав, свобод граждан и общественных объединений.

Ключевые слова: общественные объединения, Конституция, конституционное право граждан на объединения, правовые нормы, национальное законодательство.

Annotation. This article deals with the problems of regulating the activities of public associations in the Republic of Kazakhstan, as well as the conflict of laws rules that limit the full enjoyment of constitutional rights and freedoms of citizens and public associations.

Keywords: public associations, the Constitution, the constitutional right of citizens to associations, legal norms, national legislation.

За прошедшие со дня провозглашения независимости Казахстана годы в государстве произошли большие изменения. Гражданское общество в лице организаций, удовлетворяющих потребности граждан, завоевало авторитет в сфере бизнеса, культуры, спорта, СМИ и др.

Однако стоит признать, что в процессе развития гражданского общества, все еще имеют место недочеты. Для исследования некоторых значимых вопросов, складывающихся в повседневной практике, необходим взвешенный, всесторонний анализ нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность общественных объединений.

Как известно, процесс формирования правового государства в Казахстане существенно повышает роль институтов гражданского общества, посредством которых крепнут структуры и отношения в социуме, основанные на известном науке и практике, закреплённом на конституционном уровне, принципе политического многообразия.

Права и свободы человека, их обеспечение и гарантии являются одной из актуальнейших проблем в современной юриспруденции. Так, в ходе работы Всемирной конференции по правам человека в Вене в 1993 г. была разработана Венская декларация и Программа действий для выработки конкретных универ-

сальных мероприятий по эффективному улучшению ситуации в области прав и свобод человека. В рамках данной конференции было внесено предложение — каждой стране рассмотреть возможность разработки Национального плана действий в области прав человека.

Казахстан, являясь независимым государством, равноправным членом мирового сообщества, активизирует свою деятельность в области прав человека, концентрируя усилия на формировании правовых рамок и создании механизма его обеспечения. Важно отметить, что за годы независимости Республикой Казахстан предприняты серьезные шаги по закреплению международных стандартов в области прав человека в национальном законодательстве.

Для реализации решений Всемирной конференции по правам человека, в соответствии с резолюцией международного круглого стола от 17 апреля 2006 г., посвященного вопросам разработки Национального плана действий в области прав человека, нашим государством подготовлен Национальный план. Состав рабочей группы был подобран на паритетной основе: 50 % членов рабочей группы составляли представители неправительственных организаций (далее — НПО) и 50 % — представители государственных органов [1].

Мероприятия, содержащиеся в данном Национальном плане, как известно, направлены на информирование главы государства, Парламента и Правительства Республики Казахстан (далее — РК) о ситуации относительно прав и свобод человека в Казахстане, выявлении пробелов в национальном законодательстве и правоприменительной практике, уровне правовой защищенности человека и его информированности о своих правах, узловых проблемах в сфере защиты прав человека, а также совершенствовании деятельности национальных правозащитных институтов и конкретных шагов по их решению.

Кроме того, данный программный документ был нацелен на:

- определение приоритетных направлений работы в сфере защиты прав человека, требующих скоординированных действий всех ветвей власти и НПО при широкой поддержке населения;
- привлечение внимания властных структур и общественности к неблагоприятным ситуациям и проблемам в области прав человека;
- определение основных направлений развития законодательной и правоприменительной практики в области прав человека, содействующей созданию комплексной системы защиты прав человека, сочетающей в себе внутринациональные и международные стандарты и нормы, государственные и общественные механизмы;
- установление тесной координации национальной системы защиты прав человека с международно-правовыми системами;
- развитие правового просвещения населения.

В концептуальной части Национального плана проводится аналитика актуальных проблем в сфере обеспечения гражданских, политических, социальных, экономических и культурных прав человека и гражданина.

Однако современная практика показывает, что в работе госорганов и НПО в сфере обеспечения и защиты прав человека отсутствуют единство и координация. Ряд инициатив со стороны госорганов не находит должного отклика со стороны казахстанских НПО и международных организаций, а также недостаточно поддерживается властными структурами.

Основными причинами сложившегося положения, на наш взгляд, являются отсутствие достаточного опыта, концептуально-методической адаптации мировой правозащитной мысли к нашей действительности, необходимой правовой базы. Исходя из изложенного, представляется важным создание правозащитного комплекса, который будет способствовать системной организации работы в сфере защиты и поощрения прав человека.

Так, в поддержку данным инициативам был разработан Национальный план действий в области прав человека в Республике Казахстан на 2009–2012 гг. [1], который стал консолидированной программой, предусматривающей конкретные шаги по совершенствованию законодательства о правах человека, национальной системы защиты прав человека, а также улучшению осведомленности населения о правах человека и механизмах их защиты.

Обратимся к истории создания данного программного документа. Итак, Национальный план — первый в истории стран Центральной Азии и Казахстана развернутый документ, содержащий основные направления внутренней и внешней политики Республики Казахстан в сфере прав человека и предложения по совершенствованию механизмов их защиты.

Так, детально анализируя базовые принципы по соблюдению прав человека, на наш взгляд, необходимо рассмотреть перспективы совершенствования правозащитных механизмов в Казахстане, в частности права на объединение. Право на объединение в Казахстане прежде всего регулируется статьями 5 и 23 Конституции РК [2], разделом VII главы 2 Гражданского кодекса [3], законами о некоммерческих организациях, о политических партиях, об общественных объединениях, о профсоюзах, о свободе вероисповедания и религиозных объединениях, некоторыми положениями законодательства о национальной безопасности и противодействии экстремизму, уголовным, административным и налоговым законодательством, а также целым рядом подзаконных актов: инструкциями, правилами, положениями и т. д.

Рассмотрим некоторые теоретические аспекты свободы объединения граждан, на основе чего, людям предоставлено право коллективно выражать и отстаивать общие интересы, в том числе, гражданина Республики Казахстан.

Гарантии права на объединение содержатся в основных международных документах по правам человека, в частности в ст. 20 Всеобщей декларации прав человека [4], ст. 22 Международного пакта о гражданских и политических правах [5], во многих конвенциях ООН и региональных документах по правам человека.

Ряд положений, касающихся обязательств по обеспечению права на объединение, содержатся в документах ОБСЕ, принятых на совещаниях этой организации. Безусловно, следует отметить, что Казахстаном ратифицирован Международный пакт о гражданских и политических правах, а при вступлении в ООН и ОБСЕ взяты определенные обязательства по соблюдению основных прав и свобод человека, в том числе права на объединение.

Эти обязательства отражены в Конституции РК. Однако, на наш взгляд, в целях расширения функции НПО по соблюдению прав, свобод человека и гражданина, а также участия НПО в реализации Национального плана государства нами усматривается необходимость совершенствования действующего законодательства, регулирующего организацию и деятельность общественных объединений.

Следовательно, речь идет не только о политическом обязательстве гарантировать право на объединение, но и о том, как это обязательство должно реализовываться в конкретных ситуациях, т. е. на практике.

Рассмотрим правовое положение общественных организаций в Республике Казахстан. Так, п. 1 ст. 23 Конституции РК, устанавливает, что граждане Республики Казахстан имеют право на свободу объединений. Деятельность общественных объединений регулируется законом. Если исходить из смысла фразы данного пункта, то Конституция РК в полном соответствии с международным правом гарантирует гражданину право объединяться с другими гражданами в целях создания общественных объединений.

Однако, исходя из смысла положений п. 1 ст. 23 и ст. 5 Конституции РК [2], закреплена только одна форма объединения — общественные объединения, деятельность которых регулируется законом.

Так, согласно ст. 5 Конституции РК запрещаются создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение конституционного строя, нарушение целостности республики, подрыв безопасности государства, разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной, сословной и родовой розни, а также создание не предусмотренных законодательством военизированных формирований [2]. Вышеперечисленные запреты содержатся в ст. 5 Закона РК «Об общественных объединениях» от 31 мая 1996 года [6]. Однако в данный закон законодателем

были вынесены дополнительные ограничения, а именно запрет на деятельность незарегистрированных общественных объединений.

Как известно, в пояснительной записке, относительно основополагающих принципов статуса неправительственных организаций в Европе отражено, что в большинстве государств-членов это право нашло отражение в бурном росте количества зарегистрированных организаций некоммерческого сектора, которое составляет от 2 до 3 миллионов, причем эта цифра не учитывает неофициальные, незарегистрированные объединения, которых очень много в некоторых странах. Число неправительственных организаций растет, и эта тенденция неразрывно связана с идеалами свободы и демократии, которыми руководствуются Совет Европы и входящие в его состав государства [7].

Однако, как видим, вопрос незарегистрированных объединений в Основном законе не рассматривается. В казахстанском законодательстве имеет место запрет на деятельность незарегистрированных общественных объединений [6], что создает определенные проблемы в использовании юридических терминов и понятий.

По мнению ряда исследователей, представляется юридически необоснованным термин «незарегистрированное общественное объединение». Согласно ст. 34 Гражданского кодекса РК общественное объединение — это одна из организационно-правовых форм некоммерческой организации, которая в свою очередь является одним из видов юридического лица [3]. Это правовой статус. До регистрации в органах юстиции общественного объединения оно юридически не существует, а имеет место быть группа граждан, претендующая на приобретение правосубъектности юридического лица в виде некоммерческой организации и организационно-правовой формы — общественного объединения. То есть, если группа граждан называет себя комитетом, советом, клубом, общественной организацией и т. д., то это еще не означает, что она является общественным объединением [3].

Однако законодателем в Законе РК «Об общественных объединениях» в абзаце 5 ст. 5 прописано, что «не допускается создание и деятельность общественных объединений, посягающих на здоровье и нравственные устои граждан, а также деятельность незарегистрированных общественных объединений». В данном контексте нормы усматривается недопущение деятельности незарегистрированных общественных объединений.

В пояснительной записке к основополагающим принципам статуса неправительственных организаций в Европе усматривается, что в большинстве государств-членов это право нашло отражение в бурном росте численности зарегистрированных организаций некоммерческого сектора, в которые входит от 2 до 3 миллионов человек, причем эта цифра не учитывает неофициальные, не-

зарегистрированные объединения, которых очень много в некоторых странах. Число неправительственных организаций растет, и эта тенденция неразрывно связана с идеалами свободы и демократии, которыми руководствуются Совет Европы и входящие в его состав государства [7]. Данная тенденция, а именно деятельность незарегистрированных общественных объединений, препятствует реализации конституционных прав и свобод граждан, закрепленных в статье 32 Конституции РК.

По нашему мнению, в целях полноценной реализации конституционных прав и свобод граждан, а также общественных объединений законодателем допущен правовой пробел, а именно права общественных объединений на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирований, которые предусмотрены в Законе РК «Об общественных объединениях», не закреплены в Конституции РК. Для разрешения данной проблемы, на наш взгляд, необходимо внести изменение и дополнение в действующую Конституцию РК, а именно ст. 32, которая изложена в следующей редакции: «Граждане РК вправе мирно и без оружия собираться, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование. Пользование этим правом может ограничиваться законом в интересах государственной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья, защиты прав и свобод других лиц» дополнить и изложить в следующей редакции: «Граждане и общественные объединения Республики Казахстан вправе мирно и без оружия собираться, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование. Пользование этим правом может ограничиваться законом в интересах государственной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья, защиты прав и свобод других лиц».

Именно такая редакция, на наш взгляд, устраним коллизионные нормы, а так же даст возможность полноценно реализовать конституционные права и свободы граждан.

Безусловно, Конституция РК занимает главенствующее положение в системе действующего права, в связи с чем ее принципы и нормы являются исходными в правовой системе. Прав К. К. Айтхожин, отмечая, что «верховенство Основного закона РК обуславливает формирование эффективного механизма ее реализации, обеспечения прямого действия принципов, формирования традиций уважения к Конституции РК и иным нормативным правовым актам, институтам государственной власти, как непреходящим ценностям» [8].

Как было отмечено выше, в Законе «Об общественных объединениях» законодателем неуместно использован термин «незарегистрированное общественное объединение» [6]. Данный термин не урегулирован в Конституции РК, а также в действующем Гражданском кодексе РК. На основе чего, по нашему мнению, 5 абзац ст. 5 Закона «Об общественных объединениях» должен быть

изложен в следующей редакции: «не допускается создание и деятельность общественных объединений, посягающих на здоровье и нравственные устои граждан, а также деятельность группы лиц незарегистрированных как общественное объединение». Данная редакция будет соответствовать положениям Гражданского кодекса РК. А правовой статус юридических лиц законодателем предусмотрен в параграфе 2 ГК РК [3].

Таким образом, на основе проведенного анализа правового регулирования предложенное нами внесение изменений и дополнений в Конституцию РК и Закон РК «Об общественных объединениях» будет отражать принципы законности и справедливости демократического государства на современном этапе. Мы солидарны с мнением Э. Э. Дуйсенова относительно того, что конституционно-правовые нормы служат основой для принятия всей массы нормативного материала [9].

1. Национальный план действий в области прав человека в Республике Казахстан на 2009–2012 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30538980#pos=0;0 (дата обращения: 24.02. 2019). [Вернуться к статье](#)

2. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 30 авг. 1995 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Респ. Казахстан «Әділет». 2017. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/> (дата обращения: 24.02. 2019). [Вернуться к статье](#)

3. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) [Электронный ресурс] : 27 дек. 1994 г., № 268-ХІІІ // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Респ. Казахстан «Әділет». URL: <http://adilet.zan/rus/> (дата обращения: 24.02. 2019). [Вернуться к статье](#)

4. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : 10 дек. 1948 г. Утверждена резолюцией 217 А (ІІІ) от 10 дек. 1948 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Респ. Казахстан «Әділет». URL: <http://adilet.zan/rus/> (дата обращения: 24.02. 2019). [Вернуться к статье](#)

5. О ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан: 28 нояб. 2005 г. № 91 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Респ. Казахстан «Әділет». URL: <http://adilet.zan/rus/> (дата обращения: 24.02. 2019). [Вернуться к статье](#)

6. Об общественных объединениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 31 мая 1996 г., № 3 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Респ. Казахстан «Әділет». URL: <http://adilet.zan/rus/> (дата обращения: 24.02.2019). [Вернуться к статье](#)

7. Основополагающие принципы статуса неправительственных организаций в Европе [Электронный ресурс] : Решение Комитета Министров Совета Европы 837-ое заседание, 16 апр. 2003 г. URL: http://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/03/SA_2R_85-1461.pdf (дата обращения: 24.02.2019) [Вернуться к статье](#)

8. Айтхожин К. К. Конституция Республики — вектор поэтапных демократических преобразований в Казахстане // ҚР Әділет Министрлігінің Жаршысы=Вестник Министерства юстиции РК. 2017. № 4. С. 44–49. [Вернуться к статье](#)
9. Дуйсенов Э. Э. Государственная служба Республики Казахстан. Алматы, Улагат. С. 237. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.5

ЗНАЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

А. А. Чесноков

доцент кафедры экономической безопасности,
учета, анализа и аудита,
кандидат юридических наук, доцент,
Алтайский государственный университет (Россия)
e-mail: chesnokovaa@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реализации ценностного подхода к правовой политике государства, проблемы преемственности традиционных и восприятия западных правовых ценностей в сфере регулирования социально-экономических отношений. Показана значимость использования сложившихся институтов для качественных государственно-правовых реформ.

Ключевые слова: социальный институт, православие, традиции, права человека, правовые ценности, государственное строительство.

Annotation. The article deals with the problems of continuity of the legal policy of Russia in the sphere of regulation of social and economic relations. The importance of using the existing institutions for qualitative state and legal reforms is shown.

Keywords: social institution, orthodoxy, traditions, human rights, legal values, state building.

Человечество подобно маятнику, который с определенной периодичностью склоняется к различным ценностям, зачастую взаимоисключающим. Но можно с определенной уверенностью утверждать, что происходящее в обществе сегодня коренится в прошлом нашей страны.

Так, на последнее тысячелетие государственного строительства Западной и Российской цивилизации сильнейшее влияние оказало принятие христианства. Этот процесс сформировал мессианскую идеологию (идея Третьего Рима), создал предпосылки укрепления сотрудничества с европейскими государствами, ускорил взаимопроникновение культур и общественных институтов. Именно византийские монахи Кирилл и Мефодий сформировали единые правила письменности. Возведение монастырей сопровождалось появлением общедоступных школ, что способствовало распространению не только грамотности, но и мировоззрения. Византийские священнослужители привезли на Русь сборники канонического права. С целью защиты своих интересов церковь добивалась от княжеской власти утверждения церковных уставов, закрепляющих статус духовенства, их льготы, а также церковную подсудность.

Постепенно расширяется влияние права, формируемого церковью на семейные, наследственные, а затем и процессуальные правоотношения. Здесь уже намечаются дальнейшие пути развития краеугольного камня рыночных отношений — частной собственности и дальнейшее расхождение путей развития права со странами Западной Европы.

Так, Н. В. Сомин выделяет три последовательные модели отношения христианства к богатству и собственности:

- 1) святоотеческая;
- 2) умеренная;
- 3) протестантская.

Первая предполагает вредность богатства, накопления собственности, святость коллективного имущества. Вторая допускает праведно нажитое богатство, но негативно относится к ростовщичеству и стяжательству. Третья рассматривает богатство и накопление частной собственности как цель человека, символ его служения высшей силе [1].

В результате цивилизации, формирующиеся к западу от нас, в качестве идеологической основы восприняли квазирелигию, которая могла выражаться в реформации, католицизме, иудаизме но в основе ее были такие ценности, как сакральность частной собственности, отверженность бедности, накопление капитала и гипериндивидуализм на грани диктата интересов меньшинства большинству.

Именно здесь принципиально разошлись пути формирования западной и отечественной правовых систем, даже несмотря на реакционные попытки утвердить западную правовую идеологию. Действительно, классического «европейского» феодализма на Руси не сформировалось, так же как и не было рабовладельческого строя в его формационном понимании. Действительно, рабовладение никогда не дотягивало до уровня социально-экономического базиса, хотя холопство встречается в официальных источниках со времени появления Русской правды (сборника правовых норм, датируемых от 1016 г.) и упоминается вплоть до 1679 г., когда в ходе налоговой реформы холопы были признаны государственными тяглецами (налогоплательщиками), чем юридически были приравнены к крестьянам. Лишь позднее в ходе петровских и екатерининских реформ по западным лекалам происходит жесткое закабаление и эксплуатация основной массы населения России.

Именно на идеологии примата частной собственности создавалась концепция гражданского общества, взятая на вооружение при конституционном строительстве Российской Федерации, по сути, являющаяся средством обороны в войне всех против всех, особенно против угрозы изъятия собственности публичной властью.

Если же учесть менталитет российского народа, то очевидно, что в основе мировоззрения подавляющей его части может лежать православие, ислам, наконец, просто морально-этические ценности, которые устанавливают не примат, но равновесие индивидуальных и общинных (коллективных) начал, а при необходимости — добровольное самоограничение. Именно эти ценности обеспечили выживание страны в самые трудные периоды ее становления, в том числе в годы Великой Отечественной войны.

Характерной особенностью нашего правового менталитета, политической системы в целом выступает также патерналистское отношение власти и населения (социальный контракт «забота-подчинение»).

Все это далеко не полностью вписывается и в разработанную в западных странах концепцию прав человека, учитывающую государство как единственный источник нарушения прав граждан. Действительно, причинение вреда законным интересам, даже жизни и здоровью гражданина вне деятельности должностных лиц государства не рассматривается на Западе как нарушение прав человека. И нет ничего удивительного в распространении в нашем обществе откровенного правового нигилизма, внутреннем сопротивлении правовым реформам, что явно снижает эффективность институтов, казалось бы, апробированных за столетия в европейских странах [2, с. 147]. Даже коммунистическое мировоззрение стало более приемлемым для общинных основ национального менталитета, так как оказалось созвучно идеологии Российской империи, основанной на соборных, патерналистских, православных ценностях, добавив ощущение личной причастности к важнейшим процессам государственного строительства, чем был определен его успех на внутренней и международной арене.

Поэтому сегодня требуются не частные корректировки законов в поисках их эффективности, а построение целостной правовой системы, основанной на единой идеологической основе, понятной и принимаемой большинством населения. Очевидно, что это работа не одного года или даже десятилетия, но для создания долгоживущей, действенной правовой системы это представляется неизбежным.

1. Сомин Н. В. Экономические категории в Священном Писании и Церковном учении [Электронный ресурс] : курс лекций. Лекция 6 «Основные парадигмы христианского отношения к хозяйственной сфере» // Сайт «Христианский социализм как русская идея». URL: <http://chri-soc.narod.ru> (дата обращения: 01.12.2018). [Вернуться к статье](#)

2. Хужин А. М. К вопросу об использовании институционального подхода к анализу экономико-правовых явлений // Алтайский юридический вестник. 2017. № 3. С. 145–150. [Вернуться к статье](#)

УДК 316

ВЗЯТКА ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

В. В. Юдин

старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин,
Могилевский государственный
университет продовольствия (Беларусь)
e-mail: zylycmanzor1@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается отношение студентов к такому явлению жизни вуза, как взятка. Уделяется внимание готовности студентов разрешить возникающие трудности на экзаменах и зачетах при помощи неофициальных выплат, подарков. Все данные, которые используются в статье, получены в результате исследования, проведенного в 2016 году по теме «Социальные факторы противодействия коррупции в современном белорусском обществе», выборочная совокупность составила 765 респондентов. Опрашивались студенты старших курсов нескольких белорусских вузов, расположенных в Могилеве, Минске, Гродно, Бресте, Витебске, Гомеле.

Ключевые слова: студенты, взятка, экзамен, зачет, коррупция.

Annotation. The article discusses the attitude of students to the phenomenon of the life of the university as a bribe. Attention is paid to the readiness of students to solve the arising difficulties in examinations and tests with the help of unofficial payments and gifts. All the data used in the article, the results of a study conducted in 2016 on the topic «Social factors of combating corruption in modern Belarusian society», the sample totals 765 respondents. Senior students of several Belarusian universities located in the cities of Mogilyov, Minsk, Grodno, Brest, Vitebsk, Gomel were surveyed.

Keywords: students, bribe, exam, credit, corruption.

Существование в вузах такого явления, как взяточничество, фиксируется на фоне невысокой правовой культуры молодежи и студентов, в частности проявляющейся в плохом знании не только законов, но Конституции Республики Беларусь [1, с. 52–53]. Первое, на что мы обратим внимание — считают ли студенты необходимым бороться с таким явлением в жизни вуза, как взятка? Данные опроса показывают, что только четверо из десяти студентов (40,4 %) однозначно считают, что с взятками бороться нужно. Затрудняются ответить на этот вопрос 37,8 % опрошенных студентов. Среди студентов фиксируется небольшая группа индифферентных к проблеме борьбы со взятками (3,9 %) и 17,9 % опрошенных студентов считают, что бороться не нужно. Однако открытый вопрос анкеты о способах борьбы с неофициальными выплатами, подношениями, подарками (взятками) в вузе уже около 80 % респондентов оставили попросту без ответа.

В этой связи проанализируем ответы студентов на вопрос, готовы ли они сами противодействовать взяточничеству в вузе? Вопрос анкеты о действиях

студентов в случае неофициальных подношений (взятки) предполагал несколько вариантов ответа. Самым популярным для студентов оказался вариант ответа — «Меня это не касается» (46,7 %). Незначительная часть опрошенных студентов проявляет склонность к активной гражданской позиции по отношению нарушения законодательства о взяточничестве. Так, 3,8 % опрошенных обязательно обратились бы в правоохранительные органы и 7,6 % сообщили бы об инциденте в администрацию вуза, а 7,3 % — никуда не намерены обращаться и вообще ничего плохого не видят в неофициальных подношениях (взятках) в вузе. Отметим группу студентов, которая собирается действовать по ситуации (16,7 %), иными словами, если преподаватель потребует слишком много, по мнению студентов, то они сообщат об этом, проявят гражданскую позицию и воздержатся от действий, запрещенных законом. Каждый пятый опрошенный студент (21 %) так и не высказал определенного мнения о своих действиях или бездействиях в случае нарушения в вузе законодательства о взяточничестве, если студент станет этому свидетелем.

Как видим, студенты с некоторым безразличием отнеслись к необходимости бороться со взятками в вузе. Выясним, считают ли студенты возможным делать какие-либо подношения преподавателям за благоприятный исход экзамена или зачета. Данные опроса показали, что для каждого второго студента делать подобного рода подношения преподавателю неприемлемо (52,5 %). Каждый пятый из числа опрошенных студентов не смог ответить определенно на вопрос анкеты о подношениях за зачет или экзамен (20,5 %). Значительная группа студентов считает возможным делать подношения преподавателям за благоприятный исход экзамена или зачета: при всяком случае — 2,9 % опрошенных студентов; по ситуации — 22,2 % студентов, принявших участие в исследовании.

Как часто студенты участвуют в задабривании преподавателей во время сессии? Большинство опрошенных (68,1 %) утверждают, что никогда не одаривали преподавателей во время сессии. Опрос показал, что некоторым студентам приходится раскошелиться на подарки преподавателям практически каждую сессию (1,8 %); еще 2,2 % опрошенных студентов заявили, что подарки делаются в половине случаев сдачи экзаменов и зачетов. Утверждают, что подобное было один или несколько раз, 13,8 % опрошенных студентов; 14 % не захотели отвечать на этот вопрос. Отказ от ответа на вопрос об участии в «задабривании» преподавателей заставляет задуматься.

Как сами студенты относятся к тем преподавателям, которые принимают подарки в связи с экзаменами и зачетами? Мнения студентов в данном случае разошлись. 47,1 % студентов относятся нейтрально и к преподавателям, и к тому, что они берут, используя свое положение, подарки. Почти столько же среди

опрошенных студентов (44,5 %) отрицательно относятся к тем преподавателям, которые берут подарки за экзамены и зачеты. Положительное отношение к обозначенному явлению высказали только 7,6 % опрошенных студентов.

Как показывает исследование, 15,7 % опрошенных студентов лично или вместе с группой одаривали преподавателей в связи с экзаменами или зачетами. 70,7 % опрошенных студентов не принимали участия в подобных действиях и 13,6 % не захотели отвечать на этот вопрос анкеты.

Кто является инициатором подношений подарков преподавателям во время экзаменов и зачетов? Каждый четвертый (25,9 %) опрошенный студент показал свою неосведомленность в этом вопросе. Нет никаких инициатив, и никто ничего не дарит, утверждают 43,8 % опрошенных, а вот 20,2 % опрошенных считают инициаторами подношений преподавателям самих студентов.

Реже всего, как показывают результаты опроса студентов, инициатива исходит от преподавателей. Только 1,3 % опрошенных заявили, что именно преподаватели являлись инициаторами подношений. Судя по ответам студентов на вопрос анкеты об инициаторах «отблагодарить» преподавателя за лояльное отношение на зачете или экзамене, влияет и предмет, и ситуация. Так, 6,3 % считают, что все зависит именно от ситуации и предмета. Как показывают результаты исследования, прежде всего студенты делают подарки при сдаче зачетов и экзаменов по специальным дисциплинам (7,6 %), далее идут гуманитарные (5,8 %) и экономические дисциплины (5,6 %) и, наконец, математические с естественными (4,2 %). Отметим, что 71,8 % опрошенных студентов заявили, что им не приходилось делать подарков, 10,1 % опрошенных не ответили на вопрос.

Подводя итоги, отметим, что студенты, реализуя свое право на получение высшего образования, иной раз забывают об обязанности соблюдать закон, что происходит на фоне низкой правовой культуры. Данная ситуация совершенно не приемлема, поскольку может отразиться на качестве подготовки специалистов.

1. Дыжова, А. А., Демидова А. В. Правовая культура и правовое сознание учащейся молодежи : социолого-правовой анализ. Могилев : ОУ «МГУП», 2013. 165 с.
[Вернуться к статье](#)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

УДК 34.01(476)(091)

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ГОРОДАХ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ МЕЩАН В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

М. М. Атрушкевич

доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат исторических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
e-mail: maratmih@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению изменений в городском законодательстве на территории белорусских земель после их включения в состав Российской империи в конце XVIII в. и их влияния на правовую культуру мещан. В ней идет речь об особенностях функционирования системы городского права на территории Беларуси в данный период. Автор статьи также характеризует основные нормативные правовые акты, действовавшие в белорусских городах в конце XVIII в.

Ключевые слова: белорусские земли, город, правовая культура, законодательство, право, городская дума, суд, управа благочиния, Российская империя.

Annotation. The article is devoted to a study of changes in the city legislation on the territory of Belarus after it incorporated into the Russian Empire and impact on legal culture in the late of XVIII century. The work deals with peculiarities of the city's law system functioned on the territory of Belarus in the mentioned period. The author also describes the main legal acts that are valid in Belarusian cities at the end of the XVIII century.

Keywords: Belarusian land, city, legislation, law, legal culture, City Council, court, council deanery, Russian empire.

После включения территории Беларуси в состав Российской империи в конце XVIII в. нормы магдебургского права в городах постепенно отменялись и вся жизнь мещан организовывалась в соответствии с российским законодательством. Деятельность городских магистратов подтверждалась на территории Восточной Беларуси указом 1775 г., а в центральной и западной Беларуси — указом 1795 г. [1, с. 452].

К числу предшествовавших законодательных реформ в белорусских губерниях принадлежит введение «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» Указом сената от 7 ноября 1775 г., который преломлялся

на территории Беларуси с учетом местных норм и обычаев в сфере управления [2, с. 229–304]. В этом документе отражалась идея о важности и необходимости отделения судебной власти от административной. Осуществление этой идеи в определенной мере отразилось и на городском самоуправлении, в особенности, на деятельности магистратов. На основе «Учреждений управления для губерний Всероссийской империи» от 1775 г. магистраты в белорусских городах являлись исключительно судебными органами: «Магистраты в городах выполняют судебные функции». Об административной же их деятельности в нем почти ничего не говорилось [3, с. 315]. Однако в приведенном нормативном правовом акте специально не оговаривалось, что из компетенции магистратов окончательно была отделена административная функция.

Согласно указу от 7 ноября 1775 г. в губернских городах на территории Беларуси учреждались губернские магистраты, которым подчинялись ратуши и городские магистраты всей губернии [4, с. 233, ст. 27, 28, 32]. Губернские магистраты состояли из шести заседателей, избравшихся из купечества и мещанства губернского города [5, с. 24]. На основании «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» (гл. XX) старосты и словесные суды в белорусских городах сохранялись (ст. 277). Ратуши были оставлены только в мелких городах. Их членов выбирали через три года по баллам. В небольших посадах, где было менее 500 душ, избиралось по одному бургомистру и по два ратмана, а в больших посадах такое же количество, что и в городах [2, ст. 278].

В целом в сенатском указе от 7 ноября 1775 г. подробно определялись предметы ведомства, порядок делопроизводства в городских и губернских магистратах и ратушах, отношение их как к другим губернским «установлениям», так и к высшим государственным органам. При каждом городском магистрате в городах на территории Беларуси учреждался городской сиротский суд [2, с. 122, ст. 30]. В этом суде председательствовал городской голова, и заседали два члена магистрата и городской староста (ст. 31).

На основе «Учреждений для управления губерний...» в городах белорусских губерний были образованы городские правления. Во главе их стояли городничие, подчинявшиеся губернским правлениям. В их функции входило обеспечение внутренней безопасности, судебное разбирательство по мелким проступкам, охрана казенных зданий, расквартирование войск, взыскание по бессрочным обязательствам [6, с. 240]. Эти законодательные акты повлияли активным образом на формирование правовой культуры мещан белорусских городов, так как им в обязательном порядке предписывалось органами государственной власти и управления Российской империи постигать основы российского городского законодательства.

Таким образом, органами управления в городах на территории Беларуси в конце XVIII в. были «управа благочиния», в которой заседали городничий, пристав криминальных дел, пристав гражданских дел и два ратмана, а также городской магистрат [7, с. 113]. После обнародования указа от 7 ноября 1775 г., были изданы многие постановления, имевшие временное значение в белорусских городах. В некоторых из них прямо указывалось, что в скором времени в сфере городского самоуправления будут проведены радикальные реформы. Одни из этих постановлений касались различных реформ в общественном городском самоуправлении, в других определялись права и обязанности мещан и самих городов [2, с. 89].

В конце XVIII в. был издан ряд постановлений, на основании которых определялся переход разного рода лиц в городские мещанские сословия, переход из одного сословия в другое и, наконец, переход городских обывателей в сельские сословия. Так, например, манифесты 17 марта 1775 г. и 25 июля 1777 г. подтверждали старую систему о двойных податных повинностях по городу и селу для переходящих на территории Беларуси, но вместе с тем содержали намеки на возможное ее изменение в близком будущем [2, с. 420–424, 538–539]. Особенно интересен манифест 1777 г., в котором о двойных платежах говорилось лишь как о временной мере до срока выхода нового закона. Однако время шло, а реформа переписи в белорусских городах так и не была осуществлена. Указом сената от 2 июля 1782 г. также подтверждалась старая система, вместе с тем властям давалось указание предотвращать наплыв крестьян в города Российской империи [8, с. 622–623; 9, с. 56–57].

Новые коренные изменения в сфере городского самоуправления последовали в конце XVIII в. Их необходимость объясняется тем, что в связи с торгово-промышленным развитием Российской империи возросло значение городов, а следовательно, и роль среднего мещанского сословия стала более значительной, чем раньше. 21 апреля 1785 г. была обнародована Грамота на права и выгоды городам Российской империи, а также Городовое положение императрицы Екатерины II, распространявшиеся и на города на территории Беларуси, самоуправление в которых начало осуществляться по образцу и подобию русских городов [10, с. 358–384]. Эти нормативные правовые акты обязывали мещан белорусских городов в конце XVIII в. жить на основе нового российского городского законодательства, что оказывало влияние на формирование их правовой культуры.

Закон о городах 1785 г. шел дальше петровских магистратов в деле создания городского самоуправления, так как расширял формы организации, компетенцию и направления деятельности выборных органов, точнее определял права различных категорий городских обывателей. Новым также был и тот факт,

что Городовое положение 1785 г. впервые устанавливало права и привилегии городов [11, с. 15]. В частности, закреплялось право собственности города на принадлежащие ему земли, сады, поля, пастьбы, луга, реки, леса, рощи, кустарники, водяные и ветряные мельницы и т.д. «Все оныя, вообще, и каждое порознь ненарушимо иметь и оным пользоваться мирно и вечно на основании законов, как внутри города, так и вне оногo» [10, с. 359].

Еще на основе указа сената «О городских землях» от 19 мая 1781 г. (ст. 6) утверждалось, что каждому городу должны принадлежать городские земли, но «тут встречаются трудности, так как во многих местах городских земель еще не отмерено, потому что положенного на выгоны количества земли оказалось не присвоено городам в достаточности» [12, л. 79]. В указе были прописаны нормы, предписывающие: «...произвести в действие с одним бургомистром и одним ратманом в присутствии городского главы для ограничения границы городских земель назначить, и межевые знаки поставить...», и идет ссылка на статьи Городового положения, касающиеся права собственности города на принадлежащие ему земли, сады, поля, а также запрет на застройку городских выгонов [12, л. 80–82].

Жителям белорусских городов часто приходилось доказывать свое право на обладание землей и недвижимым имуществом. Так, например, Радошковичский магистрат в период с 1796 по 1797 г. занимался сбором различных документов для подтверждения права владения городским имуществом, в частности, городской мельницей. В качестве основного аргумента приводился тот факт, что данная мельница была построена на деньги горожан [13, л. 57–58].

Таким образом, мещанам белорусских городов необходимо было действовать на основе нового российского законодательства, что в свою очередь оказывало значительное влияние на формирование их правовой культуры в целом. Правовая культура диктует каждой личности принципы правового поведения, а обществу — систему правовых ценностей, правовые идеалы, обеспечивающие единство и взаимодействие правовых институтов и учреждений. Правовая культура — показатель уровня и особенностей правового развития общества и государства, зеркало его правосознания [14]. Правосознание — явление идеальное, непосредственно не наблюдаемое. Оно представляет собой сферу или область сознания, отражающую правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, социально-правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение (деятельность) людей в юридически значимых ситуациях.

Города на территории Беларуси имели право устраивать ярмарки, устанавливать места, дни и часы торговли [15, с. 150]. Все мещане городов, в том числе и дворяне, обязаны были нести установленные «тягости», то есть повин-

ности и сборы, которые местные органы власти не могли увеличить без разрешения высших органов управления. Шляхта освобождалась от личных податей и служб в силу данных им привилегий. От городских повинностей, податей и служб полностью освобождались военные и гражданские чиновники. Каждый белорусский город получал герб и должен был «строиться по утвержденному плану за подписанием руки Императорского Величества» [16, с. 359].

Для торгово-промышленного населения белорусских городов городские магистраты выполняли функции суда: решали вексельные иски мещан (купцов и ремесленников и др.) между собой, а также разрешали другие иски гражданско-правового и уголовно-правового характера. В качестве административно-полицейского органа магистраты должны были выполнять противопожарные мероприятия и следить за санитарным состоянием города, наблюдать за торговлей, за правильностью мер и веса [10, с. 388–397].

Таким образом, городские магистраты заботились о нуждах города и отстаивали его интересы перед верховной властью, а также должны были следить за тем, чтобы на города «не были наложены какие-либо новые подати, службы или тягости» без санкций высших органов государственной власти [10, с. 359]. Анализ практической деятельности магистратов белорусских городов свидетельствует о том, что в целом управление городскими доходами, постройка и ремонт дорог, мостов и других объектов, сдача городской земли в аренду, контроль за соблюдением меры и веса в городе, проведение ярмарок и т. д. входили в их компетенцию.

Магистраты белорусских городов являлись основными органами городского самоуправления в конце XVIII в. Именно в этом заключается одна из особенностей реализации на территории Беларуси норм Городового положения 1785 г.

Таким образом, правовая культура — часть общей культуры данного общества и государства [14]. Она тесно связана с правосознанием, опирается на него, но представляет собой относительно самостоятельную категорию, так как включает в себя не только социально-психологические процессы, протекающие в обществе, но юридически значимое поведение членов общества, правовую деятельность в виде правотворчества и его результатов, традиции правотворчества, практику функционирования правовых институтов в целом. В целом перечисленные законодательные акты о городах, действовавшие на территории Беларуси, оказали существенное влияние на формирование правовой культуры мещан белорусских городов в конце XVIII в.

1. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. Т. 2. Беліцк – Гімн / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Б. І. Сачанка (галоўн. рэд.) і інш.; маст. Э. Э. Жакевич. Мінск : Бел. Эн., 1994. 537 с. [Вернуться к статье](#)

2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1-е: Т. 20. СПб., 1830. 1034 с. [Вернуться к статье](#)
3. Энциклопедический словарь / Брокгауз и Эфрон. Минск : Бел. Эн., 1994. Т. 2. 537 с. [Вернуться к статье](#)
4. ПСЗРИ. Собрание 1-е: Т. 21, СПб., 1830. 1039 с. [Вернуться к статье](#)
5. Дитятин И. И. Столетие Санкт-Петербургского городского общества 1785–1885 гг. СПб. : Тип. Шрейдера, 1885. 403 с. [Вернуться к статье](#)
6. ПСЗРИ. Собрание 1-е: Т. 23, СПб., 1830. 1034 с. [Вернуться к статье](#)
7. Вішнеўскі А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (IX – пачатак XX ст.): курс лекцый. Мінск : Акад. МУС, 1996. 205 с. [Вернуться к статье](#)
8. ПСЗРИ. Собрание 1-е: Т. 24, СПб., 1830. 1083 с. [Вернуться к статье](#)
9. Магдэбургскае права на Беларусі : матэрыялы навук. канф., прысвеч. 500-годзю выдачы гораду Мінску граматы на Магдэбургскае права (Мінск, 26 сак. 1999 г.) / пад рэд. Акад. М. В. Касцюка. Мінск : Ін-т гісторыі, 1999. 258 с. [Вернуться к статье](#)
10. ПСЗРИ. Собрание 1-е: Т. 22, СПб., 1830. 1168 с. [Вернуться к статье](#)
11. Немировский А. Реформа городского самоуправления. СПб., 1908. 172 с. [Вернуться к статье](#)
12. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Фонд. 299. Оп. 1. Д. 208. [Вернуться к статье](#)
13. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Фонд 182. Оп. 1. Д. 1. [Вернуться к статье](#)
14. Большой юридический словарь / В. Н. Додонов [и др.]. М. : Инфра-М, 2001. 790 с. [Вернуться к статье](#)
15. Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России IX–XIX ст. СПб., 1910. 250 с. [Вернуться к статье](#)
16. Кизеветтер А. А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. М., 1909. 473 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.12:321 (476)

ПЫТАННІ ПАВАГІ ДА ЗАКОНУ Ў ПАЛІТЫКА-ПРАВАВОЙ ДУМЦЫ БЕЛАРУСІ XVI–XVII СТАГОДДЗЯЎ

I. У. Вішнеўская

дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь
e-mail: Irina-w55@mail.ru

Анотацыя. У артыкуле аналізуецца праблема праваразумення, прымянення права, законнасці і справядлівасці юрыдычных рашэнняў, выбару паміж строгім падпарадкаваннем суддзяў закону і магчымаму адыходу ад яго дзеля справядлівасці, узнятыя правазнаўцамі рэнесансавай Беларусі.

Ключавыя словы: адраджэнне, права, закон, справядлівасць, правапрымяненне, прававая культура.

Annotation. The article analyzes the problems of law understanding, the application of law, legality and fairness of legal decisions, the choice between strict subordination of a judge to the law or a possible departure from it in the name of justice raised by legal scholars of the Renaissance Belarus.

Keywords: revival, law, law, justice, law enforcement, legal culture.

XVI стагоддзе — гэта час, які вызначаецца агульнаеўрапейскімі ідэалагічна-цывілізацыйнымі працэсамі — Адраджэннем і Рэфармацыяй. Менавіта пад уздзеяннем рэнесансава-гуманістычных ідэй і вучэнняў фарміруецца менталітэт беларускай інтэлектуальнай эліты XVI–XVII стагоддзяў, што ў сваю чаргу ўплывае на спецыфіку яе прававых поглядаў. Беларускія мысліцелі ставілі і імкнуліся вырашаць такія актуальныя праблемы, як сутнасць права і яго паходжанне, суадносіны маралі і права, палітычная і прававая свабоды, прававая няроўнасць і прававы статус саслоўяў, сутнасць закону і прававой дзяржавы, законапраўе і беззаконне, юрыдычная адказнасць, інтэрпрэтацыя і рэалізацыя закону, суадносіны духа і літары закону і інш.

У цэнтры айчыннай прававой канцэпцыі знаходзілася разуменне натуральнага права як норм паводзін, абумоўленых, з аднаго боку, прыродай, а з другога боку, боскімі законамі (прадпісаннямі Бібліі). Такі падыход да трактоўкі натуральнага права быў сфармуляваны пад уздзеяннем як рымскага права, так і поглядаў юрыстаў сярэднявечча, у першую чаргу Фамы Аквінскага. Згодна з антрапацэнтрычнай канцэпцыяй, якая фарміравала рэнесансава-гуманістычны светапогляд мысліцеляў XVI стагоддзя, чалавек не можа слепа прытрымлівацца боскай наканаванасці, а павінен, сутыкнуўшыся з праблемамі,

разлічваць на ўласныя сілы, самастойна тварыць свой лёс. Такі падыход не мог не адбіцца на разуменні права, якое ў палітыка-прававой думцы Беларусі разглядаемага перыяду атаясамліваецца з законам, які забяспечваецца дзяржаўным прымусам. Разам з тым, безумоўна, прызнаецца і боскі пачатак. Законам боскім падпарадкаваны ўладары дзяржаў, іх улада не распаўсюджваецца на законы Усявышняга. Такім чынам, краевугольным каменем праваразумення эпохі Адраджэння выступае дуалізм боскага (пазаямнога) і чалавечага (зямнога) [1, с. 56].

Характэрнай рысай прававой думкі рэнесансавай Беларусі было зацвярджэнне асноватворнай для цывілізаванага грамадства ідэі законнасці, якая знайшла сваё месца ў творчасці Ф. Скарыны, працах М. Літвіна, А. Волана, С. Буднага, С. Сапегі, П. Раізія і інш. Айчынныя мысліцелі былі ўпэўнены, што для панавання справядлівасці неабходны дасканалыя законы, а таксама, прафесійная дзейнасць па іх рэалізацыі, якая павінна ажыццяўляцца суддзямі і прадстаўнікамі ўрадавых структур на падставе законнасці і добрасумленнасці. Напрыклад П. Раізія у працы «Заклучэнне Петра Раізія, каралеўскага юрысконсульта, аб справах, якія былі заслуханы ў судовых пасяджэннях Літвы і аб абскарджанні судовых рашэнняў» падрыхтаванай у 1563 годзе, адзначаў, што для панавання справядлівасці, акрамя дасканалых законаў, вельмі важнай з'яўляецца дзейнасць урадавых структур, якія праводзяць законы ў жыццё, бо справядлівай трэба лічыць не тую дзяржаву, якая мае законы і пэўнае права, а тую, «якая ўжывае законы і пэўнае права» [2, с. 301]. Дарэчы, вышэй адзначаны трактат П. Раізія, у якім аналізаваліся праблемы правапрымянення на падставе судовай практыкі вышэйшых судов ВКЛ і тлумачэння рымскіх юрыстаў, меў шырокі рэзананс сярод еўрапейскіх правазнаўцаў і друкаваўся ў XVI стагоддзі тры разы — у Кракаве, Франкфурце-на-Майне, Венецыі [2, с. 301].

Беларускія гуманісты ставілі пытанні аб законнасці і справядлівасці судовых рашэнняў, аб строгім падпарадкаванні суддзі закону і магчымому адыходу ад літары закону ў імя справядлівасці. Разам з тым яны падкрэслівалі, што права судзейскага меркавання можна даверыць толькі добра адукаваным і выхаваным у духу закону суддзям. Напрыклад, Ф. Скарына лічыў, што ў інтарэсах «дабра паспалитага» на пасады суддзяў неабходна прызначаць такіх службовых асоб, якія адрозніваюцца законапаслухмянасцю, не атрымліваюць хабару і не ператвараюць свае пасады ў крыніцу асабістага ўзбагачэння. «Да судять людей судом справедливым, и да не уклоняться ни на жадную старану, и да не зрять на лица, и не принимают даров» [3, с. 115]. Настойваў на прымяненні ў судаходстве прынцыпаў законнасці і справядлівасці С. Будны, які лічыў іх галоўнымі атрыбутамі дзяржаўнага жыцця. Характарызуючы вобраз

суддзі, ён засяроджаў увагу на такіх яго якасцях, як богабоязь, справядлівасць, сумленнасць, міласэрднасць: “Яны мусяць ведаць законы, мець высокую адукацыю, быць акуратнымі і спраўнымі, а галоўнае — не ласымі на чужое і не хцівымі” [4, с. 208].

Аб святым абавязку службовых асоб, у прыватнасці суддзяў, дзейнічаць на карысць грамадства і дзяржавы разважаў А. Волан. У трактаце “Пра дзяржаўнага мужа і яго асабістыя дабрачыннасці” ён пісаў: “Вялікай пахвалы ў справядлівасці годны той, хто захоўвае непарушнасць устанавленняў і законаў краіны, і, паколькі ў іх закладзены даброты дзяржавы, не дазваляе нікаму ліхадзею парушаць іх” [5, с. 78]. Волан разглядаў суддзю як своеасаблівага ахоўніка права і лічыў, што ён павінен быць праўдзівым і мудрым, каб яго памылкі і дурасці не прынеслі вялікай шкоды грамадзянам. Мысліцель жадаў бачыць у суддзях непрадузятых абаронцаў інтарэсаў усіх людзей, таму патрабаваў прызначаць на пасады судзей асоб адукаваных, добра ведаючых права.

Спадзяванні вялікіх рэнесансавых мысліцеляў знаходзілі водгук у дзяржаўным заканадаўстве і судовай практыцы. Так, у звароце да ўсіх саслоўяў Вялікага Княства Літоўскага з нагоды выдання Статута 1588 года падканцлер Леў Сапега заклікаў сачыць, каб «... у суды і ў трыбуналы выбіралі не толькі людзей добрых, якія гэтыя правы нашы добра ведаюць, але богабаязных і дабрадзейных, якія б не для карысці сваёй і на шкоду бліжняга з-за сквапнасці сваёй і для падарункаў правы скажалі, але, простым парадкам ідучы, святой праўды і справядлівасці прытрымліваліся...» [6, с. 16]. Патрабаванні да суддзяў, выказаныя мысліцелямі Вялікага Княства Літоўскага, адбіліся ў дзяржаўным заканадаўстве. Так, у артыкуле 1 Р.IV Статута 1588 года замацавана прысяга суддзі і падсудка земскага павятовага суда, у якой адзначаны абавязак апошніх судзіць: «...не даючы паблагжкі высокім і ніжэйшым станам, не гледзячы на тых, хто мае дастойныя чыны і пасады, на багатага і на беднага, на прыяцеля кроўнага захаванага, ані на непрыяцеля, ... не са страху, не за хабар і дары, ані спадзеючыся на дары, ... ані баючыся пакарання, помсты і пагроз, але самога Бога і яго святую справядлівасць, і права агульнае, і сумленне сваё перад вачамі маючы...» [6, с. 60–61].

Такім чынам, рэнесансавыя мысліцелі Беларусі лічылі, што права судзейскага меркавання пры вынясенні рашэнняў можа быць дадзена толькі асобам, ведаючым законы краіны і валодаючым высокімі маральнымі якасцямі.

Найбольш дакладна праблемы законапраўя і беззаконня, юрыдычнай адказнасці, інтэрпрытацыі і рэалізацыі закону, суадносін духу і літары закону распрацаваны ў творы А. Волана «Аб грамадзянскай або палітычнай свабодзе» (1571 г.). Праўдзіваць закона Волан, як і Скарына, Будны і Сапега, бачыў у

адпаведнасці яго прынцыпу справядлівасці. Разам з тым, мысліцель быў упэўнены, што гэты прынцып можа быць рэалізаваны пры ўмове адэкватнай інтэрпрытацыі закона. А. Волан папярэджаў тых, хто ажыццяўляе правасуддзе, што абстрактнае тлумачэнне закона, якое не ўлічвае абставін здзяйснення злачынства, можа прывесці да парушэння справядлівасці. Ці магчыма караць смерцю злодзея, пытаў правазнаўца, якога падштурхнулі да крадзяжу жабрацтва і голад? Калі ў дадзеным выпадку суддзя выносіць смяротны прысуд, кіруючыся літарай закону «будуць усе падставы сказаць, што суддзя не разумее сутнасці добра і справядлівасці, а таму хутчэй парушыў закон, чым выконваў належным чынам усе яго патрабаванні» [7, с. 89]. На думку Волана, усялякая няяснасць і нявызначанасць у законе павінна служыць падставай яго тлумачэння на карысць абвінавачванага і змякчэння юрыдычнай адказнасці апошняго пры вынясенні прысуду.

Мысліцель быў упэўнены, што любы закон застанецца фікцыяй, калі няма ўлады, якая яго рэалізуе. Манарх, які стаіць на чале дзяржавы, павінен быць мудрым, дасведчаным ахоўнікам законаў і разумным іх інтэрпрэтатарам. Справядлівасць у грамадстве, вучыў А. Волан, забяспечвае, па-першае, існаванне законаў, створаных на карысць жыхароў краіны і, па-другое, жаданне ўладатрымальнікаў накіроўваць гэтыя законы на агульнае дабро.

Важна адзначыць, што заканадаўства краіны паслядоўна арыентавала судаводства на рэалізацыю прынцыпа — ніхто не можа быць асуджаны без віны. Гэты прынцып быў замацаваны ў нормах прывілея 1447 года, Суддзевнікі 1468 года, першага і другога Статутаў. У Статуце 1588 года ён набывае тое гуманістычнае значэнне, якога патрабавалі рэнесансавыя беларускія мысліцелі. Заканадаўца прадпісвае суддзям у выпадку ўзнікнення сумнення ў вінаватасці падсуднага схіляцца да вызвалення яго ад пакарання: «...склоннейшы маець быти ку вызволенью, нижли ку каранью» (р. XIV, арт. 3) [8, с. 332].

Такім чынам, аналізуючы праблемы законнасці і правапарадку, мысліцелі рэнесансавай Беларусі зыходзілі з палітычнай і прававой рэчаіснасці Вялікага Княства Літоўскага, існуючых праблем у прававой адукацыі, законатворчасці, судовай сістэме. Тэарэтыка-прававая база, створаная мысліцелямі-правазнаўцамі беларускага Адраджэння, садзейнічала распаўсюджванню прававых ведаў, фарміраванню адной з самых дасканалых прававых сістэм у Еўропе, рэфармаванню судовага ладу дзяржавы.

1. Вішнеўскі А. Ф., Вішнеўская І. У. Правапрымяненне ў палітыка-прававой думцы Беларусі эпохі Адраджэння // Труд. Профсоюзы. Общество. 2018. № 2 (60). С. 56–60. [Верну́ться к ста́тье](#)

2. Дзербіна Г. В. Права Вялікага Княства Літоўскага ў кантэксце агульнасці і разнастайнасці романа-германскай прававой сям’і // Гісторыя і сучаснасць:

беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнееўрапейскім цывілізацыйным кантэксце : зборнік навуковых прац, прысвечаных 90-годдзю з дня нараджэння прафесара И. А. Юхо / рэдкал. : С. А. Балашэнка (гал. рэд.) і [інш.] Мінск : Бизнесофсет, 2012. С. 300–307.

[Вернуться к статье](#)

3. Скарына Ф. Прадмовы і пасляслоўі. Мінск : Навука і тэхніка, 1969. 240 с.

[Вернуться к статье](#)

4. Будны С. Вызнанне хрысціянскага збору Вялікага Княства аб уладзе і ўсялякім урадзе коратка пацверджанае святым пісьмом // Саверчанка І. В. Сымон Будны — гуманіст і рэфарматар. Мінск : Універсітэцкае, 1993. С. 202–211.

[Вернуться к статье](#)

5. Белорусские мыслители XVI–XVII вв. : Избранные труды. Минск : ред. жур. “Промышленно-торговое право”, 2017. 320 с. [Вернуться к статье](#)

6. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. / пер. на бел. мову А. С. Шагун. Мінск : Беларусь, 2002. 207 с. [Вернуться к статье](#)

7. Волян А. Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе; пер. з лацін. мовы Ул. Шатона. Мінск : Зміцер Колас. 2009. 142 с. [Вернуться к статье](#)

8. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года: Тэксты. Давед. Камент. Мінск : БелСЭ, 1989. 573 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 342. 4 +94 (476)

ВЛИЯНИЕ СОВЕТСКИХ КОНСТИТУЦИЙ 1936 И 1977 гг. НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

А. А. Воробьев

доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат исторических наук, доцент,
Могилевский институт МВД (Беларусь)

Аннотация. Статья посвящена влиянию двух последних советских Конституций (1936 и 1977 годов) на формирование правовой культуры белорусского общества. Автор проводит сравнительный анализ положений указанных советских конституций, которые касались избирательных прав и свобод граждан БССР на протяжении двух третей XX столетия. На основании проведенного анализа был сделан вывод о том, что содержание Конституции 1977 г. было гораздо ближе к реальной жизни советских людей, чего нельзя сказать о Конституции 1936 г.

Ключевые слова: Конституция, влияние, культура, избирательные права, граждане, БССР, СССР.

Annotation. The article is devoted to the influence of the last two Soviet Constitutions (1936 and 1977) on the formation of the legal culture of the Belarusian society. The author conducts a comparative analysis of the Soviet constitutions' provisions that concerned the electoral rights and freedoms of citizens of the BSSR during the two-thirds of the twentieth century. It is concluded that the content of the 1977 Constitution was much closer to the real life of the Soviet people, which cannot be said about the 1936 Constitution.

Keywords: Constitution, influence, culture, electoral rights, citizens, the BSSR, the USSR.

Правовая культура белорусского общества в советский период времени претерпела значительные изменения, которые были законодательно закреплены в целом ряде советских конституций, среди которых наиболее видное место занимают Конституции 1936 и 1977 гг. Первые советские конституционные акты (Конституция РСФСР 1918 г. и Конституция СССР 1924 г.) надежно и на значительный период времени закрепили в правовом сознании белорусского общества, как, впрочем, и всего советского общества, деление в правовом отношении всего общества на две большие, неравнозначные и неравноправные части: 1) представителей бывших эксплуататорских классов, лишенных значительной части прав, включая и избирательных; 2) представителей бывших эксплуатируемых классов, получивших после Октябрьской революции всю полноту прав. Последние оказались в роли тех, как было сказано в гимне «Интернационал», — кто был ничем, тот станет всем. Так, в четвертом разделе конституции РСФСР 1918 г., согласно статье шестьдесят пятой, не имели избирательных прав, т. е. не могли избирать и не могли быть избранными следующие ка-

тегории населения: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служители и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором [1, с. 9]. Такого рода разделение общества существовало довольно значительный отрезок времени, как во всем Советском Союзе, так и в БССР как составной его части (около двадцати лет). Новые изменения в правовом сознании белорусского общества были связаны с событиями начала 30-х гг. XX века, когда не выдержала испытания временем проводимая большевистской партией политика по отношению к крестьянству, упорно не желавшему жить по выкладкам новых, партийно-коммунистических экономистов и стратегов. Ответом на пассивное противодействие крестьянства политике правящей коммунистической партии стали массовые репрессии, которые большевистское руководство во главе со Сталиным обрушило на крестьянство, которое к началу 30-х годов прошлого столетия составляло подавляющее большинство населения, как ССР, так и БССР. Семьи раскулаченных крестьян были лишены всех политических прав, включая и избирательные. Ныне хорошо известно, что раскулачивание велось в большинстве случаев абсолютно необоснованно, так, по уточненным данным, на 1930 г. в СССР кулаков было только 2 % от общей численности крестьянства. Раскулачено же было от 15 % до 25 % всех крестьян, в зависимости от плодородия почв в том или ином регионе. Беларуси еще относительно «повезло», так как из-за низкого плодородия земель в республике было раскулачено около 15 % всех крестьян, тогда как в черноземных регионах Советского Союза (на Украине, в Центрально-черноземном регионе, в Поволжье, на Дону, Кубани и на юге Сибири) численность раскулаченных и была максимальной. Так называемое «поражение в правах» самих раскулаченных и их ближайших родственников было официально закреплено юридически в новой советской Конституции 1936 г., справедливо получившей прозвище сталинской. Статья сто тридцать первая Конституции СССР 1936 г. определила, что лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются «врагами народа» [1, с. 19]. Толкование указанного понятия было весьма неопределенным и очень широким, дающим возможность применить репрессивные меры по отношению даже к тем, кто был заподозрен в отсутствии симпатий к правящему режиму. Вместе с тем в этой

Конституции уже отмечалось, по сравнению с предыдущими, укрепление социальной основы власти и большее единство общества. Это нашло отражение в статье третьей, где говорилось, что вся власть в стране принадлежала трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся [1, с. 23]. В этом положении уже был шаг вперед, хотя и небольшой, так как по-прежнему все население делилось на две категории: трудящихся и нетрудящихся. Значительный прогресс и в деле единения общества и в деле формирования правового сознания и правовой культуры населения Советского Союза и БССР был достигнут в период с 1936 до 1977 гг. За сорок лет в стране произошли огромнейшие изменения. Была упразднена в 50-е гг. созданная Сталиным система лагерей, где содержались не только действительные противники господствующей коммунистической партии, но и главным образом невинные люди, попавшие в лагерь по стандартному для 30-х гг. обвинению в том, что они являлись «врагами народа». Благодаря хрущевской оттепели реальные политические права, включая избирательные, получили практически все граждане, за исключением умалишенных и немногочисленных диссидентов. Новое положение вещей было закреплено в Конституции 1977 года. Статья вторая новой Конституции гласила, что вся власть в СССР принадлежит народу [1, с. 33]. Соответственно, Советы депутатов трудящихся были преобразованы в Советы народных депутатов, а также в Конституции утверждалось, что в Советском Союзе сформировалась новая историческая общность людей — советский народ.

В заключение можно сделать следующие выводы. Все советские конституции, за исключением конституции 1977 года, существенно ограничивали политические права и свободы населения Беларуси и всего СССР. Ограничения были обусловлены, с одной стороны, гражданской войной в России, а, с другой стороны, решениями правящей, ставшей вскоре единственной и господствующей, большевистской коммунистической партии, которая проводила невиданный ранее в истории социально-экономический эксперимент по построению в одной стране нового, бесклассового общества. Только по прошествии шестидесяти лет после Октябрьской революции в Советском Союзе и Беларуси были созданы предпосылки для формирования реального, а не декларативного, гражданского общества. Еще больше условий для его формирования в Беларуси, да и во всех бывших союзных республиках СССР появилось после исчезновения Советского Союза с политической карты мира, однако процесс формирования правового гражданского общества в любой стране мира не является чем-то раз и навсегда данным, поэтому в нынешней Республике Беларусь он также неизбежно будет развиваться.

1. Памятники российского права. В 35 т. Т. 24. Конституции СССР и РСФСР: учеб.-науч. пособие / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2016. 3444 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 378.016:34-057.875

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ СРЕДНЕВЕКОВОГО БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Т. С. Дьячкова

старший преподаватель кафедры общей теории
права и гуманитарных дисциплин,

Могилевский филиал ЧУО «БИП — Институт правоведения» (Беларусь)

e-mail: tadechka@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается формирование правовой культуры студентов в период вхождения Беларуси в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Освещены вопросы о необходимости развития правовой науки в жизни общества представленного периода.

Ключевые слова: правовая культура студентов, юридическое образование, правовое воспитание.

Summary. In article formation of legal culture of students during inclusion of Belarus in structure of Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian Commonwealth is considered. Questions of need of development of legal science for life of society of the presented period are taken up.

Keywords: legal culture of students, legal formation, legal education.

Правовую культуру можно рассматривать как важнейший результат общегуманистических завоеваний человечества. Процесс формирования правовой культуры на землях Беларуси имеет свои особенности на разных исторических этапах.

Предпосылки для формирования правовой культуры молодежи были созданы уже в период вхождения территории Беларуси в состав Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) и Речи Посполитой (вторая половина XIII — конец XVIII вв.).

В данный период законодательно закрепляется принцип правового суверенитета (верховенства закона), который проявляется через распространение юрисдикции государственных законов на всю территорию княжества и обязательность их исполнения для всех слоев населения. Характерной особенностью правового суверенитета является обязательность следования закону для высшей особы в системе государственной власти великого князя. По выражению Льва Сапеги, «законы в первую очередь нужны царской особе, чтобы не превратиться в тирана» [1, с. 3].

Концепция правового суверенитета, получившая закрепление в нормативных правовых актах эпохи Ренессанса XVI в. (Статуты ВКЛ) и эпохи Просвещения (Конституция Речи Посполитой 3 мая 1791 г.) и др., оказывала значительное влияние на правовую мысль и правовую культуру этого периода [2, с. 14]. Нравственно-правовому воспитанию населения способствовало законодательно закрепленное самоуправление на разных уровнях общественной жизни: магдебургское право, шляхетское самоуправление, а также сельское самоуправление. Различные социальные группы получили право участия в органах самоуправления, что создавало условия для знакомства их с нормами морали и права, опытом правотворчества и правоприменения.

Первые сведения о белорусских студентах, которые изучали право, появляются с 1387 года. Связаны они с открытием в Праге Литовской коллегии (бурсы) для двенадцати студентов из ВКЛ. Инициатива бурсы принадлежала первой жене Верховного князя ВКЛ и короля Польского Ягайлы Ядвиге. На деньги королевы был куплен специальный дом, где жили студенты, и осуществлялось их обучение. С началом гуситских войн белорусские студенты переехали из Праги в Краков, где была открыта Литовская коллегия пражского профессора Яна Иснеры. В последующем подготовка юридических кадров для ВКЛ шла через западноевропейские университеты, частично через Святоянскую школу гражданского права, открытую в Вильне в 1566 году, а также через Кальвинистские и Арианские школы, открытые на территории современной Беларуси в период Реформации. Примерами таких школ были Слуцкое кальвинистское училище, Арианские школы Несвижа, Лоска, Новогрудка. Значительное количество юристов готовили в частных школах (палестрах), где осуществлялась теоретико-практическая подготовка у опытных юристов-практиков. Во время учебы студенческая молодежь ВКЛ не только получала профессиональные навыки, но и изучала Римское право и знакомилась с трудами античных мыслителей [1, с. 4].

XVI–XVII вв. становятся периодом становления юридического образования на землях Беларуси. В 1579 году в ВКЛ была открыта Виленская иезуитская академия, которая по своему статусу приравнивалась к Краковскому университету. В 1614 году на базе этой академии был открыт юридический факультет, который спонсировался К. Сапегой, сыном выдающегося правоведа и государственного деятеля Льва Сапегы. Естественно, это способствовало распространению правовой культуры среди населения ВКЛ и в первую очередь среди таких сословных групп, как шляхта и мещанство. Одной из первых гимназий на территории белорусских земель была Слуцкая гимназия, которая уже в XVII в. завоевала известность и славу далеко за границами Беларуси как «Слуцкие Афины», «Образцовая Слуцкая гимназия». В гимназии создавались

условия для правового воспитания гимназистов, были определены их права и обязанности. Так, гимназистами, в соответствии со Статутом, могли стать практически все способные подростки независимо от вероисповедания и социального происхождения.

В юридических учреждениях высшего образования в это время происходит разделение правопонимания на естественно-правовое и позитивистское, а также возникают первые признаки рационалистической правовой культуры буржуазного общества (Е. В. Алешина).

Переворот в правовом образовании и правовом воспитании происходит в сторону светскости, чему способствовала реформа сферы образования в ВКЛ, начавшаяся в 1773 году. В ходе реформы учебные заведения всех уровней переходили на светские программы обучения. Учителя-монархи заменялись светскими преподавателями. В систему образования вводились принципы и идеи государственной правовой политики и практики. В XVIII в. иезуитская Академия также получает светский характер и новое название — Главная школа ВКЛ. Преподавателями юридического факультета были ведущие правоведы-физиократы К. Богуславский, И. Страйновский и др. Университетский совет во главе с ректором И. Страйновским, известным профессором права, получил широкую автономию. Он имел право избирать профессоров, деканов и ректоров, имел свой суд, свою цензуру и печать [3, с. 97].

Правовая культура этого периода ярко представлена в творчестве мыслителей Ренессанса, Реформации, Контрреформации и Просвещения, в том числе С. Будного, А. Волана, А. Загурского, Т. Костюшки, К. Нарбута, А. Олизоровского, С. Полоцкого, И. Рутского, Ф. Скорины, Л. Сапеги, А. Филиповича и др. В трудах мыслителей Беларуси эпохи Ренессанса поднимаются такие идеи, как гарантированное законом право на жизнь и собственность, индивидуальная ответственность человека за совершенное правонарушение, верховенство закона и равенства всех перед законом и судом, независимость индивидуальных религиозных убеждений, демократизм религиозно-церковной жизни [3, с. 37].

В Эпоху Контрреформации остро поднимались проблемы, связанные с правом человека на свободу вероисповедания, которая выступала гарантией культурной особенности народа и способом оптимального решения возможных социально-политических, национальных и религиозных конфликтов в поликонфессиональной, многонациональной стране [4, с. 58].

Под воздействием идей Просвещения, для которого характерна абсолютизация ценностей образования, науки и культуры, в отечественной науке формируются взгляды на роль морали, права и законодательства в жизни общества и государства. Белорусские мыслители эпохи Просвещения (К. Богуславский,

А. Загурский, С. Полоцкий, И. Страйновский и др.) считали, что главными условиями реформирования общества являются, во-первых, введение в действие законов, которые основываются на естественном праве, во-вторых, обеспечение высокого уровня образованности граждан. Причем между уровнем законодательства страны и уровнем правовой образованности населения они видели прямую связь [3, с. 97].

Особый интерес представляют взгляды профессора Главной школы ВКЛ А. Загурского, высказанные им в речи перед студентами и преподавателями школы в 1761 году. Ученый характеризовал состояние судопроизводства и юриспруденции в Речи Посполитой как критическое, причиной чего он называл отсутствие элементарных знаний о морали и праве у чиновников и даже у судей. А. Загурский обращает внимание на то, что государство не стремится к развитию правовой культуры населения: не открываются специальные юридические школы, право не преподается в общеобразовательных учреждениях княжества. Ученый был убежден, что правовая неграмотность и отсутствие нравственной составляющей закона вместе с политическим и экономическим кризисом ведет к монархии и гибели государства. Знания морали и права, по мнению А. Загурского, особенно необходимы людям, которые выполняют общественные и государственные обязанности и в первую очередь судьям [4, с. 31–32].

В этой связи поставленные правоведами-просветителями вопросы о необходимости развития правовой науки в жизни общества, возведении закона на место самоуправления свидетельствуют о появлении в праве тенденций к пересмотру основ правовой политики и правовой культуры феодального государства.

Таким образом, представленный этап характеризуется формированием правовой культуры под воздействием идеологии эпох Ренессанса, Реформации и Просвещения. В этот период активизируется правотворческая деятельность государственных органов, создаются условия для знакомства населения с нормами морали и права, а также в систему правотворчества и правоприменения включаются органы самоуправления (шляхетские поветовые соймики, магистратские суды). Система образования формируется на основе местных традиций и заимствования зарубежного опыта. Создается система подготовки юридических кадров как через создание частных юридических школ, так и через общегосударственное университетское образование: Виленский иезуитский коллегиум — Виленская академия — Главная школа ВКЛ. Кроме того, активную подготовку юридических кадров для белорусско-литовского государства осуществляли разнообразные европейские университеты. Распространение идей Ренессанса, Реформации и Просвещения через систему научного обмена

сближают правовую культуру и идеологию белорусских земель с западноевропейскими, в том числе и в сфере воспитания.

1. Тенденции развития юридической науки в Беларуси (к 80-летию Белорусского государственного экономического университета и 15-летию факультета права в БГЭУ) : материалы Междунар. студ. конф., Минск, 19–20 ноября, 2013 г. Минск : Экоперспектива, 2013. 232 с. [Вернуться к статье](#)

2. Васілевіч Р. А., Доўнар Т. І., Юхо І. А. Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі. Мінск : Права і эканоміка, 2001. 363 с. [Вернуться к статье](#)

3. Вішнеўская І. У. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі : дапамож. для студэнтаў вышэйш. навуч. устаноў. Мінск : Тэсей, 2004. 272 с. [Вернуться к статье](#)

4. Кутузова Н. А. Нация, религия, государство в полемической литературе Беларуси конца XIV – первой половины XVII вв. Минск, 1998. 110 с. [Вернуться к статье](#)

5. Zagorski A. Mowa o znacności, o potrzebie i pożytku jurysprudencji, albo prawey rostopności // J. Lukaszewicz. Historia szkół w Koronie i W. X. Litewskim od najdawniejszych czasów aż do r. 1794, t. IV. Poznań, 1852. P. 27–35. [Вернуться к статье](#)

УДК 338.2(476)

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕХОДА К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ В БССР (1921–1922 гг.)

С. Б. Кавцевич

преподаватель кафедры правовых дисциплин,
Могилевский институт МВД (Беларусь)
e-mail: kavtsevitch.serega@yandex.ru

Аннотация. В статье отмечаются сложности и особенности восстановления социально-экономического уровня БССР в начале 20-х годов XX века. Обозначаются пути выхода из кризиса. Отмечается помощь и взаимодействие с рядом соседних государств.

Ключевые слова: договор, промышленность, сельское хозяйство, социально-экономический.

Annotation. The article deals with the difficulties and features of the socio-economic restoration of the BSSR in the early 20-ies of XX century. The ways out of the crisis are indicated. Assistance and cooperation with a number of neighboring states.

Keywords: pact, industry, agriculture, socio-economic.

К 1921 г. в состав БССР входили Бобруйский, Борисовский, Игуменский (сейчас город Червень), Минский, Мозырский, Слуцкий уезды и г. Минск. Экономическое положение было крайне тяжелым. Как и в других советских республиках разрушения Гражданской войны усугублялись последствиями Первой мировой и Советско-польской войн, когда значительная часть территории Беларуси находилась под оккупацией как немецких, так и польских войск. Интервенты беспощадно грабили природные богатства и разрушали предприятия.

В результате в глубокий упадок пришло сельское хозяйство республики. Сокращение посевных площадей более чем на 30 % и снижение урожайности основных сельскохозяйственных культур привело к снижению валовой продукции земледелия по сравнению с 1913 г. на 50 %.

С 1917 по 1921 г. поголовье крупного рогатого скота сократилось с 315,5 тыс. до 189 тыс. [1, с. 32]. Причем, судя по документам Совета Народных Комиссаров (СНК) и Народного Комиссариата продовольствия (Наркомпрод) БССР, эти цифры не учитывали реквизиций, производимых воинскими частями без официального документального оформления. Количество лошадей уменьшилось на 44 %, овец — на 36 %, свиней — на 47 % [2].

Тяжелым было положение и в промышленности. На территории БССР из 220 национализированных предприятий работали только 122, остальные бездействовали [1, с. 23]. Тяжелым промышленным предприятиям не хватало рабочей силы, большинство работающих были заняты переработкой сельскохо-

зяйственной продукции и деревообработкой [3]. Однако из-за нехватки сырья и топлива выпуск продукции значительно сократился.

Ситуация в промышленности, разруха на транспортной системе привели к сокращению численности рабочего класса в два раза. Согласно сведениям статистического отдела Совета Народного Хозяйства (СНХ) БССР на 20 марта 1921 г. количество работающих и служащих составляло 4 676 человек, безработными числились 1 235 [1, с. 23].

Определенный отпечаток накладывала и особенность социальной структуры: преобладание сельского населения, многонациональный состав, отсутствие нужного числа квалифицированных рабочих рук.

Решить своими собственными силами социально-экономические трудности, с которыми столкнулась БССР в начале 20-х годов XX века, было крайне тяжело.

В этих исключительно сложных условиях значительную помощь республике оказала РСФСР, что способствовало укреплению их экономических связей. Вхождение БССР в 1922 г. в состав СССР обеспечило участие союзных государственных институтов и бюджета в восстановлении белорусского народного хозяйства.

Помощь была оказана практически на всех направлениях развития народного хозяйства. Так, согласно телеграмме Наркомпрода РСФСР Наркомпроду БССР о помощи посевным материалом от 9 марта 1921 года для посева яровых было передано 130 тыс. пуд. овса, 20 тыс. пуд. проса, 10 тыс. пуд. гречки.

К концу апреля 1921 г. из продовольственных запасов РСФСР было получено 304 вагона овса, 18 вагонов проса, 6 вагонов гречки, а так же семена садово-огородных культур и трав [1, с. 20].

Для проведения в жизнь мер, намеченных советской властью и улучшению состояния сельского хозяйства, в начале 20-х гг. в губерниях, уездах и волостях были созданы комитеты по расширению посевных площадей. Они составляли планы засева полей, содействовали улучшению работы учреждений, оказывающих помощь сельскому хозяйству, например, расширению ремонтных мастерских; организовывали помощь отстающим хозяйствам в уборке и обработке полей и т. д.

Для обеспечения сельскохозяйственными орудиями труда (в первую очередь для совхозов и колхозов) в Москве было погружено и отправлено: 25 тыс. пуд. железа, 42 пуд. зубьев для борон и 350 пуд. кузнечных и слесарных инструментов; на петроградских заводах — 25 тыс. кос и 20 тыс. зубьев для борон; на витебских заводах — 8 вагонов земледельческих орудий [1, с. 28].

Несмотря на ограниченные ресурсы, к весеннему севу 1921 г. РСФСР предоставила ссуду свыше 1 млн пуд. семенного зерна и картофеля. На ряде

предприятий были налажены изготовление и ремонт сельскохозяйственного инвентаря. Активное участие в оказании помощи крестьянству принимали воины Красной армии.

Признавая постановление IX съезда Советов РСФСР в области земельной политики, Президиум ЦИК БССР издал 14 января 1922 г. Декрет о свободном выборе форм землепользования. Декретом СНК БССР от 14 мая 1921 г. в республике была разрешена свободная продажа, покупка продукции сельского хозяйства и кустарной промышленности.

По мере возможности решались и другие вопросы, стоящие перед сельским хозяйством БССР. Постановлением Наркомпрода РСФСР от 9 мая 1921 г. удовлетворили: «...просьбу Белорусской республики об обеспечении лошадьми ...и рассмотреть вопрос об увеличении кредита» [4].

К весеннему севу 1922 г. Народный комиссариат земледелия (Наркомзем) РСФСР удовлетворил ходатайство Наркомзема БССР и предоставил следующий кредит семян:

Пшеница	1 837 пуд.;
Овес	134 490 пуд.;
Гречиха	20 476 пуд.;
Ячмень	30 825 пуд.;
Просо	520 пуд.;
Горох	15 011 пуд.;
Лен	1 353 пуд.;
Конопля	231 пуд.;
Картофель	248 632 пуд.

«Принимая во внимание крайнюю нуждаемость в семенном материале, в Белорусском Наркомземе поддержали перед Наркомпродом РСФСР об удовлетворении вышеназванной потребности сверх выдаваемой потребности» [5].

Еще одной интересной особенностью восстановления хозяйства БССР стал вопрос о землеустройстве трудовых евреев. Лишенные царским правительством права заниматься земледелием «...евреи, тем не менее, проявили себя вполне способными для этого дела» [6]. Для уравнивания числа трудоустроенного и нетрудоустроенного еврейского населения необходимо было трудоустроить 31 500 евреев. Из расчета при норме земли 1 дес. на душу, потребуется 31 500 дес. Причем 10 000 душ предполагалось устроить на «удобной земле», остальных 21 500 — на мелиоративной земле (10 000 — на заболоченных участках, 11 500 — на землях из лесного фонда). Согласно проработанной смете для заболоченных участков потребуется долгосрочный кредит на сумму не менее 485 971 руб. на производство мелиоративных работ, в течение года 109 105 руб. Этим кредитом покрывалась потребность в деньгах на 50 %,

остальные 50 % выплачивались населением. Эта просьба СНК БССР от 27 декабря 1924 г. Совнаркомом СССР была утверждена [6].

Ввиду недостаточности ресурсов, отпускаемых государством для развития белорусской промышленности, было принято решение о возможности снять с государственного снабжения некоторые предприятия, которые не коснулись бы обороноспособности [7].

В связи с этим Президиум ВСНХ выделил СНХ БССР на договорных началах для создания оборотных средств 20 млрд руб. Причем, 10 млрд руб. отпустить дензнаками, остальные — в виде производственного сырья и предметов оборудования. Также ВСНХ РСФСР обязал составить список предприятий швейной промышленности с указанием количества работников для их государственного обеспечения [8].

С целью достижения более высокой производительности труда была перестроена и работа промышленности. Все предприятия были разбиты на три, а с 1923 г. — на четыре группы. К первой группе относились крупные государственные предприятия, которые должны были работать на основе хозрасчета. Ко второй — государственные предприятия, по ряду причин подлежащие временной консервации. К третьей — предприятия, не имевшие государственного значения (могли отдаваться в аренду кооперативным организациям, а также и частным лицам). К четвертой — предприятия, подлежащие закрытию. Таким образом, концентрируя в своих руках наиболее крупные предприятия, государство обеспечивало возможность быстрого восстановления ведущих отраслей промышленности.

Одновременно были приняты меры к упрощению управления промышленностью. Были организованы групповые управления однородными по производству предприятиями, которые непосредственно подчинялись Совнархозу.

Одной из самых главных проблем в развитии и восстановлении промышленности БССР стал настоящий «кадровый голод». Это касалось практически всех отраслей народного хозяйства. В связи с войной в Беларуси разразилась чума, в августе 1921 было всего 17 врачей и 111 фельдшеров, наблюдался большой недостаток техников-землемеров: из необходимых 223 имелось 46; агрономов из необходимых 232 было 70 [9] и т. д. Чтобы обеспечить необходимое количество работников, зачастую использовали общественные работы.

Совнарком БССР засыпал СНК РСФСР запросами о возвращении в БССР уроженцев Беларуси. Однако и Правительство РСФСР не желало отпускать квалифицированных работников. Это заметно в проекте Постановления СНК РСФСР от 12 мая 1921 г.:

«1. Обязать Наркомтруд и Наркомпрос откомандировать в распоряжение Наркомпроса Совнаркома Белорусской республики всех работников Просвещения, уроженцев Беларуси.

2. В случае признания органами Наркомпроса РСФСР незаменимости такого работника...немедленно возбуждать вопрос по отсрочкам при Наркомтруде» [10].

Откомандированию также не подлежали преподаватели высших и специальных технических учебных заведений, которых не было в Беларуси, а так же лица, не владеющие белорусским языком [11]. Декретом СНК РСФСР от 26 августа 1921 г. приостанавливалось откомандирование сотрудников из рядов Красной армии [12].

Со своей стороны БССР также стремилась помогать и делиться с другими республиками. Это проявилось, например, во время борьбы с голодом в 1921 г., когда в результате засухи в Поволжье, на Северном Кавказе, юге Украины свыше 30 млн чел. остались без средств к существованию. В БССР приняли активное участие в сборе денежных средств, продовольствия, приняли свыше 2 тыс. детей из голодавших губерний, организовали в Саратовской губернии лечебно-питательный отряд на средства, собранные трудящимися БССР [1, с. 9]. Такие случаи взаимопомощи далеко не единичные. Осенью 1922 г. Совнархоз БССР, ссылаясь на хороший урожай, направил в Поволжье 100 000 пуд. хлеба и выполнил наряд на 500 000 пуд. [13].

Несмотря на успехи в восстановлении хозяйства, развитие сельского хозяйства, стабилизации инфляции, проблем в экономике оставалось достаточно много. Прежде всего это касалось товаров первой необходимости, еды, финансовых проблем. Здесь также сказывалась постоянная помощь РСФСР. Например, в ноябре 1921 г. Наркомпрод РСФСР предоставил на нужды снабжения Белорусской республики продовольственных пайков на 46 353 пуд. [14].

В июне 1922 г. были выделены дополнительные ассигнования на сельское хозяйство в размере 1,6 % от общей суммы [15].

1. Восстановление народного хозяйства БССР / З. И. Григоридзе [и др.]. Минск : Беларусь, 1981. 270 с. [Вернуться к статье](#)

2. НАРБ. Ф. 18. Оп. 3. Д. 3. Л. 65 (об). [Вернуться к статье](#)

3. НАРБ. Ф. 18. Оп. 3. Д. 3. Л. 66. [Вернуться к статье](#)

4. НАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1. Л. 15. [Вернуться к статье](#)

5. НАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 5. Л. 33. [Вернуться к статье](#)

6. НАРБ. Ф. 18. Оп. 3. Д. 9. Л. 102. [Вернуться к статье](#)

7. НАРБ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1. Л. 2а. [Вернуться к статье](#)

8. НАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 5. Л. 4. [Вернуться к статье](#)

9. НАРБ. Ф. 18. Оп. 3. Д. 3. Л. 67. [Вернуться к статье](#)

10. НАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1. Л. 6. [Вернуться к статье](#)

11. НАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1. Л. 8. [Вернуться к статье](#)
12. НАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1. Л. 108. [Вернуться к статье](#)
13. НАРБ. Ф. 18. Оп. 3. Д. 3. Л. 66 (об). [Вернуться к статье](#)
14. НАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1. Л. 103. [Вернуться к статье](#)
15. НАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 7. Л. 67. [Вернуться к статье](#)

СОДЕРЖАНИЕ

**РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ. ОСОБЕННОСТИ
СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ
ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ**

<i>Abikenova G. B.</i> Constitutional guarantees of the implementation of the rights of minors in the system of legal guarantees under the laws of the Republic of Kazakhstan	7
<i>Адамюк О. И.</i> Теоретико-правовые основы военной юстиции и военного законодательства в Республике Беларусь	14
<i>Белова Е. Ю.</i> К вопросу о значении классификаций международных правовых стандартов при исполнении наказания в виде лишения свободы в России	19
<i>Бородич А. И.</i> О правовой культуре международного сотрудничества в противодействии преступности	23
<i>Вершок И. Л.</i> Правовая неопределенность как социально-правовой феномен и теоретико-правовая конструкция	28
<i>Глинда А. И.</i> Системные связи института юридической ответственности с морально-религиозными социальными регуляторами	34
<i>Григорьева Е. Н.</i> Правовая культура как средство социальной стабильности	40
<i>Гришкевич О. В.</i> Эффективность международного права (доктринальный анализ)	44
<i>Гуйда Е. П.</i> Публичные обсуждения проектов нормативных правовых актов в нормотворческой деятельности: современное состояние	50
<i>Демидова И. А.</i> Правовые культурные ценности и традиции в характеристике правовой культуры общества	56
<i>Иванцова Ю. Г.</i> Соотношение понятия «механизм совершенствования информационного законодательства» со схожими понятиями	63
<i>Круглов В. А.</i> Стратегия сотрудничества органов государственного управления с местными органами власти: теоретический аспект	69
<i>Лебедев С. Я.</i> Взаимосвязь правовой и информационной культур в инновационном развитии современных систем общественной безопасности.....	73
<i>Мороз О. В.</i> Факторы, влияющие на правовое закрепление объектов стратегической экологической оценки, оценки воздействия на окружающую среду и государственной экологической экспертизы.....	79
<i>Овсянников П. Ю., Сердюкова Т. Ю.</i> Истоки теории разделения властей	85

<i>Репьев А. Г.</i> Правовая культура субъектов, обладающих специальным юридическим статусом и правовыми преимуществами: современные реалии.....	90
<i>Свиридов Д. А.</i> Построение частных методик расследования «новых» преступлений.....	95
<i>Сидорова Н. В.</i> Интеграция науки, образования и практики в условиях глобализации	100
<i>Сороковик И. А.</i> Особенности развития юридической науки и образования Беларуси в годы перестройки	104
<i>Сухопаров В. П.</i> Генезисные начала романо-германской правовой семьи (формально-правовой базис).....	110
<i>Хритин Р. Д.</i> Ценностная сущность охранительных норм права	116
<i>Шарая А. А.</i> Административно-процедурное право: определение понятия.....	120
<i>Швед Е. Н.</i> Понятие средств правотворческой техники	125
<i>Юсуфзода А. Х., Абдурахмонов Ф. Ф.</i> О системе субъектов правоохранительной деятельности (на примере Таджикистана).....	130

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

<i>Байтеленова С. Г.</i> Некоторые разграничения административной и уголовной ответственности по фактам неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта либо исполнительного документа....	136
<i>Бойко А. П.</i> Отдельные аспекты реализации полномочий дознавателя по уголовному процессуальному законодательству Украины.....	141
<i>Болокан И. В.</i> Здоровье как объект гражданско-правовой охраны и защиты	147
<i>Борейко Н. Н.</i> О практике применения органами пограничной службы положений части 3 статьи 9.1 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.	153
<i>Борис К. К.</i> Криминалистическое прогнозирование при раскрытии, расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров в сети Интернет.....	159
<i>Борщевская А. Э.</i> Право на товарный знак (торговую марку): содержательный аспект	164
<i>Бухориев Б. Р.</i> Отграничение торговли людьми от незаконного лишения свободы.....	170
<i>Вишневская Т. И.</i> Структура преступности пожилых людей в Республике Беларусь.....	174
<i>Воронецкая И. В.</i> Актуальные аспекты реализации прав граждан Республики Беларусь на земельные участки в городах	178

<i>Габа А. И.</i> Об особенностях предмета доказывания по делам о преступлениях несовершеннолетних	184
<i>Герасимчук Л. В.</i> Приказное производство в гражданском процессе Украины: проблемные вопросы.....	190
<i>Дазмарова Т. Н., Чёрная А. В.</i> Коррупция среди сотрудников УИС: причины и административно-правовые методы предупреждения и противодействия.....	194
<i>Данькова И. В., Выскребцев А. И.</i> Сравнительно-правовой анализ целей брачного договора как основа совершенствования регулирования брачно-договорных отношений	199
<i>Демидов А. А.</i> Органы государственной власти: понятие, признаки, конституционные принципы формирования и функционирования	203
<i>Елсаков И. В.</i> Совершенствование правового регулирования применения служебных собак в деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь	210
<i>Жук М. Г.</i> Значение экономической информации при изучении методов криминалистики	215
<i>Зятев Д. В.</i> Проблемные вопросы в организации служебной и профилактической деятельности участковых инспекторов милиции	220
<i>Иванчикова Л. Д.</i> Обеспечение конституционных прав несовершеннолетних, привлекаемых к административной ответственности, в Республике Беларусь	226
<i>Кимачев А. Н.</i> Внутреннее устройство и оборудование учреждений уголовно-исполнительных систем Российской Федерации и Республики Беларусь, осуществляющих принудительное содержание лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, как предмет нормативного регулирования.....	230
<i>Климова Е. И.</i> Виды информации, используемой при расследовании преступлений	236
<i>Ковалев В. М., Горностаева М. А.</i> Некоторые аспекты совершенствования законодательства, регулирующего деятельность ОВД	241
<i>Ковалевич А. Н.</i> К вопросу обработки персональных данных абонентов при использовании сетей беспроводного доступа	245
<i>Коломоец Т. А.</i> Ограничения как средство предотвращения коррупциогенных факторов в деятельности публичных служащих (нормотворческий опыт Украины)	250
<i>Колотилкин Ю. А.</i> Развитие административно-правового регулирования противодействия правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений, на современном этапе в Республике Беларусь.....	254
<i>Лазутина Л. Ф.</i> Значение института подведомственности в гражданском процессе	259
<i>Литвинов В. В.</i> Виды дознания в уголовном процессе Украины	264

<i>Лосев С. С.</i> Борьба с контрафакцией: гражданско-правовой аспект	269
<i>Маковий В. П.</i> Временные ограничения в договорах по передаче имущества в собственность (по законодательству Украины)	275
<i>Мамедов Р. Ю.</i> Актуальные проблемы правового регулирования испытания при приеме на работу	281
<i>Михайлов Д. И.</i> К вопросу о защите прав кредиторов недобросовестного лизингополучателя: аспекты компенсации ущерба, причиненного преступлением	288
<i>Михеева С. В.</i> Некоторые вопросы религиозного экстремизма в пенитенциарных учреждениях России	294
<i>Муравьев И. В.</i> Правовые основы противодействия терроризму по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации	298
<i>Нагорная Н. А.</i> Акции как объект общей совместной собственности супругов	303
<i>Николаенко И. Р.</i> Защита прав пассажиров при перевозках городским транспортом по законодательству Украины	308
<i>Новицкая М. В., Кошман А. А.</i> Забастовка как метод защиты коллективных трудовых прав и интересов работников профессиональными союзами	314
<i>Павлова Л. В.</i> Принесение извинения потерпевшему как средство реализации восстановительной функции уголовного закона	319
<i>Полякова Л. Г.</i> Теоретико-правовые подходы к определению понятия «кредитная организация»	326
<i>Пушко Н. В.</i> Роль и правовой статус управляющего по делам о банкротстве в Республике Беларусь: новеллы законодательства	326
<i>Ранько Е. Л., Стародубов В. В.</i> Особенности применения правовых норм в правоохранительной сфере	337
<i>Резниченко С. В.</i> Организация перевозок пассажиров автобусами: перспективы нормативно-правового регулирования	341
<i>Руденко А. С., Яковенко А. В.</i> Проблемы применения уголовного наказания в виде принудительных работ	347
<i>Рыбак С. В., Белько А. Э.</i> Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при подготовке и проведении обыска	350
<i>Самойленко Г. В.</i> Права пассажиров в ЕС и в Украине: тенденции нормативно-правового обеспечения	356
<i>Скобелев В. П.</i> Судебное обжалование действий государственных органов и должностных лиц в сфере земельных правоотношений: проблема выбора надлежащего вида правосудия	362
<i>Скуратов В. Г.</i> Права (требования) как элемент обеспечения исполнения обязательств по облигациям	368

<i>Скшидлевска Э. В.</i> Направление уголовного дела в медиацию на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства.....	372
<i>Становая О. В., Игнатенко А. Ю.</i> Рецепция института банкротства физического лица в законодательство Республики Беларусь	377
<i>Степанов О. В., Вабищевич А. Н.</i> Правовая оценка защиты прав потребителей в Республике Беларусь	383
<i>Титаренко М. В.</i> Стимул как эффективное средство регулирования деятельности лиц, уполномоченных на осуществление публично-властных полномочий (опыт Украины)	388
<i>Ткачев И. О.</i> Актуальные проблемы реформирования системы мер уголовно-правового характера по уголовному законодательству Российской Федерации	391
<i>Федченко В. М.</i> Обеспечение безопасности участников уголовного процесса как одна из составляющих обеспечения национальной безопасности Украины.....	397
<i>Халецкая Т. М.</i> Проблемы принятия наследства по истечении установленного срока: к вопросу о причинах пропуска срока.....	402
<i>Шахрай И. С.</i> О перспективах развития правовых форм вторичного землепользования	408
<i>Швайдюк С. А.</i> Проблемные и актуальные аспекты конкретизации признаков объективной стороны при ведении административного процесса по ч. 2 ст. 9.1 КОАП Республики Беларусь	414
<i>Шелков О. В.</i> Особенности ответственности авиаперевозчика за сохранность багажа пассажира.....	418
<i>Шилко Ж. А.</i> Анализ условий возможности проведения ускоренного производства в уголовном процессе	424
<i>Шлепанов Д. В.</i> Некоторые особенности организации деятельности операторов постов видеоконтроля и систем охранного телевидения	429
<i>Шукенов Н. С.</i> Согласование процессуальных решений на стадии досудебного расследования.....	435

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

<i>Андрианова А. С.</i> Роль развития академической компетентности курсантов в формировании умений научно-исследовательской деятельности	441
<i>Андросова В. В.</i> Особенности формирования психологической готовности к выполнению профессиональной деятельности у будущих сотрудников ОВД.....	446

<i>Вайда Т. С.</i> Современные направления усовершенствования профессиональной деятельности национальной полиции Украины как условие обеспечения соблюдения прав и основополагающих свобод человека	450
<i>Воропаев Д. А., Герасименко Р. В.</i> Формирование правовой культуры личности и правовое воспитание	460
<i>Данькова И. В.</i> Влияние психологических факторов на формирование отклоняющегося поведения несовершеннолетнего	464
<i>Дыжова А. А.</i> Правовое воспитание студенческой молодежи: проблемы и пути их решения	469
<i>Егорова Т. И., Сочивко О. И.</i> Особенности воспитательной работы с несовершеннолетними, содержащимися в следственных изоляторах	475
<i>Жолудев А. А.</i> Роль нотариата в формировании правовой культуры личности и общества	478
<i>Зорченко Е. А.</i> Правовое воспитание как ценностный компонент образовательного процесса	482
<i>Клим А. М.</i> Антикоррупционное образование и воспитание как способ повышения правовой культуры	488
<i>Ковальчук А. С.</i> Имидж сотрудника органов внутренних дел	494
<i>Корень Т. А.</i> Ролевой судебный процесс как форма повышения эффективности современного юридического образования (из опыта работы Могилевского филиала БИП — Институт правоведения)	499
<i>Кулик Л. Н., Кривега Д. В.</i> Проблема буллинга в украинских школах	504
<i>Куликова М. С., Кулаков А. В.</i> Правовое воспитание как одна из мер противодействия преступности в учреждениях УИС	509
<i>Ларкин М. А.</i> Молодежные неформальные группы (объединения) преступной направленности как проявление контркультуры	514
<i>Лещенко О. В.</i> К вопросу формирования правовой культуры обучающихся в российских ведомственных вузах Федеральной службы исполнения наказаний	518
<i>Мирошникова М. С.</i> Эстетико-правовое воспитание будущих офицеров полиции на занятиях английского языка	522
<i>Нагорная Л. А., Нагорный Н. Н.</i> Высокий уровень правовой культуры населения как условие инклюзии людей с ограниченными возможностями здоровья в современное российское общество	527
<i>Рябцева Л. А.</i> Значение и сущность стратегии в контексте профессионального образования курсантов	533
<i>Сатылганов Е. Т.</i> Общественные объединения в Республике Казахстан: теоретико-правовые и практические аспекты	537
<i>Чесноков А. А.</i> Значение традиционной культуры в формировании национального правосознания	545
<i>Юдин В. В.</i> Взятка глазами студентов	548

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

<i>Атрушкевич М. М.</i> Преобразования в законодательстве о городах на территории Беларуси и их влияние на правовую культуру мещан в конце XVIII века	551
<i>Вішнеўская І. У.</i> Пытанні павагі да закону ў палітыка-прававой думцы Беларусі XVI–XVII стагоддзяў	557
<i>Воробьев А. А.</i> Влияние советских конституций 1936 и 1977 гг. на формирование правовой культуры белорусского общества.....	562
<i>Дзячкова Т. С.</i> Формирование правовой культуры студентов в условиях средневекового белорусско-литовского государства Великого княжества Литовского и Речи Посполитой.....	565
<i>Кавцевич С. Б.</i> К вопросу об особенностях перехода к новой экономической политике в БССР (1921–1922 гг.)	570

[Вернуться к началу издания](#)